38
142

АКАДЕМИЯ РККА ИМ. М. В. ФРУНЗЕ

В. Ф. НОВИЦКИЙ

38
142

МИРОВАЯ ВОЙНА 1914—1918 г. г.

КАМПАНИЯ 1914 ГОДА В БЕЛЬГИИ И ФРАНЦИИ

ТОМ II

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

СССР Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ РККА им. М. В. ФРУНЗЕ

В. Ф. НОВИЦКИЙ

38—142

МИРОВАЯ ВОЙНА 1914—1918 г. г.

963

КАМПАНИЯ 1914 ГОДА В БЕЛЬГИИ И ФРАНЦИИ

Том II

(ОТ ЗАВЯЗКИ СРАЖЕНИЯ НА Р. МАРНЕ ДО УСТАНОВЛЕНИЯ ПОЗИЦИОННОЙ ВОЙНЫ)

(С 18-ю схемами вне текста)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1928

ГОС. РУСС. ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
317
10-1-1929
БИБЛИОТЕКА

Главлит 2806. ГИЗ 25194 Тираж 3200.

Типо-литография Военной Академии РККА им. М. В. Фрунзе.
Москва, Зубовская ул., д. 14. Телеф. 4-79-55.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стран.

Список картографических приложений.

Предисловие.

I. Введение . . . . . 1— 3

II. Сражение на Марне . . . . . 4— 62

1. **Накануне сражения** (5 сентября) (4—29).

Положение сторон к утру 5 сентября: а) англо-французские армии (4—5); б) германские армии (5—6). Директивы французского и германского главного командования от 4 сентября (6—12). Движения и действия сторон в течение 5 сентября на нижней Марне: а) передвижение 6-й франц. армии к востоку и первые бои с IV-м рез. корпусом противника (13—15); б) расположение английской армии (15—16). Последний переход к югу французских армий центра и правого фланга в течение 5 сентября: а) 6-я франц. армия, б) 9-я франц. армия, в) 4-я франц. армия, г) 3-я франц. армия (16—18). Общее положение союзников к вечеру 5 сентября (18—19). Преследование германцами французских армий в течение 5 сентября: а) I-я герм. армия (20—24); б) II-я герм. армия, в) III-я герм. армия, г) IV-я и V-я герм. армии (24—26). Общее положение германцев к вечеру 5 сентября (26—28). Район сражения (28—29).

2. **Первый день сражения** (6 сентября) (29—46).

Бои на правом берегу Марны между Дамартеном и р. Урком (29—32). Положение остальных войск I-й герм. армии и наступление англичан (32—36). Боевые действия II-й и III-й герм. армий против 5-й и 9-й французских (бои у Эстернэ и у сен-гондских болот (36—42). Боевые действия IV-й и V-й герм. армий против 4-й и 3-й французских, между Витри-ле-Франсуа и Верденом (бои на р.р. Соль и Орнэне и у Вердена (42—45). Итоги первого дня сражения (45—46).

Стран.

3. **Второй день сражения** (7 сентября) (46—62).

Боевые действия I-й герм. и 6-й франц. армий на Урке (46—50). Наступление англ. армии к Б. Морэну (50—51). Бои в районе Эстернэ—Монмирай и у сенгондских болот (51 — 56). Боевые действия между Витри-де-Франсуа и Верденом (56—59). Итоги второго дня сражения (59—62).

III. Сражение на Марне (продолжение) . . . . . 63—134

1. **Третий день сражения** (8 сентября) (63—82).

Бои на берегах Урка в течение 8 сентября (63—70). Сражения у Монмирайя и у Фэр-Шампенуаза (70—77). Боевые действия на верхней Марне, в Аргонах и на Маасе (77—80). Итоги третьего дня сражения (80—82).

2. **Четвертый день сражения** (9 сентября) (82—106).

Решение, принятое утром 9 сентября командующим II-й герм. армией (83—86). Наступление ген. Клука на Урке (87—88). Решение отвести I-ю армию к северу и мотивы этого решения (88—92). Боевые действия 6-й франц. и англ. армий 9 сентября (92—95). Боевые действия в районе Монмирайя и у Фэр-Шампенуаза (95—101). Боевые действия между верхней Марной и Маасом (101—104). Итоги четвертого дня сражения (101—106).

3. **Разбор и оценка сражения на Марне** (106—134).

Сражение на Урке (107—110). Сражение у Монмирайя (110—113). Сражение у Фэр-Шампенуаза (113—114). Сражение у Витри-ле-Франсуа (114). Сражение в Аргонах (114—115). Общая характеристика сражения на Марне (115—134).

IV. Отступление германских армий к северу и сражение на р. Эне . . . . . 135—185

1. **Отступление германского правого фланга к р. Эну** (10—12 сентября) (135—149).

Отступление I-й герм. армии и преследование ее 6-й франц и англ. армиями 10—12 сентября (135—142). Отступление II-й герм. армии и преследование ее 5-й французской 10—12 сентября (142—149). Положение сторон на западном фланге к 13 сентября (149).

2. **Боевые действия в центре и в Аргонах** (10—15 сентября) (150—160).

Отступление III-й герм. армии и преследование ее 9-й французской 10—15 сентября (150—155). Боевые действия между верхней Марной и Маасом 10—15 сентября (155—160).

Стран.

3. **Сражение на р. Эне** (13—15 сентября) (160—177).

Положение сторон на р. Эне к 13 сентября (160—162). Боевые действия 13 сентября: а) наступление 6-й франц. армии между Уазой и Суассоном (162—164); б) наступление англ. и 5-й франц. армий восточнее Суассона (164—166); в) введение в боевую линию герм. подкреплений в районе Краона (166—168). Боевые действия 14 сентября: а) наступление 6-й франц. армии на обоих берегах Уазы (168—170); б) бои по обе стороны уазо-энского канала (170 — 172); в) бои в районе Краона (172—175). Боевые действия 15 сентября (175—177).

4. **Оценка боевых действий сторон после сражения на Марне** (177—185).

Характерные особенности действий германцев (177—179). Боевые действия союзников (179—181). Оценка сражения на р. Эне (181—182). Первые признаки материального истощения сторон (182—183). Кризис германского главного командования (183—185).

V. Боевые действия в Лотарингии и в Вогезах . . . . . 186—201

Обстановка на фронте южных армий к 5 сентября (186—187). Сражение у Нанси 4—8 сентября (188—193). Боевые действия на фронте 2-й франц. армии до переброски ее в новый район (193—195). Боевые действия на фронте 1-й франц. армий (195—198). Оценка событий в Лотарингии и Вогезах в первой половине сентября 1914 г. (198—201).

VI. Бег к морю . . . . . 202—246

Зарождение обходных операций на правом берегу Уазы (202—203).

1. **Операции в районе р.р. Уазы и Соммы во второй половине сентября** (203—220).

Планы сторон на ближайшие дни (203—205). Боевые действия на обоих берегах Уазы и на верхней Сомме 16—18 сентября (205—206). Оценка боевых действий сторон (206—208). Сосредоточение противником новых сил и бои по обе стороны р. Соммы 19—28 сентября (208—210). Бои у Ласиньи 21 сентября (210—211). Бои у Руа 22 сентября (211). Бои у Перона, Шольна и Нэля 23—25 сентября (211—215). Бои у Бапома 26—28 сентября (215—217). Оценка боевых действий сторон (217—220).

Стран.

2. **Боевые действия по обе стороны р. Скарпы с 29 сентября по 9 октября** (сражение у Арраса) (220—231).

Развертывание 10-й франц. армии (220—221). Бой у Дуэ 1 октября (221—222). Новая организация французской конницы (222). Бои на обоих берегах р. Скарпы 2—4 октября (222—225). Объединение французского командования севернее р. Уазы (225—227). Бои 6-го и 7 октября у Ленса (227—230). Оценка боевых действий сторон (230—231).

3. **Боевые действия по обе стороны р. Лиса (сражение у Лилля) 10—15 октября** (231—242)

Переброска английской армии с р. Эна к верхнему Лису (231—234). Развертывание новых германских сил и бои южнее р. Лиса 10—11 октября (234—235). Бой у Лилля 12 октября (235—236). Попытка союзников наступать к Лиллю 13 октября (236—237). Перегруппировки обеих сторон, в связи с новыми планами (237—239). Оценка боевых действий сторон (239—242).

4. **Общий взгляд на характер операций бега к морю** (242—246).

VII. Переход к позиционной войне к востоку от р. Уазы . 247—264

1. **Боевые действия между Уазой и Маасом после сражения на р. Эне** (247—252).

Бои в районе Краона (248—249). Бои в районе Реймса (249—250). Бои в Аргонах и у Вердена (250—251). Общий взгляд на последние маневренные операции между Уазой и Маасом (251—252).

2. **Боевые действия на линии французских восточных крепостей** (252—264).

Замыслы германцев в отношении Вердена (252—253). Положение сторон к середине сентября и их планы для предстоящего наступления (253—255). Начало боевых действий на маасских высотах (255—256). Сосредоточение французами крупных сил к своему центру (256—257). Бомбардировка немцами маасских фортов и наступление баварцев к Сен-Мьелю (257—258). Бои в районе Сен-Мьеля 24—26 сентября (258—260). Ослабление боевой деятельности противников (260—261). Положение сторон в Лотарингии и Вогезах (262). Оценка боевых действий на правом берегу Мааса (262—264).

VIII. Атака и оборона Антверпена . . . . . 265—287

1. **Крепость Антверпен; боевые действия под крепостью до начала германской атаки** (265—272).

Значение Антверпена для обеих сторон (265—266). Описание крепости Антверпена (267—270). Боевые дей-

Стран.

ствия под крепостью до начала германской атаки (до 28 сентября) (270—273).

2. **Атака германцами Антверпена** (28 сентября—9 октября). (273—281).

Силы и намерения сторон (273—275). План германской атаки (275—276). Атака германцами фортов юго-восточного фронта (28 сентября—6 октября) (276—279). Бои на р. Шельде 4—5 октября (279). Последние дни Антверпена (7—10 октября (280—281).

3. **Отступление бельгийской армии от Антверпена к р. Изеру** (8—13 октября) (281—283).

Организация бельгийцами отступательного марша (281—282). Бой у Меля 10 октября (282—283).

4. **Разбор и оценка боевых действий в районе Антверпена** (283—287).

Причина бельгийских неудач при обороне крепости (283—285). Общий характер действий атаки и обороны (285—286). Помощь, оказанная Антверпену со стороны союзников (286—287).

IX. Сражение во Фландрии . . . . . 288—365

1. **Обстановка во Фландрии перед сражением** (288—298).

Положение сторон к 15 октября (288—289). Планы сторон для предстоящих действий во Фландрии (289—294). Силы сторон, сосредоточенные к середине октября во Фландрии (294—296). Район боевых действий во Фландрии (296—298).

2. **Развертывание сторон и борьба за исходное положение** (15—19 октября) (298—315).

Бельгийская армия на р. Изере с 15-го по 19 октября (299—302). Выдвижение французских войск за изеро-ипрский канал (302—306). Наступление англ. армии по обе стороны р. Лиса с 15-го по 19 октября (306—310). Развертывание IV-й герм. армии (310—313). Итоги оперативной подготовки обеих сторон для решительных боевых действий во Фландрии (313—315).

3. **Сражение на р. Изере** (20 октября—12 ноября) (315—325).

Первый период сражения, 20—24 октября (315—319). Второй период сражения, 25 октября — 1 ноября (320—323). Заключительные бои у Ньюпора и Диксмюда, 2—12 ноября (323—325).

4. **Сражение у Ипра** (20 октября—15 ноября) (325—359).

Первый период сражения, 20—29 октября (325—333), Организация французского встречного наступления с 23 октября (333—336). Боевые действия с 26-го по 29 октября (336—338). Оценка действий сторон в пер-

Стран.

вом периоде сражения (338—343). Второй период сражения у Ипра, 30 октября—15 ноября (343—344). Наступление группы ген. Фабека 30 октября (344—345). Неудачи союзников к югу от Ипра (345—347), Боевые действия 31 октября (347—349). Боевые действия 1—2 ноября (350—353). Ослабление германского натиска у Ипра (353—355). Последняя попытка германцев прорвать боевые линии противника (355—358). Прекращение боевых действий у Ипра (358—359).

5. **Разбор и оценка сражения во Фландрии** (359—365).

Действия германцев (359—364). Действия союзников (364—365).

X. Заключение . . . . . 366—420

Общий взгляд на кампанию 1914 года (366—370). Подвижность и маневренность современных массовых армий (370—372). Оперативное управление современными массовыми армиями (372—377). Происхождение позиционной войны (377—383). Восстановление боеспособности современных армий (383—384). Длительность современных боевых столкновений (384—385). Боевая деятельность отдельных родов войск: а) пехота (385—387), б) конница (387—390), в) артиллерия (390—392), г) технические войска (392—393). Встречные бои (393). Преследование (эксплоатация победы) (393—396). Маневренные комбинации и их относительное значение (396—399). Стратегические резервы (399—401). Роль железных дорог в связи с устройством тыла: а) у французов, б) у германцев (401—407). Кризис боевого снабжения (407—413). Крепости в их современном значении (413—418). Основные положения военного искусства в освещении опыта кампании 1914 года (418—420).

Список источников, послуживших для составления настоящего тома . . . . . 421—424

Картографические приложения.

№ 1. Накануне сражения на Марне. Положение сторон к утру и вечеру 5 сентября 1914 года.

№ 2. Сражение на Марне. Боевые действия сторон в течение 6 сентября 1914 года.

№ 3. Сражение на Марне. Боевые действия сторон в течение 7 сентября 1914 года.

№ 4. Сражение на Марне. Боевые действия сторон в течение 8 сентября 1914 года.

№ 5. Сражение на Марне. Боевые действия сторон в течение 9 сентября 1914 года.

№ 6. Отступление германского правого фланга с р. Марны 10—12 сентября 1914 года.

№ 7. Отступление германского центра и левого фланга 10—15 сентября 1914 года.

№ 8. Сражение на р. Эне 13—15 сентября 1914 года (с указанием сосредоточения и развертывания VII-й герм. армии).

№ 9. Боевые действия в Лотарингии и Вогезах с 4-го по 14 сентября 1914 года.

№ 10. Бег к морю. Операции в районе р.р. Уазы и Соммы, по обе стороны р. Скарпы и на р. Лисе, с 16 сентября по 15 октября 1914 года.

№ 11. Бои на правом берегу Мааса (в Вёвре и на маасских высотах) в сентябре 1914 года.

№ 12. Боевые действия под Антверпеном в августе и сентябре 1914 года (до атаки крепости германцами).

№ 13. Крепость Антверпен и атака ее германцами с 28 сентября по 9 октября 1914 года.

№ 14. Положение сторон во Фландрии к 15 октября и боевые действия с 15-го по 20 октября 1914 года.

№ 15. Сражение на р. Изере, с 20 октября по 12 ноября 1914 года.

№ 16. Сражение у Ипра. Боевые действия с 20-го по 29 октября 1914 года.

№ 17. Сражение у Ипра. Боевые действия с 30 октября по 15 ноября 1914 года.

№ 18. Расположение фронта обеих сторон в Бельгии и Франции к окончанию кампании 1914 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемый читателям II-й том „Кампании 1914 года в Бельгии и Франции“ заключает в себе изложение событий второго периода этой кампании, от завязки боев на р. Марне до установления позиционной войны на Западе, и является переработкой, по новейшим источникам, соответствующей части моего первого издания, вышедшего в свет в 1920 году. Почти все главы II-го тома написаны заново, во многих местах—даже по новой программе, и лишь при описании боевых действий под Антверпеном и в заключительной главе оказалось возможным использовать часть материала из первого издания.

Как и при составлении I-го тома, я поставил себе целью изложить события с возможно большей полнотой, и в отношении их фактической стороны, и в отношении их критической оценки, чтобы освободить читателя от нелегкого дела,—обращения к иностранным источникам.

Все, что сказано мною в предисловии к I-му тому относительно обозначения чисел по новому стилю и нумерации войсковых соединений обеих сторон, остается в силе и для настоящего тома.

Окидывая теперь последним взглядом все, написанное мною в обоих томах моего сочинения, я, к сожалению, ясно вижу многочисленные недостатки своей работы. Но что же делать? События, изученные мною, столь сложны и грандиозны, а литература, относящаяся к ним, так обширна и разнообразна, что вполне овладеть всем этим необъятным материалом—задача едва ли посильная для одного человека, особенно если принять во внимание, что выход в свет подобных трудов, по соображениям практического характера, желателен без значительных промедлений. В этих условиях, единственным утешением для меня может послужить сознание, что я совершил, что мог.

В. Новицкий.

Москва.
20 февраля 1928 года.

I. Введение.

Приступая к изложению событий, слагающих собой второй период кампании 1914 года на бельгийско-французском фронте, я считаю необходимым, раньше всего, напомнить читателю ту грань, до которой доведены мною операции обеих сторон в I-м томе настоящего сочинения и то значение, которое они имеют в общем ходе маневренной войны на Западе.

I-й том закончен мною в тот момент, когда отступавшие союзные армии уже подходили к предельной линии своего отступательного движения и готовились к переходу в общее наступление; следовательно, накануне того момента, когда волны германского нашествия, до тех пор успешно преодолевавшие те преграды, которые находились на пути их движения и, казалось бы, готовые смыть до конца разбитые армии противника, должны были удариться со страшной силой о внезапно восставшую перед ними плотину неприятельского сопротивления. Мы оставили обе стороны именно в то время, когда германское наступление достигло кульминационной точки своего развития и прилив германской волны поднялся до своего предельного уровня. Этим закончился первый период кампании 1914 года, ознаменованный многочисленными победами немцев и беспрерывными поражениями союзных армий, тот период кампании, который в известной мере осуществлял своими операциями первоначальный наступательный план Германии и дал нам образец высокого, наивысшего в этой войне, напряжения боевой энергии и оперативной деятельности наступавших армий.

Та борьба, которая велась в этот промежуток времени обеими сторонами на всем фронте от р. Шельды до верхнего Эльзаса, была наиболее деятельной и подвижной борьбой в маневренных операциях 1914 года; даже в Лотарингии и в вогезских горах, где французы противопоставили германскому вторжению не только свою живую силу, но и могучие преграды своих восточных крепостей, и трудные условия горной войны, даже там идея широкого маневра еще не заглохла, продолжая воодушевлять собой оперативные замыслы обоих противников. Мы увидим, что в дальнейшем эта маневренность пойдет на убыль, и в течение второго периода

изучаемой нами кампании характер ведения войны будет постепенно изменяться.

Для того, чтобы правильно понять природу этой эволюции, следует восстановить в своей памяти те обстоятельства, которыми определяются: с одной стороны, поражения союзников, понесенные ими в августе 1914 года, а с другой — неполный, нерешительный успех германцев в этих же операциях.

Поражения союзных армий всецело зависели от предоставления противнику, и в политическом, и в стратегическом отношении, инициативы действий, в результате чего первоначальный французский план войны принял предвзятый характер и потребовал запоздалых и опасных изменений в группировке и в задачах армий, уже находившихся в боевом соприкосновении с неприятелем на широком фронте; упорство в преследовании целей, уже потерявших свое стратегическое значение и ложный расчет на то, что наступление вернет им утраченный ими оперативный смысл, привели французские армии к тяжелым тактическим неудачам и поставили их в весьма опасное стратегическое положение. А выход из последнего был возможен лишь с коренным изменением на стороне союзников все трех основных факторов стратегической обстановки, т.-е. условий времени, пространства и живой силы; следовательно, он требовал длительного отхода англо-французских армий, предоставления противнику обширной территории со всеми, связанными с этим, материальными потерями и новой группировки войск для будущих операций.

Что же касается нерешительных результатов, к которым привели немцев их блестящие августовские победы, то, как мы видели, они объясняются, во-первых, несогласованностью действий германских армий в большом пограничном сражении, предоставившей противнику возможность увести свои разбитые армии к югу и, во-вторых, переоценкой германским главным командованием успехов, достигнутых германскими войсками в этом сражении, что побудило его ослабить свой правый фланг и, вместе с тем, сократить размах обходного движения на этом фланге. Последнее обстоятельство привело к тому, что парижский укрепленный район, весьма удобный для сосредоточения неприятельских войск против правого фланга германских армий, остался вне пределов германского фронта, что, в связи с наступлением правого немецкого крыла в сфере тактического воздействия парижской крепости, поставило немцев, в дни их переправы через р. Марну, в положение, таившее в себе величайшую опасность для их дальнейшего наступления. Поэтому, в сущности говоря, уже в эти дни, 2—4 сентября, в общих условиях стратегической обстановки на театре военных дей-

ствий имелись налицо все предпосылки для последующего, неудачного для германцев, исхода боевых столкновений на Марне; уже в эти роковые для немцев дни роли были розданы главным действующим лицам, и оставалось лишь ожидать откуда либо сигнала, чтобы начать выполнение кровавой драмы, к чему с таким нетерпением готовились в обоих вражеских станах.

И вот в то время, когда германский правый фланг, в своем стремительном движении за Марной, уже готов был отрезать англичан от французов и охватить с запада 5-ю французскую армию и этим начать, наконец, осуществление важнейшей задачи германского наступательного плана,—в это именно время загрохотали французские пушки западнее р. Урка, как бы возвещая союзным армиям о скором избавлении их от грозящей им опасности.

После этих предварительных замечаний, я перехожу к описанию событий, развернувшихся с утра 5 сентября между Парижем и Верденом.

II. Сражение на Марне.

1. Накануне сражения (5 сентября).

(Схема № 1).

Положение сторон к утру 5 сентября.

Утром 5 сентября положение противников, стоявших друг против друга на обоих берегах р. Марны и у Вердена, представлялось в следующем виде.

а) англо-французские армии.

Левый фланг союзных армий прочно держался за парижский укрепленный район, где, кроме крепостного гарнизона, составленного из территориальных войск, к северу от Парижа находилась вся 6-я франц. армия ген. Монури. Главные силы этой армии располагались между линией Люзарш—Дамартен и северными фортами Парижа: 7-й корпус—в северных окрестностях Лувра, 55-я и 56 я рез. дивизии ген. Ламаза и марокккская бригада—у Дамартена, а 45 я (алжирская) дивизия и морская бригада ген. Ронара—несколько восточнее Лувра; сводная кав. дивизия наблюдала правый фланг армии между Кле и Ланьи, а группа рез. дивизий ген. Эбенера (61-я и 62-я дивизии) оставалась у Понтуаза. Кроме того, в районе армии находились: у Манта (на р. Сене, в 20 кил. к западу от Понтуаза)—главные силы кав. корпуса ген. Сорде, пока еще состоявшие в непосредственном распоряжении главного командования [1]) и в окрестностях Парижа—головные части 4-го корпуса, уже производившие здесь высадку с 3 сентября [2]).

Английская армия фельдм. Френча, выполнивши в течение ночи с 4 го на 5 сентября, без помехи со стороны противника, совершенно ненужное, невызывавшееся обстановкой, передвижение с линии Вильнев—Куломье к юго-западу, расположилась 1-м корпусом у Розуа, 2-м—у Турнана и 3-м—у Озуар-ла-Ферьера. примыкая своим левым флангом к юго-восточным фортам Парижа; конница, образо-

---

[1]) Выделенная из состава этого корпуса сводная кав. дивизия присоединилась к нему в последующие дни, оставивши на правом фланге кав. бригаду ген. Жиле, принадлежавшую к войскам крепостного гарнизона.

[2]) 4-й корпус перевозился из состава 3-й франц. армии.

вавшая две дивизии (1-ю—трех- и 2-ю—двухбригадную), стала уступом за правым флангом армии, у Мормана. Этот нецелесообразный отход англичан в юго-западном направлении, как увидим из дальнейшего, замедлил выдвижение английских войск во время сражения.

Далее, к востоку, стояла 5 я франц. армия ген. Франшэ-д'Эсперэ: кав. корпус ген. Конно — у Ла-Фэртэ-Гошэ; 18-й корпус (с 38-й дивизией) и две рез. дивизии (53-я и 69-я)— южнее Монмирайя, на левом берегу М. Морэна; 3-й корпус (с 37-й дивизией) — к востоку от Монмирайя, на правом берегу этой реки; 1-й и 10-й корпуса (с 51-й рез. дивизией) – в южных окрестностях Монмора.

9-я франц. армия ген. Фоша — к северо-востоку от сенгондских болот: 42-я дивизия — у Вилер-о-Буа, 9-й корпус (с 52-й рез. дивизией)—в северных и южных окрестностях Вертю, 11-й корпус (с 60-й рез. дивизией) — у Жерминона и 9-я кав. дивизия—у Ватри.

Наконец, две правофланговые франц. армии занимали расположение от Сомсу до юго-западных окрестностей Вердена: 4-я — по линии Сомсу (17 й корпус), Суланж (12-й), Ваноле-Шатель (колониальный) и Сомэйе (2-й), а 3-я – Триокур (5-й корпус и 7-я кав. дивизия), Бозэ (6-й корпус) и Суйи (группа рез. дивизий).

В этом положении союзные армии застала директива французского главного командования от 4 сентября для перехода в общее наступление, но так как последнее было назначено на 6-е, то некоторым армиям, находившимся в более тесном соприкосновении с противником, пришлось, с целью избегнуть преждевременных боев и для сохранения возможно большей оперативной свободы, продолжать отступление к югу и в течение 5 сентября.

б) германские армии. Три правофланговые герм. армии, I-я, II-я и III-я, находились почти всеми своими силами южнее Марны, на фронте от Ребэ до Шалона: I-я — тремя передовыми корпусами (IV-м, III-м и IX-м) — у Ребэ, Сен-Бартелеми и Монмирайя и двумя (II-м и II-м кав.) - на переправах через Марну, у Трильпора и Ла-Фэртэ-су-Жуара, имея севернее реки, в восточных окрестностях Нантейля, в качестве заслона к стороне Парижа, IV-й рез. корпус, усиленный 4-й кав. дивизией (из состава II-го кав. корпуса); II я армия—четырьмя корпусами (I-м кав., VII-м, X-м рез. и X-м) — у Фонтенеля, Парньи и в северных окрестностях Монмора, с гвард. корпусом, эшелонированным между Дамери и Вертю; и III я армия—двумя корпусами (XII-м и XIX-м) в районе Вро—Шалон, имея 23-ю рез. дивизию (XII-го рез. корпуса) на правом берегу Марны, у Виллер-Алерана (южнее Реймса).

Две левофланговые армии, IV-я и V-я, занимали участок от верхней Марны, через Аргоны, до северо-восточных окрестностей Вердена: IV-я — своими главными силами по линии от юго-восточных окрестностей Шалона на Муавр (VIII й рез. и VIII-й корп.), Эрпон и Гизокур (XVIII-й), имея XVIII-й рез. корпус за своим левым флангом, к северу от Вальми; V-я — четырьмя корпусами занимала линию Сент-Менегу (VI-й) — Клермон (XIII-й) — Обревиль (XVI-й)—Маланкур—Форж (VI-й рез.), а двумя корпусами (V-м рез. и V-м) на правом берегу Мааса, дугообразную линию Флаба—Азан—Спинкур—Бюзи—Арвиль [1]; IV-й кав. корпус находился у Гизокура, а ландв. дивизия ген. Франке—у Бантевиля.

Теперь обратимся к рассмотрению тех оперативных предположений, которыми задавались обе стороны на ближайшие дни, с целью использовать выгодные условия, представлявшиеся для каждой из них при указанном мною взаимном расположении их между Парижем и Верденом.

Директивы французского и германского главного командования от 4 сентября.

При исследовании событий в дни подхода германских армий к р. Марне, я указал на те обстоятельства, которые постепенно склонили французского главнокомандующего к решению прекратить отступление раньше, чем было предположено в его директиве от 1 сентября; а именно,—неожиданный поворот германского правого фланга к юго-востоку, исключительно выгодное положение, в котором оказалась по отношению к этому флангу 6-я франц. армия, энергичная деятельность ген. Галиени в парижском укрепленном районе и успешная переброска французских войск из Лотарингии на запад. Впрочем, необходимо отметить, что это решение не являлось результатом исключительного воздействия на Жоффра этих объективных условий стратегической обстановки, а в значительной степени было принято последним под давлением различных личных влияний. Жоффр, сам по себе, вовсе не был расположен прекращать отступление раньше достижения р. Сены, и вообще в это время не только не замышлял никакого флангового удара против неприятельских армий, но представлял себе действия союзных войск в течение ближайших дней не иначе, как в виде обороны на удобном для этого рубеже: если бы таковым рубежем не могла послужить р. Сена, то следовало искать его далее к югу. Такое настроение главнокомандующего сильно озабачивало и его ближайших сотруд-

[1]) V-й рез. корпус был оставлен на правом берегу еще во время переправы армии через Маас; V-й же только что подошел от Диденгофена, после того как выяснилось, что он не будет переброшен на восточный фронт.

ников в главной квартире, и командующих армиями, и даже само французское правительство. Мысль о необходимости именно теперь использовать благоприятные условия для осуществления давно задуманного маневра против правого неприятельского фланга настойчиво, изо-дня в день, внушалась Жоффру штабом парижского укрепленного района; опасение того, что, уйдя за Сену, союзные армии упустят удобный момент для перехода в наступление, открыто высказывалось во французской главной квартире; наконец, правительство, официально отказываясь от вмешательства в ведение операций, тем не менее неофициально, через посредство различных лиц, осаждало главнокомандующего требованиями, предложениями и советами возможно скорее перейти в общее наступление, дабы уже больше не отдавать отечественной территории на разграбление и разорение германских полчищ. По всей стране, от края и до края французской земли, пронеслись и взволновали людей недоуменные вопросы: когда же начнут наступление французские армии? или Франция уже не имеет вооруженной силы? или немцы, после многих боев и форсированного движения через Бельгию и северную Францию, еще не ослабели? [1]).

И вот, под совместным давлением этих разнородных факторов, под впечатлением ежедневно нарождавшихся новых явлений, манивших к переходу к активным действиям, постепенно увлекаемый подъемом наступательного настроения вокруг себя, Жоффр, наконец, принял решение остановить свои армии, повернуть их лицом к северу и всеми силами атаковать преследовавшего их противника. Это решение было объявлено армиям в директиве, подписанной главнокомандующим вечером 4 сентября. Основная идея определяемого ею маневра уже была указана мною в последней главе I-го тома [2]), теперь же необходимо подробнее ознакомиться с этим оперативным документом и глубже вникнуть в замысел французского полководца.

Прежде всего возникает вопрос: как мотивировано принятое решение? Директива дает ответ на этот вопрос следующими словами: „Следует использовать рискованное положение I-й герм. армии, с целью сосредоточить против нее силы союзных левофланговых армий; в течение 5 сентября

---

[1]) Возможно, что такая медлительность Жоффра в вопросе о переходе к активным действиям поддерживалась расчетами на успех русского наступления в В. Пруссии и Галиции, которое должно было отвлечь крупные силы противника с западного фронта и облегчить положение французских армий. Однако, уже с первых дней сентября надежда на успешные действия восточного союзника должна была сильно ослабеть во французской главной квартире (см. Général H. Le Gros. La genèse de la bataille de la Marne, стр. 43—49).

[2]) См. стр. 488.

будут приняты все меры для того, чтобы начать атаку 6-го". Затем, отдельным армиям указаны следующие задачи: 6-й — всеми своими силами, находящимися к северо-востоку от парижского укрепленного района, переправиться через р. Урк между Лизи и Мэй ан-Мюльтьеном и атаковать в общем направлении на Шато Тьери (в состав этой армии передан 1-й кав. корпус ген. Сорде); английской армии, развернувшись фронтом на восток, на линии Шанжи — Куломье, атаковать в общем направлении на Монмирай; 5-й, стянувшись к своему левому флангу и развернувшись по линии Куртасон — Эстернэ — Сезан, атаковать в северном направлении (2-й кав. корпус ген. Конно должен был установить связь с английской армией); 9 й — прикрывать правый фланг 5-й армии, удерживая за собой выходы из сен-гондских болот. Все эти армии должны были начать атаку с утра 6 сентября.

Что касается двух правофланговым армий, то о них даже не упоминается в рассматриваемой нами директиве; это обстоятельство как-будто бы указывает на то, что первоначально переход в наступление предполагался только группой левофланговых армий (почему 9-й армии, может быть, и дана совершенно пассивная, охранительная задача), или оперативная роль этих армий в тот день еще не выявилась в соображениях французского главнокомандующего. Эти армии лишь на следующий день, 5 сентября, получили отдельные распоряжения для боевых действий 6-го: 4-я должна была прекратить отступление и остановить противника, сообразуя свои движения с 3-й, а эта последняя, прикрываясь к северо-востоку, — наступать в западном направлении, из района севернее Ревиньи, с целью атаковать левый фланг неприятельских сил, наступавших к западу от Аргон. При этом, главное командование одобрило решение ген. Сарайля стремиться к сохранению связи с верденским укрепленным районом, что до сих пор осуществлялось им по собственной инициативе, путем отступления уступами, расположенными с северо-востока к юго-западу [1]).

Таким образом, план французского наступления предусматривал на 6 сентября две атаки: главную, группой левофланговых армий (6-й, английской и 5-й), против I-й и отчасти II-й герм. армий, в районе обоих Морэнов, и вспомогательную, 3-й армией, против левого фланга IV-й германской. Пассивно-оборонительный участок, занятый 9 й и 4-й армиями, должен был связывать эти атаки в одну нераздельную операцию, направленную, повидимому, к тому,

[1]) Кроме того, в распределении войск, перевозимых из Лотарингии, произведено изменение: 21-й корпус назначен не в 3-ю, а в 4-ю армию.

чтобы охватить с двух сторон главную массу неприятельских войск, развернувшихся от нижней Марны до Аргон. Каковы были шансы на успешное выполнение такого широкого охватывающего маневра? Главная атака, предпринимавшаяся на левом фланге, вследствие назначенных для нее крупных сил, значительно превосходивших своей численностью атакуемого противника и весьма выгодно расположенных по отношению последнего, имела, конечно, много шансов на достижение решительного успеха [1]), но зато атака на правом фланге была совершенно безнадежной. Что могла она дать, даже в своем местном значении, при тех слабых силах, которыми располагала 3-я армия, при необходимости поддерживать связь с Верденом и при наличии, между Аргонами и Маасом, превосходных сил V-й герм. армии, стремившейся к отделению крепости от французских полевых войск? Если бы ген. Сарайлю даже и удалось согласовать эти противоречивые условия (движение к западу с большей частью своих сил и сохранение прочной связи с верденским укрепленным районом), то все же корпуса германского кронпринца, подобно мечу Дамокла, висели бы над правым флангом 3-й франц. армии и не давали бы ей возможности продвигаться в указанном направлении. Вообще, эта армия, и по своему составу, и по своему положению относительно противника, и по своей связи с соседней крепостью, не была пригодна для широкого маневра.

Отдавши директиву для общего наступления, французский главнокомандующий, тем не менее, на следующий день, 5 сентября, перенес свою ставку из Арсиса (на Обе) в Шатийон (на Сене), на 80 кил. далее к югу, что едва ли могло способствовать удобному управлению армиями в предстоявшем сражении [2]).

Между тем, как мы знаем, французская оперативная мысль напряженно работала в эти дни не только в главной квартире, но и в штабе парижского укрепленного района, где с таким нетерпением ожидали той минуты, когда возможно будет броситься на смелого, но неосторожного противника. Ген. Галиени до такой степени был уверен в целесообразности и необходимости скорейшего наступления 6-й армии по северному берегу Марны, что, основываясь на состоявшемся между ним и главнокомандующим обмене взглядов

---

[1]) Если даже принимать в расчет всю II-ю герм. армию (хотя против ее левого фланга находились войска 9-й франц. армии), то и в этом случае против 27 пех. и 8 кав. дивизий левофланговой группы союзных армий немцы имели лишь 17½ пех. и 5 кав. дивизий.

[2]) Нецелесообразность такого удаления главной квартиры была настолько ясна, что было сделано распоряжение не разглашать о перемещении ставки в Шатийон.

по этому вопросу и не дожидаясь никакого общего распоряжения по армиям, вечером 4 сентября объявил вверенным ему войскам приказ для предстоявшего наступления. В этом приказе, после сообщения необходимых сведений о противнике и требования выслать разведку вечером на Шантийи, Сенли, Нантейль, Лизи и Мо, 6-и армии была дана задача: на следующий день выдвинуться к востоку, имея правый фланг у Мо и будучи в готовности атаковать немцев 6 сентября утром, в связи с англичанами; вместе с тем, было приказано энергично продолжать в Париже крепостные работы и даны указания относительно распределения территориальных дивизий для непосредственной охраны укрепленного района.

Одновременно с этим, в германской главной квартире, в виду постепенно выяснявшейся обстановки, зарождались новые оперативные мысли, возбуждались различные опасения, появлялись новые намерения. Из разнообразных источников приходили сведения, что французы производят широкую переброску войск из Лотарингии и Вогезов на запад и что, повидимому, крупные неприятельские силы собираются в районе Парижа. При той группировке германских войск, которая образовалась к 5-му сентября на нижней Марне, такая деятельность противника, естественно, должна была сильно тревожить германское главное командование; являлось опасение неприятельского наступления со стороны парижской крепости, что могло неблагоприятно отразиться на положении германского правого фланга, успешному продвижению которого придавалось такое большое значение. В результате всего этого, к вечеру 4 сентября, т.-е. именно в то время, когда французы решили прекратить отступление и перейти к активным действиям на всем своем фронте, германское главное командование пришло к решению прекратить наступление своего правого фланга, занявши им оборонительное расположение к стороне Парижа. В директиве, составленной в главной квартире в тот же вечер, германским армиям указаны следующие задачи: I-й (со II-м кав. корпусом)—стать фронтом к Парижу между Уазой и Марной, левым флангом западнее Шато-Тьери; II-й (с I-м кав. корпусом)—стать фронтом туда же между Марной и Сеной, левым флангом между Ножаном и Мэри; III-й—продолжать наступление на Труа и Вандевр, будучи в готовности оказать содействие как левофланговым армиям, так и II-й армии на левом берегу Сены; IV-й и V-й—наступать к югу: IV-й—правым флангом на Витри-ле-Франсуа, V-й—на Ревиньи, обеим с целью облегчить VI-й и VII-й армиям выход на левый берег Мозеля, а V-й, кроме того, своим левым флангом обеспечить это наступление со стороны Вердена атакой укреплений Труайона, Пароша и Сен-

Мьеля; наконец, двум последним армиям — наступать к шармскому проходу, для прорыва линии французских мозельских крепостей. Следовательно, отказавшись от наступления двумя правофланговыми армиями и обрекая крупную массу своих войск на пассивное стояние перед Парижем в качестве заслона, германское главное командование все же ставило остальным армиям очень решительные цели: прорыв на линии мозельских крепостей и окружение на левом берегу Мозеля той части неприятельских сил, которая будет вынуждена отходить за Сену и далее к югу. Что возможно сказать об этом новом плане германцев? Можно было опасаться, что слишком много войск будет приведено к бездеятельности на правом фланге в ожидании неприятельского удара из парижского укрепленного района, а с другой стороны, что силы, назначенные для достижения решительных целей в районе верхнего Мозеля, окажутся для этого недостаточными. Впрочем, этот план являлся уже запоздалым, а потому, независимо от той или другой группировки сил, не имел никаких шансов на осуществление; противник уже изготовился к переходу в наступление, он уже создал на своем левом фланге угрозу правому неприятельскому флангу, он уже постепенно захватывал инициативу действий. Возможно ли было германцам удержать последнюю в своих руках при переходе двух правофланговых армий к обороне и при том условии, что здесь, на западном фланге, попрежнему обеим сторонам предстояли важнейшие оперативные задачи, от того или другого решения которых зависел для них исход всей кампании? Конечно, при такой обстановке инициатива действий неизбежно должна была выпасть из рук германского командования, а вместе с тем и оперативные предположения директивы от 4-го сентября не могли найти себе применения [1]).

---

[1]) Эта директива представляется мне довольно характерной для психологии германского главного командования, почему я считаю полезным привести здесь дословно ее мотивировочную часть (полный текст директивы приведен у Шварте, Der deutsche Landkrieg, erster Teil, стр. 218—219, у Куля, Der Marnefeldzug 1914, стр. 130—131 и в IV-м томе официальной германской истории войны, Der Weltkrieg 1914 bis 1918, стр. 3—5). „Неприятель, начинает директива, уклонился от обходного движения I-й и II-й армий и частью своих сил вошел в связь с Парижем. Различные сведения указывают на то, что он перебрасывает на запад свои войска с линии Туль—Верден, а также снимает часть своих сил перед фронтом III-й, IV-й и V-й армий. В виду этого, оттеснение всех неприятельских сил в юго-восточном направлении к швейцарской границе является уже невозможным. Тем более, что представляется вероятным сосредоточение противником крупных сил и образование им новых соединений в окрестностях Парижа с целью обороны столицы и угрозы нашему правому флангу. Это вынуждает оставить I-ю и II-ю армии перед восточным фронтом Парижа; задача этих армий—своими активными действиями

Помимо того, что само решение германского главного командования было принято с запозданием, директива, пытавшаяся провести его в жизнь, была получена в правофланговых армиях лишь 5 сентября, когда не только были уже сделаны все распоряжения для дальнейшего преследования противника, но и движение войск к югу было в полном ходу; почему выполнение новых задач, данных I-й и II-й армиям, могло быть начато не ранее вечера 5-го или утра 6 сентября [1]).

Из изложенного выше видно, что, несмотря на твердое решение обеих сторон резко изменить свой план действий, ни одна из них, вследствие различных обстоятельств, еще не могла в полной мере преодолеть инерцию своих движений, а потому в течение 5 сентября оба противника (за исключением 6-й франц. армии) продолжали продвигаться к югу. Этот день является, таким образом, переломным моментом, за которым события принимают уже совершенно новое направление.

Движения и действия сторон в течение 5 сентября на нижней Марне.

Боевая деятельность союзных армий 5 сентября имела целью обеспечить им наиболее удобное исходное положение для предстоявшего на следующий день наступления, частью дальнейшим отходом к югу, частью закреплением уже занятого расположения, а в районе Парижа—даже выдвижением к стороне противника. Германцы в этот день еще продолжали преследование французов, начиная с их 5-й армии и далее к востоку, оставляя почти без всякого внимания английскую и 6-ю французскую, стоявшие на обоих берегах Марны, по обе стороны Парижа.

отражать неприятельские выступления из парижского района, взаимно поддерживая одна другую. IV-я и V-я армии, еще имеющие перед собой сильного противника, должны пытаться отбросить его подальше к юго-востоку, что облегчит VI-й армии переход через Мозель между Тулем и Эпиналем. Удастся ли при этом, совместно с VI-й и VII-й армиями, оттеснить к швейцарской границе какую-либо значительную часть неприятельских сил,—предусмотреть еще невозможно. Ближайшей задачей VI-й и VII-й армий остается—приковать к месту находящегося перед ними противника, но как только окажется возможным, следует форсировать Мозель между Тулем и Эпиналем, прикрывшись к стороне этих крепостей. III-я армия возьмет направление на Труа—Вандевр, будучи в готовности, смотря по обстоятельствам, или поддержать из-за Сены I-ю и II-ю армии в западном направлении, или принять участие в боевых действиях наших левофланговых армий в южном или юго-восточном направлениях". Далее следует перечисление, указанных мною выше, задач армиям.

[1]) Краткое содержание директивы было передано в армии по радио утром 5 сентября, полный же письменный текст доставлен в штабы I-й и II-й армий с офицером в тот же день после полудня.

а) Передвижение 6 й франц. армии к востоку и первые бои с IV-м рез. корпусом противника.

С утра 5 сентября главные силы ген. Монури, расположенные в районе Лувр—Дамартен, начали продвижение к р. Урку: группа рез. дивизий ген. Ламаза с марокккской бригадой—на линию Сен-Супле—Мо, а 7-й корпус, находясь уступом сзади, шел севернее Дамартена; кроме того, 61 я рез. дивизия получила приказание выдвинуться в течение этого дня к Атенвилю, а 1 й кав. корпус, включенный в состав армии—перейти в район Нантейля.

Задачей французских войск, наступавших южнее Дамартена, был захват командующих высот по линии Сен-Супле, Монтион, Пеншар, с целью облегчить себе на следующий день форсирование р. Урка. Однако, эти высоты оказались к тому времени уже занятыми противником, что явилось, повидимому, полной неожиданностью для французского командования. Германские войска ген. Гронау (IV-й рез. корпус и 4-я кав. дивизия), оставленные 1-й герм. армией западнее Урка в качестве заслона к стороне Парижа, переходя утром этого дня из окрестностей Нантейля к Шанбри, обнаружили присутствие неприятеля в районе Дамартена, а затем и движение его колонн к востоку. Ген. Гронау, считая оборонительные действия невыгодными в тех условиях, в которых он находился, а также с целью выяснения обстановки, решил атаковать противника.

Наступление немцев к юго-западу началось тотчас же после полудня; 4-й кав. дивизии—от Нантейля севернее Сен-Супле, 7-й рез. дивизии—от Барси на Сен-Супле и Монтион и 22-й рез.—от Шанбри на Пеншар. Результатом этого наступления явился захват немцами высот у Монтиона и Пеншара и ряд встречных боевых столкновений с рез. дивизиями ген. Ламаза и марокккской бригадой западнее этих селений. К 5 часам вечера французы везде были задержаны и отброшены: 56-я рез. дивизия — у Монтиона, 55-я — у Пеншара, а марокканцы — южнее. С наступлением темноты они закрепились к северу и к югу от Иверни; 7-й корпус, не принимавший участия в бою, расположился на ночь в западных окрестностях Эва [1]). Немцы, убедившись в численном превосходстве противника, которое могло поставить их на следующий день в тяжелое положение на захваченных ими позициях, и считая свою задачу по выяснению обстановки в районе Дамартена выполненной, ночью отошли за ручей Теруан: 4-я кав. дивизия — в юго-восточные окрестности Нантейля, 7-я рез.—в южные окрестности Пюизье, а 22-я рез.—к Этрепийи.

---

[1]) Остальные войска 6-й франц. армии, в том числе и окончившая в этот день высадку 8-я дивизия (4-го корпуса), находились еще в пределах парижского укрепленного района.

Хотя бои 5 сентября у Монтиона и Пеншара и велись сравнительно небольшими силами с обеих сторон, тем не менее они представляют собой весьма интересный, чреватый последствиями, эпизод в общем ходе событий, развернувшихся на Марне. Подобно тому, как молния, внезапно прорезая ночной мрак, на мгновение освещает окружающие нас предметы, так и эти бои неожиданно осветили для немцев неясную для них обстановку в парижском районе. Теперь для них не могло быть никакого сомнения, что какая-то опасность надвигается на них с запада, что какие-то, повидимому, крупные силы противника приближаются к Урку и что тот незначительный отряд, который оставлен здесь I-й герм. армией для обеспечения ее правого фланга, слишком слаб для того, чтобы отвлечь от него внезапно появившуюся перед ним угрозу [1]). Но германское командование, быстро разобравшееся в новых оперативных условиях, принимает решение немедленно же идти навстречу возникшей опасности, чтобы возможно скорее устранить ее и вернуть себе свободу для дальнейших операций; а в результате этого, уже с рассветом 6 сентября начинается спешная переброска армии ген. Клука с южного на северный берег Марны.

Несмотря на то, что бои 5 сентября, и во времени, и в пространстве, непосредственно связаны с последующими боевыми явлениями, происшедшими между Парижем и Верденом, они, в сущности говоря, не входят в оперативные рамки сражения на Марне, потому что, по своему внутреннему значению, всецело принадлежат подготовке к этому сражению; это были совершенно случайные бои, которые могли бы и не разыграться в этот день и которые вовсе не вытекали для французов из объективных условий обстановки. Да и вообще были ли они желательны с точки зрения французских предположений для предстоявшего наступления? Могли ли они, даже при более успешном исходе, создать для 6-й франц. армии какие-нибудь выгодные условия для дальнейших действий? Некоторые французские военные писатели высказывают мнение, что эта армия должна была 5 сентября отбросить к востоку неприятельский заслон, находившийся на Урке, чтобы иметь возможность 6-го переправиться через эту реку на указанном ей участке. Но при том большом численном превосходстве, которое было здесь на стороне французов, обе эти задачи могли быть выполнены ими одновременно, на следую-

[1]) В IV-м рез. корпусе состояло в то время лишь 15 батальонов и 72 легких орудия; 43-я рез. бригада с 19 августа оставалась в гарнизоне Брюсселя, а 3 батальона были разбросаны на тыловых сообщениях.

щий же день. Между тем, боевые действия 5 сентября преждевременно раскрыли глаза германскому командованию на опасность, угрожавшую его армиям со стороны Парижа и лишили задуманный французами маневр значительной доли той внезапности, от которой, более чем от чего-либо другого, зависел его удачный исход.

Могла ли 6-я франц. армия уклониться в этот день от столкновения с противником? Насколько для нее было обязательно выполнение приказа ген. Галиени от 4 сентября, которым ей предписано продвижение к востоку, настолько для нее было невозможно избегнуть этих боев. Войска, расположенные в районе Лувр—Дамартен, вообще не следовало перемещать 5 сентября, чтобы не обнаруживать наступательных намерений французского командования, тем более, что под прикрытием этих частей возможно было производить в этот день любую группировку войск армии, соответственно задачам, намеченным для предстоявшего наступления [1]).

Но если эти бои являлись совершенно ненужными для французской стороны, то германцам они были необходимы для скорейшего выяснения обстановки в районе Парижа и для принятия своевременных мер по организации контр-маневра. Поэтому, нельзя не признать, что действия ген. Гронау в течение 5 сентября были вполне целесообразны и должны были способствовать последующим успехам германского наступления на Урке.

б) Расположение английской армии.

День 5 сентября прошел в английской армии почти в полном бездействии. Ночной переход с Б. Морэна на линию Озуар-ла-Ферьер, Турнан, Розуа был произведен благополучно; на новых местах армия была, главным образом, озабочена установлением связи с французскими армиями слева и справа. Связь с 5-й франц. армией была достигнута без больших затруднений, благодаря переходу 2-го франц. кав. корпуса (ген. Конно) в окрестности Провэна и расположению всей английской конницы за правым флангом своей армии, но с французскими войсками, находившимися к северу от Марны, связь была еще недостаточна, особенно в виду продвижения последних к Урку и, вследствие этого, увеличения промежутка между внутренними флангами армий. Конница ген. Монури, расположенная в районе Кле—Мо, естественно, была более занята наблюдением и разведками в направле-

[1]) Такую предварительную группировку войск возможно было выполнить незаметно для противника, потому что в отряде ген. Гронау не было средств воздушной разведки.

нии к нижнему Урку и в пространстве между обоими Морэнами, чем поддержанием связи с англичанами, стоявшими далеко, уступом назад. При этом необходимо отметить, что английское командование, повидимому, недостаточно осведомленное в обстановке, опасалось не за свой правый фланг, которому в действительности могло угрожать наступление I-й герм. армии из района Ребэ—Куломье, а за левый, который, как мы видели, примыкал к юго-восточному сектору парижских укреплений. Это опасение повлекло за собой требование англичан, предъявленное к штабу парижского укрепленного района, о высылке на нижнюю Марну, для обеспечения их левого фланга, достаточно сильного отряда французских войск; для удовлетворения этого требования ген. Галиени решил выдвинуть к Ланьи, только что окончившую высадку, 8-ю дивизию. В этот день соприкосновение с противником (с правофланговыми частями I-й герм. армии) поддерживалось лишь разведывательными частями английской конницы к северо-востоку от Розуа. Отдыхая и устраиваясь, английская армия готовилась к переходу на следующий день в общее наступление.

Последний переход к югу французских армий центра и правого фланга в течение 5 сентября [1]).

Я уже говорил о том, что некоторым французским армиям, находившимся в тесном соприкосновении с противником, приходилось, для того, чтобы избежать преждевременных боев в невыгодных для себя условиях, продолжать отступление еще и 5 сентября. В таком положении были армии центра и правого фланга, т.-е. 5-я, 9-я, 4-я и 3-я.

а) 5-я франц. армия.

5-я франц. армия получила на 5 сентября приказание „возможно скорее и с наименьшими потерями достигнуть южного берега р. Сены“, для чего ей рекомендовалось, в предстоявших арьергардных боях, беречь пехоту и шире использовать артиллерийский огонь. Пока ничто еще не указывало на близкий переход к наступательным действиям. Движение армии к югу началось с раннего утра. 2-й кав корпус, находившийся на левом фланге, после боев с войсками III-го и IV-го герм. корпусов, на переправах через Б. Морэн, по обе стороны Ла Фэртэ-Гошэ, отходил на Куртасон, Шансенэ и Куршан к Провэну. 18 й корпус (с приданной ему 38-й дивизией) отошел к вечеру, с небольшими арьергардными боями, из южных окрестностей Монмирайя через Санси в северо-вос-

[1]) Указанные ниже передвижения произведены были отчасти еще в ночь с 4 го на 5 сентября.

точные окрестности Провэна; при чем, в виду значительного промежутка, образовавшегося между флангами 5-й франц. и английской армий, выставил охранение на две стороны, и к западу, и к северу. Две рез. дивизии, 53-я и 69-я, отошедшие еще с вечера 4-го к Вийе-Сен-Жоржу, достигли Сен-Мартен-Шенетру. 3-й корпус (с приданной ему 37-й дивизией), не тревожимый противником, следовал на Эстернэ и несколько восточнее и расположился к ночи в северо-западных окрестностях Виленокса. Наконец, 1-й корпус перешел через Бэ и Сезан к Ла-Форестьеру, а 10-й (с приданной ему 51-й рез. дивизией), находившийся на правом фланге армии, отошел к Сезану. Лишь по прибытии войск на ночлеги, корпуса получили приказ для наступления на следующий день: армия должна была наступать к северу, к М. Морэну, на фронт Мондофэн—Вошан, прикрываясь слева 2-м кав. корпусом, а справа поддерживая связь с 42-й дивизией 9-й франц. армии.

Из сказанного здесь о движении и расположении 5-й франц. армии мы видим, во-первых, что эта армия заняла исходную линию для предстоявшего ей наступления южнее указанной ей в директиве главнокомандующего от 4 сентября и, во-вторых, что к вечеру 5-го армия стояла фронтом на северо-запад, почему, в случае наступления на следующий день к северу, она должна была начать выдвижение своего левого фланга.

6) 9-я франц. армия.

9-я армия в течение этого дня благополучно отошла в район южнее сен-гондских болот. 42-я дивизия через Этож достигла Мондемана, 9-й корпус—северо-западных окрестностей Фэр-Шампенуаза до Бана, оставивши арьергарды севернее болот (к югу от Этожа); эти войска имели небольшие боевые столкновения с частями X-го герм. корпуса в районе Шаннобер—Этож. 11-й корпус спокойно отошел в северо-восточные окрестности Фэр Шампенуаза, а 9-я кав. дивизия расположилась между Сомсу и Сомпюи, где должна была поддерживать связь с 4-й армией. Обе рез. дивизии (52-я и 60-я), в виду своего расстройства и малой боеспособности, были отведены далее к югу: первая—к Фо, а вторая—к Майи. Приказом по армии на 6 сентября войскам дана следующая общая задача: прикрывать правый фланг 5-й армии и содействовать ее наступлению, для чего 42-й дивизии атаковать противника в направлении на Вошан, 9-му корпусу обороняться на линии сен-гондских болот от их западной оконечности до Бана, имея сильные авангарды к северу от них, а 11-му удерживать занятое им расположение к северо-востоку от Фэр-Шампенуаза. Следовательно, армия должна была активно оборонять район

сен-гондских болот, поддерживая своим левым флангом наступление соседей [1]).

в) 4-я франц. армия.

В течение 5 сентября 4-я армия отошла на линию Эмбовиль (17-й корпус)—южные окрестности Витри-ле-Франсуа, на обоих берегах Марны (12-й) — Блем (колониальный) — Моруп — Сермэз (2-й). Корпуса находились в большом расстройстве и нуждались в значительных пополнениях, что, в связи с неопределенной задачей, указанной армии главным командованием для предстоявшего наступления, привело к тому, что войска не получили в этот день никаких боевых задач на 6-е.

г) 3-я франц. армия.

3-я армия, верная поставленной себе цели—не терять связи с Верденом, к вечеру лишь откинула свой левый фланг к югу, расположившись таким образом: от северных окрестностей Ревиньи до Ранберкура—5-й корпус, далее по обе стороны р. Эра до Суйи—6-й [2]), а севернее этого пункта—67-я и 75-я рез. дивизии, связываясь у Виль-сюр-Кузанса с 72-й рез. дивизией верденского гарнизона, выдвинутой сюда комендантом крепости ген. Кутансо; 65-я рез. дивизия находилась за левым флангом 6-го корпуса, у Шомона. Впереди фронта армии, в районе Пасаван—Триокур, вела разведку 7-я кав. дивизия. Для боевых действий 6 сентября ген. Сарайль дал следующие указания: обоим корпусам наступать на линию Нюбекур — Сомэйе, двум рез. дивизиям продвигаться за правым флангом 6-го корпуса, а коннице отойти к югу от Вобекура; т.-е. армия должна была начать наступление в общем направлении к северо-западу.

Общее положение союзников к вечеру 5 сентября.

Таким образом, к вечеру 5 сентября союзные армии образовали своим расположением обширную дугу, опиравшуюся своими концами на укрепленные районы Парижа и Вердена; наибольший прогиб этой дуги к югу был в центре, на участке 9-й франц. армии, развернувшейся своими передовыми войсками примерно на полпути между реками

[1]) Направление, указанное для атаки 42-й дивизии (на Вошан) являлось расходящимся по отношению 9-го корпуса и поэтому как бы ослабляло совокупные действия армии; но, повидимому, непосредственному содействию атаке 5-й армии придавалось большее значение, чем обороне сен-гондских болот, тем более, что последней могли способствовать местные условия.

[2]) Этому корпусу была придана бригада 54-й рез. дивизии, другая бригада которой находилась в составе гарнизона крепости.

Марной и Обом. Правый фланг и тыл всего этого фронта обеспечивался укреплениями на линии Верден – Туль, а далее к югу—1-й и 2-й франц. армиями, занимавшими укрепленные позиции в районе Нанси и в Вогезах.

Все шесть союзных армий составляли массу в 17 корпусов, 16 отдельных пехотных дивизий (полевых и резервных) и 10 кавалерийских, или немного более 550 тыс. человек боевого состава.

В течение нескольких последних дней войска получили пополнение людьми и материальной частью и, кроме того, почти в каждую армию уже спешили поезда, перевозившие корпуса и дивизии из Лотарингии.

Хотя многочисленные боевые неудачи и продолжительное отступление сильно расстроили союзные армии и в материальном, и в моральном отношении, но все же их войска еще сохраняли в себе запас оперативной энергии и боевого воодушевления, достаточный для того, чтобы в удобный момент повернуться лицом к противнику и померяться с ним силами в наступательном бою. Под неприглядным наружным обликом французских и английских войсковых частей, под равнодушным, безучастным видом этих людей, подавленных тяжелыми боевыми впечатлениями, изнуренных лишениями бесконечных маршей, обожженных горячим солнцем и покрытых пылью дорог и копотью полей сражений,—еще теплилась искра боевого огня, раздуть которую в яркое пламя составляло теперь трудную, но благодарную задачу союзного командования. И вот, директива французского главнокомандующего для общего наступления, радостным эхом отозвавшаяся в боевых приказах по армиям, корпусам и дивизиям, и явилась теми могучими мехами, от действия которых вспыхнуло это пламя и охватило боевые линии союзных войск на всем фронте от парижских фортов до укреплений Вердена. Все французские военные писатели (из коих большинство — участники этих событий) единогласно свидетельствуют о сильном подъеме духа и высоком воодушевлении союзников в момент прекращения отступления и получения приказа для активных действий. Союзные армии готовились к завтрашней атаке обновленные духом, внезапно окрепшие, увидавшие перед собой реальную цель, объединившую их стремления в мощный порыв к победе. Ко всем прочим неблагоприятным для германцев обстоятельствам, этот моральный фактор являлся тяжелым добавочным грузом на весах военного счастья в пользу союзников, грузом тем более опасным, что о наличии его в тот момент никто и не подозревал в германских армиях.

Преследование германцами французских армий в течение 5 сентября.

А вот что происходило в это время на германской стороне. Директива германской главной квартиры от 4 сентября слабо отразилась на боевой деятельности армий на следующий день, главным образ м вследствие позднего получения ее в армиях, а отчасти и потому, что не все германские начальники отнеслись сочувственно к новым задачам, указанным их войскам на ближайшие дни. В общем, все армии продолжали преследование противника, тесня перед собой его арьергарды, которые не проявляли большого упорства в боевых столкновениях, а вместе с тем и не обнаруживали каких-либо признаков своего скорого наступления.

а) I-я герм. армия.

В I-й герм. армии корпуса (не считая IV-го рез., о котором уже было сказано выше) получили в 9 час. вечера 4 сентября следующие указания на 5-е: IX-му корпусу приказано оттеснить противника от Монмирайя и затем наступать к Эстернэ; III-му — преследовать противника на Ла Шапель к Санси; IV-му—следовать в окрестности Шуази, прикрывая свой правый фланг и ведя разведку на линии Куломье—Розуа; II-му, переправившись через Марну, наступать к Б. Морэну ниже Куломье и принять на себя обеспечение правого фланга армии; наконец, II-му кав. — идти правее IV-го, в общем направлении на Провэн. Следовательно, три левофланговые корпуса с двумя кав. дивизиями должны были образовать сильное ударное крыло для наступления к юго-востоку, а два корпуса (II й и IV-й рез.) с одной кав. дивизией—прикрывать это движение на обоих берегах Марны с запада; при необходимости, II й корпус легко мог быть направлен к югу от Куломье для участия в боях с главными силами армии. Предусматривалась возможность настигнуть англичан и атаковать их.

Несмотря на сильное изнурение войск продолжительными маршами и боями все корпуса достигли указанных им целей: II й кав.— линии Куломье (2-я дивизия) - Бетон-Базош (9-я дивизия); II й—района Помэз— Мезонсель, IV-й—западных окрестностей Шуази, III-й—Санси и IX-й—северо-западных окрестностей Эстернэ. Однако, такое успешное продвижение войск еще не разрешало вопроса, внезапно представшего перед командующим армией; нужно было, так или иначе, отозваться на директиву главной квартиры: протестовать ли против нее, действуя соответственно личному пониманию обстановки, или подчиниться ей? В сущности говоря, в течение дня возможно было, хотя и с запозданием, остановить корпуса, чтобы вслед за этим повернуть их обратно, тем более, что, вследствие отхода противника,

ни одна из германских войсковых частей не была настолько связана, чтобы не могла изменить направление своего движения Но, не сочувствуя распоряжениям главного командования, ген. Клук медлил приводить их в исполнение, имея возможность отговориться трудностью выполнения указанного ему маневра в такое время, когда армия на всем своем фронте находилась в движении и соприкосновении с противником.

Настроение командующего I-й армией станет нам более понятным, если мы ознакомимся с содержанием его донесения, отправленного в главную квартиру днем 5 сентября. В этом донесении, сообщая о приближении своей армии к Сене, он обращает внимание главного командования на то, что выполнение директивы вынудит армию потерять соприкосновение с противником и сделать 2 — 3 перехода назад; между тем, продолжает Клук, неприятель, хотя и понес большие потери, но сохранил еще боеспособность, а потому, прекращая преследование, германцы предоставят ему возможность остановиться, приобрести свободу действий и перейти в наступление. В виду этого, Клук предлагает раньше отбросить противника за Сену, а уже затем повернуть I-ю и II-ю армии к стороне Парижа. Он думает, что для выполнения такого плана хватит времени, потому что, повидимому, все германские армии наступают успешно и французы не имеют возможности собрать достаточных сил для угрозы их правому флангу. Во всяком случае, по его мнению, новое расположение, указанное в директиве для его армии, желательно занять не ранее 6 сентября. В заключение, в качестве психологического средства, могущего оказать воздействие на оперативное мышление главного командования, Клук упоминает об успехах своих войск в течение дня и об отступлении противника на всем фронте от Парижа до дороги Сезан—Ромийи.

Это донесение не оставляет никакого сомнения в том, что командующий армией явно не сочувствовал видам главной квартиры и старался подтолкнуть ее на отказ от принятого решения и на продолжение наступательного движения к югу. Если принять во внимание, что сношения главного командования с I-й армией были медленны и затруднительны и что осведомленность Клука в общих условиях обстановки на театре военных действий (как видно из его донесения) далеко не соответствовала действительному положению дел, то следует придти к заключению, что в управлении операциями на важнейшем участке германского фронта обнаружился в то время опасный разлад между ответственными руководителями. Мольтке пожинал теперь плоды своей неудачной системы уступок, начавшихся с 30 августа, когда он проявил такую слабость в отно-

шении Клука, нарушившего основные указания директивы 28-го. На правом фланге германских армий создавалось теперь положение, которое очень удачно определено в следующих словах одного французского военного писателя: „тот, кто должен был повелевать, уже перестал отдавать приказания, тот, кто должен был повиноваться, уже поступал по своему“ [1]).

Однако, чтобы быть справедливым к этому незаурядному, недостаточно оцененному немецкому полководцу, необходимо сказать, что в соображениях, представленных Клуком 5 сентября в главную квартиру, заключалась мысль, заслуживающая некоторого внимания. В самом деле, если уже было решено продолжать преследование противника, то не следовало ли германским армиям отбросить его за Сену, откуда для него было бы гораздо труднее перейти в наступление? Не облегчили ли сами немцы неприятелю переход к активным действиям, прекративши или ослабивши свой натиск между Парижем и сен-гондскими болотами? Не могла ли атака 6-й франц. армии оказаться ударом по воздуху, если бы победоносные германские армии оттеснили главные силы французов далее к югу? Если мы вспомним, как стремились англичане уйти за Сену и как опасался Френч за участь своей армии даже при том условии, что ее левый фланг упирался в парижские форты, а правый поддерживал связь с 5-й франц. армией, то ничего не может быть невероятного в предположении, что продвижение правого фланга I-й герм. армии южнее Куломье привело бы к отступлению англичан далее к юго-западу. Конечно, в том положении, которое могло создаться здесь для германцев, как будто бы заключалось нечто опасное: одна неприятельская армия—в тылу, а другая—на фланге; но не было ли в этом положении более кажущейся, чем реальной опасности? Весьма возможно, что успешное продвижение немцев к Сене, а может быть и за эту реку, могло бы в такой степени изменить психологию союзного командования, что оно не решилось бы на смелый маневр в тылу германских армий [2]).

[1]) G. Hanotaux (см. Palat, том VI-й, стр. 121).

[2]) Приводя здесь эти соображения, я отнюдь не собираюсь убеждать читателя в целесообразности и выполнимости предположений Клука. Как будет указано мною при разборе марнского сражения, я считаю, что немцы были недостаточно сильны для дальнейшего наступления в северной Франции и думаю, что это обстоятельство и явилось основной причиной их неудачи на Марне. Но, с другой стороны, мне кажется, нельзя отрицать того, что война таит в себе весьма широкие возможности, часто возникающие совершенно неожиданно и вопреки всяким расчетам и наличным условиям обстановки. И вправе ли мы утверждать, что вариант наступательного плана, предложенный Клуком, не укладывался в рамки оперативных возможностей данного момента?

Тем не менее, сведения, полученные Клуком во вторую половину дня, значительно ослабили его сопротивление видам главного командования. Во-первых, был получен полный письменный текст директивы от 4 сентября, из которого он узнал, что противник перебрасывает свои силы на запад и что со стороны Парижа следует ожидать угрозы правому флангу его армии; во-вторых, из II-й армии вернулся офицер, командированный туда утром начальником штаба ген. Кулем для ориентировки, и доложил об опасениях ген. Бюлова за правый фланг, которому, по его мнению, угрожал противник со стороны Парижа; и в третьих, вечером прибыл из главной квартиры генерального штаба подполковник Хентш, объезжавший штабы армий с целью ознакомления с обстановкой на местах и ориентировки начальствующих лиц в общем положении на театре военных действий. К удивлению Клука, Хентш сообщил, что не все германские войска продвигаются успешно, что V-я, VI-я и VII-я армии задержаны французскими восточными крепостями, а потому не имеют возможности помешать противнику перебрасывать свои силы к западу; вообще, он определил положение в этот день более тяжелым сравнительно с тем, которое было до перехода германских армий через Марну, хотя и признал, что обстановка позволяет не торопиться с выполнением указанной армии задачи и произвести необходимые передвижения спокойно.

В результате всего этого, в 11 час. вечера в Ребэ появился приказ по армии на 6 сентября. После указаний общей задачи I-й и II-й армий и сообщения сведений о нахождении противника на линии Турнан—Розуа и отступлении его колонн к Провэну и Ножану (на Сене), корпусам даны следующие частные задачи: II му приказано следовать двумя колоннами через Трильпор к Вареду и через Пьер-Левэ к Лизи, IV-му—достигнуть окрестностей Дуэ, III-му—подойти к Ла-Фертэ-Гошэ, а IX-му—оставаться в занимаемом им расположении; II-й и IV-й корпуса должны были оставить на Б. Морэне слабые арьергарды, а II-й кав. корпус — маскировать переброску войск своим выдвижением к стороне юго-восточного фронта Парижа и к нижней Сене. Поздно ночью в штабе армии было получено донесение ген. Гронау о боях у Монтиона и Пеншара, окончательно убедившее Клука в наличии опасности, угрожавшей ему с запада. Теперь нужно было не только занять новое расположение к стороне Парижа, но и поддержать IV-й рез. корпус, атакованный превосходными силами. Вследствие этого, II-му корпусу было послано отдельное приказание начать движение с рассветом и оказать содействие IV-му рез. корпусу еще в течение 6 сентября. Вместе с тем, имея

в виду, что на армию возлагалось активное противодействие выступлениям противника в районе Парижа, Клук решил, по прибытии к Урку достаточных для этого сил, перейти в решительное наступление.

б) II-я герм. армия.

Мы видели, что, после переправы через Марну, левый фланг I-й герм. армии (IX й корпус) выдвинулся перед правым флангом II-й (VII-м корпусом), стеснивши продвижение к югу войск ген. Бюлова; такое относительное положение этих флангов оставалось и к вечеру 4 сентября в районе Парньи Монмирай. Это обстоятельство, а также недостаточная связь с III-й армией, правый фланг которой находился еще севернее Марны, привели ген. Бюлова к решению продвинуть свои войска в течение 5 сентября лишь на незначительное расстояние к югу. Полученная им утром этого дня директива главного командования, назначавшая армии новое расположение—между Марной и Сеной, фронтом к Парижу,— еще более утвердила его в принятом решении. В течение дня I-й кав. корпус выдвинулся перед левым флангом I-й армии, в район Куртасон—Сянси, X-й рез.— на южный берег М. Морэна, к Голю и Шарлевилю, X-й — в западные окрестности Бэ, а гвардейский — головными частями к Морэн-ле-Пти. За исключением X-го корпуса, имевшего к юго-востоку от Монмора столкновение с арьергардом 1-го франц. корпуса, остальные войска в этот день не встречали противника. Что же касается VII-го корпуса, то, в виду предполагавшегося на следующий день захождения армии фронтом к западу, ему было приказано частью сил начать передвижение из окрестностей Парньи к Шато-Тьери. На 6 сентября главным силам армии (X му рез., X-му и гвард. корпусам) было указано перейти на линию Монмирай—Мариньи-ле-Гран, для чего два левофланговых корпуса должны были сильно продвинуться к югу. О неприятельских войсках было известно (преимущественно от воздушной разведки), что они отходят в порядке в направлении к р.р. Обу и Сене и что крупные перевозки происходят по железным дорогам с востока на запад, в район Парижа; последнее убеждало ген. Бюлова в необходимости возможно скорее выполнить, указанное в директиве главного командования захождение I-й и II-й армий к западу. О 9-й франц. армии, занимавшей район сен-гондских болот и находившейся на пути движения левофланговых корпусов Бюлова, не имелось никаких сведений. Это должно было привести на следующий день к ряду неожиданных боевых столкновений на обоих берегах М. Морэна восточнее Монмирайя.

в) III-я герм. армия.

Весь день 5 сентября армия ген. Гаузена, соответственно распоряжениям, сделанным накануне, простояла на отдыхе на берегу Марны, между Эпернэ и Шалоном [1]). Директива главного командования не вызвала со стороны командующего армией никаких изменений в приказаниях на этот день, повидимому потому, что назначенное ею захождение двух правофланговых армий к западу, требовавшее немало времени для исполнения, не располагало III-ю армию спешить со своим движением к югу. Конные авангарды, составленные из корпусной кавалерии, усиленной небольшими частями пехоты и артиллерии, следовали за противником и местами вели мелкие бои с его арьергардами; конная разведка обнаружила, что местность к северу от линии Сомсу — Сомпюи — Витри-ле Франсуа свободна от противника, а воздушная — что лагерь Майи сильно занят неприятельскими войсками. К вечеру германские авангарды достигли района Ватри, к западу и к востоку от этого пункта. Приказом армии на 6 сентября войскам назначено продолжать наступление к югу [2]).

г) IV-я и V-я герм. армии.

Обе левофланговые германские армии 5 сентября продолжали свое движение к югу. IV-я достигла к вечеру двумя корпусами (VIII-м и VIII-м рез.), с небольшими боями с неприятельскими арьергардами, района Витри ле-Франсуа—Понтион, XVIII-м корпусом—района Посес—Сен-Мар, а XVIII-м рез.— северных окрестностей Сен-Мара; оба последние корпуса—без боевых столкновений с противником. V-я армия продвинула свой правый фланг на линию Посес—Сен-Мар (IV-й кав. корпус) — Шармонтуа — Триокур (VI-й) — Нюбекур (XIII-й); в центре XVI й корпус, образуя заслон к стороне Вердена, достиг окрестностей Ипекура, VI-й рез.—перешел в район Обревиль—Авокур, а ландв. дивизия—к Маланкуру. В этот день у Клермона, у взятого в плен французского офицера генерального штаба, было найдено приказание по 3-й франц. армии, из которого немцам стало известно о расположении 5-го и 6-го франц. корпусов в южных и юго-западных окрестностях Вобекура, что побудило командующего армией приказать XIII-му корпусу атаковать противника со стороны Триокура, а VI-му и коннице—поддержать эту атаку

[1]) 24-я рез. дивизия, возвращавшаяся в состав XII-го рез. корпуса после падения Живэ, переправилась в этот день через Эн западнее Ретеля.

[2]) В X-й главе I го тома (стр. 469—470) мною уже дана оценка решения ген. Гаузена предоставить своей армии дневку в течение 5 сентября, а потому я не повторяю ее здесь, тем более, что мне еще придется коснуться этого вопроса при подведении итогов марнского сражения, в особенности боев в центре.

с запада, обходя левый неприятельский фланг. Однако, в этот день германским войскам еще не пришлось войти в соприкосновение с французами, и все передвижения были произведены ими без боевых столкновений. На правом берегу Мааса V-й и V-й рез. корпуса оставались в своем прежнем расположении.

В виду того, что директивой главного командования на IV-ю и V-ю армию была возложена задача облегчить двум южным армиям, своим наступлением к юго-востоку, переход через верхний Мозель, обе должны были на следующий день решительно продвигаться между верхней Марной и Маасом. И так как в это время в Лотарингии началось сражение у Нанси, от которого ожидали решения всей мозельской операции, то германская главная квартира вечером 5 сентября подтвердила обеим армиям необходимость, быстрым продвижением к юго востоку, содействовать наступлению германских войск на верхнем Мозеле. IV-й армии указано продвигаться левым флангом на Сермэз, V-й—правым на Ревиньи; IV-му кав. корпусу—наступать перед фронтом обеих армий.

Общее положение германцев к вечеру 5 сентября.

Из сведений, сообщенных мною о движении германских армий, возможно составить себе следующую картину общего положения германцев к вечеру 5 сентября. За исключением небольшого отряда ген. Гронау, оставленного севернее Марны, войска всех пяти армий развернулись по дугообразной линии от западных окрестностей Куломье до Вердена, огибая эту крепость с севера и северо-востока. Промежуток от Куломье до устья Б. Морэна не был занят германскими войсками, почему правый фланг I-й армии был подвержен непосредственному удару со стороны Парижа по южному берегу Марны (где находилась в то время английская армия), и, кроме того, вся I-я армия подвергалась опасности быть обойденной и атакованной с тыла, со стороны нижнего Урка, если бы заслон ген. Гронау не был в силах удержать противника, наступавшего от Дамартена. Все германские войска, находившиеся между Парижем и Верденом, составляли $21^1/_4$ корпус, одну отдельную пехотную и 7 кавалерийских дивизий, или около 470 тыс. чел. боевого состава. Со вступления своего в Бельгию они еще не получали пополнения людьми, что, при больших потерях, понесенных в боях, значительно ослабляло боеспособность войсковых частей. К тому же, лишь с этого дня началась переброска из южных армий войск, предназначенных для усиления правого фланга [1]); но дальность расстояния и не-

[2]) XV-й корпус, 7-я кав. дивизия и штаб VII-й армии.

обходимость направлять железнодорожные поезда кружными путями, в виду разрушений, произведенных противником при своем отступлении, не позволяли расчитывать на скорую помощь этих войск в предстоявших боях.

С другой стороны, перемены, предусмотренные германским главным командованием в расположении своих армий, не обещали в будущем никаких улучшений. Насколько указания французского главного командования, данные им для предстоявшего наступления союзных войск, оказали объединяющее действие на малосогласованную до тех пор оперативную деятельность отдельных армий, настолько директива германской главной квартиры от 4 сентября и дополнительные к ней указания от 5 го, наоборот, внесли разложение в твердый и цельный план преследования противника германскими армиями. В самом деле, две правофланговые армии должны были повернуться к западу, две левофланговые—быстро продвигаться к юго-востоку, т.-е. оба фланга — действовать в расходящихся направлениях, а между ними оставалась слабая III-я армия, которой приходилось быть в готовности, со своими пятью дивизиями и и без армейской конницы, разрываясь на части, помогать то одному, то другому флангу и в то же время удерживать фронт протяжением более 40 килом. Возможно ли было при таких условиях рассчитывать благополучно преодолеть все те затруднения и опасности, которые постепенно накоплялись вокруг германских армий и угрожали им крупными неудачами? И хотя в действительности, вследствие неожиданного наступления союзников, эти оперативные предположения немцев не получили своего полного осуществления, тем не менее, они, несомненно, оказали неблагоприятное воздействие на психологию германских начальников и вызвали опасную несогласованность и растерянность в боевых действиях германских войск в течение ближайших дней.

Кроме того, необходимо принять во внимание, что тревожные сведения, получавшиеся в последние дни в германской главной квартире относительно сосредоточения противником крупных сил в районе Парижа и оказавшие столь решительное влияние на план дальнейшего наступления, сделали германское главное командование крайне чувствительным ко всяким сведениям, касавшимся возможных неприятельских угроз правому флангу и тыловым сообщениям германских армий. Ген. Мольтке с особенной тревогой говорил о положении в западной Бельгии и в районе Лилля, ожидая здесь накопления значительных сил союзников и удара их в тыл правофланговым армиям. Главным образом этими опасениями и было вызвано решение образовать в западной Бельгии армейскую группу ген. Геерингена, для чего 5 сентября и началась переброска сюда войск из VI-й

и VII-й армий. Такая впечатлительность и такой пессимизм, обнаруженные главным командованием накануне решительного столкновения с противником, естественно, не обещали с его стороны ни ясного понимания обстановки, ни твердого управления операциями [1]).

К ночи с 5-го на 6 сентября обе стороны, уже на всем фронте между Парижем и Верденом, стояли в готовности броситься друг на друга, а на нижнем Урке бои уже начались. С часу на час должны были завязаться встречные боевые столкновения и на других участках этого фронта, а из совокупности этих боев—развернуться одно из величайших в военной истории встречных сражений, которому суждено было резко видоизменить всю стратегическую обстановку на западном театре, а вместе с тем и направить по новому пути весь ход мировой войны.

Район сражения.

Районом этого большого сражения, обыкновенно называемого сражением на р. Марне, послужило обширное пространство, ограниченное с запада р. Сеной, с востока р. Маасом, а в направлении с юга на север раскинутое по обоим берегам Марны и по верхнему течению р. Эна. Этот район перерезан многочисленными реками, речками и ручьями, имеющими направление своего течения преимущественно с востока на запад и образующими ряд водных рубежей, из которых некоторые обладают немалым тактическим значением: одни—благодаря характеру своих берегов (некоторые участки р. Марны), другие—благодаря сопровождающим их болотам (верхнее течение р. М. Морэна с сен-годскими болотами). В отношении устройства поверхности район представляет большое разнообразие, от равнин нижней Марны до лесистых хребтов Аргонских гор. Все эти местности густо населены и изобилуют селениями, которые прочностью своих построек способствовали упорству боевых столкновений.

Район предстоявшего сражения имел для французских армий совершенно особое психологическое значение, потому что в его центре, в излучине р. Марны, к югу от Шато-Тьери и Эпернэ, лежат места, с именами которых связаны воспоминания о блестящих победах французских войск в кампании 1814 года. Здесь, на этих памятных полях Фэр-

---

[1]) Каково было в эти дни настроение в германской главной квартире видно из того, что в ее разведывательной сводке 5 сентября сообщалось о доставке 80 тыс. русских из Архангельска в Остенде! Подобные сведения расстраивали ген. Мольтке и побуждали его ожидать опасности с той стороны, откуда появление ее было маловероятно; глядя на карту театра военных действий, он часто указывал на район Лилля и восклицал: „вот откуда грозит опасность“ (Der Weltkrieg 1914 bis 1918, т. IV, стр. 130—131).

Шампенуаза, Этожа, Вошана, Шаннобера и Монмирайя и в теснинах сен-гондских болот, великий император французов, со своей малочисленной и изнуренной армией, в течение трех месяцев сопротивлялся наступлению превосходных сил союзников, одерживая над ними одну победу за другой. И вот теперь, через 100 лет после этих событий, озаренных блеском наполеоновского гения, французам вновь приходилось на тех же полях давно прошедших сражений бороться с врагом, попиравшим родную их землю. Как будто бы тень великого полководца поднялась над Францией и над ее армиями, воодушевляя их для предстоявшей борьбы, призывая их к новым подвигам, предвещая им новые победы...

2. Первый день сражения (6 сентября).

(Схема № 2).

С раннего утра 6 сентября все союзные армии начали наступление. Уже в то время, когда их колонны медленно, но решительно продвигались по дорогам к северу навстречу противнику, а кое-где передовые части уже сражались, войскам был объявлен короткий, но сильный приказ главнокомандующего, призывавший их к выполнению своего долга, к напряжению всех своих сил для достижения победы. „В тот момент,—говорилось в этом боевом призыве,—когда начинается сражение, от которого зависит спасение отечества, каждый должен помнить, что теперь не время оглядываться назад; все усилия должны быть направлены к тому, чтобы атаковать и отбросить противника. Войсковая часть, которая не будет в состоянии продолжать наступление, должна, во что бы то ни стало, удерживать захваченное ею пространство и погибнуть на месте, но не отступать. При настоящих условиях никакая слабость не может быть терпима".

В этот день боевые действия начались раньше всего на западном фланге, в районе нижнего Урка, где бои велись уже накануне и куда с рассветом спешили с правого берега Б. Морэна войска II-го герм. корпуса. К рассмотрению этих боевых действий мы теперь и обратимся.

Бои на правом берегу Марны между Дамартеном и р. Урком.

В течение ночи с 5-го на 6 сентября германские войска IV-го рез. корпуса укрепились в своем расположении за ручьем Теруаном; 7-я рез. дивизия—на высотах у Пюизье, бригада 22-й рез.—между Этрепийи и Варедом, артиллерия заняла позиции вдоль р. Урка у Мэй-ан-Мюльтиена, Лизи и Вареда; а в виду того, что правый фланг этого расположения был подвержен охвату со стороны Дамартена,

все наличные резервы были поставлены у Аси. 4-я кав. дивизия вела разведку западнее Нантейля.

Рано утром войска 6-й франц. армии атаковали противника и к 9 час. утра заняли линию от высот севернее Мо на Шанбри и Барси (группа ген. Ламаза: 55-я и 56-я рез. дивизии и марокккская бригада, имея бригаду 45-й дивизии за своим правым флангом) и далее на Жевр и Шевревий (7-й корпус). Германцы оказали упорное сопротивление этому наступлению, неоднократно переходя в контр-атаки, но, в виду численного превосходства французов, должны были к полудню отвести свои передовые части за руч. Теруан. Одновременно с этим, французами было обнаружено движение двух больших неприятельских колонн, приближавшихся с юга к р. Марне; одна из них шла на Варед, другая—к Лизи. Это был II-й герм. корпус, двигавшийся на поддержку войск ген. Гронау. Около 10 ч. утра командир этого корпуса ген. Линсинген прибыл на поле сражения и принял руководство боевыми действиями обоих германских корпусов; в то же время штаб I-й герм. армии перешел в Шарли. Вскоре после этого начали подходить к полю сражения дивизии II-го корпуса; с целью скорейшего содействия атакованным на Теруане германским войскам, 3-я дивизия была направлена от Вареда левее их, в район Шанбри, а 4-я—правее, на Аси и Пюизье[1]). Так началось вынужденное обстоятельствами перемешивание германских частей, принявшее в последующие дни особенно сложный характер. Лишь к вечеру обе дивизии всеми своими силами вошли в боевую линию, но, вследствие утомления людей и позднего времени, не имели возможности достигнуть каких-либо существенных результатов; французские войска медленно, но настойчиво продвигались к Урку, утвердившись к вечеру на обоих берегах Теруана, на линии Шанбри—Пюизье—Аси, 7-й корпус севернее, группа ген. Ламаза—южнее ручья.

Остальные войска 6-й франц. армии не успели в этот день принять участия в боевых действиях: сводная кав. дивизия наблюдала за правым флангом в окрестностях Кле; кав. корпус ген. Сорде, получивший накануне приказание спешно перейти из юго-западных окрестностей Парижа к Нантейлю, на левый фланг армии, совершал передвижение в этом направлении, частью по железной дороге, а частью походным порядком; бригада 45-й дивизии оставалась у Монтиона, группа рез. дивизий ген. Эбенера стягивалась к Атенвилю, а дивизии 4-го корпуса продолжали высадку в пределах крепостного района и сосредоточивались у Ле-Рэнси.

[1]) Еще в пути II-й корпус был усилен легким артиллерийским полком из состава IV-го корпуса.

Таким образом, бои 6 сентября между Дамартеном и Урком окончились, в общем, благоприятно для французов, но, конечно, далеко не в такой степени, как это было бы возможно при более искусном использовании ими того численного превосходства и тех оперативных выгод, которые были в этот день на их стороне. В то время, когда немцы успели в течение дня более чем удвоить свои силы на поле сражения, при чем переброшенные сюда войска должны были для этого покинуть другой, весьма ответственный боевой участок и переправляться через Марну по ограниченному числу мостов,—французы не подвели ни одного человека к тем войскам, которые были развернуты ими для наступления в районе Дамартена еще накануне. Крупные силы оставались в бездействии в ближайшем тылу, между Дамартеном и Парижем, и французским командованием не было принято никаких мер к тому, чтобы уже в этот день обрушиться на слабого противника и раздавить его. Французские писатели часто указывают, в виде оправдания, на утомление и расстройство этих войск, требовавших отдыха, пополнений и снабжения, но оправдать этими соображениями их бездеятельность совершенно невозможно. Это был один из тех случаев, когда войска должны посылаться на поле сражения, невзирая на их физическое и моральное состояние, потому что их численное превосходство и весьма выгодное (охватывающее) положение по отношению противника сулили им верный успех и как последствие этого, быстрый подъем боеспособности и воодушевления. Решительная победа французов 6 сентября на берегах Теруана резко изменила бы ход сражения на Урке и лишила бы немцев возможности с такой легкостью и быстротой развертывать на этой реке, подходившие с юга, корпуса I-й армии. Несомненно, эта победа способствовала бы также более быстрому наступлению англичан, что, в свою очередь, затруднило и замедлило бы переброску войск ген. Клука, особенно из района Куломье.

Ген. Галиени, обсуждая в своих мемуарах события на нижней Марне в течение 6 сентября, говорит, что движение II-го герм. корпуса с юга к этой реке уже свидетельствовало о начавшемся отступлении противника с марнского поля сражения. В настоящее время, когда нам известны последующие события, а равно обстановка, бывшая в тот день у обеих сторон, мы можем сказать, что в действительности это так и было; но едва ли так думал ген. Галиени в тот момент, когда получил об этом сведение. Движение германских войск с Б. Морэна к нижнему Урку заключало в себе слишком большую опасность для предпринятого французами маневра и поэтому вечером 6 сентября французское командование едва ли могло думать об

отступлении противника с берегов Марны; дело шло теперь, повидимому, не столько о судьбе операции, начатой 6-й франц. армией, сколько о судьбе самой этой армии. В виду этого, необходимо было возможно скорее сосредоточить к нижнему Урку все наличные силы, находившиеся в парижском районе и противопоставить их неприятельскому наступлению. Это и явилось для ген. Галиени задачей на 7 сентября.

Положение остальных войск I-й герм. армии и наступление англичан.

Что же происходило в это время с остальными корпусами I й герм. армии? В виду того, что бои на Урке обнаружили наступление с запада крупных неприятельских сил, в $5^1/_2$ ч. вечера IV-му корпусу было приказано перейти от Дуэ к Ла-Фэртэ-су-Жуару, с целью на следующий день принять участие в боях с этим противником. А в 11-м часу вечера этому корпусу дана задача—настолько продвинуться в течение ночи к северо-западу, чтобы к рассвету 7 сентября иметь возможность атаковать неприятеля на участке Аси—Этрепийи. Предполагалось, что к утру этого дня на нижнем Теруане будут находиться II-й, IV-й рез. (без одной бригады) и IV-й корпуса, а далее к северу—4-я кав. дивизия; но достаточно ли этих сил для того, чтобы задержать наступление противника, об этом в штабе армии не знали, потому что ни о составе, ни о расположении 6-й франц. армии ничего определенного еще не было известно. Было лишь ясно, что войска подверглись натиску превосходных сил.

Постепенно бои разгорались в этот день и на левом фланге армии. С утра обнаружилось наступление французов юго-западнее Эстернэ против IX го герм. корпуса; здесь наступали 18-й и 3-й франц. корпуса, поддержанные резервными дивизиями ген. Валябрега. Появление столь превосходных сил противника, угрожавшего немцам охватом правого фланга, побудили командира корпуса ген. Кваста обратиться за помощью к соседям. В это время III-й герм. корпус уже изготовился к передвижению к северу; однако, командир его, получивши от соседа просьбу о поддержке, решил вновь развернуть свои войска и атаковать противника на участке Санси—Монсо. Здесь он получил приказание ген. Клука принять на себя задачу по обеспечению правого фланга IX-го корпуса. Из соседних корпусов II-й армии,—VII-й, продвинувшись к Монмирайю, оказал войскам ген. Кваста содействие артиллерией 13-й дивизии, а X-й рез.—наступлением 19-й рез. дивизии от Голя к юго-востоку. Впрочем, бои в этом районе (между руч. Обетеном и Б. Мореном) не получили в этот день широкого развития, как вследствие позднего подхода к полю

сражения главных сил противника, так и позднего вступления в боевую линию III-го герм. корпуса. К наступлению темноты германцы прочно держались здесь в занятом ими расположении.

Однако, командующему армией необходимо было теперь решить следующие важные вопросы: что делать в дальнейшем с двумя левофланговыми корпусами? оставлять ли армию и на завтрашний день разделенной на две группы, удаленные одна от другой на 2 перехода, или собрать ее всю на Урке? нужны ли там эти два корпуса или, может быть, надобность в них более настоятельна на правом фланге II-й армии, уже ввязавшейся в тяжелые бои между Монмирайем и сен-гондскими болотами? Для правильного и быстрого решения этих вопросов в той неясной обстановке, в которой действовали в этот день немцы, германский полководец должен был обладать сильной волей и способностью предвидения, чего, повидимому, не оказалось в эту минуту у командующего I-й герм. армией. И он остановился на полумере: основываясь на том, что II я армия должна на следующий день продолжать захождение своим левым флангом на Мариньи-ле-Гран и поэтому оба левофланговые корпуса I й армии окажутся при этом впереди ее фронта,—он приказал в 10 час. вечера обоим, временно перейдя в подчинение ген. Бюлову, в течение ночи отойти за р. М. Морэн, на линию Саблонье—Монмирай. Это распоряжение, помимо того, что имело нерешительный характер (с одной стороны, обе группы I-й армии сближались, а с другой—левофланговая группа как будто бы оставалась поддерживать II-ю армию), обнаруживало малую осведомленность армейского командования о том, что происходило в этот день в соседней армии; потому что характер боев, разыгравшихся на фронте войск ген Бюлова, ни в каком случае не допускал предположения о возможности для этих войск выполнить на следующий день захождение, указанное им главным командованием. Обе армии, I-я и II-я, еще стояли рядом, отчасти выполняя общую задачу южнее Марны, но, под влиянием неожиданных, не вполне ясных для них боевых явлений, они уже начинали непонимать друг друга; это привело их постепенно к целому ряду недоразумений и трений, которые пагубно отразились в последующие дни на исходе операции всего германского правого фланга.

Переброска II-го и IV-го герм. корпусов на северный берег Марны вызвала необходимость бросить к нижнему течению Б. Морэна и на руч Обетен всю конницу обеих германских армий, с целью образовать здесь, к стороне англичан, достаточно плотную завесу, которая могла бы маскировать движение пехоты к северу и служить прикры-

тием для правого фланга германских войск, сражавшихся в районе Санси – Эстернэ. II-й кав. корпус ген. Марвица (2-я и 9-я кав. дивизии) наступал в общем направлении на Куломье и далее к юго-западу; в окрестностях Розуа он обнаружил крупные силы англичан, продвигавшихся к северо-востоку и, после небольших столкновений с неприятелем, отошел к Куломье для наблюдения за участком Б. Морэна от устья до Ла-Фэртэ-Гошэ. I-й кав. корпус ген. Рихтгофена (гвард. и 5-я кав. дивизии) пытался продвинуться к Провэну, но не мог преодолеть сопротивления противника (главным образом французской конницы ген. Конно) и ограничился оборонительными действиями у Куртасона с целью задержать продвижение к северу левого фланга, 5-й франц. армии. Весь этот день германская конница, частью своими собственными силами, а частью при содействии ближайших пехотных частей, замедляла наступление неприятельских войск с юга и юго-запада, предоставляя германскому командованию необходимое время для выполнения различных перегруппировок в пределах I-й армии на обоих берегах Марны.

Эти боевые действия приобретали особенно важное значение в районе нижнего течения Б. Морэна, потому что в этом направлении уже наступала вся английская армия, которая не только угрожала своим движением правому флангу и тылу германских войск, находившихся в окрестностях Эстернэ, но и могла создать для немцев значительные затруднения при переброске ими к северу остававшихся еще южнее Марны корпусов ген. Клука. Поэтому конным дивизиям ген. Марвица приходилось напрягать все свои усилия для того, чтобы возможно дольше замедлять движение превосходных сил противника. Посмотрим же теперь, как происходило это наступление английской армии и оказалось ли оно в действительности столь грозным, как следовало ожидать при том взаимном положении сторон, которое существовало в этот день к югу от Марны.

Из сказанного мною о событиях 6 сентября ясно, какое огромное значение должно было принадлежать в этот день действиям английской армии; чем дальше продвигалась к востоку 6-я франц. армия, чем больше спешили немцы с переброской своих сил на северный берег Марны, тем настоятельнее была потребность в быстром продвижении к северо-востоку корпусов фельдм. Френча. Между тем, англичане вообще были мало расположены к быстрым и решительным действиям, все еще считая их слишком рискованными для себя в занимаемом ими положении. Их воздушная разведка рано утром обнаружила присутствие противника на Б. Морэне, что придало еще более нерешительности и неуверенности распоряжениям английского

главнокомандующего, предполагавшего, что главные силы I-й герм. армии находятся именно здесь. Тем не менее, в виду указаний французского главного командования, наступать приходилось.

Наступление английской армии началось лишь в 10-м часу утра; правый фланг армии (1-й корпус и обе кав. дивизии) столкнулся на линии Водуа — Пезарш с частями II-го герм. кав. корпуса, поддержанного пехотными арьергардами, оставленными II-м и IV-м герм. корпусами на Б. Морэне. С целью более действительной маскировки отступательного движения этих корпусов, немцы неоднократно переходили в наступление; столь активный способ их действий поддерживал в английских начальниках уверенность, что здесь наступают крупные неприятельские силы, хотя английские летчики уже около полудня заметили большие неприятельские колонны, двигавшиеся к северу. В общем, правый фланг англичан продвигался медленно и осторожно; вследствие этого, нерешительно наступали и остальные два корпуса, несмотря на то, что перед ними находились только мелкие разведывательные части противника.

Эти вялые действия англичан сильно обеспокоили ген. Галиени, который обратился к фельдм. Френчу с просьбой быстрее продвигать свою армию, соответственно с задачей, возложенной на нее французским главным командованием. Но не одно лишь медленное движение английских войск тормозило успех союзного наступления на нижней Марне; затрудняло его также и отвлечение англичанами французских войск для совершенно неважных целей. Мы видели, что, по требованию фельдм. Френча, ген. Галиени еще накануне решил отправить на южный берег Марны (к Ланьи) 8-ю франц. дивизию, только что закончившую высадку около Парижа; и так как желательность оказать поддержку левому флангу английской армии была подтверждена 6 сентября ген. Жоффром, то эта дивизия и была передвинута, в ночь с 6-го на 7-е, от Ле-Рэнси на левый берег Марны, где она и находилась в бездействии в течение всего сражения на Урке.

К вечеру 6 сентября англичане достигли своими главными силами линии Водуа (1-й корпус и 1-я кав. дивизия), Пезарш (2-я кав. дивизия), Отфей (2-й корпус), Вильнев (3-й корпус); передовые части 2-го и 3-го корпусов дошли до Б. Морэна на участке от Куломье до Креси. Если мы вспомним, что директива Жоффра от 4 сентября предполагала, что английская армия еще вечером 5-го будет на линии Шанжи—Куломье (а это было бы вполне возможно, если бы Френч не увел ее в этот день далее к юго-западу), то нам станет ясным, насколько эта армия отставала от оператив-

ных предположений главного командования и в какой мере излишняя осторожность и нерешительность фельдм. Френча разрушали оперативный замысел ген. Галиени. Во всяком случае, германские корпуса могли беспрепятственно совершать свое передвижение с обоих Морэнов к нижнему Урку, а германская конница могла считать в этот день свою задачу выполненной блестяще. На 7 сентября английской армии было приказано французским главным командованием продолжать наступление, но уже не на Ребэ, а в более северном направлении, чтобы не столкнуться за Б. Морэном с левым флангом 5-й франц. армии, продвигавшейся на Ла-Фэртэ-Гошэ.

Боевые действия II-й и III-й герм. армий против 5-й и 9-й французских (бои у Эстэрнэ и у сен-гондских болот).

Насколько новые условия обстановки, вызванные переходом союзников в общее наступление, выявлялись для I-й герм. армии, в течение 6 сентября, с быстротой и ясностью, вынуждавшими ее к принятию уже в тот же день оперативных решений в новом направлении, настолько во II-й армии этот процесс происходил гораздо медленнее, вследствие различных обстоятельств объективного характера (более позднего появления противника, отсутствия непосредственной опасности для флангов и т. п.). До полудня командующий армией оставался в твердой уверенности, что французы продолжают отступление, почему в 12 ч. дня он отдал следующий приказ: „5-я франц. армия уже находится своими главными силами за Сеной: различные сведения согласно указывают на переброску противником своих войск с участка Ромийи-Ножан на запад; севернее Сены оставлены лишь неприятельские арьергарды. Необходимо проявить крайнюю энергию с целью уничтожения этих неприятельских сил и для разрушения железной дороги. Соответственно этому, армии продолжать преследование“ [1]).

Таким образом, в то время, когда 5-я франц. армия уже атаковала своим левым флангом корпуса I-й германской у Эстернэ, а остальными силами с минуты на минуту должна была столкнуться с авангардами корпусов ген. Бюлова, последний все еще собирался в поход за Сену, а о 9 й франц. армии, повидимому, он и совсем не думал.

В действительности же, вскоре после полудня, на всем своем фронте от Эстернэ до сен гондских болот, II-я герм. армия вела упорные бои с двумя французскими армиями. Раньше всего, как я уже говорил, правому флангу ген. Бюлова пришлось отозваться на призыв о помощи со сто-

[1]) Повидимому, здесь говорится о железнодорожной линии, пролегающей вдоль р. Сены.

роны IX-го корпуса, который был атакован превосходными силами противника к юго западу от Эстернэ. А затем, все корпуса встретили на путях своего наступления крупные силы французов: X-й рез. корпус, несколько юго восточнее Голя, вступил в бой с 10-м франц. корпусом; X-й в районе Шарлевиль – Конжи—с войсками 42 й и марокканской дивизий (9-й франц. армии), а гвардейский, у восточной оконечности сен-гондских болот (в районе Ольнизэ, Морэн ле-Пти)—с правофланговыми частями ген. Фоша. Германские войска продвигались весьма медленно, особенно в районе сен-гондских болот, где, кроме сильного артиллерийского огня неприятеля, наступление задерживалось и неблагоприятным характером местности. Тем не менее, к вечеру немцы оттеснили противника за болота и утвердились у северных выходов из них. Тяжелым оказалось положение прусской гвардии, вследствие того, что III-я герм. армия, отдыхавшая накануне весь день, была к утру 6 сентября значительно назади левого фланга II-й и давала возможность противнику угрожать гвардейскому корпусу охватом его левого фланга у Морэн-ле-Пти. Приходилось поэтому обратиться к ген. Гаузену с просьбой поторопить движение своего правого фланга и поддержать гвардию восточнее сен-гондских болот.

Между тем, III-я герм. армия с утра наступала следующим образом: 23-я рез. дивизия шла на Вэртю [1]), XII й корпус—на Ватри, а XIX-й—вверх по левому берегу Марны, на Люази. К полудню первая достигла без боя восточных окрестностей Вэртю, а XII-й корпус—линии Жерминон—Ватри. В это время командир этого корпуса получил от 2-й гвард. дивизии просьбу оказать ей содействие в отражении превосходных сил противника у Морэн-ле-Пти. В виду этого, 32-й дивизии было приказано в 2 часа дня повернуть от Жерминона к юго-западу, в охват правого фланга французов; а так как другая дивизия этого корпуса (23-я) продолжала наступать восточнее Ватри, то скоро между ними образовался разрыв в 20 килом., для заполнения которого пришлось направить от Вэртю 23-ю рез. дивизию. Одновременно с этим, XIX й корпус был отвлечен для содействия VIII-му корпусу (правофланговому IV-й армии) и продвигался к Витри-ле-Франсуа. Итак, III-я армия, подобно тому, как и в предыдущие дни, оказалась раздерганной, а потому и непригодной для энергичного наступления в южном направлении, в чем, главным образом. и заключалась ее задача, данная ей главным командованием. К тому же, движение 32-й дивизии от Жерминона не при-

[1]) 24-я рез. дивизия (того же, XII-го рез. корпуса) была в этот день у Реймса.

вело к решительным результатам, как вследствие того, что оно было поздно начато, так и потому, что дивизия, совершив в этот день усиленный переход, была сильно утомлена. Поэтому левому флангу II й армии приходилось самостоятельно бороться с противником, что, впрочем, к вечеру было облегчено ослаблением неприятельского наступления. К ночи 2-я гвард. и 32-я дивизии отбросили войска 11-го франц. корпуса за линию Морэн-ле-Пти, Нормэ.

Несмотря, однако, на такой упорный характер боев в течение 6 сентября, воздушная разведка II-й герм. армии попрежнему сообщала об отступлении французских войск к Сене. На 7 сентября ген. Бюлов вновь приказывает своей армии продолжать движение к югу, при чем в этом наступлении должны были принять участие и оба левофланговые корпуса I-й армии, а 13-я дивизия (VII-го корпуса)—двигаться в промежутке между X-м рез. и IX-м корпусами. Впрочем, этому наступлению не суждено было осуществиться, потому что, как я уже говорил, ген. Клук, в ночь с 6-го на 7 сентября, приказал III-му и IX-му корпусам перейти на северный берег М. Морэна. Кроме того, в эту же ночь было получено сообщение главной квартиры о захваченном французском приказе, в котором назначалось на 7 сентября общее наступление союзных армий. Теперь уже невозможно было сомневаться в активных намерениях противника, а вместе с тем становилось ясным и значение французских атак между Дамартеном и Урком. И II-й герм. армии уже необходимо было отказаться от своего намерения достигнуть берегов Сены и следовало принять для дальнейших действий какие-то новые решения, более соответствующие изменившейся обстановке.

Обратимся теперь к изложению того, как наступали и как сражались 6 сентября войска 5-й и 9-й франц. армий, развернувшихся от Провэна до сен-гондских болот.

5-я армия должна была начать наступление с утра и продвигаться в общем направлении на Монмирай, при чем, приказом по армии, корпусам была указана линия (Монсо—Эстернэ—Шарлевиль), далее которой наступать в этот день не следовало и где войскам было приказано окопаться. На левом фланге армии наступал 2-й кав. корпус (ген. Конно), которому была дана задача поддерживать связь с английской конницей [1]). Дивизии ген. Конно (считая справа налево—10-я, 8-я и 4-я) двигались, в тесной связи с левым флангом 18-го корпуса, на Куршан к Куртасону, но так как в то же время со стороны последнего обнаружилось насту-

[1]) Французские кав. дивизии почти всегда имели при себе 1—2 батальона пехоты, которые нередко перевозились, вслед за конными частями, на грузовых автомобилях.

пление германской конницы (I-го кав. корпуса ген. Рихтгофена), то дело ограничилось здесь небольшими боевыми столкновениями на левом берегу руч. Обетена, и французская кавалерия остановилась в окрестностях Шансенэ.

18-й корпус получил задачу наступать на Санси и далее западнее Монмирайя [1]). Лишь около полудня началось движение его главных сил, происходившее весьма медленно и осторожно; несколько южнее линии Санси—Монсо завязались бои с войсками III-го герм. корпуса, в результате которых 35-я франц. дивизия заняла Монсо, но этим наступление французов здесь и закончилось. Следовавшие за 18-м корпусом две рез. дивизии ген. Валябрега (53-я и 69-я) содействовали его продвижению огнем своей артиллерии, но своей пехоты не вводили в бой. 3-й корпус атаковал германцев на участке Монсо—Курживо, занявши последнее селение 5-й дивизией, но дальше продвинуться не мог, вследствие встречного наступления частей IX-го герм. корпуса. Правее, 1-й корпус шел от Ле-Форестьера на Эстернэ, но с трудом достиг южных и юго-восточных окрестностей последнего. Наконец, 10-й (усиленный 51-й рез. дивизией), наступая от Сезана на Голь, после упорных боев с X-м рез. корпусом противника, остановился, не доходя линии Эстернэ—Шарлевиль.

Нельзя не признать, что результат боевых действий 5-й франц. армии оказался в этот день совершенно ничтожным. Армия не достигла даже тех ограниченных целей, которые были так осторожно указаны ей для этого наступления. Зачем так ослабляли условными рубежами наступательный порыв этих войск, истомившихся длительным отступлением? Неужели ген. Франшэ-д'Эсперэ представлял себе наступление своей армии в виде таких переползаний от одной условной линии к другой, с ежедневным окапыванием по окончании боя? При наличии столь крупных сил,—никакого наступательного размаха, никакого оперативного замысла, никакого маневра!.. Имея везде большое численное превосходство, французы нигде не имели успеха, хотя их охватывающее положение по отношению германских войск, находившихся в районе Эстернэ, давало им возможность достигнуть здесь решительных результатов. В боях между руч. Обетеном и Б. Морэном, против 4-х германских дивизий (III-го и IX-го корпусов) у них было 9 дивизий (по три 18-го и 3-го корпусов, две резервные и одна 1-го корпуса), а между Б. и М. Морэнами, против 2-х дивизий X-го рез. корпуса—4 дивизии

[1]) В составе 18-го корпуса, кроме своих двух дивизий (35-й и 36-й), находилась 38-я дивизия алжирского корпуса, а в составе 3-го корпуса, кроме 5-й и 6-й, другая (37-я) дивизия того же алжирского корпуса.

(одна 1-го, две 10-го корпуса и одна резервная). Следовательно, везде мы видим двойное численное превосходство, с более многочисленной конницей и с отличной артиллерией, о действиях которой все германские источники отзываются с большой похвалой! Нерешительные действия этой крупной массы французских войск производят такое впечатление, как будто бы ни войска, ни их начальники, до командующего армией включительно, еще не верили, что наступление действительно началось и что успех возможен. Повидимому, их психология с трудом освобождалась от тяжких воздействий продолжительных неудач и пережитых потрясений.

Бок-о-бок с 5-й армией вела бои в сен-гондских болотах 9-я армия ген. Фоша. Хотя она имела, в общем, задачу оборонительного характера, тем не менее ее левый фланг должен был наступать к Вошану, с целью содействия продвижению 5 й армии, а центр (обе дивизии 9-го корпуса)— вести активную оборону сен-гондских болот.

42-я дивизия с раннего утра завязала бой с войсками X-го герм. корпуса у Шарлевиля и вела его здесь с переменным успехом весь день, при содействии на левом фланге частей 20-й дивизии (10-го франц. корпуса); но продвинуться далее, к Вошану, она не могла. В свою очередь, авангарды обеих дивизий 9-го корпуса, находившиеся севернее сен-гондских болот, у Конжи и восточнее, повели с утра наступление на линию Шаппобер—Этож, но вскоре, на пути к этим селениям, были атакованы немцами: 20 й дивизией (X-го корпуса) и 1-й гвард. (гвард. корпуса). После упорного боя оба авангарда, не поддержанные остальными силами, находившимися за болотами, были отброшены за них; марокккская дивизия пыталась овладеть Талю-Сен-При, но неудачно. К ночи 17-я дивизия собралась к северо-западу от Конантра, а марокккская—восточнее Мондемана, обе—имея свои авангарды у южной окраины болот. Приданная 9-му корпусу 52-я рез. дивизия, не принимая участия в боях, весь день оставалась южнее болот, в окрестностях Бана, а к вечеру отошла к Фэр-Шампенуазу.

Правый фланг армии ген. Фоша (11-й корпус с 60-й рез. дивизией) сначала пытался, хотя и не очень решительно, угрожать от Нормэ левому флангу прусской гвардии у Морэн-ле-Пти, но, после подхода сюда 32-й герм. дивизии (XII-го корпуса), был оттеснен немцами за линию Нормэ—Сомсу. В этот день, на усиление правого фланга армии, к Фэр-Шампенуазу, была направлена, только что прибывшая из Лотарингии в западные окрестности Майи, 18-я дивизия, но она не успела принять участия в боевых действиях этого дня [1]). 9-я кав. дивизия располагалась

[1]) Об этой дивизии см. т. I, подстрочное примечание на стр. 184.

своими главными силами у Майи и вела разведки с небольшими боями на Витри-ле-Франсуа и на Ватри, имея задачей наблюдать за промежутком до левого фланга 4-й армии, т.-е. участок Сомсу—Сомпюи, представлявший собой один из наиболее слабых, легко подверженных неприятельскому прорыву участков французского фронта. Впрочем, к счастью для французов, совершенно случайно в расположении германских войск против этого участка находилось пустое пространство: мы видели, что III-я герм. армия в этот день раскололась на две части, наступавшие в расходящихся направлениях (на Морэн-ле Пти и на Витри-ле-Франсуа), и хотя для заполнения образовавшегося разрыва и была направлена из 2-й линии, от Вэргю, 23-я рез. дивизия, но она могла занять район Ватри—Сомсу не ранее ночи на 7 сентября. Следовательно, в этот день ни одна из сторон не имела возможности использовать слабость противника в этом районе, но каждая из них, естественно, опасалась за судьбу этого направления.

Итак, для 9-й франц. армии первый день наступления окончился более неудачно, чем для 5-й. Несмотря на обнаруженное ею стремление к активным действиям, она не только не была в состоянии продвинуться к северу, но и потеряла те удобные позиции, на которых утвердилась вечером 5 сентября. Она не столько содействовала в этот день наступлению правого фланга соседней армии, сколько просто прикрывала его своим расположением с северо-востока; она, как и 5-я армия, обладала численным превосходством по отношению противника, правда, не столь значительным, как та, но за то и закончила этот день крупной боевой неудачей.

Насколько в 5-й армии основной причиной ее малоуспешного наступления являлась излишняя осторожность и неуверенность ее действий, при ограниченности целей и отсутствии маневра, настолько в 9-й причину понесенной неудачи мы должны искать в неиспользовании всех сил, находившихся в распоряжении ген. Фоша. В самом деле, в боях у Конжи, севернее сен-гондских болот, принимали участие не все войска 9-го корпуса, половина коих бездействовала в качестве резервов южнее болот; затем, 52-я рез. дивизия в этот день оставалась у Бана, а 60-я рез. выполняла совершенно пассивную роль по наблюдению (и то лишь частью своих сил) участка между Нормэ и дорогой Майи—Шалон. Таким образом, из 7-ми пех. дивизий, входивших в состав армии, по крайней мере три не были введены в бой, что, конечно, фактически лишало французов их численного превосходства. Не введя в дело севернее сен-гондских болот всех войск 9-го корпуса, французы дали возможность противнику разбить их авангарды

и отбросить их за болота; а это должно было, естественно, неблагоприятно повлиять на общее положение армии и задержать в этот день ее выдвижение за М. Морэн.

Боевые действия IV-й и V-й герм. армий против 4-й и 3-й французских, между Витри-ле-Франсуа и Верденом (бои на р.р. Соль и Орнэне и у Вердена).

Обе армии германского левого фланга, IV-я и V-я, с утра продолжали наступление к юго-востоку, имея вполне определенную, хотя и трудно выполнимую задачу — открыть двум южным армиям выход на левый берег Мозеля. Здесь, как и на других участках своего фронта, немцы не расчитывали встретить в этот день упорного сопротивления противника, а тем более его активных действий, почему и в этих боевых столкновениях заключалось для них много неожиданного. IV-я армия наступала к р.р. Соль и Орнэну в полосе, ограниченной с запада р. Марной, а с востока—линией Сен-Мар—Сермэз, против 4-й франц. армии, занимавшей расположение по обе стороны р. Марны от Эмбовиля на Курдеманж, Воклер, Блем и Моруп до Сермэза. Собственно, против четырех корпусов герцога вюртембергского находились лишь два французских корпуса, колониальный и 2-й, сильно растянутые за оборонительной линией р.р. Соль и Орнэна [1]), что давало здесь немцам значительное превосходство в силах и облегчало им быстрый захват этой оборонительной линии между Витри-ле Франсуа и Сермэзом. Французский колониальный корпус, атакованный у Мароля, Воклера и Брусона войсками VIII-го рез. и частью VIII-го герм. корпусов, с трудом удерживал свои растянутые позиции, а 2-й был оттеснен XVIII-м за Парньи. К вечеру два правофланговые корпуса IV-й герм. армии утвердились на южном берегу рейно-марнского канала; XVIII-й корпус оставался еще на северном берегу. XVIII-й рез., предназначенный для содействия правому флангу V-й армии, наступал к Ревиньи и занял этот пункт 25-й рез. дивизией; другая (21-я рез.) дивизия этого корпуса оставалась у Вруаля.

Между тем, французские левобережные корпуса, 17-й и 12-й, получили утром приказание наступать, из занимаемого ими расположения в южных и восточных окрестностях Эмбовиля, на Сомпюи и Курдеманж и около 10 час. утра начали наступление в указанных им направлениях. Это движение обоих корпусов шло в охват правого фланга IV-й герм. армии, и так как на левом берегу Марны, в районе Витри-ле-Франсуа, находилось в то время лишь

[1]) Вдоль течения р. Соль до Парньи и далее вдоль р. Орнэна тянется рейно-марнский канал, который в некоторых описаниях этих боев упоминается вместо рек.

незначительное количество германских войск (а именно, только одна правая колонна 16 й дивизии VIII-го корпуса, наступавшая на Гланн), то не представлялось возможным остановить это продвижение противника. В виду этого, командующий армией обратился за содействием к своему соседу справа, ген. Гаузену, прося его направить свой левый фланг на Витри-ле-Франсуа, с целью прикрыть здесь угрожаемый фланг германских корпусов, наступавших к р. Соль. Результатом этого призыва о помощи, обращенного к III-й армии, в связи с необходимостью для последней оказать поддержку гвард. корпусу у сен-гондских болот, и явилось то разделение этой армии на две, не связанные одна с другой группы, о котором я упоминал при описании боевых действий саксонцев в течение этого дня. Вечером XIX-й корпус достиг западных окрестностей Люази, а 23-я дивизия дошла до Кооля, чем вполне обеспечивался для дальнейших боев правый фланг IV-й герм. армии, уже стоявшей в это время всеми своими силами за рейно-марнским каналом.

В тот же вечер 4-я франц. армия получила крупное подкрепление: в ее тыловом районе, у Васси, окончил высадку, только что прибывший из Вогезов, 21-й корпус, но он требовал не менее суток для того, чтобы войти в боевую линию, а потому мог принять участие в боевых действиях не ранее 8 сентября.

В тесной связи с IV-й армией должна была наступать с утра 6 сентября и V-я герм. армия, в общем направлении к юго-востоку. Главный удар был намечен в район Ревиньи—Бар-ле-Дюк, куда направлены IV-й кав., VI-й и XIII й корпуса; прочим войскам указано продвигаться между р.р. Эром и Маасом, сохраняя связь с корпусами, обложившими Верден на правом берегу Мааса. IV-й кав. корпус весь день оставался за наступавшим к Ревиньи XVIII-м рез. корпусом, выжидая момента, когда пехота овладеет переправами на рейно-марнском канале; только батареи 3-й кав. дивизии своим огнем оказали некоторое содействие наступлению этого корпуса. Обе дивизии VI-го корпуса продвигались с боями на Сомэйе и далее к югу и к вечеру расположились фронтом к востоку от Сомэйе до Брабана (в северных окрестностях Ревиньи). В это время XIII-й корпус, хотя и медленно, но успешно теснил правофланговые части 5-го франц. корпуса от Триокура к Вобекуру и занял этот пункт, протянув свой левый фланг к стороне Бозэ. Более тяжелым оказалось положение XVI-го корпуса, левому флангу которого угрожали неприятельские силы, расположенные в районе Суйи. Правофланговая (34-я) дивизия этого корпуса, хотя и с трудом, но продвинулась по правому берегу р. Эра до Нюбекура, но 33-я дивизия, южнее линии Ипекур – Суйи,

ввязалась в столь упорные бои с противником, атаковавшим ее с востока, что не могла продвинуться и к вечеру расположилась в южных окрестностях Ипекура, фронтом к востоку. В таких же трудных условиях пришлось вести в этот день бои и VI-му рез. корпусу, который должен был дойти до Ипекура, с целью сменить здесь 33-ю дивизию и принять на себя обеспечение левого фланга наступавших к югу корпусов. Атакованный со стороны Вердена в районе Виль-сюр-Кузанса, он занял к вечеру растянутое расположение между Фруадом и Обревилем, фронтом тоже к востоку. Ландв. дивизия Франке оставалась на месте, протянувши свой правый фланг до Авокура. В общем, левый фланг армии оставался в этот день в оборонительном положении; правый, хотя и продвинулся, но все же не достиг поставленной ему цели, встретивши упорное сопротивление противника между Ревиньи и Вобекуром.

Как и следовало ожидать, для 3-й франц. армии не представлялось возможным, при том взаимном положении сторон, которое существовало в районе Вердена, и при наступательных действиях противника, выполнить задачу, возложенную на нее в этот день французским главным командованием. Поэтому, вместо того, чтобы пытаться повести рискованное наступление своими главными силами к западу, прикрываясь небольшим заслоном с севера, ген. Сарайль решил наступать всеми силами в северо-западном направлении, нанося главный удар своим правым флангом, между р.р. Эром и Маасом, совместно с войсками верденского гарнизона; центр и левый фланг армии должны были задерживать наступление немцев на всем остальном фронте до р. Орнэна. Такой способ действий, между прочим, вполне соответствовал желаниям французского командования сохранить прочную связь с Верденом, с целью не допустить противника к обложению крепости на обоих берегах Мааса.

Предположения ген. Сарайля были выполнены в этот день следующим образом. Две резервные дивизии наступали севернее, а обе дивизии 6-го корпуса южнее Суйи, все — к р. Эру, в район Нюбекур—Бозэ; 65 я рез. дивизия находилась в армейском резерве у Шомона. Войска 5-го корпуса наступали между Ранберкуром и Ревиньи, а 7-я кав. дивизия оставалась в южных окрестностях Вобекура, поддерживая связь между обеими группами армии. Вместе с тем, коменданту Вердена, ген. Кутансо, было приказано атаковать противника частями крепостного гарнизона и 72 й рез. дивизией у Виль-сюр-Кузанса.

В результате всех этих распоряжений командующего 3-й франц. армией, на берегах р. Эра и разыгрались те бои, которые, как мы видели, задержали наступление XVI-го и VI-го рез. корпусов противника. Между тем, на левом фланге

армии положение французов оказалось менее благоприятным: 5-й корпус, под натиском превосходных сил неприятеля, потерял Ревиньи и отошел на линию Васинкур—Вилот—Ранберкур. И хотя в этот день армия ген. Сарайля очень мало продвинулась своим правым флангом в районе Суйи, а на левом даже была оттеснена к востоку, тем не менее, ей все-таки удалось задержать общее продвижение V-й герм. армии и сохранить связь с Верденом. Для первого дня наступления такой результат боев не мог считаться неблагоприятным и не исключал возможности дальнейшего успеха наступательных действий, особенно в виду приближения к полю сражения значительных подкреплений: в этот день вечером у Гондрекура начал высадку 15-й корпус, перевозившийся из Лотарингии и назначенный в состав 3-й франц. армии.

Итоги первого дня сражения.

Первый день битвы на Марне закончился. И когда ночь опустилась темным покровом на необъятное поле сражения, обе стороны с трудом разбирались в той сложной обстановке, в которой им пришлось в этот день вести бои между Парижем и Верденом, и едва ли предугадывали, что́ даст им завтрашний день. Ни одна из них еще не достигла существенного успеха на пути к поставленной себе цели и не создала для своих дальнейших операций каких-либо благоприятных условий в группировке своих сил.

На немецкой стороне I-я и II я герм. армии не могли занять назначенного им положения между Уазой и Сеной и обе, неожиданно для себя, были атакованы крупными силами противника, что совершенно спутало их расчеты и вызвало со стороны армейского командования новые решения, последствия которых еще невозможно было предусмотреть; III-я армия, казалось, имела возможность наступать в указанном ей направлении, на котором ей даже не угрожало сильное неприятельское сопротивление, но разделение сил, вызванное необходимостью помогать соседям, лишило ее всех выгод, связанных с наступлением в промежуток между 9-й и 4-й франц. армиями. Что же касается IV-й и V-й армий, то они лишь незначительно продвинулись вперед и притом под угрозой неприятельского охвата своих наружных флангов (IV-я — у Витри-ле-Франсуа, а V-я — у Вердена). Следовательно, центр и левый фланг германцев оставались, в общем, в прежнем положении, но на правом фланге обстановка стала для них гораздо сложнее и опаснее.

С другой стороны, у союзников бои на Урке не дали 6-й франц. армии значительного продвижения к востоку, а бездействие англичан предоставило немцам возможность перебрасывать свои корпуса с южного на северный берег

Марны и сосредоточить в весьма короткий срок достаточные силы для противодействия неприятельскому наступлению со стороны Парижа; в центре союзного фронта 5-я франц. армия имела небольшой успех лишь на своем левом фланге, против которого противник уже отходил, в связи с переброской своих войск к северу, а 9-я армия понесла крупную неудачу при своих попытках наступать в районе сенгондских болот. Наконец, 4-я и 3-я армии, в общем, сохранили свое положение, даже пытаясь угрожать флангам противника на верхней Марне и на Маасе.

В результате первого дня сражения шансы сторон на победу или поражение были в равной мере неясны. Но одно было несомненно, это — окончательное крушение первоначального германского плана (оттеснения неприятельских армий к французским восточным крепостям с обходом их левого фланга), возврат к которому был теперь уже невозможен, даже при самых благоприятных для немцев результатах начавшегося сражения. Это сделалось вполне ясным для германского главного командования уже к вечеру этого дня, когда в германской главной квартире стал известен боевой приказ ген. Жоффра об общем наступлении.

3. Второй день сражения (7 сентября).

(Схема № 3).

Боевые действия I-й германской и 6-й французской армий на р. Урке.

Оба противника, сражавшиеся на Урке, напрягали теперь все свои силы, чтобы сосредоточить здесь возможно больше войск для решительного наступления. У немцев подходил сюда от Ребэ IV-й корпус, а последние два корпуса I-й армии (III-й и IX-й) уже потянулись на северный берег М. Морэна, с целью приблизиться к полю сражения. С севера, из Бельгии, уже шла, на присоединение к IV-му рез. корпусу, 43-я рез. бригада[1]). Кроме того, для усиления правого фланга I-й армии было приказано командиру 10-й ландв. бригады, полк. Шуленбергу, направить к Вилер-Котрэ все свободные войска с ближайших тыловых сообщений из района Шони, а для более удобного управления боевыми действиями штаб армии перешел из Шарли в Вандрест[2]). С другой стороны, у французов 1-й кав. корпус уже собирался в окрестностях Нантейля, резервные дивизии ген. Эбенера подходили к Атенвилю, а последние части 4-го корпуса, после высадки, собирались у Ле-Рэнси.

---

[1]) Она шла пешком на Камбрэ, Перон, Нуайон и Компьен.

[2]) В эту ночь тылы всех корпусов I-й герм. армии были передвинуты к верхнему течению Урка.

К утру 7 сентября, с подходом в район Аси—Этавиньи обеих дивизий IV-го корпуса, германские войска развернулись на нижнем Урке следующим образом. Все три корпуса (II-й, IV-й и IV-й рез.), вверенные общему руководству командира II-го корпуса, ген. Линсингена, образовали три боевые группы: северную, ген. Сикст-фон-Армина (16-я бригада, 7-я и 4-я дивизии), занявшую участок Антильи—Аси, имея на своем правом фланге 4-ю кав. дивизию; центральную, ген. Гронау (15-я бригада, 7-я рез. и 22-я рез. дивизии), развернувшуюся далее до Этрепийи; и южную, ген. Троселя (3-я дивизия) — от Этрепийи до Вареда.

В полдень ген. Линсинген перешел в наступление на участке от Антильи до Этрепийи, с целью облегчить положение своего левого фланга, подвергшегося сильному натиску французских войск ген. Ламаза и фланговому обстрелу неприятельской артиллерии со стороны Мо. После упорного боя, немцам удалось, при содействии мощного огня тяжелых батарей, занявших позиции между Этрепийи и Мэйан-Мюльтьеном, контр-атакой 7-й дивизии отбросить 61-ю франц. рез. дивизию у Вилер-Сен-Женэ, а 4-й кав. дивизией отразить атаку французской конницы (частей 5-й кав. дивизии) между Кюверньоном и Урком; в центре 22-я рез. дивизия заняла Этрепийи, вытеснивши оттуда войска 56-й рез. дивизии противника.

Несмотря на эти частные успехи, чувствовалось, однако, что неприятель быстро усиливается, особенно на своем левом фланге и что поэтому наличных сил недостаточно для достижения решительных результатов. В виду этого, во 2-м часу дня ген. Клук приказал III-му и IX-му корпусам двинуться к Урку, через Шарли и Ази, с таким расчетом времени, чтобы, перейдя утром 8 сентября реку у Круи и у Ла-Фэртэ-Милона, атаковать противника на правом фланге армии. При этом, вследствие тяжелого положения, в котором находились германские войска в районе Вареда, левофланговой (5-й) дивизии III-го корпуса было приказано идти по кратчайшему направлению на Лизи, а 9-я кав. дивизия (II-го кав. корпуса), отходившая, под натиском английских войск, из района Куломье - Помэз к северу, направлена частью к Трильпору, а частью к Танкрю для обеспечения германского левого фланга. Другая (2-я) дивизия того же кав. корпуса отходила одновременно с этим с Б. Морэна (восточнее Куломье) на Ла-Фэртэ-су-Жуар.

К вечеру этого дня войска ген. Линсингена утвердились на линии Антильи—Аси—Варед, где им было приказано окопаться и загнуть свой левый фланг, угрожаемый охватом со стороны Пеншара. Возобновление наступательных действий было предположено на следующий день лишь после прибытия III-го и IX-го корпусов, которые должны

были в 2 часа дня 8 сентября начать движение: III-й корпус от Монтрей на Марей и от Ла-Фэртэ-су-Жуара на Круи, для атаки к северу от Антильи, а IX-й—от Шато-Тьери на Ла-Фэртэ-Милон. II-му кав. корпусу дана задача прикрывать левый фланг армии со стороны Куломье и нижнего течения Б. Морэна, а также действовать против неприятельской артиллерии, находившейся у Мо.

Посмотрим теперь, как располагались и действовали в этот день войска 6-й франц. армии.

В виду того, что быстрота и решительность действий на Урке имели для французов особенно важное значение и должны были не дать противнику времени подвести сюда силы, достаточные для противодействия удару со стороны Парижа, французским главным командованием было приказано 6 й франц. армии решительно наступать 7 сентября к Урку, продвигаясь в то же время к северу, вероятно, с целью охватить правый фланг противника. Выполняя эту директиву [1]), ген. Монури направил 45-ю дивизию, с приданными ей марокккской и кавалерийской бригадами, на Лизи, обе резервные дивизии ген. Ламаза—севернее этого пункта, а 7-й корпус—на Мэй-ан-Мюльтьен и далее к северу.

Наступление французов началось в 10-м часу утра. На правом фланге 45-я дивизия и марокккская бригада стремительно атаковали немцев у Пеншара, Шанбри и Барси, местами потеснили противника, но не могли добиться каких-либо существенных результатов. Между тем, с 5 часов утра на левом берегу Марны, у Шеси, уже находилась 8-я франц. дивизия, которая, казалась бы, могла оказать содействие правому флангу 6-й армии. Но она не приняла никаких мер к установлению связи с французскими войсками, атаковавшими в районе Вареда, а потому и не имела возможности поддержать их. Вскоре после полудня, соответственно с продвижением английской армии, эта дивизия перешла на правый берег Б. Морэна и расположилась к югу от Мо, поддерживая связь с англичанами к стороне Куломье, но не обращая никакого внимания на то, что происходило севернее Марны. А в каком трудном положении оказались бы германские войска левофланговой группы ген. Троселя, если бы эта дивизия выдвинулась к Трильпору и к Танкру! В то время, когда алжирские и марокские полки выбивались из сил в своих повторных атаках на германские позиции между Барси и Пеншаром, целая французская дивизия совершенно свежих войск стояла без дела, в полупереходе к югу, за рекой, выполняя задачу по

[1]) Директива французской главной квартиры от 7 сентября помечена 3-мя час. 45 мин. дня, но, повидимому, заключающиеся в ней указания были сообщены войскам в более ранние часы отдельными распоряжениями. Эта директива осталась в силе и на 8 сентября.

обеспечению левого фланга английской армии, которому никто не угрожал!

Левее 45-й дивизии резервные дивизии ген. Ламаза (56-я—в 1-й линии, 55-я во 2-ой) атаковали Этрепийи, но после упорного боя были отброшены немцами к Жевру. Столь же малоуспешны были атаки и 7-го корпуса: 14-й дивизии—между Аси и Этавиньи и 63-й рез.—южнее Аси, в результате которых корпус был вынужден к концу дня отойти к исходной линии своего наступления [1]). Не помогло здесь французам и прибытие в южные окрестности Вилер-Сен-Женэ 61-й рез. дивизии, переброшенной сюда к утру 7 сентября из района Атенвиль—Гонес, частью по железной дороге, а частью походным порядком; под натиском правофланговых войск ген. Линсингена эта дивизия отошла к западу.

При таком характере боевых действий французов на пехотных участках, конечно, нельзя было ожидать благоприятных результатов и от наступления французской конницы, находившейся у Нантейля, тем более, что она собралась здесь и изготовилась к бою лишь к 4 часам дня, пройдя в последние 36 часов около 120 километров [2]). Этой конной массе была дана задача: наступая на Бетц и Кюверньон, охватить правый фланг противника и выйти к Ла-Фэртэ-Милону, угрожая сообщениям I-й герм. армии. Но ей не только не удалось, в виду оказанного противником сильного сопротивления, выполнить эту сложную задачу, но даже не пришлось продвинуться к северо-востоку от Бетца; к ночи все три кавалерийские дивизии, оставивши небольшие части в соприкосновении с противником на линии Бетц—Ормуа-Вилер, отошли в северные окрестности Нантейля.

Эти неудачи на левом фланге, в связи с активными действиями противника севернее ручья Теруана, вызвали у французского командования опасение за устойчивость этого фланга. В виду этого, ген. Галиени решил принять меры к быстрейшей переброске от Ле-Рэнси к Нантейлю 7-й дивизии (4-го корпуса). Это движение началось с вечера и продолжалось всю ночь до утра 8 сентября. Артиллерия и

---

[1]) Отступление 63-й рез. дивизии оказалось очень трудным, вследствие сильной контр-атаки неприятельской группы ген. Гронау; однако, положение французских войск было облегчено находчивостью и распорядительностью полковника Нивеля (будущего главнокомандующего французскими армиями), выдвинувшего, с наступлением сумерек, два дивизиона корпусной артиллерии впереди своей пехоты и встретившего германцев убийственным огнем с близких дистанций.

[2]) Сводная кав. дивизия, находившаяся на правом фланге армии, в этот день присоединилась к корпусу у Нантейля, где составлявшие ее части и разошлись по своим дивизиям.

парки направлены походным порядком, одна пехотная бригада посажена в железнодорожные поезда, а другая, для ускорения переброски, перевезена на легковых автомобилях, реквизированных в Париже штабом парижского укрепленного района [1]). Столь энергичные и разнообразные меры, принятые для перевозки этих войск, дали возможность перебросить всю дивизию на расстояние в 50 килом. в течение одной ночи.

Усиливая с такой поспешностью левый фланг 6-й армии в районе Нантейля, Галиени и Монури рассчитывали возобновить на следующий день обходный маневр против неприятельского правого фланга, поражение которого казалось им необходимым условием для достижения победы на Урке.

Наступление английской армии к Б. Морэну.

С утра 7 сентября английская армия продолжала свое медлительное и осторожное продвижение к Б. Морэну. Обе кав. дивизии шли на правом фланге армии, впереди 1-го корпуса, на участок реки Ла-Фэртэ-Гошэ—Куломье, преодолевая сопротивление герм. кав. корпусов, оборонявших реку западнее и восточнее Шуази. К вечеру английская армия заняла следующее расположение на обоих берегах Б. Морэна: конница и 1-й корпус—в районе Ла-Фэртэ-Гошэ—Ребэ—Шуази, 2-й корпус—на правом берегу у Куломье и 3-й—у Мезонселя. Наибольшее продвижение английских войск в этот день составляло лишь 14 килом., некоторые же части 2-го и 3-го корпусов прошли не более 7—8, при чем все корпуса переправлялись через Б. Морэн без сопротивления со стороны противника, конные части которого, задержавши некоторое время на переправах английскую конницу и видя приближение крупных масс английской пехоты, отходили к северу, не ввязываясь с последними в бой.

Если мы вспомним, что в это время III-й и IX-й корпуса I-й герм. армии начали свой форсированный марш с М. Морэна к Урку, являвшийся фланговым по отношению к английской армии и прикрытый со стороны последней лишь слабой кавалерийской завесой, то для нас станет ясным, насколько неуместно было это медленное наступление англичан. Фельдм. Френч в течение всего этого дня и не подозревал о том, что перед его армией находится только неприятельская конница, и начал уяснять себе обстановку лишь в ночь с 7-го на 8 сентября, когда получил из французской главной квартиры сведение о нахождении всей I-й герм. армии севернее Марны. Что же делала в этот день английская разведка? Повидимому, конница развлека-

---

[1]) На автомобилях перевезено 5 батальонов 14-й пех. бригады, для чего потребовалось 1.100 легковых машин.

лась турнирами с мелкими частями германской кавалерии, а летчики ничего не видели.

По истечении двух суток наступательных действий, фельдм. Френч отдает, наконец, ночью с 7-го на 8 сентября приказ для решительного наступления. Но удобный момент для того, чтобы затруднить немцам выполнение их маневра к стороне Урка, уже был безвозвратно упущен: пока английские войска мирно отдыхали на берегах Б. Морэна, III-й и IX-й герм. корпуса почти безостановочно двигались к северо-западу; и в то время, когда английские корпуса продвигались лишь на 14 килом., германцы проходили по 45—60 [1]). Как ярко выявляют эти факты два различные оперативные темперамента, два различные представления о ведении войны!

Бои в районе Эстерчэ—Монмирай и у сенгондских болот.

Что же происходило в этот день в центре боевого фронта обоих противников, где 5-я и 9-я франц. армии вели бои со II-й и III-й германскими? Ген. Франшэ-д'Эсперэ, отдавая 6 сентября вечером приказание для наступления на следующий день, указывал своим войскам довольно осторожные задачи для предстоявших им боевых действий, находясь, повидимому, еще в полной мере во власти тех нерешительных, неуверенных настроений, о которых я упоминал, давая оценку боевой деятельности его армии за прошлый день. Однако, воздушная разведка, произведенная рано утром 7-го в районе обоих Морэнов, обнаружила движение крупных неприятельских сил к северу, что ясно указывало на значительное ослабление германцев перед фронтом 5-й армии [2]). В виду этого, командующий этой армией дал теперь войскам более решительные указания и приказал, наступая в общем направлении к Монмирайю, достигнуть к вечеру М. Морэна.

На левом фланге армии, попрежнему, находился кавалерийский корпус ген. Конно, наступавший (в связи с английской кавалерией) на линию Фретуа—Куртасон, занятую германскими частями 5-й и гвард. кав. дивизий с егерскими батальонами. Уже с 9 час. утра французская конница заметила отступление противника за Б. Морэн, после чего медленно продвигалась вслед за отходившими неприятельскими конными частями; к вечеру она дошла, с небольшими

---

[1]) Напр. 7-я дивизия (IV-го герм. корпуса) прошла в сутки, с утра 6-го до утра 7 сентября, 45 килом. (от Шуази за Б. Морэном через Дуэ и Ла-Фэртэ-су-Жуар к Круи), а IX-й герм. корпус — в 40 часов, с 2 ч. дня 7-го до ночи с 8-го на 9 сентября,—60 килом. (от Монмирайя через Шато-Тьери и Ази к Ла-Фэртэ Милону)

[2]) Это были, конечно, III-й и IX-й герм. корпуса, отходившие за М. Морэн.

боями, до этой реки у Ла-Фэртэ-Гошэ и восточнее. Правее конницы наступал 18-й корпус, атаковавший своими двумя передовыми дивизиями (35-й и 36-й), у Санси и Монсо, германскую гвард. кав. дивизию и арьергард III-го герм. корпуса, главные силы которого уже отошли к М. Морэну. Легко преодолевши сопротивление противника, обе франц. дивизии продвинулись к вечеру к Б. Морэну, у Вильнева. Следовавшие за ними и не принимавшие в этот день участия в боях, 38-я и две рез. дивизии ген. Валябрега заночевали в районе Санси—Монсо. 3-й корпус, без всякого сопротивления неприятеля, достиг к вечеру своими тремя дивизиями Б. Морэна у Нэви и западнее этого пункта. 1-й корпус с утра изготовился к атаке Эстернэ, но около 10 часов обнаружил, что немцы оставили уже город, почему без боевых столкновений продвинулся в район между Морсэном и Монмирайем. Наконец, 10 й медленно продвигался к Голю, с трудом оттесняя войска X-го герм. рез. корпуса, а одной бригадой 20-й дивизии поддержал левый фланг 9 й армии, сильно атакованный немцами в восточных окрестностях Шарлевиля.

Таким образом, в этот день 5-я франц. армия встретила сопротивление противника только на своем правом фланге, на участке 10-го корпуса; на всех же других направлениях она наступала, почти не видя перед собой неприятеля. При этих условиях, результат, достигнутый этой крупной массой французских войск, не может быть признан удовлетворительным и едва ли превосходит достижения английской армии: лишь один 1-й корпус продвинулся некоторыми своими частями на 14—15 килом.; все же остальные войска (считая и конницу) прошли значительно меньшее расстояние. Директива французского главного командования на 7 сентября требовала от этой армии более решительного наступления ее левым флангом (вероятно, предусматривая возможность выдвижения этого фланга в промежуток между I-й и II-й герм. армиями) и поддержки правым флангом боевых действий 9 й армии в районе сен-гондских болот.

В это время эта последняя сражалась в весьма тяжелых условиях. Хотя главное командование указало ей оставаться в занимаемом ею положении до тех пор, пока продвижение 4-й армии не облегчит ей выхода из болот, тем не менее ген. Фош решил возобновить наступательные действия всеми своими силами. В то время, когда 42-я дивизия должна была наступать, через Шарлевиль и Талю-Сен-При, к Вошану, 9 й корпус должен был выйти на северную сторону сен-гондских болот, а 11-й—продвигаться к северу восточнее последних. Но так как одновременно с переходом в наступление французских войск, левый фланг II-й герм. армии, в связи с правым флангом III-й,

повел энергичную атаку и западнее, и восточнее болот, то активные намерения командующего 9-й франц. армией не привели в этот день к благоприятному результату.

42-я дивизия, атакованная немцами и со стороны Шарлевиля, и от Талю-Сен-При, не могла продвинуться и с трудом удержалась в своем расположении, несмотря даже на поддержку частей 20-й дивизии (10-го корпуса). 9-й корпус, занявший с утра исходное положение на линии Бан—Мондеман, не успел начать (как было предположено) выдвижение своим правым флангом на Ольнизэ, потому что рано утром X-й герм. корпус атаковал левый фланг марокской дивизии со стороны Талю-Сен-При; это привело к необходимости стянуть всю эту дивизию к Мондеману и направить сюда некоторые соседние части. Около полудня, угрожающее положение, в котором оказался 11-й корпус, потребовало бросить часть сил 52-й рез. и 17-й дивизий на поддержку ему, к восточной оконечности сен-гондских болот. Здесь эти войска, еще до наступления вечера, с целью помешать германским войскам 1-й гвард. дивизии, находившимся у Ольнизэ, перейти к Морэн-ле-Пти, атаковали их, но были отброшены к Бану. После полудня, 9 й корпус оказался расколотым на две группы, отражавшие неприятельские атаки, и лишился возможности выполнить данную ему активную задачу. К ночи корпус занял, в общем, ту же линию южнее болот, на которой он находился и утром.

В наиболее трудном положении оказался в этот день 11-й корпус, получивший задачу наступать к северу из района Нормэ Сомсу. На рассвете он был атакован противником со стороны Морэн-ле-Пти и Кламанжа и потеснен к югу, но благодаря поддержке, оказанной ему на левом фланге частями 9-го корпуса, подошедшими от Бана, ему удалось остановить натиск германцев. На случай необходимости в дальнейшей поддержке этих войск, ген. Фош приблизил к Нормэ 18-ю дивизию, стоявшую в армейском резерве у Фэр-Шампенуаза. На правом фланге, в районе Сомсу—Сомпюи, попрежнему, находилась 9-я кав. дивизия, поддерживавшая связь между флангами 9-й и 4-й франц армий.

Ночь с 7-го на 8 сентября застала войска ген. Фоша в том же расположении за сен-гондскими болотами, в котором они находились и накануне вечером. Несмотря на все попытки командующего армией перейти в наступление, обстановка упорно удерживала его войска в рамках оборонительных действий, как бы сохраняя за этой армией, прикрытой с севера трудно проходимой местностью, роль связующего звена между активными участками стратегического фронта союзников.

Итак, мы видим, что второй день сражения не принес центральным французским армиям никакого существенного успеха. Тем не менее, в этом районе уже с этого дня стало сказываться на относительном положении сторон влияние общих условий оперативной обстановки, которая, как увидим из дальнейшего, складывалась неблагоприятно для немцев. Несмотря на медленное и осторожное наступление 5-й франц. армии и невозможность продвинуться для 9-й, положение II-й герм. армии начало становиться невыгодным и опасным. Уход III-го и IX-го герм. корпусов за М. Морэн, а затем и движение их на правый берег Марны, ослабили правый фланг ген. Бюлова и создали для него угрозу охвата противником со стороны Монмирайя; тем более, что после оставления этими корпусами района между руч. Обетеном и Б. Морэном конница II-й армии оказалась не в силах остановить продвижение противника. Обе дивизии I-го кав. корпуса, под натиском превосходных сил английской и французской конницы у Фретуа и восточнее, отошли за М. Морэн к Буатрону; а так как II й кав. корпус одновременно с этим занял район Трильпора, то к вечеру 7 сентября четыре герм. кав. дивизии занимали промежуток между флангами I-й и II-й армий.

Выход французов на правый берег Б. Морэна вынудил ген. Бюлова отвести свой правофланговый (X-й рез.) корпус за М. Морэн, к Монмирайю, 13-ю дивизию—поставить уступом за ним на участке Монмирай—Фонтенель, а 14-ю—держать в северных окрестностях Монмирайя в качестве армейского резерва. Следовательно, уже в этот день правый фланг II-й герм. армии начал уклоняться к северу, а вместе с тем и расширялся разрыв, образовавшийся между обеими германскими армиями.

Одновременно с этими событиями на правом фланге II-й армии, боевые действия на ее левом фланге, даже при наличии тактического успеха, внушали ген. Бюлову тоже не мало тревоги, тем более, что утром в этот день было получено из главной квартиры сообщение о переходе противника в общее наступление. Это неожиданное сведение придало, в глазах ген. Бюлова, совершенно новое освещение событиям, происходившим в районе правофланговых германских армий, и опрокинуло все его расчеты на достижение быстрого успеха на своем левом фланге. С целью избегнуть боев в труднопроходимой местности сен-гондских болот, гвард. корпус пытался обойти эти болота с востока, через Морэн-ле-Пти, где 2-я гвард. дивизия и приняла участие в наступлении правофланговой группы III-й армии; 1-я гвард. дивизия оставалась пока у Ольнизэ. В 7-м часу вечера в штабе II-й армии распространился тревожный слух о том, что противник угрожает прорваться между

X-м и гвард. корпусами; это заставило ген. Бюлова, не дожидаясь проверки этого слуха, приказать X-му корпусу отойти на северную окраину сен-гондских болот, в район Бэ—Талю-Сен-При, а 14-й дивизии перейти из армейского резерва к Шанпоберу, т.-е. еще более ослабить свой правый фланг, уже потерявший свою устойчивость [1]). Мы видели, что еще накануне 2-й гвард. дивизии, совместно с правофланговой (32-й) дивизией III-й армии, удалось оттеснить французов за линию Морэн-ле-Пти—Нормэ. С утра боевые действия возобновились в этом районе и стали весьма оживленными, когда около полудня 23-я рез. дивизия, продвигавшаяся от Вэртю к югу (для заполнения разрыва между двумя группами III-й армии), свернула на Сомсу на поддержку 32-й дивизии и развернулась левее ее; в то же время 23-я дивизия продвинулась южнее и примкнула к правому флангу XIX-го корпуса. Для объединения действий, правая группа (включая в нее и 2-ю гвард. дивизию) была подчинена командиру XII-го рез. корпуса ген. Кирхбаху, а левая — командиру XII-го корпуса, ген. д'Эльза. 24-я рез. дивизия подошла в этот день к р. Марне у Марэй (в восточных окрестностях Эпернэ), но могла принять участие в боях не ранее второй половины следующего дня.

Несмотря на то, что войска ген. Гаузена не встретили в этот день сильного сопротивления противника, им все-таки не удалось достигнуть каких-либо значительных результатов и, главным образом, вследствие того, что эта армия наступала двумя изолированными группами, и попрежнему, была озабочена не столько выполнением своей самостоятельной задачи, сколько содействием своим соседям. Однако, в течение дня обстановка постепенно выяснялась для командующего этой армией в направлении благоприятном для принятия самостоятельного и активного решения. Сведения, сообщенные ген. Бюловым о наступлении крупных неприятельских сил против I-й и II-й армий, давали повод предполагать, что на других участках фронта противник имеет небольшие силы; затем, воздушная разведка обнаружила, что французы наступают от Фэр-Шампенуаза и вдоль левого берега Марны на Витри-ле-Франсуа, тогда как между этими направлениями находятся лишь конные части противника силой около дивизии. Все это создавало, повидимому, благоприятные условия для решительного наступления к югу, особенно в виду ожидавшегося на следующий день присоединения к армии 24-й рез. дивизии. Поэтому, заручившись содействием фланговых войск соседних армий,

---

[1]) Распространившийся в штабе II-й армии слух о прорыве, вероятно, был вызван атакой французских войск 9-го корпуса на Ольнизэ против 1-й гвард. дивизии.

ген. Гаузен решил начать это наступление с утра 8 сентября. К ночи саксонские войска заняли следующее расположение: 32-я и 23-я рез. дивизии — несколько севернее линии Нормэ—Сомсу (поддерживая вправо связь со 2-й гвард. дивизией), 23-я дивизия — у Сомпюи, а XIX-й корпус — в западных окрестностях Витри-ле-Франсуа, в тесной связи с VIII-м корпусом (IV-й армии).

Боевые действия между Витри-ле-Франсуа и Верденом.

IV-я и V-я германские армии собирались продолжать наступление с утра 7 сентября, рассчитывая на поддержку своих соседей справа: IV-я—левофлангового (XIX-го) корпуса III-й армии, на левом берегу Марны, а V-я—XVIII-го рез. корпуса IV-й армии, у Ревинки. Ген. Гаузен охотно согласился предоставить все силы XIX-го корпуса в распоряжение герцога вюртембергского, но последний не проявил такой же готовности пожертвовать частью своих сил для достижения успеха V-й армией. В течение всей ночи с 6-го на 7 сентября и утром 7-го штабы IV-й и V-й армий вели переговоры о предстоявшем использовании XVIII-го рез. корпуса и не могли придти к соглашению. Герцог вюртембергский настаивал на том, чтобы этот корпус был направлен в юго-западном направлении от Ревиньи, с целью содействия наступлению прочих корпусов его армии. Командующий же V-й армией, кронпринц германский, считал поддержку этого корпуса крайне необходимой для продвижения своего правого фланга. Решение этого вопроса было даже передано на усмотрение главной квартиры, но последняя уклонилась от определенного указания, предоставивши командующим армиями сговориться между собой.

Для боевых действий 7 сентября командующим IV-й армией были сделаны следующие распоряжения: VIII-му, VIII-му рез. и XVIII му корпусам приказано наступать на линию Сен-Реми—Орконт—Перт, 21-й рез. дивизии (XVIII-го рез. корпуса) — в юго-западном направлении, вдоль северного берега рейно-марнского канала, к Сермэзу, а 25-й рез. дивизии (того же корпуса) лишь в том случае содействовать наступлению правого фланга V-й армии, если последний будет не в состоянии продвинуться к югу, но если такое продвижение окажется возможным, то наступать через Моньевиль к Труа-Фонтэн. В общем, в этот день IV-я герм. армия достигла незначительных результатов. VIII-й корпус, наступавший подивизионно по обе стороны Марны, встретил сильное сопротивление на правом берегу со стороны франц. колониального корпуса и с трудом продвигался к югу, тем более, что левобережная группа германских войск (23-я дивизия, XIX-й корпус и 16-я дивизия), потеснившая французские войска 17-го и 12-го корпусов у Сом-

пюи и Курдеманжа, не могла продвинуться дальше; VIII й рез. корпус, медленно продвигаясь, занял Блем, а XVIII-й, в упорном бою с частями 2-го франц. корпуса, отброшенными к Шеминону,—одной дивизией занял Сермэз. IV-й кав. корпус, находившийся, как мы видели, за левым флангом IV-й армии, принял в этот день небольшое участие (главным образом, своей артиллерией) в атаке Сермэза и расположился к вечеру 3-й кав. дивизией между Ревиньи и Сермэзом, а 6-й—западнее Ревиньи. Что же касается XVIII-го рез. корпуса, то его 25-я рез. дивизия вела бой в восточных окрестностях Ревиньи с левофланговыми частями 5-го франц. корпуса, а 21-я рез. оказала содействие войскам XVIII-го корпуса при овладении Сермэзом. Между тем, с часу на час 4-я франц. армия должна была получить крупное подкрепление: обе дивизии 21-го франц. корпуса уже спешили от Васси на поддержку ее корпусам. Вновь прибывший корпус получил задачу усилить левый фланг 4-й армии, для чего с утра и был направлен к Шасерикуру, откуда 13-я дивизия пошла к Сомпюи, а 43-я—к Дампьеру. По прибытии этих войск в назначенные им места, 4-я франц. армия должна была начать решительное наступление к северу.

Для 3-й франц. армии обстановка в этот день оказалась несколько сложнее, чем 6 сентября, что находилось в зависимости от положения, создавшегося накануне на внутренних флангах обеих французских армий. Мы видели, что правый фланг 4-й был сильно потеснен противником угрожавшим охватить его со стороны Сермэза, а одновременно с этим левофланговый (XVIII-й рез.) корпус IV-й герм. армии овладел Ревиньи и отбросил левый фланг 5-го франц. корпуса к Васинкуру; и поэтому, естественно было придти к заключению, что обеим французским армиям, в случае дальнейшего продвижения немцев в этом районе, угрожала опасность быть разобщенными одна от другой, а, в частности, 3-й армии — быть обойденной с левого фланга. Опасение, что подобный маневр может быть выполнен германцами, сильно безпокоило французское главное командование, допускавшее, в связи с происходившей в это время атакой Нанси VI-й герм. армией, что противник задался целью, совокупными действиями своих V-й и VI-й армий, окружить 3-ю французскую в районе Верден — Комерси. Вследствие этого, ген. Жоффр настойчиво требовал от ген. Сарайля энергичных активных действий на левом фланге его армии, считая их вполне возможными, в виду приближения к Бар-ле-Дюку 15-го корпуса.

Однако, Сарайль попрежнему тяготел к своему правому флангу, полагая важнейшей задачей своих войск — сохранение прочной связи с Верденом. Такая несогласованность

взглядов и намерений армейского и главного командования, препятствуя сосредоточению усилий на каком-либо одном направлении, и была главной причиной нерешительности боевых действий французских войск в течение этого дня.

В общих чертах план этих действий был такой же, как и накануне: левый фланг армии (5-й корпус при поддержке головных частей 15-го, подошедших в западные окрестности Бар-ле-Дюка) оборонялся на линии Васинкур—Вилот, центр (6-й корпус, усиленный на левом фланге бригадой 5-го корпуса и бригадой 54-й рез. дивизии) наступал с линии Рапберкур—Суйи на Бозэ и Нюбекур, а правый фланг (три резервные дивизии ген. Поля Дюрана [1]) и 72-я рез. дивизия верденского гарнизона) наступал между Суйи и Виль-сюр-Кузансом к р. Эру; 7-я кав. дивизия, находясь у Вилота, поддерживала связь между 5-м и 6 м корпусами. Между тем, находившиеся перед фронтом этой армии корпуса V-й германской, утомленные продолжительными действиями в гористо-лесистой местности Аргон, в этот день действовали весьма нерешительно.

VI-й и XIII-й корпуса, первый в районе Вилота, а второй в южных и восточных окрестностях Вобекура, весь день вели упорные бои с частями 5-го и 6-го французских корпусов, но продвинуться не могли; XVI й корпус оставался весь день в оборонительном положении между Флери и Нюбекуром, ведя борьбу с неприятельской артиллерией и отражая атаки французской пехоты: 34-я дивизия—фронтом на юг, а 33 я—фронтом к востоку; VI-й рез. корпус продвигался всеми своими силами в район Виль-сюр-Кузанса, ведя артиллерийский огонь по французским позициям, находившимся к северу от Суйи; ландверная дивизия ген. Франке, протянувшая свой правый фланг до Авокура, была в этот день сменена на участке от Маланкура до Мааса 10-й рез. дивизией (V-го рез. корпуса), переведенной с правого берега реки через переправу у Сиври; другая (9-я рез.) дивизия того же корпуса оставалась на правом берегу в районе Азана, растянувшись на ширину всего корпусного участка. Несмотря на нерешительные действия германцев, французам все-таки не удалось продвинуться ни в центре, ни на правом фланге, а во многих местах (особенно на участках 5 го корпуса и резервных дивизий) контр-атаками противника они были вынуждены отойти. К вечеру обе стороны оказались почти на тех же местах, где они были и накануне.

Между тем, в германской главной квартире были получены сведения о прибытии в 3-ю франц. армию из Лотарингии 15-го корпуса и о расположении его за 6-м корпу-

---

[1]) 65-я рез. дивизия в этот день была переведена от Шомона в окрестности Суйи.

сом [1]), что вызвало у немцев опасение неприятельской атаки со стороны Мааса против левого фланга их V-й армии. В виду этого, последовал приказ германского главного командования атаковать правобережными войсками этой армии маасские укрепления Труайона, Пароша и Сен-Мьеля, с целью противодействия удару противника, ожидаемому на левом берегу. Атака этих укреплений была задумана немцами еще 2 сентября, и с тех пор в V-й герм. армии шли приготовления к этому, подвозилась тяжелая артиллерия и инженерные войска. Действия против маасских фортов были возложены на V-й корпус и 33-ю рез. дивизию. Первый из них с 3 сентября стоял восточнее Вердена: 9-я дивизия была растянута по линии Сенон—Арвиль, а 10-я сосредоточена за ее левым флангом; 33-я рез. дивизия к вечеру 5-го подошла из VI-й армии в район Тиокур—Понт-а-Мусон. После полудня 7 сентября 10-я дивизия, с приданной ей тяжелой артиллерией (батальоном тяжелых гаубиц, дивизионом австрийских мортир и гаубицами корпусной артиллерии), перешла из окрестностей Арвиля на линию Эпарж—Донпьер—Лавиньевиль; 9-я оставалась в своем расположении севернее, а 33-я рез. прикрывала левый фланг V-го корпуса со стороны Туля. Атака маасских укреплений должна была начаться на следующий день.

Итоги второго дня сражения.

Из всех оперативных явлений, развернувшихся в этот день между Парижем и Верденом, несомненно, наибольшего внимания заслуживает решение ген. Клука перевести к р. Урку два последние корпуса своей армии, остававшиеся до 7 сентября на правом фланге войск ген. Бюлова. По поводу целесообразности этого решения взгляды военных историков сильно расходятся, и вопрос о том, в какой мере оно повлияло на ухудшение стратегического положения германского правого фланга, служит предметом спора и до сегодняшнего дня.

В самом деле, правильно ли поступил командующий I-й герм. армией, приказавши этим корпусам выступить, после полудня 7 сентября, с М. Морэна на присоединение к германским войскам, сражавшимся на Урке, что привело к увеличению разрыва, существовавшего между армиями и поставило в опасное положение правый фланг II-й армии? И следовало ли, вообще, ген. Клуку идти на Урк и атаковать 6-ю франц. армию, и не лучше ли было бы всеми своими силами стать севернее Марны, левым флангом у Шато-Тьери? Раньше всего мне кажется, что несвойственно было герман-

[1]) В действительности, он расположился за левым флангом 5-го корпуса.

скому полководцу, получивши сведение об угрозе неприятельского наступления своему флангу и тылу, оставлять на произвол судьбы те войска, которые были назначены для их обеспечения, и искать решения в занятии оборонительного положения в стороне от начавшегося уже на фланге боя. Если бы Клук не поддержал IV-го рез. корпуса своими двумя правофланговыми корпусами, то ген. Гронау был бы разбит и отброшен за Урк, вероятно, уже 6 сентября, что создало бы для I-й армии очень тяжелое положение, потому что ни 6-го, ни даже 7-го эта армия не успела бы всеми своими силами занять, назначенное ей директивой от 4 сентября, расположение севернее Марны. Корпусам этой армии, несомненно, пришлось бы занимать свои места, совершая опасные фланговые марши на виду у неприятельской армии, вышедшей на левый берег Урка. Возможно ли было в этой обстановке, особенно при свойственной германским начальникам активности, ограничиться обороной? Не привело ли бы это уже 7 сентября к сражению восточнее Урка, но в условиях менее выгодных для немцев и притом с одним корпусом, уже понесшим поражение? Конечно, зная теперь, как закончились все эти операции на Марне, мы, может быть, склонны придти к заключению, что это было бы все-таки лучше для немцев, чем то, что в действительности произошло здесь в последующие дни. Но рассуждать таким образом, значило бы подходить к рассматриваемому вопросу с предвзятым решением и пренебрегать характером того момента, когда исполнителям приходилось и решаться, и действовать в сложной боевой обстановке. Единственно возможным для ген. Клука способом противодействовать неприятельскому наступлению со стороны Парижа и обеспечить правый фланг германских армий являлась атака французов достаточными силами западнее Урка. Но, может быть, для этого хватило бы тех трех корпусов, которые были уже подведены туда к 7 сентября? Для того, чтобы задержать или замедлить продвижение противника, этих сил было достаточно, но разве только это было нужно в то время немцам? Разве возможно было продолжать наступление к югу, не устранивши той опасности, которая так внезапно появилась из-за парижских фортов? Армию Монури необходимо было разбить, отбросить к Парижу, сделать ее безвредной для германского фронта; но для того, чтобы достигнуть этого результата, при том условии, что противник ежедневно усиливался на глазах у немцев, нужны были крупные подкрепления. И поэтому Клук был совершенно прав, решивши использовать для этой цели находившиеся в его распоряжении III-й и IX-й корпуса, не имевшие в то время никакой определенной задачи на левом берегу Марны. Если же в этом районе для них могла представиться какая-

нибудь задача, более важная для общих интересов всего германского фронта, то указать им таковую должен был не Клук, а германское главное командование. До тех же пор, пока это не было указано, командующий I-й герм. армией имел полное основание считать, что он действует в духе требований главной квартиры. Как известно, уже с 28 августа на его армию была возложена задача обеспечивать правый фланг германского фронта; директивой от 2 сентября эта задача была подтверждена для парижского района, а в директиве от 4 сентября, в которой этой армии указывалось занять расположение к северу от Марны, заключалось определенное требование отражать неприятельские выступления со стороны Парижа активными действиями. Едва ли такое требование могло бы считаться выполненным, если бы Клук вместо движения к Урку и атаки противника, наступавшего от Парижа, предоставил IV-му рез. корпусу отходить к востоку, а с остальными войсками своей армии занял бы оборонительное положение в районе Шато-Тьери [1]).

Таким образом, я прихожу к заключению, что движение к Урку и атака здесь французов всеми своими силами являлись для Клука действиями неизбежными, вполне соответствовавшими и характеру оперативных приемов германцев, и психологии германского командования. Что же касается собственно переброски III-го и IX-го корпусов, то сущность этого вопроса заключается не в том, что эти корпуса были сняты с правого фланга II-й армии (избегнуть чего, как мы видели, было невозможно), а в том, как они были использованы Клуком и на какое направление они были брошены. Этот вопрос, связанный с действиями этих корпусов 9 сентября и с общей оценкой германского маневра на Урке, будет рассмотрен мною в общем разборе марнского сражения.

Переброска III-го и IX-го корпусов к Урку значительно изменила в этот день взаимное положение сторон в районе Монмирайя и повлекла за собой загиб правого фланга II-й армии, несколько преждевременный, не вполне еще выну-

---

[1]) Бюлов, в своих воспоминаниях о марнском сражении (Mein Bericht zur Marneschlacht), упрекая Клука в переброске на Урк III го и IX-го корпусов, говорит, что трем корпусам I-й герм. армии, сражавшимся на этой реке, следовало отойти к Шато-Тьери, где они образовали бы с упомянутыми двумя корпусами и со II й армией общий фронт. Однако, Бюлов ничем не доказывает, что такое отступление с Урка было возможно. К тому же, командующий II-й герм. армией является в этом вопросе (в связи с последующими действиями своих войск и в виду своей неприязни к Клуку) лицом слишком заинтересованным в этих событиях, чтобы иметь возможность беспристрастно оценить положение, создавшееся в те дни на правом фланге германских армий.

ждавшийся действиями противника. На всех же остальных участках боевого фронта ни той, ни другой стороной не было достигнуто решительных результатов; на флангах, на Урке и в Аргонах, противники сохраняли в общих чертах свое прежнее расположение, английская армия еще мало давала себя чувствовать на полях уже происходивших боев, и лишь в центре шло более решительное продвижение: германцев—восточнее сен-гондских болот, в обход правого фланга 9-й франц. армии, а французов—западнее этих болот, в обход правого фланга II-й герм. армии. И в этих именно районах следовало ожидать на завтрашний день и более решительных событий, и более значительных изменений в относительном положении сторон.

III. Сражение на Марне.

(Продолжение).

1. Третий день сражения (8 сентября).

(Схема № 4).

Для боевых действий французских армий на 8 сентября, в общем, оставалась в силе директива французской главной квартиры, объявленная накануне, но дополненная в течение дня следующими указаниями: 6-я армия должна была, при первой возможности, перевести 8-ю дивизию с правого на левый фланг, с целью присоединения ее к прочим частям 4-го корпуса; в виду падения Мобежа и возможной переброски немцами своего осадного корпуса к Марне, 1-му кав. корпусу приказано действовать отдельными дивизиями в направлении более чувствительных мест на сообщениях противника, для того, чтобы замедлить перевозку германских войск, а английской армии приказано наступать во фланг неприятельским войскам, находившимся перед 6-й франц. армией.

Германским главным командованием в этот день не было дано своим армиям никаких новых оперативных указаний.

Бои на берегах Урка в течение 8 сентября.

В виду того, что возобновление германских атак на Урке находилось в зависимости от прибытия туда III-го и IX-го корпусов, которые могли подойти лишь после полудня, инициатива действий в этот день, естественно, оказалась здесь в руках французов.

Раньше всего командующий 6-й франц. армией приказал 1-му кав. корпусу и 61-й рез. дивизии, начавши наступление с рассветом, вернуть все потерянное накануне. 5-я кав. дивизия двинулась к Вилер-Котрэ, но на восточной окраине леса дю-Руа наткнулась на сильное охранение 4-й герм. кав. дивизии и повернула к Крепи-ан-Валуа, где получила приказание произвести набег в тыл противника на Ла-Фэртэ-Милон; 1-я и 3-я кав. дивизии наступали на Бетц и далее между Урком и лесом дю-Руа. Движение 5-й кав. дивизии, произведенное недостаточными силами, при плохом снабжении техническими средствами, при слабой ориенти-

ровке и неопределенности задачи, представляло собой в полном смысле слова импровизацию, а потому и не могло дать благоприятных результатов [1]). Дивизия направилась от Крепи-ан-Валуа на Вомуаз, далее через лес Вилер-Котрэ к Ла-Фэртэ-Милону и до Урка имела лишь мелкие стычки с неприятельскими разъездами; через реку переправилась одна бригада с артиллерией, пытавшаяся разрушить германский авиопарк у Трэна. Отброшенная пулеметным огнем противника, эта бригада повернула к Нейи-Сен-Фрону, при чем по пути один из ее мелких отрядов атаковал оперативную часть штаба I-й герм. армии, с ген. Клуком во главе, совершавшую в это время передвижение из Вандреста в Ла-Фэртэ-Милон; нападение было отражено огнем конвоя, а вскоре после этого вся французская бригада столкнулась с пехотой 17-й герм. дивизии, двигавшейся к Урку, и была отброшена за реку. К ночи вся 5-я кав. дивизия собралась к Фаверолю. Одновременно с этим две другие дивизии кавалерийского корпуса едва продвигались, будучи задержаны 4-й кав. и 7-й пех. дивизиями противника, а затем отошли на ночлег к Ормуа Вилеру. В разгаре этих операций было получено приказание о смене ген. Сорде командиром 5-й кав. дивизии, ген. Бриду, что должно было, конечно, повлиять неблагоприятно на руководство в этот день боевыми действиями французской конницы.

Несколько южнее последней наступали от Нантейля, под общим начальством командира 4-го корпуса, ген. Боэля, 61-я рез. дивизия—на Бетц и 7-я дивизия – между Буйанси и Нантейлем, но обе не могли преодолеть неприятельского сопротивления, особенно вследствие сильного огня германских тяжелых батарей, поставленных у Этавиньи, и, после упорных боев в течение всего дня с частями IV-го и отчасти III-го герм. корпусов, были вынуждены закрепиться севернее Буйанси. Более успешно было наступление обеих дивизий 7-го корпуса, предпринятое вдоль северного берега Теруана; противник, угрожаемый здесь и с запада, и с юга, и занимавший небольшими силами Этрепийи, покинул это селение. Однако, нигде не обнаруживая в этот день наступательных намерений, немцы удерживали прочно большинство своих позиций, отражая огнем и контр-атаками все попытки французских войск продвинуться к востоку. Группа резервных дивизий ген. Ламаза, вследствие сильного огня германской тяжелой артиллерии, сосредоточенной у Мэйан-Мюльтиена, не могла продвинуться за Теруан, но своим огнем от Жевра содействовала наступлению правого фланга

[1]) Дивизия имела в своем составе 1.600 сабель, 10 орудий и 360 велосипедистов без всяких технических средств связи.

7-го корпуса. Правее, 45-я дивизия атаковала Шанбри, несколько раз переходившее из рук в руки, и к вечеру овладела этим селением. А в это время по другую сторону Марны 8-я дивизия достигла Вийемарей, поддерживая связь с англичанами у Пьер-Левэ, и вместо того, чтобы связаться (через Мо или Трильпор) с правым флангом 6-й армии, прикрывала себя с этой стороны боковым авангардом!

После полудня ген. Галиени посетил ген. Монури в Сен-Супле и совещался с ним о положении дел на фронте 6-й армии. Монури признавал, что дела идут хуже, чем можно было ожидать: противник, повидимому, получил значительные подкрепления, и французские войска в этот день уже нигде не могут продви уться. Галиени оценивал обстановку более благоприятно, считая, что 6-я армия отвлекла на Урк крупные неприятельские силы и облегчила этим наступление английской и прочих французских армий; для усиления же войск Монури он передал в его подчинение 62-ю рез. дивизию, подошедшую в этот день в район Дамартен—Сен-Супле. С передачей этой дивизии в состав 6-й армии, в распоряжении Галиени уже не оставалось войск, которые могли бы быть использованы для маневра вне крепости. До утра 8 сентября он еще лелеял мечту получить от главного командования два новых корпуса, которые должны были, по его предположению, обрушиться севернее Нантейля на правый фланг Клука, разбить и обойти его [1]; но полученное в это утро письмо главнокомандующего окончательно разрушило этот заманчивый план. В этом письме ген. Жоффр, объявляя Галиени благодарность за его полезную боевую деятельность, между прочим дает ему понять, что боевыми действиями 6-й армии теперь непосредственно управляет главная квартира. Горько было старому солдату, с такой энергией и с таким душевным жаром стремившемуся к победе, сознавать, что его роль уже сыграна, что он теперь не нужен!.. Ведь Парижу уже не угрожало неприятельское нашествие, ведь 6-й армии отдано все, что он имел более ценного, более значительного!

Между тем, вечером 8-го Монури пришел к окончательному убеждению, что отбросить противника за Урк—задача непосильная для его армии. Но так как он предполагал, что немцы во всяком случае будут пытаться оттеснить ее к западу, то и решил на случай отступления подготовить для нее, при помощи 62-й рез. дивизии, тыловую позицию несколько восточнее Дамартена.

---

[1]) Галиени, повидимому, еще надеялся, что распоряжение, сделанное военным министром Мессими о назначении для Парижа трех полевых корпусов, будет исполнено Жоффром (см. I-й том, стр. 471).

Опасение Монури быть сильно атакованным на следующий день немцами имело свои основания, потому что частью воздушная, а, главным образом, кавалерийская разведка на левом фланге его армии обнаружила движение крупных сил противника, как с севера, так и с востока, в район Крепи-ан-Валуа—Ла-Фэртэ Милон. И действительно, германцы в этот день, ограничиваясь отражением французских атак на всем фронте от Бетца до Пеншара, подтягивали к полю сражения, преимущественно к своему правому флангу, все, что было возможно, чтобы 9 сентября нанести противнику сокрушительный удар на его левом фланге и отбросить его к Парижу. От марнских переправ у Шарли и Ази спешили войска III-го и IX-го корпусов, преодолевая серьезные затруднения при перекрещивании своих путей с колоннами обозов, двигавшихся к северу; 43-я рез. бригада, следуя из Бельгии на присоединение к IV-му рез. корпусу, дошла в этот день до Вербери, а 10-я ландверная бригада—до Рибекура; наконец, несколько батальонов, стянутых с ближайших этапных участков, подходили к правому флангу I-й герм. армии в западные окрестности Вилер-Котрэ. Все до последнего человека, все до последней винтовки стягивал сюда Клук для решительного удара! [1]).

Левофланговая (5-я) дивизия III го корпуса, по прибытии после полудня к Лизи, направлена на Этрепийи, в виду сильного натиска 7-го франц. корпуса севернее руч. Теруана; 6-я дивизия шла на Круи, дивизии IX-го корпуса: 18-я—на Марей, 17-я—на Ла-Фэртэ-Милон. Хотя в этот день уже ясно обнаружилось наступление крупных сил англичан от Куломье и Ребэ, но Клук придавал столь большое значение появлению IX-го корпуса на правом фланге своей армии, что приказал ему ни в каком случае не задерживаться в пути, несмотря на движение противника с юга. Правда, движение этого корпуса задержано не было, но все же обстановка по южную сторону Марны уже представлялась около полудня 8 го настолько тревожной, что явилась необходимость назначить от него, на усиление конницы, занимавшей промежуток между I й и II-й армиями, сводную бригаду ген. Крэвеля [2]), с задачей оборонять р. Марну от Ла-Фэртэ-су-Жуара до Ножан-л'Арто и подготовить к взрыву мосты на реке. Этим выделением войск из состава IX-го корпуса, естественно, ослаблялся удар, заносимый Клуком на своем правом фланге.

В результате боев этого дня 22-я рез. дивизия была отброшена от Этрепийи, а 3-я дивизия была вынуждена отки-

[1]) 10-я ландв. бригада была направлена на Компьен по инициативе инспектора этапов I-й армии ген. Бертраба.

[2]) По полку и артиллерийскому дивизиону от каждой дивизии корпуса.

нуть свой левый фланг у Вареда, в виду непрочного положения, создавшегося здесь для немцем в результате неприятельских атак у Шанбри и появления противника по ту сторону Марны. К вечеру I я герм. армия утвердилась на линии Антильи—Аси—восточнее Этрепийи—устье р. Урка, имея 4-ю кав. дивизию на правом фланге в северных окрестностях Бетца, 5-ю дивизию—к северо-востоку от Этрепийи, а бригаду Крэвеля, подчиненную командиру II-го кав. корпуса,—у Монтрей. Ген. Крэвель, прибывший со своими войсками к этому пункту уже к вечеру и находя затруднительным в темноте разрушать переправы, решил в этот день не дробить своего отряда и заночевать там, где он находился. С наступлением темноты в район Бетц—Антильи подошла 6 я дивизия, а к полуночи в северо-западные окрестности Ла-Фэртэ-Милона—18-я; 17-я остановилась на ночь у этого селения. Эти войска пришли совершенно измученные усиленными переходами двух последних дней. Хотя и с крайним напряжением всех своих физических и моральных сил, но все таки последние подкрепления прибыли в I-ю армию. После непродолжительного ночного отдыха, завтра с рассветом, им предстояло быть брошенными в атаку, которая должна была, наконец, сломить упорное сопротивление противника и решить исход этого сражения. Соответственно этому, приказ по армии на 9 сентября указывал войскам следующие задачи: правофланговой группе командира IX го корпуса ген. Кваста ($1^1/_2$ дивизии его корпуса, 6 я дивизия и 4-я кав.), совместно с 43-й рез. и 10-й ланд. бригадами, охватить левый фланг противника в районе Нантейля; центральной, ген. Армина (16-я бригада, 7-я и 4-я дивизии)—содействовать этому охвату, а левофланговой, ген. Линсингена (15-я бригада, IV-й рез. корпус и 3-я дивизия)—удерживать свои позиции. Судя по характеру этих распоряжений Клука, а также по настроению в штабе армии, следует предположить, что у немцев была твердая уверенность в победоносном исходе завтрашнего наступления. В этом смысле и было составлено донесение, отправленное вечером в главную квартиру; но, по неизвестной причине, эта уверенность и вообще благоприятная оценка того положения, в котором находилась I-я армия, не нашли себе отражения в вечерней оперативной сводке ее штаба, посланной командующему II-й армией. Несомненно, это упущение не осталось без влияния на пессимистические взгляды ген. Бюлова и на решения, принятые им ночью с 8-го на 9 сентября и утром 9-го.

В чем же, однако, заключалась та опасность, которая вынудила командующего I-й герм. армией оставить на северном берегу Марны бригаду из состава IX го корпуса, несмотря на свою твердую решимость собрать возможно больше

сил на своем правом фланге? Она заключалась в наступлении с юга, на участок Марны между Шато-Тьери и Урком, всей английской армии, для противодействия которой оказывались совершенно недостаточными оставленные против нее силы. Мы видели, что к вечеру 7 сентября промежуток между I-й и II-й герм. армиями занимали четыре германские кавалерийские дивизии с несколькими егерскими батальонами: две, II-го кав. корпуса,— от Ла-Фэртэ-су-Жуара по р. Марне до Урка и две, I-го кав. корпуса— по М. Морэну, от его устья до Саблонье; если принять во внимание, что 9-я кав. дивизия была в это время отвлечена для содействия левому флангу и центру I-й армии, и что германские конные части были численно слабы, измотаны и необъединены в своих действиях, то, конечно, невозможно было ожидать от этой кавалерийской завесы продолжительного сопротивления. Тем не менее, благодаря вялым действиям английских войск, германской коннице все-таки удалось в этот день задержать англичан на переправах через М. Морэн, несмотря на значительное численное превосходство противника[1]).

Обе английские кавалерийские дивизии (1-я—справа, 2-я — слева) наступали с утра впереди своей армии, на участок М. Морэна от Бело до Сен-Сира, поддерживая вправо связь с французским кавалерийским корпусом ген. Конно. Встреченные на реке огнем спешенных германских эскадронов, поддержанных егерями, они не могли переправиться до прибытия своей пехоты, 1-го корпуса—к Бело и Саблонье, а 2-го—к Сен-Сиру. Введение в бой пехотных частей вскоре улучшило положение наступавшего, и к 3-м час. дня англичанам удалось оттеснить противника от реки и перейти на ее правый берег; германская гвард. кав. дивизия отошла к руч. Доляу, где расположилась на участке от Эсиза до Фонтенеля, примкнувши у этого последнего пункта к правому флангу II-й армии, а 5-я, сильно расстроенная боем у Сен-Сира, отошла в беспорядке за Марну к Мариньи. В это время, 2-я кав. дивизия, в виду наступления от Пьер-Левэ 3-го англ. корпуса, оставивши у Юси один конный полк, отошла в северные окрестности Ла-Фэртэ-су-Жуара. Беспорядочное и дальнее отступление 5-й кав. дивизии привело к тому, что участок М. Морэна от Ла-Фэртэ-су Жуара до руч. Доляу оказался без наблюдения и охраны и связь между германскими кавалерийскими корпусами была нарушена. Впрочем, за этим прорывом, у Монтрей, уже стояла сводная бригада ген. Крэвеля, готовая к обо-

[1]) Английские источники объясняют такой результат неблагоприятными для англичан местными условиями на реке, а также искусными действиями немцев.

роне этого промежутка. К вечеру 9-я кав. дивизия перешла от Лизи в северные окрестности Юси, несколько усиливши оборону р. Марны против левого фланга английской армии.

Между тем, последняя, переправившись на правый берег М. Морэна, к ночи расположилась головными частями 1-й кав. дивизии, 1-го и 2-го корпусов—по линии Вьель-Мезон, Ла Фэртэ-су-Жуар, а 3-м корпусом – в юго-западных окрестностях Ла-Фэртэ-су Жуара; 2-я кав. дивизия была эшелонирована между Ребэ и М. Морэном. Армия, получившая приказ решительно наступать в этот день, тем не менее продвинулась к северу только на 15 килом., при том условии, что боевые столкновения происходили лишь в передовых частях, и ни в одном из корпусов главные силы пехоты не были введены в действие, а 3-й корпус даже и не встретил на своем пути никакого сопротивления. Уже с утра в этот день английские летчики обнаружили за Марной движение сильных германских колонн к северу [1]), что ясно указывало на ослабление неприятельских сил перед фронтом английской армии. Несмотря, однако, на это, английские войска не ускорили своего продвижения и действовали весь день с чрезвычайной осторожностью; к вечеру соприкосновение с противником сохранялось лишь на флангах: на правом—1-й кав. дивизией (к стороне руч. Доляу), а на левом – 3-м корпусом у Ла-Фэртэ-су-Жуара, где английские батареи обстреляли ближайшие переправы, охранявшиеся германской конницей.

Уже к ночи с 8-го на 9 сентября англичане стояли всеми своими силами между I-й и II й герм. армиями, имея перед собой реку, обороняемую слабыми неприятельскими отрядами. Создавалось тяжелое, угрожающее положение для войск ген. Клука, перед которыми, попрежнему, стояла нерешенная еще и тяжелая задача—разбить и оттеснить к западу 6-ю франц. армию, задача, лишавшая их возможности принять решительные меры для обеспечения своего левого фланга и тыла. Но если таковым оказалось положение немцев при этом медленном, осторожном наступлении английских войск, постоянно озиравшихся на соседей и прекращавших движение при малейшем сопротивлении противника, то насколько оно могло бы быть более тяжелым, если бы фельдм. Френч действовал с полным напряжением всех своих сил. Англичане были бы, вероятно, в этот день уже севернее Марны, и едва ли III-му и IX-му герм. корпусам удалось бы присоединиться на Урке к главным силам своей армии.

Значение результатов, достигнутых английскими войсками с такими ничтожными усилиями и жертвами, станет для нас более понятным, когда мы ознакомимся с событиями,

[1]) Это были войска III-го и IX-го герм. корпусов.

которые произошли в это время в районе Монмирайя и сенгондских болот.

Сражения у Монмирайя и у Фэр-Шампенуаза.

С утра 8 сентября 5-я франц. армия продолжала свое наступление в северном направлении. Кавалерийский корпус ген. Конно шел к М. Морэну, на участок реки между Бело и Мондофаном, не встречая сопротивления противника; лишь по достижении первого из этих пунктов, авангард 4-й дивизии был задержан небольшими силами германской конницы, скоро отошедшей к руч. Доляу. Перейдя реку, в тесной связи с английской конницей, французская кавалерия достигла к вечеру окрестностей Вьель-Мезона, откуда ее правофланговая (10-я) дивизия, своим движением к востоку, облегчила 36-й дивизии (18-го корпуса) переправу западнее Монмирайя. Этот последний корпус, подобно коннице, беспрепятственно продвигался к М. Морэну в общем направлении на Монтоливэ и Фонтенель; на реке он встретил незначительное сопротивление 13-й герм. дивизии и к вечеру, с небольшими боями, выдвинулся в южные окрестности Фонтенеля. 38-я дивизия этого корпуса и две рез. дивизии ген. Валябрега еще оставались южнее реки, у Монтоливэ. 3-й корпус, имея все свои дивизии на одной линии (слева направо—37-ю, 5-ю и 6-ю), наступал в западные окрестности Голя и после небольших столкновений с противником достиг к вечеру левого берега М. Морэна, южнее Монмирайя. 1-й корпус, подойдя около 8 час. утра к реке, восточнее Монмирайя, был встречен здесь столь сильным сопротивлением германских войск X-го рез. корпуса, занимавших высоты правого берега, что в течение этого дня успел перебросить через реку лишь свои авангарды. Наконец, правофланговый, 10-й, корпус, наступая на Шарлевиль, продвинулся к реке по обе стороны Ле-Туля, но перейти на правый берег не мог; 51-я рез. дивизия оставалась у Шарлевиля в тесной связи с 42-й дивизией (9-й армии). Вообще, наступление этого корпуса имело назначением оказать содействие левому флангу войск ген. Фоша.

Таким образом, 5-я армия, имевшая до сих пор выдвинутым свой правый фланг, в течение этого дня совершила захождение вперед своим левым флангом и к вечеру оказалась расположенной фронтом к северо-востоку, имея свои силы равномерно распределенными по фронту. Хотя движение на Фонтенель французской конницы и отчасти 18-го корпуса и угрожало правому флангу II-й герм. армии, но оно могло привести, вследствие малочисленности этих войск, лишь к тактическому успеху ограниченного значения; между тем, такое расположение армии приводило главную

массу ее войск к фронтальному столкновению с германскими корпусами, находившимися к западу от сен-гондских болот, и лишало ее тех оперативных выгод, которые были связаны с продвижением в промежуток между двумя германскими армиями. Если принять во внимание, что между флангами английской и 5-й франц. армий, на участке протяжением в 15 кил., находилась лишь одна конница, а противник в районе Монмирайя не проявлял в этот день большой активности, то продвижение главной массы французских войск в северо-западном направлении, ближе к левому флангу армии, представлялось вполне выполнимым; и если бы оно было выполнено, то разрыв между I-й и II-й герм. армиями, вероятно, стал бы более значительным, что создало бы для германцев более тяжелое положение, чем то, в котором они действительно оказались. Но, повидимому, французское командование в то время еще неясно представляло себе обстановку, постепенно слагавшуюся на нижней Марне.

Немало, вероятно, влияло на его тяготение к правому флангу и положение дел в 9-й франц. армии, все ухудшавшееся с каждым днем. Несмотря на неудачи наступательных действий своих войск в течение двух предыдущих дней, ген. Фош решил продолжать наступление и в этот день. На левом фланге 42-я дивизия (поддержанная слева частями 10-го корпуса) с утра начала движение на Талю-Сен-При, а марокккская дивизия (9-го корпуса) — несколько правее, обе — с целью форсировать М. Морэн у западной оконечности сен-гондских болот. До 2-х часов дня обе французские дивизии, сильно задерживаемые огнем неприятельской тяжелой артиллерии со стороны Бэ и Конжи, все-таки продвигались к реке; но вслед за этим, неожиданной и решительной атакой войск X-го герм. корпуса, марокккская дивизия была отброшена от реки в восточные окрестности Мондемана; 42-й же дивизии удалось удержаться в достигнутом ею расположении на левом берегу М. Морэна, у Талю-Сен-При.

Вместе с тем, неудача, постигшая в это время 11-й франц. корпус, вынужденный, под натиском противника, отойти к Фэр-Шампенуазу, отвлекла все прочие силы 9-го корпуса к восточной оконечности сен-гондских болот; здесь 17-я дивизия, имея слева и справа по бригаде 52-й рез. дивизии, заняла к 8 час. утра расположение фронтом к востоку, от Бана до Конантра, с целью остановить продвижение неприятеля в тыл 9-й армии, а затем в 4-м часу дня, вместе с войсками 11-го корпуса, приняла участие в неудачной контр-атаке на Фэр-Шампенуаз, занятый немцами. Но что же, однако, произошло на участке к востоку от сен-гондских болот, где правый фланг ген. Фоша был приведен так быстро в столь критическое состояние?

Мы знаем, что накануне 11-й франц. корпус, имея справа 60-ю рез. дивизию, а в ближайшем тылу 18-ю, был оттеснен прусской гвардией и правофланговыми частями III-й герм. армии к линии Нормэ—Сомсу. С утра 8 сентября этот корпус, усиленный одной бригадой 18-й дивизии, должен был перейти в наступление; другая бригада последней была оставлена у Фэр-Шампенуаза. Однако, на рассвете немцы повели сильную атаку, сопровождавшуюся могущественной бомбардировкой тяжелых батарей, причинившей большое расстройство французским войскам еще до начала их наступления. После непродолжительного пехотного боя, последние были отброшены в беспорядке за Фэр-Шампенуаз и к 7 час. утра остановились немного севернее линии Гургасон—Семуэн—Майи; это отступление прикрывалось одной бригадой 18-й дивизии, занявшей позицию в юго-восточных окрестностях Фэр-Шампенуаза, а затем тоже отошедшей к Гургасону. Появление со стороны сен-гондских болот двух дивизий 9-го франц. корпуса ослабило натиск противника, что дало возможность расстроенным войскам 11-го корпуса восстановить в своих рядах порядок, а после полудня даже сделать попытку, совместно с 9-м корпусом, перейти в наступление.

Впрочем, эта попытка не имела успеха, и к ночи с 8-го на 9 сентября французские войска занимали дугообразную линию Майи—Семуэн—Гургасон—южные окрестности Конантра—Бан, охватывая Фэр-Шампенуаз с запада и юга. В районе Майи, попрежнему, находилась 9-я кав. дивизия, ведя мелкие бои с неприятельскими войсками, продвигавшимися с севера, и поддерживая связь с левым флангом 4-й армии у Эмбовиля. В течение дня французская конница была оттеснена к югу, и Майи заняго немцами.

Так неудачно закончились в этот день боевые действия 9-й франц. армии и к западу, и к востоку от сен-гондских болот. Левый фланг этой армии был прикован к месту, ее правый фланг был разбит, смят и отброшен на полперехода к югу; дорога от Майи к р. Обу, занятая лишь небольшими частями французской конницы, была открыта для германских войск, и связь между 9-й и 4-й армиями, бывшая и до тех пор ненадежной, становилась теперь еще слабее [1]). Казалось, что здесь назревают события, чреватые последствиями большого оперативного значения, и что завтрашний день должен, повидимому, привести в районе Фэр-Шампенуаза к разрешению кризиса в пользу германцев.

---

[1]) Насколько опасно было в этот день положение 9-й франц. армии, свидетельствует тот факт, что штаб армии перешел из Плера на 15 клм. к югу, в Планси (на р. Обе). Во второй половине дня кавалерийский заслон у Майи был ослаблен выделением одной бригады с батареей к Сомпюи, для содействия левому флангу 17-го корпуса.

Обратимся теперь к рассмотрению распоряжений германского командования и действий II-й и III-й герм. армий, в результате коих, на фронте от Монмирайя до Фэр-Шампенуаза, создалось то взаимное положение сторон, с которым мы уже отчасти ознакомились.

Определившаяся еще накануне разница в оперативных условиях на флангах II й герм. армии, с утра 8 сентября постепенно сказывалась все резче и резче. Вслед за уходом III-го и IX-го корпусов, обнажившим правый фланг этой армии, конница последней, как мы видели, была отброшена противником от М. Морэна: 5-я кав. дивизия—за Марну, а гвардейская—к руч. Доляу; слабая 13-я дивизия [1]) не могла задержать сильных колонн английской и 5-й франц. армий, продвигавшихся в район западнее Монмирайя, а еще далее к западу было обнаружено наступление других неприятельских войск. Вся совокупность этих условий привела к тому, что наступательные действия на правом фланге Бюлова оказались невозможными: 13-й дивизии и X-му рез. корпусу приходилось принять на себя заботу по обеспечению этого фланга, а X-й корпус, хотя и мог активно оборонять свой участок М. Морэна и к вечеру частью своих сил продвинулся в северные окрестности Мондемана, но, конечно, без поддержки других войск был не в состоянии продолжать наступления западнее сен-гондских болот, имея перед собой превосходные силы противника. Что же касается 14-й дивизии и гвардейского корпуса, то они имели возможность, частью через сен-гондские болота, а частью в обход их с востока, продвигаться более или менее решительно; 14-я дивизия, наступая в этот день от Конжи, утвердилась на южной окраине болот западнее Бана, 1-я гвард. до полудня выдвинулась от Ольнизэ до дороги, ведущей из Бана на Фэр-Шампенуаз и содействовала наступлению 2-й гвард. дивизии; а эта последняя, как и накануне, приняла участие в боевых действиях группы ген. Кирхбаха. Но несмотря на крупный успех, сопровождавший наступление этих войск, положение на правом фланге армии представлялось ген. Бюлову настолько тревожным, что он признал необходимым в 8 час вечера отвести 13-ю дивизию и X й рез. корпус на линию Марньи—Ле-Туль.

Наступление войск ген. Кирхбаха происходило следующим образом: С целью избежать потерь от неприятельского артиллерийского огня, немцы начали здесь атаку на рассвете и застали французов совершенно врасплох. 2-я гвард. дивизия атаковала со стороны Морэн-ле-Пти и отбросила

---

[1]) Эта дивизия была в то время в составе лишь одной бригады и дивизионных войск; другая ее бригада еще не вернулась из под Мобежа.

противника к Фэр-Шампенуазу и Конантру; 32-я штурмом овладела селением Ланхарэ, а 23-я рез. уже в 5 ч. утра в рукопашном бою заняла Сомсу. В виду столь благоприятного результата этой утренней атаки и выгодного положения группы ген. Кирхбаха, в 9 час. утра ген. Бюлов обратился к нему с просьбой оказать содействие II й армии движением своих войск в западном направлении, т.-е. во фланг и тыл неприятельским войскам, находившимся к югу и к западу от сен-гондских болот. Получивши согласие командующего III-й армией на выполнение такого маневра, ген. Кирхбах решает, однако, начать его не ранее того, как противник будет отброшен за Фэр-Шампенуаз. После полудня гвард. корпус возобновляет наступление к Фэр-Шампенуазу и занимает его 2-й дивизией (1-я примыкает к ней справа, фронтом на Сезан); 32-я дивизия отбрасывает французов за Гургасон, а 23-я рез.—продвигается в южные окрестности Сомсу. В таком положении германские войска остаются здесь до следующего утра. В то же время 24-я рез. дивизия уже подходила своими головными частями к Ватри, откуда ей было приказано повернуть к Нормэ, на случай необходимости поддержать атакующие войска.

Следовательно, в этот день ген. Бюлову не удалось использовать правофланговую группу войск III-й армии для облегчения того положения, в котором оказались центр и правый фланг вверенных ему войск.

Наступление левофланговой группы войск ген. Гаузена в районе Сомпюи—Витри-ле-Франсуа (23-я дивизия и XIX-й корпус) было менее успешным и ограничилось задержкой левого фланга 4-й франц. армии: 23-я дивизия захватила высоты к северо-западу от Эмбовиля, но под угрозой охвата ее левого фланга частями 17-го франц. корпуса должна была откинуть этот фланг к северу; XIX-й корпус, сражавшийся между Эмбовилем и Курдеманжем, продвинулся лишь у первого из этих пунктов, а в прочих местах после полудня перешел к обороне. Предполагалось с наступлением ночи вновь атаковать противника при содействии VIII-го корпуса, но так как последний признал это для себя невозможным, то от ночной атаки пришлось отказаться.

Несмотря на некоторые частные неудачи, положение III-й герм. армии все же представлялось благоприятным, и можно было рассчитывать, что, продолжая наступление с прежней энергией, эта армия будет в состоянии достигнуть, в районе Фэр-Шампенуаза и Майи, решительных результатов. Это и побудило ген. Гаузена, по соглашению с Бюловым, приказать группе ген. Кирхбаха продолжать на следующий день наступление, в общем направлении на Сезан, в тыл 9-й франц. армии.

Гораздо сложнее было в этот день положение армии ген. Бюлова. На своем левом фланге она имела успех, на правом ее постигла неудача. Что же должно было возобладать с новыми боями завтрашнего дня, успех или неудача? Что могло сильнее отразиться на общих условиях обстановки, успех у Фэр-Шампенуаза или неустойчивое положение у Монмирайя? Угрожало ли этой армии распространение неустойчивого положения далее к востоку, или ее победа на левом фланге обещала потрясти неприятельский дух и сломить упорство противника, стоявшего западнее сен-гондских болот? Несомненно, что кризис был налицо; необходимо было перетерпеть его, необходимо было одолеть врага не только могуществом своей артиллерии и превосходством своего тактического искусства, но и напряжением своих нервов, непоколебимостью своих решений, спокойной уверенностью в победе. Однако, Бюлов уже был непригоден для этого: к вечеру 8 сентября он был мрачно настроен, он низко оценивал боеспособность своих войск и совершенно не верил в дальнейший успех. Он считал, что уже в этот день на правом фланге германцев создалось такое положение, из которого невозможно было выйти иначе, как отойдя обеими правофланговыми армиями к северу, потому что в противном случае I-я армия была бы атакована в тыл, а II-я обойдена с правого фланга.

Такое настроение командующего II-й герм. армией явилось вполне благоприятным для воспринятия им различных пессимистических советов и внушений и послужило благодатной почвой, на которой брошенные в нее семена сомнения и паники должны были дать пышные ростки. И германское главное командование, само не подозревая этого, шло в этот вечер навстречу таким возможностям. Вот как случилось это.

Уже донесения ген. Клука и ген. Бюлова, отправленные ими в германскую главную квартиру вечером 7 сентября (о переброске на Урк III-го и IX-го корпусов и об открытом правом фланге II-й армии), а также перехваченные сообщения обоих кав. корпусов в соседние армии об обороне ими промежутка между этими армиями, сильно обеспокоили ген. Мольтке и навели его на мысль о необходимости усиления правого фланга; и так как в это время воздушная разведка выяснила, что район между Гентом, Брюгге, Остендэ и Лиллем свободен от противника, то было решено использовать с этой целью собиравшуюся в западной Бельгии VII-ю армию. Утром 8 сентября командующему этой армией, ген. Геерингену, было приказано немедленно направить к Сен-Кентену 7-ю кав. дивизию, VII-й рез. и IX-й рез. корпуса и туда же отправлять, по мере прибытия из Лотарингии, и войска XV-го корпуса. Вместе с тем, в

виду слабой связи, существовавшей между тремя правофланговыми армиями и главной квартирой и плохой осведомленности последней в действительном положении дел в этих армиях, ген. Мольтке командировал 8-го утром в эти армии генерального штаба подполковника Хентша со словесной инструкцией, касавшейся принятия на месте решений, если бы обстановка этого потребовала. Хентш выехал из Люксембурга в 11 час. утра на автомобиле и по пути посетил штабы: V-й армии (в Варене) и IV-й (в Куртизоле), что привело к весьма нежелательной, в данных условиях, потере времени. В 6 час. вечера он был в Шалоне, в штабе III-й армии, где присутствовал при составлении приказа для наступательных действий следующего дня и, ознакомившись с обстановкой, донес в главную квартиру, что „положение дел и виды на будущее в III й армии вполне благоприятны". Около 8 час. вечера Хентш прибыл в Монмор, в штаб II-й армии. Здесь он застал не вполне спокойное настроение, которое было вызвано опасением неприятельского прорыва в направлении на Шанпобер, на стыке X-го рез. и X-го корпусов. На совещании, состоявшемся в штабе с участием Хентша, Бюлов в мрачных красках обрисовал создавшееся положение: по его мнению, разрыв между I-й и II й армиями, образовавшийся вследствие переброски на правый берег Марны III го и IX-го корпусов, угрожал обеим армиям, потому что сюда уже наступали крупные силы противника, которые могли охватить внутренние фланги армий; для противодействия такому охвату уже не было резервов, а потому было бы целесообразно, чтобы I-я армия теперь же отошла настолько к востоку (примерно, на линию Ла-Фэртэ-Милон, Шато-Тьери), чтобы могла примкнуть к правому флангу II-й. С своей стороны, Хентш высказал мнение, что то положение, в котором находится I-я армия, не даст ей возможности выполнить такого передвижения, почему единственным решением в данных условиях может быть отход обеих армий к северу, внутренними флангами на Фим.

Тем не менее, на этом совещании было принято решение продолжать на следующий день наступление левым флангом II-й армии, и отойти на правом фланге лишь в том случае, если противник перебросит на северный берег Марны крупные силы. О возможности перейти в наступление правым флангом даже не возбуждалось вопроса; кроме того, успех, достигнутый в этот день у Фэр-Шампенуаза и обещавший оказать благотворное влияние на общее положение германского фронта, был недостаточно оценен на этом совещании и, повидимому, не оказал соответствующего воздействия на представителя германской главной квар-

тиры [1]). После совещания, вместо того, чтобы немедленно же отправиться в штаб I-й армии, Хентш остался ночевать в Монморе, в надежде получить здесь в течение ночи дальнейшие сведения о положении на фронте. Но что могла дать нового предстоящая ночь для принятия правильного решения? Могла ли она что-нибудь изменить в настроениях Бюлова и Хентша, явно склонявшихся к отступлению? Результаты боевых действий минувшего дня уже были известны, продвижение противника в разрыв между армиями уже было выяснено в достаточной мере. Возможно ли было что-нибудь добавить к этому или воспринять что-либо ободряющее дух и укрепляющее волю в этой жуткой тишине только что умолкнувших, охваченных ночным мраком, полей сражений? Наоборот, следовало думать, что утро 9 сентября будет в этом отношении моментом более неблагоприятным, более трудным, чем вечер 8-го.

Боевые действия на верхней Марне, в Аргонах и на Маасе.

Общий характер действий обеих сторон в районе Витри-ле-Франсуа остался почти такой же, как и накануне. Главный натиск IV-й герм. армии продолжался у Ревиньи, где XVIII-й рез. корпус 25-й рез. дивизией продолжал бои в восточных окрестностях этого города, а 21-й рез. атаковал и занял Васинкур. XVIII-й корпус, занимая своим левым флангом Сермэз, немного продвинулся своим центром и правым флангом между Парньи и Блемом; несмотря на поддержку, оказанную 2-му франц. корпусу одной бригадой 15-го корпуса со стороны Бар ле-Дюка, он все-таки был оттеснен от Шаминона к Труа-Фонтэну. В центре, между Парньи и Витри-ле-Франсуа, наступали на растянутые позиции трех дивизий французского колониального корпуса превосходные силы германцев: VIII-й рез. корпус—у Воклера и Блема и VIII-й—по обе стороны Марны. Французы успели сильно укрепиться на занятых ими позициях и успешно отражали неприятельские атаки. VIII-й рез. корпус не мог продвинуться за линию Воклер—Блем, в виду чего правобережная (15-я) дивизия VIII-го корпуса оставалась весь день на месте, в окрестностях Витри-ле-Франсуа; 16-я дивизия того же корпуса, усиленная подошедшей с тыла 49 й ландв. бригадой, атаковала на левом берегу правый фланг 12-го франц. корпуса в направлении к Курдеманжу, оказавши поддержку XIX-му корпусу. На левом берегу Марны, как мы видели, левофланговая группа III й герм. армии, поддержанная частью сил VIII-го корпуса, медленно продвигалась у Сомпюи и Эмбовиля

[1]) В этот вечер Хентш донес в главную квартиру: „Положение II-й армии тревожно, но не безнадежно".

против 17-го и 12-го франц. корпусов, угрожаемая охватом со стороны первого из них у Сомпюи. Предположенное на этот день решительное продвижение левобережных французских корпусов не состоялось, вследствие опоздания 13-й дивизии (21-го корпуса), которая должна была с утра выдвинуться в западные окрестности Сомпюи. В общем, в центре и на левом фланге, положение 4-й франц. армии представлялось благоприятным, но на правом фланге оно внушало серьезные опасения, в виду возможности неприятельского прорыва.

Это должно было, конечно, беспокоить командующего 3-й франц. армией, тем более что XVIII-й рез. корпус противника, с захватом Васинкура, угрожал охватить левый фланг войск ген. Сарайля. Впрочем, положение французов облегчалось тем обстоятельством, что в течение этого дня V-я герм. армия на всем фронте от Ревиньи до Вердена не проявляла большой активности, почему боевые столкновения имели здесь, преимущественно, местный характер и не отличались упорством и продолжительностью. Значительная часть германских войск оставалась здесь в этот день в оборонительном положении, потому что полученные кронпринцем германским сведения о подходе к Бар-ле-Дюку французских подкреплений (из состава 15 го корпуса) заставили его опасаться решительного удара превосходных сил противника против XIII-го корпуса. Для усиления последнего было приказано назначить сводный отряд от 10-й рез. дивизии (V-го рез. к.). и всю 12-ю рез. дивизию (VI-го рез. к.). Между тем, правофланговый, VI-й, корпус армии, хотя и поддержанный у Ревиньи XVIII-м рез., безуспешно вел бои в окрестностях Вилота; XIII-й корпус местами переходил в контр-атаки, а XVI-й оставался в своем прежнем расположении. Части, назначенные от V-го рез. и VI-го рез. корпусов для поддержки XIII-го, подошли к вечеру в район между Триокуром и Нюбекуром. В VI-м рез. корпусе и ландв. дивизии Франке, а также в V-м рез. на обоих берегах Мааса, день прошел без боевых действий; ушедшую на поддержку XIII-го корпуса, 12-ю рез. дивизию сменила, на участке севернее Виль-сюр-Кузанса, 53-я ланд. бригада (из состава ланд. дивизии Франке), Наконец, к востоку от Вердена в V-м корпусе, с позиций 10-й дивизии, начался обстрел маасских фортов.

Несмотря на вялый, в общем, характер германских атак, французам пришлось пережить в этот день несколько тяжелых положений, для облегчения которых необходимо было проявить не мало усилий со стороны войск и не мало распорядительности со стороны армейского командования. Раньше всего возникла опасность на стыке 5-го и 6-го корпусов, южнее Ранберкура, где бригада 54-й рез. дивизии

была потеснена частями XIII-го герм. корпуса; пришлось бросить сюда 7-ю кав. дивизию. Затем, когда стало известно, что правый фланг 4-й армии отходит под натиском превосходных сил противника к Труа - Фонтэну, сюда была направлена бригада 15-го корпуса, а 7-й кав. дивизии приказано перейти на левый берег Орнэна и установить прочную связь между флангами армий. Эта мера явилась тем более необходимой, что предпринятое рано утром наступление бригады 29 й франц. дивизии (15-го корпуса) к Васинкуру, с целью обратного овладения этим пунктом, окончилось неудачно.

Но вот новая опасность неожиданно появилась на горизонте, притом на таком участке поля сражения, где меньше всего ее ожидали: в 9 час. утра немцы начали бомбардировку форта Труайона с правого берега Мааса, т.-е. в тылу 3-й франц. армии; спустя некоторое время, обстрел распространился и на форт Женикур и батарею Парош (у Сен-Мьеля) [1]).

Еще 7 сентября французской разведкой была обнаружена необычная деятельность неприятельских войск на правом берегу Мааса, но на это не обратили внимания, полагая, что как сам Верден, так и река с расположенными на ней, южнее крепости, фортами, является достаточным обеспечением для тыла французских войск, сражавшихся между Бар-ле-Дюком и Верденом.

Как же отнеслось к этому неожиданному явлению французское командование? Положение было тем более тяжелое, что ничего определенного не было известно о силах противника и их группировке по ту сторону Мааса. Свободных резервов у ген. Сарайля не было, потому что, хотя немцы и не вели энергичного наступления на левом берегу, но все же все корпуса и резервные дивизии 3-й франц. армии были связаны в своих действиях и прикованы к месту. В виду того, что комендант Труайона обещал держаться не дольше 48 часов, комендант Вердена, ген. Кутансо, просил разрешения бросить 72-ю рез. дивизию от Виль-сюр-Кузанса к югу, по правому берегу Мааса; но эта мера представлялась ген. Сарайлю опасной в том отношении, что она ослабляла связь его армии с верденским укрепленным районом, чего он ни в каком случае не хотел допустить, несмотря на разрешение главного командования отойти правым флангом на юг.

---

[1]) Бомбардировка велась орудиями разнообразных калибров, от легких пушек до 30,5 сант. гаубиц, с расстояний от 5 до 7½ килом. Одновременно с этим, были также бомбардированы и три верденские форта: на правом берегу—Дуомон, а на левом—Буа-Бурю и де-Мар.

Каким способом возможно было помочь атакованным фортам в этих трудных условиях? А помощь, и помощь быстрая, была необходима, потому что форт Труайон мог пасть с минуты на минуту и открыть противнику свободный доступ на левый берег Мааса, т.-е. в тыл 3-й франц. армии. Единственным резервом, которым мог располагать в это время командующий этой армией, была армейская конница, т.-е. та 7-я кав. дивизия, которая уже дважды в этот день перебрасывалась с одного участка поля сражения на другой и теперь заполняла собой разрыв между 3-й и 4-й армиями. Сарайль решает еще раз использовать ее в качестве резерва и спешно направляет ее к Маасу. Но что могла дать эта конница, уже сильно измотанная и имевшая перед собой форсированный переход в 45 килом.? Конечно, она не была в состоянии оказать форту Труайону никакой существенной помощи, хотя бы уже потому, что могла достичь берегов Мааса не ранее наступления ночи; но ее роль в этот день была исключительно морального значения, потому что движение конных частей к реке могло создать у немцев представление о приближении к форту французских подкреплений.

В остальном, на фронте обеих враждебных армий положение в этот день оставалось неизменным; повидимому, ни одна из сторон не чувствовала себя достаточно сильной для того, чтобы предпринять здесь какой-либо широкий маневр.

Итоги третьего дня сражения.

Характерными особенностями боевых действий 8 сентября являются: бедность оперативных достижений обеих сторон на флангах и крупная перемена в их взаимном положении в центре, как к западу, так и к востоку от сен-гондских болот. В самом деле, на Урке противники. попрежнему, стояли один против другого, не пользуясь никакими существенными преимуществами в отношении друг друга. Клук остановил продвижение французов, но он не только еще не разбил их, но даже не был в состоянии оттеснить их к Парижу, почему никоим образом невозможно было считать, что фланговый удар неприятеля уже был отражен. Опасность с запада оставалась здесь столь же реальной, как и в первый день сражения. Обе стороны на Урке все еще собирались с силами, намереваясь нанести друг другу решительный удар по прибытии своих последних подкреплений.

С другой стороны, на восточном фланге, между верхней Марной и Маасом, наступательная энергия германцев значительно ослабела в этот день, почему даже такие выгодные положения, как удачное продвижение в разрез между двумя французскими армиями у Сермэза и налич-

ность крупных частей совершенно свежих войск (V-го корпуса) в тылу 3 й франц. армии, на правом берегу Мааса, не были ими использованы в такой мере, какая допускалась и количеством имевшихся сил, и их группировкой. А это привело к тому, что обе франц. армии не только прочно держались на своих местах, но даже находили возможным предпринимать маневры, небезопасные для германцев (как напр., на левом берегу Марны против их XIX-го корпуса и 23-й дивизии).

Таким образом, оба фланга сражавшейся уже третий день миллионной массы войск, стояли почти неподвижно, в то время, как в промежутке между ними велась борьба, имевшая подвижной характер и весьма знаменательная в общем ходе всего изучаемого нами сражения.

Здесь уже ясно определились два опасных прорыва: в германском расположении—западнее Монмирайя, в расположении французов—восточнее Фэр-Шампенуаза; первый из них угрожал отрезать II-ю герм армию от I-й, второй—разобщить 9-ю франц. армию от 4-й Не могли ли эти прорывы уравновесить друг друга, предоставивши каждой из сторон некоторые преимущества в одном месте для ослабления невыгод в другом? Немцы стремились охватить правый фланг армии Фоша и выйти ей в тыл; не могло ли это оттянуть к востоку часть сил 5-й франц. армии и облегчить положение Бюлова у Монмирайя? И обратно, не являлось ли возможным для французов ослабить натиск противника у Фэр-Шампенуаза своим нажимом на правый фланг II-й герм. армии? Несомненно, подобное влияние друг на друга боевых действий, происходивших по обе стороны сен-гондских болот, было возможно и до некоторой степени даже осуществлялось в этот день, но какого-либо решающего значения оно не могло иметь, потому что эти прорывы имели совершенно различный характер и различны были те условия, при которых сторонам приходилось вести в них бои.

Во-первых, прорыв в германском фронте достиг ширины в 38 килом., тогда как прорыв во французском расположении был по крайней мере в три раза меньше, что, конечно, должно было вызывать совершенно различные усилия для их ликвидации. Во-вторых, в прорыв между I-й и II-й герм. армиями шли очень крупные силы противника: вся английская армия и левый фланг 5-й французской, т.-е. войска в данный момент совершенно свободные, не отвлекаемые никакой другой оперативной задачей; для использования же своего прорыва у Фэр-Шампенуаза немцы располагали лишь теми, сравнительно небольшими силами, которые уже два дня вели упорные бои с неприятелем, а теперь должны были сдерживать его попытки к переходу в наступление,

т.-е. иначе говоря, у них не было свободных сил для развития достигнутого в этот день успеха. И в третьих, движение союзников в промежуток между I-й и II й герм. армиями непосредственно угрожало тылу первой из них, а, следовательно, и безопасности всей предпринятой Клуком на Урке операции, имевшей такое важное значение для общего положения германцев на Марне; между тем, движение Гаузена на Майи и далее к р. Обу, если бы оно и могло быть произведено, не ставило ни одну из неприятельских армий в безвыходное положение: каждая из них имела возможность отходить, сохраняя в общих чертах группировку своих войск. Вот, следовательно, как неодинаковы были те оперативные условия, в которых находились в этот день противники в центре необъятного поля сражения. Выгоды тактические почти везде сохранялись за немцами, выгоды стратегические, как будто бы, переходили на сторону союзников. Но обе стороны еще не сказали своего последнего слова, еще не приложили к делу своего последнего усилия, еще не ввели в бой своих последних резервов; каждая из них могла еще расчитывать, что завтрашний день внесет какие-нибудь изменения в их относительное положение и направит события по новому руслу.

К вечеру 8 сентября было уже ясно, что боевые операции между Парижем и Верденом получили совершенно не то направление, которое было намечено обоими главными командованиями в директивных указаниях своим армиям накануне сражения. В этих последних предполагалось, что наиболее активная и деятельная роль будет принадлежать у обоих противников флангам, а их центр будет выполнять задачу вспомогательного характера; как мы видим, получилось нечто обратное: к концу третьего дня сражения фланги, как германского, так и англо-французского фронта, не могли продвинуться ни в ту, ни в другую сторону, но зато в центре уже назрели два оперативных кризиса, в разрешении которых, повидимому, и лежало решение вопроса: кто останется победителем в этой тяжелой борьбе?

2. Четвертый день сражения (9 сентября).

(Схема № 5).

Для того, чтобы сделать более понятным для читателя развитие событий в течение 9 сентября, я считаю необходимым начать изложение со II-й герм. армии, потому что именно решение, принятое в этот день в штабе этой армии, оказало свое могущественное влияние на обстановку на нижней Марне, а вместе с тем и на весь ход операций между Парижем и Верденом.

Решение, принятое утром 9 сентября командующим II-й герм. армией.

Как и следовало ожидать, ночь с 8-го на 9 сентября не принесла с собой никаких новых обстоятельств, которые могли бы побудить ген. Бюлова к более спокойной оценке обстановки, почему утро застало его в прежнем настроении, с его прежней склонностью мрачно оценивать положение германского правого фланга западнее Монмирайя. На втором совещании Хентша с начальником штаба II-й армии, ген. Лауэнштейном, состоявшемся рано утром 9 сентября, было вновь подтверждено, что II-я армия только в том случае может оставаться на месте, если I-я примкнет к ней, прекративши свое наступление на Урке; причем, в соответствии с мнением Хентша, утверждавшего, что такого же взгляда держится и главное командование, было предрешено, что I-я армия не в состоянии этого сделать. Таким образом, как бы предрешался и отход II-й армии. Следовательно, вопрос, столь значительный для общего хода событий, происходивших на Марне, был решен без малейшей попытки убедиться, действительно ли армия ген. Клука не может примкнуть своим левым флангом к правому флангу Бюлова. Пессимизм Хентша, повидимому, пошел навстречу пессимизму штаба II-й армии, предвзятые идеи, тяготевшие над оперативным мышлением Хентша и Лауэнштейна, укрепляли это настроение.

Принявши такое важное, чреватое последствиями, решение, ни Бюлов, ни Хентш не донесли о нем главному командованию, которое, вследствие этого, лишено было возможности своевременно вмешаться в дело, в случае, если бы таковое вмешательство явилось необходимым. В 7 час. утра подполк. Хентш уехал из Монмора в штаб I-й армии, в Марей, куда прибыл лишь в $12^1/_2$ час дня, задержанный в пути германскими обозами, отходившими к северу в большом беспорядке. Сцены, которые ему пришлось наблюдать в ближайшем тылу I й армии, произвели на него тяжелое впечатление, которое, конечно, не могло не отразиться на его суждениях об обстановке, высказанных им в этот день в штабе ген. Клука.

Между тем, во II-й армии уже с 9 час. утра все шло, хотя и постепенно, но быстро, к развязке того сложного и неопределенного положения, которое создалось здесь в результате и неприятельских действий, и неустойчивых решений германского командования. Раньше всего, из донесений обоих кавалерийских корпусов, ген. Бюлову стало известно о приближении к Марне крупных сил противника; затем, в начале 11-го часа утра воздушная разведка обнаружила пять больших неприятельских колонн, подходивших своими головами к реке на участке от Сааси до Ази. Для командующего II-й армией становилось ясным, что его опа-

сения сбываются, что противник собирается отрезать I-ю армию от II-й и что положение войск ген. Клука настолько опасно, что только немедленное отступление к северо-востоку может спасти их. А в этом случае должна отойти и II я армия, чтобы оказать помощь соседу на правом берегу Марны и вновь образовать с ним общий фронт на путях наступления противника. И поэтому, несмотря на то, что положение правого фланга II-й армии было в это утро благоприятным и никакой непосредственной опасности пока не предвиделось ни для 13-й дивизии, ни для X-го рез. корпуса, в 12 час. дня Бюлов отдал приказ об отступлении своей армии правым флангом на Дамери; было приказано начать отход не ранее 1 часа дня и притом — с левого фланга.

Еще до начала отступления, в штабе II-й армии было получено сообщение Клука об отходе его левого фланга (группы ген. Линсингена) на левый берег Урка, в район Куломба, что уже окончательно убедило Бюлова в критическом положении I-й армии и утвердило его в принятом им решении отойти за Марну[1]). Вместе с тем, Бюловым было предложено отходить и группе саксонских дивизий ген. Кирхбаха, против чего командующий III-й армией, ген. Гаузен, не высказал никакого протеста.

Приказ для отступления II й армии на линию Дамери—Тур заключал в себе следующие указания: левофланговая группа (гвардейский корпус) должна была начать отход в 1 час дня и следовать на Фэр-Шампенуаз, Вэртю, Тур и

---

[1]) Германское официальное описание войны (Der Weltkrieg 1914 bis 1918, т. IV, стр. 269—270) пытается представить окончательное решение ген. Бюлова начать отступление, как результат рокового недоразумения. Это последнее заключалось, будто бы, в том, что тактическая мера, принятая Клуком еще до приезда в его армию подполковника Хентша (загиб левого фланга в направлении на Куломб). была истолкована Бюловым, как начало общего отступления I й армии, предпринятого по указанию Хентша, который во время своего пребывания в штабе II й армии несколько раз упоминал о своих полномочиях. Однако, согласиться с подобного рода объяснением, конечно, невозможно; оно представляется и слишком упрощенным, и слишком неправдоподобным. Решение Бюлова имеет более сложное психологическое обоснование. Мы видели, что командующий II-й армией, вообще, очень мрачно оценивал обстановку на правом германском фланге, считая положение I-й армии очень опасным и не признавал возможным достигнуть благоприятных результатов, оставаясь со своей армией на месте. Естественно, что такое настроение не могло придать ему твердости и устойчивости при оценке вновь нарождавшихся тревожных явлений оперативной обстановки и должно было, раньше или позже, привести его к роковому для германцев решению. Конечно, не случайный факт, вроде сообщения I-й армии об отходе своего левого фланга, а общее предрасположение Бюлова к отступлению, усиленное пессимистическими взглядами представителя германской главной квартиры, явилось причиной приказа, отданного Бюловым в полдень 9 сентября.

восточнее; центр (14-я дивизия и X-й корпус) — начать движение в 2 часа дня, а правофланговая группа (13-я дивизия и X-й рез. корпус) — в 3 часа. Двум последним группам не были указаны пути для движения, потому что предполагалось, что войска будут отходить к Марне по кратчайшим дорогам. Кав. корпусу ген. Рихтгофена приказано прикрывать правый фланг армии и удерживать переправы на Марне у Бинсона и западнее. Отходившие войска должны были оставить в соприкосновении с противником, до наступления темноты, арьергарды с сильной артиллерией. Хотя этот приказ был подписан Бюловым еще до получения сведений об успешном наступлении своего левого фланга, но, даже получивши эти сведения около 2-х часов дня, он не нашел возможным отменить своих распоряжений, потому что был в полной уверенности, что I-я армия отходит в тяжелых условиях, облегчить которые должны его войска своим движением на северный берег Марны. Что же, однако, происходило в это время на фронте II-й армии?

Мы знаем, что, вследствие приказаний, отданных Бюловым накануне вечером, эта армия должна была в этот день продолжать своим левым флангом наступление в районе сен-гондских болот, а прочими своими войсками удерживаться в занимаемом ими расположении. В виду этого, гвард. кав дивизия прикрывала правый фланг армии у Конде-ан-Бри, не вступая в боевые столкновения с противником; 5-я кав. дивизия, попрежнему, оставалась в северных окрестностях Мариньи, что сильно затрудняло для I-го кав. корпуса выполнение назначенной ему задачи, заключавшейся в удерживании переправ между Шато-Тьери и Бинсоном. 13-я дивизия с раннего утра укреплялась на позициях к северо-западу и к югу от Марньи, имея перед собой незначительные силы противника, медленно подходившего со стороны Монмирайя; X-й рез. корпус вел артиллерийский бой с неприятелем у Фромантьера; X-й — одной дивизией (19-й) оставался на правом берегу М. Морэна, а другой (20-й) — атаковал Мондеман и овладел им; 14-я дивизия вела наступление на Алеман и отбросила противника к югу. Одновременно с этим, гвардейский корпус продолжал свои активные действия к юго-востоку от сен-гондских болот, в тесной связи с правым флангом III-й армии, в общем направлении от Фэр-Шампенуаза к Сезану и в 3-м часу дня отбросил противника за линию Конантр—Коруа.

Из приказа ген. Бюлова для отступления мы видим, что отход его армии должен был вестись, начиная с левого фланга; однако, боевые действия этого дня, достигшие наибольшего развития именно на этом фланге, вынудили армию начать свое отступление в районе Монмирайя, где германские войска не были связаны боями с противником. Около

часу дня гвард. кав. дивизия начала отходить на Ла-Шапель и к вечеру достигла северных окрестностей Дормана; 13-я дивизия дошла в этот день до Бинсона, а обе дивизии X-го рез. корпуса — до Дамери и его южных окрестностей, все без помехи со стороны противника; X-й корпус, имевший 20-ю дивизию в боевом соприкосновении с неприятелем, отошел с некоторым замедлением, в 10 час. вечера достиг северных окрестностей Этожа и в 3-м часу ночи продолжал свое отступление. В войсках левого фланга (в 14 й дивизии и в гвард. корпусе), достигших в этот день крупного успеха в боях с правым флангом 9-й франц. армии, приказ об отступлении произвел тягостное впечатление, но тем не менее, отход был начат еще до наступления темноты и выполнен незаметно для противника: 14-я дивизия поздно вечером достигла северо-западных окрестностей Вэртю, а гвардейский корпус ночью подошел к этому пункту.

В 6 час. вечера Бюлов получил от Хентша сообщение из Фима от 4 час. дня об успехе I-й армии на ее правом фланге и о последующем ее отходе к северо-востоку, к линии Суасон—Фим [1]); к этому добавлялось: I-й армии сообщено, что, если потребуется, то завтра, 10-го, II-я армия отойдет на правый берег Марны. Таким образом, сведения, заключавшиеся в этом сообщении Хентша, противоречили тем соображениям, которые побудили Бюлова отдать приказ об отступлении; оказывается, что решение, принятое командующим II й армией, было основано на совершенно неправильном представлении о том положении, в котором находилась I-я армия. Однако, Бюлов, повидимому, не доверял этим сведениям, потому что не сообщил их никому из своих сотрудников и в дальнейших своих распоряжениях не упоминал о них. Поздно вечером войска II-й армии получили дополнительные приказания: 13-й дивизии приказано, имея правее себя конницу ген. Рихтгофена, удерживать участок реки от Бинсона до Жольгонна; X-му рез. корпусу продолжать движение до северных окрестностей Дамери, X-му корпусу — до северных окрестностей Эпернэ, 14-й дивизии — до Марэй, а гвардейскому корпусу — до северо-западных окрестностей Тура. Мосты на Марне приказано не взрывать. О действиях своей армии и о своих распоряжениях за 9 сентября Бюлов отправил донесение в главную квартиру лишь на следующий день утром.

А вот что происходило в I-й армии до прибытия Хентша в Марей [2]).

---

[1]) Как увидим из дальнейшего изложения, в действительности Хентш направил левый фланг I-й армии не на Фим, а на Суасон.

[2]) Штаб армии, в ночь с 8-го на 9 сентября, перешел из Вандреста в Марей, а не в Ла-Фэртэ-Милон, как первоначально пред-

Наступление ген. Клука на Урке.

Ни сведения о подходе английских войск к Марне, ни сообщение Бюлова о том, что правый фланг его армии отошел на линию Марньи—Ле Туль, не поколебали решимости ген. Клука наступать в этот день своим правым флангом, как это было подготовлено накануне.

Рано утром, правофланговая группа ген. Кваста (IX-й корпус, 4-я кав. и 6-я дивизии и несколько ландв. батальонов), развернувшись в северо-западных окрестностях Марей, начала наступление в общем направлении к Нантейлю, имея свой правый фланг (4-ю кав. дивизию) немного южнее Крепи-ан-Валуа, но севернее леса дю-Руа; 17-я дивизия атаковала на Гондревиль, 18-я — между Гондревилем и Бетцем, а 6-я — на Бетц и Вилер-Сен-Женэ. Одновременно с этим, 43-я рез. и 10-я ландв. бригады наступали от Вербери и Пон-Сен-Максанса к Барону, в тыл 6-й франц. армии. Воздушная разведка обнаружила, что район к северу от линии Сенли—Крей свободен от противника. Наступление войск ген. Кваста не встретило большого сопротивления французов, у которых здесь не оказалось крупных резервов для противодействия этому энергичному и неожиданному удару, почему обходное движение немцев успешно развивалось к юго-западу. Около полудня артиллерийский огонь неприятеля заметно ослабел, что указывало на перемещение в тыл французских батарей, а также свидетельствовало о наступившем кризисе в положении противника.

Но в то время, когда обстановка складывалась так благоприятно на правом фланге Клука, положение на его левом фланге становилось опасным. Здесь немцам приходилось иметь дело не только с противником, стоявшим за ручьем Теруаном, но и с неприятельскими войсками, уже выходившими на правый берег Марны в промежутке между I-й и II-й герм. армиями. Мы знаем, что правый фланг ген. Бюлова был уже откинут к северо-востоку, а германская конница большею частью своих сил (II-й кав. корпус и 5-я кав. дивизия) находилась за Марной, имея одну дивизию (гвардейскую) на правом фланге II-й армии, в районе Конде-ан-Бри [1]). При таких условиях, неприятель имел возможность подойти с крупными силами к переправам на Марне, между Шато-Тьери и Урком, и без больших затруднений форсировать здесь реку по неразрушенным немцами переправам, потому что бригада ген. Крэвеля, имевшая задачу взорвать мосты на реке, накануне отложила эту ра-

---

полагалось, потому что появление вечером 8 сентября французской конницы у этого последнего пункта д лало небезопасным расположение штаба столь близко к флангу армии.

[1]) 5-я дивизия была временно включена в состав II-го кав. корпуса.

боту, за поздним временем, до следующего дня, а утром уже не успела этого сделать. Рано утром конница ген. Марвица обнаружила переправу английских кавалерийских частей у Шарли, после чего неприятельские войска постепенно появлялись у переправ, и выше, и ниже этого пункта. И хотя группа Марвица, собравшаяся между Лизи и Монтрей (три кав. дивизии и бригада ген. Крэвеля) [1]) и завязала бои с передовыми войсками противника на переправах (в особенности у Ла-Фэртэ-су-Жуара), но было ясно, что одни эти слабые силы не будут в состоянии остановить врага и помешать ему переправиться на северный берег Марны. В виду этого, командующий I-й герм. армией, еще до полудня, приказал левофланговой группе ген. Линсингена (3-я, 7-я рез. и 22-я рез. дивизии и 15-я бригада) отойти на левый берег Урка на линию Мэй-ан-Мюльтьен—Куломб, а 5-й дивизии — перейти в промежуток между Вандрестом и Монтрей, где и поступить в распоряжение ген. Марвица для активных действий против английских войск, переправлявшихся через Марну. Эти передвижения были выполнены после полудня, причем Марвицу удалось у Ла-Фэртэ-су-Жуара отбросить передовые части англичан за Марну, а затем некоторое время задерживать здесь переправу 3-го англ. корпуса.

Однако, все эти маневры и передвижения оказались уже ненужными и не могли внести никаких существенных улучшений в общие условия обстановки, сложившейся неблагоприятно для германцев, невзирая на тактические успехи I-й армии. Туча уже надвигалась, но она появилась не с запада и не с юга, откуда скорее всего могли ожидать ее в штабе Клука, а с востока, из пределов соседней армии.

Решение отвести I-ю армию к северу и мотивы этого решения.

В 12 ч. 30 м. дня в Марей прибыл подполк. Хентш; несмотря на то, что он застал здесь спокойное, бодрое и уверенное настроение, а из сообщений, сделанных ему начальником штаба ген. Кулем, узнал, что наступление правого фланга армии развивается успешно и никаких предположений об общем отходе не имеется, он заявил от лица главного командования следующее: „Общее положение неблагоприятно. V-я армия задержана у Вердена, VI-я и VII-я — у Нанси и Эпиналя, отступление II-й армии за Марну неизбежно, ее правый фланг, т.-е. VII-й корпус отброшен. Отсюда вытекает необходимость отвести назад все армии: III-ю — к северо-востоку от Шалона,

[1]) Кавалерийским дивизиям были приданы 4 егерских батальона и 1 батальон 27 пех. полка.

IV-ю и V-ю — через Клермон к Вердену; I-я армия тоже должна отойти в направлении на Суасон—Фим, а в крайнем случае — на линию Ла Фэр—Лаон. У Сен-Кентена будет сосредоточена новая армия, и тогда возможно будет начать новую операцию".

Впечатление, произведенное в штабе армии этим заявлением Хентша, еще усилилось, когда в начале 2-го часа дня из II-й армии было получено следующее сообщение по радио: „воздушная разведка доносит о движении 4-х больших колонн противника к Марне, их головы к 9 час. утра были между Сааси, Шарли и Ножан-л'Арто; II-я армия отходит правым флангом на Дамери" [1]). Это указывало на то, что разрыв между двумя армиями становился все шире и шире.

Тем не менее, ген. Куль пытался убедить посланца главной квартиры, что отступление не вызывается необходимостью, а производимое в такое время, когда войсковые части сильно перемешаны, может привести к тяжелым последствиям. Но Хентш твердо стоял на высказанной им точке зрения, утверждая, что никакое другое решение невозможно, если бы даже и были теперь получены из армий какие нибудь новые сведения: тем более, что II-я армия уже начала свой отход за Марну; при чем он добавил, что на принятие такого решения он имеет необходимые полномочия от главного командования. Единственно в чем удалось ген. Кулю убедить Хентша, это — в невозможности для I-й армии, из ее расположения на Урке, отойти левым флангом на Фим, почему решили дать этому флангу направление на Суасон. Но, по невыясненной до сих пор причине, Хентш, уведомляя в тот же день Бюлова о решениях, принятых в отношении I-й армии, говорит об отходе ее на линию Суасон—Фим [2]), что привело к некоторым недоразумениям при организации Бюловым отступательного движения своего правого фланга.

Во время переговоров Хентша с Кулем ген. Клук находился в штабе армии; но, несмотря на чрезвычайную важность тех сообщений, которые были сделаны представителем главной квартиры, он почему-то не пожелал лично обменяться с ним мнениями, а осведомлялся о требованиях Хентша через своего начальника штаба. Это кажется тем более странным, что, судя по словам самого Клука [3]) и свидетельствам других источников, в этот день положение армии представлялось ему вполне благоприятным и тыл

---

[1]) Несколько позже пришло сообщение, что правый фланг идет на Дорман, т.-е. несколько западнее.

[2]) См. стр. 86.

[3]) В его воспоминаниях—Der Marsch auf Paris und die Marneschlacht.

ее — обеспеченным теми силами, которые были собраны в районе Монтрей. Какже мог он не пожелать, при этих условиях, оказать свое личное воздействие на Хентша и не отстоять своей точки зрения и своего решения? Хотя и Клук, и другие авторы и упоминают о том, что приказ об отступлении был отдан командующим армией „с тяжелым сердцем", но ни один источник, в сущности, не дает нам основания предполагать, что Клук пережил при этом тяжелую душевную драму. В самом деле, не повидавши Хентша и удовольствовавшись докладом ген. Куля, он без замедления, уже в 2 часа дня, принял к исполнению приказ об отступлении своей армии. Говорят, что на его решение подчиниться так быстро требованию Хентша повлияли и решительный тон, в котором последний делал распоряжения от лица главного командования, и сведения, сообщенные Хентшем о состоянии II-й армии, и уже начавшееся отступление последней [1]). Но имея в виду независимый и решительный характер ген. Клука, авторитет, которым он пользовался в германской главной квартире, и его всегдашнее нерасположение к взглядам и решениям Бюлова, можно было ожидать с его стороны более длительного и энергичного противодействия. Поэтому невольно приходишь к заключению, что положение I-й армии, по всей вероятности, представлялось Клуку в то время далеко не столь благоприятным, каким пытались изобразить его впоследствии, как он сам, так и его сторонники.

Между тем, боевые действия и западнее, и восточнее Урка шли своим чередом и почти везде успешно для немцев. На правом фланге армии 4-я кав. дивизия оттеснила французскую конницу за лес дю-Руа, IX-й корпус и 6-я дивизия продвинулись на линию Ормуа-Вилер—Вилер-Сен-Женэ, 43-я рез. бригада уже заняла Нантейль, а 10-я ландверная подходила к Барону. Левый фланг 6-й франц. армии находился в полном отступлении. В центре I-й герм. армии группа ген. Армина (16-я бригада, 7-я и 4-я дивизии) медленно продвигалась. Восточнее Урка, у Монтрей, шел горячий бой бригады Крэвеля, поддержанной некоторыми частями соседних войск, с 5 й англ. дивизией, которая была задержана здесь до вечера. Вообще, положение в этом районе было таково, что германские войска могли легко отойти к Куломбу и удлинить левый фланг 1-й армии до Мариньи.

Приказ для общего отступления армии был разослан в войска вскоре после 2-х час. дня. 4-й кав. дивизии приказано следовать к Эну для занятия переправ на этой реке,

---

[1]) Müller - Loebnitz. Die Sendung des Oberstleutnants Hentsch am 8—10 September 1914.

между Компьеном и Суасоном; дивизия выступила из Крепиан Валуа лишь около 11 час. вечера и пошла через Вилер-Котрэ. Левофланговой группе ген. Линсингена указано отойти на линию Монтиньи—Гандлю, группе ген. Армина, смотря по обстановке, —на линию Антильи—Марей, а войскам ген. Кваста—удерживать противника, насколько это окажется необходимым для прикрытия отступления прочих войск армии.

Ген. Кваст, получивши в 3-м часу дня приказание прекратить наступление, нашел его до такой степени нецелесообразным и несоответствовавшим обстановке, что сначала признал его недоразумением и некоторое время колебался, исполнить ли это приказание, но, после переговоров по телефону с начальником штаба армии, он должен был остановить движение своих победоносных колонн, недоумевавших по поводу такого неожиданного и, конечно, непонятного войскам распоряжения. Несколько позже, в 8 час. вечера, дополнительным приказанием было назначено: Линсингену идти на Ла-Фэртэ-Милон и Вилер-Котрэ; Армину—от Антильи на Восьен, а Квасту — еще западнее; 43-й рез. и 10-й ландв. бригадам — отходить вслед за 4-й кав. дивизией, для занятия, вместе с ней, переправ на Эне. II-му кав. корпусу и бригаде ген. Крэвеля приказано прикрывать отступление армии с юга.

К ночи отступательное движение войск было уже в полном ходу, за исключением группы ген. Кваста и 43-й рез. бригады, оставшихся за поздним временем на поле сражения до рассвета. Группа ген. Линсингена отошла в район Ла-Фэртэ Милон (15 я бригада) — Норуа (22-я рез д.)—Шуи (3-я д.)—Вилер Котрэ (7-я рез. д.); группа ген. Армина—к Антильи (7-я д.) и в его восточные окрестности (4-я д.); 10-я ландв. бригада—к Компьену, где она получила приказание занять переправы на Эне между этим городом и Виком. Около полуночи закончила свой отход и группа войск ген. Марвица: II-й кав. корпус—к Куломбу, 5-я дивизия и бригада Крэвеля—к Гандлю; в то же время гвард. кав. дивизия перешла ночью на правый берег Марны, к Винселю, для прикрытия правого фланга II-й армии, уже отошедшего за реку, а на присоединение к ней шла от Мариньи через Бовард 5-я кав. дивизия. Следовательно, к утру обе германские кавалерийские массы должны были оказаться у внутренних флангов I-й и II-й армий, оставивши без наблюдения и охраны весь 30-ти километровый промежуток между армиями.

Ни с запада, ни с юга неприятель не преследовал, главным образом, вследствие того, что отступление германских войск явилось для него полной неожиданностью, и обстановка на нижней Марне представлялась ему неясной; при этих условиях, преследовать немцев ночью, даже там, где

их отступление вполне определилось, казалось небезопасным.

Обратимся теперь к описанию боевых действий 6-й франц. и английской армий в течение 9 сентября.

Боевые действия 6-й франц. и английской армий 9 сентября.

Накануне вечером, армия ген. Монури, как мы видели, находилась в столь тяжелом положении, что пришлось даже принять меры к подготовке тыловой позиции на случай ее возможного отступления. Несмотря на это, главнокомандующий приказал этой армии, во что бы то ни стало, удерживать занимаемое ею расположение, в расчете, что продвижение англичан с утра 9 сентября даст ей возможность вновь перейти в этот день в наступление. Но эти расчеты не оправдались: английские корпуса наступали столь же медленно, как и в предыдущие дни, и не дали войскам Монури ожидаемого облегчения в их затруднительном положении.

Более деятельная роль в течение 9 сентября выпала на долю французской конницы, находившейся на левом фланге 6-й армии. 5-я кав. дивизия (ген. Корнюлье-Люсиньера), заночевавшая накануне у Фавероля, с утра возобновила действия мелкими частями севернее Урка и по дорогам, ведущим от Вилер-Котрэ и Ульши-ле-Шато на Суасон, но затем, в виду недостатка патронов и продовольствия и отсутствия связи со своими войсками, к вечеру отошла на Лонгпон и Арамон к Трюмили, западнее Крепи-ан-Валуа. В общем, двухдневный набег этой дивизии на сообщения правофланговых частей 1-й герм. армии не дал существенного результата; несмотря на несколько удачных нападений на транспорты и небольшие части войск, в тылу противника не удалось вызвать тревоги, доказательством чего служит то, что немцы не повернули обратно, для охраны своих сообщений, тех этапных батальонов, которые были направлены для усиления правого фланга 1-й армии.

Остальные части 1-го франц. кав. корпуса некоторое время сдерживали натиск 4-й кав. дивизии и IX-го корпуса германцев в районе Бетц—Крепи-ан-Валуа, но должны были отойти в северные и восточные окрестности Эва, имея по пути, между Бароном и Нантейлем, столкновения с неприятельскими частями 43-й рез. и 10-й ландв. бригад.

Южнее конницы, 61-я рез. и 7-я дивизия (4-го корпуса), попрежнему, удерживали с утра район Вилер-Сен-Женэ. В 12-м часу дня обнаружилось наступление немцев (43-й рез. бригады) от Барона к Нантейлю и южнее, т.-е. в тыл обеим французским дивизиям. После упорных боев, французы были вынуждены покинуть Нантейль и под энергичным натиском противника, теснившего их с трех сторон,

около 5 час. дня начали отходить к р. Теруану в окрестности Уазери. Таким образом, несмотря на то, что наступление германских главных сил прекратилось около 3 х час. дня, удар правофланговой группы ген. Кваста оказался настолько сильным, что левое крыло 6-й франц. армии продолжало, по инерции, отходить до наступления темноты, не пытаясь даже остановить преследовавших его мелких частей противника, маскировавших приостановку общей атаки. Вследствие этого, 7 й франц. корпус, легко отразивший на своих позициях попытки немцев продвинуться от Аси, должен был к вечеру откинуть свой левый фланг. Что же касается правофланговой группы 6-й армии (резервные дивизии ген. Ламаза, 45-я дивизия и марокканская бригада), то, хотя уже вскоре после 3 час. вполне выяснился отход на левый берег Урка находившегося перед ней противника (войск ген Линсингена), ни одна из французских частей не пыталась здесь продвинуться вслед за немцами.

Все войска этой группы получили приказание оставаться в своем прежнем расположении, а их сторожевому охранению указано окопаться и быть готовым к отражению неприятельской атаки. Так потрясен был дух и так подавлена была воля французского командования смелыми и решительными действиями противника!

Между тем, 8 я франц. дивизия, все еще бездействовавшая на левом берегу Марны, подошла вечером к Шанжи, где, при своей попытке переправиться на правый берег, встретила сопротивление германской конницы; впрочем, вскоре ей было приказано перейти в течение ночи в район Сен-Супле — Иверни, откуда она могла бы быть использована или для усиления левого фланга, или для поддержки центра 6-й армии. Вместе с тем, 62-я рез. дивизия стянулась в восточные окрестности Дамартена.

Уже с 3-х час. дня ген. Монури стал получать сведения, которые давали основание предполагать о начавшемся отступлении немцев: атаки германской пехоты сделались менее напряженными, огонь германских батарей постепенно становился слабее, а воздушная разведка уже обнаружила движение за Урком больших неприятельских колонн в северном и восточном направлениях [1]). Все указывало на то, что у немцев происходит какая то широкая перегруппировка и что их внимание уже в значительной степени отвлечено какими-то операциями к востоку от Урка. О продвижении английской и 5-й франц. армий к Марне уже было известно в штабе Монури, поэтому, казалось бы,

[1]) Это были частью войска Линсингена, а частью Марвица, передвигавшиеся к Куломбу и Монтрей.

общий характер обстановки на нижней Марне не мог быть неизвестен французскому командованию. Допустимо ли было при этих условиях обрекать правый фланг армии на бездеятельность и не использовать этого благоприятного момента для того, чтобы своим преследованием внести расстройство и тревогу в неприятельские ряды? В особенности удивляет исследователя этих событий неумелое использование 8-й франц. дивизии: после четырех дней полного бездействия, эта дивизия, наконец-то, оказалась в положении, в котором она могла бы оказать чувствительное влияние на ход боевых действий на правом берегу Марны, потому что, после переправы через реку у Шанжи, она имела возможность, в связи с 3-м англ. корпусом, угрожать левому флангу I й герм. армии; но вместо этого ее перебрасывают на правый берег Урка, где она в то время уже ни к чему не нужна была.

В виду этого, приходится сделать заключение, что французское командование или не понимало обстановки, или боялось довериться имевшимся сведениям, опасаясь со стороны противника какого-нибудь неожиданного и коварного маневра. Все войска 6-й франц. армии провели остаток дня и всю ночь с 9-го на 10 сентября на поле сражения, а неприятельская армия, никем не тревожимая, никем не преследуемая, спокойно отходила к северу.

С утра 9 сентября английская армия возобновила свое движение к Марне. 1 я кав. дивизия, усиленная бригадой 2-й, без сопротивления противника, захватила переправы у Ножан-л'Арто, Шарли и Ази и заняла высоты правого берега; 1-й корпус, тоже без боев, переправился 1 й дивизией у Ножан-л'Арто, а 2-й—у Шарли и, продвигаясь с остановками, весьма осторожно, к вечеру дошел, у Ле-Тиоле и Купрю, до дороги из Шато-Тьери в Монтрей; 2-й корпус перешел реку по двум мостам у Сааси и восточнее и к вечеру достиг Монтрей, на пути к которому 5-й дивизии с трудом удалось оттеснить противника; наконец, 3-й корпус, с другой бригадой 2-й кав. дивизии, встретил наибольшее затруднение у Ла-Фэртэ-су Жуара, вследствие разрушенных переправ и сильного анфиладного огня неприятеля с правого берега, и к ночи успел перебросить на этот берег лишь 6 батальонов пехоты. Наибольшее продвижение английских частей в течение этого дня составило лишь 11 кил.; всего же за 4 дня наступления наибольшее продвижение армии не превосходило 50 кил., правда, с тремя переправами, но с весьма слабым сопротивлением на них неприятеля. Как ничтожны эти цифры по сравнению с гигантскими переходами, которые в это же время выполняли войска I-й герм. армии!

Овладевши правым берегом р. Марны, английская армия, подобно 6-й французской, не преследовала отходившего перед нею противника, который, как мы видели, прикрывая отступление левофланговых частей Клука, глубокой ночью отошел из района Монтрей в северном направлении.

Боевые действия в районе Монмирайя и у Фэр-Шампенуаза.

Из предыдущего мы знаем, что II-я герм. армия, вследствие соображений общего характера, обнимавших собой обстановку во всем обширном районе к западу от сен гондских болот, вскоре после полудня начала свое отступление за Марну, правым флангом на Дорман, не ввязываясь в крупные боевые столкновения с противником. В виду этого, корпусам 5-й франц. армии, при своем движении к этой реке в течение 9 сентября, не пришлось встретить сильного неприятельского сопротивления.

2-й кав. корпус ген. Конно, имея две дивизии в 1-й линии, а одну—во 2-й, после полудня, не встречая противника, дошел до Марны. 4-я кав. дивизия переправилась у Ази на правый берег, но так как здесь уже находилась английская конница, то, не продвигаясь далее, она остановилась между Ази и Шато-Тьери; 10-я перешла реку у этого последнего пункта, но оставалась в ближайших окрестностях города; 8-я к вечеру подошла к реке у Ази. Следовательно, к ночи с 9-го на 10 сентября, в небольшом районе Шато-Тьери Ази—Ле-Тиоле, сосредоточилась крупная масса союзной конницы, силой более 4-х дивизий; она стояла возле большой дороги из Шато-Тьери к Суасону, которая вела в тыл обеим германским армиям и на которой в то время неприятель не имел ни одного вооруженного человека. Какой, в самом деле, блестящий случай для набега на неприятельские сообщения, с возможностью создать огромные затруднения для отходившей в эту ночь с берегов Урка утомленной и расстроенной германской армии! Ведь ни французская, ни английская конница не могли быть в этот вечер в состоянии сильного изнурения, потому что как в этот, так и в предыдущие дни они медленно наступали и мало сражались. Обе были в полной мере пригодны для выполнения такого набега, но ни в одной из них не было кавалерийского начальника, которому была бы по плечу такая смелая и, конечно, очень трудная задача. К тому же, после неудач в пограничном сражении, кавалерия союзников до такой степени привыкла жаться к пехоте и ограничивать свою роль заполнением прорывов между армиями и корпусами, что мысль о самостоятельных действиях перед

фронтом или в тылу у неприятеля очень редко проглядывала в боевых приказах, даваемых коннице [1]).

Левофланговый, 18-й, корпус 5-й франц. армии в этот день, не встречая сопротивления противника, продвинулся своими главными силами в северные окрестности Эсиза, выдвинувши, по требованию фельдм. Френча, один полк (38-й дивизии) к Шато-Тьери и одну бригаду (36-й дивизии)—к Ази, для прикрытия правого фланга английской армии. Правее, 3-й корпус своими обеими дивизиями достиг южных окрестностей Конде-ан-Бри [2]), а две резервные дивизии ген. Валябрега дошли до Артонжа. 1-й корпус своими главными силами наступал на Вошан и Марньи, имея по пути небольшие столкновения с арьергардными частями X-го рез. корпуса; одна же бригада 2-й дивизии была направлена на Фромантьер, откуда должна была своим наступлением в сторону Шанпобера облегчить продвижение 19-й дивизии (10-го корпуса) от Ле Туля на Бэ. К вечеру дивизии 1-го корпуса расположились у Марньи (1-я) и в западных окрестностях Фромантьера (2-я). В этот день 10-й корпус (с 51-й рез. дивизией) был передан в распоряжение командующего 9-й франц. армией и вел бои в тесной связи с левофланговыми войсками последней.

В общем, 5-я франц. армия имела свой фронт, как и накануне, обращенным к северо-востоку, а на правом берегу Марны—лишь одну конницу. Такое расположение не представляло выгод для параллельного преследования II-й герм. армии, которое было бы возможным, если бы достаточно крупные силы французов были уже введены в промежуток между неприятельскими армиями; кроме того, оно и не создавало сильной угрозы для находившегося уже к вечеру за рекой правого фланга ген. Бюлова.

А в соседней, 9-й франц. армии, события в этот день развивались следующим образом.

В приказе по армии от 10 час. вечера 8 сентября ген. Фошем были даны войскам такие задачи: 10-й корпус, переданный временно из 5-й армии, должен был сменить в 5 час. утра 42-ю дивизию у Шарлевиля и затем противодействовать противнику в его продвижении к югу. 42-й дивизии приказано, после смены, отойти в северные окрестности Плера, откуда и перейти в наступление на Конантр; 9-му корпусу—сосредоточить все свободные силы

---

[1]) Одним из таких редких случаев является задача, данная 8 сентября 5-й франц. кав. дивизии на правом фланге I-й герм. армии. Но мы видели, что эта операция имела весьма ограниченные размеры и была бедна результатами.

[2]) Третья (37-я) дивизия этого корпуса утром была отправлена в Эстернэ для посадки на железную дорогу и отправления в 6-ю франц. армию. Она высадилась вечером 10 сентября севернее Парижа, у Лувра.

к этому последнему пункту, войдя в связь с 11-м корпусом; общая цель всех этих передвижений—атака в направлении на Фэр-Шампенуаз. В дополнение к этому приказу, в полночь было разослано воззвание ген. Фоша к войскам, с горячим призывом проявить на следующий день упорство и решительность, чтобы, наконец, одолеть врага, который уже обнаружил признаки расстройства и утомления.

Решительны и активны были намерения командующего армией, но в руках его не имелось того гибкого и подвижного орудия, которое необходимо было для выполнения его оперативных предположений. Своим военным красноречием он мог воспламенить солдатские души на короткое время, для доблестных схваток с противником в огне и сутолоке ближнего боя, но придать этим способом корпусам и дивизиям подвижность и маневренность в той степени, которая была необходима для решения поставленной себе задачи, он, конечно, не мог. И действительно, передвижения с целью занять исходное положение для атаки Фэр-Шампенуаза производились войсками с чрезвычайной медлительностью: лишь около 1 часа дня 42-я дивизия была сменена 51-й резервной и только в 6 час. вечера она собралась между Плером и Конантром. Ген. Фош возлагал большие надежды на ее содействие наступлению 9-го и 11-го корпусов и с нетерпением ожидал ее приближения к Конантру. Но в виду столь позднего прибытия этой дивизии в указанный район, было решено, что она уже не может в этот день наступать к Фэр Шампенуазу, хотя ее артиллерии и была дана задача обстрелять этот город [1]).

Сменивши одной своей дивизией 42-ю, 10-й корпус, остальными двумя, пытался продвинуться от Ле-Туля на Бэ, но встретил большие затруднения при переправе через М. Морэн; мы видели, что его левофланговая (19-я) дивизия, при содействии частей 1-го корпуса, с трудом преодолевала, в направлении на Шаппобер, сопротивление войск X-го герм. корпуса. Главные силы последнего с утра повели сильное наступление от Талю-Сен-При, против расположения марокканской дивизии, на Мондеман и вскоре заняли это селение; так как дальнейшее продвижение противника к Алеману угрожало захватом здесь командующих высот, что поставило бы в тяжелое положение не только эту дивизию, но и другие войска 9-го корпуса, то командир

[1]) Из сказанного видно, что 42 я дивизия не принимала участия в наступлении к Фэр-Шампенуазу и в занятии этого города, почему легенда о маневре этой дивизии, будто бы решившем исход боевых действий в этом районе в пользу французских войск, встречающаяся в некоторых французских источниках, не соответствует действительности.

последнего ген. Дюбуа приказал левофланговым частям марокканцев, усиленным 77-м полком из корпусного резерва, овладеть Мондеманом и отбросить немцев к реке. Атака Мондемана, возобновлявшаяся несколько раз, в виду упорного сопротивления неприятеля, продолжалась до 7 час. вечера и окончилась занятием этого селения французами; немцы, понеся большие потери, вынуждены были отойти к Талю-Сен-При.

Одновременно с этим, 17-я дивизия, усиленная на обоих своих флангах двумя бригадами 52-й рез. дивизии, занимала участок от южных окрестностей Бана до Конантра, намереваясь вместе с 11-м корпусом наступать к Фэр-Шампенуазу. Однако, уж в 10-м часу утра, 11-й корпус был сильно атакован саксонцами и начал отходить за Гургасон, вследствие чего и обеим дивизиям 9-го корпуса пришлось постепенно отводить свой правый фланг к юго-западу. В полдень обнаружился энергичный нажим противника против этого фланга, вероятно, с целью разобщить между собою французские корпуса; находившаяся здесь бригада 52-й рез. дивизии была отброшена и стала отходить в беспорядке, а вместе с тем, немцы начали атаку и со стороны Бана. Паника постепенно распространялась вдоль фронта 9-го корпуса, и войска мелкими частями, покидая боевые линии, стали направляться в тыл. В эту критическую минуту положение было спасено личным вмешательством командира корпуса, объезжавшего войска и на месте отдававшего приказания: главным силам 17-й дивизии приказано, во что бы то ни стало, удерживаться на своих позициях, полки 52-й рез., приведенные в порядок, отправлены им на поддержку и войскам объявлено, что к правому флангу корпуса подходит 42-я дивизия, имеющая задачей атаковать Фэр-Шампенуаз. Все эти меры дали возможность ген. Дюбуа в 5-м часу вечера перейти в наступление и постепенно теснить немцев к северо-востоку. Как увидим из дальнейшего изложения, как раз в это время германские дивизии ген. Кирхбаха, в виду общих условий обстановки, уже начали отходить и оказывали сопротивление французскому наступлению лишь своими арьергардами. Благодаря этому, войска 9-го франц. корпуса в течение вечера и ночи, с небольшими боями, легко заняли Фэр-Шампенуаз и даже частью сил 17-й дивизии продвинулись к Морэн-ле-Пти, вслед за отходившей прусской гвардией.

Менее успешно шли дела в 11-м корпусе. Около 8 час. утра три дивизии этого корпуса, находившиеся в 1-й линии (21-я, 22-я и 60-я рез.) были атакованы германскими войсками ген. Кирхбаха и начали отступать к юго-западу; в 5-м часу вечера, приведенные в порядок и поддержанные находившейся во 2-й линии 18-й дивизией, они получили

приказание перейти в наступление, но, вследствие различных недоразумений и задержек и несмотря на значительное ослабление неприятельского сопротивления, продвинулись только до линии Конантр—Гургасон—Семуэн. В районе Майи 9-я кав. дивизия оставалась в своем прежнем расположении.

Итак, к ночи с 9-го на 10 сентября в положении 9-й франц. армии произошли существенные изменения лишь на правом фланге, где район Фэр-Шампенуаза был вновь занят французами. Но этот успех, несмотря на численное превосходство последних, был достигнут не искусными боевыми действиями и даже не доблестью французских войск, а благодаря отходу немцев, произведенному в связи с назревшимся общим отступлением правофланговых германских армий [1]).

Взглянем теперь на эти операции у Фэр-Шампенуаза с германской стороны.

Рано утром 9 сентября все три саксонские дивизии (считая с запада—24-я рез., 32-я и 23-я рез.), имея справа 7-ю гвард. дивизию (II-й армии), возобновили наступление к юго-западу и, после весьма успешных боев в течение дня, к 5 час. вечера достигли линии Гургасон (24-я рез. д.)—Семуэн (32-я д.)—Майи (23 рез. д.). В это утро ген. Бюлов дважды возобновлял свою просьбу помочь его войскам наступлением группы ген. Кирхбаха к западу. Но так как последняя сама имела перед собой противника, то выполнение этого маневра являлось для нее пока невозможным. Между тем, во 2-м часу дня в штабе III-й армии была перехвачена радиограма ген. Бюлова в главную квартиру, из которой стало известно об отступлении его армии за Марну; и кроме того, в 3 часа дня ген. Кирхбах донес о получении непосредственно от Бюлова приказания отходить к северу.

Хотя положение правофланговой группы III-й армии, уже отбросившей французов за линию Конантр—Гургасон—Семуэн, было в это время чрезвычайно благоприятным и

[1]) Между сен-гондскими болотами и Майи, против 5-ти германских дивизий (двух II-й и трех III-й армий) французы имели 6 пех. и 1 кав. дивизии. Французские военные писатели оценивают это продвижение 9-й армии к Фэр-Шампенуазу, как крупную победу французских войск. Наиболее ярко это выражено у Ганото, который вообще, несмотря на многие положительные качества своего труда, слишком много уделяет места малообоснованному восхвалению подвигов своих соотечественников, в ущерб трезвой, беспристрастной критике. По поводу занятия французами в ночь с 9-го на 10 сентября Фэр-Шампенуаза, как известно, оставленного немцами по приказанию свыше, он говорит: „Великолепно руководимые и превосходно выполненные боевые действия. Эта победа явилась справедливой наградой за проявленные—понимание обстановки, упорство, дисциплину и доблесть". (La bataille de la Marne, т. II, стр. 162).

противник находился в беспорядочном отступлении, но ген. Гаузен не нашел нужным возражать против необходимости отступления. Странным кажется то обстоятельство, что он примирился так легко с требованием отхода, переданным из соседней армии, помимо него, одному из подчиненных ему генералов; но еще более непонятным представляется то, что свое решение об отходе он принял на основании лишь случайно попавших в его руки, адресованных не ему, сообщений: первое сообщение от Бюлова он получил лишь в 6-м часу вечера, а первое приказание из главной квартиры—еще позже. Вообще, отдавши в 6-м часу вечера приказ об отходе своей армии, без предварительного запроса главной квартиры или обмена мнений с ген. Бюловым, ген. Гаузен поступил весьма опрометчиво, лишивши свои войска весьма ценных плодов их продолжительных усилий. Армии было указано занять, к наступлению ночи, своими главными силами линию Жерминон—Ватри—Купец и далее до Марны; гвардейский корпус, согласно требованию II-й армии, должен был отходить на Вэртю и далее на Тур (на Марне).

В 9-м часу вечера, вскоре после того, как было отправлено в главную квартиру донесение о принятом решении, Гаузен получил по радио приказание главного командования оставаться южнее Шалона и быть в готовности принять участие в наступлении IV-й и V-й армий. Это распоряжение показалось ему уже не соответствовавшим обстановке, почему его начальник штаба ген. Хэппер обратился по телефону к прибывшему в то время в штаб IV-й армии, проездом в главную квартиру, подполковнику Хентшу с просьбой ориентировать его. Хентш нашел, что этот приказ действительно не соответствует новым условиям обстановки, и признал необходимым продолжать отступление. Однако, в этом случае он впал в противоречие с волей главного командования, от которого в $10^1/_2$ час. вечера вновь последовало распоряжение: III-й армии оставаться на месте и при первой возможности возобновить наступление. Но так как большинство войск уже находилось в движении к северу, то исполнить это приказание уже было невозможно. К вечеру 24-я рез. дивизия достигла северных окрестностей Кламанжа, 32-я — северо-западных окрестностей Ватри, а 23-я рез.—Тиби. В левофланговой группе армии 23-я дивизия, с наступлением темноты, отошла к Дамартен-Летрэ и лишь XIX-й корпус, отступление которого было замедлено по тактическим условиям, остался на месте, в западных окрестностях Витри-ле-Франсуа, в тесной связи с VIII-м корпусом IV-й армии [1]). Добровольный, не вызван-

[1]) О действиях в этот день XIX-го корпуса и 23-й дивизии, в связи с боями IV-й герм. армии, будет сказано ниже.

ный обстановкой, отход III-й герм. армии, явившийся, главным образом, результатом целого ряда недоразумений, дал возможность армии ген. Фоша восстановить свое положение в районе Фэр-Шампенуаза и избегнуть большой опасности, угрожавшей два дня не только ей, но и правому флангу 5-й франц. армии.

Боевые действия между верхней Марной и Маасом.

По сравнению с операциями, происходившими в этот день в центре и на западном фланге сражавшихся армий, боевые действия на восточном фланге, между верхней Марной и Маасом, не представляют особенного интереса. В общем, во взаимном положении сторон в течение 9 сентября здесь не произошло никаких существенных перемен.

4-я франц. армия, попрежнему, должна была, удерживаясь на месте своими правофланговыми корпусами (колониальным и 2-м), своей левофланговой группой (21-м, 17-м и 12-м корпусами) решительно наступать на фронте от Майи до р. Марны, против левого фланга III-й и правого фланга IV-й герм. армий. С утра 43-я дивизия (21-го корпуса) выдвинулась на одну линию с 13-й, и обе повели наступление на Эмбовиль, Сомпюи и западнее, установивши своей конницей связь с 9-й кав. дивизией, находившейся в нескольких километрах южнее Майи. Несмотря на свое численное превосходство, французы не могли здесь продвинуться к северу, встретивши упорное сопротивление 23-й герм. дивизии, закрепившейся в лесистой местности южнее Сомпюи. Далее к востоку, до Марны, с утра шел горячий бой между двумя французскими корпусами и XIX-м герм. корпусом, поддержанным частями VIII-го корпуса, при чем ни одна из сторон не могла здесь приобрести никаких преимуществ. Это побудило командующего 4-й франц. армией, пользуясь сравнительным затишьем на правом берегу Марны, сделать распоряжение о переброске на левый берег по одной дивизии от колониального и 2-го корпусов. Но за поздним временем эта мера не оказала в этот день никакого влияния на ход боевых действий на левом французском фланге. В то же время, в промежутке между внутренними флангами 4-й и 3-й франц. армий, наступление частей 15-го корпуса на Васинкур не дало решительных результатов.

Со своей стороны IV-я герм. армия тоже не обнаружила в этот день большой решительности и активности в своих наступательных действиях. VIII-й корпус, усиленный полком тяжелой артиллерии, без заметного успеха поддерживал на левом берегу, у Курдеманжа, XIX-й корпус, а на правом берегу другая дивизия VIII-го, VIII-й рез. и

XVIII-й корпуса вели с утра бои местного значения, причем, в виду того, что общий фронт этих корпусов был обращен к югу (левый фланг XVIII-го имел направление на Перт), то между этой группой войск и XVIII-м рез. корпусом образовался широкий разрыв (около 12 килом.), занятый лишь небольшим отрядом у Сермэза; что касается последнего корпуса, то на него была возложена задача обеспечивать внутренние фланги IV й и V-й армий. После полудня в штабе герцога вюртембергского стали получаться сообщения из соседних армий об отступлении германского правого фланга, что вызвало приостановку боевых действий на фронте IV-й армии, в предположении, что и остальным германским войскам будут даны новые приказания. Около 7 час. вечера в штаб армии (в Куртизоль) прибыл подполк. Хентш (на обратном пути в главную квартиру); в беседе с командующим армией он склонял его теперь же отвести армию за рейно-марнский канал, но встретил решительный отказ, как с его стороны, так и со стороны его начальника штаба. Создавшееся для IV-й армии неопределенное положение вскоре, однако, было выяснено полученным в 9 час. вечера приказанием главного командования продолжать наступление и уведомлением, что наступают и обе соседние армии.

Столь же нерешительны были боевые действия обоих противников и в верденском районе. В виду того, что германским главным командованием были получены сведения о появлении крупных неприятельских сил на левом берегу Мааса против Сен-Мьеля (что вызывало опасение прорыва между Верденом и Мецом), после полудня было приказано частям V-го корпуса, продолжавшим бомбардировку маасских фортов, прекратить ее и отойти к востоку, с целью образовать укрепленную линию между упомянутыми выше крепостями; с ними должны были отойти: баварская кав. дивизия, подошедшая в этот день из VI-й армии к Эссэ, и 33-я рез. дивизия, находившаяся у Новиана. Этим войскам было указано примкнуть своим левым флангом у Меца к правому флангу VI-й армии [1]). Между тем, к западу от Мааса в этот день произошли следующие события.

С утра на фронте V-й герм. и 3-й франц. армий боевые действия не отличались ни энергией, ни решительностью. У немцев на правом фланге 12-я рез. дивизия выдвинулась в передовую линию, в промежуток между VI-м и XIII-м корпусами. Далее к юго-западу, XVIII-й рез. корпус в течение первой половины дня вел бои в районе Ревиньи—Васинкур с левофланговыми частями 5-го франц. корпуса, постепенно

[1]) Как увидим из описания боевых действий 10 сентября, эти приказания были отменены на следующий день.

подкрепляемого подходившими сюда со стороны Бар-ле-Дюка войсками 15-го корпуса; 25-я рез. дивизия сражалась восточнее Ревиньи, а 21-я рез., поддержанная частями IV-го кав. корпуса,—у Васинкура, который ей пришлось к полудню покинуть под натиском превосходных сил противника. В час дня в Триокуре состоялось совещание корпусных командиров V-й герм. армии, под председательством кронпринца германского, для решения вопроса о дальнейшем ходе боев; после оценки сложившейся на фронте обстановки, совещанием было решено предпринять предстоящей ночью решительную атаку на французские позиции, расположенные по обе стороны р. Эра, при чем ночное время было избрано с целью избежать значительных потерь от неприятельского артиллерийского огня, отличавшегося, вообще, весьма большой действительностью. В этой ночной атаке должны были принять участие VI-й, XIII-й и XVI-й корпуса, которым было указано наступать на линию Люпи — Ранберкур — Шомон — Эйп; VI-й рез. корпус должен был обеспечивать это наступление с левого фланга, а XVIII-й рез. — с правого. Однако, в виду того, что вскоре выяснилось неблагоприятное положение германских войск у Ревиньи и Васинкура, и явилось опасение, что XVIII-й рез. корпус не будет в состоянии надежно прикрывать правый фланг армии, VI-му корпусу приказано оставаться на месте. На запрос, сделанный IV-й армии о направлении, в котором она будет наступать, был получен ответ, что армия наступает своим левым флангом на Перт. Между тем, те самые сведения о появлении противника у Сен-Мьеля, которые вызвали у германского главного командования опасение прорыва на правом берегу Мааса и приказание прекратить атаку маасских фортов, повлекли за собой и приказ об отмене ночного наступления левобережных корпусов. И лишь после длительных переговоров штаба армии с главной квартирой, в 9 час. вечера кронпринц германский получил разрешение привести в исполнение свой план ночной атаки, согласуя свои действия с наступлением IV-й армии. В результате этого, в ночь на 10 сентября в районе Шомон — Ранберкур разыгрался горячий бой двух германских корпусов (XIII-го и XVI го) с 6-м франц. корпусом, находившимся по обе стороны р. Эра, и правым флангом 5-го корпуса на левом берегу этой реки. XIII-й герм. корпус атаковал тремя своими дивизиями в общем направлении на Шомон, но, в виду различных неблагоприятных обстоятельств (темной ночи, дурной погоды, трудной для движения местности), не достиг указанной ему цели; атака была ведена весьма беспорядочно, многие части сбились с направления, и к рассвету войска корпуса оказались в северных и северо-восточных окрестностях Ранберкура, местами потеснивши противника, но не

захватили неприятельских батарей, что являлось одной из важнейших задач этой атаки. В XVI-м корпусе правофланговая (34-я) дивизия атаковала столь же неудачно, а в левофланговой (33-й) лишь некоторые части достигли указанной им цели и к рассвету прочно закрепились на возвышенностях к северо-западу от Эйпа.

Весь день 9 сентября 3-я франц. армия, попрежнему, сохраняла прочную связь с Верденом; командующий армией, кроме того, внимательно следил за всем происходившим на правом берегу Мааса, в районе Сен-Мьеля, против которого на левом берегу все еще оставалась 7-я кав. дивизия, своим присутствием вызвавшая столь серьезную тревогу у германского командования, опасавшегося неприятельского прорыва между Верденом и Мецом.

К ночи с 9-го на 10 сентября на фронте армии ген. Сарайля, подобно тому, как и в соседней французской армии, успех, одержанный союзниками на западе, еще ничем не обнаружился. Обе французские армии стояли здесь в ожидании неприятельского натиска, в полной готовности отразить его, с твердой решимостью не дать противнику продвинуться к югу и отрезать их от Вердена.

Итоги четвертого дня сражения.

Хотя четвертый день сражения на Марне и не был ознаменован крупными и решительными боями, тем не менее он привел обе стороны к большим переменам в их взаимном положении, наиболее значительным за весь период боевых действий между Парижем и Верденом. Оперативные кризисы, постепенно назревавшие в течение нескольких дней, потребовали в этот день лишь небольших материальных или моральных преимуществ у одной из сторон, чтобы разрешиться в ее пользу; так спелый плод легко срывается с дерева слабым порывом ветра и падает на землю...

Оба кризиса, и тот, который волновал и безпокоил германское командование в районе Монмирайя, и тот, который грозил французам поражением у Фэр-Шампенуаза, оба разрешились в этот день в пользу союзников. Раньше всего, под тяжким воздействием опасений за участь I-й армии и своего правого фланга, заколебался ген. Бюлов и, своим решением отходить, увлек с поля сражения все силы правого германского крыла. А затем, упадок духа и сомнение в возможности добиться победы распространились вдоль германского фронта, на восток от сен-гондских болот. И если оказалось возможным, совместным давлением Бюлова и Хентша, так легко и быстро преодолеть решимость Клука продолжать сражение, то тем легче это было сделать с Гаузеном. Если командующий II-й герм. армией решил отхо-

дить, не выдержав того душевного напряжения, которое было вызвано ожиданием различных опасностей, представлявшихся ему неизбежными, и если то же пришлось сделать и Клуку, чтобы выйти из опасного положения, в которое поставило его отступление Бюлова, то это является до известной степени понятным; но выход из победоносного боя Ш-й герм. армии, имевшей оба свои фланга обеспеченными и перед своим фронтом — бегущего в беспорядке противника, объясняется лишь несчастной для немцев особенностью ген. Гаузена отзываться, с излишней готовностью и поспешностью, на призыв соседних армий, в ущерб своим прямым оперативным задачам.

В результате боевых действий 9 сентября, только три правофланговые германские армии начали отходить к северу: I-я — к нижнему Эну, II-я — за Марну и Ш-я — к Марне, причем последняя должна была в ту же ночь прекратить отступление; остальные две, IV-я и V-я, не только оставались на месте, но и получили приказание, совместно с Ш-й, возобновить наступательные действия. Что же касается союзников, то ни одна из их армий, ни вечером 9-го, ни в ночь с 9-го на 10 сентября, не последовала за отступавшим неприятелем.

И тем не менее, вечером 9 сентября сражение на Марне закончилось; потому что с того момента, как только колонны I-й герм. армии потянулись с берегов Урка к северу, перед обеими сторонами возникли и новые оперативные задачи, и иные стратегические цели. С отступлением правого германского крыла и I-й герм. армии в особенности, завершился на нижней Марне маневр, предпринятый французами для задержки стремительного движения германцев к Сене, и вместе с тем был прерван контр-маневр Клука, имевший целью обеспечить это движение. А с утра 10 сентября уже начнется эксплоатация победы союзными армиями, которая, как увидим впоследствии, еще не везде примет в этот день форму преследования отступавших германцев, но уже везде придаст боевым действиям союзников характер ликвидации законченного сражения.

Вечером 9 сентября, далеко не во всех армиях, и той, и другой стороны, сознавали, что сражение уже закончено; так, мы знаем, что между верхней Марной и Маасом оба противника сохраняли свое прежнее расположение и готовились на следующий день продолжать боевые действия в том же направлении. Но это не могло, конечно, оказать никакого существенного влияния на резко изменившуюся обстановку. Важно было то, что германские армии уже покидали берега Марны, а следовательно, и отказывались от дальнейшей борьбы за те стратегические цели, стремление

к которым составляло для них всю сущность и весь смысл этого грандиозного сражения [1]).

3. Разбор и оценка сражения на Марне.

(Схемы №№ 2, 3, 4 и 5).

При описании событий, происходивших между Парижем и Верденом с 5-го по 9 сентября, я излагал боевые действия сторон последовательно по дням, объединяя их во времени, с целью дать читателю к концу каждого дня общую картину достижений обоих противников. Такой способ изложения казался мне наиболее целесообразным, потому что боевая деятельность отдельных армий оказывала настолько сильное влияние на действия и решения соседей, а, следовательно, и на общее положение на фронте, что трудно было бы уяснить себе общую обстановку, не связывая между собой одновременных явлений, разбросанных на обширной территории огромного поля сражения.

Но, с другой стороны, вся эта сложная совокупность разнообразных боевых действий легко поддается расчленению и в пространстве, т.-е. группировке по отдельным районам, в пределах которых действия обоих противников образовали как бы ряд частных операций, как бы несколько частных сражений. В этом отношении битва на Марне, которая не совсем правильно называется сражением и которая представляет собой большую и сложную стратегическую операцию, распадается на пять частных сражений: на р. Урке (6-я франц. армия против I-й германской), у Монмирайя (5-я франц. и частью англ. армии против II-й германской), у Фэр-Шампенуаза (9-я франц. армия против левого фланга II-й и правого фланга III-й герм. армий), у Витри-ле-Франсуа (4-я франц. армия против IV-й и левого фланга III-й герм. армий) и в Аргонах (3-я франц. армия против V-й германской). В каждом из них боевые действия сторон подчиняются до известной степени одной руководящей идее, вытекающей из общего оперативного замысла всего марнского сражения. В виду этого, разбор и оценка этого последнего должны заключать в себе: характеристику составляющих его частных сражений, в пределах действий отдельных армий или армейских групп, и общий разбор в более широких рамках, в связи с общим положением на театре военных действий.

[1]) Некоторые французские авторы включают в рамки этого сражения также и боевые действия 10—13 сентября, т.-е период преследования союзниками германцев, до занятия последними своего расположения за Эном. Я считаю и более правильным, и более удобным отнести рассмотрение этих боевых действий к описанию сражения

Сражение на Урке.

Сражение на Урке представляет собой весьма яркий и поучительный образец борьбы на фланге стратегического фронта: внезапной атаки германского фланга 6-й франц. армией и активной обороны его 1-й германской. Инициатива в этой борьбе принадлежала французам, стремившимся выполнить здесь маневр широкого оперативного значения, заранее предусмотренный главным командованием. Правофланговая германская армия, как мы видели, повернула на запад под одновременным воздействием, совпавших по времени, двух оперативных импульсов: директивы германского главного командования, указавшей ей занять положение фронтом к Парижу, и сведений об опасности, угрожавшей германскому заслону на правом берегу Урка от наступления превосходных сил противника с запада. Это обстоятельство необходимо иметь в виду для правильной оценки решения Клука, потому что, покидая южное операционное направление, прекращая преследование английской и 5-й франц. армий и совершая переброску своих корпусов на север, он выполнял раньше всего волю верховного командования, обеспокоенного деятельностью неприятеля в парижском районе. Но устремившись за Урк, он принимал в дальнейшем уже самостоятельные решения и, атакуя находившегося там противника, действовал по собственной инициативе.

Полководец менее решительный, по всей вероятности, ограничился бы формальным выполнением директивы главного командования и расположил бы свою армию в западных окрестностях Шато-Тьери, оттянувши отряд ген. Гронау на свои главные силы. Как известно, такое именно решение и считал наиболее правильным ген. Бюлов, упрекавший Клука в неосторожном движении за Урк; но, ведь, эти упреки относятся уже к 8—9 сентября, когда было очевидно, что сражение на Урке не может дать быстрого результата и когда необходимо было изыскивать способы для выхода из создавшегося тяжелого положения. А можно ли поручиться за то, что в дни 5—6 сентября сам Бюлов не поступил бы подобно Клуку и что так не поступили бы и другие германские генералы, проникнутые верой в спасительность частной инициативы и смелых решений? Особенно, если принять в расчет в этом случае психологию германских начальников. С первого же дня войны и до прибытия на Марну, 1-я герм. армия, подобно другим армиям, и во многих отношениях даже больше, чем эти по-

---

на Эне, потому что и по группировке армий обеих сторон, и по своим оперативным задачам, они теснее связаны с этим сражением, которое является как бы завершением преследования и его последним, заключительным эпизодом.

следние, пользовалась непрерывным успехом, везде опрокидывала противника, изо дня в день в течение целого месяца видела его отступающим или бегущим, а потому, естественно, уже была проникнута сознанием своего боевого превосходства. Возможно ли было при этих условиях, при этом высоком уровне морального состояния войск, добровольно отказываться от наступательных действий и склоняться к осторожным решениям? Или произошла какая-либо крупная перемена на стороне неприятеля? Повысилась боеспособность его войск? Искуснее распоряжались их начальники? Бои на Урке не обнаружили в этом отношении никаких новых обстоятельств, которые могли бы побуждать ген. Клука добровольно покинуть поле сражения на этой реке и отвести свои корпуса к востоку.

В действиях I й герм. армии обращает на себя внимание быстрота, с которой была произведена переброска ее войск на северный берег Марны и немедленное, решительное введение их в дело в новом направлении. Весьма искусно и незаметно для противника было выполнено движение германских колонн, особенно II-го корпуса, занимавшего расположение ближайшее к Марне и совершавшего, при своем движении на правый берег реки, фланговый марш по отношению к неприятельским войскам, находившимся в районе Мо и Вареда. Затем, необходимо отметить правильное распределение немцами, прибывавших к полю сражения, подкреплений и удачное расположение тяжелых батарей у Мэй-ан-Мюльтьена и у Этавиньи, придававшее такую устойчивость центру и левому флангу их боевой линии.

Однако, при всех этих отличных действиях германских войск, все же возникает вопрос о целесообразности того плана, по которому это сражение было начато и ведено Клуком. Руководящей идеей этого плана было стремление приковать противника к месту на участке к югу от Нантейля, и нанести ему решительный удар в обход его левого фланга. Но это приводило к необходимости совершать крупным массам германских войск огромные переходы для быстрейшего достижения правого, более удаленного от Марны, фланга, где происходило сосредоточение сил, необходимых для главной атаки; и в то же время, даже при наибольшем тактическом успехе последней, это не могло создать для противника безвыходного положения, потому что он всегда имел возможность отойти к Парижу, пути отступления к которому не могли быть в этом случае захвачены немцами. При таких условиях, не лучше ли было бы направлять прибывавшие на правый берег Марны войска к устью р. Урка, в район Лизи—Этрепийи—Варед, с целью нанесения противнику главного удара вдоль ручья Теруана? Ведь, английская армия наступала к Марне слишком мед-

ленно и нерешительно, чтобы сделать этот маневр опасным или невыполнимым. Между тем, в противоположность главному удару в обход левого французского фланга, это направление дало бы немцам возможность значительно раньше ввести в бой левофланговые корпуса I-й армии и приводило бы их кратчайшим путем на сообщения противника с Парижем, а следовательно, явилось бы самым действительным средством для воспрепятствования французам продвигать свой левый фланг севернее Нантейля.

В действиях французов заслуживают быть отмеченными быстрые и целесообразные, полные инициативы и решительности, меры, принимавшиеся ген. Галиени для усиления 6-й франц. армии, дающие нам пример активной маневренной роли большой современной крепости, находящейся в ближайшем тылу наступающей полевой армии. Париж питал своими средствами французские войска, сражавшиеся с армией Клука, он принимал в свой укрепленный район, приводил в порядок и направлял на фронт прибывавшие с востока подкрепления и он же придавал устойчивость французскому маневру на Урке, являясь тем опорным пунктом и убежищем, куда французская армия могла отойти в случае тактических неудач в полевом бою. В остальном, действия французов не дают ничего положительного. Армия Монури слишком рано перешла в наступление, не закончивши своего сосредоточения и развертывания, а потому и раньше, чем следовало, вызвала контр-маневр I-й герм. армии. Обладая численным превосходством над противником в течение 5-го и 6 сентября, она не сумела в эти дни нанести решительного удара германским войскам ген. Гронау и Линсингена и помешать немцам, под прикрытием их слабого заслона, подводить к полю сражения корпуса за корпусами.

Поставивши себе целью обойти правый фланг немцев, французы, тем не менее, с недостаточной энергией стремятся к достижению этой цели и с 7 сентября, по прибытии к полю сражения II-го и IV-го герм. корпусов, лишь отбивают неприятельские удары, ведя местные контр-атаки. А вечером 9 сентября они позволяют германским войскам отходить без всякой с своей стороны помехи и местами даже окапываются на опустевшем поле сражения!

Наконец, подобно немцам, французы тоже почему-то искали решения на своем северном фланге и, хотя неискусно и медленно, но упорно тянулись туда со своими подкреплениями. Что мог им дать этот маневр против правого германского фланга? Он требовал много времени для переброски войск в район Нантейля, он приводил к продолжительному обходному движению, отчасти фланговому по отношению к германским войскам, находившимся у Бетца, и он

создавал ничтожную угрозу неприятельским сообщениям, пролегавшим восточнее Компьена. Набег французской конницы в этом районе в течение 8-го и 9 сентября ясно показал, что выход на эти сообщения незначительных сил не мог привести к каким-либо существенным результатам. И поэтому мне кажется, что и для 6-й франц. армии район нижнего Урка имел более важное маневренное значение: в нем быстрее, чем в районе Нантейля, могли быть сосредоточены силы, необходимые для главного удара, и отсюда скорее и проще мог быть нанесен этот удар на Варед, Лизи и Монтрей, в обход левого фланга I-й герм. армии. Если принять во внимание, что эта атака была бы обеспечена с юга 8-й франц. дивизией и 3-м англ. корпусом, наступавшими вдоль южного берега Марны, то выход крупных французских сил на левый берег Урка значительно раньше создал бы для I-й и II-й герм. армий ту угрозу, которая с вечера 8 сентября привела к потрясению всего правого германского фланга. В сражении на Урке обе стороны придавали преувеличенное значение своему тактическому успеху на северном, открытом фланге, в ущерб другим, более широким оперативным интересам. Для предпринятого французами маневра на нижней Марне вовсе не важно было выиграть правый фланг Клука; для этого было важно вообще продвигаться к востоку по северному берегу Марны, потому что сущность этого маневра заключалась не в обходе правого фланга I-й герм. армии, а в угрозе правому флангу всего германского фронта. Возможность же выполнения этого с более решительными результатами вернее обеспечивалось ударом по левому флангу Клука, в разрез между двумя правофланговыми германскими армиями.

Я думаю, что отсутствием этих более смелых маневров в действиях обеих сторон и приходится объяснить малоподвижный и нерешительный характер пятидневных боев на Урке. Несмотря на условия, весьма благоприятные для обоих противников в отношении организации маневра, эти бои приняли форму фронтального столкновения двух армий, из которых ни одна не могла приобрести каких-либо значительных преимуществ над другой; и главной причиной такого явления, несомненно, было то обстоятельство, что обе стороны искали решения на таком участке поля сражения, который, в данной обстановке, не имел решающего маневренного значения.

Сражение у Монмирайя.

Сражением у Монмирайя, обыкновенно, называют бои, происходившие в районе верхнего течения обоих Морэнов, западнее сен-гондских болот. Мы видели, что, вследствие передвижения I-й герм. армии на северный берег Марны, II-я армия была поста-

влена в этих боях в весьма неблагоприятное положение; прорыв, образовавшийся между этими армиями, давал возможность союзникам, без особых усилий, создать серьезную угрозу правому флангу войск ген. Бюлова, сильно ослабляя значение победоносного наступления его левофланговых корпусов южнее сен-гондских болот. Особенно благоприятно сложилась в этом случае обстановка для англичан, почти не имевших перед собой противника и стоявших на кратчайшем пути к прорыву между германскими армиями. Но несмотря на это, как медлительно и как вяло продвигались войска фельдм. Френча, не сумевшие использовать в полной мере этих исключительных обстоятельств, чтобы возможно рачьше вклиниться в промежуток между армиями Клука и Бюлова! А это было не так уже трудно, потому что оборона немцами р. Марны, на участке между Шато-Тьери и Ла-Фэртэ-су-Жуаром, оставляла желать многого: она велась, главным образом, конницей, которая в этот период войны, вообще, была слабо подготовлена к задачам подобного рода, а затем - войска, оборонявшие реку, не имели объединенного командования и далеко не все мосты на реке были разрушены.

С 8 сентября не только для английской армии, но и для большей части 5-й французской, представлялась возможность легко проникнуть в прорыв между I-й и II-й герм. армиями. Для союзников было важно отрезать I-ю армию от остального неприятельского фронта, но для этого, конечно, недостаточно было одних англичан; необходимо было расширить прорыв и направить в него более крупные силы. Этого возможно было достигнуть движением левого крыла 5-й франц. армии в охват правого фланга Бюлова (примерно, в район Вьель-Мезон—Фонтенель), что вынудило бы II-ю герм. армию не только откинуть этот фланг к северо-востоку, но, вероятно, ,и отойти в этом направлении всем участком своего фронта находившимся западнее сен-гондских болот. Но французское командование было плохо ориентировано в обстановке; противник отходил, и это казалось достаточным, а о маневре никто не думал.

Своевременное же выполнение такового могло бы привести союзников к весьма решительному успеху. До какой степени обстановка сложилась здесь благоприятно для них, явствует из того, что, даже при столь медленном продвижении англичан и неискусном наступлении французов, немцы все же оказались к 9 сентября в положении весьма опасном. В самом деле, I-я герм. армия, перебросивши все свои силы на правый берег Марны и повернувшись фронтом к западу, убрала свой тыл из-под ударов 6-й франц. армии, но вместе с тем подставила его под удары английской и 5-й французской, и, кроме того, обнажила правый

фланг соседней, II-й герм. армии. Уже к полудню 9 сентября англичане, подойдя к Марне, оказались в тылу корпусов ген. Клука и угрожали охватом правому флангу армии ген. Бюлова.

Хотя положение последней, действительно, оказалось тяжелым, но, ведь, командующий этой армией должен был понимать, что оперативное значение того района, в котором сражалась его армия, обязывало его, именно в виду столь тягостной обстановки, проявить максимальную оперативную выносливость, упругость полководческой воли и крепость солдатских нервов. В тактическом отношении сражение у Монмирайя едва ли могло быть им выиграно, вследствие большого численного превосходства союзников, но в оперативном оно могло быть и не проигранным, если бы Бюлов обнаружил более выдержки и спокойствия в оценке объективных условий обстановки. Однако, этих качеств он не обнаружил в достаточной степени. Несмотря на успех, достигнутый левым флангом армии в районе сен-гондских болот, невзирая на неискусные действия противника, вопреки спокойному и уверенному настроению I-й армии, не просившей помощи и обходившейся своими собственными силами, Бюлов уже с 7 сентября мрачно оценивал обстановку на нижней Марне и не склонен был к проявлению упорства на своем правом крыле После ухода I й армии за Урк, отделенный от нее пространством в 40 килом. и слабо связанный с главным командованием, он чувствовал себя, повидимому, покинутым, предоставленным самому себе, но все же ответственным и за безопасность правого германского фланга, и за участь армии Клука, поддержать которую он считал себя, однако, не в силах. И поэтому совместное воздействие на его душу этой тяжелой ответственности и этой грозной опасности вызывали в нем подавленность духа и ослабление воли к победе.

Как бы в соответствии с этим, и его внешние приемы управления боевыми действиями имели излишне нервный, беспорядочный и неустойчивый характер: часто переезжая с одного места на другое, он затруднял связь с командирами корпусов, а оставаясь подолгу вблизи боевых линий, слишком остро воспринимал впечатления от происходивших вокруг него боевых явлений; эта излишняя впечатлительность, в свою очередь, вызывала частую перемену приказаний и перемещение резервов, не вынуждавшееся действительным положением дел на поле сражения.

В боях у Монмирайя, более чем в других в изучаемой нами операции, преобладающее значение должно было принадлежать психологическим, волевым факторам армейского командования. Пока по сторонам, на Урке и у Фэр Шампенуаза, германское наступление пыталось разрешить в кро-

вопролитных боях роковой вопрос о победе или поражении, здесь, в окрестностях Монмирайя, II-я герм. армия должна была держаться во что бы то ни стало.

Сражение у Фэр-Шампенуаза.

Характерной особенностью боевых действий, развернувшихся в дни 6—9 сентября в районе сен-гондских болот, является активность 9-й франц. армии, настойчиво проводимая изо дня в день, несмотря на пассивно-оборонительную задачу, указанную ей директивой главного командования от 4 сентября. Правда, это беспрерывное стремление войск ген. Фоша к наступательным действиям, эти их смелые попытки продвинуться к северу, это бодрое настроение, побуждавшее их каждый день возобновлять свои атаки, не привели этих войск к благоприятному результату, и 9-я франц. армия, как раненый зверь в клетке, металась из стороны в сторону за сен-гондскими болотами, не будучи в силах вырваться за их пределы. Но следует ли из этого, что эта активность была не нужна и что было бы выгоднее для этой армии, оставаясь за болотами, лишь отбиваться от ударов врага? Можно ли упрекнуть ген. Фоша за эту, будто бы бесплодную боевую деятельность его войск, требовавшую от них таких чрезвычайных напряжений и связанных с ними потерь?

Мне кажется, что только благодаря такой деятельной, активной обороне на фронте от Шарлевиля до Фэр-Шампенуаза, этой армии удалось задержать продвижение немцев к р. Обу и воспрепятствовать им расширить прорыв у Майи. Если бы французы ограничились пассивной обороной выходов из сен гондских болот или каких-нибудь местных рубежей в занимаемом ими районе, то, конечно, в первых же боях они были бы обойдены неприятелем с правого фланга и отброшены им к юго-западу [1]).

В действиях германцев обращает на себя внимание согласованное наступление корпусов, принадлежавших к составу двух соседних армий и объединение командования в той группе войск, которая шла восточнее сен-гондских болот. Несмотря, однако, на такие условия, на операциях немцев в этом районе неблагоприятно отражалось пессимистическое, нервное настроение командующего II-й армией, опасавшегося выпустить из своих рук два левофланговые

[1]) Боевые действия 9-й франц. армии породили во французской литературе ряд легенд относительно характера боев, веденных французами, и распоряжений ген. Фоша. Я не привожу их здесь, вследствие малой достоверности заключающихся в них фактов, но упоминаю об этом лишь для того, чтобы отметить, что появление этих легенд свидетельствует о не вполне обычном характере действий этой армии, несомненно, выделяющихся над общим уровнем оперативной деятельности французских войск.

корпуса и пытавшегося использовать их для поддержки своего центра и правого фланга. Это обстоятельство, в связи с разделением III-й герм. армии на две группы, действовавшие независимо одна от другой, и, следовательно, развлекавшие внимание командующего армией по двум направлениям, не могло, конечно, способствовать достижению немцами в этих боях решительных результатов. Не осталась без влияния на исход боевых действий в этом районе и несвоевременная остановка корпусов Гаузена на дневку 5 сентября при переправе через Марну. Если бы III-я армия безостановочно преследовала противника (как это сделали I-я и II-я армии), то немцы могли бы на сутки раньше охватить правый фланг 9-й франц. армии и занять в прорыве у Майи положение, угрожающее всему фронту союзников.

Сражение у Витри-ле-Франсуа.

Сражение у Витри-ле-Франсуа, в ряду других сражений марнской операции, представляется наиболее бледным, лишенным ярких оперативных красок. Отчасти вследствие не вполне определенных задач, полученных здесь армиями обеих сторон, а частью в виду некоторых местных условий (на западном фланге — р. Марна, на фронте — оборонительная линия р.р. Соль и Орнэна), бои в этом районе получили характер, преимущественно, упорных фронтальных столкновений. С подходом к правому флангу IV-й герм. армии левофланговой группы Гаузена, немцы намеревались выполнить на левом берегу Марны охватывающий маневр, но более значительные силы противника на этом берегу (особенно с прибытием сюда 21-го франц. корпуса, подвезенного из Вогезов) помешали этому. Но и французам, несмотря на их численное превосходство, маневр в районе Эмбовиля не удался, главным образом вследствие позднего прибытия сюда 21-го корпуса и его медленного развертывания.

Сражение в Аргонах.

По сравнению с предыдущим сражением, бои в Аргонах являются более разнообразными и поучительными, в особенности на стороне французов.

Боевые действия 3-й франц. армии являются образцом активной обороны полевой армии, опирающейся на крепость. Отступая под натиском превосходных сил противника, ген. Сарайль правильно оценил то значение, которое могла иметь для исхода всей операции тесная связь между крепостью и полевой армией, а также их взаимодействие вне границ крепостного района. Результатом этого было его твердое решение не терять тактической связи с Верденом и во что бы то ни стало обеспечить эту крепость от обложения и осады. И даже в самые трудные минуты сра-

жения, теснимый с фронта, обходимый с левого фланга и угрожаемый с тыла, он настойчиво стремится к поставленной себе цели. Следует отметить также искусное маневрирование войск ген. Сарайля: переброску конницы из одного района в другой, удар во фланг противнику из крепости на Виль-сюр-Кузанс и быстрое, своевременное использование резервов в боях на левом фланге. Только благодаря таким действиям, французам удалось сохранить связь с Верденом и не допустить немцев пробиться к Бар-ле-Дюку и Сен-Дизье, а также форсировать Маас южнее крепости.

С другой стороны, действия V-й герм. армии далеко не достигали той быстроты и решительности, которые составляли характерную особенность боевой деятельности этой армии в предыдущие дни. Это может быть объяснено тем обстоятельством, что корпусам кронпринца германского пришлось наступать по местности весьма трудной для движения и боевых действий значительных войсковых масс; кроме того, оставление на правом берегу Мааса двух корпусов и одной резервной дивизии значительно ослабило эту армию [1]), тогда как продвижение правого фланга к югу, при необходимости поддерживать тесную связь с войсками, оставленными против крепости на правом берегу, сильно растягивало фронт этой армии, ослабляя ее наступательную силу. Тем не менее, как на своем правом фланге, в районе Ревиньи, так и в центре, на обоих берегах р. Эра, германские войска не раз обнаруживали свою обычную подвижность и способность к маневрированию и нередко ставили французов в очень тяжелое положение.

Общая характеристика сражения на Марне.

Итак, к вечеру 9 сентября победоносное, смелое и решительное наступление немцев, еще так недавно угрожавшее англо-французским армиям тяжкими поражениями, неожиданно сменилось отступлением главной массы их войск, отступлением той правофланговой группы германских армий, которая в своем стремительном движении к югу несла навстречу противнику львиную долю энергии и мощного натиска всего германского вторжения во Францию. Все бои, из которых слагается это великое сражение, были выиграны немцами, и везде, от Парижа до Вердена, тактический успех неизменно сопровождал наступление германских войск. В самом деле, разве бои на Урке не остановили обходного движения 6-й франц. армии, оказавшейся 9 сентября в тяжелом положении, с правым флангом, перешедшим к пассивной обороне, а левым—смятым и охваченным с трех сторон? Разве бои у Монмирайя дают примеры

[1]) V-й и V-й рез. корпуса и 33-я рез. дивизия.

успешных тактических действий союзников против I-й и II-й герм. армий, отходивших к северу и северо-востоку лишь вследствие необходимости совершить маневр или улучшить свое стратегическое положение? А успехи немцев в боях у Фэр-Шампенуаза, когда 9-я франц. армия была охвачена с правого фланга, а центр англо-французского фронта был прорван, с угрозой расколоть союзников на две изолированные группы? Наконец, оттеснение левого фланга армии ген. Сарайля в окрестности Бар ле-Дюка и угроза его тылу с правого берега Мааса,—разве это не свидетельствует о тактическом превосходстве германских войск в верденском районе? Менее ярки и менее решительны были успехи немцев против 4-й франц. армии, но все же и здесь французы были отброшены и остановлены на левом берегу Марны.

Как же так случилось, что при этих повсеместных тактических успехах германских армий, в результате их пятидневных усилий, явилась эта крупная стратегическая неудача? Откуда появилась эта зловещая, мрачная тень опасности, которая так неожиданно легла между сторонами 9 сентября, и перед которой победоносные германские армии вздрогнули, остановились и начали свое отступление?

Для того, чтобы ответить на эти вопросы, нам следует окинуть общим взглядом ту обстановку, из которой создалось относительное положение сторон на Марне.

Раньше всего необходимо признать, что немцы, несмотря на весь могучий порыв своего наступления и на все воодушевление своих отлично подготовленных в тактическом отношении войск, подходили к Марне с силами совершенно недостаточными для выполнения данных им задач. Быстрые марши с боями в течение продолжительного времени ослабили физические силы войск и привели к большим потерям, на пополнение которых в ближайшее время невозможно было рассчитывать. Эти соображения, конечно, не могли бы оказывать влияния на решения полководца, если бы в данном случае имелось в виду достигнуть решающей победы; в стремлении к столь важной цели все эти недочеты следовало оставить без внимания и потребовать от войск крайнего напряжения. Но, в действительности, имелась ли здесь в виду такая победа? Директива германской главной квартиры от 4 сентября ясно указывает на то, что в основных оперативных предположениях германского главного командования не имелось даже и намека на возможность достижения такого крупного результата; даже при самой оптимистической оценке обстановки невозможно было представить себе в ближайшие дни такого положения, при котором германские армии могли бы нанести противнику уничтожающий удар. Обход левого

неприятельского фланга был уже невозможен; две правофланговые армии получили оборонительную задачу и должны были повернуться фронтом на запад; остальные могли вести только фронтальное наступление, имевшее характер прорыва неприятельского центра, почему им приходилось рассчитывать на сильное сопротивление противника, для преодоления которого, а тем более для оперативного использования прорыва, они не были достаточно сильны. Наконец, этому наступлению не могли помочь две южные армии, стоявшие под стенами французских мозельских крепостей и сами нуждавшиеся в содействии своих соседей.

Казалось, вечером 4 сентября был последний психологический момент, когда германское главное командование могло бы принять решение прекратить это рискованное наступление, образовать резервы снятием войск с фронта или подвозом их с тыла и обратиться к выполнению нового плана, более соответствовавшего имевшимся у него силам и другим условиям стратегической обстановки. Однако, эта возможность не была использована, и директива от 4 сентября возвестила армиям об упрямой настойчивости главного командования в осуществлении своих прежних намерений. Но едва лишь эти распоряжения были сделаны, как тотчас же обнаружилось, вследствие начавшегося наступления неприятельских армий, что они уже невыполнимы. Ведь для того, чтобы I-я и II-я армии могли занять назначенное им новое положение, требовалось около 4—5 дней! Из этого видно, как плохо было ориентировано в обстановке германское главное командование, и как легко переходило оно, вследствие этого, от одной крайности к другой: до 5 сентября оно почти пренебрегало Парижем, а с этого дня уже переоценивало его значение, назначая для заслона против парижского укрепленного района более $^1/_3$ всех своих войск, преследовавших неприятельские армии; хотя оно должно было понимать, что крупные переброски с востока на запад были сопряжены для французов с значительными затруднениями и требовали не мало времени.

Таким образом, мы можем придти к заключению, что в начавшееся после полудня 5 сентября встречное сражение немцы вступили и с недостаточными силами, и с неясными, частью уже утратившими реальное значение, оперативными намерениями. Естественно, что при таких условиях, сражение на Марне не могло развиваться в направлении благоприятном для них. Решающим фактором в этом вопросе явился удар 6-й франц. армии во фланг I-й германской; удар, угрожавший сообщениям правофланговых германских армий и произведенный совершенно неожиданно, следовательно, вызывавший необходимость спешных, непредусмотренных передвижений и перегруп-

пировок. Наиболее существенное значение этой фланговой атаки заключалось в расстройстве неприятельского маршаманевра, которое явилось неизбежным результатом мер, принятых немцами для противодействия этой атаке. Понятно, насколько было важно в такой обстановке единое управление всеми германскими армиями и их согласованные действия в русле одной оперативной идеи, в рамках одного оперативного плана. Не следует забывать, что в тот момент, когда грянул гром в стороне парижской крепости, германские армии были не готовы для встречи наступления противника, в возможность которого даже плохо верили и в германской главной квартире, и в штабах армий. Что же предприняло германское главное командование для того, чтобы поставить в этот момент свои армии в более благоприятные оперативные условия, как управляло оно их боевой деятельностью, в особенности в важнейшем районе операции, на нижней Марне?

Все германские источники согласно свидетельствуют о том, что в дни марнского сражения никакого общего управления германскими армиями не было и что германская главная квартира проявила в это время совершенно недопустимую бездеятельность в области оперативного руководства. С 5-го по 8 сентября главное командование не отправило правофланговым армиям ни одного оперативного указания, но и сами эти армии не испрашивали таковых; с центром и левым флангом поддерживались сношения, но и здесь не было управления в настоящем значении этого слова. Единственное решение, принятое за это время германской главной квартирой, касалось переброски частей VII-й армии из Лотарингии в Бельгию, что указывало на желание прекратить решительные действия на верхнем Мозеле, для чего, впрочем, в эти дни не было дано никаких определенных указаний [1]). Главное командование воздерживалось от вмешательства в распоряжения командующих армиями, считая, что у него нет побудительных причин для этого, нет свободных сил для усиления того или другого участка фронта и что поэтому необходимо предоставить армиям полную свободу. Такой способ действий отчасти представлял собой отражение оперативных идей фельдмаршала Мольтке, который полагал, что достаточно давать армиям общие директивы, не стесняя их деятельности определенными приказаниями. Однако, помимо различных новых стратегических факторов, появившихся

---

[1]) Приказ о прекращении этого наступления был дан лишь в последний день сражения на Марне. Однако, уже с 8 сентября началась перевозка в Бельгию войск XV-го корпуса из состава VII-й армии.

с тех пор и нередко требующих вмешательства главного командования в операции частных армий, [1]) одни директивы не могли дать благоприятных результатов еще и потому, что предшествовавшие успехи переоценивались главным командованием, которое, в сущности говоря, имело неправильное представление об обстановке. Оно предполагало наступление противника лишь со стороны Парижа, между тем уже с 6 сентября II-я армия сражалась на М. Морэне, а III-я начала бои к востоку от сен-гондских болот. Это должно было наводить на мысль о том, что неприятель действует более активно, чем думали до сих пор. Скудные донесения штабов армий давали бледное и часто неверное изображение положения на фронте, а главная квартира, несмотря на плохую связь с армиями, не использовала возможности упрочить ее путем командирования в штабы армий офицеров на автомобилях; ни 6-го, ни 7-го, ни до полудня 8 сентября ни один такой офицер не был отправлен. И лишь днем 8-го Мольтке решил, наконец, послать в армии со словесными инструкциями генерального штаба подполковника Хентша; но в то время, повидимому, никому не пришла в голову мысль, что к армиям следовало бы поехать самому Мольтке или его заместителю.

Неудовлетворительная организация связи между главной квартирой и армиями влияла, конечно, неблагоприятно на управление последними. Телефоны применялись мало, потому что установка телефонных линий не поспевала за быстро продвигавшимися войсками; телефонами были связаны между собою и с главной квартирой только IV-я и V-я армии; III-я и IV-я связались между собой телефоном лишь 8-го, а II-я с III-й армией—лишь 9 сентября. Беспроволочный телеграф не удовлетворял имевшимся потребностям, так как требовал большой затраты времени на передачу и прием шифрованных телеграмм. При таких условиях, значительное удаление главной квартиры от штабов армий лишало главное командование возможности в нужную минуту оказывать воздействие на решения германских генералов [2]), а отсутствие группового командования армиями приводило часто к несогласованным действиям войск, сражавшихся рядом; хотя трудно представить себе обста-

---

[1]) Например, возможность маневрировать крупными силами при содействии железных дорог и автомобильного транспорта, быстрое освещение обширных районов воздушной разведкой и др.

[2]) Между городом Люксембургом, где в эти дни была расположена главная квартира, и правым флангом II-й армии было расстояние в 230 килом.

новку, когда объединение трех правофланговых армий в оперативную группу являлось бы более полезным [1]).

В противоположность союзному главному командованию, германское не обратилось к своим армиям, в дни сражения на Марне, с каким-нибудь приказом или воззванием, в котором было бы указано на решающее значение момента и в бодрых словах которого заключался бы призыв к крайнему напряжению всех своих сил для достижения победы. Правда, немцы находились в этом отношении в менее благоприятных условиях, чем их противник, начавший наступление в заранее избранный им момент и на всем своем фронте одновременно; 5-го и 6 сентября германское главное командование все еще считало, что его армии преследуют неприятеля и что те бои, которые постепенно разгорались, то в одном, то в другом месте, являются лишь эпизодами продолжающейся операции. И хотя утром 7-го уже было ясно, что началась новая операция, таившая в себе и новые возможности, и новые неожиданные опасности, но в это время настроение в германской главной квартире уже было таково, что обращение к армиям с широковещательными приказами представлялось неуместным.

В этот день император Вильгельм предпринял поездку по фронту с целью своим личным присутствием внушить войскам сознание необходимости отразить наступление противника, но скоро он вернулся в главную квартиру, убедившись в невыполнимости этой задачи: везде, где он успел побывать (на фронте трех левофланговых армий), обстановка выявлялась уже в столь трудных условиях для германцев, что одно посещение армейских штабов не могло обещать каких-либо положительных результатов; командующий III-й армией ген. Гаузен даже отговорил императора от посещения Шалона, в виду того, что его армия вела в то время тяжелые бои, исход которых, по его мнению, был сомнителен и мог угрожать безопасности этого

---

[1]) Хотя I-я армия иногда временно и была подчинена II-й, но в виду того, что эта мера никогда не была длительной и являлась необычной в германских войсках, она не давала желательных результатов, и обе армии нередко действовали без необходимого согласования. Немецкие авторы считают, что главное командование могло бы поддерживать прочную связь с армиями, установивши где-либо впереди, между Люксембургом и штабами армий, промежуточный пункт для сбора донесений и рассылки приказаний, связанный с главной квартирой телеграфом и телефоном, а с армиями—ординарцами на автомобилях. В главной квартире возбуждался вопрос о переезде ген. Мольтке с оперативным отделением куда-нибудь ближе к фронту, что облегчило бы связь с армиями и ускорило сношения с ними, но Мольтке отказался от этого, считая, что для того, чтобы иметь возможность принимать ответственные оперативные решения, он должен находиться поблизости императора.

города. По возвращении в главную квартиру, при вечернем докладе ген. Мольтке о положении на фронте, Вильгельм вынес определенное впечатление, что его начальник штаба уже склоняется к отступлению. Официальное германское описание этого сражения, говоря об этом, указывает на то, что император тут же объявил начальнику штаба свою непреклонную волю: продолжать наступление и не отходить ни шагу назад. Но, конечно, легче было сказать эти слова, чем провести их в жизнь в этой сложной стратегической обстановке, особенно при том условии, что они могли дойти до поля сражения лишь преломленные сквозь призму неустойчивых душевных настроений и безотрадного пессимизма ген. Моль ке [1]). А насколько неустойчивы были эти настроения, можно видеть из нижеследующего.

С 8 сентября, в виду напряженного состояния на правом германском фланге, ген. Мольтке сосредоточивает свое внимание на переброске войск из Лотарингии, как к правому флангу, так и для действий на правом берегу Мааса в верденском районе. Это было признано необходимым между прочим и потому, что наступление VI-й армии, вопреки ожиданиям, не приковало на своем участке крупных неприятельских сил, а медленное продвижение IV-й и V-й армий не давало надежды на скорое их содействие прорыву баварских корпусов на Мозеле. В течение ночи с 8-го на 9 сентября в главную квартиру не поступило никаких донесений из двух правофланговых армий, что усилило беспокойство Мольтке. Но наиболее тяжелые переживания выпали на его долю 9 сентября: из кратких утренних сведений, полученных с правого фланга, было видно, что там решения еще нет, и что его надеются достигнуть сегодня; однако, в течение дня прибывают тревожные сведения об отходе за Марну I-го кав. корпуса, а затем, из перехваченной радиограммы ген. Бюлова ген. Рихтгофену, становится известно о приближении нескольких неприятельских колонн к Марне. Мольтке совершенно подавлен, он приходит к заключению, что необходимо отойти не только одному правому флангу, но и всем армиям; и странное совпадение! он докладывает об этом императору Вильгельму в то именно время, когда подполковник Хентш побуждает командование I-й армии к отступлению! Тем не менее, после продолжительного обсуждения этого вопроса, признано возможным подождать дальнейших сведений с правого фланга. А зловещие призраки неприятельских высту-

[1]) Командующий VII-й герм. армией ген. Геерингеи, проезжавший в это время из Лотарингии в Бельгию и посетивший в этот день главную квартиру, нашел ген. Мольтке в сильно угнетенном, подавленном состоянии духа (Der Weltkrieg 1914 bis 1918, т. IV, стр. 143—144).

плений, одно опаснее другого, появлялись то в одном, то в другом месте театра военных действий, как будто бы судьба желала испытать душевные силы полководца, или окончательно сломить их: были получены сведения о новых высадках английских войск в Бельгии, что привело к решению оставить там IX-й рез. корпус и отправить к Сен-Кентену только VII-й рез. и XV-й корпуса; затем, возникла опасность неприятельского прорыва на правом берегу Мааса между Верденом и Мецом, побудившая ген. Мольтке отдать приказ о прекращении атаки маасских фортов, о передвижении части сил VI-й армии к Мецу и о расположении для обороны к юго-западу от этой крепости I-го бав. корпуса, прибывшего из Лотарингии проездом в Бельгию. Но вот в 4 часа дня приходят хорошие, утешительные известия: загиб левого фланга I-й армии и отход правого фланга II-й к Дорману, как будто бы, улучшают положение в разрыве между этими армиями, а на других участках фронта идет успешное наступление. Мольтке успокаивается, решение отходить всеми армиями откладывается в сторону; теперь можно ждать, потому что несомненно победит тот, кто выдержит это душевное напряжение, кто перетерпит эти критические минуты. В 9-м часу вечера Мольтке передает в армии приказ об общем наступлении на следующий день: I-я армия, покинувши берега Урка, должна стать уступом за правым флангом II-й; III-я, IV-я и V-я армии должны продолжать наступление к югу, при чем III-я во всяком случае должна оставаться южнее Шалона. Но эти распоряжения уже сильно запоздали, события, происшедшие в армиях в течение второй половины дня, уже создали положение, не соответствовавшее этим намерениям; и, как увидим впоследствии, это общее наступление не получило осуществления.

Изучая боевые действия германских войск в этом сражении и оперативное руководство ими со стороны германского командования, приходишь к заключению, что непосредственные исполнители боевых задач, подверженные воздействию наиболее тяжелых боевых впечатлений, проявляли необычайную бодрость духа, активность и настойчивость; от мелких войсковых соединений до корпусов включительно, т.-е. в рамках тактической деятельности, они неизменно сохраняли эти качества и пользовались почти непрерывным успехом. Но уже в области армейского командования начинались колебания и обнаруживалось недоверие к своим силам, а главная квартира уже с утра 7 сентября являла собой печальную картину растерянности и душевного угнетения. Чем выше по ступеням строевого командования, тем меньше была упругость воли и сила духа и тем слабее и неустойчивее было управление вой-

сками. Было ясно, что во главе армий нет того талантливого полководца, который мог бы своим орлиным взором пронизать окружавший его туман тревожных сведений и панических донесений и в сложном сочетании частных успехов и частных неудач наметить путь к решительной победе. Какое, в самом деле, отличное орудие для ведения войны держало в своих руках германское главное командование и как плохо использовало оно его в этих знаменательных боях на обоих берегах Марны!

Теперь перейдем к рассмотрению вопроса о командировке подполковника Хентша 8—10 сентября; он имеет настолько важное, принципиальное значение, особенно в связи с неудачным для немцев исходом марнского сражения, что на нем следует остановиться на некоторое время. Этот вопрос вызвал очень много разнообразных и противоречивых суждений и толков в германской и французской военной литературе, но в настоящее время уже может считаться выясненным с достаточной определенностью [1]).

На совещании у Мольтке 8 сентября Хентшу было дано словесное поручение указать Клуку и Бюлову направление для отхода их армий (внутренними флангами на Фим) в случае, если бы этот отход уже начался; но никаких полномочий для отвода армий к северу он не получил, тем более, что в этом совещании ничего не говорилось о желательности такого отступления; наоборот, высказывались мнения, что его не следует допускать [2]). Командировка Хентша со словесным поручением величайшей оперативной важности, давшая в результате крупное недоразумение, навсегда останется в военной истории поучительным примером того, как не следует поступать в случаях, подобных этому; если полевые уставы всех армий требуют передавать всякое, сколько нибудь важное, боевое приказание не иначе, как письменно, а иногда в 2—3 экземплярах, различными путями и с проверкой, то как возможно было отнестись так небрежно к столь значительному поручению, в зависимости от которого могла принять то или иное направление операция такого грандиозного масштаба, каково сражение на Марне?

Несомненно, это—крупный промах со стороны главного командования, но ведь и сам Хентш в этом случае не может быть оставлен без упрека, потому что, в виду особого характера данного ему поручения, он должен был, хотя бы из сознания возлагаемой на него ответственности, потребо-

[1]) Этому вопросу, между прочим, посвящена весьма обстоятельная, изданная в 1922 году, монография германского полковника Мюлер-Лебница—Die Sendung des Oberstleutnants Hentsch am 8—10 September 1914.

[2]) Der Weltkrieg 1914 bis 1918 (Reichsarchiv), т. IV, стр. 223—224.

вать письменной инструкции. Находясь во главе разведывательного отделения германской главной квартиры и отличаясь вообще пессимистическим настроением, Хентш всегда переоценивал значение сведений о неприятеле. Очевидцы свидетельствуют, что в данном случае, соответственно своему пессимизму, он воспринял слова Мольтке несколько иначе, чем последний хотел, чтобы они были восприняты, и приспособил их к своему пониманию обстановки, видоизменивши их смысл [1]). Во II-й армии, хотя он и не отдавал приказания об отступлении, но и не возражал против этого, не сказавши ни одного слова о необходимости оставаться на месте; поэтому он поступил здесь не в духе намерений и указаний главной квартиры. Кроме того, он не послал главному командованию донесения о своих действиях, хотя имел возможность установить с ним связь при помощи состоявших при нем двух офицеров.

Так разыгрался этот последний эпизод боевой драмы на Марне, выдвинувший на передний план одного из второстепенных исполнителей, неожиданно ставшего в центре всеобщего внимания и еще до сегодняшнего дня возбуждающего своими действиями споры среди исследователей этих событий [2]).

Итак, мы приходим к заключению, что 9 сентября германское главное командование не имело в виду уводить своих армий с Марны и не отдавало для этого никаких приказаний. Но в какой же мере это отступление явилось

---

[1]) Der Weltkrieg 1914 bis 1918 (Reichsarchiv), т. IV, стр. 228—229.

[2]) Германская официальная история войны (Der Weltkrieg 1914 bis 1918, т. IV, стр. 529—530) приходит к тому заключению, что одного Хентша нельзя считать ответственным за отступление германского правого фланга. Во-первых, не исключена возможность того, что им были получены соответствующие указания от Мольтке, так как непосредственно перед своим отъездом 8 сентября из главной квартиры в штабы армий он имел беседу с ним с глазу на глаз, и до сих пор неизвестно, что именно говорил ему в это время начальник штаба, т.-е. подтвердил ли он ему только то, что уже было высказано на совещании этого дня, или высказал ему свои намерения в какой-либо иной форме или в ином тоне. А во-вторых, если Хентш даже и не получил от Мольтке никаких формальных полномочий на отвод правофланговых армий к северу, то во всяком случае можно предполагать, что он действовал в этом случае в духе намерений и настроений своего начальника, потому что едва ли можно объяснить случайным совпадением то обстоятельство, что в то именно время, когда Хентш, в штабе II-й армии, убеждал Бюлова в невозможности для I-й армии подойти к нему на помощь на правом берегу Марны, Мольтке изображал в самых мрачных красках положение этой армии в беседе с кронпринцем баварским, прибывшим в этот день в главную квартиру; и, наконец, что в то самое время, когда Хентш осуществлял в штабе I-й армии свои полномочия и от лица главного командования отдавал приказ об отступлении к р. Эну, Мольтке, на докладе Вильгельму, высказывал мнение о неизбежности общего отступления германских армий.

необходимым и возможно ли было избежать его, соответственно объективным условиям обстановки?

Подводя итоги боевым действиям 7 сентября, мы видели, что первым этапом на пути к созданию того тяжелого положения, в котором оказались 9 сентября обе правофланговые германские армии, явился разрыв между ними, вследствие переброски Клуком всех своих корпусов на северный берег Марны. Устранить это неблагоприятное для германцев обстоятельство, если и возможно было, то лишь одному главному командованию, напр., переброской 1—2 корпусов (хотя бы и походным порядком) из состава IV-й армии, откуда они могли бы быть взяты без особого ущерба для наступления в районе Витри ле-Франсуа. Однако, этому препятствовала слабая осведомленность главного командования в обстановке на фронте. Поэтому искать выход из создавшегося положения приходилось самим командующим армиями; а так как опасность, угрожавшая немцам от проникновения крупных неприятельских сил в промежуток между армиями, была ближе и яснее видна Бюлову, то ему первому пришлось стать перед решением этого вопроса.

Все, что нам известно о положении II-й армии в течение 9 сентября, указывает на то, что ее отступление в этот день не вызывалось необходимостью: ее левый фланг совместно с III-й армией победоносно продвигался к югу, центр наступал в районе Мондемана, а правый фланг, хотя и подвергался опасности быть охваченным противником, но пока ему еще никто непосредственно не угрожал. Но ген. Бюлов не придавал большого значения успехам своего левого фланга, положение же правого, а также всей I-й армии, считал чрезвычайно тяжелым. Несмотря на это, он не принял мер к выяснению действительной обстановки в прорыве между армиями и к установлению связи между ними; ничего не сделал в этом отношении и Хентш [1]).

Решение Бюлова отступить, основанное на субъективной оценке положения, явилось тем психологическим фактором, который дал последующее направление всему этому сражению. Это обстоятельство, между прочим, указывает на то, что решительным районом последнего, так сказать, его оперативным ключом был район Монмирайя. Здесь, в течение 9 сентября, решался вопрос: кто выдержит, II-я ли герм. армия, правый фланг которой находился под угрозой

---

[1]) Начальник штаба II-й герм. армии ген. Лауэнштейн в начале 1915 г. в разговоре с военным министром Штейном предсказывал, что „Германия еще поблагодарит Бюлова за то, что он отдал приказ об отступлении“ (Müller-Loebnitz. Die Sendung des Oberstleutnants Hentsch am 8—10 September 1914). Однако, до сих пор это предсказание не сбылось, и Бюлова пока еще никто не благодарил за отступление, но многие порицали за это.

охвата, или 5-я французская, поставленная в опасное положение неудачей войск ген. Фоша к югу от сен-гондских болот? Но могла ли II-я герм. армия выдержать здесь продолжительное время? Имела ли она какие либо шансы восторжествовать над противником, даже если бы обнаружила свою готовность претерпеть до конца? Что могло остановить продвижение союзников в разрыв между германскими армиями? Появление в этом районе новых германских сил, или атака неприятеля войсками I-й герм. армии? Но и то, и другое в ближайшие дни было невыполнимо, потому что никаких резервов в распоряжении главного командования в то время не было, а Клук мог бы броситься на англичан лишь в том случае, если бы он нанес 6-й франц. армии решительное поражение, чего, конечно, ни 9-го, ни, вероятно, 10 сентября он достигнуть не мог [1]). Между тем, союзники, стоявшие уже с полудня 9 сентября на Марне, могли в течение этого времени совершенно разобщить, одну от другой, обе правофланговые германские армии. Следовательно, мы приходим к заключению, что объективные условия обстановки приводили к необходимости, рано или поздно, отвести обе германские армии к северу. А потому, в этом отношении, действия Хентша не имели того решающего значения, которое пытаются им придать германские авторы. И I й и II-й герм. армиям пришлось бы отойти, если не 9-го, то во всяком случае на следующий день. Тем не менее, положение, создавшееся здесь для немцев, было одним из тех, разрешить которое мог и должен был лишь сам главнокомандующий, лично он, на свою ответственность, без предоставления этого рокового решения инициативе командующих армиями, а тем более инициативе других, менее ответственных лиц. А потому и Бюлов, и Клук, должны были держаться до последней возможности и начать отход лишь под давлением неминуемой опасности. Что же касается вопроса — как следовало им отнестись к распоряжениям Хентша?—то в этом случае необходимо было, имея в виду чрезвычайную важность этих последних, раньше чем принимать их к исполнению, принять меры к тому, чтобы убедиться—отвечают ли они намерениям главного командования [2]). Какими бы объективными соображениями мы ни доказывали теперь неизбежность отступления право-

---

[1]) В этом едва ли можно сомневаться, имея в виду, что Монури мог легко отойти к Парижу, сообщения с которым находились лишь под слабой угрозой противника (как это мною объяснено при разборе сражения на Урке).

[2]) Это было вполне возможно, потому что связаться, при помощи ординарцев на автомобилях, со штабом III-й или IV-й армий было нетрудно, а эти штабы имели сравнительно недурную связь с главной квартирой.

фланговых германских армий, но ум побежденного, подавленный громадными размерами тех бедственных последствий, к которым привело это отступление, никогда не откажется от мечты о том, что̀ могло бы произойти, если бы роковое решение не было принято в тот момент, когда в нем еще не было крайней необходимости. Вот почему психологически так справедливы и так понятны те обвинения, которые уже предъявлены военной историей германским руководителям событий 9 сентября.

В западно-европейской литературе часто встречаются указания на то, что взгляды обоих командующих правофланговыми германскими армиями на обстановку на нижней Марне были различны и что это обстоятельство затрудняло согласование действий их войск и не давало возможности найти правильный выход из создавшегося положения. Действительно, из описания предыдущих операций мы видели, что Клук и Бюлов во многом представляли собой противоположности и часто действовали несогласованно. Но замечательно то, что в то именно время, когда это разногласие, может быть, могло бы внести в психологию момента струю оптимизма и волевого напряжения, Клук ни единым словом, ни единым действием не пошел наперекор решению Бюлова и легко подчинился ему.

Один из лучших, вдумчивых немецких исследователей марнского сражения, ген. Куль, в своей книге „Der Marnefeldzug 1914“ спрашивает себя: мог ли Клук не исполнить приказания об отступлении, объявленного Хентшем от имени главного командования? И отвечает, что Клук не задумался бы над таким решением, если бы оно не являлось уже бесполезным, потому что II-я армия уже отошла, а при той слабой связи, которая существовала между армиями, не было возможности ни удержать ее, ни вернуть на прежнее место. Следовательно, по мнению Куля, дело было решено в Монморе, а в Марей приходилось лишь принять это решение к исполнению. Однако, как я уже упоминал раньше, сведения, имеющиеся у нас о характере ген. Клука, не располагают доверять такому мнению, изображающему командующего I-й герм. армией излишне смиренным по отношению к своему постоянному антагонисту, ген. Бюлову, и излишне уступчивым к требованиям представителя ставки, к которому во всякое другое время (как вообще к любому посланцу главной квартиры) он готов был отнестись с пренебрежением и высокомерием [1]). Вернее будет

[1]) Немецкие авторы указывают на недоброжелательное отношение Клука к главной квартире, где побаивались его и стеснялись вмешиваться в его действия. Между прочим, говорят, что Хентш 9 сентября не вступал в личные переговоры с Клуком, а предпочи-

заключить, что Клук не выдержал в этом случае тяжкого душевного испытания и с поколебленной верой в успех наступления своего правого фланга, подавленный сознанием той ответственности, которую возложили бы на него за возможную катастрофу с его армией, уставший и физически, и морально,—он использовал этот психологический момент и прикрылся решением Бюлова, как удобным и прочным щитом от будущих упреков и обвинений.

Разбирая выше вопрос о происхождении и возможной ликвидации разрыва между I й и II-й герм. армиями, я указал на отсутствие у немцев свободных резервов [1]). Конечно, может быть, совершенно иначе сложилась бы для немцев обстановка, если бы в этих условиях у них нашлись свободные силы, которые возможно было бы бросить или на поддержку Клука с целью разгромить армию Монури и загнать ее за линию парижских фортов, или в промежуток между войсками Клука и Бюлова, или, наконец, против неприятельского центра, в прорыв в районе Фэр-Шампенуаза. Обыкновенно, при обсуждении этого вопроса, неудачу немцев объясняют отвлечением двух корпусов на восточный фронт. Несомненно, это ослабление сил имело некоторое значение, но в большинстве случаев оно сильно преувеличивается: как известно, незадолго до этого сражения от главных операций на западном фронте были отвлечены не только эти два корпуса, но еще и четыре других; поэтому, сущность дела заключается в том, что немцы в этом сражении, вообще, не обладали численным превосходством, которое дало бы им возможность сосредоточить на важнейшем направлении силы, необходимые для достижения решительной победы.

В заключение своих суждений о действиях германцев в марнском сражении, мне хотелось бы дать читателю общую, по возможности краткую и отчетливую формулировку тех причин, которые привели германские императорские знамена, после славного, возбуждавшего в Европе удивление и ужас, похода через Бельгию и северные департаменты Франции,—к отступлению с Марны. Но признаюсь, что я считаю эту задачу чрезвычайно трудной. Эти сложные военные явления, в которых так причудливо переплетаются материальные факторы с духовными, где глав-

---

тал вести их через начальника штаба армии ген. Куля, вследствие того, что находился еще под впечатлением грубого обращения с ним Клука во время его первого посещения штаба I й армии 5 сентября.

[1]) Германская главная квартира пыталась образовать резерв, для чего 8 сентября из состава VII-й армии был выделен XV-й корпус, стоявший на р. Мерте, и был направлен по железной дороге через Трир и Брюссель к правому флангу, но он опоздал к сражению на Марне (об этом корпусе см. главу IV-ю этого тома).

ным и решающим деятелем является человек, не только с его индивидуальной, но еще более – с его массовой психологией, где события имеют своеобразную логику, не всегда понятную для исследователя, почему нередко неудачи приводят к победам, а успехи дают поражения,—эти явления не поддаются столь исчерпывающему анализу, который давал бы возможность добытые им результаты уложить в рамки единого и цельного заключения.

Большинство германских военных писателей склоняется к тому мнению, что неудача германских армий в сражении на Марне должна быть объяснена, главным образом, роковым стечением различных неблагоприятных обстоятельств; германские войска, говорят они, не были побеждены, всегда и везде в своих боевых предприятиях они пользовались успехом и отошли с полей этого сражения не под натиском противника, а по приказанию своего командования; но в эти дни целый ряд испытанных военных вождей не оказался на высоте положения, а необычное скопление ошибок и недоразумений привело к задержкам и трениям в оперативном управлении армиями, почему все гигантские усилия германских войск, все достигнутые ими успехи и все достоинства германского наступательного плана не дали никаких положительных результатов. Это объяснение обладает, однако, двумя недостатками: оно придает излишне большое значение в боевой деятельности германских армий случайным явлениям и оно совершенно пренебрегает противником, его оперативным планом, его волей, его влиянием на замыслы германского командования и на психологию германских войск.

Другие авторы объясняют эту неудачу уклонением германского генерального штаба от требований шлифеновского плана, т.-е. организацией наступательного марша-маневра к Марне не в духе идей Шлифена. Но при всех блестящих качествах плана, составленного последним, все же ни в каком случае нельзя считать этот план единственным, при котором победа немцев была возможна, а тем более таким, который обязательно обеспечивал им эту победу.

Мне кажется, что главной причиной германского поражения на Марне является значительное материальное ослабление германских армий по мере их продвижения вглубь неприятельской территории, и, на ряду с этим, постепенное ухудшение их стратегического положения. Противник материально не ослабевал, а усиливался и, пользуясь своей железнодорожной сетью, крепостями и оборонительными линиями, с каждым днем создавал для себя все более и более выгодную обстановку для противодействия неприятельскому маневру. Отказ германцев от широкого обходного движения, вызванный и недостатком сил, и соблазном воз-

можно скорее довершить разгром левофланговой группы союзников, придал решающее маневренное значение парижскому району. А неожиданное для немцев воздействие на их психологию воли противника, произведенное в весьма решительной форме в боях на Урке и при обстановке неблагоприятной для германского правого фланга, повлекло за собой всю эту цепь несчастных событий, которая так опутывала боевую деятельность германских армий в дни 6—9 сентября и так стесняла их оперативную свободу; назначение двум правофланговым армиям оборонительной задачи к стороне Парижа, переброска корпусов Клука с Б. Морэна к Урку, разрыв между I й и II-й герм. армиями, угроза правому флангу Бюлова, движение противника в тыл армии Клука и, наконец, преждевременное отступление II й армии,—вот роковые для немцев звенья этой цепи, прочно связанные друг с другом. После того, как директива от 4 сентября окончательно похоронила широкий обходный маневр, что оставалось делать германским армиям для достижения поставленных себе целей, если все-таки было решено продолжать преследование противника? Оставалось ограниченное фронтальное наступление в центре и на левом фланге, наступление безнадежное, наступление заурядное, бесконечно далекое, по своему идейному содержанию, от горделивых замыслов окружить и уничтожить всю живую силу врага. А этог враг уже наступал на всем фронте от Вердена до Парижа, в окрестностях которого происходило теперь что-то необыкновенное, непредусмотренное ни планом Шлифена, ни планом Мольтке и слишком поздно разгаданное германским главным командованием.

Переходя теперь к боевой деятельности союзников, мы прежде всего должны ответить на вопрос: задавалось ли французское главное командование в сражении на Марне какими-нибудь определенными оперативными целями или просто решило перейти в наступление? Иначе говоря: был ли у союзников какой-либо наступательный план с заранее намеченным маневром?

Этот вопрос до сих пор вызывает в европейской военной литературе резкое разногласие. Немцы, вообще, отрицают наличность у своего противника маневренного плана и склонны объяснять все оперативные преимущества, оказавшиеся на стороне союзников, случайным стечением обстоятельств. Они считают, что наступление неприятельских армий, опиравшееся, с одной стороны, на Верден, а с другой — на Париж, не могло иметь широкого оперативного значения, потому что ни та, ни другая крепость не могли быть использованы стратегически: Верден—вследствие того, что 3-я франц. армия должна была крепко держаться за него, а Париж — в виду того, что удар с этой стороны

был намечен слабыми силами. Поэтому, все наступление союзников свелось, по их мнению, к фронтальному натиску, который не мог привести к решительному результату.

Между тем, мы видели, что все распоряжения французской главной квартиры после пограничного сражения и боевая деятельность французского левого фланга на Сомме и верхней Уазе определенно указывают на желание главного командования нанести немцам главный удар на их правом фланге, с охватом этого фланга особой, для этой цели предназначенной, группой войск. Правда, выполнение этого маневра именно на Марне в значительной степени зависело от случайных обстоятельств, но тем не менее оно велось, в общем, в духе тех оперативных идей, которые зародились во французской главной квартире по окончании боев на бельгийской границе. В виду этого, совершенно невозможно отрицать у союзников определенного плана боевых действий на Марне; концентрическое наступление их трех левофланговых армий, движение 6-й франц. армии в тыл противнику и оборонительная задача, данная центру, все это—явления, в достаточной мере выявляющие преднамеренный характер того широкого маневра, который был выполнен союзниками при содействии своих крепостей на флангах.

Директива Жоффра от 4 сентября ни в каком случае не может рассматриваться, как оперативный документ случайного происхождения, потому что она слишком ярко отражает в себе стратегический замысел, одушевлявший собой целый ряд боевых действий французских армий в течение предшествовавших дней. Этот замысел оказался настолько жизненным и плодотворным, что, несмотря на неудачные попытки осуществить его во время отступления союзных армий от бельгийской границы, а затем, невзирая на все ошибки исполнителей в боях на Марне, он проявил свое решающее влияние на всем ходе этой сложной операции. Вопреки всем тактическим неудачам союзников, все же к концу сражения стратегическое положение их левого фланга оказалось настолько выгодным, а положение немцев настолько опасным, что последним пришлось пожертвовать всеми плодами победоносных боев и предоставить поле сражения противнику.

Неправильное представление о французском маневре на Марне, как о случайном явлении, в значительной степени зависит от преувеличенного значения, придаваемого участию в этом сражении ген. Галиени. Заслуги последнего, действительно, велики: он уловил тот момент, когда следовало начать наступление со стороны Парижа; он настоял на том, чтобы этот удар был произведен не по южному, а по северному берегу Марны; и, наконец, он содействовал различ-

ными мерами выполнению этого маневра. Но все это выполнялось в рамках общего замысла всей операции и само по себе не имело бы большого оперативного значения, если бы вся совокупность боевых действий союзников не определялась единой идеей общего наступательного плана. Поэтому, мне кажется, нельзя и сравнивать между собою тех ролей, которые сыграли в этой операции Жоффр и Галиени: первому принадлежит обширный замысел широкого и длительного значения, а также решение провести его в жизнь, второму — исполнение одного из оперативных звеньев этого замысла, правда, одного из важнейших, но все же такого, который является лишь частным эпизодом этой сложной борьбы [1]).

Французские исследователи этих событий часто называют победу союзников в этом сражении — чудом. И, в самом деле, эти удивительные боевые явления, развернувшиеся в дни 6—9 сентября на берегах Марны, заключают в себе значительную долю чудесного. Эта неожиданная для немцев остановка англо-французских армий; этот внезапный их переход в наступление, во многих местах полное порыва и решительности; эта, как будто бы из-под земли появившаяся, новая армия, занявшая такое угрожающее положение по отношению к противнику; наконец, эта витавшая над необъятным полем сражения, воодушевлявшая одну сторону и подавлявшая другую, гениальная идея флангового маневра на нижней Марне.

Да, это было действительно чудо, чудо гениального замысла, чудо вдохновенной отваги в решительную минуту, одно из чудес, которыми обыкновенно отмечены в военной истории человечества великие победы и великие поражения. И все эти необыкновенные условия, в которых началась, велась и завершилась эта битва на Марне, это сложное сочетание неожиданностей, резких перемен в стратегическом положении, несбывшихся расчетов и разочарований, с одной стороны, чудесного осуществления надежд, с другой, — все это убеждает нас в том огромном значении, которое имеет в боевых предприятиях удачный оперативный замысел.

Велики ли были для союзников результаты их победы на Марне? Немецкие авторы, производя оценку боевых

[1]) Преувеличенное мнение о той роли, которую сыграл в этих событиях ген. Галиени, сложилось после появления в свет в 1920 году посмертного издания его мемуаров, в которых он приписывает себе большие заслуги в организации наступления 6-й франц. армии со стороны Парижа и во многом оспаривает заслуги Жоффра. Помимо того, что взгляды автора этих мемуаров не обладают достаточной широтой, следует иметь в виду, что Жоффр и Галиени издавна относились враждебно друг к другу.

действий обеих сторон, всячески стараются умалить значение французской победы, указывая на то, что германские армии отошли лишь на незначительное расстояние и на новых позициях очень скоро остановили продвижение союзников. Конечно, как мы увидим из дальнейшего изложения, союзные армии отвоевали этой победой у противника небольшую площадь французской территории и вообще достигли незначительных материальных результатов; потому что отличная боевая подготовка германских войск и искусное тактическое управление ими спасли немцев от тех тяжких последствий, которые обыкновенно бывают уделом войск, понесших подобную неудачу. Тем не менее, значение марнской победы весьма велико.

Эта победа должна измеряться не материальными результатами, не добытыми ею трофеями и не пространством захваченной победителем территории, а теми моральными последствиями, которые она повлекла за собой. И в этом именно отношении сражение на Марне является одним из важнейших боевых актов этой войны, поворотным пунктом в ходе военных операций, обозначающим собой перелом в психологии французских армий. Важно не то, сколько пленных и сколько орудий взяли в этом сражении французы и на сколько именно километров они отбросили противника; важно то, что они вообще отбросили этого врага, что отступали уже не они, а германцы; важнее же всего было то, что французская победа разрушила легенду о непобедимости германцев, что этот враг, который уже столько лет представлялся Франции несокрушимым, который своим победным высокомерием так болезненно давил на психологию нескольких поколений, этот враг отдал теперь поле сражения союзным армиям, он отступил, он признал себя побежденным. Успех англо-французского оружия на Марне произвел резкую перемену в настроении французских войск, в их отношении к вопросам наступления и обороны, в общем характере французской боевой доктрины. Он как бы смыл с нее значительную долю робости, осторожности и пассивности, накоплявшихся на ней в течение почти полувека, прожитого Францией и ее армией под гнетущим впечатлением неудач и унижений 1870—71 г.г. и в постоянном страхе повторения таких бедствий.

На боевых полях Марны, под торжествующий грохот своих батарей, Франция освободилась от гипноза германской непобедимости, вновь обрела веру в свои силы, в доблесть своей армии, в свой военный гений, внезапно блеснувший так ярко на фоне мрачных событий, предшествовавших этому сражению, подобно солнечному лучу, проглянувшему из-за туч.

Вот в чем заключается сущность марнской победы; и вот с какой именно точки зрения и следует оценивать этот стратегический успех союзных армий. И каков бы ни был дальнейший ход этой борьбы на западе Европы, уже ничто не могло вернуть французскую армию к ее прежней психологии, к ее до-марнским нерешительным настроениям, столь сковывавшим ее оперативную деятельность в течение первого месяца войны. А генералиссимус Жоффр, виновник этих чудесных событий и их великих последствий, искупил здесь в полной мере все свои ошибки, совершенные им как при стратегическом развертывании англо-французских армий, так и в боевых действиях на бельгийской границе. Франция, конечно, не забыла и не могла забыть этих поражений, но она уже благословляла имя того полководца, который, впервые за полстолетия уныния и робости, дал ей право гордо взглянуть на врага, дал ей возможность вкусить сладость победы.

IV. Отступление германских армий к северу и сражение на р. Эне.

В то время, когда на полях северной Франции обе стороны, в жестоких, многодневных боях, оспаривали друг у друга право на достижение победы, и военное счастье уже начало здесь склоняться на сторону союзников, — и на других театрах европейской войны частью уже произошли, а частью еще развертывались крупные события решительного значения.

В Восточной Пруссии германцы уничтожили в боях у Танненберга 2-ю русскую армию ген. Самсонова, а 1-ю, ген. Ренненкампфа, уже вытесняли из своих пределов. На русско-австрийской границе уже закончилось большое галицийское сражение, и русские войска победоносно устремлялись вглубь Галиции, преследуя разбитые австрийские армии. При этих условиях восточный театр не только не мог считаться надежным обеспечением тыла Германии, направившей свои главные силы на Запад, но с часу на час он мог потребовать новых подкреплений с запада. Еще не покончены были счеты и с Бельгией: Антверпен еще держался, бельгийская армия, ведя активную оборону крепости, предпринимала наступательные операции в поле, создавая угрозу тыловым сообщениям немецких армий. Такова была в общих чертах стратегическая обстановка на европейских театрах в то именно время, когда германские армии начали свое отступление.

1. Отступление германского правого фланга к р. Эну. (10—12 сентября).

(Схемы №№ 5 и 6).

Отступление герм. армии и преследование ее 6-й франц. и англ. армиями 10—12 сентября.

В предыдущей главе мы оставили I-ю герм. армию в тот момент, когда, под покровом темной сентябрьской ночи, она покидала берега р. Урка, а вместе с тем и боевые поля, на которых, в течение пяти дней, так успешно сражалась с противником, полная надежд на решительную победу. Войскам этой армии было приказано отходить к северу в следующем порядке: группе Линсингена—на Ла-Фэртэ-Милон и Вилер-Котрэ, группе ген. Армина—от Антильи на Восьен, а ген. Квасту—по бо-

лее западным дорогам; 4-я кав. дивизия направлена от Крепи-ан-Валуа через Вилер-Котрэ к нижнему Эну для занятия переправ, а за ней туда же—43-я рез. и 10-я ландв. бригады. Группа ген. Марвица, отходившая от Монтрей на Гандлю, должна была прикрывать отступление.

В течение ночи неприятель не преследовал, что являлось обстоятельством весьма благоприятным для немцев, потому что их отступательное движение велось в чрезвычайно тяжелых условиях. Вследствие неожиданного отхода, никаких предварительных распоряжений для этого и никаких разведок путей и переправ сделано не было; в результате пятидневных боев и маршей, сопровождавшихся частыми перегруппировками, перебросками и раздергиванием войсковых частей, тактические соединения перемешались: корпусов уже не было, имелись лишь группы (отряды), именовавшиеся по фамилиям своих начальников. При этих условиях, движение войск и обозов представляло собой, по свидетельству очевидцев, нечто невообразимое; необходимо было принять спешные и решительные меры для того, чтобы избежать перекрещивания колонн, закупорки дорог и переправ и других нежелательных явлений, которые могли бы замедлить отступление и поставить войска в опасное положение, в случае появления противника. Принятие таких мер было особенно важно в виду топографических свойств берегов р. Эна, куда направлялись теперь эти беспорядочные массы: эти берега круты, лесисты и изрезаны многочисленными оврагами. Спешно были высланы туда инженерные части, а арьергардами производились по пути разрушения с целью затруднить продвижение неприятеля. Рано утром 10 сентября всем начальникам колонн были разосланы из штаба армии руководящие указания по организации движения, при чем у селений и переправ были поставлены энергичные офицеры для устранения в этих местах беспорядка. Кроме того, в этот день в штаб армии были вызваны все командиры корпусов для получения инструкций по приведению в порядок войсковых частей и обозов и устройству снабжения.

В это время в штабе армии была получена из главной квартиры по беспроволочному телеграфу следующая директива: „II-я армия находится за Марной, правым флангом у Дормана; I-я армия должна расположиться за ней уступом. Охвату правого фланга II-й армии со стороны противника следует противодействовать наступлением". А затем сообщено дополнительно: „Бои на всем фронте благоприятны; обеспечение правого фланга II-й армии безусловно необходимо". При этом, для объединения действий обеих правофланговых армий, Клук был вновь подчинен Бюлову. Последний, продолжая беспокоиться за участь своего правого фланга и, повидимому, имея смутное представление о том

положении, в котором находилась I-я армия, уже запрашивал Клука: когда он будет готов для наступления? Но, конечно, I-й армии еще невозможно было и думать об этом; необходимо было раньше перебросить ее на правый берег Эна, там собрать и устроить и лишь после этого приняться за организацию наступления. Однако, являлось опасение: не будет ли тогда уже поздно, не подойдет ли к тому времени противник к реке и не вынудит ли войска Клука обратиться к обороне? Вообще, обстановка в этот день была совершенно неясной, и трудно было предусмотреть, какую форму может принять содействие I-й армии обеспечению правого фланга II-й.

Войска I-й армии, не теснимые противником, постепенно устраиваясь, достигли в течение дня следующих пунктов: IX-й корпус—линии Пьерфон—Вье-Мулен, 6-я дивизия—восточных окрестностей Пьерфона, 7-я—Арамона, 4-я—Вилер-Котрэ, 7-я рез. и 8-я дивизии—Сен-Пьер-Эгль, 22-я рез. и 3-я—Вирзи, 5-я дивизия и бригада Крэвеля—западных окрестностей Артэна; 43-я рез. бригада дошла до Вербери, две дивизии II-го кав. корпуса (2-я и 9-я)—через Латили и Ульши-ле-Шато до Бюзанси и Шодэна, а 4-я кав. дивизия еще утром прибыла в Вик (на р. Эне) и заняла переправы от Атиши до Суассона, совместно с пехотой 10-й ландв. бригады.

Вечером в этот день, в приказе по армии обстановка была изображена в таком виде: „Крупные силы противника находятся у Нейи-Сен-Фрон и Шези-ан-Оркуа, а небольшие отряды—у Куломба, Вандреста и Окэра; его сильные кавалерийские части с многочисленной артиллерией имели сегодня, в районе Били, боевые столкновения с левофланговыми частями армии и с конницей ген. Марвица; II-я армия отходит по обе стороны Реймса за р. Вэль". Корпусам было приказано собраться на следующий день за Эном, чтобы, к вечеру 11-го или к утру 12 сентября, армия, заняв северный берег реки, могла быть готовой отразить противника, который уже медленно продвигался за ней.

Посмотрим теперь, как же было организовано движение французских и английских войск вслед за отходившими немцами.

Несмотря на то, что признаки неприятельского отступления были обнаружены на фронте 6-й франц. армии еще днем 9 сентября, французы не только в этот день, но и на следующий, до 2-х часов пополудни, оставались на месте. И командование этой армией, и ген. Галиени,—все ожидали 10-го возобновления боевых действий на Урке. В директиве Жоффра от 10 час. вечера 9 сентября левому флангу союзников указано на завтра атаковать противника, при чем 6-й армии „опираясь правым флангом на Урк, продолжать

продвигаться к северу, с целью охвата неприятельского фланга"; кав. корпус ген. Бриду должен был угрожать тыловым сообщениям неприятеля. Но с рассветом 10 сентября оказалось, что атаковать уже некого, потому что перед 6-й франц. армией противник исчез; тем не менее, лишь в 2 часа дня, по прибытии ген. Галиени в Сен-Супле, где находился командный пост ген. Монури, было окончательно установлено, что I-я герм. армия покинула берега Урка, и принято решение начать преследование. И лишь в 6 час. вечера последовало общее распоряжение главного командования для движения всех армий за отступавшим противником; главнокомандующий объявлял, что „победа теперь—в ногах нашей пехоты". Следовательно, почти сутки союзники бездействовали, не использовавши тех благоприятных условий, которые так неожиданно сложились для них, и предоставили немцам спокойно отходить в наиболее тяжелые и наиболее опасные для них минуты.

Союзным армиям было указано общее направление движения на северо-восток: 6 й армии—правым флангом вдоль Урка на Лонгпон, Шодэн и Суассон; коннице ген. Бриду—в охват противника с запада; англичанам—между 6-й армией и линией Рокур—Фэр-ан-Тарденуа—Люпейнь—Базош; 5-й армии—обходя с запада лесное пространство у Эпернэ и сохраняя готовность действовать к стороне Реймса против неприятельских колонн, отходивших перед 9-й армией; этой последней—западнее линии Сомсу—Шалон; наконец, 4-й армии—восточнее этой линии, с целью захвата высот в углу между Марной и р. Соль, что должно было облегчить последующие действия 3-й армии.

К вечеру 10 сентября 6-я франц. армия, без боевых столкновений, достигла линии Марей (45-я див.)—Ла-Вильнев (55-я рез.)—Кюверньон (56-я рез.)—Левиньен (7-й корпус)—Ормуа-Вилер (4-й корпус и 61-я рез. див.) [1]). На правом фланге кав. бригада Жиле поддерживала связь с английской армией, а левый фланг охранялся кав. корпусом ген. Бриду у Сенли [2]). В тылу армии оставались: 62-я рез. дивизия—у Дамартена и 37-я, прибывшая в этот день из 5-й армии,—у Лувра.

В то же время англичане дошли своими главными силами до верхнего течения р. Урка: 1-я кав. дивизия—до

---

[1]) 8-я дивизия, находившаяся во время боев на Урке на южном берегу Марны, в этот день присоединилась к своему корпусу.

[2]) Здесь находились лишь две кав. дивизии (1-я и 3-я), потому что 5-я, в результате своего набега в тыл I-й герм. армии, произведенного в предшествующие дни, оказалась в этот день на фланге отходивших пехотных колонн противника; в бою с неприятельской пехотой у Бетанкура она была отброшена в компьенский лес, откуда отошла к вечеру на правый берег Уазы, к Эстрэ-Сен-Дени.

линии Нейи-Сен-Фрон—Брени, поддерживая связь с франц. кав. корпусом Конно, находившимся у Фэр-ан-Тарденуа; 2-я кав. дивизия—до окрестностей Паси, 1-й корпус—до Латили и 2-й—до Дамара; 3-й корпус, задержанный на Марне устройством переправы у Ла-Фэртэ-су-Жуара, продвинулся лишь до юго-западных окрестностей Гандлю. Передовые части 1-го и 2-го корпусов, а также конница, подойдя к реке, атаковали находившиеся здесь арьергарды противника и вынудили их к отходу за реку. В первый день преследования только англичанам удалось восстановить соприкосновение с германцами, 6-я же франц. армия оставалась еще в расстоянии полуперехода от них.

На следующий день, 11-го, обе стороны продолжали свое движение к северу. Утром ген. Клуком была получена директива ген. Бюлова, в которой, после уведомления о том, что II-я армия 12 сентября достигает р. Вэля по обе стороны Реймса, указывалось, что „I-я армия в течение 11-го должна отойти за р. Эн и затем 12-го или 13 сентября, под прикрытием реки, приблизиться к правому флангу II-й армии". Несколько позже пришло от Бюлова извещение, что вся его армия будет располагаться западнее Реймса, имея 13-ю дивизию и I-й кав. корпус в районе Брэн—Фим, и что 13 сентября к Сен-Кентену ожидается прибытие из Вогезов XV-го корпуса.

В течение дня все передвижения, назначенные войскам, были выполнены без помехи со стороны противника. Пять дивизий достигли правого берега Эна: 17-я—у Бэрней, обе IV-го рез. корпуса—у Нуврона, 4-я—у Пали и 6-я—восточнее Нуврона; остальные войска заночевали на левом берегу, заняв линию Кюиз-Ламот (18-я див.)—Лаверзин (7-я)—Саконэн-Брей (8-я)—Били (3-я и 5-я и бригада Крэвеля). Конница ген. Марвица, оставивши разведку в окрестностях Бюзанси, отошла своими главными силами на правый берег в район Марживаль—Конде; 43-я рез. бригада была в Компьене, 10-я ландверная—в Рибекуре, а 4-я кав. дивизия — между Компьеном и Атиши, ведя разведку в компьенском лесу [1].

Приказом по армии от 8 час. вечера определялся порядок расположения войск на правом берегу на 12 сентября. Левобережным частям было приказано перейти с рас-

[1]) Войска подходили к Эну, имея части еще перемешанными; для того, чтобы скорее разобраться в тактических соединениях, поступали таким образом: когда какая-либо войсковая часть подходила к реке, то те войска, которые по нормальной организации не принадлежали к ее составу, оставлялись на левом берегу в качестве арьергарда, а остальные переходили реку и шли к местам, назначенным для сбора дивизий. Спустя некоторое время, и арьергарды направлялись к своим сборным пунктам.

светом через реку и дойти: 5-й дивизии с бригадой Крэ-веля—до Конде, 3-й - до Круи, удерживая Суассон, 8-й—до Ювиньи, 7-й—до восточных окрестностей Нуврона и 18-й—до Отреша; кроме того, 6-й—перейти к Нантейль-ле-Фос для сближения с 5-й дивизией, а 43-й рез. бригаде—к Нампселю. Конница должна была, попрежнему, обеспечивать фланги армии: 2-я и 9-я дивизии—в окрестностях Брэна, а 4-я—в районе Компьен—Атиши. Мосты приказано подготовить к разрушению и взорвать их при появлении передовых частей противника. При таком расположении I-й армии, разрыв между нею и II-й должен был закрыться; но в действительности это произошло не сразу и гораздо позже, чем рассчитывали оба командующих.

6-я франц. армия, вследствие своего удаления от парижского укрепленного района, была изъята в этот день из подчинения ген. Галиени; она продолжала медленно и осторожно продвигаться к северу: 45-я дивизия—на Ла-Фэртэ-Милон и Корси к Лонгпону, 55-я рез.—на Антейль к шоссе Вилер-Котрэ—Суассон, 56-я рез.—на Вилер-Котрэ к Монгоберу, 7-й корпус—на Вомуаз в северные окрестности Арамона и 4-й—на Крэпи-ан-Валуа к Пьерфону; группа рез. дивизий ген. Эбенера шла уступом за правым флангом 4-го корпуса. Конница была разбросана по-дивизионно: 3-я дивизия охраняла переправы на Уазе между Компьеном и Пон-Сент-Максансом, 1-я, имея задачей обойти правый фланг противника, наступала к Вербери, где и перешла на правый берег Уазы, а 5-я отошла от Эстрэ-Сен-Дени к Бовэ.

Английская армия выдвинулась в этот день своей конницей на линию Люпейнь—Артэн, а корпусами: 1-м—в северные окрестности Ульши-ле-Шато, 2-м—в южные окрестности Артэна, а 3-м—к Шуи. Весь день прошел без боевых столкновений между сторонами.

Утром 12-го все войска I-й герм. армии были уже на правом берегу Эна и с часу дня приступили к укреплению позиций в занятых ими районах: IX-й корпус—у Нампселя и Отреша, IV-й рез.—у Нуврона, IV-й—между Нувроном и Кюфи, II-й—восточнее Кюфи, а III-й—к северу от Конде; II-й кав. корпус находился на левом фланге, в северных окрестностях Эзи, а 4-я кав. дивизия—у Нампселя.

Правый берег реки на этом участке ее течения командует левым; река течет здесь в глубокой, узкой долине с крутыми, лесистыми скатами. Местность, вообще, закрытая, сильно пересеченная, удобная для обороны, изобилующая хорошими артиллерийскими позициями. Однако, дикий характер северных скатов долины вынудил немцев отказаться от непосредственного обстрела речного русла и отойти на некоторое расстояние назад, на плоские вершины, от-

куда представлялся далекий обстрел южного берега. Вследствие этого, как увидим ниже, переправа через реку была произведена противником в нескольких местах без значительных затруднений.

В 5 час. вечера Клук получил следующую телеграмму от Бюлова: „Противник, оттеснивши правофланговую дивизию, перешел р. Вэль и занял высоты у Сен-Тьери, к северо-западу от Реймса. 1-я армия должна направить крупные силы в тыл противнику; остальные войска армии прикрывают это движение". Но подобная задача была в этот день, конечно, невыполнима для Клука, войска которого на всем фронте его армии уже были связаны появлением перед ними крупных неприятельских сил, приступивших к форсированию реки.

6-я франц. армия, тесня перед собой небольшие арьергардные части противника, подошла к концу этого дня к Эну, на участке от компьенского леса до Суассона. Река имеет здесь среднюю ширину в 50—60 метров, течение слабое, но в брод непроходима. Находившиеся на ней мосты были разрушены немцами, хотя некоторые из них все-таки допускали переправу одиночных пеших людей; кроме того, местами мостки на речных шлюзах оказались неповрежденными. 4-й корпус подошел к Ламоту 8-й дивизией и к Атиши—7-й; обеим дивизиям удалось еще засветло перебросить небольшие части пехоты на правый берег. За войсками 4 го корпуса расположились рез. дивизии ген. Эбенера. 7-й корпус, подойдя к реке у Вика, захватил передовыми частями 14-й дивизии правый берег у этого пункта, но 63-я рез. дивизия, находившаяся правее, оставалась еще на левом берегу. Группа рез. дивизий ген. Ламаза продвинулась через Саконэн-Брей к Пернану, а 45-я—к Суассону и восточнее, преследуя германский арьергард, перешедший на правый берег у Веницеля и взорвавший здесь мост. На левом фланге армии две дивизии кав. корпуса Бриду достигли южных окрестностей Меньеле [1]), а 37-я дивизия перешла от Лувра в район Рюли—Трюмили.

Английская армия, после боев с 25 й ландв. бригадой на переправах через р. Вэль (у Базоша, Курселя, Брэна и Сири), достигла в этот день: конницей – линии Лонгеваль—Шасеми, 1-м корпусом—Курселя (на правом берегу), 2-м—Брэна (на обоих берегах) и 3-м—северных окрестностей Бюзанси, где была установлена связь с 45-й франц. дивизией. К вечеру еще ни одна переправа на Эне не была захвачена англичанами, но в течение ночи 4-й дивизии удалось наскоро исправить мост у Веницеля, что дало возмож-

[1]) 5-я кав. дивизия еще отдыхала у Бовэ.

ность на следующий день утром занять пехотой высоты правого берега к юго-востоку от Круи.

Таким образом, 12 сентября закончилось преследование союзниками I-й герм. армии, если вообще возможно назвать преследованием это медленное, осторожное, иногда просто робкое, продвижение 6-й французской и английской армий за отступавшими германскими колоннами; и теперь противники стояли по обе стороны р. Эна, готовые вновь завязать сражение. Впрочем, союзники не рассчитывали встретить здесь большого сопротивления со стороны немцев: быстрый отход германских войск за реку и слабое противодействие, оказанное их арьергардами, внушили победителям радостную надежду, что неприятель будет продолжать свое отступление далее к северу. Но уже завтрашний день должен был разрушить это заблуждение [1]).

Рассматривая действия I-й герм. армии в дни 10 – 12 сентября, нельзя не отметить того искусства, с которым было выполнено ее отступление с берегов р. Урка. Оторвавшись от противника неожиданно и незаметно для него, войска Клука, несмотря на перемешивание тактических соединений и отсутствие связи между отступавшими отрядами, сумели быстро восстановить свою нормальную организацию и не оставивши в руках противника никаких существенных трофеев, переправились через реку почти на виду у него, чтобы на высотах правого берега остановить его продвижение.

Отступление II-й герм. армии и преследование ее 5-й французской 10—12 сентября.

II-й герм. армии удалось столь же удачно, как и I-й, прекратить 9 сентября боевые действия с неприятелем и легко отойти к северу. К ночи армия почти всеми своими силами отошла к Марне, на участок от Жольгонна до Тура; при чем лишь одна 13-я дивизия была теснима в этот день неприятельскими войсками (преимущественно французской конницей), все же прочие войска отходили без помехи со стороны противника. На следующий день армия достигла своими главными силами следующих пунктов: 13-я дивизия—Арси-де-Понсара [2]), X-й рез. корпус,

---

[1]) Фельдм. Френч в своих воспоминаниях говорит, что англичане, продвигаясь к Эну, были уверены в том, что немцы будут отходить по крайней мере до границ Бельгии.

[2]) Одна из пехотных бригад этой дивизии (26-я), остававшаяся до последнего времени под Мобежем и уже выступившая на присоединение к своей дивизии, должна была занять Брэн на р. Вэле. Туда же была направлена с тыловых сообщений и 25-я ландв. бригада. В этот день ген. Бюлов еще расчитывал на то, что левый фланг I-й армии будет отходить к нижнему течению р. Вэля (как это было указано в записке Хентша от 9 сентября); повидимому, этим и объясняется недостаточно прочное занятие района Брэн—Фим войсками II-й армии.

через Дамери, дошел до Пурси, X-й, через Эпернэ,—до Сент-Иможа, 14-я дивизия, через Эпернэ, – до Аи, а гвардейский корпус, через Тур, до Токсьер-Мютри. Арьергарды всех корпусов оставались еще на южном берегу; дивизии I-го кав. корпуса, после арьергардного боя у Жольгонна и в виду занятия противником Фэр-ан-Тарденуа, отошли: гвардейская — к Фиму, а 5-я — на Трелон. В 7 час. 30 м. вечера, в Реймсе, ген. Бюловым была получена следующая директива главного командования: „II-я армия отходит за р. Вэль левым флангом к Тюизи, I-я армия получает указания от II-й. III-я армия отходит, в связи со II-й, на линию Мурмелон-ле-Пети—Франшевиль, IV-я, в связи с III-й,— севернее рейно-марнского канала до Ревиньи [1]), V-я—остается на месте; V-й корпус и мецкий отряд атакуют укрепления Труайона, Пароша и римского лагеря [2]). По достижении указанных линий, войскам закрепиться на них. Головные части VII-й армии (VII-го рез. и XV-го корпусов) после полудня 12 сентября достигают Сен Кентена". В развитие этой директивы, ген. Бюлов, уже убедившийся в том, что левый фланг I-й армии отходит на Суассон, в тот же вечер отправил ген. Клуку указания для продвижения его войск к востоку, по правому берегу Эна, с целью сближения их с правым флангом II-й армии; но, как мы видели, эти указания, полученные Клуком утром 11 сентября, не могли быть выполнены в виду подхода к реке крупных неприятельских сил.

Между тем, 5-я франц. армия продвигалась 10-го вслед за германскими войсками следующим образом. Кавалерийский корпус ген. Конно, усиленный небольшими пехотными частями, перевозимыми на автомобилях, и ведя бои с неприятельскими арьергардами, дошел до верхнего течения р. Урка: 4-я дивизия через Эпо до района Артэн—Ульши-ле-Шато, 10-я через Вердийи до восточных окрестностей Ульши-ле-Шато и 8-я через Курпуа до Фэр-ан-Тарденуа; 18-й корпус — до района Шато-Тьери—Эпо—Вердийи, имея за собой на левом берегу Марны две рез. дивизии ген. Валябрега; 3-й — до окрестностей Шармеля; 1-й — до р. Марны у Дормана, с авангардами на правом берегу; и, наконец, 10-й корпус (с 51-й рез. див.) из окрестностей Шанпобера до Сульера. Армия находилась теперь на обоих берегах Марны, обращенная фронтом к северо-востоку, при чем соприкосновение с противником было восстановлено в этот день только на флангах.

Вечером 10-го и утром 11 сентября воздушная разведка II-й армии обнаружила движение сильных французских ко-

---

[1]) Этот канал идет вдоль течения р.р. Соль и Орнэна.
[2]) У Сен-Мьеля.

лонн восточнее Шанпобера, что дало повод ген. Бюлову сделать предположение о намерении французов нанести удар во фланг III-й армии, о чем и было в полдень донесено главному командованию [1]). Это тревожное сведение было получено ген. Мольтке во время его пребывания в штабе IV-й армии и привело его к решению отвести к северу войска центра и левого фланга. Это решение было объявлено армиям в директиве от 2 часа дня 11 сентября, полученной ген. Бюловым в тот же день в 5-м часу вечера лично от ген. Мольтке, при посещении им штаба II-й армии. „Достоверные сведения,— говорилось в этой директиве,— указывают на то, что противник намеревается очень крупными силами атаковать левый фланг II-й и III-ю армию. Его величество приказал: III й армии отойти на линию Тизи—Сюип, IV-й—на линию Сюип—Сент-Менегу и V-й—к Сент-Менегу и восточнее. Занятые позиции должны быть укреплены и удерживаемы".

В течение 11 сентября II-я герм. армия продолжала отходить к северу, попрежнему сильно откидывая назад свой правый фланг. Главные силы корпусов заняли к вечеру линию Орм (X-й рез. корпус)—Кормонтрей и южнее (X-й)—Люд (14-я див.)—Верзи (гвард. корпус); арьергарды перешли на правый берег Марны и разрушили переправы. С целью оказать содействие I-й армии, 13-я дивизия (с подошедшей 26-й пех. бригадой) заняла в этот день Фим и Брэн, а обе дивизии I-го кав. корпуса пытались своим наступлением к западу от района Фим — Трелон задержать продвижение противника со стороны Фэр-ан-Тарденуа; но отброшенные превосходными силами французской и английской конницы, обе отошли сначала за р. Вэль, а затем были отправлены на правый берег Эна: гвардейская — к Вайи, в состав II-го кав. корпуса, а 5-я — к Васонь. 25-я ландв. бригада подошла к Бург-э-Комэн. В этот день корпуса VII-й герм. армии, подходившие в окрестности Сен-Кентена, были подчинены ген. Бюлову.

Для того, чтобы занять своей армией расположение, указанное ей директивой главного командования от 10 сентября, Бюлов приказал на 12-е: 13-й дивизии расположиться на участке Брей—Тилюа, имея правее себя, у Брэна и Фима, слабую 25-ю ландв. бригаду; X-му рез. корпусу — стать впереди Реймса, на левом берегу Вэля, от Тилюа до Кормонтрей; X-му — на правом берегу, от Кормонтрей до Прюнэ; 2-й гвард. дивизии — от Прюнэ до Прона, где и связаться с правым флангом III-й армии; в армейский резерв поступить: 14-й дивизии у Сернэ и 1-й гвард.— у Бэйна. Пред-

---

[1]) Повидимому, это были: 10-й корпус с 51-й рез. дивизией 5-й франц. армии и левофланговые части ген. Фоша.

полагалось, что такое расположение II-й армии даст ей возможность на следующий же день примкнуть к левому флангу I-й или, во всяком случае, установить с ним прочную связь; но в действительности для достижения этой цели потребовались более значительные усилия и более продолжительное время.

В этот день левое крыло 5-й франц. армии настойчиво продвигалось к северу; кав. корпус Конно—в район Базош (4-я див.)—Фим (10-я)—Курвиль (8-я), 18-й корпус—к Люшейню, а две рез. дивизии ген. Валябрега—к Трелону. Остальные войска этой армии дошли к вечеру: 3-й корпус—до Тилюа, 1-й—в окрестности Олизи и 10-й (с 51-й рез. дивизией)—до Эпернэ. Следовательно, к ночи с 11-го на 12-е сентября ген. Франшэ д'Эсперэ имел большую часть своей армии (7 пех. дивизий), нацеленной в сторону Реймса, а меньшую (5 пех. дивизий и конницу) — к нижнему Вэлю. Такое распределение французских сил, преследовавших войска Бюлова, едва ли можно признать целесообразным; если бы 5-я франц. армия, оставивши на реймском направлении возможно меньшие силы (напр. 3—4 дивизии), все остальные войска бросила в район Фима, то, по всей вероятности, результаты последующего сражения на р. Эне были бы более благоприятны для союзников. В этом отношении интересно ознакомиться с теми оперативными намерениями, которые имело в этот день франц. главное командование. В директиве французской главной квартиры от 5 час. 30 мин. вечера 11 сентября армиям даны следующие указания: общее направление движения, попрежнему, северо-восточное; 6-й, английской и левому флангу 5-й армии (18-му и кав. корпусам) преследовать правое крыло противника, стараясь охватить его с запада; 6-я армия будет усилена 13-м корпусом, войска которого начнут высадку на правом берегу Уазы после полудня 12 сентября [1]); в 5-й армии правофланговому (10-му) корпусу наступать в тесной связи с левым флангом 9-й армии, а войскам центра быть в готовности действовать, смотря по обстоятельствам, или к северо-западу или к северо-востоку; 9-я и 4-я армии должны теснить центр и левый фланг противника в северо-восточном направлении, а 3-я армия наступать к северу между Аргонами и Маасом, с целью захвата неприятельских сообщений.

Из этой директивы видно, что в это время французское главное командование не имело в виду сосредоточивать свои силы для нанесения удара в промежуток между I-й и II-й герм. армиями, но задавалось целью обойти правый фланг Клука, для чего и высадка, прибывавшего в состав 6-й

[1]) Этот корпус прибывал из состава 1-й франц. армии.

армии, 13-го корпуса была назначена на правом берегу Уазы[1]). Что же касается собственно 5-й армии, то она не получила, в сущности говоря, никакой определенной задачи: ее фланги должны были тянуться в расходящихся направлениях, а центр — действовать по столь излюбленному французским командованием методу: находиться в готовности наступать то в одну, то в другую сторону, а вообще бездействовать и никуда не поспевать. Из всего сказанного мы приходим к заключению, что к ночи с 11-го на 12 сентября французское главное командование еще не расчитывало на остановку неприятельских армий на реках Эне и Вэле и поэтому, предполагая продолжать преследование противника, не задумывалось над тем, как использовать свои силы для возможного в ближайшие дни сражения.

А обстановка для этого сражения уже назревала. В течение 12 сентября уже начались бои на р. Вэле: 25-я ландв. бригада и 13-я дивизия, под натиском английских войск и французской конницы ген. Конно, были вынуждены отойти за эту реку; к ночи первая из них ушла за р. Эн через Бург-э-Комэн, а вторая расположилась за каналом между Бери о-Баком и Бримоном; одновременно с этим, правому флангу X-го рез. корпуса угрожал охват со стороны Мюизона, почему корпус был снят с левого берега и через Реймс отведен к правому флангу X-го. Это передвижение прикрывала 14-я дивизия, выдвинутая от Сернэ на северную окраину Реймса.

Французская конница, имевшая в этот день задачей форсировать р. Эн между Мэзи и Конде, не могла, однако, вследствие сильного сопротивления немцев на Вэле, выполнить этой задачи. Лишь в 5 час. вечера, по прибытии со стороны Люпейня авангарда 18-го корпуса, 10-й кав. дивизии удалось перейти у Фима на правый берег; остальная конница осталась на левом берегу. Главные силы 18-го корпуса заночевали на том же берегу в районе Фим—Брей, имея впереди реки лишь свои сторожевые части; рез. дивизии ген. Валябрега расположились за 18-м корпусом. Три правофланговые корпуса 5-й франц. армии подошли без боев в ближайшие окрестности Реймса: 3-й—между Тилюа и р. Вэль, 1-й—к юго-западным предместьям города, а 10-й (с 51-й рез. дивизией), через Жермен и Сермье — в южные окрестности Кормонтрей [2]).

Отход правого фланга II-й герм. армии с р. Вэля за эно-марнский канал открывал союзникам свободный путь

[1]) Одновременно с этим и, вероятно, с той же целью было приказано территориальным частям ген. д'Амада продвигаться из окрестностей Руана к Амьену и Абевилю.

[2]) 51-я рез. дивизия находилась на правом фланге корпуса, на берегу р. Вэля.

за р. Эн, в промежуток между обеими германскими армиями. Без всяких усилий со стороны союзного командования, обстановка складывалась здесь в высокой степени благоприятно для прорыва англо-французских войск в направлении на Краон и Лаон. Брешь, образовавшаяся в германском расположении несколько дней тому назад на марнских полях и вынудившая немцев покинуть берега Марны, еще не закрылась; слегка замаскированная на нижнем Вэле, она, при первом же легком ударе противника, вновь обнаружилась и создала для немцев опасное положение на всем фронте от Уазы до Реймса. И Клук, и Бюлов ясно сознавали, что своими собственными силами они не в состоянии преградить неприятельским войскам путь к прорыву между их армиями, и что это возможно выполнить лишь при помощи новых подкреплений. Эти последние уже спешили с севера, но необходимо было еще некоторое время, чтобы дать им собраться и изготовиться к наступлению.

Сосредоточение и развертывание этих войск, составивших новую VII-ю армию, происходило в следующей постепенности.

Первое распоряжение германской главной квартиры, касавшееся образования этой армии, было получено ген. Геерингеном в Страсбурге 5 сентября; в нем говорилось, что „согласно новых сведений, возможны попытки англичан, поддержанных бельгийцами и французами, оказать помощь Антверпену и угрожать тыловым сообщениям германских армий". Вследствие этого, было приказано образовать, под начальством ген. Геерингена (со штабом прежней VII-й армии), новую VII-ю армию, в составе XV-го, III го рез. и IX-го рез. корпусов (последние два уже находились южнее Антверпена), одного корпуса VI-й армии (несколько позже был назначен для этого I-й бав. корпус), 7-й кав. дивизии той же армии и VII-го рез. корпуса, еще осаждавшего Мобеж. Этой армии была дана задача, прикрываясь со стороны Антверпена, очистить от неприятельских войск западную Бельгию и пограничные с ней местности северной Франции. Для выполнения этих предположений необходимо было спешно перевезти по железным дорогам, с левого фланга германского фронта на его правый фланг, два корпуса (XV-й и I-й бав.) и одну кав. дивизию, что представляло собой очень сложную операцию, в виду того, что до 9 сентября единственный сквозной железнодорожный путь, которым можно было для этого воспользоваться, проходил в кружном направлении на Трир, Ахен, Льеж и Брюссель. 7 сентября была отправлена из Ремильи (юго-восточнее Меца) в Брюссель 7-я кав. дивизия; 8-го, из Аврикура и Саарбурга, началась перевозка XV-го корпуса,

а 10-го, из Бенсдорфа—I-го бав. Впрочем, последний, в виду необходимости усилить находившиеся на правом берегу Мааса войска ген. Штранца, был направлен пока не в Бельгию, а к Мецу.

Между тем, тяжелое положение, создавшееся к концу марнского сражения на правом германском фланге, привело главное командование к решению немедленно отправить оба рез. корпуса, VII-й и IX-й, и 7-ю кав. дивизию из Бельгии к Сен-Кентену, куда должен был следовать за ними и XV-й корпус, по мере своего прибытия из Лотарингии; распоряжение об этом было получено ген. Геерингеном 8 сентября в 10-м часу вечера. Но уже на следующий день это приказание было изменено в том отношении, что IX-й рез. корпус и 7-я кав. дивизия должны были остаться в Бельгии, в виду новых сведений о высадке английских и французских войск на бельгийском побережье. С 9 сентября IX-й рез. корпус, совместно с другими германскими войсками ген. Безелера, вел боевые действия против бельгийцев, производивших свою вторую вылазку из Антверпена; 10-го и 11 сентября в этих боях (у Лювена) приняли участие и некоторые войска XV-го корпуса, проезжавшего в это время через Бельгию [1]).

Наконец, 11 сентября в 2 часа дня последовало новое распоряжение главного командования о переброске VII-й армии к Эну. Так как сведения о наступлении крупных неприятельских сил от побережья не подтвердились, между тем, опасность неприятельского прорыва между I-й и II-й армиями все еще не миновала, то ген. Геерингену было приказано отправить на Сен-Кентен, вслед за VII м рез. и XV-м корпусами, также и IX-й рез.; I-й бав. корпус еще оставался в Мецe, а группа войск ген. Безелера перешла в подчинение ген.-губернатору Бельгии.

К вечеру 11 сентября XV-й корпус начал высадку в Сен-Кентене и севернее, а VII-й рез. подошел к Гизу; 7-я кав. дивизия выдвинулась, для прикрытия правого фланга армии, на линию Денен — Солем. На следующий день ген. Бюлов, которому была подчинена VII-я армия, озабоченный скорейшим заполнением прорыва между I-й и II-й армиями, приказал непосредственно командиру VII-го рез. корпуса, ген. Цвелю, возможно скорее следовать с вверенными ему войсками к Лаону. К вечеру 12 сентября XV-й корпус собрался у Сен-Кентена, а IX-й рез. — к северу от Денена и у Валансьена; на 13 сентября ген. Геерингенприказал: XV-му корпусу перейти к Ла-Фэру, IX-му рез. — в юго-

[1]) Пункты, упомянутые здесь в связи с распоряжениями об образовании новой армии ген. Геерингена, могут быть найдены на схемах №№ 1 и 11, приложенных к I-му тому.

западные окрестности Ле-Като, а 7-й кав. дивизии, попрежнему обеспечивая правый фланг армии, — к Гаму [1]). Что же касается VII-го рез. корпуса, то, получая уже указания непосредственно из штаба II-й армии, он спешил усиленными переходами на юг. Из этого расположения, начиная с утра 13 сентября, VII-я герм. армия начала постепенно втягиваться в бои, имевшие целью воспрепятствовать противнику использовать прорыв между I-й и II-й армиями.

Положение сторон на западном фланге к 13 сентября.

Итак, к ночи с 12-го на 13 сентября, на реках Эне и Вэле, между Уазой и эно-марнским каналом, обе стороны уже стояли в непосредственной близости одна от другой, местами отделенные друг от друга неширокими руслами этих рек, а местами вплотную сойдясь своими сторожевыми частями. С минуты на минуту эта близость должна была привести к крупному боевому столкновению, особенно в виду того, что союзники, все еще предполагая встретить на р. Эне лишь одни арьергарды противника, рассчитывали продолжать на следующий день свое движение к северу; во французской главной квартире все еще думали, что отступавшие германские армии собираются отходить на Гирсон и Вузье в долину Мааса. В указаниях союзным армиям 13 сентября ген. Жоффр предусматривал возможность достижения 6-й франц. армией Сен-Гобена и затем переброски ею своих главных сил на правый берег Уазы, а английской армией и левым крылом 5-й французской — занятия Лаона. Но в действительности, немцы уже прочно стояли всеми своими силами по р.р. Эну и Вэлю и готовились оказать неприятельскому наступлению упорное сопротивление. Вообще, сражение являлось неизбежным, но оно далеко не в одинаковой степени было желательно для обеих сторон: для союзников было выгодно начать это сражение на следующий же день, потому что широкая брешь, еще оставававшаяся на германском фронте между внутренними флангами I-й и II-й армий, манила к себе англо-французские силы, стоявшие на нижнем Вэле; для немцев же было выгоднее задержать на некоторое время развитие боевых действий, чтобы дать возможность, спешившим с севера, подкреплениям войти в боевую линию. Завтрашний день должен был обнаружить: в чью пользу сложится обстановка между Суассоном и Реймсом для предстоявшего сражения, которое должно было явиться для немцев как бы последним арьергардным столкновением в отступательном марше их правофланговых армий с берегов Марны.

[1]) Пункты, упоминаемые здесь в связи с продвижением к югу армии ген. Геерингена, могут быть найдены на схемах №№ 13 и 16, приложенных к I-му тому.

2. Боевые действия в центре и в Аргонах. (10—15 сентября).

(Схемы №№ 5 и 7).

Отступление III-й герм. армии и преследование ее 9-й французской 10—15 сентября.

Одновременно с тем, как на западном фланге армии обеих сторон безостановочно продвигались к Эну, в центре и на восточном фланге развязка марнского сражения шла более медленным темпом и принимала несколько иные формы. III-я герм. армия, увлеченная 9 сентября к северу отступлением войск Бюлова, в тот же день вечером получила приказание главного командования не уходить за Марну и быть готовой к переходу в наступление совместно с IV-й и V-й армиями. По-видимому, германское главное командование имело намерение активными действиями этих армий видоизменить обстановку, создавшуюся после отступления своего правого фланга. Однако, как увидим, достигнуть этой цели ему не удалось, отчасти вследствие его недостаточной осведомленности в положении дел в центре и на правом фланге, явившейся результатом позднего возвращения в главную квартиру подполковника Хентша [1]). Последствием его доклада явилась поездка ген. Мольтке 11 сентября в штабы II-й, III-й, IV-й и V-й армий, потому что, при создавшейся обстановке, вопрос о сохранении центром и левым флангом своего положения представлялся настолько важным, что главное командование не считало возможным доверить его решение кому либо другому.

Распоряжения, сделанные командующим III-й герм. армией вечером 9 сентября для отхода его войск к северу, приводились в исполнение в течение всего 10-го. XII-й рез. и XII-й корпуса отходили планомерно и без задержек со стороны противника, что указывало на то, что в боях 8—9 сентября у Фэр-Шампенуаза французам был нанесен сильный удар; XIX й корпус, остававшийся еще в связи с VIII-м корпусом (IV-й армии) в западных окрестностях Витри-ле-Франсуа, с утра был сильно атакован противником с охватом своего правого фланга; на помощь ему была направлена 23-я дивизия, уже подходившая к Дамартен-Латрэ, но спешно возвращенная теперь к югу. Соединенными усилиями этих войск немцам удалось отразить наступление французов.

[1]) Хентш на обратном пути, без всякой надобности, посетил штабы IV-й и V-й армий, почему и вернулся в главную квартиру лишь в 2 часа дня 10 сентября; вследствие этого, было упущено много времени, в течение которого возможно было бы принять некоторые меры для облегчения правофланговых армий.

В 8-м часу вечера ген. Гаузен получил от Бюлова сообщение о том, что, не имея сведений о положении I-й армии и находясь под угрозой обхода своего правого фланга, он вынужден отвести арьергарды за р. Вэль и продолжать отступление своими главными силами. Вместе с тем, в этом сообщении выражалось пожелание, чтобы III-я армия возможно скорее примкнула ко II-й. Но такое пожелание противоречило полученным ген. Гаузеном указаниям главного командования готовиться к наступлению совместно с двумя левофланговыми армиями. Однако, события развивались не в пользу этого наступления и скоро вывели III-ю армию из того неопределенного положения, в которое она была поставлена несогласованностью требований Бюлова с распоряжениями главного командования. Уже в ночь с 9-го на 10 сентября обнаружилось, что отступление правофланговых армий—нечто большее, чем стратегический маневр; IV-я армия не могла продвинуться, ведя лишь фронтальные бои; наступление V-й в ночь на 10-е привело лишь к местному успеху, и командующий этой армией доносил о необходимости перейти к обороне и о невозможности для V-го корпуса добиться существенных результатов на правом берегу Мааса. Все это привело германскую главную квартиру к решению отвести к северу и остальные свои силы, что и было объявлено в директиве от 10 сентября, приведенной мною при изложении ссбытий в районе II й армии. Корпусам ген. Гаузена было приказано отойти на линию Мурмелон-ле-Пти—Франшевиль. Соответственно этому, эти корпуса, под прикрытием сильных арьергардов, продолжали свое движение к Марне вечером 10-го и ночью на 11 сентября: XII-й рез.—на Конде, XII-й—на Шалон [1]) и XIX-й—вдоль реки в район Купец; оба последние отходили спокойно, но XII-й рез. (главным образом 24-я рез. дивизия) ввязался, между Пьер-Морэном и Жерминоном, в горячий бой с неприятельскими войсками, наступавшими ему во фланг от Шаппобера на Вэртю [2]). Немцам удалось отбросить противника и продолжать отступление, при чем, находившийся еще у Флавиньи, арьергард гвардейского корпуса задержал дальнейшее продвижение французов во фланг саксонским корпусам.

Впрочем, продвижение 9-й франц. армии вслед за III-й германской происходило в этот день очень медленно. Левофланговая группа ген. Дюбуа, занявшая в ночь с 9-го на 10 сентября покинутый немцами Фэр-Шампенуаз и его

[1]) 23-я дивизия, находившаяся на правом фланге XIX-го корпуса, отошла в южные окрестности Шалона (на левом берегу Марны).

[2]) Это были правофланговые части 5-й франц. армии (10-й корпус с 51-й рез. дивизией), наступавшие в связи с левым флангом 9-й армии.

окрестности (17-й дивизией и одной бр-дой 52-й рез. дивизии), продвигалась в общем направлении на Морэн-ле-Пти и восточнее, тесня перед собой слабые арьергарды противника [1]); передовые части этой группы, в связи с правофланговыми дивизиями 5-й армии, находившимися в районе Вэртю, атаковали утром 10-го отступавшие неприятельские войска XII-го рез. корпуса и замедлили их отход между Пьер-Морэном и Жерминоном.

Хотя в 2 часа дня войскам армии и было приказано достигнуть в этот день линии Ватри—Жерминон, но ни одна из французских дивизий не могла выполнить этого задания. К вечеру группа ген. Дюбуа заняла следующее расположение: марокккская дивизия—у Бана, 17-я—у Пьер-Морэна и восточнее, а 52-я рез.—у Нормэ и западнее. В то же время 42-я дивизия достигла района Нормэ—Ланхарэ, а 11-й корпус, с 60-й рез. дивизией на своем правом фланге,—линии Ланхарэ—Сомсу; 18-я дивизия оставалась в южных окрестностях Ланхарэ, а 9-я кав., усиленная в этот день частями 6-й кав., перевозившейся из 1-й армии, обеспечивала, попрежнему, правый фланг в окрестностях Майи. Следовательно, 10 сентября 9-я франц. армия, в сущности говоря, еще и не начинала преследования противника, даже рискуя потерять на следующий день соприкосновение с ним. Особенно удивляет бездеятельность французской конницы в районе Майи, тем более, что воздушная разведка определенно выяснила слабость неприятельских сил к северу от этого района и на путях к Шалону; следует думать, что смелое движение двух французских кавалерийских дивизий в этом направлении могло бы расстроить или замедлить отступление XII-го и XIX-го герм. корпусов, а также затруднить переброску этих войск на правый берег Марны.

Благодаря столь пассивным действиям французской кавалерии, корпуса III-й герм. армии утром 11 сентября благополучно отошли за Марну, у Конде, Шалона, Сари, Сен-Жермена и Поньи, уничтожили за собой мосты и уже к полудню расположились между Ваденэ и Франшевилем. В это время в штаб армии, в Сюип, прибыл из штаба V-й армии ген. Мольтке; пообещавши предоставить войскам отдых и прислать пополнения, он указал ген. Гаузену на необходимость закрепиться на занятой линии. Но уже в 3 часа дня, вторично посетивши Сюип на пути из IV-й армии во II-ю, он сообщил ему, что, в виду выяснившейся обстановки на фронте Бюлова и наступления крупных неприятельских сил от Витри-ле-Франсуа, III-я армия должна отойти далее

[1]) К 5 час. утра 10 сентября остальные войска этой группы находились: другая бр-да 52-й рез. дивизии—у Алемана, марокккская див.—у Мондемана и 42-я—между Конантром и Плером.

к северу на линию Тюизи—Сюип [1]). Соответственно этому, было приказано XII-му рез. корпусу занять участок от Тюизи до дороги Прон—Мурмелон-ле-Гран, а XII-му и XIX-му корпусам расположиться далее, до Сюипа. Новая линия, будучи короче прежней (25 килом. вместо 40), более отвечала численности армии.

К полудню 12 сентября корпуса заняли новое расположение, но так как вскоре обнаружилось, что левофланговый (гвард.) корпус II-й армии должен был, по тактическим соображениям, занять позиции севернее Тюизи, а из главной квартиры сообщили, что IV-й и V-й армиям, по местным условиям, приходится отходить далее к северу, то и корпусам III-й было приказано занять новую линию от Прона до Суэна. В этот день ген. Гаузен был отчислен, по болезни, от командования армией, а на его место назначен командир VII-го корпуса ген. Эйнем.

В течение 13 сентября армия заняла указанное ей новое расположение (XII-й рез. корпус — к северу от Прона, XII-й — у Оберива и западнее, XIX-й — к северо-западу от Суэна, штаб армии — в Бетенивиле) и начала закрепляться; противник уже подошел к новой позиции своими передовыми частями, а по войскам XII-го рез. корпуса открыл артиллерийский огонь. Вечером в штаб армии прибыл из главной квартиры генерал-квартирмейстер, ген. Штейн, с приказанием выделить из состава армии один корпус для отправки его походным порядком в армию Бюлова, на ее правый фланг, который, в начавшемся уже в то время сражении на р. Эне, подвергался большой опасности. Для этого был назначен XII-й корпус, перешедший на следующий день в Вармеривиль, в распоряжение ген. Бюлова [2]).

Вслед за III-й герм. армией продвигалась к северу и 9-я французская. 11 сентября эта последняя возобновила движение в 5 час. утра и без боевых столкновений с противником, поддерживая с ним лишь слабое соприкосновение своей корпусной конницей, к концу дня достигла левого берега Марны: марокканская дивизия, через Вэртю и Флавиньи, — у Тура, 52-я рез. и 17-я, — у Конде, 42-я, через

[1]) Ген. Мольтке объезжал штабы армий в такой последовательности: из штаба V-й (в Варене) — в штаб III-й (в Сюип), оттуда — в штаб IV-й (в Куртизоль), а затем вторично через Сюип — в Реймс, к ген. Бюлову. В виду того, что посещение штаба II-й армии вполне выяснило ему обстановку на правом фланге и к тому же Бюлову уже была подчинена 1-я армия, Мольтке не ездил к Клуку, а из Реймса уехал в Люксембург, куда и вернулся в 3 часа утра 12 сентября.

[2]) В этот же день ген. Штейн посетил также штабы V-й и IV-й армий (в Стенэ и Вузье), где, по соглашению с командующими, назначил для усиления правого фланга II-й армии VI-й и XVIII-й корпуса (V-й и IV-й армий).

Жерминон—у Вро; 11-й корпус, с приданными ему двумя дивизиями (60-й рез. и 18-й) через Ватри к Шалону. Армейская конница (9-я и 6-я кав. дивизии, составлявшие сводный корпус ген. Л'Эпе) выдвинулась в южные окрестности Шалона. В виду того, что мосты на реке оказались разрушенными, а мостовые парки не во всех дивизиях прибыли с войсками, устройство переправ потребовало значительного времени; поэтому все войска заночевали на левом берегу.

12 сентября армия продолжала, тоже без боевых столкновений, продвигаться к р. Вэлю: марокккская и 17-я дивизии, переправившись через Марну у Тура и Конде, достигли южных окрестностей Водеманжа, 42-я—района Вро—Ваденэ, 52-я рез. оставалась еще на переправе у Конде; 11-й корпус (с приданными ему дивизиями), переправившись у Шалона, занял район Сент-Этьен—Шалон. Конница 9-й армии была выдвинута в этот день в южные окрестности Ова.

На следующий день французские войска продвигались уже с небольшими боями, оттесняя к северу мелкие разведывательные и сторожевые отряды противника. С 9 часов утра, в окрестностях Тюизи, Мурмелон-ле-Пти и Мурмелон-ле-Гран, французские передовые части встретили более упорное сопротивление немцев, а подойдя к линии Прюнэ—Прон—Сент-Илер-ле-Гран, они уже не могли продвинуться далее, наткнувшись здесь на сильно занятые неприятельской пехотой окопы. К концу дня французские войска, войдя в тесное соприкосновение с противником по всему фронту 9-й армии, расположились следующим образом: марокккская дивизия—к северу от Водеманжа, 17-я и 52-я рез.—в южных окрестностях Мурмелон-ле-Пти, все три—на левом берегу Вэля; 42-я и 18-я—в северных окрестностях Мурмелон-ле-Гран, а 11-й корпус с 60-й рез. дивизией—к югу от Сент-Илер-ле-Гран. Таким образом, к вечеру 13 сентября преследование французами войск III-й герм. армии закончилось, и теперь, подойдя вплотную к укрепленной позиции противника, ген. Фошу приходилось решать вопрос: каким способом преодолеть это неприятельское сопротивление, оказавшееся для него вполне неожиданным [1]). В течение двух последующих дней, 14-го и 15 сентября, когда на р. Эне велись упорные бои за обладание высотами правого берега, а в Аргонах еще продолжалось движение к северу, командующий 9-й франц. армией пы-

[1]) Указанием на то, что вынужденная остановка 9-й франц. армии явилась совершенно неожиданной для французского командования, может служить, между прочим, то обстоятельство, что на 13 сентября ген. Фош назначил своим войскам достигнуть правого берега р. Сюипа.

тался возобновить наступление, но сильное сопротивление уже закрепившегося на своих позициях противника привело французов к ряду разрозненных и разновременных атак, не изменивших в существенных чертах взаимного положения сторон. Среди них более крупными являются: атака 14 сентября трех дивизий 9-го корпуса (марокккской, 17-й и 18-й) на германские позиции гвард. и XII-го рез. корпусов между Прюнэ и Проном, где французским войскам удалось частично продвинуться в расположение немцев; и окончившаяся неудачей атака 15 сентября 9-го корпуса и 42-й дивизии на Моронвиллер и Оберив.

Боевые действия между верхней Марной и Маасом, 10—15 сентября.

Я уже упоминал в предыдущем изложении, что германское главное командование, с целью видоизменить, в благоприятную для себя сторону, обстановку, сложившуюся в результате отступления двух правофланговых армий, уже с вечера 9 сентября задумало возобновить наступление своими тремя левофланговыми армиями. Во исполнение этого, IV-я армия, утром 10-го, начала наступательные действия в районе Витри-ле-Франсуа своим правым флангом, прикрытым с запада XIX-м корпусом III-й армии. Первоначально части VIII-го корпуса, наступавшие по обе стороны р. Марны, успешно продвигались к югу, но вскоре были вынуждены перейти к обороне: с одной стороны, это было вызвано сильным сопротивлением противника, переходившего в контр-атаки на обоих берегах реки у Курдеманжа, а с другой — выдвижением 21-го франц. корпуса (усиленного 23-й дивизией 12-го) к Сомпюи, угрожавшим правому флангу левобережной группы германских войск, находившихся в окрестностях Витри-ле-Франсуа [1]).

К востоку от последнего энергичное наступление VIII-го рез. и XVIII-го корпусов тоже не привело к успеху, главным образом вследствие неудачи 16-й рез. дивизии у Блема; XVIII-й рез. корпус, при поддержке частей IV-го кав. корпуса, вел небольшие бои в районе Васинкура. В общем, этот день не дал ни той, ни другой стороне никаких заметных успехов.

Такой результат предпринятого здесь немцами наступлечия, в связи с неудачными боями V-й армии и другими обстоятельствами, о которых уже было упомянуто в этой главе, привел германское главное командование к решению отвести к северу и обе левофланговые армии, что и было

---

[1]) Это и было то положение, которое привело к возвращению 23-й герм. дивизии на помощь XIX-му корпусу, о чем я говорил при изложении событий в районе III-й армии.

указано в директиве, разосланной армиям в тот же день вечером [1]). На следующий день утром, IV-я армия отошла на линию Франшевиль (VIII-й корпус) — Посес (VIII-й рез.)—Вруаль (XVIII-й)—Ревиньи (XVIII-й рез.); противник оказывал давление на отходившие германские войска лишь на левом берегу Марны и после полудня занял частями 12-го корпуса Витри-ле-Франсуа. К вечеру войска 4-й франц. армии, продвигаясь к северу, заняли следующее расположение: 21-й корпус, имея 23-ю дивизию (12-го корпуса) на своем правом фланге,—район Купец—Кооль, с авангардами на марнских переправах в окрестностях Поньи и южнее; 17-й—на Марне, у Сонжи, а одна дивизия 12-го—в Витри-ле-Франсуа; колониальный и 2-й корпуса—на рейно-марнском канале, у Брусона, Парньи и Сермэза.

Мы видели, что в результате поездки ген. Мольтке на фронт в течение 11 сентября явилось новое распоряжение главного командования о дальнейшем отходе центра и левого фланга, при чем IV-й армии приказано отойти на линию Сюип—Сент-Менегу [2]). В течение 12 сентября армия отошла на эту линию, но в виду того, что корпусам кронпринца германского пришлось отойти (как увидим из дальнейшего изложения) далее, чем им было указано в директиве от 11 сентября, то и IV-я армия должна была на следующий день, 13-го, продолжать отступление и расположиться между Суэном и Бинарвилем [3]). Французы, продвигаясь вслед за отходившим противником, сохраняли с ним соприкосновение лишь на своем левом фланге, почему немцам удалось занять свое новое расположение вполне спокойно и планомерно. 12 сентября войска 4-й франц. армии заночевали в следующих пунктах: 21-й корпус—у Бюси, 17-й—на правом берегу Марны у своих переправ, 12-й—в южных окрестностях Ова, колониальный—в южных окрестностях Посеса и 2-й—между Парньи и Ревиньи. На следующий день армия продвинулась далее к северу: 21-й корпус—к Сюипу, 17-й—к Пуа, 12-й—в район Ов—Сомм-Бион [4]), колониальный—к Вальми, а 2-й—в район Бро—Живри. 14 сентября корпуса дошли до линии Суэн (21-й корпус) — Пэрт (17-й) — Виль-сюр-Турб (колониальный)—южные окрестности Сервона (2-й), при чем 12-й корпус расположился у Лаваля в армейском резерве. Здесь французы нашли противника уже хорошо укрепившимся на своих

---

[1]) Эта директива приведена мною на стр. 151.

[2]) См. директиву германского главного командования на стр. 144.

[3]) VIII-й корпус — к северу и северо-востоку от Суэна, VIII-й рез.—к северу от Пэрта, XVIII-й—севернее Виль-сюр-Турба и XVIII-й рез.—восточнее этого пункта.

[4]) В этот день 23-я дивизия вернулась в состав своего корпуса.

новых позициях, почему все их попытки к дальнейшему наступлению окончились неудачно, особенно на флангах армии у Сюипа и Сервона, где войска 21-го и 2-го корпусов были отброшены немцами с большими потерями [1]).

В общем, столь же мало оживленны были боевые действия и в районе V-й герм. армии. С утра 10 сентября небольшие бои возобновились в двух местах: на правом берегу р. Эра, восточнее Бозэ, 34-й дивизией (XVI-го корпуса), примкнувшей южнее Эйпа к другой дивизии своего корпуса; и у Ревиньи и Васинкура, где наступали: VI-й корпус с 25-й рез. дивизией и армейская конница с 21-й рез. дивизией против войск 15-го франц. корпуса [2]). Эти атаки не привели к решительным результатам и широкого развития не получили.

Утром в этот день в штаб армии заехал подполк. Хеншт (на обратном пути в Люксембург) и в беседе с кронпринцем германским, сообщивши ему печальные сведения о положении правофланговых армий, убеждал его отойти на линию Сент-Менегу—Клермон; однако, командующий армией отклонил это предложение, не имея по этому вопросу никаких указаний главного командования [3]).

В этот день, с целью придать германским операциям на правом берегу Мааса более планомерный и более решительный характер, было решено образовать здесь армейскую группу ген. Штранца (командира V-го корпуса), подчиненную командующему V-й герм. армии; первоначально в ее состав были назначены V-й корпус, бав. кавалерийская и 33-я рез. дивизии, но затем она была усилена I-м бав. корпусом, подвезенным к Мецу, и некоторыми мелкими частями гарнизона этой крепости. Вместе с тем, приказ о прекращении атаки маасских фортов был отменен, и V-й армии приказано продолжать эту атаку. Однако, недостаток снарядов для тяжелых орудий задержал здесь возобновление боевых действий.

На следующий день утром в штаб кронпринца германского прибыл ген. Мольтке; он обнаружил при оценке обстановки глубокий пессимизм и высказал уверенность в поражении правофланговых германских армий. После его отъезда, в соответствии с его личными указаниями, а также во исполнение требования директивы главного командования, полученной вечером, V-я армия начала отходить на линию Сент-Менегу — Клермон; в группе ген. Штранца бомбардировка маасских фортов еще не возобновлялась. Французы продви-

---

[1]) 14 сентября 21-й корпус был передан в состав 9-й армии.

[2]) 21-я рез. и 25-я рез. дивизии составляли XVIII-й рез. корпус IV-й армии.

[3]) Как мы видели, директивой от 10 сентября, этой армии было назначено оставаться на месте (см. выше, стр. 143).

гались в этот день за противником лишь на левом фланге своей 3-й армии, где 15-й корпус, заметивши отход германских войск к северу, перешел от Васинкура в северные окрестности Ревиньи, а 5-й продвинулся в восточные окрестности этого города. На остальных участках французские войска все еще ожидали германского наступления и оставались на месте: 6-й корпус—в южных окрестностях Шомона, группа рез. дивизий—в районе Пьерфит—Нэвиль, а 7-я кав. дивизия—на левом берегу Мааса у Сен-Мьеля.

То расположение, которое было указано V-й герм. армии директивой от 11 сентября, не явилось для нее окончательным: в виду приостановки германской атаки правобережных маасских фортов, противник легко мог угрожать из Вердена левому флангу этой армии у Клермона, что побудило германское главное командование отвести V-ю армию далее к северу; как мы знаем, это повлекло за собой дальнейшее отступление и IV-й армии.

Отступление началось в тот же день. Для облегчения движения через Аргоны, IV-й армии приказано отходить уступами с правого фланга, при чем ее левофланговый (XVIII-й рез.) корпус временно подчинен кронпринцу германскому. Правый фланг V-й армии отходил на Муаремон, левый—на Жеркур; главная масса войск должна была проходить через дефиле у Варена, где она была на некоторое время разобщена от частей, отступавших западнее Аргон. Впрочем, французы нигде не теснили немцев и со стороны Вердена не угрожали их левому флангу. Отступление продолжалось, без помехи со стороны противника, 13-го и 14-го сентября, до линии Апремон — Монфокон — Жеркур. Связь с левым флангом IV-й армии поддерживалась небольшими пехотными отрядами, которые вели разведку в Аргонах. IV-й кав. корпус, отходя на правом фланге армии, к вечеру 13 сентября расположился у Бюзанси, где и оставался до конца сентября, до своей переброски во Фландрию.

Движение германских армий происходило в течение последних 2—3 дней в неблагоприятных условиях, вследствие сильных дождей и ветров; испорченные дождями дороги требовали крайнего напряжения сил, как людей, так и конского состава, без того уже изнуренных боями и маршами нескольких недель. В этом отношении в особенно трудном положении находилась V-я армия, отходившая в гористо-лесистой местности.

Что касается боевых действий на правом берегу Мааса, то здесь германское главное командование вновь изменило свои оперативные намерения и решения. 12 сентября командующий V-й герм. армией получил из главной квартиры уведомление, что задача группы ген. Штранца на ближайшие дни должна заключаться в обложении Вердена, с целью

воспрепятствовать вылазкам неприятеля; 33 й рез. дивизии приказано расположиться у Тиокура, откуда, в случае необходимости, отойти в район Конфлан — Этен для совместных действий с 10-й дивизией против неприятельских войск, которые могут наступать со стороны Вердена; бав. кав. дивизии назначено разведывать до Мааса и в направлении на Туль.

Во исполнение всех этих указаний, ген. Штранц в течение 13 сентября передвинул свои войска к северу: обе дивизии V-го корпуса заняли линию Били — Этен — Бюзи, 33-я рез. дивизия – участок Бюзи—Конфлан, а бав. кав. дивизия расположилась в северных окрестностях Тиокура. В виду того, что опасность неприятельского прорыва теперь уже миновала, I-й бав. корпус был изъят из подчинения ген. Штранцу и утром 13-го начал посадку в поезда в Мече для отправления в Бельгию. Таким образом, после целого ряда колебаний, перемен и отмен, атака маасских фортов была приостановлена; но, как увидим из VII-й главы, идея подобной операции еще не заглохла окончательно и, спустя некоторое время, в новых условиях стратегической обстановки, она вновь привлечет к себе внимание германского главного командования.

В то же время 3-я франц. армия, получившая в директиве от 11 сентября весьма решительную задачу (наступать вслед за противником между Аргонами и Маасом, с целью угрозы сообщениям V-й герм. армии), в действительности не только не выполнила ее, но и вообще действовала крайне нерешительно и осторожно, предоставивши немцам возможность легко преодолеть все затруднения, связанные с отступлением через Аргоны [1]). Так, в течение 12 сентября, частью под предлогом приведения в порядок расстроенных войск, а частью в виду неясной обстановки, вся армия простояла на месте, а армейская конница (7-я кав. див.) вместо того, чтобы следовать за противником, затрудняя ему движение и выясняя обстановку, перешла в этот день вдоль левого берега Мааса, в юго-западные окрестности Вердена. На следующий день армия начала движение к северу, но настолько медленное и вялое, что расценивать его, как преследование или как маневр против неприятельских сообщений, совершенно невозможно. 15-й корпус перешел, через Ранберкур, к Бозэ (на р. Эре), 5-й—к Триокуру, 6-й—в юго-западные окрестности Суйи, группа рез. дивизий (65-я, 67-я и 75-я)—к Ле-Монтерону (на Маасе), а 72-я рез. дивизия—к Юбекуру; 14 сентября армия продолжала продвигаться между р.р. Эном и Маасом, а группа рез. дивизий направлена на правый берег, на маасские высоты, и передана

[1]) См. эту директиву на стр. 145

в распоряжение командующего 2-й армией. Железная дорога Сент-Менегу — Верден перешла в руки французов. Наконец, 15-го, французы подошли к расположению противника и заняли на левом берегу Мааса 5-м корпусом район Ла-Шалад—южные окрестности Бурей, а 15-м—район Авокур—Фромеревиль; 6-й корпус переправился на правый берег Мааса у Шарни и Вердена и расположился между Орном и Бомоном; 72-я рез. и 7-я кав. дивизии остались на своих прежних местах. Левобережным французским корпусам пришлось, раньше чем установить свои боевые линии в указанных выше районах, выдержать ряд горячих схваток с неприятельскими войсками в окрестностях Варена и Маланкура.

С окончанием всех, изложенных в этой главе, передвижений, обе стороны вновь вплотную сошлись на всем фронте от Уазы до Мааса, почему, казалось, следовало ожидать в ближайшие дни новых боевых столкновений в крупном масштабе. Таковые действительно и начались с 13 сентября на западном фланге наступлением англо-французских войск в промежуток между I-й и II-й герм. армиями, что привело к ряду боев, известных под названием сражения на р. Эне; на других участках фронта боевые действия не получили в ближайшее время значительного развития, отчасти в виду местных условий, не допускавших никакого маневра, а, главным образом, потому что новая обстановка на театре военных действий не благоприятствовала здесь завязке крупных операций. Последнее обстоятельство наложило свою печать и на бои на р. Эне, которые вследствие этого имели ограниченные оперативные цели.

О том, из каких элементов складывалась эта новая обстановка, и какие новые задачи предъявляла она сторонам, будет мною изложено в одной из следующих глав; а теперь обратимся к описанию сражения на Эне.

3. Сражение на р. Эне (13—15 сентября).

(Схемы №№ 6, 7 и 8).

Положение сторон на р. Эне к 13 сентября.

Раньше чем излагать боевые действия, начавшиеся 13 сентября между Уазой и Реймсом, я считаю нелишним напомнить читателю то взаимное положение, которое заняли здесь к этому дню обе стороны.

I-я герм. армия, отодвинувшаяся от р. Эна на южную окраину высот, сопровождающих течение реки по ее правому берегу, закреплялась в следующем расположении: IX-й корпус—в районе Нампсель—Отреш, IV-й рез.—по обе стороны Нуврона, IV-й—до Кюфи, II-й—восточнее Кюфи, а III-й—в северных окрестностях Конде; конница находи-

лась на флангах: 4-я кав. дивизия—на правом, у Нампселя, гвардейская—у Вайи, а 2-я и 9-я—к северу от Эзи. Далее, до эно-марнского канала, на протяжении около 20 килом., не было ни одной германской войсковой части, а у Берио-Бака начинался правый фланг II-й армии, протянувшейся вдоль канала через Реймс до Прона.

Против этих германских войск союзники развернулись таким образом: 6-я франц. армия, выделивши на правый берег Уазы кав. корпус и 37 ю дивизию, остальными своими силами заняла левый берег Эна в районе Ламота и Атиши (4-й корпус с группой рез. дивизий ген. Эбенера), у Вика и восточнее (7-й корпус) и в районе Пернан—Суассон (группа рез. дивизий ген. Ламаза и 45-я дивизия); в 4-м и 7-м корпусах небольшие пехотные части были переброшены на правый берег. Восточнее Суассона к реке подошли лишь передовые части 3-го английского корпуса (у Веницеля), прочие же силы английской армии оставались еще между Вэлем и Эном: 2-й корпус—у Брэна, 1-й—у Курселя, а конница—на линии Лонгеваль—Шасеми. Далее к востоку, левый фланг 5-й франц. армии (кав. корпус Конно, 18-й корпус и группа рез. дивизий) находился еще на Вэле, в районе Фим—Брей; остальные корпуса этой армии были сгруппированы около Реймса.

Сопоставление группировки сил обеих сторон на Эне дает нам возможность отметить следующие три характерные особенности во взаимном положении противников: во-первых, уже вполне определенно выяснилось намерение французов обойти правый фланг I-й герм. армии западнее Уазы [1]); во-вторых, р. Эн, со своими разрушенными переправами, еще лежала преградой между сторонами почти на всем фронте от Уазы до эно-марнского канала; и в третьих, против разрыва между I-й и II-й герм. армиями находилась крупная масса французских войск, силою в 5 пехотных и 3 кавалерийских дивизий [2]). Если же принять во внимание, что против двух англ. корпусов с двумя кав. дивизиями, на участке реки между Вайи и Бург-э-Комэн, стояла совершенно изнуренная предыдущими боями германская конница, которая, конечно, не могла оказать сильного сопротивления англичанам, то к указанным выше французским войскам могут быть добавлены и эти английские части. Правда, с севера к Лаону уже спешили германские подкрепления (VII-й рез. и XV-й корпуса), но к ночи с 12-го на 13 сентября их приближение еще не чувствовалось на берегах Эна.

---

[1]) Это станет для нас еще яснее, если мы вспомним о переброске из 1-й франц. армии 13-го корпуса на правый берег Уазы и о движении территориальных войск ген. д'Амада к Амьену.

[2]) Кавалерийский и 18-й корпуса и две рез. дивизии.

Каковы же были те задачи, которые имели в это время противники в данном районе? Для германских армий задача была указана в директиве ген. Мольтке от 11 сентября; она заключалась в закреплении своего положения за р. Эном и, по возможности, в сближении внутренних флангов I-й и II-й армий, с целью закрыть еще остававшуюся брешь между ними. Следовательно, немцы имели задачу оборонительного характера, рассчитанную на задержку неприятельского наступления на сильном оборонительном рубеже и на выигрыш во времени, необходимый для переброски к правому флангу подкреплений из других районов театра военных действий. Задача для союзных армий была дана в оперативных указаниях французской главной квартиры от 11-го и 12 сентября, которые с полной определенностью обнаруживали намерение произвести главный натиск левым крылом, в обход правого неприятельского фланга, но нигде, ни единым словом, не упоминали о желательности использовать разрыв между германскими армиями. Вообще, вместо того, чтобы направить свой главный удар на участок фронта, более чувствительный для противника и более доступный для союзных войск, французское главное командование задавалось целью произвести сложный обходный маневр по правому берегу Уазы, требовавший для своего выполнения новых крупных подкреплений и приводивший к значительной потере во времени; а это, естественно, играло в руку противнику, предоставляя ему возможность, своевременным изменением группировки своих сил, принять меры противодействия неприятельскому маневру. Впрочем, непреодолимой силой логически развивавшихся боевых явлений, центр тяжести этого сражения скоро был сдвинут к этому наиболее чувствительному и опасному месту в расположении немцев,—что привело обе стороны к борьбе за обладание, столь прославленным в военной истории, краонским плато [1]).

Боевые действия 13 сентября. а) Наступление 6-й франц. армии между Уазой и Суассоном.

С утра 13 сентября, 6-я франц. армия продолжала наступление по обе стороны Уазы. Соответственно общим намерениям главного командования, с целью усилить маневренное значение левого крыла, наступавшего вдоль Уазы, было предположено направить 4-й корпус от Компьена на Нуайон. Французская главная квартира настойчиво побуждала 6-ю армию к проявлению максимальной активности на своем левом фланге, которому

[1]) Как известно, сто лет до этого, 7 марта 1814 г., здесь разыгралось большое сражение между французской армией Наполеона и русско-прусскими войсками силезской армии, окончившееся победой французов.

придавалось решающее значение в предстоявших боях; в этот день Жоффр писал Монури в одной из своих телеграмм: „Судьба завязавшегося сражения зависит от действий Вашего левого фланга“ [1]).

Однако, события развивались не в том направлении, в котором это было желательно для французов, и роль левофланговой группы 6-й армии оказалась более скромной, чем было намечено. Кавалерийский корпус ген. Бриду дошел до Варзи, между Руа и Мондидье, но, вследствие изнурения лошадей и недостатка фуража, не проявил здесь никакой деятельности; 37-я дивизия переправилась через Уазу у Вербери и достигла к вечеру Венета; 13 й корпус начал высадку из поездов у Крей для дальнейшего следования за реку. В это время обе дивизии 4-го корпуса, переправившись через Эн у Атиши (7-я) и у Ламота (8-я), ввязались в горячий бой с войсками IX-го герм. корпуса на высотах, расположенных непосредственно к северу от этих переправ, и поэтому не имели возможности повернуть к Уазе. Увлеченные боем, они достигли вечером своими авангардами: 8-я—Траси-ле-Мон, а 7-я—восточнее этого пункта; небольшой отряд 8-й дивизии был оставлен у Шуази для обеспечения левого фланга и для связи с войсками, находившимися западнее Уазы. За 4-м корпусом, частью на переправах, а частью на правом берегу Эна, находилась группа рез. дивизий ген. Эбенера, а 7-й корпус, после переправы у Вика, тесня перед собой германские войска IV-го рез. и IX-го корпусов, продвинулся в течение дня до линии Отреш—Нуврон. Обе рез. дивизии ген. Ламаза приступили в этот день к устройству переправ на реке, но лишь одной из них удалось перебросить часть своих сил на правый берег; 56-я дивизия еще вся оставалась на левом берегу (у Пернана); 45-я дивизия выдвинулась через Суассон до Кюфи, ведя бои с передовыми частями II-го герм. корпуса.

Хотя к вечеру 13 сентября 6-я франц. армия почти всеми своими силами вышла на правый берег р. Эна, а на левом фланге даже продвинулась к северу, тем не менее этот первоначальный успех не мог иметь большого значения, потому что наступающий имел до сих пор дело лишь с передовыми войсками неприятеля, выдвинутыми к реке для разведки и затруднения французам переправы. Впереди оставалась еще труднейшая часть задачи: атаковать главные силы противника, уже укрепившегося на командующих высотах и преодолеть его сопротивление на этих позициях. И с этого момента для французского командования уже выяснялся действительный характер того сражения, кото-

[1]) Gabriel Hanotaux. La bataille de la Marne, II, стр. 305.

рое постепенно разгоралось на правом берегу Эна: становилось ясным, что здесь находятся не одни неприятельские арьергарды и что противник решил не только задержать, но и остановить за рекой наступление союзников. В виду этого, вопрос об обходном маневре левым крылом на Уазе приобретал для 6-й франц. армии все большее и большее значение.

б) Наступление английской и 5-й франц. армий восточнее Суассона.

Выходила в этот день на правый берег Эна и английская армия, форсировавшая реку между Суассоном и Мэзи. 4-я дивизия (3-го корпуса) перешла реку у Веницеля под сильным артиллерийским огнем противника и наступала к северу; 19-я бригада того же корпуса оставалась еще на левом берегу у той же переправы. 2-й корпус весь день переправлялся у Миси (3-я див.) и Вайи (5 я), но успел перебросить через реку лишь часть своих сил и оставил за собой, на левом берегу, 2-ю кав. дивизию; 1-й достиг в этот день наибольших успехов: 1-я дивизия перешла реку у Бург-э-Комэн и выдвинулась к Пэси, с небольшими боевыми столкновениями с частями III-го герм. корпуса, а 2-я одной бригадой переправилась на правый берег у Шавона; 1-я кав. дивизия находилась на правом фланге 1-го корпуса. В результате наступления здесь англичан, германская конница отошла от реки в северо-восточные окрестности Серни. Немцы оказали сопротивление наступлению противника главным образом артиллерийским огнем с высот севернее Санси и Эзи, но их пехота проявила в этот день слабую боевую деятельность. Англичане, в противоположность 6-й франц. армии, продвинулись вперед своим правым флангом, охватывая с востока левофланговый (III-й) корпус I-й герм. армии. Такому их продвижению способствовали: с одной стороны, отсутствие на этом направлении крупных сил противника, а с другой—успешное наступление в окрестностях Краона войск 5-й франц. армии, к действиям которой я и перехожу теперь.

5-я франц. армия значительно меньше чувствовала, чем ее соседи слева, постепенно возраставшее упорство противника, что объясняется, конечно, наступлением ее сильной левофланговой группы в разрыв между двумя неприятельскими армиями. В приказе по армии на 13 сентября, общее направление ее движения было указано на Шато-Порсиен, при чем армейской коннице дана задача: идти на Сисон и преследовать противника к северо-востоку, между Сисоном и Ретелем.

Кав. корпус ген. Конно легко выполнил возложенную на него задачу: переправившись через р. Эн, без сопротивления противника, у Мэзи (4-я дивизия), Понтавера (10-я) и

Бери-о-Бака (8-я), он дошел к полудню 10-й дивизией до Сисона и 4-й—до Амифонтена, не обнаружив в ближайших окрестностях неприятельских войск, за исключением мелких разведывательных частей; 8-я дивизия оставалась еще у Бери-о-Бака. Вслед за конницей наступал 18-й корпус: 38-я и 36-я дивизии—через Мэзи в район Пэси—Краонель, а 35-я—через Понтавер к Краону; правее, рез. дивизии ген. Валябрега продвинулись через Бери-о Бак к Ювинкуру. Нигде в этих местах французские войска не встречали противника. В то же время правофланговая группа корпусов 5-й франц. армии, расположенная фронтом к северо-востоку, в районе Реймса, до полудня успешно продвигалась за эно-марнский канал. 3 й корпус, наступавший севернее Реймса, на Люавр и Курси, атаковал у Бримона одну из бригад 13-й герм. дивизии, захватил Бермерикур и начал распространяться к северу; но вскоре после полудня, при содействии другой бригады той же дивизии, подошедшей от Нэфшателя, а также частей 14-й и 1-й гвард. дивизий, прибывших из армейского резерва, немцам удалось оттеснить противника за канал. К вечеру 13-я дивизия утвердилась между Реймсом и Бермерикуром, а 14-я—далее к северу на Агилькур; 1 я гвард. отошла к Фрэну.

В виду того, что неприятельские войска уже продвинулись на северный берег Эна, что создавало опасность для правого фланга II-й армии, ген. Бюлов приказал 5-й кав. дивизии и подошедшей с тыла 29-й ландв. бригаде занять участок р. Эна от Нэфшателя до Ретеля. 1-й франц. корпус до 2-х час. дня не мог пройти далее Орма, но когда, во второй половине дня, обнаружилось оставление немцами Реймса, 2-я дивизия заняла этот город, а 1-я выдвинулась на его северо-западную окраину. Наконец, 10-й корпус (с 51-й рез. дивизией) оставался в прежнем положении у Кормонтрей (между Силери и Реймсом).

Следовательно, уже с полудня 13 сентября, вследствие совершенно различных условий, в которых наступали обе группы 5-й франц. армии, они разошлись в разные стороны и оторвались одна от другой: левая легко продвигалась за Эном на Корбени и Амифонтен, правая охватила с трех сторон Реймс; их разделяло пространство в 12 килом., от Люавра до Бери-о-Бака, не занятое французскими войсками. Естественно, что такое положение не только не предвещало успеха левофланговой группе, но и заключало в себе опасность для 5-й франц. армии быть расколотой на две части, если бы германское командование было менее подавлено угрозой своему правому флангу. Активные действия правого фланга II-й армии к западу от эно-марнского канала могли бы дать вполне успешные результаты, тем более, что уже с полудня 13 сентября над левой группой француз-

ских войск был занесен с севера, со стороны Лаона, удар спешно брошенными сюда германскими войсками VII-го рез. и XV-го корпусов. Мысль о таком наступлении в действительности и зародилась в этот день в германской главной квартире, где было решено, что боевое затишье в центре и на левом фланге, а также сокращение боевых участков расположенных здесь армий, дает возможность взять из каждой из них по одному корпусу и перебросить их к правому флангу Бюлова. Мы видели, что с этой целью, командированным 13 сентября из главной квартиры ген. Штейном, были назначены: от V-й армии—VI-й корпус, от IV-й—XVIII-й и от III-й—XII-й. Теперь посмотрим, в каких условиях и с какими боевыми задачами двигались с севера VII-й рез. и XV-й корпуса.

в) Введение в боевую линию германских подкреплений в районе Краона.

После падения Мобежа, VII-й рез. корпус (ген. Цвеля) был включен в состав VII-й герм. армии (ген. Геерингена), предназначенной для усиления правого германского фланга, и 11 сентября получил приказание спешно следовать к Лаону; вслед за ним к Ла-Фэру должен был идти и XV-й корпус.

Войска ген. Цвеля выступили из-под Мобежа 9 сентября в сильно ослабленном составе, потому что 5 батальонов, впредь до смены их ландверными частями, были оставлены в крепости в качестве гарнизона и для эвакуации пленных [1]). Движение происходило усиленными переходами на Авен, Гиз и Рибемон. К 6 час. утра 13 сентября дивизии корпуса достигли юго-восточных окрестностей Лаона: 13-я рез.—у Монберо, а 14-я рез.—у Обиньи. Форсированные марши сильно утомили войска и ослабили и без того уже слабые части, почему корпусу необходим был продолжительный отдых [2]). Между тем, обстановка на фронте I-й и II-й армий ни в коем случае не допускала этого, а полученная Цвелем в Лаоне директива ген. Бюлова, в распоряжение которого корпус временно поступал, требовала немедленно же начать наступление в связи с левым флангом I-й армии. В виду этого, в 11-м часу утра корпус выступил далее к югу: 13-я рез. дивизия—на Грандлен, а 14-я рез.—на Серни. По пути, вследствие получения сведений о переправе противника у Понтавера, 28-я бригада 14-й рез. дивизии свернула к юго-востоку, на Корбени, с целью обес-

[1]) Корпус имел в эти дни лишь около 11.000 штыков, 72 легких и 12 тяжелых орудий.

[2]) 10-го и 11 сентября корпус делал переходы по 35—40 килом., а в течение последних суток прошел 60 килом. (от Гиза на Рибемон и Лаон); число отсталых колебалось между 1/5 и 1/4 наличного состава частей.

печить с этой стороны движение корпуса и развертывание его на высотах у Краона, в местности, называемой Шмэн-де-Дам [1]). Занявши Корбени, немцы в 12 часов дня завязали артиллерийский бой с французскими войсками, наступавшими от Понтавера (18-й корпус) и Бери-о-Бака (рез. дивизии ген. Валябрега). Затем, оставивши здесь небольшой отряд для обеспечения своего фланга, 28-я бригада продолжала движение на Краон к Краонелю. С высот, на которые выходили теперь войска VII-го рез. корпуса, было ясно видно движение французской колонны от переправы у Мэзи к северо-востоку, почему начальник 14-й рез. дивизии приказал 28-й бригаде, подошедшей около 3 часов дня к Краонелю, атаковать противника во фланг. Бригада развернулась между Краоном и Юртебизом вдоль дороги Шмэн-де-Дам и завязала бой с неприятельскими войсками, приближавшимися с юга. Однако, сильное утомление людей и большое превосходство французов в артиллерии не дали немцам возможности продвинуться, тем более, что в это время французские войска, появившиеся со стороны Ювинкура, заняли Корбени, угрожая левому флангу всего германского корпуса [2]). Другая бригада той же дивизии (27-я рез.) находилась в то время в 5 килом. к западу, у Серни, куда она дошла во 2-м часу дня без боевых столкновений с противником [3]). 13-я рез. дивизия к 3 часам дня достигла Шмэн-де-Дам южнее Грандлена, где, в виду утомления войск, остановилась на ночь и окопалась на занятых ею высотах; противник был обнаружен ею на переправах между Вайи и Бург-э-Комэн и южнее Серни (части 1-го англ. корпуса с 1-й кав. дивизией).

Таким образом, к ночи с 13-го на 14 сентября, VII-й рез. корпус оказался в очень тяжелом положении: численно слабый, утомленный и расстроенный форсированными маршами, угрожаемый противником с левого фланга, корпус был растянут на 14 килом., имея еще недостаточные сведе-

---

[1]) Chemin des Dames, дамская дорога, отделяется, в северных окрестностях Санси, от шоссе Суассон—Лаон и идет к востоку на Брей, Серни и Юртебиз к Краонелю, по гребню высот, сопровождающих северный берег р. Эна, между Вайи и Понтавером. По преданию, она построена в 18-м веке при Людовике XVI-м для поездок французских герцогинь в замок герцогини Нарбонской, находившийся в окрестностях Краонеля, откуда и произошло название этой дороги. В военном отношении она представляет собой, со своими селениями и фермами, отличный оборонительный рубеж, дающий, вследствие своего возвышенного положения, обширный обстрел и обзор, как к северу, так и к югу.

[2]) Это были небольшие передовые части 35-й дивизии 18-го франц. корпуса.

[3]) Подходя к Серни, она встретилась с 25-й ландверной бригадой, отходившей от Фима в большом расстройстве, и с дивизиями II-го кав. корпуса, следовавшими к Шермизи.

ния о силах и группировке неприятельских войск на северном берегу Эна. Тем не менее, войска ген. Цвеля достигли в этот день безусловно успешного результата: на виду у противника, они захватили, важные в тактическом отношении, высоты Шмэн-де-Дам и примкнули к левому флангу III-го корпуса, занимавшего расположение в районе Санси—Эзи[1]). Теперь необходимо было закрепить за собой захваченвые позиции, устроить на них войска и затем, совместно с левым флангом I-й армии, перейти в наступление.

Ночью ген. Цвель получил следующий приказ командующего VII-й армией (из Лаона, от 9 час. 30 мин. веч.): „XV-й корпус сегодня подходит к Лаону, а с утра 14 сентября будет наступать вдоль шоссе Лаон—Реймс, левее VII-го рез., для атаки противника, наступающего против правого фланга I-й армии; VII-й рез. корпус присоединяется к этой атаке". Итак, на следующий день левый фланг Цвеля должен был получить прочное обеспечение, почему уже все войска корпуса могли теперь обратиться в сторону противника, подходившего с юга; к тому же, командир III-го герм. корпуса, ген. Лохов, обещал начать завтра атаку на Вайи и Шавон.

Боевые действия 14 сентября: а) Наступление 6 й франц. армии на обоих берегах Уазы.

Несмотря на сопротивление, оказанное немцами на правом берегу Эна, французское командование все еще полагало, что неприятельские армии будут продолжать отступление к северу и что союзникам предстоит еще дальнейшее преследование. Директива французской главной квартиры от 13 сентября указывала армиям левого фланга движение вслед за противником: 6-й французской — западнее Уазы, а английской — между Уазой и Лаоном.

Вероятно, только подобными иллюзиями следует объяснить тот нерешительный характер, который приняли действия союзников в течение 14 сентября, когда ни французская главная квартира, ни отдельные армии на Эне не задавались каким-либо определенным маневром. Задуманному с 11 сентября обходному движению по правому берегу Уазы не было дано никакой ясной, конкретной цели, и небольшая группа французских войск, направленная туда, была предоставлена сама себе, не получая общего руководства. С другой стороны, наступление левого крыла 5-й франц. армии в разрыв между неприятельскими армиями, в районе Краона, велось далеко не с такой энергией и настойчивостью, которые соответствовали бы оперативной важности

[1]) 6-я дивизия—на Шмэн-де-Дам у Эзи, 5-я—южнее Санси, а 34-я бригада (Крэвеля)—между ними.

этого направления. В общем, получается впечатление, что французское командование не придавало большого значения тому или другому маневру против германских армий, полагая, что эти последние, продолжая свой отход, ускользнут из расставленных для них сетей, почему и не стоит терять для этого времени и сил; удобнее и легче—просто теснить врага везде, где возможно, постепенно освобождая от его войск отечественную территорию. В самом деле, какие задачи получили в этот день и чего достигли войска 6-й франц. армии, наступавшие по обе стороны Уазы против I-й германской, стоявшей в оборонительном положении на северном берегу Эна?

Западнее Уазы, кавалерийский корпус ген. Бриду продвинулся в северо-западные окрестности Розьера, имея по пути, в районе Руа — Шольн, небольшие бои с этапными частями противника и с 7-й герм. кав. дивизией, выдвинутой от Перона к Гаму [1]). Французская конница имела задачей обойти правый фланг I-й герм. армии, но, повидимому, не получила более определенных указаний — в каком именно направлении выполнять это обходное движение. Естественно, что три слабые кавалерийские дивизии едва ли могли рассчитывать на значительные результаты, предпринимая набег в далекий тыл противника, где, оторванные от своих войск, они рисковали встретиться со всякими неблагоприятными случайностями. Чего могли они достигнуть, устремляясь в совершенно пустое пространство, к среднему течению р. Соммы? И разве не лучше было бы для исхода боевых действий союзных армий на Эне, если бы эта конная масса свернула от Меньеле или Мондидье на Ласиньи, Нуайон и Шони, для непосредственной угрозы ближайшему тылу корпусов Клука, сохраняя связь с французской пехотой, наступавшей по правому берегу Уазы? Впрочем, последняя двигалась с изумительной медлительностью: вследствие путаницы в приказаниях, 37-я дивизия прошла в этот день только до Кодэна; 13-й корпус, высаженный из поездов у Крей, лишь собирался начать выдвижение своих войск в восточные окрестности Клермона. Поэтому, попытка угрожать правому флангу германских войск, укрепившихся на высотах за Эном, не дала пока никаких положительных результатов, и следовало думать, что она не даст таковых и в последующие дни.

К востоку от Уазы главные силы 6-й франц. армии, с утра 14 сентября, возобновили свои наступательные действия. 4-й корпус, как и накануне, должен был направиться

[1]) 7-я кав. дивизия была переброшена по железной дороге из VI-й герм. армии в Брюссель, куда прибыла 8 сентября; отсюда она была направлена походным порядком к югу и 13 сентября, через Камбрэ, достигла Перона.

к Уазе, чтобы, переправившись через реку и войдя в связь с 37-й дивизией, наступать к Ласиньи и Нуайону. Но уже около полудня он получил приказание оказать содействие левому флангу 7-го корпуса, задержанного противником у Отреша, что привело к большому замедлению в продвижении его обеих дивизий: к концу дня, 7-я дивизия оказалась растянутой от Байи на Уазе до Пюизлена, а 8-я — по-бригадно по обе стороны Уазы, в западных окрестностях Рибекура и юго-восточнее Пюизлена.

Обе рез. дивизии ген. Эбенера продвигались за правым флангом 4-го корпуса, не вступая в соприкосновение с противником, а 7-й корпус не мог преодолеть сопротивления германских частей IV-го рез. корпуса. На правом фланге 56-я рез. дивизия все еще оставалась на южном берегу Эна, а 55-я рез. и 45-я вяло наступали к линии Пали-Кюфи. Следовательно, наступление, предпринятое 6-й франц. армией в течение 14 сентября, окончилось полной неудачей: ее левый фланг, хотя и протянулся за Уазу, но не создал ни малейшей угрозы правому флангу Клука, а на всем остальном фронте ее войска были задержаны сильно укрепившимся противником. Только в районе Карльпона войска 4-го корпуса достигли небольшого местного успеха, потеснивши к северу 4-ю герм. кав. дивизию и правый фланг IX-го герм. корпуса, но этот успех нисколько не способствовал обходному маневру французов.

б) Бои по обе стороны уазоэнского канала.

Хотя к утру 14 сентября еще далеко не все войска английской армии собрались на северном берегу Эна, тем не менее, фельдм. Френч приказал начать общее наступление к позициям, занятым немцами на Шмэн-де-Дам. До полудня в долине реки стоял густой туман, сильно затруднявший ведение артиллерийского огня и приводивший к различным недоразумениям при развертывании и движении войск на поле сражения.

3-й англ. корпус наступал только одной 4-й дивизией, потому что 19-я бригада оставалась еще у Вениселя на южном берегу. Попытка этой дивизии продвинуться окончилась неудачей, вследствие сильного огня тяжелых батарей II-го герм. корпуса, задержавшего англичан на весь день у Круи. 2-й корпус атаковал с линии Вайи—Миси правый фланг III-го герм. корпуса (5-ю дивизию и 34-ю бригаду [1]): 3-я дивизия, наступавшая от Вайи прямо к северу, была охвачена противником справа и в беспорядке отброшена к реке, а 5-я, находившаяся левее, совсем не могла вы-

[1]) Эта бригада (ген. Крэвеля), принадлежавшая к составу 17-й дивизии, отходила с р. Урка вместе с войсками III-го корпуса.

двинуться и оставалась на месте. На южном берегу, в районе Вайи—Шасеми, попрежнему находилась 2-я кав. дивизия.

Несколько удачнее шли дела англичан на правом фланге их армии, где им пришлось наступать против слабых, утомленных форсированными маршами германских частей VII-го рез. корпуса, расположенных на растянутой и плохо укрепленной позиции. Здесь 1-й англ. корпус, имея справа 1-ю кав. дивизию, весь день вел разрозненные атаки на фронте Серни – Шавон; 2-я дивизия, еще продолжавшая переправу у Шавона, по частям наступала на Брей, но контр-атакой 28-й рез. бригады (13-й герм. рез. дивизии) после 2-х часов дня была оттеснена к реке [1]). В это время, 1-я дивизия, поддержанная на своем правом фланге спешенными частями конницы, успешно продвигалась на Серни и у последнего пункта захватила часть гребня Шмэн-де-Дам, занятого 27-й рез. бригадой противника. Это побудило немцев бросить во фланг англичанам, атаковавшим Серни, 25-ю рез. бригаду со стороны Брей. Но, вообще, положение правого фланга 14-й герм. рез. дивизии было очень тяжелым в течение всего этого дня; для того, чтобы дать ему возможность удержаться у Серни, пришлось направить сюда все, что было возможно из ближайшего тыла: только что прибывшие из Мобежа два батальона, совершенно расстроенную 25-ю ландв. бригаду и даже несколько маршевых рот пополнений, следовавших из Лаона в X-й корпус II-й армии. Несмотря, однако, на это, правому флангу 1-й англ. дивизии все же удалось в этот день удержать в своих руках захваченный участок Шмэн-де-Дам; у Пэси, в качестве резерва этой дивизии, осталась одна кав. бригада, а две остальных отошли вечером к Шавону.

Тем не менее, к ночи с 14-го на 15 сентября, положение английской армии, в общем, оказывалось не легким: армия была растянута на протяжении 30 кил., без резервов, прижатая к реке, на которой не было обеспеченных переправ, и имея тыл под действительным артиллерийским огнем противника. Но и положение немцев было настолько тяжелое и внушавшее германскому командованию серьезные опасения, что именно в этот день в германской главной квартире было решено: в случае, если бы I-я армия признала для себя невозможным удерживаться на Эне, отвести ее к северу, правым флангом к Ла-Фэру [2]). А так как эта армия сохраняла еще возможность сопротивляться натиску противника, то в действительности на этом участке фронта уже

---

[1]) 13-я рез. дивизия состояла из двух рез. бригад, 25-й и 28-й, а 14-я рез. дивизия — из одной кадровой (28-й) и одной рез. (27-й).

[2]) Между прочим, это было последнее оперативное распоряжение ген. Мольтке перед оставлением им своего поста.

установилось некоторое равновесие сил обеих сторон, при котором нельзя было ожидать в ближайшее время каких-либо крупных перемен в их взаимном положении. Но такие изменения еще были возможны далее к востоку, у Краона, где к немцам подходили с севера крупные подкрепления, а французы, захвативши, свободный пока от неприятельских войск, район Корбени—Сисон—Нэфшатель, могли предпринять какой-нибудь маневр в промежутке между двумя германскими армиями.

в) Бои в районе Краона.

Та обстановка, которая создалась к вечеру 13 сентября у Краона, заключала в себе серьезную опасность для положения немцев, как на правом берегу Эна, так и на эно-марнском канале. И хотя прибытие VII-го рез. корпуса на высоты Шмэн-де-Дам и сократило разрыв между I-й и II-й герм. армиями, но все же геройские усилия слабых частей ген. Цвеля сами по себе не могли еще устранить возможности прорыва крупных неприятельских сил в направлении на Амифонтен или Нэфшатель, а следовательно, и угрозы расколоть здесь германский фронт и отбросить правый фланг II-й армии за р. Сюип. Во всяком случае, к утру 14 сентября левый фланг Цвеля был еще совершенно открыт для ударов противника, и французские конные массы, проникшие накануне в район Сисон—Амифонтен и поддержанные пехотой 18-го корпуса у Корбени, уже грозно нависли над слабой германской бригадой, оборонявшейся у Краона.

Левофланговой группе 5-й франц. армии в этот день была дана следующая задача для действий на правом берегу Эна: в то время, когда 10-я кав. дивизия, ведя разведку к северу, должна была угрожать с тыла неприятелю, находившемуся у Краона, остальные войска этой группы должны были попытаться расширить прорыв между германскими армиями; для этого 18-му корпусу было приказано атаковать восточный участок Шмэн-де-Дам с юга и юго-востока, а двум кав. дивизиям (4-й и 8-й), в связи с рез. дивизиями ген. Валябрега,—наступать к востоку, в район Нэфшателя, против правого фланга II-й герм. армии.

С раннего утра дивизии 18-го франц. корпуса возобновили свое наступление. 35-я, занявшая Корбени своими передовыми частями еще накануне, теперь подвела сюда более крупные силы и начала продвигаться к Краону. Одновременно с этим, 36-я дивизия повела атаку с юга на Краонель, а 38-я—на Юртебиз. Такое концентрическое наступление превосходных сил французов вынудило 28-ю герм. бригаду, занимавшую атакованный участок, покинуть его и к 3-м часам дня отойти к Буконвилю; французы заняли оставленные противником селения, захвативши, таким образом,

значительную часть гребня Шмэн-де-Дам. В это время германская конница выполняла задачу по обеспечению левого фланга и тыла германских войск, занимавших краонский район: 9-я кав. дивизия прикрывала левый фланг 14-й рез. дивизии между Обиньи и Корбени, а гвардейская и 2-я повели наступление к востоку, против неприятельской кавалерии, находившейся между Сисоном и Амифонтеном.

Между тем, в 1-м часу дня обнаружилось приближение к полю сражения, подходившего от Лаона, XV-го герм. корпуса: головные части 39-й герм. дивизии показались на дороге, ведущей из Обиньи в Корбени. Командир XV-го корпуса ген. Деймлинг в 11-м часу утра получил приказание от командующего VII-й армией развернуть свои войска левее VII-го рез. корпуса и овладеть Корбени. Для атаки этого селения он назначил 39-ю дивизию, в некотором расстоянии за которой, по той же дороге, шла и другая, 30-я, дивизия этого корпуса. Поведя решительное наступление на Корбени, головная дивизия заняла его к 2-м часам дня. Постепенно подходившие германские войска стали развертываться влево, в сторону Амифонтена, что поставило в очень опасное положение 10-ю франц. кав. дивизию; теснимая с запада германской конницей и угрожаемая с юга германской пехотой, которая могла отрезать ее от остальных французских частей, она была вынуждена быстро отойти на Амифонтен и далее к юго-западу. Следовательно, своевременное прибытие к полю сражения головных частей XV-го герм. корпуса спасло положение в районе Краона; хотя захваченный французами участок Шмэн-де-Дам, от Юртебиза до Краона, и остался в их руках, но зато, угрожавшая левому флангу VII-го рез. корпуса опасность быть охваченным с трех сторон, смятым и отброшенным в сторону Лаона, уже была устранена. К вечеру обе дивизии XV-го герм. корпуса утвердились в Корбени и на высотах к юго-востоку от этого селения и хотя между внутренними флангами обоих корпусов VII-й армии и оставался разрыв у Краона, занятый неприятелем, но такое положение не являлось опасным для немцев, в виду общего успеха их наступательных действий в этом районе.

Еще неудачнее для французов развивались боевые действия в районе Нэфшателя. Здесь, с целью обеспечения правого фланга II-й герм. армии и сближения с подходившими войсками VII-го рез. и XV-го корпусов, ген. Бюлов приказал перебросить, утром 14 сентября, часть сил VII-го корпуса на правый берег Эна. А так как в то же время 4-я и 8-я кав. дивизии противника начали свое наступление у Амифонтена и Прувэ, опираясь на резервные дивизии, находившиеся между Ювинкуром и рекой, то немцы встретили между Нэфшателем и Прувэ сильные неприятельские

кавалерийские части, а у Агилькура правый фланг 14-й герм. дивизии оказался угрожаемым с того берега французской пехотой. Переброшенные через Эн германские войска были не в силах продвинуться и перешли к обороне. Это вынудило Бюлова направить сюда все свободные резервы с ближайших участков фронта и образовать из них сводную дивизию ген. Штейнмеца, приказавши ей утвердиться на правом берегу у Нэфшателя и затем наступать к западу.

Около полудня к Вармеривилю подошел XII-й герм. корпус, переданный накануне из III-й армии во II-ю; тотчас же этому корпусу было приказано выделить в распоряжение ген. Штейнмеца всю свою конницу и возможно больше артиллерии. Благодаря всем указанным мерам, удалось к 2-м часам дня оттеснить французскую кавалерию к северо-западу и утвердиться на высотах южнее Прувэ.

Неудача, постигшая в боях этого дня все три дивизии французского кав. корпуса Конно, привела французское командование еще днем к решению убрать свою конницу с правого берега Эна, потому что с появлением новых частей германской пехоты у Корбени и восточнее, а также с занятием неприятельскими войсками района Прувэ—Нэфшатель, для этой конной массы уже не оставалось здесь никаких предметов для действий. В виду этого, дивизиям было приказано отойти за р. Эн. Еще засветло, оставивши на северном берегу небольшие отряды для разведки и связи с пехотой, они переправились через реку (10-я—у Мэзи, 4-я—у Понтавера и 8-я—у Бери-о-Бака) и расположились на ночь между Мэзи и Брей. В то же время обе рез. дивизии ген. Валябрега (53-я и 69-я), хотя и оставались в оборонительном положении между Ювинкуром и рекой, но своим огнем с того берега, сильно поражали во фланг 14-ю герм. дивизию, расположенную от Бримона до Агилькура; понеся большие потери, последняя должна была к ночи откинуть назад свой правый фланг.

На 15 сентября ген. Бюловым были сделаны следующие распоряжения: корпусам II-й армии приказано закрепляться в занятом ими расположении; XII-му корпусу—с утра перейти р. Эн у Нэфшателя и наступать через Прувэ к западу; отряду ген. Штейнмеца—захватить переправы у Бери-о-Бака и Понтавера. После этого, XII-й корпус должен был перейти в состав VII-й армии, получившей задачу отбросить противника за реку. Ночью было получено сообщение из главной квартиры, что в распоряжение ген. Бюлова из IV-й армии отправлен XVIII-й корпус, который 15-го подойдет к Мон-сен-Реми; ему послано приказание следовать далее через Нефлиз к Нэфшателю. Следовательно, на следующий день правый фланг II-й герм. армии получал крупное подкрепление, которое давало надежду, что кризис гер-

манского правого крыла, столь упорный и так долго беспокоивший германское командование, разрешится, наконец, благоприятно дла немцев.

Пока происходили указанные выше события на Эне, на остальных участках 5-й франц. армии лишь кое-где велись незначительные бои местного значения.

Ночью с 14-го на 15 сентября, по получении во французской главной квартире донесений о боевых действиях левофланговых армий, французское главное командование, наконец, поняло, что бои на Эне ведутся не с арьергардами противника, а со всеми силами германского правого фланга. Это привело ген. Жоффра к решению прекратить на следующий день наступательные действия и приказать армиям закрепляться на захваченных ими рубежах.

Боевые действия 15 сентября.

Тем не менее, в течение 15 сентября левофланговые союзные армии еще продолжали разрозненные попытки сдвинуть противника с занятых им позиций. С своей стороны немцы почти везде ограничивались отражением неприятельских атак и только в одном небольшом районе, между Краоном и Нэфшателем, где разрыв в германском фронте еще не был вполне закрыт, они вели в этот день наступление.

Французский кав. корпус ген. Бриду устремился двумя своими дивизиями к Перону, где противника не оказалось; одна его дивизия продвигалась от Руа на Нуайон, с целью сохранить связь с частями 6-й франц. армии, действовавшими на Уазе. В окрестностях Нуайона она столкнулась с 7-й герм. кав. дивизией, поддержанной пехотой IX-го рез. корпуса, уже подходившего сюда своими головными частями от Сен-Кентена; одна бригада этого корпуса в 4 часа дня выступила из Нуайона через Семпиньи к Карльпону для поддержки правого фланга I-й герм. армии [1]).

Между тем, 37-я франц. дивизия, усиленная, находившейся в окрестностях Рибекура, пехотной бригадой 4-го корпуса, с утра повела наступление с правого берега через Байи и в течение дня, без сопротивления противника, достигла Карльпона; к ночи она продвинулась, с небольшими боями, к Кюту, охватывая правый фланг IX-го герм. корпуса [2]). Главные силы 4-го корпуса атаковали немцев с юга, в районе Траси-ле-Мон—Нампсель, но не имели успеха. Головная дивизия 13-го корпуса подошла в этот день к Туроту. На остальных участках 6-й франц. армии боевые действия в этот день не возобновлялись.

---

[1]) О IX рез. корпусе см. стр. 148.

[2]) У Шони в это время находилась 4-я герм. кав. дивизия, охранявшая тыл I-й герм. армии и переправы на Уазе.

На фронте английской армии велись небольшие бои с целью улучшения местных тактических условий, но взаимное положение сторон оставалось здесь, в общем, неизменным; англичане закреплялись на занятых рубежах, наводили мосты на реке, подтягивали к позициям свою артиллерию и вели энергичную воздушную разведку [1]).

Далее к востоку, в районе Краона и Нэфшателя, бои приняли с утра 15 сентября весьма оживленный характер. Вынужденные убрать отсюда свою конницу, французы решили, однако, удерживать здесь своей пехотой занятое ими накануне расположение, рассчитывая, повидимому, воспрепятствовать противнику сомкнуть внутренние фланги своих армий и закрыть брешь, еще остававшуюся между рекой и краонским плато. С этой целью, 18-му корпусу было приказано удерживать фронт от Ювинкура на Краон до Юртебиза, что оказалось в данных условиях весьма затруднительным, в виду наступления от Нэфшателя и Прувэ крупных германских сил, отчасти бравших во фланг указанную выше линию. Здесь наступали: отряд ген. Штейнмеца, потеснивший к Бери-о-Баку французские рез. дивизии, находившиеся на правом фланге 18-го франц. корпуса, и обе дивизии XII-го герм. корпуса (23-я—продвигавшаяся к Понтаверу, и 32-я—вошедшая в связь с левым флангом XV-го корпуса к северу от Ювинкура). Этой пехоте содействовала конница: гвард. дивизия—между Корбени и Ювинкуром, а 2-я—у Прувэ [2]).

Успехи, достигнутые к 2 часам дня немцами, создали неблагоприятную обстановку для 18-го франц. корпуса, почему командующий 5-й франц. армией приказал последнему восстановить положение на своем правом фланге, поведя атаку от Понтавера на Прувэ. Для усиления атакующих войск, в распоряжение командира корпуса были переданы две бригады пехоты от 1-го и 10-го корпусов. В то же время, 4-я и 8-я кав. дивизии должны были расположиться на южном берегу у Понтавера и Бери-о-Бака в готовности содействовать пехоте. Но на передвижение всех этих частей потребовалось столько времени, что в этот день нельзя было и думать о наступлении. А германские войска уже стояли сплошным фронтом от Шмэн-де-Дам на Краон и Ювинкур до р. Эна (немного севернее Бери-о-Бака). Таким образом, к вечеру 15 сентября разрыв между германскими армиями был, наконец, закрыт и, судя по количеству направленных сюда немцами сил и энергии их наступления, прочно закрыт.

---

[1]) Здесь в этот день, впервые в эту войну, летчиками были определены, отмечены на картах и сфотографированы места расположения неприятельских батарей.

[2]) 9-я кав. дивизия была отведена в тыл для отдыха.

В общем, победа в этот день осталась за немцами и в итоге трехдневных боев, веденных в районе Краона, прорыв англо-французских войск между I-й и II-й герм. армиями был предотвращен и натиск их в направлении к Лаону остановлен. С этих пор союзники переходят, не только в этом районе, но и на всем занятом ими фронте, к оборонительным действиям и к прочному закреплению за собой тех позиций, которые им удалось захватить к вечеру 15 сентября. На всем участке р. Эна, от устья до Бери-о-Бака, они удержались на правом берегу, что представлялось для них существенно важным на случай дальнейшего продвижения к северу, потому что, остановленные упорным сопротивлением врага на южных склонах высот, сопровождающих долину реки, они все-таки не теряли надежды овладеть ими полностью. В рядах союзных армий никто, конечно, не допускал в то время, что этим надеждам не суждено будет осуществиться в течение четырех долгих лет упорной, неустанной борьбы.

Последние успехи германцев на правом берегу Эна завершили собой длинный ряд боевых действий, имевших целью разрешить кризис германского правого фланга, создавшийся в результате маневра на Марне. Наступление XII-го герм. корпуса между Краоном и рекой закрыло последнюю трещину в германском фронте, в которую пытались проникнуть крупные силы 5-й франц. армии. С ликвидацией этого кризиса закончилось и сражение на р. Эне; хотя в последующие дни боевые действия в районе Краона и велись еще, иногда даже весьма оживленно, но теперь уже они не были объединены каким нибудь общим оперативным замыслом и имели преимущественно местный характер.

4. Оценка боевых действий сторон после сражения на Марне.

Характерные особенности действий германцев.

Так закончилось отступление германских армий с р. Марны, создавшее для обеих сторон совершенно новое положение между Уазой и Маасом; отступление, которое столь искусно вывело эти крупные массы германских войск из огня и сутолоки необъятного поля сражения. Два явления, два момента в этой операции особенно привлекают внимание исследователя: во-первых, та легкость, с которой германцам удалось прекратить бои на Марне и оторваться от противника, и во-вторых, попытка германского главного командования видоизменить, путем запоздалого маневра, обстановку, сложившуюся в результате неудачи, постигшей правофланговые германские армии.

Какие же обстоятельства дали возможность немцам так легко осуществить свое отступление? Несомненно, что, помимо их уменья организовать и выполнять различного рода передвижения, перегруппировки и маневры, этому в высокой степени способствовали тактические успехи, достигнутые германскими армиями в боях 6 - 9 сентября. Превосходство в тактическом положении на поле сражения значительно облегчало германским войскам переход из боевых порядков в походные колонны и на некоторое время скрывало от противника уже начавшееся отступление. Союзники почти целые сутки бездействовали в некоторых районах, ожидая германских атак, в то время, когда немцы, даже в своих арьергардах, уже полным ходом двигались к северу. Вообще, необходимо отметить большое искусство, обнаруженное германскими войсками при выполнении демонстративных ударов, имевших целью не столько материально ослабить противника, сколько ошеломить его, подавить его моральные силы, привести его к временному бездействию. Главным образом этому искусству обязана I-я герм. армия благополучным выходом своих расстроенных, изнуренных и перемешанных войск из-под ударов 6-й франц. армии.

Но если так легко оказалось увести эти войска из пределов боевого соприкосновения с противником, то следовало ли из этого, что столь же успешно может быть выполнен широкий маневр для возвращения этим армиям способности к наступлению? Повидимому, ген. Мольтке рассчитывал на такую возможность, когда 11 сентября делал распоряжение о переходе в наступление III-й, IV-й и V-й армий. Следует думать, что если бы германская главная квартира активно участвовала в руководстве операциями в дни 6—9 сентября, то, по всей вероятности, сохраняя живую связь с войсками, она чувствовала бы в этот момент невозможность внести какое-нибудь существенное изменение в обстановку. Но оставаясь в стороне от оперативной деятельности своих армий в течение всего сражения на Марне, германское главное командование считало, что достаточно теперь вмешаться в распоряжения командующих армиями и наметить тот или другой маневр, чтобы шансы на успех отступавшего правого крыла значительно возросли. Однако, почти непосредственно вслед за тем, как было принято такое решение, наступила и реакция: оказалось, что изменить обстановку таким способом и в столь короткий срок невозможно. Если IV-я и V-я армии и до этих пор с трудом преодолевали сопротивление французов и едва продвигались на рейно-марнском канале и в Аргонах, то тем более нелегко было им наступать теперь, когда по всему фронту противника уже пронеслась радостная весть о победе; и если крупный успех, достигнутый III-й армией 8—9 сен-

тября в районе Фэр-Шампенуаза, не мог быть тогда же использован для интересов правофланговых армий, то чего хотели достигнуть теперь, приказывая этой армии возобновить наступление в гораздо худших условиях?

Некоторые немецкие исследователи считают приказ Мольтке об отступлении всех германских армий полумерой, объясняемой упадком духа и неспособностью главного командования к принятию смелых решений в новой, осложнившейся обстановке. Но имелись ли в объективных условиях последней какие нибудь факторы, которые благоприятствовали бы проведению в жизнь подобных решений? Имелись ли для этого под рукой необходимые резервы? Возможна ли была быстрая переброска войск из южных армий в район расположения главных германских сил? Все еще имея плохо налаженную связь с армиями, не будучи в состоянии, вследствие неустройства тыла, снабдить их потребным количеством пополнений и снабжения, германское главное командование было бессильно осуществить в это время какой либо смелый и решительный маневр для выручки своих правофланговых армий. И поэтому, общее отступление на всем фронте между Уазой и Маасом являлось мерой единственно целесообразной, дававшей германским армиям возможность уйти на некоторое расстояние от противника, изменить местами группировку своих сил и приобрести свободу действий для подготовки к дальнейшим операциям.

Боевые действия союзников.

В действиях союзников, в период преследования ими отступавших германцев, обращает на себя внимание, главным образом, постановка оперативных целей французским главным командованием. Я уже говорил на предыдущих страницах этой главы, что в задачах, дававшихся союзным армиям, отсутствовало указание на какой нибудь определенный маневр, вероятно, вследствие того, что французская главная квартира упорно рассчитывала на продолжительное отступление противника. Впрочем, открытый правый фланг германского фронта уже привлекал к себе взоры французского главного командования, полагавшего, что угроза этому флангу может облегчить фронтальное преследование и способствовать более быстрому отходу неприятельских армий. Однако, последние вскоре прекратили свое отступление, а угроза французов их правому флангу не имела существенного значения, вследствие недостатка сил, которые могли быть переброшены ими на западный берег Уазы. Поэтому переоценка французским главным командованием результатов своей победы на Марне привела его к неправильному представлению о характере предстоявших операций и к постановке армиям оперативной цели, лишенной в те дни реального значения.

Но ошибка французской главной квартиры не ограничивается одним этим; она захватывает собой решение еще другого вопроса, может быть, даже более значительного, чем первый. Разрыв между I-й и II-й германскими армиями, образовавшийся на Марне и послуживший главной причиной их отступления, сохранялся и при движении этих армий к Эну и в течение почти всего сражения на этой реке. Следовательно, то опасное положение германского правого крыла, которое оказало такое роковое влияние на исход важнейшего сражения этой кампании и дало новое направление последующим событиям, оставалось почти неизменным в продолжение целой недели. Поэтому необходимо признать, что ликвидация этого положения для немцев, а оперативное его использование для союзников являлись задачами первостепенного значения, тесно связанными с широкими интересами обоих противников; эти задачи не могли быть делом той или другой частной армии, того или другого боевого участка, они должны были составлять заботу высшей командной власти, которая одна лишь была в состоянии найти необходимые для них средства и указать приемы их применения, соответствующие обстановке. Что же мы видим в этом отношении в деятельности обоих главных командований?

Германцы обнаруживают постоянный интерес к этому больному для них вопросу и проявляют неустанную заботливость о скорейшем его разрешении; почти в каждой директиве, с которой их главное командование обращается к армиям в дни 10—15 сентября, заключается или указание на необходимость покончить с этой опасностью, или предлагаются меры для устранения ее. Действия и движения обеих правофланговых армий направляются в интересах этой первостепенной задачи, в промежуток между этими армиями бросаются все имеющиеся под рукой резервы, наконец, выполняется переброска двух корпусов из III-й и IV-й армий к правому флангу II й. И конечно, только благодаря такому отношению к этому вопросу, удается благополучно изжить это трудное положение.

Наоборот, французское главное командование совершенно пренебрегает мерами по использованию этого кризиса в оперативных интересах своих армий: ни в одном его распоряжении мы не находим и намека на то значение, которое должно было иметь для союзных войск движение в разрыв между неприятельскими армиями. И поэтому, использование этой бреши в германском фронте становится у союзников делом инициативы частных начальников. Любопытно отметить, что даже в приказах командующего 5-й франц. армией, на ответственности которого находилось это важное направление, оперативное значение последнего выявлено

весьма слабо. Правда, войска направлялись сюда, но только те, которые сами собой оказывались на этом участке. Лишь в последний день энского сражения, когда брешь уже закрывалась, армейское командование спохватилось и стало направлять сюда подкрепления с других боевых участков, как бы решившись, наконец, придать этой операции более широкий характер. Но то, что могло быть достигнуто лишь настойчивой заботой главного командования в течение нескольких дней, конечно, не могло быть выполнено этой запоздалой импровизацией.

Эта крупная ошибка привела к тому, что в район Краона были направлены недостаточные силы союзников, наступавшие к тому же не вполне энергично. Французская конница, легко прорвавшаяся к северу, не имела пехотной поддержки, почему и не могла удержать захваченного и была вынуждена быстро отойти обратно за Эн; между тем, если бы заблаговременной группировкой войск английской и 5-й франц. армий, вслед за конницей были направлены 3—4 пехотные дивизии, то едва ли VII-й рез. и XV-й герм. корпуса успели бы занять то выгодное положение, в котором они оказались к 14 сентября. Только вялым наступлением 1-го английского и 18-го франц. корпусов может быть объяснено то обстоятельство, что четырем слабым бригадам ген. Цвеля, расстроенным форсированными маршами, удалось так быстро овладеть высотами Шмэн-де-Дам и образовать первое звено в той живой цепи, которая прочно связала собой обе правофланговые германские армии. А ведь своевременное занятие союзниками краонского плато и продвижение их на Сисон могло бы разобщить I-ю герм. армию от остального германского фронта и создать для немцев обстановку весьма схожую с той, которая вынудила их покинуть берега Марны.

Оценка сражения на р. Эне.

Что касается собственно действий обеих сторон в сражении на р. Эне, то необходимо раньше всего отметить проявленную немцами способность быстро ориентироваться в обстановке и с бесповоротной решительностью приводить в исполнение задуманное. В этом отношении особенно выделяются действия VII-го рез. корпуса, заслуживающие весьма высокой оценки. Армия Клука тоже с большим искусством вела активную оборону правобережных высот, положивши здесь предел неприятельскому наступлению. Союзники же не обнаружили в этом сражении уменья использовать тяжелый для противника момент перехода от отступательного движения и арьергардных боев к активным действиям.

Сражение на р. Эне, представляющее собой заключительный акт германского отступления, имеет большое стратеги-

ческое значение; благодаря сопротивлению, которое было оказано здесь немцами, германские армии вернули себе свободу действий и стратегическую инициативу для последующих операций. Кроме того, это сражение легло резкой разграничительной чертой, раздельной гранью между двумя периодами этой кампании: периодом широких маневренных операций, завершившихся отступлением немцев к р. Эну, и периодом менее решительных, более ограниченных действий, наступивших непосредственно вслед за этим.

Теперь, в своем новом расположении, обе стороны были вынуждены перейти к обороне: союзники уже выдохлись в своем победоносном порыве, а немцы еще не могли собраться с силами для перехода в наступление. Но чем дальше затягивалась эта вялая, нерешительная борьба, тем глубже зарывались обе стороны в землю, тем прочнее закреплялись они на занятых ими позициях, и тем больше утрачивали они способность к маневренным действиям. И с тех пор фронт между Уазой и Маасом постепенно как бы застывает, твердеет, и война принимает здесь неподвижный, позиционный характер. На фронте южных армий, под стенами французских крепостей, такой характер боевых действий установился уже на несколько дней раньше, вскоре после общего отступления 1-й и 2-й франц. армий и неудачи германцев в сражении у Нанси [1]). И постепенно мертвящие, тяжелые оковы позиционной войны охватывали новые участки фронта, и позиции обеих сторон росли и крепли, точно гигантские плотины, предназначенные стать преградой для набегающих волн.

Первые признаки материального истощения сторон.

Установлению этой новой формы борьбы способствовало, главным образом, уже начинавшееся материальное истощение обоих противников, первые признаки которого ясно обнаружились при их движении к северу и в особенности в боях на р. Эне. Весьма подвижной характер боевых действий в течение первого месяца войны, затруднявший устройство тыловых сообщений, не давал возможности организовать доставку в армии пополнений и всякого рода снабжения. В этом отношении в более тяжелых условиях находились немцы, имевшие и более длинную коммуникационную линию, пролегавшую на значительном протяжении по неприятельской территории, и большое количество разрушенных железных дорог в тылу. В ряду всевозможных материальных недостатков, уже дававших себя чувствовать в эти дни, недостаток в огнестрельных припасах

[1]) Об этом сражении, происходившем в первых числах сентября, будет сказано в следующей главе.

представлялся наиболее зловещим. Уже в некоторых боях артиллерия, в особенности в германских и английской армиях, должна была соблюдать необычную экономию в расходовании снарядов. В таких условиях, в ожидании доставки артиллерийских припасов, необходимо было ограничивать свои оперативные замыслы и не выходить из пределов оборонительных действий [1]).

В результате боев, веденных в течение 13—15 сентября, на фронте между Уазой и Маасом установилось некоторое равновесие сил и стратегического положения сторон; поэтому, как только явилась возможность перейти к активным действиям, обе стороны стали искать решения на своих открытых флангах, где еще оставался большой простор для маневра, где обстановка еще могла представить удобные условия для достижения решительного оперативного превосходства над противником. Об этих операциях на флангах, об этих попытках обеих сторон найти себе новое поле для маневренных действий я буду говорить в одной из следующих глав.

Кризис германского главного командования.

Перелом в характере и приемах борьбы на французском фронте сопровождался для немцев крупной переменой в их главном командовании. Из той характеристики, которая была дана мною ген. Мольтке в первом томе настоящего сочинения [2]), уже видно, что неудача, подобная той, которая постигла германские армии на Марне, должна была произвести потрясающее впечатление на эту неустойчивую, полную колебаний и сомнений, натуру. И действительно, больной физически и слабый духом, Мольтке оказался не в силах проявить в этой сложной и опасной обстановке того могучего напряжения воли, которое так необходимо было для подавления охватившего его душу уныния и для поддержания в себе веры в возможность успеха в будущем. Его поездка по армиям, в которой, повидимому, он думал обрести недоставшие ему моральные силы, привела его лишь к отрицательным результатам. Мог ли он, при своей болезненной впечатлительности и глубоком пессимизме, воспринять среди отступавших армий настроение, способное укрепить его слабую волю и успокоить объятую отчаянием душу? Что мог он сам дать своим ближайшим сотрудникам при личной беседе с ними в этой тревожной обстановке, в которой впервые в этой кампании оказались германские начальники? Подобные поездки могут приводить к благоприят-

[1]) По вопросу о материальном истощении сторон, в его общем значении для всей кампании, я буду говорить более подробно в последней, заключительной главе этого тома.

[2]) См. том I, стр. 111.

ным результатам лишь в том случае, если вождь, прибывши к войскам, не только получает в их рядах впечатления, возбуждающие его душу, но и сам в состоянии оказать на них ободряющее и освежающее воздействие, вдохнуть в них доверие к своим силам, укрепить их дрогнувшие сердца призывом к мужеству и надеждой на победу.

Мольтке вернулся в главную квартиру еще более подавленный духом, еще более немощный телом, чем до этой поездки. Повидимому, уже ничто не могло восстановить его душевных и физических сил и направить его мысли в русло широких оперативных замыслов [1]). 14 сентября император освободил его от обязанностей начальника генерального штаба и начальника штаба верховного главнокомандующего; и в тот же день на его место был назначен германский военный министр ген. Фалькенгайн. С появлением во главе германской главной квартиры нового идейного руководителя, естественно, следовало ожидать и нового направления событий; тем более, что с постепенным замиранием боевых действий к востоку от р. Уазы, германские армии стояли теперь на перепутьи: ясно чувствовалось, что операции уже не могут продолжаться на прежних направлениях и для достижения прежних целей, а должны быть перенесены в новые районы театра военных действий, должны принять какие-то новые формы, должны получить другие, может быть, уже менее решительные задачи.

Характеристика личности ген. Фалькенгайна является делом несколько более трудным, чем его предшественника на посту начальника германского генерального штаба. До сих пор еще мнения о нем, как о полководце, сильно расходятся между собой, в зависимости от того—принадлежат ли они лицам, являющимся его сторонниками, или высказываются его идейными противниками, возглавляемыми Гинденбургом и Людендорфом. Его личность не дает нам такого цельного, ясного, как хрусталь прозрачного образа, каким представляется нам Мольтке. Многое в ней остается до настоящего времени загадочным, начиная с самого факта назначения Фалькенгайна на этот пост, в сущности говоря, мало связанный с его предшествовавшей деятельностью. Обладая светлым умом, сильной волей и способностью рас-

[1]) В заключительной главе четвертого тома германской официальной истории войны (Der Weltkrieg 1914 bis 1918, т. IV, стр. 533—541) приведены очень интересные сведения и соображения о военной карьере ген. Мольтке в мирное время и о выработанных им взглядах на ведение войны; по мнению немецкого автора, эти данные дают возможность объяснить происхождение характерных особенностей его полководчества и основные черты его душевного строя.

познавать людей и пользоваться ими, он тем не менее никогда не поднимался до уровня великих решений и всегда оставался в своей деятельности в области полумер. Может быть, это вызывалось тем обстоятельством, что он был сравнительно молод по службе: он был моложе чином не только всех командующих армиями, но и всех командиров корпусов; кроме того, он не занимал никогда ни высокого командного поста, ни крупной должности в генеральном штабе, почему и не пользовался авторитетом среди высшего командного состава и, вероятно, при проведении в жизнь своих предположений, встречал много трудно преодолимых трений вокруг себя. В своих взглядах на ведение войны, руководство которой было вверено ему на условиях вполне самостоятельных, он являлся оригинальным среди окружавших его военных деятелей, мало понимавших его и часто открыто не сочувствовавших ему. Он был убежденным сторонником необходимости вести борьбу с крайним напряжением сил на французском фронте и только здесь искать окончательного решения; однако, в течение двухлетнего пребывания на своем высоком посту, он не сумел дать операциям направления, соответствующего этому взгляду, постоянно побуждаемый, какой-то раздвоенностью своей натуры, к уступкам, противным своим убеждениям. Во всяком случае, все, что мы знаем теперь о Фалькенгайне, дает нам право сделать заключение, что, при многих высоких качествах своего ума и характера, он все-таки не был тем полководцем, который нужен был Германии для того, чтобы извлечь максимальную пользу из ее образцовой военной организации и наилучшим образом использовать на полях сражений такой превосходный боевой аппарат, каковым еще была в то время германская армия.

V. Боевые действия в Лотарингии и в Вогезах.

(Схемы №№ 9 и 12).

Обстановка на фронте южных армий к 5 сентября.

Одновременно с тем, как главные силы обеих сторон вели борьбу на берегах Марны и Эна, боевые действия, попрежнему, продолжались, то разгораясь, то утихая, и на линии французских восточных крепостей. С первых чисел сентября оба противника приступили к переброске крупных сил из Лотарингии и Вогезов на запад, в район главных операций, что вынуждало остававшиеся на этом фронте войска занимать сильно растянутые позиции, постепенно ослаблять здесь боевое напряжение и переходить к пассивно-оборонительным действиям; первые признаки позиционной войны появились именно здесь, в эти дни, раньше всего в Вогезах, а затем и на различных участках Лотарингии. Но до тех пор, пока судьба германского наступления на западе еще не была решена сражением на Марне, южные армии обоих противников должны были, тем или другим способом, содействовать решению этого важнейшего вопроса кампании.

Находясь в большинстве случаев в незначительном удалении друг от друга и деятельно укрепляясь на занятых ими позициях, противники занимали 4 сентября в Вогезах групповое расположение по линии Дамеркирх—Танн—Бонном, а далее к северо-западу образовали почти сплошной фронт по р. Мерте до Этиваля, затем на Сен-Бенуа и Баккара, Ксафевилер, Жербевилер и Фрембуа, вдоль р. Мортани до впадения ее в Мерту, а севернее этой последней—на Арокур и Сэр, Шаппену, Аманс и Монсель. Внутренние фланги 1-й и 2-й франц. армий сходились у Розельера, а VI-й и VII-й германских—у Ксафевилера; впрочем, уже на следующий день, с выходом из фронта крупных германских частей VII-й армии для переброски на запад, участок VI-й протянулся до вогезских гор. В верхнем Эльзасе, попрежнему, находился небольшой германский отряд ген. Гедэ.

В этом положении противники получили следующие задачи: обе франц. армии — исключительно оборонительную, с целью удерживать на своем фронте возможно большее

количество неприятельских сил [1]); VI я и VII-я германские — наступательную, первоначально данную им директивой от 27 августа, затем дополненную приказанием главного командования от 31 августа и окончательно подтвержденную в директиве от 4 сентября. Задача германских армий заключалась в наступлении к р. Мозелю между Тулем и Эпиналем, с атакой правым флангом укрепленного города Нанси. Для этой последней цели были назначены войска группы ген. Гебсателя, при чем входившие в ее состав корпуса были подчинены теперь непосредственно командующему армией. В эти корпуса назначено около 280 тяжелых орудий: 13-сант. пушки, 15-сант. гаубицы и 21-сант. мортиры. К 4 сентября III-й баварский корпус продвинулся немного к северу, с целью атаковать на участке Шаппену — Арокур; справа от него находился эрзац.-рез. корпус, имея за своим правым флангом, у Дельма, армейскую конницу (7-ю и баварскую кав. дивизии) [2]); слева — I-й баварский рез. корпус и ландв. дивизия. Далее к юго-востоку, корпуса VI-й армии располагались в прежнем порядке, имея на левом фланге три корпуса VII-й.

Укрепления Нанси состояли, главным образом, из обширной передовой позиции Гран-Куронэ, проходившей по дугообразной цепи возвышенностей, командующих долиной р. Сейля; эта позиция начиналась у слияния р.р. Санона и Мерты и шла на Аманс к Сент-Женевьеву, где упиралась в р. Мозель. Для ее непосредственной обороны были назначены четыре рез. дивизии (59-я, 64-я, 68-я и 73-я); впереди, на обоих берегах р. Санона и далее на участке Арокур — Ремеревиль, находился 20-й корпус с 70-й рез. дивизией, а южнее, по левому берегу Мортани до Жербевилера, — 16 й корпус с 74-й рез. дивизией.

Из указанного здесь взаимного положения сторон в районе Нанси мы видим, что правофланговой группе VI-й герм. армии предстояло вести бои со всей 2-й французской, полукольцом охватившей своими войсками этот укрепленный район. Эти бои, начавшиеся с вечера 4 сентября и продолжавшиеся до 8-го включительно, известны под названием сражения у Нанси.

---

[1]) Для этих армий оставались неизменными общие указания, данные им в директиве французской главной квартиры от 25 августа. Они были подтверждены ген. Жоффром в следующих словах телеграммы, отправленной им ген. Дюбайлю и Кастельно утром 6 сентября: „Наши главные силы завязали с противником генеральное сражение, в котором ваша армия, за дальностью расстояния, не может принять участия. Я нахожу желательным, чтобы вы удерживали свои нынешние позиции до окончания этого сражения“ (Général de Castelli. Le 8-e Corps en Lorraine. Août-Octobre 1914, стр. 144).

[2]) 8-я (саксонская) кав. дивизия еще 30 августа была отправлена на восточный (русский) фронт; 7-я же 5 сентября получила приказание об отправлении в Бельгию (об этом см. стр. 147).

Сражение у Нанси, 4—8 сентября.

После полудня 4 сентября германские тяжелые батареи начали сильную бомбардировку французских позиций по обе стороны р. Санона, но главным образом севернее этой реки [1]). Кроме того, город Нанси подвергся бомбардировке с германских аэропланов. Вечером начались атаки германской пехоты III-го баварского и I-го баварского рез. корпусов на участке от Шаппену до р. Санона, против 39-й дивизии (20-го корпуса), 70-й рез. и бригады 68-й рез. дивизий; 5-я баварская дивизия атаковала между Шаппену и Ремеревилем, 6-я баварская — южнее Ремеревиля, а 1-я баварская рез. — далее до р. Санона. Пехотные бои продолжались почти всю ночь и сопровождались для немцев многими частными неудачами, беспорядком и крупными потерями. Тем не менее, к утру 5 сентября баварцам удалось местами оттеснить противника за линию Мэкс — Ремеревиль — Шаппену.

В то же время войска II-го баварского корпуса повели ночью наступление на р. Мортани, на французские позиции, занятые 16-м корпусом и 74-й рез. дивизией; отбросивши противника за реку, они захватили Жербевилер. Утром 5-го французам удалось, получивши подкрепление левофланговыми частями 1-й армии (из состава 8-го корпуса и 6-й кав. дивизии), вновь овладеть Жербевилером и восстановить свое положение на Мортани.

Что касается северного участка Гран-Куронэ, то хотя германская пехота (эрзац-рез. корпуса) постепенно и продвигалась между Амансом и Сент-Женевьевом, но не атаковала здесь; зато артиллерийская бомбардировка велась по этому участку французских укреплений не прерываясь и с прежним напряжением. Занимавшая этот участок 59-я франц. рез. дивизия едва держалась под этим огнем, имея в своем распоряжении для борьбы с неприятельской артиллерией лишь несколько легких батарей. После полудня, с усилением неприятельского артиллерийского огня по французским позициям у Сент-Женевьева, обнаружилось движение германской пехоты от Аманса к северу, что вызвало у французов опасение обхода Гран-Куронэ через Понт-а-Мусон. Между тем, и на остальных участках поля сражения французов преследовали неудачи: 68-я рез. дивизия была выбита из Шаппену, а 20-й корпус, получивший в 4 часа дня приказание командующего армией вернуть потерянные им позиции на р. Саноне, не мог добиться успеха и остался на месте. В общем, первые сутки боев в районе Нанси дали немцам целый ряд

[1]) Для того, чтобы составить себе представление о том, с каким напряжением велась эта бомбардировка, достаточно сказать, что одна из высот у Аманса (Гран-Мон-д'Аманс) получила в этот день 3.000 неприятельских тяжелых снарядов.

тактических успехов, но конечная цель, к которой стремилась VI-я герм. армия, оставалась еще очень далекой: позиция Гран-Куронэ, хотя и сильно изрытая германскими снарядами, все же стояла, попрежнему, вполне боеспособная, с непоколебленной обороной; ни одна из укрепленных высот, обороняемых французами, не была захвачена немцами, и даже там, где германской пехоте удавалось теснить противника, она продвигалась, главным образом, в промежутках между селениями, большинство которых продолжало оставаться в руках французов.

Очевидная трудность овладения укреплениями Нанси с фронта привела германское командование к решению попытаться обойти Гран-Куронэ с севера и повести наступление по левому берегу Мозеля. Для выполнения этой задачи были назначены дивизии эрзац-рез. корпуса, занимавшие левый берег р. Сейля между Монселем и Номени, и некоторые войсковые части гарнизона крепости Меца. Это обходное движение, как я уже говорил, началось 5 сентября, но лишь на следующий день оно приняло значительные размеры. 6-го, с 9 часов утра, германская пехота, под прикрытием сильного артиллерийского огня, повела наступление от Номени к Сент-Женевьеву, а затем около полудня войска, подошедшие по левому берегу Мозеля из Меца к Понт-а-Мусону, стали продвигаться к Дьелюару, занятому частями 73-й франц. рез. дивизии. Последние, взорвавши здесь мост, начали отходить к Нанси. Таким образом, французская позиция у Сент-Женевьева оказалась обойденной; после сильной бомбардировки, германская пехота в 8 часов вечера начала атаку этой позиции с севера и после упорного боя, несколько раз в течение ночи затихавшего и возобновлявшегося, на рассвете 7 сентября овладела ею. Французы отошли по правому берегу Мозеля на некоторое расстояние к югу.

Пока шла эта борьба на левом фланге укрепленного района Гран-Куронэ, с утра 6-го возобновились бои и на его правом фланге. Здесь 20-й франц. корпус вновь повел наступление с целью восстановить свое положение по обе стороны р. Санона и на этот раз уже более успешно: 70-я рез. дивизия слегка продвинулась у Ремеревиля, 39-я—вдоль р. Санона за Арокур, а 11-я—южнее реки. Далее к югу, 16-й франц. корпус (с 74-й рез. дивизией) наступал на правом берегу р. Мортани и, при содействии справа войск 8-го корпуса, выдвинулся на полпути к р. Мерте. Зато левее 20-го корпуса, на участке Аманс — Шанпену, 68-я рез. дивизия была вновь потеснена немцами.

Несмотря на некоторые успехи, достигнутые в этот день французами на правом фланге 2-й армии, положение укрепленного района Нанси к утру 7 сентября представлялось

все же опасным. Опасность заключалась не только в непосредственной угрозе противника городу и позиции Гран-Куронэ, а также и в том, что появление германских войск на левом берегу Мозеля могло привести к потере связи между укрепленным районом Туль — Нанси и Верденом. В виду этого, французское главное командование сообщило командующему 2-й франц. армией ген. Кастельно о необходимости не только держать прочную связь с Тулем, но и установить таковую с 15-м корпусом, находившимся в то время у Гондрекура, и с 65-й рез. дивизией, стоявшей за центром 3-й армии у Шомона [1]). С целью выполнения этого указания, ген. Кастельно в тот же день выслал к северу, к стороне Вёвра, для разведки в районе Сен-Мьеля, 2-ю кав. дивизию, стоявшую до тех пор в северо-западных окрестностях Жербевилера.

7 сентября немцы медленно продвигались по левому берегу Мозеля к Тулю, но, вообще, бои в этом районе не получили в тот день значительного развития. Более оживленный характер они имели на правом берегу, где германская пехота эрзац-рез. корпуса с утра повела наступление от Монселя к Амансу и вновь потеснила 68-ю франц. рез. дивизию; в то же время 5-я баварская дивизия отбросила 70-ю рез. на 1—2 килом. за линию Шаппену — Ремеревиль. Для того, чтобы облегчить положение этих дивизий, 20-му корпусу было приказано перейти в наступление на Ремеревиль, а 16-му удерживать находившегося перед ним противника. Однако, первому из них не удалось выполнить своей задачи, потому что уже с полудня 70-я рез. и 39-я дивизии сами были вынуждены отходить южнее Ремеревиля под натиском 6-й баварской и 1-й баварской рез. дивизий, но зато 16-й корпус медленно продвигался к Мерте, тесня перед собой части II-го баварского корпуса.

Хотя в этот день немцы и не обнаруживали особой деятельности на левом берегу Мозеля, тем не менее, общее положение 2-й франц. армии казалось ее командующему настолько тяжелым (особенно в виду потери французами позиции у Сент-Женевьева, откуда немцы могли разгромить своей артиллерией город), что он решил оставить укрепленный район Нанси и отойти левым флангом своей армии на высоты Бельшана (на правом берегу Мозеля к северо-востоку от Байона). Но проведению в жизнь этого решения, которое могло стать роковым для всего французского мозельского фронта, помешало вмешательство командующего 1-й франц. армией ген. Дюбайля. Уже начальник штаба 2-й армии, ген. Антуэн, заготовил приказ для отхода войск

[1]) Напомню читателю, что 15-й корпус за несколько дней перед этим был изъят из состава 2-й армии и перевезен к Гондрекуру на усиление войск ген. Сарайля (см. схему № 3).

на новые позиции и для эвакуации города гражданскими властями, как прибыл офицер от ген. Дюбайля и начал убеждать упавший духом штаб 2-й армии отказаться от этого решения. Не добившись в этом отношении успеха, он предложил проверить, действительно ли позиция у Сент-Женевьева занята немцами. И вот, к всеобщему удивлению, эта позиция оказалась никем не занятой! Немцы, овладевши ею в ночь с 6 го на 7 сентября, не только не устанавливали здесь своей тяжелой артиллерии, как этого опасались в штабе 2-й франц. армии, но и не заняли ее своей пехотой. Приходится лишь удивляться тому, как была плоха разведка во французских войсках и непрочна связь между частями, занимавшими Гран-Куронэ, если оставление противником столь важного в тактическом отношении пункта было неизвестно ближайшим к нему французским войскам. Конечно, тотчас же по получении этого неожиданного известия, было сделано распоряжение о занятии этой позиции 59-й рез. дивизией, после чего вопрос об оставлении Нанси отпал сам собой. Вот в какой странной обстановке был благополучно для французов разрешен этот серьезный оперативный вопрос, возникший в атмосфере малодушия, небрежности и бездеятельности, господствовавших в штабе 2-й армии. Итак, вот уже второй раз ген. Кастельно едва не отдал в руки германцев, почти без всякой борьбы, этот французский город и этот недавно созданный укрепленный район. Первый раз его уговорил не делать этой ошибки ген. Жоффр, теперь с трудом убедили его отказаться от этого малодушного намерения соседи [1]). Следует думать, что если бы немцы могли подозревать, в каких слабых руках находится управление 2-й франц. армией, они вели бы свое наступление с большей решительностью и большей уверенностью в успехе.

8 сентября более оживленные бои велись лишь у Аманса, где 5-я баварская дивизия энергично атаковала сильную французскую позицию Гран-Мон-д'Аманс, оборонявшуюся частями 68-й рез. дивизии, но овладеть ею не могла. На остальных участках укрепленного района Нанси происходили небольшие бои нерешительного характера.

В это время французская конница, высланная в Вёвр, нигде до Сен-Мьеля не встретила противника и донесла о происходившей в этот день бомбардировке немцами форта Труайона и о движении неприятельских войск от Понт-а-Мусона к западу [2]). Это последнее сведение, есте-

[1]) О желании ген. Кастельно оставить Нанси в первый раз см. том I-й, стр. 283.

[2]) Это было движение 33-й рез. дивизии германцев из Меца в район Тиокур—Понт-а-Мусон для усиления германских войск, начавших атаку маасских фортов. Об этом см. стр. 59.

ственно, встревожило ген. Кастельно и побудило его спешно направить к Сен-Мьелю бригаду 73-й рез. дивизии, которая и подошла туда на следующий день.

Бои 8 сентября были, собственно говоря, последними боями этого сражения, потому что в дальнейшем германцы продолжали здесь свою боевую деятельность лишь для того, чтобы скрыть меры, принимавшиеся для перехода к новой группировке войск и использованию их по другому назначению. Какое же новое назначение предстояло VI-й герм. армии и чем оно было вызвано?

Из описания сражения на Марне мы знаем, что в положении двух правофланговых германских армий уже выявились вполне отчетливо признаки возможного прорыва между ними крупных неприятельских сил, т.-е. той опасности, которая на следующий день и привела к отходу этих армий. Уже выяснялась необходимость какого то маневра с германской стороны в этом районе, а следовательно и потребность в новых силах для этого; отправленный уже на запад, из состава VII-й армии, XV-й корпус признавался для этого недостаточным, поэтому германская главная квартира в тот же день приказала кронпринцу баварскому отправить I-й баварский корпус в Бенсдорф и Моршинген для посадки его в поезда и отправки к правому флангу, а баварскую кав. дивизию (т.-е. последнюю конную дивизию армии) направить к Тиокуру, в состав вновь образуемой в этом районе армейской группы ген. Штранца [1]). Вместе с тем, он был предупрежден, что в ближайшие дни предстоят дальнейшие переброски из состава VI-й армии и что быстрое продвижение IV-й и V-й армий к югу, которое должно было облегчить южным армиям выход на левый берег Мозеля, уже более не имеется в виду.

При таких условиях, если значительная часть VI-й герм. армии была предназначена для переброски в западные районы театра военных действий и для выполнения в них новых операций, то возможно ли было продолжать атаку Нанси, тем более, что четверо суток энергичных боев не дали никаких существенных результатов? И в виду этого, командующий армией признал нежелательным продолжать это сражение, а следовательно, и необходимым отказаться от намерения прорвать неприятельский фронт в районе восточных крепостей, что и было одобрено главным командованием [2]). Уже 8-го вечером были сделаны распоряжения

[1]) О действиях этой группы будет изложено в главе VII-й настоящего тома. I-й бав. корпус, в виду сведений о появлении крупных сил противника к югу от Вердена, был задержан до утра 13 сентября у Меца.

[2]) Собственно, приказ о прекращении VI-й армией атаки Нанси был отдан германским главным командованием лишь 9 сентября после полудня.

для отхода войск и отправления в тыл тяжелой артиллерии: эрзац-рез., I-й баварский рез. и II-й баварский корпуса должны были отойти за р. Сейль, на участок Номени—Монсель—Аврикур, а III-й баварский корпус—к Мецу, откуда предполагалось направить его, вслед за баварской кав. дивизией, в состав вновь образуемой группы войск ген. Штранца, предназначенной для действий против маасских фортов южнее Вердена.

Вследствие всего сказанного, боевые действия германских войск в течение 9 сентября имели исключительно демонстративный характер и должны были отвлечь внимание противника от передвижений в тыл, уже начавшихся в расположении немцев; среди боев этого дня более крупным является атака III-го баварского корпуса у Шанпену и Аманса, где французы были потеснены вдоль железной дороги, ведущей из Шато-Салена в Нанси. С целью скрыть от противника снятие с позиций своих тяжелых батарей, немцы в ночь с 9-го на 10 сентября вели обстрел города Нанси из 13-сант. пушек, поставленных у Ремеревиля.

Боевые действия на фронте 2-й франц. армии до переброски ее в новый район.

Еще в течение нескольких дней после принятого немцами решения прекратить атаку Нанси, боевые действия на фронте 2-й франц. армии продолжались, потому что, с одной стороны, немцы могли лишь постепенно и с различными предосторожностями уводить свои войска в тыл, чтобы не подвергать их неприятельскому преследованию, а с другой—французы, попрежнему, пытались вернуть потерянные ими позиции.

Демонстративная ночная бомбардировка города Нанси германской артиллерией произвела на французов сильное впечатление; поэтому для того, чтобы оттеснить немцев с тех позиций, с которых они имели возможность громить город, ген. Кастельно организовал с утра 10 сентября наступление двумя рез. дивизиями (64-й и 68-й) у Шанпену и 20-м корпусом—у Ремеревиля. Кроме того, 16-му корпусу приказано продолжать продвижение к Люневилю. Так как германские войска уже отводились в то время в тыл, то атакующему легко удалось достигнуть некоторых успехов: резервные дивизии продвинулись на небольшое расстояние за Шанпену, а 16 й корпус дошел до Фрембуа; однако, 20-й корпус не мог овладеть Ремеревилем. В виду непрекращавшихся слухов о намерении немцев обойти Верден с юга и отрезать 2-ю франц. армию от 3-й, к Сен-Мьелю была отправлена и другая бригада 73-й рез. дивизии; эта дивизия, совместно со 2-й кавалерийской,

должна была освободить форт Труайон, атакованный немцами [1]).

На следующий день наступление 2-й франц. армии не возобновлялось, но так как французская разведка уже обнаружила отступление германских войск, то на 12 сентября было приказано начать преследование противника.

В ночь с 11-го на 12-е и весь день 12 сентября правофланговая и центральная группы корпусов VI-й герм. армии безостановочно отходили к северо-востоку: первая (эрзац-рез., III-й бав. и I-й бав. рез. корпуса)—к германской границе, на ее участок от Монселя до Аврикура, а вторая (II-й бав., XXI-й и XIV-й корпуса)—за р. Везус, от восточных окрестностей Люневиля до Бламона. В связи с опасением неприятельского прорыва между Верденом и Мецом (о чем было сказано мною при изложении событий в верденском районе за 9 сентября) и вследствие приказания германского главного командования продвинуть часть сил VI-й армии к Мецу, еще в течение 12 сентября три корпуса этой армии были сняты с фронта и отведены в ближайший тыл: II й бав. и III-й бав.—к Шато-Салену, а XXI-й—к Диецу; 13-го они перешли: III-й бав.—к Сольну, а II-й бав. и XXI-й—в район между Бенсдорфом и Ремильи. Наконец, в течение 14-го и 15 сентября все эти три корпуса сосредоточились у Меца: III-й бав.—на левом берегу Мозеля, а прочие два—на правом. В то же время остальные войска, оставшиеся на фронте, окончательно заняли к 14 сентября следующее расположение: эрзац-рез. корпус—от Дельма до Шато-Салена, I-й бав. рез. (с бав. ландв. дивизией)—далее, вдоль границы, до Марсаля, а XIV-й (с гвард. эрзац-рез. дивизией)—до Аврикура [2]). Таким образом, с этого времени VI-я герм. армия приняла совершенно новую группировку своих сил, приспособленную к быстрым и крупным переброскам в другие районы театра военных действий и означавшую полное прекращение наступательных операций на лотарингском фронте и переход на этом фронте к позиционной войне.

Утром 12 сентября началось движение французских войск вслед за отошедшим противником. В течение дня, без всякого сопротивления немцев, 74-я рез. дивизия заняла Люневиль, а 20-й корпус—Ремеревиль и Мэкс. В тот же день последнему приказано передать свои позиции 70-й рез. диви-

---

[1]) В действительности в этом не оказалось надобности, потому что немцы вскоре сами прекратили атаку форта, а вместе с тем и угрозу флангу и тылу 3-й франц. армии. Об этом см. стр. 158—159.

[2]) Как будет видно из дальнейшего изложения этой главы, и оба левофланговые корпуса VI-й герм. армии к этому времени прекратили активные действия и отошли на значительное расстояние за р. Мерту.

зии и выступить в Вёвр; повидимому, неудачное покушение терманцев на маасские форты вызвало большую тревогу на французской стороне, и каждый день здесь принимались новые меры для обеспечения района между Верденом и Нанси.

13 сентября 2-я франц. армия продолжала свое продвижение к востоку: три рез. дивизии (59-я, 64-я и 68-я) дошли до р. Сейля, западнее Монселя и заняли Номени; им поручен для обороны участок от Понт-а-Мусона до восточных окрестностей Ремеревиля; 70-я рез. выдвинулась вверх по р. Сапону за Мэкс, а 74-я рез.—продолжала занимать Люневиль. В то же время, 16-й корпус перемещен в район Нанси—Домбаль, в общий резерв армии.

Между тем, во французской главной квартире уже было принято решение произвести на мозельском фронте крупную перегруппировку войск, с целью организовать прочную оборону Вёвра. Туда уже были переброшены из 2-й армии 2-я кав. и 73-я рез. дивизии и 20-й корпус; теперь необходимо было объединить командование этими частями, потому что для штаба 3-й франц. армии, имевшей в те дни свои главные силы и свой главный предмет действий на левом берегу Мааса, руководство их действиями представлялось затруднительным. В виду этого, директивой ген. Жоффра от 13 сентября, эта группа войск, с присоединением к ней 3-й группы рез. дивизий (65-й, 67-й и 75-й), назначенной для обороны маасских высот, и 8-го корпуса из 1-й армии, направленного на следующий день с Сен-Мьелю, была наименована 2-й армией, и во главе ее поставлен ген. Кастельно [1]). Этой новой армии назначен участок от Туля до Вердена, не включая последней крепости, вхолившей в район 3-й армии. Весь же остальной фронт от Нанси до Вогезов поручен ген. Дюбайлю, который с этого дня объединил командование всеми еще оставшимися здесь войсками бывших 1-й и 2-й армий. Французскому мозельскому фронту теперь уже окончательно было придано пассивное, строго оборонительное значение; и до этого дня на многих его участках боевые действия имели уже малоподвижный, позиционный характер, с этого же момента им суждено было, на всем протяжении от Нанси до Бельфора, принять форму позиционной войны.

Боевые действия на фронте 1-й франц. армии.

Для того, чтобы покончить с боевыми операциями в этом районе театра военных действий, мне остается еще сказать о действиях 1-й франц. армии и находившихся против нее левофланговых корпусов VI-й германской.

[1]) О резервных дивизиях, находившихся на маасских высотах, см. стр. 159—160.

К началу германской атаки на 2-ю франц. армию, войска 1-й армии располагались следующим образом: 8-й корпус с 6-й кав. дивизией—в районе Жербевилер—Розельер, 13-й далее на Сен-Бенуа до Этиваля, а 14-й—далее по левому берегу Мерты до Сольси, имея на своем правом фланге, до вогезских проходов, части 58-й рез., 44-й и 41-й дивизий; район Вогезов был занят, от прохода Шлюхта на Танн и Дамеркирх, 66-й рез. и 57-й рез. дивизиями. Германцы занимали против этих войск укрепленную позицию, которая, начинаясь в южных окрестностях Фрембуа (XXI-й корпус), шла затем на Бакара (I-й баварский корпус), Раон-л'Этап (XIV-й корпус), Этиваль (XV-й корпус), у Этиваля переходила на правый берег Мерты и продолжалась по этому берегу до прохода Сент-Мари в вогезском хребте; этот правобережный участок был занят XIV-м рез. корпусом [1]). В Эльзасе, попрежнему, по линии Кольмар—Гебвейлер—Мюльгаузен, находились небольшие отряды ландверных войск.

Ни на одном из перечисленных здесь участков боевые действия не принимали в эти дни решительного характера; обе стороны ограничивали здесь свою оперативную деятельность выполнением пассивно-оборонительных задач Тем более, что уже началась подготовка к переброске штаба VII-й армии и XV-го корпуса в Бельгию. Войска последнего были сменены на позициях между Сен-Бенуа и Этивалем частями XIV-го рез. корпуса и 19-й эрзац-рез. дивизии; все остававшиеся на этом фронте войска VII-й армии переданы в непосредственное подчинение кронпринцу баварскому [2])

Более оживленные бои велись лишь временами на левом фланге 1-й франц. армии, где, как мы видели, части 8-го корпуса и 6-й кав. дивизии, с утра 5 сентября, оказывали содействие правофланговому (16-му) корпусу 2-й армии в окрестностях Жербевилера. Затем, начиная с 7 сентября, началась последовательная переброска левофланговых войск 1-й армии на запад: сначала отведена в тыл 6-я кав. дивизия [3]); 10-го—13-й корпус, смененный 71-й рез. дивизией, направлен к Эпиналю для перевозки к Парижу, а 14-го—8-й корпус, получивший назначение присоединиться к французским войскам, находившимся в Вёвре, перешел к Байону для посадки в поезда (он был сменен одной дивизией

[1]) XIV-й рез. корпус имел 3-х дивизионный состав (26-я рез., 28-я рез. и 30-я рез. дивизии); кроме того, ему были приданы баварская и 19-я эрзац-рез. дивизии; с целью более удобного управления этими пятью дивизиями, две из них (30-я рез. и бав. эрзац-рез.) образовали сводный корпус ген. Эбергарда. Эти пять дивизий составляли на левом фланге лотарингского фронта группу ген. Шуберта.

[2]) О переброске войсковых частей VI-й и VII-й армий см. стр. 147—148.

[3]) Эта дивизия перешла в 9-ю армию, где с 10 сентября образовала с 9-й кав. дивизией сводный кав. корпус ген. Л'Эпе.

14-го корпуса). Одновременно с этим, и немцы продолжали ослаблять свой фронт: 10 сентября, вслед за XV-м корпусом, отправлен в Бельгию и I-й баварский.

Решение германского главного командования прекратить атаку Нанси и отвести правофланговые корпуса VI-й армии за р. Сейль, естественно, должно было вызвать и отход левого участка германского лотарингского фронта, потому что сохранение немцами своих выдвинутых позиций в центре лишь затруднило бы переброску отсюда войск в другие районы. Вследствие этого, с вечера 10 сентября XIV-й рез. корпус отошел на линию Бакара—Раон-л'Этап—Сенон, а сводный корпус ген. Эбергарда—в северные и восточные окрестности Прованшера. 11 сентября первый из них продолжал отходить в южные окрестности Бадонвилера. У прохода Сент-Мари и в окрестностях Мюнстера и Сенгейма оставались небольшие германские отряды, составленные из ландв. частей и крепостных войск Страсбурга. Уже в этот день французы стали продвигаться вслед за противником и 12-го, без боев, дошли до Мерты на участке от Глонвиля до Сен-Дье, занявши этот последний пункт частями 14-го корпуса.

В этом положении 1-ю франц. армию застала директива ген. Жоффра от 13 сентября, определявшая собой новую группировку французских войск и новое распределение командования, передававшее в подчинение ген. Дюбайля весь фронт от Нанси до Бельфора. Большое протяжение этого фронта (свыше 150 кил.) и, вследствие этого, затруднительность непосредственно руководить из штаба армии боевыми действиями корпусов и дивизий, вынудили Дюбайля образовать из подчиненных ему войск три группы: группу Нанси (ген. Таверна), в составе 16-го корпуса, трех рез. дивизий ген. Леона Дюрана (59-й, 64-й и 68 й) и двух отдельных рез. дивизий (70-й и 74-й), занявшую укрепленный район Нанси и р. Мерту до Глонвиля; центральную группу (самого Дюбайля) из корпусов 14-го и сводного ген. Делетуаля [1]), 71-й рез. и 41-й дивизий и кав. бригады, получившую для обороны левый берег р. Мерты до вогезских проходов; и вогезскую группу (ген. Путца), состоявшую из мелких отрядов, в горных проходах Бонном, Шлюхт и Мон-Одерен. Далее к югу, оборона была возложена на крепостные войска Бельфора (57-ю рез. и 66-ю рез. дивизии). С германской стороны, в левофланговой группе корпусов, XIV-й рез. (с 19-й эрзац - рез. дивизией) в течение 12-го и 13 сентября отошел на линию Аврикур—Бламон—Сирэ; а так как сводный корпус Эбергарда оставался в своем прежнем расположении у Прованшера, то между внутрен-

[1]) Этот корпус был развернут из 44-й дивизии и состоял из двух дивизий без №№-ов, называвшихся по фамилиям командовавших ими генералов—Васара и Барбо.

ними флангами этих корпусов образовался разрыв (между Сеноном и Бан-де-Сапт), куда 13 сентября повели наступление войска 14-го франц. корпуса в обход правого фланга 30-й герм. рез. дивизии. Это вынудило немцев протянуть правый фланг сводного корпуса в сторону прохода Донон.

С середины сентября, в виду значительного ослабления обеих сторон, снявших к этому времени с позиций крупные части полевых войск, а также в виду ожидаемых новых переброс ок, на фронте между Нанси и Вогезами наступает полное затишье в боевых действиях.

Оценка событий в Лотарингии и в Вогезах в первой половине сентября 1914 г.

Переходя к оценке событий, развернувшихся на фронте южных армий с 5-го по 13 сентября, раньше всего необходимо принять во внимание, что правильная оценка таковых возможна лишь в том случае, если рассматривать их в связи с операциями главных сил, происходившими в то время между Парижем и Верденом. Ни с французской, ни с немецкой стороны боевые действия в районе мозельских крепостей не могли иметь и не имели самостоятельного стратегического значения, а ценность их для каждого из противников определялась лишь той вспомогательной ролью, которая с бо́льшим или меньшим успехом разыгрывалась им в эти дни под стенами Нанси и на берегах Мортани и Мерты.

В отношении французов этот вопрос разрешается очень просто: обе французские армии, и 1-я, и 2-я, имели вполне устойчивую задачу оборонительного характера, и только в удержании своего фронта и видели свое стратегическое назначение на ближайшие дни, до развязки марнского сражения. Французское главное командование поступало в этом случае вполне последовательно и достигло вполне благоприятных результатов: крупные силы были взяты отсюда для переброски в более важные в оперативном отношении районы, и в то же время все позиции между Нанси и Бельфором были сохранены. Наступление противника остановлено, правый фланг и тыл главной массы союзных войск, сражавшейся на Марне, был обеспечен, а неприятель в течение целой недели был скован в своих перегруппировках и переброс ах.

Несколько сложнее представляется нам положение германцев. Их VI-я армия получила наступательную задачу, установленную и подтвержденную целым рядом распоряжений германского главного командования, начиная с директивы от 27 августа. Но какую именно цель должно было преследовать это наступление? К сожалению, на этот вопрос мы не находим определенного и ясного ответа ни в одной из германских директив; ведь, указания о движении на Нэфшато, об обложении Туля и Эпиналя, о выходе на

левый берег Мозеля и даже об атаке Нанси, которые имеются в этих директивах, могут быть понимаемы и в более, и в менее решительном смысле. Подразумевали ли они требование прорвать неприятельский укрепленный фронт, или ставили перед VI-й армией только демонстративную задачу, с целью задержать перед собой возможно больше сил противника? Ведь даже в случае обложения немцами Туля и Эпиналя французские армии могли отойти на левый берег Мозеля и там создать новую линию обороны. А овладение Нанси приводило ли атакующего к прорыву, при условии, что он оказался бы после этого под огнем крепостной артиллерии Туля? Вообще, намерения и предположения германского командования в этом районе остаются до настоящего времени неясными. Если это были намерения демонстративного характера, то зачем нужно было с такой энергией и с такими большими потерями атаковать сильные укрепления Гран-Куронэ? Известно, что стратегическая демонстрация вовсе не требует таких жертв и столь сильных боевых напряжений. С другой стороны, если это были решительные намерения, то почему атаковали Нанси, за которым в близком расстоянии находится укрепленный район Туля, а не вели решительного наступления на какой-либо другой участок французских позиций, легче подверженный прорыву?

В действиях и распоряжениях германского командования в эти дни заключается непонятное противоречие: одной рукой ослабляли фронт, выхватывая из него целые корпуса, а другой, в то же время, направляли оставшиеся войска к выполнению труднейших наступательных задач, требовавших, если и не превосходных, то все же весьма значительных сил. В то время, когда германская главная квартира как будто бы не придавала большого значения активным действиям VI-й армии и смотрела на ее войска, как на резерв, из которого возможно было черпать подкрепления для главных сил, кронпринц баварский, повидимому и сам мало веривший в успех начатого наступления, все же пытался развить здесь решительную операцию. И только неудачный исход сражения на Марне, а также малый успех четырехдневных атак у Нанси привели, наконец, к запоздалому решению перейти в Лотарингии к обороне. Между тем, упрямая настойчивость в осуществлении на этом фронте наступательной задачи задержала на несколько дней переброску сил на запад, где в то время потребность в них имела исключительное значение.

Что касается, собственно, атаки Нанси, то она была ведена немцами энергично и искусно; особенно заслуживает внимания обходный маневр, предпринятый ими в районе Понт-а-Мусона и отдавший в их руки весьма важную крепостную позицию у Сент-Женевьева. Однако, использовать

этого успеха им не удалось, потому что для подвоза и установки на захваченных высотах тяжелой артиллерии необходимо было продолжительное время, в течение которого обстановка на фронте настолько изменилась, что дальнейшие операции в районе Нанси должны были принять совершенно новое направление. Это обстоятельство, между прочим, указывает на то, что германское командование, задумывая атаку Нанси, мало считалось с условиями времени, невыгодно сложившимися здесь для немцев и, вероятно, представляло себе задачу, данную VI-й армии, легче выполнимой, чем она оказалась в действительности. Легкий успех, достигнутый в сравнительно короткий срок при овладении бельгийскими крепостями, вызвал у немцев мало обоснованные надежды на быстрое падение Нанси под мощным огнем их тяжелых батарей. Но атакующий не принял во внимание совершенно иного характера французских укреплений по сравнению с бельгийскими крепостями: насколько бриальмоновские форты, заключавшие в себе все живые силы и все мертвые преграды крепостной обороны, были легко наблюдаемы, а поэтому и быстро разрушаемы могущественными средствами современной артиллерии, настолько земляные, неправильно расположенные и хорошо приспособленные к местности, укрепления Нанси являлись малоуязвимыми для тяжелых батарей атакующего. Для разрушения этих укреплений необходимо было значительно больше времени и артиллерийских средств, чем имелось в распоряжении командующего VI-й герм. армией.

В отношении организации германского наступления возможно сделать еще два следующих замечания. Во-первых, едва ли правильно поступил кронпринц баварский, упразднив накануне сражения групповое объединение трех правофланговых корпусов своей армии, предназначенных для атаки Нанси [1]). Объединение боевых действий этой группы в руках одного начальника придало бы им более согласованный характер и облегчило бы командующему армией общее управление операциями на вверенном ему весьма широком фронте И, во-вторых, центр и левый фланг VI-й армии в то время, когда правофланговые корпуса безуспешно громили артиллерией и штурмовали укрепленные высоты Гран-Куронэ, проявляли слабую боевую деятельность на всем остальном пространстве до вогезских проходов; более предприимчивый противник мог бы при этих условиях, оставив на участке Мерты и Мортани лишь небольшие заслоны, бросить отсюда остальные свои силы к северу, на Люневиль, и нанести решительный удар во фланг германским войскам, атаковавшим Нанси.

---

[1]) Группу ген. Гебсателя.

Однако, 1-я и 2-я франц. армии действовали, вообще, недостаточно активно, и если в конечном результате они достигли успеха, выполнивши данные им главным командованием задачи, то этим они обязаны общим условиям обстановки на театре военных действий, благоприятствовавшим союзникам. Французские войска, в большинстве случаев, лишь отбивали наносимые им противником удары, продвигались на небольшое расстояние только там, где для этого не требовалось особых усилий, и не проявили склонности к какому-либо маневру. В довершение всех этих отрицательных явлений, французское командование не обнаружило в тяжелые минуты необходимой твердости духа и устойчивости в своих оперативных предположениях. Тем не менее, обе французские армии, отразивши натиск противника, направленный к Мозелю и задержавши здесь крупные германские силы, все же оказали значительное содействие успешному выполнению марнского маневра союзников. Без этого содействия победа на Марне или не была бы достигнута, или стоила бы гораздо больших усилий и жертв.

В заключение, несколько слов о Вёвре. Демонстрация, произведенная германцами 8 сентября против маасских фортов в тылу 3-й франц. армии, произвела сильное впечатление на французское главное командование, решившее сосредоточить в Вёвре значительную группу войск, получившую с 13 сентября наименование 2-й армии; эта армия должна была обеспечивать участок фронта между Верденом и Тулем. Но разве для того, чтобы не допустить противника прорвать линию маасских фортов, недостаточно было, в дополнение к их гарнизонам, нескольких резервных дивизий, которые уже находились на маасских высотах? Мера, принятая французским командованием и не вызывавшаяся пока объективными условиями обстановки, лишь напрасно отвлекала крупные массы французских полевых войск от более важных районов. И насколько она была нецелесообразной с точки зрения французских интересов, настолько являлась выгодной для немцев, которые, путем различных демонстраций, поддерживали на неприятельской стороне опасение за безопасность маасских фортов и способствовали пребыванию в этом районе крупных неприятельских сил. Впрочем, как будет изложено мною при описании дальнейшего хода событий, само германское командование не удержалось здесь в пределах такой демонстративной деятельности и вскоре соблазнилось возможностью достигнуть легкого успеха в Вёвре и вознаградить себя за лотарингские неудачи. Мы увидим, что эти расчеты не оправдались, и что немцы лишь повторили в этом случае ошибку своего противника, со всеми, проистекавшими из нее, невыгодными для них последствиями.

VI. Бег к морю.

Зарождение обходных операций на правом берегу Уазы.

В двух предыдущих главах я дал читателю картину постепенного ослабления, к середине сентября, маневренных действий сторон на всем фронте от Уазы до Мааса, от Мааса до Мозеля и далее до перевалов и ущелий вогезских гор. Боевая активность противников в это время, под влиянием различных обстоятельств, быстро падала, начиная с юга, и каждая из сторон, соответственно этому, старалась усилить себя созданием искусственных преград; в результате этого процесса, позиционная война неудержимо, стихийно охватывала все более и более широкие районы, закрепляя боевые линии сражавшихся в резко обозначенном, неподвижном положении. Но до полного торжества позиционных приемов борьбы еще было далеко, маневренная война еще не сказала своего последнего слова, вопрос о том, что победит: измор или сокрушение?—еще не волновал умов в обоих враждебных станах. До тех пор, пока в пределах театра военных действий оставались обширные пространства, неиспользованные для боевых операций, пока имелись районы, свободные от неприятельских укреплений и предоставлявшие удобства для движения и действий крупных войсковых масс, до тех пор оперативная мысль обоих противников, естественно, тяготела к этим местам, в надежде найти там благоприятные условия для продолжения активной боевой деятельности и для выполнения решительного маневра. И поэтому, по мере того, как затихали бои к востоку от Уазы, в лабиринте быстро разраставшихся укрепленных позиций, по мере того, как атака последних становилась все труднее и труднее, каждая из сторон, хотя и ослабленная предшествовавшими операциями, но еще обладавшая некоторым запасом сил и активности для наступательных действий, искала им применения на просторе этих новых районов. И вот постепенно, изо дня в день, неделя за неделей, противники снимают с различных участков своего фронта корпуса за корпусами, армии за армиями и бросают их за Уазу, на Сомму, на Скарпу, все далее и далее к северу, все ближе и ближе к берегу моря...

Моментом зарождения этих обходных фланговых операций следует признать выделение 6-й франц. армией кав.

корпуса и 37-й дивизии за Уазу 11 сентября, а также выдвижение территориальных частей ген. д'Амада 12 сентября из Руана в район Амьена; затем, вскоре за этими войсками за Уазу пошел и, переброшенный из Лотарингии, 13-й франц. корпус. Навстречу им, с германской стороны, в это время наступали от верхней Соммы 7-я кав. дивизия и IX-й рез. корпус [1]).

К 15 сентября, т.-е. к окончанию сражения на р. Эне, главные силы франц. кав. корпуса ген. Бриду находились у Перона, одна его дивизия—у Ласиньи, 37-я франц. дивизия—в районе Карльпон—Кют, охватывая правый фланг IX-го герм. корпуса, а головная дивизия 13-го франц. корпуса подошла к Туроту; у немцев 7-я кав. дивизия и главные силы IX-го рез. корпуса, только что прибывшего из Шони, стояли у Нуайона, одна же бригада этого корпуса находилась на левом берегу Уазы, на пути к Карльпону. Это расположение противников в районе между Уазой и Соммой представляло собой зародыш того широкого развертывания обеими сторонами крупных войсковых масс, которое так настойчиво и беспрерывно велось ими в северной Франции в течение последующих четырех недель. Оно и послужит мне исходным положением для дальнейшего описания тех событий, которые развивались к северу от Уазы, для последовательного изображения тех передвижений, маневров и боевых столкновений, которые теперь стали привлекать к себе почти все внимание главного командования обеих сторон. На некоторое время мы покинем фронт, расположенный к востоку от Уазы; нам достаточно будет знать, что здесь в этот период кампании не происходило никаких операций решающего значения и что этот фронт служил для противников обильным источником, из которого они широко черпали живую силу для осуществления своих новых замыслов на новых операционных направлениях.

1. Операции в районе р.р. Уазы и Соммы во второй половине сентября.

(Схема № 10).

Планы сторон на ближайшие дни.

Принявши верховное руководство операциями германских армий в столь тяжелый момент, каким являлось для немцев оборонительное сражение на р. Эне, ген. Фалькенгайн должен был теперь дать определенные ответы на вопросы: как надлежит в дальнейшем действовать на западном фронте, наступать или обороняться? считать ли этот фронт, попрежнему,

[1]) См. об этом главу IV-ю (сражение на р. Эне) и схему № 8.

главным театром борьбы, или, в виду успехов, достигнутых на Востоке, сосредоточить там свои усилия для нанесения сокрушительного удара России? Причем, необходимо было принять во внимание, что контр-атаки германских армий, предпринятые еще по указаниям ген. Мольтке, не привели к благоприятному результату, между тем как противник уже угрожал широким обходным движением между Уазой и Соммой, для противодействия которому у немцев еще не было в то время свободных резервов на правом фланге. Следовательно, не только нужно было решаться, но и решаться возможно скорее.

К окончанию сражения на р. Эне германская главная квартира приняла следующие решения: считать западный фронт попрежнему главным театром войны; удерживать расположение, занятое германскими армиями к 15 сентября между Уазой и Вогезами; энергично продолжать уже начатую переброску войск с различных участков фронта к правому флангу, чтобы иметь возможность не только своевременно встретить обходящего этот фланг противника, но и угрожать ему таким же обходным маневром; и ускорить овладение Антверпеном, с целью освободить для службы в поле находившиеся под крепостью войска и упрочить безопасность своих сообщений [1]). Таким образом, борьба на западном фронте должна была принять с германской стороны такой характер: к востоку от Уазы—оборонительные действия с соответствующим развитием укрепленных позиций и последовательным ослаблением на них живой силы; между Уазой и морем — оживленная маневренная война, с целью возвращения германским армиям оперативных преимуществ, утраченных ими вследствие неудачи на Марне.

Для союзных армий оставались в силе те общие указания, которые были получены ими во время сражения на р. Эне: в то время, когда на фронте от Суассона до Вердена союзники должны были прекратить наступление, оставаясь в готовности отразить контр-атаку противника, левофланговая (6-я) армия, с подвозимыми с востока подкреплениями, имела задачу - выйти на западный берег Уазы, с целью обхода правого фланга германцев. И хотя эта армия не могла выполнить столь трудной задачи, тем не менее к 15 сентября французам все же удалось занять между Уазой и Соммой положение, обеспокоившее германское главное командование и побудившее его к более энергичной переброске войск к своему правому флангу. Естественно,

[1]) О таких решениях германского главного командования имеются вполне определенные указания во 2-й главе сочинения ген. Фалькенгайна „Die Oberste Heeresleitung 1914—1916".

что французы должны были стремиться к сохранению за собой этого выгодного положения, которое явилось результатом более раннего накопления ими сил на правом берегу Уазы.

Теперь обратимся к последовательному изложению этих встречных движений между Уазой и Соммой и проистекавших из них маневров и боевых столкновений.

Боевые действия на обоих берегах Уазы и на верхней Сомме 16—18 сентября.

Мы оставили кавалерийский корпус ген. Бриду (в составе 1-й и 5-й кав. дивизий) у Перона[1]), откуда утром 16 сентября он начал продвигаться к Беликуру, ведя разведку на Сен-Кентен и Верман, в окрестностях которых имел несколько мелких боевых столкновений с германской пехотой, охранявшей тыловые этапные линии. В течение 17-го и 18 сентября, вследствие сильного изнурения лошадей, конный корпус оставался в бездействии в районе Перон-Руазель, посылая разъезды на Камбрэ и Сен-Кентен[2]). В тылу у него, между Альбером, Комблем и Бапомом, собиралась, подходившая от Амьена, группа территориальных дивизий ген. Брюжера.

Между тем, на обоих берегах Уазы с утра 16 сентября шли упорные бои IX-го рез. и IX-го герм. корпусов с левофланговой группой 6-й франц. армии, называемые иногда сражением у Нуайона. Французы продолжали здесь свою попытку обойти правый фланг противника. 13-й франц. корпус, развернувшийся на северном берегу р. Маца от Элинкура до Уазы, повел наступление на Ласиньи и Рибекур, но во встречном бою с 18-й рез. дивизией германцев, наступавшей от Нуайона, был отброшен с большими потерями к Мацу. На следующий день ему удалось лишь с большими усилиями выдвинуться до линии Плеси—Рибекур, но далее этой линии он уже не мог продвинуться и в последующие дни. Левый фланг этого корпуса прикрывался в окрестностях Руа 3-й кав. дивизией, а правый фланг IX-го герм. рез. корпуса обеспечивался 7-й кав. дивизией к северу от Ласиньи[3]).

На левом берегу Уазы французские войска оказались в более тяжелом положении. Здесь, с утра 16 сентября,

---

[1]) 3-я кав. дивизия находилась на левом фланге 13-го франц. корпуса.

[2]) Со дня своего перехода на левый берег Уазы корпус проходил ежедневно по 40—45 килом. 17 сентября, при сопровождении одной из разведывательных частей 1-й кав. дивизии, в перестрелке с неприятельской пехотой был смертельно ранен командир корпуса ген. Бриду; вместо него в командование корпусом вступил командир 1-й кав. дивизии ген. Бюисон.

[3]) 4-я кав. дивизия германцев охраняла переправы на Уазе у Шони и Маникана.

37-я дивизия медленно продвигалась к востоку в окрестностях Кюта, прикрываясь с севера приданной ей бригадой 4-го корпуса; однако, вскоре германские части 17-й рез. дивизии (IX-го рез. корпуса), наступавшие от переправы у Семпиньи к Карльпону на поддержку IX-го корпуса, атаковали эту французскую бригаду и отбросили ее за Карльпон. Две другие бригады 4-го корпуса, последовательно брошенные для обратного овладения этим пунктом, лишь к 8 часам вечера вновь заняли Карльпон. Но так как на следующий день немцы возобновили здесь свой натиск, то всей левофланговой группе 6-й франц. армии (3-й марокккской бригаде 13-го корпуса, 37-й дивизии и 4-му корпусу) было приказано отойти на линию Байи—восточные окрестности Траси-ле-Мон. Далее к востоку противники вели в этот день незначительные бои местного значения в северных окрестностях Нуврона и Суассона.

18 сентября 6-й франц. армии указано перейти к обороне, в виду того, что в этот день французское главное командование приступило к образованию на правом берегу Уазы, к северо-западу от Нуайона, новой армейской группы, наименованной 2-й армией; эта последняя и должна была теперь принять на себя задачу обойти правый фланг германцев. Во главе этой армии был поставлен ген. Кастельно, выехавший в тот же день со своим штабом из Комерси (в верденском районе); вслед за ним с правого берега Мааса отправлен 20-й корпус, а из Лотарингии—14-й. Кроме этих двух корпусов, в состав новой армии включены 13-й и 4-й корпуса 6-й армии; последний из них в этот день был сменен 62-й рез. дивизией, снят с позиций у Траси-ле-Мон и отправлен к Компьену.

Оценка боевых действий сторон.

Первая попытка французов вернуться к активным действиям на западном фланге окончилась неудачей. Конечно, невозможно было ожидать каких-либо решительных результатов от наступления этой, сравнительно небольшой, группы французских войск, но все же, такой неудачный исход этого маневра должен вызывать справедливое недоумение исследователя и может быть объяснен лишь плохим оперативным руководством со стороны командующего 6-й франц. армией. В самом деле, в этих боях по обе стороны р. Уазы французы имели почти двойное численное превосходство[1]), и к началу боев занимали на левом берегу очень удобное положение, охватывая у Кюта правый фланг IX-го герм. кор-

[1]) 5½ дивизий (2½ дивизии 13-го корпуса, 2 дивизии 4-го корпуса и 37-ю дивизию) против трех дивизий немцев (2-х дивизий IX-го рез. корпуса и одной дивизии IX-го корпуса).

пуса, а на правом пользовались выгодами более ранней готовности к наступлению своего 13-го корпуса. Но несогласованность действий на обоих берегах реки, отсутствие общей цели для отдельных, разрозненных атак и недостаток настойчивости при осуществлении своих решений привели их к поражению и к необходимости перейти к обороне.

Нельзя также оставить без внимания и неудачных предприятий французской конницы, стоявшей своими двумя дивизиями уже к 15 сентября на открытых для нападения и захвата тыловых сообщениях I-й герм. армии[1]). Правда, эта конница была уже сильно измотана и ослаблена, но ведь на охране германских этапных линий находились столь ничтожные силы сомнительной боевой годности, что для предприимчивости решительных кавалерийских начальников открывался здесь безграничный простор. Насколько нерешительно действовала в данном случае французская конница, свидетельствуют бои, веденные 1-й кав. дивизией 16—17 сентября в окрестностях Сен-Кентена и Вермана[2]). С целью произвести разведку Сен-Кентена, главные силы дивизии подошли к городу на расстояние пушечного выстрела и ограничились артиллерийским обстрелом некоторых городских участков, а одна бригада направилась к Верману, где тоже издалека производила свои наблюдения. На следующий день французские кавалерийские начальники решили посмотреть на Сен-Кентен с южной стороны, почему та же дивизия предприняла движение от Руазеля на юг, обходя Сен-Кентен с запада; однако, смерть командира корпуса и вступление в командование французской конницей нового начальника прервали эти бесполезные движения.

18 сентября ген. Бюисон, в письме к ген. Монури, горько жаловался на изнурение своих дивизий и просил дать им несколько дней отдыха. Согласия на это он не получил, что вполне соответствовало обстановке, сложившейся в те дни между Уазой и Соммой: не отдыхать в это время следовало французским эскадронам, им следовало нести разведывательную и охранительную службу до последнего коня и до последнего человека, чтобы обеспечить в этом районе развертывание новых французских сил, уже двигавшихся сюда с востока в сотнях железнодорожных эшелонов. Если бы, вместо своих передвижений взад и вперед между Перо-

---

[1]) Ген. Фалькенгайн во 2-й главе своей книги „Die Oberste Heeresleitung 1914—1916“ говорит, что неиспользование французской и английской конницей беззащитности германских тыловых сообщений является для него загадкой.

[2]) Краткое описание этих боев дано у Palat, том VII-й, стр. 58—59 и 75—76.

ном, Руазелем, Сен-Кентеном и Верманом, французская конница атаковала Сен-Кентен и овладела им (что едва ли было бы сопряжено для нее с какими-либо значительными трудностями), то, конечно, она достигла бы более ценных результатов в своей работе на неприятельских сообщениях и менее расстроила бы свой конский состав. Французские кавалерийские начальники всегда почему-то придавали первенствующее значение в деятельности своей конницы не действию, не бою, а движению; отсюда—эти бесконечные странствования французских конных дивизий и эти ничтожные материальные результаты! Забывали, что и для конницы бой является необходимым условием успешности ее скоротечных и подвижных операций.

Итак, сражение у Нуайона положило предел маневренным попыткам 6-й франц. армии и привело на берегах Уазы к равновесию сил обеих сторон, обратившихся теперь и здесь к содействию инженерного искусства для обеспечения своего положения[1]). Для того, чтобы возобновить фланговые операции, противникам нужны были новые силы, которые следовало еще подвезти, иногда с отдаленных участков театра военных действий, развернуть их вне возможных ударов врага и затем бросить в наступление в наиболее выгодном направлении. Следовательно, дальнейший ход этих операций находился теперь в зависимости от того—кто из противников окажется в состоянии раньше сосредоточить к западу от Уазы свежие крупные силы, кто из них сумеет раньше ввести их в дело и захватить в свои руки оперативную инициативу для широкого обходного маневра.

Сосредоточение противниками новых сил и бои по обе стороны р. Соммы 19—28 сентября[2]).

С передачей 4-го и 13-го франц. корпусов в состав, вновь образованной между Уазой и Соммой, армии ген. Кастельно, р. Уаза стала разграничительной линией между пассивным фронтом противников, протянувшимся к востоку от этой реки до Вогезов, и постепенно переходившим к приемам позиционной войны, и фронтом активным, маневренным, начинавшим уже развертываться в направлении к верхней Сомме, на Аррас и далее к северу. Обе стороны энергично направляли сюда свои войска, снятые с восточных участков.

Еще 13 сентября германское главное командование приняло решение перебросить в район Сен-Кентена большую часть своей VI-й армии с армейским управлением, а весь

[1]) Интересно отметить, что то взаимное положение, в котором обе стороны оказались здесь к концу этого сражения сохранялось до марта 1917 года.

[2]) Эти бои называются иногда у немцев сражением на р. Сомме.

эльзас-лотарингский участок, с небольшим количеством оставшихся там войск, передать в ведение V-й армии. Корпуса кронпринца баварского должны были, собравшись у Сен-Кентена, наступать севернее Соммы, чтобы охватить левый фланг французских войск, сосредоточенных между этой рекой и Уазой. Для выполнения этого маневра необходимо было не мало времени, тем более, что неисправное состояние железных дорог и невыгодное направление некоторых железнодорожных линий в тылу германских армий вынуждали немцев (как я уже говорил раньше) направлять свои войсковые эшелоны кружным путем, через Трир и даже Брюссель. В виду этого, временно приходилось использовать здесь частью армейскую конницу, а частью те незначительные силы, которые возможно было снять с ближайших боевых участков на р. Эне. В этот день вечером 2-я и 9-я герм. кав. дивизии, принимавшие в последнее время участие в боевых действиях с VII-м рез. и XII-м корпусами в районе Амифонтен—Корбени, прибыли через Куси-ле-Шато в северо-западные окрестности Нуайона; здесь к ним присоединилась 7-я кав. дивизия, и все три составили II-й кав. корпус ген. Марвица, получивший задачу прикрывать у Руа правый фланг германского фронта. Вместе с тем, в виду того, что переправы на Уазе между Нуайоном и Ла-Фэром теперь уже достаточно обеспечивались расположением IX-го рез. корпуса и конницей Марвица, 4-я кав. дивизия была отправлена через Сен-Симон к Сен-Кентену для охраны железной дороги, ведущей на Ле-Като. Это было тем более необходимо, что французский кавалерийский корпус, стоявший главными силами у Перона, достигал своими разведывательными частями линии Сен-Кентен — Камбрэ, являясь угрозой для безопасности железнодорожных путей, ведущих на Валансьен и Мобеж.

19 сентября корпуса 2-й франц. армии находились в следующем положении: 13-й корпус, с 3-й кав. дивизией, по-прежнему на левом берегу Маца, 4-й достиг района Лашель—Компьен, 14-й начал высадку у Клермона, а 20-й был еще в пути. На следующий день, 4-й корпус продвинулся в район Муаенвиль—Ла-Невиль-Руа, а 20-й начал высаживаться в северо-западных окрестностях Бовэ. В то же время в командование 1-м франц. кав. корпусом, имевшим задачу прикрывать развертывание 2-й армии, вступил ген. Конно (до тех пор командовавший 2-м кав. корпусом в составе 5-й франц. армии) [1]; в состав 1-го кав. корпуса были переведены из 2-го 10-я кав. дивизия и 45-й пех. полк; 4-я дивизия была

[1]) 2-й кав. корпус, после боев на р. Эне, с 15-го по 17 сентября простоял на отдыхе в юго-западных окрестностях Реймса, а 17-го, по приказанию французского главного командования, оставивши 4-ю кав. дивизию в 5-й армии, перешел в район Компьена.

оставлена в 5-й армии (у Реймса), а 8-я передана в 6-ю (у Вербери), обе в качестве армейской конницы. Таким образом, 2-й кав. корпус был расформирован, а 1-й получил 4-х дивизионный состав, образовавши две кавалерийские группы: северную, из 1-й и 5-й дивизий, в районе Перон—Руазель и южную, из 3-й и 10-й, в южных окрестностях Мондидье. Против этой последней, у Руа, находился II-й герм. кав. корпус, получивший с 21 сентября назначение прикрывать развертывание VI-й герм. армии, постепенно расширяя свою разведывательную и охранительную завесу в северном направлении.

Бои у Ласиньи 21 сентября. Командующий 2-й франц. армией приказал в этот день 4-му и 13-му корпусам перейти в наступление на линию Руа—Гюискар. 13-й корпус едва продвинулся у Рибекура, занявши этот пункт, а 4-й, после небольших авангардных боев, достиг своими главными силами юго-западных окрестностей Ласиньи. Хотя это наступление и не дало тех результатов, которые ожидались от него, и на которые французское командование могло рассчитывать, имея перед собой, за рекой Мац, значительно слабейшие силы противника [1]), тем не менее продвижение 4-го корпуса к Ласиньи облегчало наступление французских войск со стороны Мондидье. Это обстоятельство приобретало особенное значение в виду того, что в этот день $1^1/_2$ дивизии II-го герм. корпуса были сняты с позиций в северных окрестностях Суассона и направлены к правому флангу IX-го рез. корпуса, куда они прибыли утром 22 сентября и заняли участок от Ласиньи до Марньи. Вслед за ними прибыл из VII-й армии (через Лаон и Ла-Фэр) XVIII-й корпус и занял расположение далее до Нэля; это, в свою очередь, дало возможность германской коннице ген. Марвица, задерживавшей между Руа и Нэлем продвижение противника со стороны Мондидье, переместиться к северу и более надежно прикрывать окрестности Сен-Кентена. А так как прибывавшие уже в район этого города эшелоны германских войск обеспечивали безопасность железнодорожного сообщения с Мобежем, то 4-я кав. дивизия в этот день была переведена на охрану железной дороги Камбрэ—Валансьен.

22 сентября войска 2-й франц. армии заканчивали свое развертывание между Уазой и Соммой: 13-й и 4-й корпуса, как мы видели, находились на обоих берегах Маца, а 14-й и 20-й выходили на линию Мондидье—Морей; 10-я кав. дивизия выступила к северу, на правый берег Соммы, на присоединение к двум кав. дивизиям, прикрывавшим левый

[1]) Здесь находился IX-й рез. корпус в неполном составе, потому что некоторые его части еще оставались на левом берегу Уазы.

фланг 2-й армии у Перона и Руазеля; 3-я дивизия оставалась в промежутке между 4-м и 14-м корпусами. Две территориальные дивизии ген. Брюжера (81-я и 82-я) были разбросаны от Бапома через Комбль до Перона. При таких условиях понятно, что французская главная квартира торопила ген. Кастельно начать общее наступление, указавши ему продвигаться в северо-восточном направлении, на фронт Сен-Кентен—Альбер.

Бои у Руа, 22 сентября.

Во исполнение этого, Кастельно приказал правофланговой группе своих корпусов продвинуться в этот день на линию Нуайон—Руа, а левофланговой подтянуться всеми своими силами к Мондидье и Морей. Однако, первая из этих задач уже не могла быть выполнена французами, потому что 4-му и 13-му франц. корпусам пришлось теперь иметь дело не с одним IX-м рез. корпусом противника, а с превосходными силами немцев, угрожавшими в окрестностях Руа левому флангу 4-го корпуса; в виду этого, 13-й корпус нигде не мог продвинуться, а 4-й, находившийся в соприкосновении с противником лишь своими передовыми частями, еще имел возможность несколько выдвинуться к северо-востоку, на линию Ласиньи—Руа. Левофланговые французские корпуса, за дальностью расстояния, не могли оказать какого-либо влияния на боевые столкновения, разыгравшиеся между Руа и Ласиньи. Следовало ожидать, что в ближайшие дни выдвижение их на одну линию с правофланговыми корпусами создаст для французов к югу от Соммы более выгодное положение, с возможностью угрозы германскому правому флангу севернее Нэля. Но с другой стороны, разве не могли немцы подвести за это время к своему правому флангу новые силы и опрокинуть все расчёты противника? Посмотрим же, как в действительности видоизменялось здесь в последующие дни взаимное положение сторон.

Бои у Перона, Шольна и Нэля, 23—25 сентября.

Я уже упоминал, что в течение последних дней войсковые эшелоны VI-й герм. армии прибывали в район Сен-Кентена. К 23 сентября здесь закончилась высадка XXI-го корпуса, начавшего в этот день наступление в излучине р. Соммы к переправам от Сен-Криста до Гама. Одновременно с этим, германцы подходили к Сомме и с севера: I-й бав. корпус, перевезенный кружным путем через Трир, Льеж и Намюр и высаженный в Валансьене, сосредоточился в районе Ле-Катле—Руазель и начал продвигаться к Перону. У этого последнего, попрежнему, находились две франц. кав. дивизии, поддержанные небольшим отрядом территориальной пехоты: 1-я кав. дивизия—к востоку, а 5-я—к северу от

города. После незначительных боевых столкновений с баварцами между Пероном, Руазелем и Муаленом, французы были оттеснены к Перону, а ночью, по приказанию ген. Кастельно, отошли к Альберу. Следовательно, с первым же появлением здесь противника, французы, не оказавши ему серьезного сопротивления, покинули эту важную переправу на Сомме, которая, своим расположением в изгибе реки, значительно облегчала маневрирование на обоих берегах последней, как в западном, так и в южном направлениях.

Между Соммой и Уазой боевые действия в этот день приняли более оживленный характер лишь в окрестностях Нэля, где 4-й франц. корпус, наступавший со стороны Руа, потеснил германскую конницу ген. Марвица. Французы, медленно продвигаясь, достигли к вечеру юго-западных окрестностей Нэля. Две герм. кав. дивизии (2-я и 9-я) отошли к Сомме, на участок Бетенкур—Гам, а одна (7-я)—к правому флангу XVIII-го корпуса. Из войск левофланговой франц. группы, 11-я дивизия с корпусной артиллерией 20-го корпуса, дошла в этот день своими головными частями до Марселькава, а 14-й корпус с 39-й дивизией (20-го корпуса)—до р. Авра; выделение 39-й дивизии к правому флангу соседнего корпуса было вызвано опасением за безопасность промежутка между 14-м и 4-м корпусами, где оставалась лишь одна 3-я кав. дивизия.

На следующий день, 24-го, наступление германцев по обе стороны р. Соммы приняло более определенную форму. Части I-го бав. корпуса, занявши Перон, стали продвигаться по южному берегу, оставляя северный берег для II го бав. корпуса, достигшего в этот день своими головными частями окрестностей Ле-Катле. Несмотря на то, что в это время правый фланг I-го бав. корпуса не был обеспечен со стороны Комбля, а II-й бав. еще не изготовился для наступления, французская конница, находившаяся у Альбера и имевшая возможность использовать эти благоприятные условия, пребывала в бездействии; 1-я и 5-я франц. кав. дивизии даже отошли на правый берег Анкра, где соединились с одной из территориальных бригад, а также с 10-й кав. дивизией, подошедшей с юга.

Корпусам 2-й франц. армии было приказано продолжать движение к северо-востоку: северной группе 20-го корпуса—на Брэ, 14-му корпусу (с 3-й кав. дивизией)—на Шольн, 39-й дивизии (20 го корпуса)—правее, а 4-му корпусу—на Нэль. Однако, едва успели французские войска приступить к исполнению этого приказа, как около 7 часов утра обнаружилось сильное наступление XXI-го герм. корпуса со стороны Бетенкура, на участок от Шольна до Нэля; на левом фланге немцев, в тесной связи с 31-й дивизией этого корпуса, действовала конница ген. Марвица, в общем на-

правлении на Руа. Под натиском этих неприятельских войск, 8-я франц. дивизия (4-го корпуса) стала отходить к Нэлю, и хотя начавшееся с 3-х часов дня наступление 27-й франц. дивизии (14-го корпуса) у Шольна и облегчило несколько ее положение, но все же к вечеру она была вынуждена отойти своими главными силами в ближайшие окрестности Руа; 7-я франц. дивизия в этот день оставалась на месте.

Опасаясь, что отступление 4-го корпуса из окрестностей Руа может затруднить выдвижение центра 2-й армии в район Шольна, ген. Кастельно приказал этому корпусу упорно держаться в занимаемом им расположении, указавши его командиру ген. Боэлю, что это необходимо для обеспечения 14-му корпусу и 39-й дивизии возможности наступления из окрестностей Розьера.

Между тем, с обеих сторон все новые и новые войска приближались к району боевых действий на Сомме: у французов 24 сентября началась переброска из 9-й армии 11-го корпуса, который был перевезен по железной дороге из Компьена к Амьену, а затем частью пешком, частью на грузовиках следовал в окрестности Альбера; у немцев в этот день к Вандей (севернее Ла-Фэра) подошла из-под Реймса гвард. кав. дивизия, образовавшая вместе с 4-й, стоявшей на охране железнодорожной линии Камбрэ—Дуэ, I-й кав. корпус (ген. Рихтгофена), включенный в состав VI-й герм. армии.

Образование на правом фланге последней, в районе Сен-Кентена, крупного кавалерийского соединения являлось для немцев вполне своевременным, потому что конница ген. Марвица была еще связана боевыми действиями южнее Соммы, а присутствие трех франц. кав. дивизий у Альбера угрожало безопасности развертывания германских войск, прибывавших со стороны Валансьена. Уже с вечера 24 сентября гвард. кав. дивизия была направлена на правый берег Соммы, к Перону; на следующий день она расположилась в северных окрестностях этого города, составляя как бы заслон против французской конницы. Последняя, несмотря на свое значительное численное превосходство, оставалась на месте, выполняя лишь второстепенную и пассивную задачу—поддержание связи между левым флангом 2-й франц. армии и группой территориальных дивизий ген. Брюжера.

В течение 25 сентября левый фланг VI-й герм. армии продолжал свое наступление к западу: XXI-й корпус, от переправ между Сен-Кристом и Гамом—на Шольн и Нэль; I-й бав., от Перона и переправ южнее этого города—на Доншьер; II-й бав.—севернее Соммы, между Муаленом и Пероном. Кав. корпус ген. Марвица перешел на правый

фланг I-го бав. корпуса и продвигался по южному берегу Соммы, с целью обеспечения этого фланга. Наступление этих трех германских корпусов сильно задержало в этот день продвижение 2-й франц. армии. 4-й франц. корпус, в боях к северу и востоку от Руа, был оттеснен к предместьям этого города, как частями XXI-го герм. корпуса, наступавшими от Нэля, так и правофланговыми войсками XVIII-го корпуса со стороны Гюискара; 39-я дивизия (20-го корпуса), имевшая задачу оказать содействие левому флангу 4-го корпуса, не могла продвинуться далее Рувруа; 14-й корпус, имея на правом фланге 3-ю кав. дивизию, дошел до южных окрестностей Розьера, откуда пытался наступать к востоку, но Шольна не мог занять и был отброшен к Розьеру; наконец, северная группа 20-го корпуса продвигалась по обоим берегам Соммы, но лишь на северном берегу это продвижение велось безостановочно, в виду слабого сопротивления небольших передовых частей II-го баварского корпуса [1]).

Во всяком случае, к концу этого дня для французского командования уже становилось ясным, что рассчитывать на дальнейшее продвижение 2-й армии к востоку—невозможно и что противник, повидимому, успел развернуть крупные силы к северу от Соммы, почему в поисках его правого фланга следует направить свой удар в более северном направлении. В виду этого, французская главная квартира сделала в тот же день распоряжение о сформировании в районе Арраса новой (10-й) армии, во главе которой был поставлен бывший командир 18-го корпуса ген. Модюи. Начавший уже высадку в районе Амьена 11-й франц. корпус должен был послужить ядром для образования этой новой армейской группы. Французское главное командование рассчитывало, что более благоприятные (по сравнению с немцами) условия для быстрой переброски войск с юга на север дадут ему возможность предупредить противника в развертывании новых сил на берегах р. Скарпы, а следовательно и сохранить в своих руках инициативу действий на левом фланге.

25 сентября германская главная квартира перешла из Люксембурга в Шарлевиль и Мезьер, с целью находиться в более близком расстоянии от правого фланга своих армий, где постепенно развивались теперь операции все более и более широкого масштаба, все более и более оживленного характера.

На переброску и развертывание войск, назначенных в состав новой французской армии, необходимо было не-

[1]) Для переброски своих частей на северный берег Соммы 11-я франц. дивизия использовала переправу у Брэ.

сколько дней, поэтому корпусам ген. Кастельно приходилось продолжать свои попытки продвинуться к востоку, чтобы приковать к месту, находившиеся против них, неприятельские силы и не дать противнику возможности использовать их для маневра.

Бои в районе Бапома 26—28 сентября.

Весь день 26 сентября 2-я франц. армия вела упорные бои, не будучи в силах оттеснить немцев с занятых ими накануне позиций; в частности 4-й корпус, сильно теснимый германскими войсками XVIII-го и XXI-го корпусов, уже рыл окопы к югу и северу от Руа, собираясь перейти к позиционной борьбе. На правом берегу р. Соммы продвижение 11-й франц. дивизии уже было остановлено энергичным наступлением II-го бав. корпуса, угрожавшего здесь левому флангу всей армии ген. Кастельно. С обеих сторон, в районе, как к югу, так и к северу от Комбля, конница проявила в этот день усиленную деятельность. 1-я и 5-я франц. кав. дивизии до полудня вели бой на северном берегу Соммы, после чего весь кавалерийский корпус ген. Конно продвинулся к северу, в южные окрестности Бапома, где принял участие в боевых действиях, веденных к востоку и юго-востоку от этого города двумя территориальными дивизиями ген. Брюжера. С германской стороны, у Рокиньи, на правом фланге 4-й бав. дивизии (II-го бав. корпуса), три германские кавалерийские дивизии (2-я, 7-я, и гвард.), под общим руководством ген. Марвица, вели бои с французской конницей, поддержанной территориальной пехотой; 9-я кав. дивизия оставалась при I-м бав. корпусе, а 4-я—перешла от Камбрэ к Беньи, с целью задержать здесь продвижение французских территориальных дивизий до подхода от Камбрэ 26-й рез. дивизии (XIV-го рез. корпуса), только что прибывшей из Вогезов. Следовательно, с этого дня замечается стремление немцев вывести свою конницу с пехотных участков и держать ее в крупных массах на открытом фланге. Соответственно этому, на следующий день, и к северу, и к югу от Бапома, происходят оживленные боевые столкновения конных масс, сражающихся за господство в этом районе; положение немцев оказалось здесь более выгодным, потому что в течение этого дня на линию Беньи—Рокиньи выходили одна за другой обе дивизии XIV-го рез. корпуса, облегчившие задачу своей конницы. Наступлением этих дивизий территориальная пехота ген. Брюжера была оттеснена к Анкру; I-й герм. кав. корпус (гвард. и 4-я кав. дивизия) в боях к северу от Бапома (на правом фланге XIV-го рез. корпуса) отбросил французскую конницу за дорогу Бапом—Арас, а II-й кав. корпус (2-я и 7-я кав. дивизии), наступая на правом фланге II-го бав. корпуса, тес-

нил французские эскадроны у Рокиньи. К вечеру вся французская кавалерия сосредоточилась у Курселя.

В это время на фронте 2-й франц. армии боевые действия принимали все более неподвижный и пассивный характер: 4-й корпус сдерживал натиск частей XVIII-го и XXI-го герм. корпусов у Руа, 14-й (с 3-й кав. дивизией) и 39-я дивизия (20-го корпуса) сохраняли свое прежнее положение, отражая неприятельские атаки XXI-го корпуса и левофланговых частей I-го баварского. Правобережные войска 11-й франц. дивизии были потеснены к Брэ, при чем баварские войска пытались здесь обойти левый фланг этой дивизии в направлении на Альбер, но неожиданно для себя вышли на фронт, уже приближавшегося со стороны Альбера, 11-го франц. корпуса, остановившего их продвижение; в то же время на левом берегу Соммы французы продолжали обороняться между Донпьером и рекой.

В этот день, 27 сентября, германская главная квартира приказала командующему II-й армией начать перевозку в район Перона гвардейского корпуса для усиления правого фланга VI-й герм. армии.

28 сентября боевые действия с обеих сторон сохраняют, в общем, тот же характер, что и накануне. В районе Бапом—Круазиль, попрежнему, происходят оживленные бои французской конницы с I-м кав. корпусом ген. Рихтгофена; французы успешно задерживают здесь весь день продвижение германских эскадронов, но к ночи все же отходят в южные окрестности Арраса, к Невиль-Витасу. Одновременно с этим, германские дивизии II-го кав. корпуса, в связи с 27-й рез. дивизией, продолжают продвигаться от Рокиньи на Курселет и южнее, против передовых частей 11-го франц. корпуса; 9-я кав. дивизия, возвращенная в состав конницы ген. Марвица и подошедшая в этот день к Комблю, содействует этому продвижению.

На фронте 2-й франц. армии боевые столкновения не получают уже дальнейшего развития, а на некоторых участках постепенно замирают, сменяясь усиленной деятельностью противников по укреплению занимаемого ими расположения. 11-я франц. дивизия вся собирается, через Брэ, на северном берегу Соммы, передавши свои позиции южнее реки войскам 14-го корпуса, занявшего теперь широкий фронт до южных окрестностей Рувруа. Приказом по армии от 28 сентября французским войскам указан уже совершенно пассивный образ действий—сохранение занимаемых ими позиций, а кавалерийскому корпусу ген. Конно французским главным командованием дана задача: с 29-го принять на себя прикрытие сосредоточения и развертывания новой армии в районе Арраса. С переходом французских войск с этого дня к выполнению новой оперативной задачи

на новом направлении, мы можем считать сражение на Сомме законченным; 2-я франц. армия, постепенно зарываясь в землю, прекратила свое наступление, что побудило и немцев, уже ослабленных в упорных боях последних дней, обратиться к укреплению занятых ими позиций.

А в это время уже новые силы с обеих сторон стремились на север. Из под Реймса началась перевозка германского гвардейского корпуса, а IV-й корпус из I-й армии и I-й бав. рез. из Лотарингии уже приближались к Валансьену; с французской стороны 10-я армия ген. Модюи постепенно стягивалась к берегам Соммы: мы знаем, что 11-й корпус уже развертывался к востоку от Альбера, 10-й (из 5-й армии) начал высадку у Марселькава, имея назначением район между Круазилем и Курселем [1]), а дивизия ген. Барбо (из Вогезов) находилась еще в пути [2]).

Оценка боевых действий сторон.

Переходя теперь к оценке боевых действий сторон в первый период бега к морю, нам необходимо раньше всего обратиться к рассмотрению деятельности конных масс, потому что в операциях подобных тем, которые мною только что описаны, боевая работа кавалерии приобретает для исследователя особенный интерес. В таких операциях на конницу ложатся трудные и разнообразные задачи: прикрытие развертывания вновь прибывающих войск, захват и оборона различных естественных рубежей для задержки неприятельского наступления, обеспечение флангов, еще не прикрытых движением соседних частей, борьба с неприятельской кавалерией и т. п.

В отношении выполнения всех подобных задач нам приходится признать несомненное превосходство на стороне германской конницы. В самом деле, ее боевая деятельность в рассматриваемый нами период столь же разнообразна, как и обстановка, в которой она осуществлялась; эта деятельность непрерывно приспособляется к быстро меняющимся оперативным условиям, обнаруживая большую гибкость в применении различных приемов и форм кавалерийского боя. Мы видим эту конницу то в качестве завесы впереди, подходящих к полю сражения, пехотных частей, то ведущей бой совместно с пехотой на фланге корпусов и дивизий, то стоящей на охране железнодорожных путей,

[1]) Этот корпус был отправлен из 5-й армии 25 сентября в район Эстрэ-Сен-Дени—Компьен, первоначально с целью занять участок между 6-й и 2-й армиями, но затем получил назначение в 10-ю армию.

[2]) Эта дивизия в последнее время составляла вторую дивизию сводного корпуса ген. Делетуаля, а на новом фронте переименована в 77-ю; чаще всего она называется по имени своего начальника ген. Барбо (см. подстрочное примечание на стр. 197).

по которым ожидается прибытие подкреплений, то сражающейся с неприятельской кавалерией. При чем, конные дивизии то выделяются из состава кавалерийских корпусов для самостоятельных действий, то переходят из одного корпуса в другой в зависимости от удобств оперативного руководства, то придаются к пехотным соединениям. Этой необыкновенно подвижной, разнообразной боевой деятельностью германская конница охватила в течение девяти дней (с 19-го по 28 сентября) широкий фронт протяжением около 100 кил., принявши весьма решительное участие в боевых действиях пяти корпусов, последовательно выходивших на этот фронт.

Что же делала в это время французская кавалерия? Она держала свои главные силы севернее р. Соммы, в районе Альбера и Бапома, т.-е. вне левого фланга 2-й франц. армии, а потому, естественно, не могла ни прикрывать развертывания последней, ни принять непосредственного участия в боевых действиях ее корпусов [1]). Эта крупная конная масса, располагаясь на фланге германских войск, собиравшихся между верхней Шельдой и Соммой, в расстоянии всего лишь одного перехода от железнодорожных путей, по которым эти войска подвозились с севера, могла бы угрожать и этому флангу, и этим путям, замедляя и затрудняя развертывание VI-й герм. армии. Но предпринимала ли она что-нибудь для достижения этого? Решительно ничего. Опираясь на территориальную пехоту, занимавшую район Бапома, французский кавалерийский корпус вел, в течение нескольких дней под ряд, исключительно оборонительные бои, как с германской пехотой (II-го бав. корпуса), наступавшей вдоль северного берега Соммы, так и с германской конницей, прикрывавшей у Беньи и Рокиньи развертывание XIV-го рез. корпуса. Заслуживает внимания то обстоятельство, что каждый раз, потерпевши в этих боях неудачу, французская конница отходила к северу, вновь становясь в весьма выгодное положение по отношению неприятельского правого фланга и путей, ведущих от Дуэ, Валансьена и Мобежа, но опять-таки каждый раз упускала случай использовать эти благоприятные условия для достижения решительных результатов. В таком именно выгодном положении и в таком именно бездеятельном состоянии мы оставили эту конницу у Невиль-Витаса по окончании боев 28 сентября [2]).

---

[1]) Одна 3-я кав. дивизия, остававшаяся к югу от реки, конечно, не была в состоянии выполнить этих сложных задач.

[2]) В это время правый фланг немцев был легко подвержен охвату со стороны Арраса, потому что, подходивший к этому флангу, IV-й герм. корпус находился еще на правом берегу р. Шельды, в окрестностях Камбрэ.

Что касается действий остальных войск обеих сторон, сражавшихся на обоих берегах Соммы, то и в этом отношении преимущество было здесь на стороне немцев. Германские корпуса выходили на новый фронт с удивительной последовательностью, и каждый из них, со свойственной германцам решительностью, начинал свое наступление, не оглядываясь на соседей и не выжидая того момента, когда следующий за ним корпус прикроет своим движением его правый фланг. Немцы справедливо рассчитывали, что в таких операциях, каковы эти беспрерывные маневры на наружном фланге, гораздо выгоднее бросать в бой каждый из корпусов (а иногда и каждую из дивизий) немедленно же по прибытии их в район боевых действий, чем поджидать развертывания нескольких корпусов для одновременного наступления широким фронтом; потому что в этих условиях каждая вновь прибывающая войсковая часть является в данный момент тем последним резервом, введение которого в бой решает вопрос о победе или поражении. Подобный способ действий, конечно, требовал проявления смелой инициативы и большой самостоятельности со стороны командного состава, но, как известно, эти качества не являлись редкими в среде германских начальников.

У французов приемы использования войск, подходивших к новому фронту, имели несколько иной характер. Хотя отдельные корпуса, вынуждаемые к этому необходимостью, и вступали иногда в самостоятельные боевые столкновения с противником, но, вообще говоря, французское командование стремилось вести бои непременно в армейском масштабе; а это неизбежно приводило к потере времени, необходимого для развертывания на одной линии крупной массы войск, находившихся иногда в совершенно различных оперативных условиях. Повидимому, этой особенностью французских приемов наступления и следует объяснить ту медлительность маневрирования 2-й франц. армии, которую мы наблюдали в боях на берегах Соммы. Из этого стремления наступать одновременно сплошным фронтом проистекало желание заполнить промежутки, почему-либо оказавшиеся между корпусами, что, в свою очередь, вело к дроблению и раздергиванию крупных войсковых соединений, как это и случилось с 20-м корпусом, действовавшим в двух группах, разделенных одна от другой расстоянием в 20—25 кил. При этом северная группа этого корпуса до 28 сентября наступала по обоим берегам Соммы двумя отдельными отрядами, имевшими связь между собой лишь через переправу у Брэ.

Итак, в этот первый период операций на флангах боевые действия между Уазой и Соммой не привели

к решительному результату ни одну из сторон. Оба противника создали новый фронт, протянувшийся на 100 кил. к северу, но, после непродолжительной борьбы, перешли к обороне. Однако, боевая деятельность, однажды начатая здесь, не могла уже прекратиться: слишком велик был соблазн использовать на свободном фланге те силы, которые удавалось время от времени снимать то с одного, то с другого участка пассивного фронта. Казалось, что маневренный дух остановившихся друг перед другом противников тяготился малодеятельным и неподвижным характером позиционных боев; маневренная война, хотя постепенно и замирала, но все еще предъявляла свои права, все еще стремилась к сохранению своего преобладающего значения. Тем более, что далеко не все возможности для продолжения этой войны были исчерпаны: не мало оставалось еще свободного пространства до берега моря, и не мало имелось еще свободной живой силы. И поэтому, скачка к морю продолжалась безостановочно и неудержимо.

2. Боевые действия по обе стороны р. Скарпы, с 29 сентября по 9 октября (сражение у Арраса) [1]).

(Схема № 10).

По мере того, как в последние дни сентября к обоим противникам подходили новые силы, между верховьем р. Анкра и р. Скарпой боевые действия развивались все шире и становились все напряженнее. И в то время, когда в районе Соммы и далее к югу до Уазы боевая деятельность сторон уже ослабевала, здесь, в районе Арраса, она ярко загоралась то в одном, то в другом месте, постепенно охватывая равнины северной Франции, сначала южнее, а затем и севернее р. Скарпы.

Развертывание 10-й франц. армии.

В течение 29-го и 30 сентября войска 10-й франц. армии постепенно стягивались в окрестности Арраса, прибывая с юга частью в железнодорожных поездах, частью на грузовиках, а некоторые и походным порядком. 10-й корпус перешел из западных окрестностей Альбера, через Сайи-о-Буа, к Адинфэ, совершая движение по ночам с целью скрыть его от неприятельской воздушной разведки; 11-й корпус протянул свой левый фланг в северные окрестности Бапома, а 77-я дивизия начала высадку у Арраса. Территориальные дивизии ген. Брюжера собирались в западных окрестностях Бапома; кав. корпус ген. Конно прикрывал развертывание армии с

[1]) Во французских источниках это сражение называется иногда первым сражением в Артуа.

северо-востока, 29-го—на правом берегу Скарпы у Невиль-Витаса, а 30-го на обоих берегах этой реки в восточных окрестностях Арраса, где к нему присоединилась в этот день, прибывшая с левого берега Соммы, 3-я кав. дивизия.

На германской стороне, против развертывающейся 10-й франц. армии, в эти дни проявляет оживленную деятельность лишь одна конница: 29 сентября 1-й кав. корпус, усиленный 9-й кав. дивизией, подошедшей от Комбля в юго-восточные окрестности Круазиля, продвигается к западу и северо-западу вслед за французской конницей, стянувшейся к Невиль-Витасу, а II-й кав. корпус — содействует наступлению правого фланга XIV-го рез. корпуса, уже находящегося всеми своими силами перед Альбером. На следующий день вся эта кавалерия (за исключением 2-й кав. дивизии, временно оставленной при XIV-м рез. корпусе), под общим руководством ген. Марвица, наступает между Круазилем и Бапомом против подходящих сюда частей 10-го и 11-го французских корпусов, имея задачей прикрывать развертывание гвардейского и IV-го герм. корпусов, уже сосредоточенных в районе Камбрэ.

На фронте 2-й франц. армии 4-й франц. корпус, под натиском XVIII-го и XXI-го герм. корпусов, был вынужден отойти в западные окрестности Руа, где расположился по дивизионно на обоих берегах р. Авра; а несколько севернее, 39-я франц. дивизия, смененная войсками, прибывшими из 13-го корпуса, была направлена в состав своего корпуса, на правый берег Соммы.

Бой у Дуэ, 1 октября.

С 1 октября, по сближении между собой новых сил, подошедших с обеих сторон в район Арраса, здесь постепенно завязывается целый ряд боевых столкновений, изо дня в день охватывающих все более широкий фронт к северу. В первый день этого сражения борьба началась в окрестностях Дуэ, занятого небольшим отрядом французских территориальных войск. В виду того, что наступление I-го бав. рез. корпуса угрожало захватом этого города немцами, сюда, за неимением поблизости готовых к боевым действиям пехотных частей, была отправлена от Арраса по левому берегу Скарпы 1-я кав. дивизия, которая и вела в этот день у Дуэ, совместно с территориальной пехотой, бои с передовыми частями баварцев. В то же время 77-я франц. дивизия окончила свою высадку у Арраса, а 70-я рез.—у Ленса; обе образовали теперь сводный корпус ген. д'Юрбаля, предназначенный для наступления на обоих берегах Скарпы [1]); первая из этих дивизий в тот же день выдвинулась к Монши, с целью задержать наступление передовых

[1]) В некоторых описаниях этот корпус именуется 33-м.

частей IV-го герм. корпуса, подходившего сюда из района Камбрэ, и вела здесь упорные бои с противником весь вечер и всю ночь на 2-е октября.

Новая организация французской конницы.

Между тем, вследствие утомления кав. дивизий корпуса Конно и численного превосходства германской конницы, на французской стороне явилась потребность в более крупных кавалерийских массах; в виду этого, 1 октября состоялось распоряжение французского главного командования об образовании в районе Арраса двух кав. корпусов: 1-го, ген. Конно, из 1-й, 3-й и 10-й кав. дивизий, предназначенного для действий на обоих берегах Скарпы между Круазилем и Ленсом, и 2-го, ген. Митри, из 5-й дивизии (прежнего 1-го кав. корпуса), 4-й, перевезенной из 5-й армии и уже начавшей высадку у Ленса, и 6-й, перевозившейся по железной дороге из 9-й армии к Бетюну. Оба корпуса были включены в состав 10 й франц. армии, при чем корпус ген. Митри получил задачу действовать на фланге.

У немцев в этот день, как мы видели, началось наступление I-го бав. рез. и IV-го корпусов; первый из них достиг южных и восточных окрестностей Дуэ и вел бои с французскими войсками, занимавшими этот город, а второй, выйдя на левый берег Шельды у Камбрэ, продвигался в юго-восточные окрестности Арраса, где и встретил сопротивление 77-й франц. дивизии. Оба герм. кав. корпуса, не будучи в силах продвинуться ни у Круазиля, ни у Бапома (в виду все прибывавших в эти районы пехотных частей 10 го и 11-го франц. корпусов), ограничились здесь образованием завесы, с целью прикрыть продвижение IV-го корпуса к Аррасу и выход к Бапому гвардейского корпуса. Впрочем, появление у Арраса и на северном берегу Скарпы новых французских войск побудило германское командование принять меры к перемещению этой конницы далее к северу, где в ближайшие дни перед ней стали новые и ответственные задачи.

На участке южнее Соммы оживленные бои велись в этот день только в районе Руа, где немцы настолько сильно теснили 4-й франц. корпус и левый фланг 13-го, что пришлось, на случай необходимости поддержать атакованный боевой участок, направить в юго-западные окрестности Рувруа 92-ю территориальную и 8 ю кав. дивизии, проходившие в это время за фронтом, с нижней Уазы в северном направлении.

Бои на обоих берегах р. Скарпы 2—4 октября.

На следующий день, все уже прибывшие в район Арраса войска 10-й франц. армии начали наступательные действия: 10-й корпус, сосредоточенный у Адинфэ, с утра повел, со-

вместно с 1-й и 5-й кав. дивизиями, наступление в юго-восточном направлении, на Круазиль, навстречу IV-му герм. корпусу; левее, 77-я дивизия продвигалась к Монши; наконец, 70-я рез. дивизия наступала на левом берегу Скарпы в направлении на Фрэн. Наступление этих двух французских корпусов, поддержанных конницей ген. Конно, не могло дать благоприятных результатов, потому что одновременно с ним началось и германское наступление на участке от Дуэ до Бапома и притом силами более крупными, чем наличные силы 10-й франц. армии. I-й бав. рез. корпус, отбросивши 1-ю франц. кав. дивизию, овладел городом Дуэ, а затем, развернувшись севернее реки, потеснил и, наступавшую на Фрэн, 70-ю франц рез. дивизию, охвативши ее левый фланг, прикрываемый, брошенной от Арраса, 10-й кав. дивизией; французская конница отошла к Лиевину, а 70-я рез. дивизия — к Вими. II-й кав. корпус (7-я и 9-я кав. дивизии), продвигавшийся в этот день к северу, прикрывал оба фланга баварцев севернее Скарпы; IV-й корпус продолжал, начатое им накануне, наступление к Аррасу, медленно продвигаясь и с трудом преодолевая сопротивление французских частей 10-го корпуса и 77-й дивизии; тем не менее, к вечеру немцы овладели Невиль-Витасом. Далее к югу, у Круазиля, попрежнему, вел небольшие бои I-й герм. кав. корпус (гвард. и 4-я кав. дивизии), поддерживая связь между IV-м корпусом и прусской гвардией; последняя начала наступление от Беньи в северные окрестности Бапома против частей 11-го франц. корпуса.

В общем, боевые действия этого дня возможно считать нерешительными для обеих сторон, главным образом, вследствие того, что наступление противников еще не успело получить своего полного развития и размаха; лишь бои на левом берегу Скарпы ознаменовались определенным успехом германских войск, угрожавших здесь охватом левому флангу 10-й франц. армии. Последнее обстоятельство являлось тем более опасным, что 2-й франц. кав. корпус, имевший задачей обеспечивать этот фланг у Ленса, располагал здесь в этот день только одной дивизией [1]).

2 октября началась перевозка из 4-й франц. армии 21-го корпуса, а из 6-й — 45-й дивизии, назначенных в состав 10-й армии.

На 3 октября войскам этой последней были даны следующие приказания: 77-й дивизии — наступать между р. Скарпой и Невиль-Витасом, а 10-му корпусу повести решительную атаку через Аньи к Монши; на левом берегу 70-й рез. дивизии (усиленной на левом фланге между Вими

[1]) Это была 5-я кав. дивизия; 4-я и 6-я дивизии еще только выгружались из поездов у Ленса и Бетюна.

и Ленсом 1-й и 3-й кав. дивизиями, а на правом, в северных окрестностях Арраса, 10-й кав. дивизией) упорно удерживаться в занимаемом ею расположении. На обоих берегах Скарпы бои этого дня закончились неудачно для французов: ни 77-я дивизия, ни 10-й корпус не могли продвинуться, и Невиль-Витас остался в руках немцев, а 70-я рез дивизия, под натиском баварцев, отошла на линию Вими-Аррас. В это время конница ген. Митри собиралась между Бетюном и Лоосом, ведя разведку на Карвэн и Курьер, где после полудня была обнаружена неприятельская кавалерия. Это были передовые части I-го и II-го герм. кав. корпусов, продвигавшихся к северу, под общим руководством ген. Марвица: I-й корпус, через Дуэ, собирался у Курьера, II-й подходил в восточные окрестности Ленса и к вечеру занял этот пункт без сопротивления со стороны французов.

Несмотря на то, что в этом районе немцы уже сосредоточили большие конные массы, численно превосходившие французскую конницу, собиравшуюся между Бетюном и Лоосом, все же германское главное командование признало необходимым усилить кавалерию на своем правом фланге, для чего сюда были подвезены по железной дороге, из V-й армии и армейской группы ген. Штранца, три кав. дивизии. Они начали в этот день высадку: 6-я—у Монса, 3-я—у Конде и баварская—у Валансьена и должны были образовать IV-й кав. корпус ген. Холена.

Между Бапомом и Круазилем прусская гвардия продолжала теснить 11-й франц. корпус, усиленный двумя территориальными дивизиями ген. Брюжера; далее к югу, 20-й франц. корпус дотянул свой левый фланг до Альбера, имея за ним 8-ю кав. дивизию, только что подошедшую сюда с левого берега Соммы. В то же время новые подкрепления прибывали к французам: у Арраса начали выгружаться головные эшелоны 45-й дивизии.

4 октября боевые действия у Арраса развивались на тех же направлениях, на которых они были начаты накануне и, притом, с полным успехом для немцев. I-й бав. рез корпус, наступавший на Ленс, продолжал охват левого фланга 70-й рез. дивизии, продвинувшись к стороне Лиевина, куда был брошен весь кав. корпус Конно для противодействия этому опасному движению противника; тем не менее, после упорных боев, продолжавшихся весь день, французы были вынуждены покинуть ночью и Вими, и Лиевин и отойти до дороги Аррас—Бетюн, при чем левый фланг 70-й рез. дивизии расположился у Мон-Сент-Элюа, имея конницу Конно несколько севернее. Кавалерия ген. Митри, ведя незначительные бои с германской конницей в северо-восточных окрестностях Ленса, все еще собирала свои силы между Бетюном и Лиевином, установивши связь с головными ча-

стями 21-го корпуса, высаженными в этот день у Ла-Бассэ. Между тем, дивизии IV-го герм. кав. корпуса прибывали в восточные и юго-восточные окрестности Лилля и, при поддержке ландв. бригады Шуленбурга, подошедшей от Дуэ, вели разведку к стороне Ла-Бассэ, где ими было обнаружено появление новых пехотных частей противника [1]).

По мере приближения сторон к бельгийской границе, местные условия становились все труднее для боевых действий конницы, потому что здесь начинался заводской и каменоугольный район, с многочисленными шахтами, насыпными дорогами, изрытой почвой, частыми поселками и сооружениями всякого рода, вообще, с сильно пересеченной и закрытой местностью. Несмотря на это, оперативные задачи, стоявшие перед кавалерией обоих противников, вынуждали и французские, и германские кав. дивизии, попрежнему, напрягать все свои усилия.

К югу от Арраса 10-й франц. корпус, в боях с 3-го на 4 октября и днем 4-го был отброшен войсками IV-го герм. корпуса в юго-западные окрестности города (в район между Аррасом и Фишэ), с угрозой захватить город, обороняемый у восточных предместий сильно ослабленной боями 77-й франц. дивизией. Это обстоятельство, между прочим, помешало 45-й дивизии продолжать высадку своих войск у Арраса и вынудило ее высаживаться у Бомеца.

Объединение французского командования севернее р. Уазы.

Вообще же, положение 2-й и 10-й франц. армий в этот день представлялось весьма тяжелым. К югу от Соммы XVIII-й и XXI-й герм. корпуса продолжали теснить, в районе Руа, 4-й франц. корпус, который, хотя и был усилен 62-й рез. дивизией, прибывшей из 6-й армии, все же едва держался под ударами противника. Командующий 2-й армией ген. Кастельно, опасаясь быть прорванным вдоль р. Авра, уже хотел отвести свой левый фланг с правого на левый берег Соммы, с целью занять более сосредоточенное положение и образовать резерв для контр-удара [2]). В 10-й армии, в районе Арраса, французы переживали опасный кризис, и занятие немцами этого города казалось неизбежным.

Не мало тревожных донесений было получено в этот день во французской главной квартире! И читая их, фран-

[1]) Бригада Шуленбурга принадлежала к составу местных войск, находившихся в распоряжении германского генерал-губернатора Бельгии.

[2]) В связи с этим тревожным настроением во 2-й армии, последовало распоряжение главного командования о перемещении в эту армию двух резервных дивизий: 56-й из 6-й и 53-й из 5-й армий. Эти дивизии выступили туда 1-го и 3 октября, но в операциях бега к морю заметного участия не приняли.

цузский главнокомандующий справедливо опасался, что пройдет еще несколько часов тяжелых боевых испытаний,— и дрогнут сердца французских начальников, и начнут отходить их изнуренные армии, вновь отдавая врагу шаг за шагом родную землю. И в эти тягостные минуты, омраченные к тому же недобрыми вестями из-под Антверпена, сильнейшие форты которого уже находились в руках неприятеля, Жоффр приходит к решению объединить командование всеми французскими войсками, расположенными к северу от Уазы, в руках авторитетного и смелого начальника, который мог бы вдохнуть энергию в сердца павших духом французских генералов и своей твердой волей остановить отступление северных армий. Его выбор останавливается на командующем 9-й армией ген. Фоше, которому приказано сдать свою должность ген. Эмберу и немедленно отправиться на ту сторону Уазы, чтобы спасти там положение [1]).

Ночью с 4-го на 5 октября Фош прибывает в штаб 2-й армии, в Бретей, и убеждает ген. Кастельно продолжать сопротивление в занимаемом его войсками расположении; рано утром 5-го он встречается с Модюи в районе передовых позиций 10-й армии и убеждает его в том же. Обоим даны твердые и решительные указания вести упорную и активную оборону. Очевидцы этих свиданий описывают захватывающие, драматические сцены, происходившие при встрече ген. Фоша с командующими армиями. Небольшого роста, подвижной и нервный, с быстрыми и порывистыми движениями, единственный из французских генералов, напоминавший и своей внешностью, и своими приемами великого полководца Франции, ген. Фош весь горел стремлением броситься на противника. Не уступайте врагу ни одной пяди родной земли! требовал он от обоих командующих армиями. Атакуйте! Сопротивляйтесь! Ничего, кроме атаки!.. При встрече с Модюи он обнял его и благодарил не только за то, что он уже сделал, но и больше того за то, что он еще сделает. Атакуйте! Атакуйте! беспрестанно повторял он, создавая вокруг себя бодрое и решительное настроение и внушая войскам не только сознание необходимости наступательных действий, но и уверенность в успехе. И, повидимому, главным образом, этим психологическим воздействием на французских начальников, этим воодушевлением уставших, поколебленных в своей решимости войсковых масс и следует объяснить то, что, несмотря на всю затруднительность обстановки, и 2-я, и 10-я франц. армии удержались в своем положении.

[1]) Ген. Эмбер в это время командовал в 9-й армии сводным корпусом, составленным из марокккской, 23-й пех., 52-й рез. и 9-й кав. дивизий.

Тем не менее, в течение 5 октября на фронте 10-й франц. армии немцы, хотя медленно, но все же кое-где продвигались. I-й бав. рез. корпус наступал между Лиевином и Мон-Сент-Элюа, имея правее себя два герм. кав. корпуса, II-й—у Ленса, а I й—у Лиевина; эта конница задерживала здесь, со стороны Бетюна и Ла-Бассэ, продвижение 21-го франц. корпуса, прикрываемого с востока, в районе Лооса, 2-м франц. кав. корпусом. Непосредственно у Арраса IV-й герм. корпус сильно нажимал на обе дивизии д'Юрбаля, одна из которых (77-я) едва удерживала восточную окраину города. С целью поддержать 70-ю рез. дивизию, отброшенную накануне от Вими, ген. Модюи приказал частям 45-й дивизии, подходившим от Бомеца, усилить ее правый фланг в северных окрестностях Арраса; кроме того, некоторые части 43-й дивизии (21-го корпуса) с той же целью были подвезены на автомобилях от Бетюна в западные окрестности Мон-С. Элюа. Далее к югу, гвардейский корпус продолжал теснить правый фланг 10-го франц. корпуса на Бомец и к вечеру продвинулся до линии Фишэ—Бапом. Наконец, XIV-й рез. корпус в боях с 11-м франц. корпусом перешел за р. Анкр, в северные окрестности Альбера.

Во 2-й франц. армии оживленные бои в этот день, по-прежнему, происходили лишь у Руа, где 4-й корпус, усиленный прибывшей из 5-й армии 53-й рез. дивизией, успешно сопротивлялся натиску противника.

Между тем, на правом фланге германцев вновь сформированный IV-й кав. корпус постепенно продвигался к северу: 3-я кав. дивизия с ландв. бригадой Шуленбурга оставалась для наблюдения за Лиллем в восточных окрестностях этого города [1]), а две остальные дивизии (баварская и 6-я) перешли в район Комин—Туркоин.

Бои 6-го и 7 октября у Ленса.

Два последующие дня, 6-го и 7 октября, ознаменовались с обеих сторон подходом в район Ленса новых крупных частей пехоты и продвижением конных масс к северу, частью к р. Лису, а частью даже за эту реку. С французской стороны, 21-й корпус, прикрываемый с востока двумя дивизиями 2-го кав. корпуса, развернулся на линии Лоос—Лиевин; с германской стороны, XIV й корпус, только что прибывший из-под Вердена (из группы ген. Штранца) и высаженный в Валансьене и Дуэ, выдвинулся 7 октября, под прикрытием I-го кав. корпуса, в восточные окрестности Ленса. 13-я франц. дивизия пыталась наступать от Лооса к Ленсу, но, задержан-

[1]) Германская конница пыталась в этот день захватить Лилль, но, обнаруживши в городе крупные части французской пехоты, отказалась от своего намерения.

ная германской конницей, не могла продвинуться. В это время 1-й франц. кав. корпус вел бои на левом фланге 70-й рез. дивизии к северу от Мон-Сент-Элуа, а II-й германский — у Лиевина на правом фланге I-го бав. рез. корпуса; таким образом, оба вновь подошедшие к Ленсу корпуса (21-й французский и XIV-й германский) шли навстречу друг другу для фронтального столкновения, имея каждый свои фланги обеспеченными крупными частями конницы. Естественно, что при таких условиях, завязавшиеся у Ленса бои не могли привести ни к каким решительным результатам.

В течение 6 октября на р. Лисе были высажены две франц. кав. дивизии: 6-я—у Эра, с задачей удерживать на этой реке переправы у Эстера и Мервиля, и 7-я (переброшенная из 3-й армии) в районе Армантьера, с целью прикрывать с севера Лилль, занятый небольшим французским отрядом. На следующий день две дивизии 2-го франц. кав. корпуса, находившиеся в северных окрестностях Ленса, передвинуты за Бетюн, в район Вьей-Шапель—Эстер, для противодействия, совместно с 7-й кав. дивизией, наступлению германской конницы по южную сторону р. Лиса. С другой стороны немцы, в виду сведений о высадке англичан у Остендэ [1]), выслали разведку на Тьельт и Туру, а затем продвинули 7 октября свой IV-й кав. корпус на левый берег реки к Ипру и Витшаете; в тот же день эта конница достигла своей разведкой линии Поперинг — Сент-Омер—Эр—Бетюн, войдя в соприкосновение с франц. кав. частями между рекой и Бетюном.

В течение этих двух дней на всем остальном фронте до р. Уазы стояло боевое затишье, а 7-го бои начали стихать и у Арраса. В этот день вечером командир 2-го франц. кав. корпуса, ген. Митри, получил от ген. Модюи сообщение, что на его корпус (с 7-й кав. дивизией) возлагается задача прикрывать высадку и развертывание английской армии на обоих берегах р. Лиса, для чего его дивизии должны немедленно сосредоточиться у Мервиля; кроме того, ему сообщалось, что с утра 8 октября в его распоряжение поступает бригада 87-й территориальной дивизии, которая прибудет по железной дороге из Дюнкерка к Сент-Омеру.

В течение 8 октября положение сторон между Ленсом и Ла-Бассэ определилось в таком виде: XIV-й герм. корпус, закончивши здесь смену конницы, которая направилась к северу, развернулся правее I-го бав. рез. корпуса до Карвэна, но продвинуться далее Ленса не мог, потому что встретил сильное сопротивление 21-го франц. корпуса, раз-

[1]) У Остендэ англичанами были высажены 7-я пех. и 3-я кав. дивизии, первоначально предназначавшиеся для содействия Антверпену (об этом см. главу VIII-ю).

вернувшегося южнее канала Ла-Бассэ [1]). После целого ряда фронтальных боевых столкновений, веденных частью в этот день, а частью накануне, противники остановились один против другого, не будучи в силах добиться успеха, тем более, что многочисленная конница обеих сторон, прикрывавшая их наружные фланги, не давала возможности противной стороне обратиться к выполнению какого-нибудь маневра. Это привело к тому, что, как 8-го, так и 9 октября, только одна конница и проявила оживленную деятельность, пытаясь занять на берегах р. Лиса положение, угрожающее флангу противника. У германцев I-й кав. корпус перешел в восточные окрестности Ла-Бассэ, а II-й — в юго-западные окрестности Лилля, тогда как IV-й повел наступление через Байё на Хазебрук (бав.) и Эстер (3-я и 6-я д.д.), где завязал бои со 2-м франц. кав. корпусом. Этот последний находился 8 октября на левом берегу Лиса от Хазебрука (6-я д.) на Вье-Беркен и Мервиль (4-я д.) и Эстер (5-я д.), поддерживая связь с 7-й кав. дивизией в южных окрестностях Армантьера; в это время в Сент-Омере уже была высажена одна бригада 87-й территориальной дивизии, другая бригада которой высаживалась в Касселе. В боях этого дня почти вся эта французская кавалерия была оттеснена германской конницей на правый берег реки: 7-я дивизия—к Нэф-Шапелю, а 4-я и 5-я—в район между Бетюном, Мервилем и Эстером; лишь одна 6-я дивизия удержалась между Хазебруком и лесом Ниепп. Что касается 1-го франц. кав. корпуса, то в течение этих двух дней он прикрывал левый фланг 21-го корпуса у Ла-Бассэ.

В виду того, что вновь образовавшийся к северу от Уазы германский фронт оказался уже, как по своему протяжению, так и по количеству находившихся на нем войск, весьма трудным для управления, 9 октября германская главная квартира разделила его на два участка: северный, от р. Скарпы до р. Лиса, который составил VI-ю армию с кронпринцем баварским Рупрехтом во главе, и южный, до верховьев р. Авра (у Руа) — II-ю армию во главе с ген. Бюловым [2]).

С 9 октября сражение у Арраса может считаться законченным; уже было ясно, что те задачи, которые ставили перед собой противники в своем встречном движении по обе стороны р. Скарпы, не могли быть ими выполнены, и дальнейшая борьба в этом районе не могла дать ни одному

---

[1]) Этот канал идет от Эра (на р. Лисе) на Бетюн и Ла-Бассэ и в 10 кил. от последнего примыкает к каналу, соединяющему р. Шельду с р. Скарпой (через Лилль и Дуэ).

[2]) Еще оставшиеся в районе Реймса корпуса прежней II-й армии были включены в состав VII-й, ген. Геерингена.

из них каких-либо решительных оперативных преимуществ. На берегах р. Лиса и далее к северу назревали новые боевые явления, которые должны были привлечь в этом направлении новые значительные силы и вызвать у обоих противников боевую деятельность высокого напряжения. На верхнем Лисе собиралась английская армия, переброшенная туда с р. Эна, а бельгийцы, усиленные небольшими англо-французскими частями, уже покидали Антверпен, преследуемые по пятам победоносным противником. Повидимому, в ближайшие дни неизбежным являлось крупное столкновение сторон во Фландрии, возле морского побережья, как заключительный акт этой длинной вереницы беспрестанно видоизменявшихся, подвижных операций, все более приближавшихся к берегу моря. Но раньше чем завяжется эта борьба, бег к морю пройдет еще один этап в своем стремлении к северу, а именно ряд боев на берегах р. Лиса, известный под названием сражения у Лилля.

Оценка боевых действий сторон.

Наступление 10-й франц. армии по обеим сторонам р. Скарпы было произведено, в общем, более решительно и быстро, чем наступление войск ген. Кастельно между Уазой и Соммой. Это объясняется, главным образом, большей близостью к районам боевых столкновений пунктов высадки корпусов и дивизий, из которых некоторые выгружались даже под огнем противника, а также большей самостоятельностью, предоставленной командующим армией подчиненным ему начальникам. Несмотря на это, в этом сражении, как и в сражении на Сомме, успех неизменно сопровождал все действия германцев, почти везде теснивших французов, а местами даже создававших для них очень тяжелое положение. Однако, этот успех все же не имел решительного характера и нигде не приобрел большого оперативного значения, потому что отсутствие у немцев численного превосходства и беспрерывный подход к противнику новых войск, с соответствующим удлинением фронта, сильно затрудняли использование этого успеха для какого-либо широкого маневра.

В этих боях, как и во многих предшествующих, германские начальники обнаружили отличную оперативную подготовку: уменье ориентироваться в обстановке, способность быстро принимать решения, правильно определять слабейшие пункты в неприятельском расположении и с бесповоротной решимостью направлять туда свой удар; в этом отношении особенного внимания заслуживают действия I-го бав. рез. корпуса в районе Вими и гвардейского южнее Арраса. Французы значительно уступали в этой подготовке своему противнику, почему, при численно равных силах и одинаковых прочих условиях, всегда выходило так, что

с первых же моментов столкновения, они оказывались в положении обороняющегося, а немцы в положении атакующего, сохраняя за собой все выгоды инициативы.

В этом сражении боевая деятельность конных масс отличалась с обеих сторон большой подвижностью и более широким размахом, чем в предшествующих операциях. Оба противника в течение этих двух дней значительно увеличили численность своей кавалерии путем переброски новых дивизий из других армий, и держали ее преимущественно на флангах, для обеспечения развертывания вновь подходивших к фронту корпусов, а к концу сражения каждый из них, предусматривая вероятность борьбы на побережьи, бросил часть своей конницы к р. Лису. Особенно смелое продвижение к северу произвел IV-й герм. кав. корпус, охвативший своей разведывательной завесой обширное пространство на левом берегу этой реки и пытавшийся воспрепятствовать установлению связи между левым флангом союзников и бельгийской армией у Антверпена.

3. Боевые действия по обе стороны р. Лиса (сражение у Лилля), 10—15 октября.

(Схема № 10).

Переброска английской армии с р. Эна к верхнему Лису.

Пока к северу от Уазы обе стороны, стараясь предупредить одна другую, забегали все далее и далее к стороне морского побережья, вызывая этим беспрерывную переброску войск из одного района в другой, на р. Эне произошла крупная перегруппировка на стороне союзников.

29 сентября главнокомандующий английской армией, фельдм. Френч, обратился к ген. Жоффру с письмом, в котором высказал пожелание о возможно скорейшей переброске его армии с р. Эна к северу, в район побережья. Он объяснял это желание следующими соображениями: во-первых, необходимостью для английских войск быть ближе к своей базе и иметь более короткие и безопасные сообщения с отечеством, и, во-вторых, тем обстоятельством, что прибывавшие из Англии и Индии в бельгийские порта новые подкрепления (7-я и 8-я пех. и 3-я кав. европейские д. д. и две пех. и одна кав. туземные д. д.) значительно увеличат боеспособность английской армии и позволят ей действовать с большей самостоятельностью и в более широком районе. Френч находил, что момент вполне благоприятствовал выводу английских войск из боевых линий на Эне, потому что боевые действия здесь совершенно затихали, а замена англичан слабыми частями соседних французских

армий представлялась вполне возможной, в виду сильных укреплений, построенных на обоих берегах реки.

Естественно, что предложение английского главнокомандующего, не вызывавшееся оперативными потребностями союзников и явившееся совершенно несвоевременным, должно было вызвать большое удивление и неудовольствие во французской главной квартире. В самом деле, целесообразна ли была эта мера в оперативном отношении, имея в виду массовую перевозку французских войск и снабжения всякого рода с юга на север? Ведь в это время по всем железнодорожным магистралям, ведущим из района восточных крепостей к Амьену и Аррасу, двигались сотни войсковых эшелонов, спешивших подвезти за Сомму корпуса, предназначенные для удлинения фронта и усиления левого фланга союзников. Перевозка английских войск должна была замедлить и затруднить эту операцию, а, может быть, и поставить в опасное положение французские войска, сражавшиеся на Сомме и у Арраса.

В своем ответном письме фельдм. Френчу от 30 сентября ген. Жоффр признал переброску английской армии несвоевременной и нежелательной; однако, опасаясь раздражать своего союзника решительным отказом, он предложил ему пока лишь подготовить для перевозки в район Лилля некоторые войсковые части, не занимавшие укрепленных позиций, с тем, чтобы отправление их состоялось при первой же возможности и чтобы в новом районе они образовали, вместе с прибывавшими через Бельгию подкреплениями, особую группу английских войск; вместе с тем, перевозка остальных частей английской армии была обещана Френчу тотчас же после перехода союзников в общее наступление, когда, с движением вперед 5-й и 6-й франц. армий, возможно будет легко заполнить промежуток между ними, который образуется после ухода английских войск. Хотя такое решение должно было привести к весьма неудобному для английского командования разделению английской армии на две группы, удаленные одна от другой на значительное расстояние, фельдм. Френч согласился на это и немедленно же начал подготовлять к переброске 2-ю кав. дивизию и некоторые части 2-го корпуса; повидимому, он рассчитывал, что перевозку, раз начатую, не трудно будет продолжить до конца, не торопясь и не пугая французскую главную квартиру размерами своих требований. Как увидим ниже, в действительности так и случилось; переброска английских войск, начатая 1 октября, продолжалась безостановочно до 19-го, когда вся английская армия, усиленная вновь прибывшим из Англии 4-м корпусом, развернулась на обоих берегах верхнего Лиса.

Раньше всего, 1 октября, была уведена походным порядком из южных окрестностей Вайи на Компьен, Амьен, Дулан и Сен-Поль 2-я кав. дивизия; затем, в ночь с 1-го на 2 октября снят с передовых позиций 2-й корпус (3-я и 5-я д.д.), занимавший центральный участок, и в течение 2 октября отведен к Пон-Сент-Максансу (на Уазе), где на следующий день началась посадка его в железнодорожные поезда. Участок этого корпуса заняли части 1-го и 3 го корпусов. За 2-м корпусом отправлена к северу, 3 октября, тоже походным порядком, 1-я кав дивизия. 3-й корпус (4-я и 6-я д.д. и 19-я бригада), смененный 5 октября 69-й рез. дивизией 6-й франц. армии [1]), в течение 6-го и 7 октября был посажен в поезда в Компьене [2]); наконец, 1-й корпус (1-я и 2-я д.д. и 16-я бригада), по смене его 11 октября левофланговыми частями 5-й франц. армии, был отправлен по железной дороге также из Компьена. Корпуса высаживались в нижеследующих пунктах: 2-й—у Абевиля (закончил высадку 8 октября), 3-й и 1-й—у Сент-Омера (закончили высадку сооответственно 12-го и 19 октября [3]).

К 10 октября конница сосредоточилась походным порядком в окрестностях Эра (на р. Лисе), где образовала кав. корпус под начальством ген. Аленби, а 2-й корпус, частью подвезенный из Абевиля на грузовиках, подошел на линию Эр—Бетюн. Таким образом, с этого дня английские войска уже начали входить в общую боевую линию на левом фланге 10-й франц. армии, а вместе с тем и ввязывались постепенно в бои между р. Лисом и каналом Ла-Бассэ [4]). То обстоятельство, что английская армия начинала свою новую боевую деятельность наступлением 2-го корпуса, более других английских частей пострадавшего в предшествовавших операциях, представлялось неблагоприятным условием: фельдм. Френч говорит в своей книге [5]), что командир этого корпуса, ген. Смит-Дориен, все еще находился в подавленном состоянии после недавних поражений, жаловался на слабую беспособность своих дивизий, особенно же на необученность пополнений, и не верил в успех начатого наступления; подобное настроение высшего командного состава не могло, конечно, способствовать укреплению в войсках надежд на достижение благоприятных боевых результатов.

---

[1]) Эта дивизия 3 октября была перемещена сюда из 5-й армии.

[2]) 6-я дивизия прибыла на р. Эн из Англии (через Гавр) 16 сентября и была включена в состав 3-го корпуса. Одна бригада 4-й дивизии находилась при 1-м корпусе.

[3]) Главная квартира английской армии расположилась 12 октября в Сент-Омере.

[4]) Южной границей развертывания английской армии была назначена дорога Бетюн—Лилль.

[5]) „1914".

В течение 10 октября 2-й англ. корпус, прикрываемый, как с фронта, так и на обоих своих флангах французской конницей, закончил свое развертывание между Эром и Бетюном, а кав. корпус ген. Аленби продвигался по левому берегу р. Лиса.

Так как в это время положение немцев в районе Лилля казалось французам неустойчивым, и союзники рассчитывали решительным наступлением вдоль Лиса выйти к р. Шельде и угрожать правому флангу VI-й герм. армии, то фельдм. Френчу была дана французским главным командованием следующая задача: с находившимися в его распоряжении тремя армейскими и одним кавалерийским корпусами, наступать по обе стороны р. Лиса, правым флангом к Лиллю, а левым—на Варнетон, Комин и Мэнен к Куртрэ. Это наступление, как увидим, частично и началось на следующий день, но оно могло получить свое полное развитие не ранее того, как все силы английской армии были бы развернуты на обоих берегах реки; однако, 1-й корпус сильно запаздывал, а место и время присоединения к армии 4-го корпуса, втянутого в арьергардные бои совместно с бельгийскими войсками, отступавшими от Антверпена, еще невозможно было определить [1]).

Развертывание германских сил и бои южнее р. Лиса 10—11 октября.

С каждым днем германцы усиливались между Шельдой и Лисом и готовили союзникам удар у Лилля, который значительно затруднил в последующие дни продвижение правого фланга английской армии. 10 октября у Валансьена и несколько восточнее закончили высадку два герм. корпуса: XIX-й, прибывший из III-й армии, и VII-й—с р. Эна, из прежней II-й; первый из них начал в тот же день наступление к Лиллю, второй должен был 11 октября выдвинуться на участок между Лиллем и правым флангом XIV-го корпуса. Пока же, до прибытия в район Лилля новых крупных сил с обеих сторон, здесь вела в этот день бои только одна конница. IV-й герм. кав. корпус, не достигший накануне решительных результатов в своем наступлении на Хазебрук и Вьё-Беркен, частью сил продолжал теснить 6-ю франц. кав. дивизию к Эру, а остальные перебросил у Армантьера на правый берег Лиса, где у Лаванти, совместно со II-м кав. корпусом, вел бои с конницей ген. Митри. В то же время I-й герм. кав. корпус, в связи с 28-й дивизией (XIV-го корпуса), наступавшей на Ла-Бассэ, за-

[1]) 4-й корпус (ген. Роулинсона), был сформирован, приказанием фельдм. Френча от 10 октября, из только что окончивших высадку у Остенде 7-й нех. и 3-й кав. дивизий, отходивших к западу вместе с бельгийской армией (об отходе этих войск см. главу VIII-ю настоящего тома).

вязал бой в восточных окрестностях Нэф-Шапеля с левофланговой (1-й) дивизией конного корпуса Конно; две прочие дивизии последнего поддерживали 13-ю дивизию (21-го корпуса) на участке между Ла-Бассэ и Лоосом. Почти везде французская конница была вынуждена оставить поля боевых столкновений за противником; отошел также и левый фланг 13-й дивизии в северо-восточных окрестностях Лооса. Все эти мелкие, но многочисленные неудачи французов создавали не вполне благоприятную обстановку для начатого англичанами наступления и, конечно, предопределяли судьбу Лилля, который, со своим небольшим гарнизоном и разоруженными верками, уже был охвачен с трех сторон крупными силами противника.

На следующий день 2-й англ. корпус перешел в наступление по правому берегу р. Лиса и к вечеру, не встречая неприятельского сопротивления, выдвинулся на линию Бетюн—Мервиль; англ. конница (главным образом 2-я кав. д.) заняла лес Ниепп и вошла в связь с 3-м англ. корпусом, который еще производил высадку у Сент-Омера [1]). Что касается французской и германской конницы, то в этот день главная масса и той, и другой оставалась в занятых накануне районах, продолжая мелкие бои и разведку, при чем герм. гвард. кав. дивизия, при содействии тяжелой артиллерии XIV-го корпуса, заняла Ла-Бассэ; IV-й герм. кав. корпус вновь собрал все свои силы на левом берегу Лиса в южных окрестностях Байё.

Бой у Лилля 12 октября.

В это время Лилль доживал уже свои последние часы. Превращенный в самом начале войны из крепости в открытый город [2]), он был использован французами в качестве обыкновенной полевой позиции; отряд подполк. Пардье, состоявший из территориальной пех. бригады, батальона 21-го корпуса и 24 легких орудий (всего около 5.000 чел.), не мог, конечно, за недостатком сил, занять всех укреплений Лилля и оборонял только восточное предместье, железнодорожную станцию и цитадель. К вечеру 11 октября передовые части XIX-го герм. корпуса подошли со стороны Валансьена и расположились с южной и с юго-западной стороны города, производя разведку и устанавливая артиллерию. На следующий день, с утра, началась бомбардировка французских позиций тяжелыми гаубицами, после чего, около 3 час. дня, когда к городу подошли обе дивизии корпуса, немцы повели

[1]) Эту высадку прикрывала с фронта и с левого фланга (у Касселя) 87-я франц. территориальная дивизия, о которой мною уже упоминалось выше в связи с задачей, данной 7 октября коннице ген. Митри.

[2]) См. об этом том I-й, подстрочное примечание на стр. 447.

штурм. Огромное численное и техническое превосходство атакующего быстро прекратило сопротивление французов: охваченный со всех сторон и подавленный мощной бомбардировкой, отряд Пардье в тот же день положил оружие. Занявши Лилль, германцы начали продвигаться на Радингем и Армантьер; в то же время южнее уже подходили к фронту головные части VII-го герм. корпуса.

Попытки союзников наступать к Лиллю, 13 октября.

Продвижение английских войск по обе стороны р. Лиса происходило хотя и медленно, но безостановочно. На левом берегу англ. кавалерия, тесня перед собой правофланговые части IV-го герм. кав. корпуса, достигла восточных окрестностей Хазебрука; 2-й англ. корпус без боев выдвинулся на участок Анекэн—Вьей-Шапель—Мервиль. Оба франц. кав. корпуса должны были в этот день, под общим начальством ген. Конно, наступать к Лиллю для выручки его гарнизона, но выполнить этой задачи не могли: во-первых, ни один из корпусов не мог продвинуться до этого города, во-вторых, последний уже оказался в руках противника. К вечеру 1-й корпус был в окрестностях Лаванти [1]), а 2-й—в районе Эстер—Мервиль—Вьё-Беркен. В то же время левый фланг 21-го корпуса, под натиском 28-й герм. дивизии, отошел в южные окрестности Анекэна. Таким образом, в течение 12 октября германцы уже заняли район между Лиллем, Армантьером и Ла-Бассэ, откуда легко могли угрожать во фланг наступлению англичан вдоль р. Лиса к Куртрэ.

Тем не менее, ген. Фош все же решил продолжать наступление к Лиллю английской армией, поддержанной французской конницей [2]). 13 октября эти войска выполнили следующие задачи: кавалерия ген. Аленби, тесня перед собой правофланговые части германской конницы, отходившие к Армантьеру, собралась в окрестностях Бертена; 3-й корпус еще ночью подошел (пехота—на грузовиках) от Сент-Омера к Хазебруку и днем, после незначительных боев с передовыми войсками XIX-го герм. корпуса, занял Байё и Метерен; 2-й корпус своим левым флангом продвинулся к Лаванти; французская же конница выполняла очень скромную и пассивную роль, поддерживая связь между внутренними флангами английских корпусов: дивизии Конно—на правом берегу Лиса, между Мервилем и Эстером, а дивизии Митри (с 7-й кав. д.)—на левом берегу, между Эстером и Вьё-Беркеном. В то же время 3-я англ. кав.

[1]) Только две дивизии, потому что 10-я оставалась при 21-м корпусе к югу от Ла-Бассэ.

[2]) Английская армия вошла в состав северной группы ген. Фоша и в оперативном отношении была подчинена командующему группой.

дивизия подошла от Туру через Рулер к Ипру, установивши связь с английской армией. Следовательно, в этот день англичане оставались почти в прежнем положении к югу от Лиса, но сильно продвинулись севернее реки; последнее обстоятельство, в связи со сведениями о появлении противника у Ипра, вынудило ген. Холена откинуть правый фланг IV-го кав. корпуса к реке, в направлении на Армантьер, открывая английской коннице дорогу на Ипр и Куртрэ. Остальная германская конница продолжала бои на прежних направлениях: II-й кав. корпус—между Нэф-Шапелем и Эстером, против кавалерии Конно и левого фланга 2-го англ. корпуса, а I-й—у Ла-Бассэ. К вечеру в район Туркоина начали подходить (от Валансьена) головные войска XIII-го герм. корпуса, переброшенного сюда из V-й армии, вследствие чего опасность продвижения английской конницы в район Куртрэ, в обход правого фланга VI-й герм. армии, в значительной мере уменьшилась.

На следующий день, 14-го, английская армия местами продолжала свое продвижение к востоку: конница ген. Аленби достигла линии Варнетон—Месин—Витсшаете, а 3-й корпус выдвинулся за Байе. В то же время 2-й корпус оставался на месте, в виду необходимости произвести некоторую перегруппировку своих частей, вызванную сокращением его фронта до канала Ла-Бассэ. На противоположном фланге армии, в юго-восточные окрестности Ипра подошла от Гента (через Тьельт и Рулер) 7-я англ. дивизия. Теперь весь 4-й англ. корпус собрался у Ипра, примкнувши к левому флангу английской армии. Сюда же в этот день были выдвинуты две французские территориальные дивизии: 87-я, находившаяся до сих пор у Хазебрука и Касселя, и 89-я, только что прибывшая из Дюнкерка. Они обе должны были прикрывать подход к Ипру 1-го англ. корпуса и 17-й франц. дивизии [1]).

Перегруппировки обеих сторон, в связи с новыми планами.

Между тем, в течение 14 октября весь IV-й кав. корпус ген. Холена отошел за р. Лис, у Армантьера, вследствие чего весь левый берег этой реки оказался в руках англичан. Затем, командующий VI-й армией приказал XIX-му и XIII-му корпусам выдвинуться на линию Мэнен—Варнетон Армантьер, а 14-й дивизии (VII-го корпуса)—на линию Радингем—Ла-Бассэ, после чего всей коннице отойти в окрестности Лилля. Выдвижение этих крупных сил в указанных направлениях должно было значительно упрочить положение правого фланга VI-й герм. армии, хотя этот

[1]) Эта дивизия принадлежала к составу 9-го франц. корпуса, перевозившегося к Ипру из 9-й армии.

фланг все еще не мог войти в связь с германскими войсками ген. Безелера, преследовавшими от Гента бельгийцев [1]). В виду этого, направление вдоль р. Лиса, попрежнему, вело в слабое место в расположении германцев, в обход внутренних флангов VI-й армии и группы Безелера. Вот сюда то, как мы видели, и было нацелено левое крыло англичан, усиленное с 14 октября у Ипра одной пехотной и одной конной дивизиями. Однако, германское главное командование, уже задававшееся новыми широкими планами в направлении к морскому побережью, приняло ряд спешных мер для сосредоточения между Лисом и берегом моря крупных сил, которые могли бы не только отразить здесь неприятельское наступление, но и начать активные действия. Этой группе войск было дано наименование IV-й армии, и во главе ее был поставлен герцог вюртембергский, только что прибывший из Аргон со своим штабом в Гент [2]).

Об образовании этой армии и ее задачах в первый раз было объявлено в директиве германского главного командования от 14 октября, в которой говорилось следующее: VI-й армии обороняться на линии Мэнен—Армантьер—Ла-Бассэ, выжидая действий новой IV-й армии; этой последней наступать на фронте Остендэ—Мэнен, но, до выхода в линию новых корпусов, III-й рез. корпус должен маскировать их развертывание на всем этом фронте, а затем стянуться к северу, в район Остендэ [3]).

Все это указывало на то, что центр тяжести боевых явлений уже переходит на побережье, и что боевые действия в лиллъском районе уже теряют свое маневренное значение; крупные массы пехоты, развернувшиеся с обеих сторон на берегах Лиса для фронтального наступления, и установившееся здесь равновесие сил, придавали боям малоподвижный, нерешительный характер и затрудняли боевое использование многочисленной конницы, зажатой в узких промежутках между пехотными корпусами. Это должно было, конечно, привести к постепенному выводу кавалерийских корпусов из боевых линий, с переброской их или в ближайший тыл, или далее к северу. 15 октября все три германские кав. корпуса начали сменяться на своих боевых участках пехотой и отходить в окрестности Лилля; у союзников 2-й франц. кав. корпус (с 7-й кав. д.) в тот же день получил приказание перейти к Ипру.

---

[1]) Об этом см. главу VIII-ю настоящего тома.

[2]) Об этой армии см. главу IX ю настоящего тома. Оставшиеся еще в районе Аргон корпуса прежней IV-й армии были переданы в соседние армии.

[3]) Этот корпус, как будет видно из IX-й главы, составлял ядро осадной армии ген. Безелера.

В это время между берегом моря и Ипром уже собирались союзные войска, отошедшие от Антверпена, а за ними—преследовавший их германский отряд ген. Безелера; далее же к востоку уже тянулись по бельгийским дорогам новые германские колонны, предназначенные для нанесения союзникам сокрушительного удара. С падением Антверпена у обоих противников появились новые задачи и новые цели: у немцев — движение на Кале для захвата французского побережья, откуда возможно было угрожать Англии, у союзников - упорная оборона этого важного направления. Все перегруппировки, передвижения и маневры, исполненные обеими сторонами в течение ближайших дней в этом прибрежном районе, имели целью облегчить им выполнение этих задач. Все эти меры, во всей их совокупности, образуют подготовку к крупной операции во Фландрии, которая, хотя и составляет как бы продолжение изложенных выше боевых действий бега к морю, но по своему внутреннему значению, по оперативному замыслу, положенному в ее основание, представляет собой совершенно особую, самостоятельную операцию первостепенного значения. О ней я буду говорить в IX-й главе при описании сражения во Фландрии.

Оценка боевых действий сторон.

Характерной особенностью сражения у Лилля является преобладание боевых действий кавалерийских масс, которые нередко только одни и проявляли деятельность на берегах Лиса. Причинами этого явления необходимо признать, с одной стороны,—запоздалое прибытие к немцам корпусов, подвозившихся сюда из других армий (XIX-го, VII-го и XIII-го), а с другой—медленное продвижение английской армии, в виду решения, принятого фельдм. Френчем, не начинать общего наступления до полного сосредоточения на р. Лисе всех английских войск. Вследствие этого, за исключением лишь боя у Лилля 12 октября, пехота не вступала в боевые столкновения с противником в крупных соединениях, и поэтому кавалерии приходилось очень часто самостоятельно разрешать стоявшие перед обеими сторонами ответственные задачи. Это обстоятельство придает особый интерес боевой деятельности кав. корпусов в этом сражении и побуждает меня раньше всего обратиться к ее оценке.

Каждая из сторон развернула здесь, на сравнительно нешироком фронте (в 30—40 кил.), весьма многочисленную конницу, поддержанную легкими пехотными частями: союзники—9 (а к концу сражения—10) дивизий, а немцы—8, сведенные на каждой стороне в три кав. корпуса; у каждого из противников один корпус действовал севернее р. Лиса, а остальные—к югу от реки или непосредственно на реке.

Следовательно, обе стороны имели в этом сражении кавалерию почти равной численности и одинаково сгруппированную на фронте, в виду чего, для достижения той или другой стороной оперативного превосходства над противником, необходимо было проявить особую энергию и подвижность. Но стремилась ли в действительности конница обеих сторон к столь высокому боевому напряжению? Приходится признать, что, несмотря на огромную работу, выполненную ею в целом ряде боев, веденных в районе Лилля, и не взирая на ценную услугу, оказанную ею своему высшему командованию, имевшему возможность, под прикрытием этих конных масс, подвести навстречу противнику новые корпуса,—все же конница, как у союзников, так и у немцев, далеко не выполнила в этом сражении всего того, что она могла и должна была выполнить.

У французов кав. корпус ген. Конно в течение всего сражения остается в полосе между каналом Ла-Бассэ и р. Лисом, сначала прикрывая развертывание 2-го англ. корпуса, а затем, с переходом последнего в наступление, частью содействует ему в боях с германской конницей, продвигающейся от Лилля, но, главным образом, обеспечивает его левый фланг на правом берегу реки, в районе Мервиля и Эстера. Если принять во внимание, что по ту сторону Лиса находились в то время крупные силы союзников, то естественно возникает вопрос: была ли какая нибудь надобность в назначении такой многочисленной конницы для обеспечения этого фланга? Не целесообразнее ли было бы, после выполнения дивизиями Конно их задачи по прикрытию развертывания 2-го англ. корпуса, направить их на левый берег Лиса, на левый фланг английской армии, в район Хазебрука, Касселя и Ипра, где они могли бы, совместно с конными частями ген. Митри и английской конницей, нанести поражение IV-му герм. кав. корпусу и затем, своим наступлением на Армантьер, Варнетон и Куртрэ, задержать выдвижение немцев на этот участок реки?

2-й кав. корпус ген. Митри, занимавший первоначально очень выгодное расположение к северу от Лиса, с целью маскировать выход к Хазебруку английской конницы и 3-го англ. корпуса, не удержался в этом положении и еще до 10 октября, под натиском германской кавалерии, не превосходившей его численностью, отошел своими главными силами на южный берег реки. И несмотря на то, что у Хазебрука и Касселя он мог иметь сильную пехотную поддержку 87-й территориальной дивизии, а английская конница с 10 октября уже продвигалась по левому берегу р. Лиса, этот корпус не пытался вернуть себе утраченное им положение, а оставался двумя дивизиями в районе

Эстера, то на одном, то на другом берегу реки, имея свою третью дивизию под ударами численно превосходной германской конницы ген. Холена у Хазебрука. Следовательно, шесть франц. кав. дивизий [1]) оставались большую часть сражения в тесном пространстве между двумя английскими корпусами, поддерживая связь между ними и ведя небольшие бои с германской конницей. Едва ли эта, столь ограниченная, задача, может считаться соответствующей для этой многочисленной кавалерии. Мы знаем, что лишь 15 октября корпус Митри и 7-ю кав. дивизию начали перебрасывать в район Ипра; если бы такую переброску произвели на несколько дней раньше, то, по всей вероятности, крупная конная масса союзников, сосредоточенная в этом районе, могла бы подготовить здесь для дальнейшего наступления английской армии более благоприятную обстановку, чем та, которая оказалась в действительности [2]).

Английская конница ген. Аленби действовала более целесообразно в отношении общей задачи, данной английской армии и более соответственно своим силам: она не жалась к своей пехоте, а смело и самостоятельно продвигалась. Правда, успешное наступление обеих англ. кав. дивизий в значительной мере объясняется невыгодным положением, в котором оказался IV-й герм. кав. корпус в районе Хазебрук—Байё; тем не менее, заслуга английской кавалерии заключается в том, что она быстро ориентировалась в обстановке и сумела использовать благоприятные условия для скорейшего захвата возможно большего пространства на левом берегу Лиса, необходимого для обеспечения свободы маневра следовавшим за ней корпусам.

Не безупречна была также и боевая деятельность германской конницы. I-й и II-й кав. корпуса все время оставались южнее реки, прикрывая операцию у Лилля и выход на фронт, по обе стороны этого города, VII-го и XIII-го корпусов. Конечно, это была задача первостепенного значения, но требовались ли для ее выполнения непременно все пять кав. дивизий, тем более, что противник продвигался очень медленно и нерешительно? Казалось бы, что, при более рассчетливом использовании конницы в районе Лилля, было бы возможно 1—2 дивизии перебросить на левый берег реки для усиления конной группы ген. Холена. Эта последняя после своих успехов в направлении Хазебрука и Эра, повидимому, опасаясь своего выдвинутого положения, отошла к Байё, а затем, ничем к тому не вынуждаемая,

[1]) Три 1-го корпуса, две 2-го и 7-я кав. дивизия, действовавшая то с одним, то с другим из этих корпусов.

[2]) Об этом дальнейшем наступлении англичан будет изложено в главе IX-й, при описании подготовительных боевых действий к сражению во Фландрии.

перебросила две дивизии на правый берег Лиса, где и без того имелось значительно больше конницы, чем это требовалось; наконец, дивизии ген. Холена вновь собираются у Байё, но, потерявши много времени в бесцельных передвижениях, оказываются здесь между двумя неприятельскими группами: английской конницей, уже продвинувшейся с запада к Бертену, и 4-м англ. корпусом, подошедшим с востока к Ипру. При этих условиях, кав. корпусу ген. Холена не оставалось, конечно, ничего другого, как уйти за р. Лис, следовательно, при создавшейся обстановке, выйти совсем из строя. Вообще, германское командование слабо использовало находившиеся в его распоряжении конные массы для задержки неприятельского наступления на левом берегу Лиса и для облегчения правому флангу VI-й армии выхода на этот берег реки.

Из остальных явлений изучаемого нами сражения следует еще остановиться на боевых действиях, происходивших непосредственно у Лилля. Представляется непонятным, почему французы, упразднивши в этом городе крепость, все-таки держали в нем 5-ти тысячный отряд даже тогда, когда Лилль уже оказался на фронте неприятельских войск? Какое значение могло иметь для наступления союзников сохранение ими в своих руках этого города? Была ли какая-нибудь возможность для отряда Пардье успешно оборонять его? Едва ли можно подыскать какие-нибудь основательные соображения для оправдания этого неуместного решения французского командования; повидимому, к этому побуждало его единственно лишь пристрастие к занятию крупных географических пунктов, независимо от их оперативного значения, приводившее, с одной стороны, к тому, что занятый город становился ловушкой для своего слабого гарнизона, а с другой—к бесцельному разрушению населенных пунктов и разорению страны [1]).

4. Общий взгляд на характер операций бега к морю.

Операции, веденные обеими сторонами с таким оживлением в течение целого месяца на фронте от р. Уазы до р. Лиса, представляют собой весьма интересное явление, вызванное к жизни особенными стратегическими условиями театра военных действий. До тех пор, пока оба противника сохраняли свободу маневрирования на фронте, значитель-

[1]) Хотя решение французов объявить Лилль открытым городом и было принято по соображениям невоенного характера (см. том I-й, подстрочное примечание на стр. 447-й). тем не менее, по существу, оно было вполне правильным: при несовершенстве своих укреплений и слабости своих артиллерийских средств, Лилль не мог оказать атакующему продолжительного сопротивления.

ная доля их внимания была поглощена событиями, происходившими здесь, почему боевым действиям на флангах придавалось лишь вспомогательное значение. Но когда позиционная война постепенно стала зажимать в своих тисках полевые армии, оставляя им ограниченное поле для действий между укрепленными линиями, естественно, что оперативная инициатива и боевая энергия противников направились по линиям наименьшего сопротивления, устремились на свободные фланги,—туда, где еще окопы не бороздили местности, где враг еще не прятался в прочных убежищах, где войска, подходившие к боевым линиям, еще не могли скрываться от неприятельского наблюдения в извилистых ходах сообщений. И вот, вызванное этим стремлением к маневренной свободе, желанием избежать стеснительных условий позиционной войны, соблазном достигнуть здесь существенных преимуществ над противником, началось это настойчивое забегание в обход неприятельского фланга. А в результате этого, фронт все удлинялся и удлинялся, протягиваясь к северу, как бы стремясь найти для себя точку опоры. Казалось, что оба противника, неся постоянные неудачи в своих обходных маневрах, торопились дотянуть свой открытый фланг возможно скорее до моря, чтобы, опоясавши театр военных действий сплошной линией трудно-одолимых укрепленных позиций, окончательно преградить врагу путь для дальнейшего продвижения [1]).

Это последовательное набегание войсковых масс обеих сторон одна на другую, их горячие, но короткие схватки, быстрая остановка их стремительного движения и, наконец, переход к малоподвижному, пассивному состоянию с редкими вспышками боевой энергии, еще пытавшейся временами нарушить однообразие позиционной борьбы, все это напоминало встречное движение двух потоков раскаленной лавы, которые, набегая друг на друга, перемешивали свои огненные массы, останавливались в своем течении, постепенно с поверхности потухали, твердели и каменели, в то время, как сквозь их застывшую, еще неокрепшую кору время от времени пробивалась горячая лава, наполнявшая воздух раскаленными парами и пеплом. И не успевали эти потоки замереть в неподвижности, как рядом с ними набегали другие и так далее и так далее, пока не вырос вплоть до моря этот твердый, как гранит, неподвижный, как горный хребет, неприступный барьер, разделивший собой на продолжительное время обоих противников.

Эти операции на фланге, охватившие такую обширную территорию, раз начавшись, поддерживались и развивались

[1]) Французы называют эти операции—„La course à la mer“, немцы—„Der Wettlauf nach dem Meere“.

в течение продолжительного времени непрерывным действием обстоятельств двоякого рода. Во-первых, оперативными потребностями местного, ограниченного значения, непосредственно влиявшими на возникновение новых боевых столкновений, как например, соблазном охватить обнаженный неприятельский фланг, стремлением обеспечить свой собственный, желанием оживить замирающие операции на фронте угрозой чувствительным пунктам на тыловых сообщениях врага. И, во-вторых, действием более общих, более могучих факторов, глубже таившихся в сложных условиях широкой стратегической обстановки, а именно—не всегда ясно сознававшимся даже высшим командованием обеих сторон, стремлением противников связать операции на Эне и на Уазе с операциями в Бельгии.

Вот каков был внутренний оперативный смысл этого бега к морю, направляемого потребностями широкого стратегического значения. Естественно, если война между Уазой и Маасом, а также на линии восточных крепостей, уже изжила свои прежние широкие задачи, их нужно было искать в другом месте, на других направлениях. И эти новые задачи, как я говорил уже, нашлись теперь у каждого из противников и они-то и привлекали к морскому побережью все их свободные силы, всю еще неизрасходованную ими боевую энергию.

Вследствие исключительных особенностей той борьбы, которая велась обеими сторонами в этот период кампании 1914 года, здесь ярче и убедительнее, чем когда-либо, выявляется огромное значение для маневренной войны трех оперативных факторов: свободных резервов, железнодорожных средств сообщения и крупных масс самостоятельной конницы. В отношении первого обе стороны были поставлены в крайне неблагоприятные условия, потому что, с первого и до последнего дня бега к морю, ни одна из них не имела свободных резервов в настоящем значении этого слова, а создавала их искусственно, снимая корпуса и дивизии с различных участков фронта, иногда даже с риском ослабить себя на опасном направлении. Союзники, правда, получали время от времени небольшие подкрепления из числа новых формирований, прибывавших на театр военных действий [1]), но немцы не имели даже и этого,—весь новый фронт им приходилось создавать за счет сил, уже значительно истощенных в предшествующих операциях.

Но чем сложнее разрешался для противников этот вопрос, тем большее значение приобретал для них другой—

[1]) Например, англичане—6-ю и 7-ю пех. и 3-ю кав. дивизии, перевезеные из Англии, а французы—некоторые территориальные дивизии, сформированные в тылу; конечно, эти слабые подкрепления не могли существенно улучшить положения.

о железнодорожных путях сообщения, по которым возможно было производить переброску войск вдоль фронта. А в этом отношении обе стороны находились в совершенно различных условиях. Переброска французских войск могла выполняться гораздо быстрее, чем германских: французы, занимая между Уазой и Вогезами внутреннее положение, пользовались выгодами более коротких расстояний и, кроме того, железнодорожная сеть, находившаяся в тылу их армий, была в полной исправности. Немцы же, имея свой фронт расположенным по огромной внешней дуге, охватывавшей расположение противника от Мюльгаузена до Компьена, были вынуждены производить свои перевозки кружными путями. Эти невыгодные для германцев условия, в связи с отсутствием свободных резервов, явились, между прочим, причиной того обстоятельства, что они не имели возможности протянуть свой правый фланг по кратчайшему направлению к морскому побережью, от Компьена на Диепп, а должны были тянуть его к северу, в условиях во многих отношениях менее удобных. Направление на Диепп дало бы им возможность ограничиться меньшим количеством войск для обороны нового фронта и создало бы угрозу для Англии; следовательно, не потребовало бы ни тех напряжений, ни тех жертв, которые были затрачены ими впоследствии в боях во Фландрии, в борьбе за доступ к французскому побережью.

Наконец, в отношении использования крупных масс стратегической конницы противники находились в одинаково благоприятных условиях: почти вся их конница была сосредоточена на новом фронте и выполняла ряд ответственных задач в самой разнообразной обстановке. Из описания боевых действий бега к морю мы видели, что не всегда эта кавалерия действовала целесообразно и что германская, в общем, оказалась более подготовленной к этим операциям, чем конница французская. Несмотря на некоторые частные недостатки в боевой деятельности кавалерии, на которые я указывал при описании отдельных сражений, роль, которую сыграли в этих операциях конные массы обеих сторон представляется весьма крупной и поучительной. Конница действовала здесь беспрерывно в течение месяца, при чем во многих случаях, не только не опираясь на свою пехоту, но являясь сама опорой и прикрытием для пехотных частей, постепенно выходивших на фронт. Ни в одном из других периодов этой кампании оперативное использование кавалерийских масс не производилось в столь разнообразных формах, как в боях и операциях этого периода. Но за то эти кавалерийские массы отдали здесь на боевую работу свои последние силы, истощили себя до крайней степени и физически, и морально. К окончанию сражения у Лилля и

германские, и французские кав. дивизии находились в совершенно жалком состоянии, имея в эскадронах по 30—40 изнуренных коней; недостаток командного состава, изношенная материальная часть и сильное утомление людей, не имевших отдыха ни днем, ни ночью, делали эти слабые части малопригодными для боя [1]).

В операциях бега к морю с обеих сторон приняли участие крупные массы войск, развернувшиеся на широком фронте, протяжением около 150 кил., почему, казалось бы, от их встречного наступления возможно было ожидать значительных результатов. Но мы знаем, что этого не случилось; и это особенно удивляет нас в отношении германцев, действия которых отличались в этих операциях обычными для них инициативой и смелостью и сопровождались в большинстве случаев тактическим успехом. Столь странное на первый взгляд явление может быть объяснено, как мне кажется, следующими соображениями.

Во-первых, ни одна из сторон не обладала численным превосходством сил, которое могло бы сделать ее натиск непреодолимым для противника. Во-вторых, вследствие того, что с обеих сторон войска подходили последовательно, небольшими частями и тотчас же вводились в дело, невозможно было своевременно создать выгодной группировки сил и произвести решительный удар на каком-нибудь направлении. И, в-третьих, как результат всего этого, борьба приняла здесь форму двухсторонней стратегической обороны. Выше я указывал на то, что бег к морю, рассматриваемый в целом, в отношении того основного замысла, который одушевлял его, определялся для обеих сторон широкими стратегическими целями. Однако, выполнение составляющих его операций получило недостаточно широкий размах и в каждый данный момент было связано с задачами ограниченного значения. Противники раньше всего были озабочены тем, чтобы отразить неприятельский удар, а уже затем собирались и сами нанести таковой неприятелю. Между тем, вследствие необычайно быстрых перемен, происходивших в численности и расположении противника, и неожиданно возникавших перед сражавшимися новых задач, в большинстве случаев задуманный маневр оказывался уже запоздалым, невыполнимым, требовавшим новых сил и новой группировки. И поэтому, боевые действия через некоторые промежутки времени начинались как бы сызнова в новом районе и, конечно, с такими же, как и раньше, небольшими шансами на успех.

[1]) Английская кавалерия, недавно прибывшая с р. Эна, где она имела довольно продолжительный отдых, находилась в лучшем состоянии.

VII. Переход к позиционной войне к востоку от р. Уазы.

Из предыдущих глав этого тома мы видели, что по мере того, как центр тяжести боевых операций во Франции перемещался к западу и главный интерес борьбы сосредоточивался для обеих сторон на их западном фланге, маневренные действия на остальном фронте затихали и даже прекращались, уступая место боевым действиям позиционного характера; мы знаем, что это явление впервые обнаружилось в августе в вогезских горах, чему в известной мере способствовали и местные условия, весьма неблагоприятные здесь для быстрых движений и для маневра. С развитием операций на западе все большие и большие силы перебрасывались в этот район с других участков фронта, и в сентябре этот процесс ослабления живой силы обоих противников распространился уже и на их позиции между р.р. Уазой и Маасом, соответственно уменьшая здесь боевую энергию и подвижность их армий, вынужденных занимать теперь очень растянутое расположение и вследствие этого— зарываться в землю. Однако, замирание маневренной войны на фронте от Уазы до Вогезов шло с обеих сторон сравнительно медленно и различным темпом, в зависимости от тех частных задач, которые ставила перед армиями общая обстановка на театре военных действий и от разнообразных местных условий. В настоящей главе я хочу дать читателю краткий очерк этих, в большинстве случаев, не очень ярких, последних вспышек маневренной деятельности обоих противников, последовательно на трех участках указанного выше фронта: между Уазой и Маасом, на правом берегу Мааса и в Эльзас-Лотарингии.

1. Боевые действия между Уазой и Маасом после сражения на р. Эне.

(Схемы №№ 7 и 8).

С 16 сентября бои на р. Эне затихают, и постепенно с этих пор война к востоку от Уазы принимает неподвижный характер. Еще некоторое время обе стороны, подчиняясь закону боевой инерции, продолжают здесь свои попытки активных действий, что приводит в ближайшие

дни к целому ряду частных боев местного значения, не связанных общей идеей, не объединенных никакой широкой оперативной целью.

Мы оставили противников в тот момент, когда, сойдясь вплотную друг с другом и не будучи в силах продвинуться, они начали закрепляться в занятом ими расположении: по правому берегу р. Эна от Уазы до Бери-о-Бака, затем в северо-западных и северных окрестностях Реймса и далее на Моронвилер, Сервон, Варен, до р. Мааса немного севернее Вердена. Из тех боев, которые привели противников к этому положению, наибольшим оживлением и решительностью отличались бои в районе Краона и на Шмен-де-Дам, где немцы блестящим наступлением своих резервов, подошедших с севера, закрыли разрыв между I-й и II-й армиями и упрочили свое положение между Суассоном и Реймсом. Естественно, что в течение последующих дней, именно здесь следовало ожидать более крупных боевых столкновений, потому что союзники не могли так легко примириться со своими неудачами на этом важном операционном направлении и должны были еще некоторое время продолжать свои попытки к захвату Шмен-де-Дам и краонского плато; а немцам приходилось противодействовать этим попыткам, чтобы сохранить плоды своих побед, стоившие им столь значительных усилий.

Бои в районе Краона.

16-го и 17 сентября VII-я герм. армия, поддержанная левофланговым (III-м) корпусом I-й армии у Вайи, атаковала своими тремя корпусами (VII-м рез., XV-м и XII-м), на фронте от западных окрестностей Краона до Понтавера, правый фланг англичан и левый фланг 5-й франц. армии; последний, в свою очередь, пытаясь расширить тот плацдарм, которым он владел на правом берегу Эна, наступал 18 м корпусом, поддержанным справа двумя бригадами 1-го и 10-го корпусов, на позиции, занятые XII-м герм. корпусом между Ювинкуром и Бери-о-Баком. Эти встречные атаки не дали, однако, обеим сторонам никаких решительных результатов и привели их местами лишь к небольшому продвижению мелких частей [1]). 19 сентября атаки возобновились у Понтавера со стороны французов, но опять без существенного успеха. 26 сентября VII-я герм. армия вновь перешла в этом районе в наступление, но после целого ряда боев местного значения, продолжавшихся в течение нескольких дней, прекратила здесь свою активную деятельность. Наконец, еще раз в эту кампанию боевые действия возобновились в районе Краона

[1]) В процессе этих боев весь 1-й франц. корпус был перемещен из окрестностей Реймса на р. Эн, на участок от Бери-о-Бака до Понтавера.

12 октября: в этот день три корпуса 5-й франц. армии (18-й, 1-й и 3-й) начали наступление у Ювинкура и Краона и с большой настойчивостью продолжали его в течение 13-го и 14 октября; но вследствие многочисленных потерь, понесенных этими корпусами, и слабого их продвижения, 15-го им было приказано прекратить атаки и перейти к обороне [1]).

На участках 6-й франц. и английской армий бои велись в это время с меньшим оживлением и затихли гораздо раньше. 19 сентября обе рез. дивизии ген. Эбенера, расположенные в районе Атиши—Вик, безуспешно атаковали Нуврон, занятый частями IV-го рез. корпуса I герм. армии, а 20-го 1-й англ. корпус и одна дивизия 2-го подверглись сильному натиску правофланговых частей VII-й герм. армии и едва удержались в своем расположении, благодаря лишь поддержке войск, прибывших из армейского резерва [2]). С 1 октября, как мы знаем из предыдущей главы, началась переброска английской армии к северу.

Бои в районе Реймса.

В районе Реймса, в течение 16—18 сентября, II-я герм. армия еще продолжала свою боевую деятельность с заметным напряжением: XVIII-й корпус (прибывший из IV-й армии) вошел в линию корпусов между VII-м и X-м рез., при чем все эти три корпуса наступали на участке от р. Эна до Реймса; X й корпус и 2-я гвард. дивизия закреплялись далее к югу, а 1-я гвард. дивизия оставалась в армейском резерве восточнее Бримона. Лишь правому флангу армии удалось достигнуть некоторого успеха, утвердившись на западном берегу канала. Ночью с 18-го на 19 сентября весь гвардейский корпус был сосредоточен в окрестностях Витри [3]).

В эти дни I-я и VII-я герм. армии вышли из подчинения ген. Бюлова и стали управляться непосредственно из главной квартиры. Последние бои у Реймса II-я армия вела 26—27 сентября (гвардейским и X-м корпусами), но достигла

---

[1]) В первых числах октября из состава 5-й франц. армии были изъяты две резервные дивизии, отправленные: 53-я —во 2-ю, а 69-я— в 6-ю армии, что, понятно, ослабило наступательную силу войск ген. Франшэ д'Эсперэ. Одновременно с этим 56-я и 62-я рез. дивизии переданы из 6-й армии во 2-ю.

[2]) В армейском резерве у Суассона находились: прибывшая 16 сентября из Англии 6-я дивизия (включенная в состав 3-го англ. корпуса) и 2-я кав. дивизия.

[3]) С 20 сентября немцы начали артиллерийский обстрел Реймса и его знаменитого собора, что вызвало большое возмущение в Европе, считавшей это проявлением варварства. Однако, немецкие авторы считают этот обстрел военной необходимостью, в виду того, что реймский собор служил французским артиллеристам наблюдательным пунктом; немцы говорят, что позиционная война включила Реймс в линию укреплений, почему Реймс уже перестал быть городом, он сделался лишь участком позиции.

здесь незначительных местных успехов; начавшаяся же с 28 сентября усиленная переброска ее войск к северу настолько ослабила ее, что какое-либо дальнейшее наступление сделалось для нее теперь невозможным. 9 октября, с назначением ген. Бюлова командующим новой группой войск по ту сторону Уазы [1]), II я армия у Реймса была расформирована, а два, еще остававшиеся здесь, ее корпуса (X-й и X-й рез.) были переданы в состав III-й и VII-й армий [2]).

Далее к востоку, активные действия с обеих сторон наблюдаются значительно реже и с меньшим боевым напряжением. В 9-й франц. армии временами возобновлялись атаки 9-го корпуса и 42-й дивизии, а с 21 сентября и сводного корпуса ген. Эмбера, в районе Моронвилера [3]), но всякий раз без положительного результата. А в октябре, когда последовательно были переброшены во Фландрию 42-я дивизия, 9-й и сводный корпуса, боевые действия на этом участке совершенно затихли. Еще раньше, вскоре после назначения ген. Фоша командующим северным фронтом, участок позиций и войска 9-й армии были переданы в 4-ю армию.

Бои в Аргонах и у Вердена. На фронте 3-й франц. армии с 14-го до 22 сентября велись почти беспрерывно небольшие бои у Бинарвиля и Маланкура, вызывавшиеся с обеих сторон необходимостью улучшить здесь тактическую обстановку. Более крупные бои начались в этом районе с 22 сентября, когда V-я герм. армия предприняла наступление к Варену с целью отбросить здесь противника и установить, через Виль-сюр-Турб, прочную связь с IV-й армией. В этом наступлении приняли участие: XIII-й корпус, атаковавший от Апремона на Варен и Бурей, XVI-й, следовавший несколько восточнее, и VI-й рез. (с ландв. дивизией Франке)—от Монфокона на Маланкур. Несмотря на численное превосходство германцев, их наступление развивалось очень медленно, потому что противник оказался уже сильно укрепившимся; бои продолжались и в течение двух следующих дней. К вечеру 24 сентября наступав-

[1]) См. стр. 229.

[2]) В октябре I-я, VII-я и III-я герм. армии составили фронт (группу армий) ген. Геерингена.

[3]) Сентябрьские бои в этом районе получили у французских авторов громкое название сражения у Реймса, которого они, конечно, не заслуживают ни по своим размерам, ни по своему значению.

шие части V-й армии достигли линии Бурей—Маланкур, где бои и закончились [1]).

Общий взгляд на последние маневренные операции между Уазой и Маасом.

Все изложенные в этой главе боевые действия, веденные сравнительно небольшими силами, без особенного напряжения и не захватывавшие большого пространства, не изменили общего стратегического положения сторон между Уазой и Маасом. Уже в конце сентября обе стороны ясно сознавали, что задаваться здесь какими-нибудь широкими планами представляется невозможным. У германцев это сознание не вызывало, повидимому, никаких тягостных настроений, потому что стратегическая мысль германского главного командования уже была всецело занята в это время подготовкой к наступлению во Фландрии, где и надеялись, если не полностью, то хотя частично, достигнуть того решения, которое так неожиданно выскользнуло из рук в боях на Марне. Но зато у французов, уже вскоре по окончании сражения на Эне, невозможность сдвинуть противника на этом важнейшем операционном направлении привела и армии, и страну к глубокому разочарованию. От марнской победы ожидали значительно большего; отступление противника представлялось воображению победителей более бедственным и более продолжительным; побежденный враг, казалось должен был быть вытесненным из пределов Франции. Настроение, особенно в тылу, было настолько подавленное, что 23 сентября французская главная квартира признала необходимым опубликовать сообщение, в котором пыталась выяснить войскам и населению создавшееся положение. В этом сообщении главное командование призывало к терпению, указывало на то, что теперь армиям приходится иметь дело с условиями крепостной войны, напоминающими операции в Манчжурии, что в виду этого продвижение войск не может быть быстрым и измеряется расстояниями от 500 метров до 1 кил. в день. Затем, 27 сентября, французская главная квартира указала командующим армиями на необходимость, не задаваясь никакими наступательными планами, перейти к обороне и возможно лучше укреплять занимаемые позиции. Следовательно, с этого времени французское главное командование вполне определенно

[1]) К концу сентября эта армия имела 21-ю рез. дивизию (XVIII-го рез. корпуса) и 11-ю дивизию (VI-го корпуса) западнее Аргон, на линии Сервон—Бурей, а 12-ю дивизию, XIII-й, XVI-й и VI-й рез. корпуса—восточнее этих гор до Мааса, на участке Бурей—Маланкур—Форж; остальные ее войска находились на правом берегу. В октябре все германские войска, находившиеся на участке от Аргон до швейцарской границы (V-я армия, группа ген. Штранца и войска в Лотарингии и Вогезах) составили фронт кронпринца германского.

признало, что к востоку от Уазы уже наступила позиционная война.

В дальнейшем уже никакие крупные боевые эпизоды не нарушали, до конца кампании 1914 года, затишья, наступившего между Уазой и Маасом, тем более, что переброска войск с этого фронта на север продолжалась обеими сторонами почти безостановочно. Об этих перебросках я буду говорить при изложении событий во Фландрии, теперь же перейду к описанию боевой деятельности противников на правом берегу Мааса, где, после сражения у Нанси, она достигала еще некоторое время значительного напряжения.

2. Боевые действия на линии французских восточных крепостей.

(Схема № 11).

Замыслы германцев в отношении Вердена.

Верденский крепостной район, служивший прочным связующим звеном между линией французских восточных крепостей и остальной частью театра военных действий, с первых же дней войны явился заманчивым предметом для оперативных вожделений германцев. Уже вскоре после пограничного сражения, при наступлении V-й герм. армии с р. Мааса к Аргонам, германское командование принимало некоторые подготовительные меры для изолирования Вердена и для разрушения его верков мощной бомбардировкой. В дни сражения на Марне эти покушения приняли более определенный характер и выразились в попытке овладеть маасскими фортами в тылу 3-й франц. армии, от чего, впрочем, вскоре пришлось отказаться, вследствие недостатка живой силы и артиллерийских средств. Затем, когда в середине сентября, с продвижением французских армий к северу, определилась занятая и укреплявшаяся ими линия, как к западу, так и к востоку от крепости, и Верден предстал перед глазами немцев, как грозный бастион французских укрепленных позиций, вклинившийся в их расположение, как могучий форпост, прикрывавший собою, столь важный в стратегическом отношении, стык двух самостоятельных участков неприятельского фронта,—с этого момента германское командование вновь возвращается к своему намерению угрожать этой крепости и во второй половине сентября предпринимает новое наступление со стороны Меца против маасских фортов, расположенных между Верденом и Тулем.

Районом этих операций послужили частью низменные равнины Вёвра, раскинутые в меридианальном направлении от Этена на Фрэн и далее между Виньей и Тиокуром, примерно, до линии Комерси—Понт-а-Мусон, а частью так

называемые маасские высоты, представляющие собой нешироку́ю цепь небольших возвышенностей, которые сопровождают правый берег Мааса от Дэна до Туля и, полого ниспадая к реке, круто обрываются к равнинам Вёвра.

Положение сторон к середине сентября и их планы для предстоявшего наступления.

К середине сентября положение противников на правом берегу Мааса в районе между Верденом и Тулем и их оперативные намерения представлялись в следующем виде.

У немцев, V-й рез. корпус (левофланговый V-й армии) располагался против северо-восточного сектора верденского укрепленного района, между Консанвуайе и Этеном; далее, к югу, находилась армейская группа ген. Штранца: V-й корпу́с—между Этеном и Фрэном, 33-я рез. и бав. кав. дивизии—у Тиокура; III-й бав. корпус стоял еще на отдыхе в Мече. Кроме того, для усиления этих войск подходил к Понт-а-Мусону, из района VI-й армии, XIV-й корпус.

16 сентября германское главное командование приказало кронпринцу германскому атаковать линию французских маасских фортов между Верденом и Тулем, с целью прорвать ее и выйти на левый берег Мааса в тыл 3-й франц. армии. Для выполнения этой задачи были назначены V-й, XIV-й и III-й бав. корпуса, 33-я рез. и бав. кав. дивизии, с многочисленными тяжелыми батареями, находившимися в распоряжении V-й армии. Частные задачи этих войск были определены следующим образом: V-й корпус, по смене его у Этена 33-й рез. дивизией и после перехода в окрестности Фрэна, должен был атаковать форт Труайон, а 33-я рез. дивизия—обеспечивать правый фланг этого корпуса; III-й бав., выдвинувшись от Меца к Атоншателю и Эдикуру, наступать к Сен-Мьелю; наконец, XIV-му корпусу было приказано, развернувшись в районе Флирэ, прикрывать всю эту операцию с юга, со стороны французских войск, продвигавшихся от Туля и Нанси в равнины Вёвра. Главный удар предположено было наносить III-м бав. корпусом.

С французской стороны уже с первых дней сентября возникли серьезные опасения за безопасность промежутка между Верденом и Тулем, вызванные все возраставшей в те дни деятельностью противника в районе Меца и его первой бомбардировкой маасских фортов во время сражения на Марне. Мы уже видели, что это повлекло за собой сначала постепенную переброску некоторых войсковых частей 2-й франц. армии к Сен-Мьелю, а затем и образование в верденском районе новой армейской группы. К середине сентября эта последняя, получившая наименование 2-й армии и возглавляемая ген. Кастельно, занимала следующее расположение: 20-й корпус—у Мениль-ле-Тура, 2-я кав. дивизия—

у Апремона, 73-я рез. дивизия—у Сен-Мьеля, 8-й корпус—между Сен-Мьелем и Лакруа, 75-я рез. дивизия—у Дьё и Амбли (на Маасе), а 65-я и 67-я рез. дивизии—у Дамлю[1]). Все эти войска должны были обеспечивать от покушений противника промежуток между крепостями, в частности же 3-я группа рез. дивизий (65-я, 67-я и 75-я) – непосредственно оборонять маасские высоты к северу от Сен-Мьеля. Кроме того, 6-й (правофланговый) корпус 3-й франц. армии занимал на правом берегу Мааса участок от Орна до Бомона.

Таким образом, в то время, когда на берегах р. Эна и у Реймса догорали последние маневренные бои, здесь, под стенами двух сильнейших французских крепостей, связанных между собой непрерывной цепью фортов, противники собирались с силами, чтобы начать борьбу, которая могла привести немцев, в случае решительного успеха, к весьма значительным результатам и вознаградить их за неудачи, понесенные в сражении у Нанси.

В приказании французской главной квартиры от 16 сентября, 2-й армии указывалось настолько продвинуться в течение 17-го в северо-восточном направлении, чтобы иметь возможность, в случае необходимости, поддержать правый фланг 3-й армии или отразить наступление противника со стороны Меца, в районе которого, по сведениям французской разведки, находились значительные германские силы; в этом же приказании обращалось внимание командующего 1-й армией, ген. Дюбайля, на вероятность атаки немцами правого фланга войск ген. Кастельно, почему ему предлагалось быть в готовности двинуть часть своих сил к северу и иметь резервы у Нанси.[2]) В течение 17 сентября 75-я рез. дивизия выдвинулась от Дьё и Амбли к Эпаржу, 2-я кав.—к Сен-Босану, а 20-й корпус—от Мениль-ле-Тура к Новиану; остальные войска 2-й армии оставались в своем прежнем расположении. У германцев в этот день началось выдвижение от Меца III-го бав. корпуса, а от Понт-а-Мусона—XIV-го, с целью занять исходное положение для общего наступления, назначенного на 18-е.

Между тем, в этот именно день на французской стороне было решено произвести весьма существенную перегруппировку, сильно изменившую положение французских войск в верденском районе, уменьшившую их численность на правом берегу Мааса и создавшую для выполнения поставленной им здесь задачи тяжелую обстановку. В этот день, по приказанию французского главного командования, ген. Кастельно, со штабом 2-й армии и с 20-м корпусом, отправился на правый берег Уазы для командования новой ар-

[1]) Штаб 2-й армии—в Комерси.

[2]) В армейский резерв у Нанси был направлен 16-й корпус (см. стр. 195).

мейской группой, названной 2-й армией; в то же время войска, оставшиеся между Верденом и Тулем, были включены в состав соседних армий: 8-й корпус и 3-я группа рез. дивизий—в 3 ю, а 73-я рез. и 2-я кав. дивизии—в 1-ю. Следовательно, левый фланг ген. Дюбайля, доходивший до этого дня лишь до Нанси, теперь протянулся далее к северу, примерно до линии Сен-Мьель—Понт-а-Мусон, а 3-й франц. армии поручались также операции и на правом берегу Мааса, что приводило к разделению здесь командования в такой именно момент, когда оно представлялось особенно опасным; тем более, что стык между внутренними флангами 1-й и 3-й армий приходился теперь на том направлении, на котором противник собирался нанести свой главный удар.

Начало боевых действий на маасских высотах.

18 сентября 8-й франц. корпус получает задачу оказать содействие наступлению 3-й армии к северу своим движением на линию Этен—Конфлан и в тот же день начинает свое продвижение к Атоншателю. Одновременно с этим, 7-я кав. дивизия переходит с левого на правый берег Мааса и выдвигается к Донкуру, 75-я рез. развертывается по обе стороны Атоншателя для обороны восточной окраины маасских высот, а 73-я переходит к Домевру. В этот день германцы находились в близком расстоянии от противника только на своем правом фланге, в районе Фрэна, где уже собрался весь V-й герм. корпус, передавший свои позиции у Этена 33-й рез. дивизии. Поэтому, 19 сентября головная (16-я) дивизия 8-го франц. корпуса, при своем движении от Атоншателя на Вёль, столкнулась с германской пех. бригадой, наступавшей с севера. Завязавшийся здесь бой не получил значительного развития, потому что уже вскоре после полудня командир франц. корпуса получил приказание прекратить боевые действия и спешно отойти в район Комерси—Саннинь и — Лерувиль для посадки в поезда и отправления в Сент-Менегу и далее на запад, где опасались наступления противника в значительных силах. В ночь с 19-го на 20-е все войска этого корпуса собрались в указанном им районе.

Итак, ослабление французских сил на правом берегу Мааса шло последовательно и непрерывно; а если к этому добавить, что 73-я рез. дивизия, перейдя в 1-ю армию, уже тяготела к Тулю и должна была теперь не столько действовать против неприятельских войск, наступавших от Понт-а-Мусона на Флирэ, сколько выполнять пассивную задачу по обеспечению выхода на левый берег Мозеля французских частей, расположенных у Нанси,—то для нас станет ясным опасное положение французов в центре, на участке Атон-

шатель—Флирэ, где находилась лишь одна 2-я кав. дивизия. Вместе с тем, при этих условиях наступление 6-го франц. корпуса не могло быть выполнено, главным образом вследствие того, что этому корпусу, как увидим ниже, самому пришлось спешить на поддержку французских войск, оказавшихся в тяжелом положении у Атоншателя.

20 сентября передовые войска III-го бав. корпуса уже подходили к восточной окраине маасских высот, тесня перед собою 7-ю кав. дивизию противника, и в тот же день энергично атаковали у Атоншателя и у Виньей 75-ю франц. рез. дивизию; после непродолжительного боя эта последняя отошла к Донпьеру, а 7-я кав., пытавшаяся прикрывать ее правый фланг, была стброшена к юго-западу и собралась между Лакруа и Донпьером. К утру 21 сентября III-й бав. корпус утвердился своими обеими дивизиями на линии Бийи — Атоншатель — Эдикур — Эссе; левее, поддерживая связь с 5-й бав. дивизией, наступала бав. конница на Сен-Босан; XIV-й корпус к этому времени достиг без боев линии Зейхепрэ—Флирэ—Фэ, расположившись фронтом на юг.

Сосредоточение французами крупных сил к своему центру.

В тот же день командующий 1-й франц. армией, получивший еще 20 сентября донесение от 73-й рез. дивизии о наступлении неприятеля от Тиокура и Понт-а-Мусона, приказал 16-му корпусу, сосредоточенному у Нанси, перейти на левый берег Мозеля к Франшевилю. Конечно, такая переброска французами своих сил с правого на левый берег Мозеля не могла улучшить неблагоприятного положения, создавшегося для них в центре, особенно имея в виду, что продвижение 16-го корпуса к северу, при наличии крупных неприятельских сил в районе Флирэ, должно было встретить значительные затруднения. Необходимо было спешно направить на поддержку центра какие-нибудь другие войска, для чего были назначены 6-й корпус (смененный на своих позициях 65-й рез. дивизией) и 67-я рез. дивизия, стоявшая у Дамлю. Передвижения этих частей были начаты утром 21 сентября: 6-й корпус, без помехи со стороны противника, достиг к вечеру 40-й дивизией Лакруа, а 12-й—Муйи, но 67-я рез. дивизия, получившая приказание перейти в Донпьеру, не могла выполнить этой задачи, потому что этот пункт уже был занят немцами; кроме того, в окрестностях Эпаржа она столкнулась с частями 10-й герм. дивизии (V-го корпуса), что заставило ее остановиться у Муйи. Что касается южного района, то в этот день 73-я рез. дивизия была атакована в северных окрестностях Домевра войсками XIV-го герм корпуса и потеснена к югу; в это время 16-й франц. корпус, хотя уже и переброшенный на левый

берег Мозеля, находился еще слишком далеко (в окрестностях Франшевиля) и не мог поддержать ее.

Таким образом, только ценой опасного ослабления своих сил на участке от Мааса на Орн и Дамлю до Шатийона (где оставалась лишь одна 65-я рез. дивизия), французам удалось к ночи с 21-го на 22 сентября сосредоточить между Муйи и Лакруа достаточные силы для противодействия неприятельскому натиску; теперь эти силы, естественно, должны были попытаться восстановить своими активными действиями утраченное здесь положение и вновь овладеть маасскими высотами. Однако, в приказаниях, отданных командующим 3-й франц. армией на 22 сентября, говорится только об оборонительных действиях: 6-й корпус и обе рез. дивизии (67-я и 75-я) должны были оборонять линию Лакруа—Муйи, а 7-я кав. дивизия — перейти через Мэзэ к Апремону, где и установить связь со 2-й кав. дивизией, находившейся у Буконвиля. У германцев V-й и III-й бав. корпуса продолжали в этот день продвигаться к реке, причем к вечеру первый из них достиг линии Муйи—Донпьер, а баварцы—несколько восточнее линии Лакруа — Апремон, охватывая у Сенонвиля правый фланг 75-й рез. дивизии[1]). В районе 1-й франц. армии 16-й корпус подошел на линию Новиан—Домевр, где оказал небольшую поддержку 73-й рез. дивизии, но не был в состоянии отбросить противника, прочно державшегося между Флирэ и Мартинкуром.

Бомбардировка немцами маасских фортов и наступление баварцев к Сен-Мьелю.

На следующий день, 23-го, немцы начали бомбардировку маасских фортов, главным образом Труайона, батареи Парош и укрепления римского лагеря (у Сен-Мьеля) [2]); к вечеру Труайон и Парош прекратили артиллерийский огонь. Германская пехота наступала в этот день небольшими силами: лишь 6-я бав. дивизия, при содействии справа 10-й дивизии, продвинулась к Лакруа и потеснила французские войска 6-го корпуса и 75-й рез. дивизии; последняя вынуждена была, вследствие этого, перевести часть своей артиллерии на левый берег реки у Мэзэ. 5-я бав. дивизия выдвинулась к Апремону для обеспечения с юга подготовлявшейся немцами атаки на Сен-Мьель. На правом фланге французов в этот день не произошло существенных перемен; лишь 7-я кав. дивизия, выполняя полученное накануне приказание, отошла от

[1]) В тот же день, как я упоминал выше, V-я герм. армия предприняла наступление двумя корпусами западнее Вердена, что должно было, между прочим, отвлечь неприятельские силы, которые могли быть направлены на правый берег Мааса.

[2]) Бомбардировка производилась 10-сант. пушками, 21-сант. мортирами и 15-сант. и 30½-сант. (австрийскими) гаубицами.

Сен-Мьеля по правому берегу в северные окрестности Комерси.

Но вот, к ночи с 23-го на 24 сентября, в составе французских войск на берегах Мааса вновь появляется 8-й корпус. Мы оставили его в тот момент, когда в ночь на 20-е он сосредоточился в окрестностях Комерси для посадки в поезда. Отсюда в течение 21 сентября он был переброшен, частью по железной дороге, а частью пешком, в Сент-Менегу, где и простоял до 23-го, когда, в виду тяжелого положения, создавшегося у французов на правом берегу Мааса, получил приказание вернуться в район Комерси. К утру 24 сентября одна дивизия этого корпуса (16-я) уже высаживалась у Саннинье и Лерувиля, а другая (15-я) походным порядком перешла к Шомону и Пьерфиту. Но усиление французских войск в районе Сен-Мьеля не ограничилось прибытием одного этого корпуса; положение здесь представлялось командующему 3-й франц. армией настолько опасным, что он приказал 65-й рез. дивизии, передавши свои позиции частям крепостного гарнизона, в ночь с 23-го на 24 сентября переехать по железной дороге по левому берегу Мааса к Сен-Мьелю, где и занять по реке участок от С.-Мьеля до Лакруа. По прибытии всех этих подкреплений в назначенные им места, французские войска должны были в течение 24-го начать общее наступление к востоку. Но и этому наступлению не суждено было осуществиться, главным образом вследствие новых распоряжений французского высшего командования, значительно видоизменивших численность и группировку французских войск в районе Сен-Мьеля. Не успели войска 8-го корпуса изготовиться к переправе через Маас, как было получено следующее приказание ген. Сарайля: в виду тяжелого положения 5-го корпуса и левого фланга 15-го, отброшенных противником от Варена к Бурей, оставаться на Маасе лишь одной 16-й дивизии, а всем остальным войскам 8-го корпуса спешно перейти к северу, в район Домбаль — Обревиль, для содействия обороне участка между Аргонами и Верденом. В тот же день 15-я дивизия с корпусными войсками выступила двумя колоннами на Ипекур и Юбекур и долиной р. Эра. Уже второй раз с завязки боев на берегах Мааса войска 8-го франц. корпуса снимаются с маасского фронта и перебрасываются в другие районы! И второй раз, вследствие этого, операция срывается.

Бои в районе Сен-Мьеля 24—26 сентября.

Пока происходили все эти перемены и перемещения у французов, немцы со свойственной им последовательностью и настойчивостью продолжали в течение 24 сентября выполнение задуманного ими плана. Их тяжелые батареи, попрежнему,

громили неприятельские форты вдоль Мааса, а пехота, хотя медленно, но безостановочно приближалась к реке. V-й корпус оттеснил 12 ю франц. дивизию за Муйи, а 67-ю рез.—к Во; III-й бав. своей 6-й дивизией энергично продвигался к Сен-Мьелю, ведя бои с 75-й рез. и 40-й дивизиями противника, оборонявшими участок от Лакруа до Сен-Мьеля, включая и форт последнего, расположенный в излучине Мааса, несколько южнее города [1]). Одна из бригад 75-й рез. дивизии, непосредственно оборонявшая у Сенонвиля и южнее подступы к Сен-Мьелю, вследствие недоразумения, отошла за реку, за батарею Парош, почему 6-я бав. дивизия беспрепятственно заняла в 5 часов вечера город Сен-Мьель, переправила часть своей пехоты на левый берег реки и захватила здесь предместье Шовонкур. Форт, хотя и не мог уже бороться с неприятельской бомбардировкой, все же оказался еще вполне боеспособным для ближней обороны и продолжал оказывать упорное сопротивление. Баварцам пришлось организовать, в течение вечера 24 сентября и ночи с 24-го на 25-е, несколько штурмовых колонн, смелые и энергичные атаки которых привели их, наконец, в 8 часов утра 25 сентября, к овладению этим укреплением. Теперь положение французов становилось критическим; противник, казалось, уже пробивал брешь в укрепленной линии р. Мааса и выходил на левый берег, охватывая правый фланг 6-го франц. корпуса и угрожая с тыла левобережным частям 3-й франц. армии... Необходимо было во что бы то ни стало остановить его, отбросить его на правый берег, вновь овладеть Сен-Мьелем и его укреплениями. Но для выполнения подобной задачи имелась на левом берегу лишь одна 65-я рез. дивизия,—силы небольшие и ненадежные! Правда, в районе Саннинъи и Лерувиля в течение 24 сентября уже высадилась из поездов и начала переправу на правый берег 16-я дивизия, но ее наступление к Апремону было сильно затруднено расположением немцев на фланге, у Сен-Мьеля, и занятием Апремона 5-й бав. дивизией. В районе Флирэ положение сторон, в общих чертах, не изменилось, но 16-й франц. корпус все же медленно продвигался в направлении на Зейхепрэ. 25 сентября, с целью объединения и согласования боевых действий французских войск на правом берегу Мааса, все они были подчинены командующему 1-й армией.

В тот же день ген. Дюбайлем были сделаны следующие распоряжения: частям 75-й рез. дивизии, находившимся на левом берегу Мааса, приказано не допускать противника

---

[1]) Форт Сен-Мьеля назывался „укреплением римского лагеря“ (Camp des Romains).

распространяться по этому берегу от Шовонкура; 16-й дивизии — наступать к северу, на линию Сен-Мьель — Апремон, имея правее себя 7-ю кав.; 65-й рез. дивизии — переправиться через Маас у Мэзэ и, совместно с 40-й дивизией, атаковать неприятеля в направлении на Сенонвиль; наконец, всем остальным войскам оказать содействие этому наступлению, атакуя находившегося перед ними противника. Предполагалось, что, в виду сильно выдвинутого к реке расположения III-го бав. корпуса, одновременный удар с двух сторон на неприятельский выступ у Сен-Мьеля легко прекратит успехи немцев. Но этим надеждам не суждено было сбыться: в течение 25-го и 26 сентября лишь правый фланг 16-й дивизии продвинулся на небольшое расстояние. Вообще же, с этого времени борьба у Сен-Мьеля постепенно приобретает затяжной характер; повидимому, силы, которыми располагали здесь германцы, уже в значительной степени истощились и были теперь недостаточны для дальнейшего развития достигнутого успеха. Тем более, что по мере того, как осложнялась обстановка на Сомме, у Арраса и во Фландрии, все новые и новые войсковые части приходилось снимать с позиций в Лотарингии и в Вогезах и отправлять на запад; между прочим, и XIV-й герм. корпус уже был намечен к переброске в ближайшие дни в район Валансьена.

В южном Вёвре французы продолжали свое медленное продвижение к северу: 16-й корпус — на Зейхепрэ и Флирэ, а 73-я рез. дивизия восточнее; 2-я кав. дивизия между Апремоном и Зейхепрэ обеспечивала связь этой группы с французскими войсками, находившимися у Сен-Мьеля. В течение 26 сентября на усиление южной группы прибыли к Амонвилю две дивизии из за Мозеля: 64-я рез. от Нанси и дивизия ген. Васара—из Шарма, получившие задачу наступать левее 16-го корпуса [1]).

Ослабление боевой деятельности противников.

Отправленная 24 сентября на р. Эр 15-я франц. дивизия прибыла к месту своего назначения в то время, когда наступление немцев к западу от Вердена прекратилось, и надобность в ней здесь миновала, почему 26-го ей было приказано вернуться к Сен-Мьелю (через Флери и Суйи). 27 сентября она уже стояла снова на Маасе, побригадно у Лакруа и Амбли, переданная в распоряжение командира 6-го корпуса, а на следующий день одну из своих бригад

[1]) Дивизия Васара принадлежала на вогезском фронте к составу сводного корпуса ген. Делетуаля (см. подстрочное примечание на стр. 197). В первых числах октября эти две дивизии были сведены в корпус, получивший № 31.

(с корпусной артиллерией) передвинула к Саннинь для поддержки 16-й дивизии. С этого дня боевые действия и у Сен-Мьеля, и у Флирэ ограничиваются мелкими боями местного значения; немцы проявляют теперь, главным образом, деятельность своей тяжелой артиллерией [1]). И хотя французы неоднократно пытаются возобновить наступление то в одном, то в другом месте, но в большинстве случаев это не приводит их к успеху; лишь в южном Вёвре им удается к концу сентября, при содействии артиллерийского огня крепостных батарей Туля, оттеснить XIV-й герм. корпус на небольшое расстояние к северу и занять командующие высоты у Флирэ.

В первых числах октября между Верденом и Тулем начинается позиционная война. Французы закрепляются от восточных окрестностей Флирэ на Апремон, Айи, Кёр, Шовонкур, Мэзэ, Во и Муйи; немцы, V-м корпусом — от северных окрестностей Эпаржа на Донпьер и Сенонвиль, III м бав.—от Сенонвиля на Сен-Мьель. Апремон и Зейхепрэ, а XIV-м корпусом — от Зейхепрэ, на Флирэ и Фэ [2]). Вместе с тем, с обеих сторон уже идет переброска войск на запад: 30 сентября бав. кав. дивизия отправлена к Валансьену, а через два дня туда же уехал и XIV-й герм. корпус, сменённый на позициях в районе Флирэ двумя эрзац-рез. дивизиями [3]); у французов с 1 октября 7-я кав. дивизия отведена в тыл для переброски к р. Лису, а 6-го и 16-й корпус выводится из боевой линии для перевозки во Фландрию; 73-я рез. дивизия принимает на себя оборону его позиций. Было ясно, что оба противника считали операции на правом берегу Мааса законченными и не предполагали в ближайшем будущем возобновлять здесь активных действий в крупном масштабе и с какими-нибудь решительными целями. Борьба под стенами Вердена и Туля замерла и, повидимому, на долгое время; новые стратегические задачи, возникшие в других районах театра военных действий, привлекали теперь к себе все внимание главного командования обеих сторон и все их свободные силы.

[1]) Форт Лиувиль, получивший 6.000 попаданий $30^1/_2$-сант. бомб, к 30 сентября был совершенно разрушен.

[2]) От Мааса до правого фланга V-го корпуса немцы имели V-й рез. корпус (с 47-й рез. див.) и 33-ю рез. дивизию, занимавшие линию Консанвуайе—Азан—Орн — Этен; против них находились французские войска верденского гарнизона. Все германские войска, находившиеся на правом берегу Мааса, входили теперь в состав фронта кронпринца германского.

[3]) 10-й и баварской, которые были перемещены, после сражения у Нанси, из VI-й герм. армии в район Мец—Понт-а-Мусон; из них баварская была придана III-му бав. корпусу.

Положение сторон в Лотарингии и Вогезах. (Схема № 9).

Что же касается более южного участка фронта, между Нанси и швейцарской границей, то уже из того, что было сказано о боевых действиях в этом районе в предыдущих главах, мы можем придти к заключению, что со второй половины сентября позиционная война прочно установилась на всем протяжении лотарингских и вогезских позиций. Уже в дни, непосредственно следовавшие за сражением у Нанси, в составе войск обоих противников, занимавших в то время этот участок, оставалось небольшое количество перволинейных (полевых, кадровых) частей, а главная масса этих войск состояла из различных второочередных, недавно созданных формирований; это, конечно, само по себе свидетельствовало о совершенно второстепенном значении, которое придавалось этому участку фронта обеими сторонами. Затем, в период бега к морю было произведено еще несколько переброс более надежных войсковых частей из Лотарингии и Вогезов за Уазу и в район Вердена, почему к середине октября между Нанси и швейцарской границей не оставалось ни одного перволинейного корпуса, ни французского, ни германского.

С таким пестрым и ненадежным составом войск ни один из противников не имел возможности предпринять здесь каких-нибудь наступательных действий, и поэтому обе стороны, прочно зарываясь в землю и укрепляясь на занятых ими рубежах, ограничивались мелкими боевыми столкновениями.

На германской стороне рассматриваемый нами участок входил теперь в состав фронта кронпринца германского; к северу от Кольмара находилась группа войск ген. Фалькенгаузена, а южнее этого города—группа ген. Гедэ. С французской стороны здесь располагались центр и правый фланг 1-й армии ген. Дюбайля (ее левый фланг, как мы знаем, находился между Маасом и Мозелем), при чем войска, занимавшие собственно вогезский участок, в районе Брюер—Сен-Дие, составляли особый отряд, вскоре переименованный в 34-й корпус.

Оценка боевых действий на правом берегу Мааса.

В результате двухнедельных боев на правом берегу Мааса тактическая победа была, несомненно, на стороне германцев: лежавшие в развалинах маасские форты, оттеснение противника к реке, а местами и за реку, и захват Сен-Мьеля, с его фортом и левобережным предместьем, красноречиво свидетельствовали об этом, но в стратегическом отношении французы сохранили свое положение. Укрепленная линия р. Мааса, соединявшая крепостные районы Вердена и Туля, все же не была прорвана, и германцам не удалось выйти на левый берег реки в значительных силах.

Тактические неудачи французов явились следствием неумелого использования ими своих сил, вполне достаточных в численном отношении для отражения неприятельского натиска. Французское командование, казалось, делало все возможное, чтобы создать для своих войск тяжелую обстановку и затруднить для них ведение боев: крупные войсковые соединения неожиданно выводились из боевых линий и перебрасывались в другие районы, где, в действительности, в них не было никакой надобности (как, например, дважды войска 8-го корпуса); корпуса и дивизии разбивались на отдельные группы, которые часто перемешивались и поступали в подчинение случайных начальников (например, 6-й и 8-й корпуса и 75-я рез. дивизия); в наиболее важный период боевых действий, до 25 сентября, войска на правом берегу Мааса не имели объединенного руководства и состояли в распоряжении двух независимых друг от друга командующих армиями; наконец, в высшем командовании французских войск произвсдились крупные перемены во время боев, вызывавшие изменения в оперативных распоряжениях и замедление их выполнения [1]). Вообще, на французской стороне мы наблюдаем неустойчивое управление войсками, шатание оперативной мысли и отсутствие решимости в осуществлении своих замыслов. Но и у немцев главное командование не сумело извлечь из блестящей тактической деятельности своих войск всего того, что возможно было, и развить достигнутые успехи. Ошибка германского главного командования заключалась не только в том, что для выполнения такой трудной задачи, как прорыв фортовой линии между двумя большими крепостями, были назначены недостаточные силы, но и в том, что войска постоянно были осведомлены о своей переброске в ближайшие дни на запад, что, естественно, умаляло в их глазах значение выполнявшейся операции, а потому и ослабляло их наступательный порыв. Все это привело к тому, что результаты, достигнутые в этих боях немцами, далеко не соответствовали усилиям и средствам, затраченным на них [2]); кроме того, эти боевые действия отвлекли на две недели от главных операций довольно крупные силы, которые могли бы быть использованы более целесообразно на правом берегу Уазы, на Сомме или у Арраса. Правда, они приковали к берегам Мааса не менее значительные силы противника, но разве нельзя было достигнуть того же демонстративными действиями?

---

[1]) 18 сентября ген. Кастельно отправлен за Уазу и заменен ген. Сарайлем, которого, в свою очередь, с 25-го заменил ген. Дюбайль.

[2]) Это особенно сказалось на огромном расходе огнестрельных припасов тяжелой артиллерии, произведенном в такое именно время, когда в них уже обнаружился недостаток.

Сохранение французами Вердена дало им возможность широко использовать эту крепость (часть ее верков, ее вооружение, богатое снаряжение, убежища и склады), в последующей позиционной борьбе. Однако, то положение, которое к концу сентябрьских боев заняли немцы между этой крепостью и Тулем и которое сохранялось ими до конца войны, являлось непрерывной угрозой для тыла французских войск, находившихся на левом берегу Мааса, и служило постоянным источником тревог и опасений за безопасность Вердена.

VIII. Атака и оборона Антверпена.

После того, как мы исследовали ход боевых операций на различных участках фронта до первых чисел октября и довели обоих противников, в их настойчивом продвижении к морю, до фландрских равнин, нам необходимо теперь на некоторое время сосредоточить свое внимание на крайнем севере театра военных действий, на районе Антверпена; здесь, с конца августа до начала октября, происходили события, которые не только оказывали косвенное влияние на выполнявшиеся обеими сторонами маневренные операции в северной Франции, но и послужили непосредственной завязкой грандиозной борьбы, развернувшейся в октябре в западной Бельгии и явившейся заключительным актом этой кампании. Поэтому раньше, чем продолжать повествование о том, как продвигались обе стороны далее к морскому побережью и как зарождалось и развивалось сражение во Фландрии, нам следует ознакомиться с целым рядом боевых действий, происходивших у Антверпена.

Мы оставили бельгийскую армию в тот момент, когда она, после неудачных боевых операций на Маасе и на путях к Брюсселю, пренебрегши соединением своих сил с англо-французскими войсками, уже спешившими к ней на помощь, приняла самостоятельное решение укрыться в Антверпен. Вслед за противником германцы направили, из своей I-й армии, III-й рез. корпус, а затем и некоторые второочередные части из тыла; эти войска должны были сначала наблюдать за крепостью, а по прибытии осадного артиллерийского парка, атаковать ее.

Приступая теперь к изложению событий в районе Антверпена, постараемся раньше всего уяснить себе два вопроса: какое значение имело для каждой из сторон обладание этой крепостью, и что представляла она собой с точки зрения новейших требований военно-инженерного искусства.

1. Крепость Антверпен; боевые действия под крепостью до начала германской атаки.

(Схемы №№ 12 и 13).

Значение Антверпена для обеих сторон.

Значение Антверпена, как обширного и сильного опорного пункта, представлялось очень большим для обоих противников. Союзникам вообще, а бельгийцам в частности, удержание в своих руках этой крепости давало возможность сохранять

свое господство в приморской полосе Бельгии, к западу от р. Шельды, что было так важно для поддержания связи между Францией и Англией. Кроме того, Антверпен, заключая в себе крупный гарнизон, сохранявший свободное сообщение с внешним миром, являлся постоянной угрозой тыловым сообщениям германских армий, сражавшихся в северной Франции, и мог во всякое время послужить базой, опорой и исходным пунктом для развития боевых операций в западной Бельгии, если бы у англичан и французов нашлись для этого свободные силы [1]). При таких условиях, эта крепость, естественно, должна была привлекать на себя некоторую часть германских вооруженных сил, а следовательно и ослаблять полевые германские армии. Для германцев обладание Антверпеном было существенно важно в виду соображений двоякого рода: во-первых, оно могло дать прочную опору германскому правому флангу, который после сражения на р. Эне был вынужден постепенно протягиваться к северу; и во-вторых, Антверпен мог обеспечить германцам свободный доступ к французско-бельгийскому побережью, откуда возможно было затруднять для союзников сообщение между Францией и британскими островами и непосредственно угрожать последним.

Все эти преимущества, связанные с обладанием Антверпеном и в значительной степени укреплявшие положение в Западной Бельгии того из противников, который удерживал этот опорный пункт в своих руках, побуждали обе стороны вести упорную борьбу за эту крепость. В VII-й главе I-го тома я старался доказать, что отступление бельгийцев к Антверпену, в виду слабости их полевой армии, было крупной ошибкой, которая должна была рано или поздно или погубить их или, во всяком случае, поставить их в крайне тяжелое положение; и что те невы годы, которые являлись результатом этого отступления под защиту крепостных фортов, и тот риск, с которым было связано пребывание полевой армии за стенами крепости, не окупались стратегическими преимуществами, связанными с временным удержанием бельгийцами в своих руках Антверпена.

Но раз уже эта ошибка была сделана, и связь бельгийской армии с англо-французскими войсками, вытесненными из Бельгии, была утрачена, бельгийцам не оставалось другого выбора, как защищать эту крепость в надежде быть выручennыми союзниками.

---

[1]) Из дальнейшего изложения этой главы мы увидим, что союзники в действительности и делали подобные попытки, но недостаток свободных сил, в связи с решительными событиями в районе главных операций, не позволили им осуществить своих намерений.

Описание крепости.

Антверпен, расположенный на р. Шельде, в 90 килом. от впадения ее в море, представлял собой весьма обширную крепость-лагерь новейшего типа, созданную по плану знаменитого бельгийского военного инженера ген. Бриальмона, работавшего над постройкой, переделкой и усовершенствованием этой крепости с 1859 года до своей смерти (в 1903 году). Однако, несмотря на это, вследствие постоянно возникавших новых потребностей в тех или иных изменениях крепостной обороны, вызывавшихся прогрессом артиллерийского дела и общим развитием военной техники, крепость к началу войны не была вполне готова соответственно новейшим требованиям: линия новых, наружных фортов кое-где еще не была закончена, начатая с 1909 года переделка внутренней непрерывной ограды во многом еще не была выполнена и, кроме того, до последних дней перед войной среди бельгийских военных инженеров и артиллеристов не установилось полного единомыслия по вопросу о вооружении новых фортов с вращающимися броневыми куполами. Уже во время войны, пользуясь печальным опытом борьбы с германской артиллерией в Льеже и Намюре, бельгийцы внесли некоторые усовершенствования, как в общую систему обороны Антверпена, так и в устройство и в вооружение отдельных его укреплений.

К началу осады германцами, Антверпен имел следующий вид. На правом берегу р. Шельды, в 2-х килом. от города, охватывая его с севера, востока и юга, шла старая непрерывная ограда, состоявшая из 12 фронтов полигонального начертания; у северной оконечности этой ограды, на берегу реки, стояла старая цитадель, имевшая форму люнета о пяти фасах, сомкнутого горжей в виде тенали. Затем, в 3—4 килом. от непрерывной ограды находилась, сооруженная в промежуток времени между 1859 и 1870 годами, линия внутренних (старых) фортов: от № 1-го до № 8-го и форт Мерксем; к этой системе внутренних укреплений относятся также и другие старые форты: на правом берегу, непосредственно у реки (к северо-западу от города),— Сен-Филип и Лилло, а на левом берегу—Крюибек, Цвиндрехт, Тэт-де-Фландр, Сен-Мари, Ла-Перль, Лифкеншек и Дэль. Всего внутренних, устаревших фортов было 18.

Далее, в 10—12 килом. от них шла, начатая постройкой лишь в 1906 году, линия дальней обороны, линия новых, наружных фортов, расположенная почти вся на правом берегу Шельды; на левом берегу находилось лишь два форта: Рюпельмонд (или Стэндорп), при впадении р. Рюпель в Шельду, и далее к северу—Хэсдонк, оба связанные между собой редутами Лауверсхэк и Ландмолен. На правом берегу Шельды линия дальней обороны состояла из следующих

укреплений: начиная от места слияния Шельды и Рюпеля, вверх по последнему—форты Борнем, Лицеле и Брендонк, с редутами Пюэр и Летерхейд между ними; затем, вдоль р. Неты: форты Вэльхейм, Вавр-Сен-Катерин, Кёнингсхойкт, Льер, Кессель и Брэхем, редуты—железнодорожный, Дюфель, Грэнстрет, Дорпфелд, Бошбэк и Талер. На остальной окружности внешней оборонительной линии находились шесть фортов: Элегем, Гравенвезель, Шоотен, Брасхэт, Эртбранд и Стабрек, промежутки между которыми были заняты менее значительными укреплениями (редутами, люнетами, батареями): Масенхевен, Шильде, Одрэн, Дрижхэк, Капелен, Ордерен, Смутокэр, Берендрех и Дуденейк. Всего новых фортов—17. Все они были построены с широким использованием бетона и в большинстве снабжены броневыми вращающимися башнями для орудий; однако, сопротивляемость их была рассчитана на бомбардировку артиллерией не свыше 21 сант. калибра. Форты 1-го класса были вооружены четырьмя пушками 15-сант. и двумя 12-сант. калибра, форты 2-го класса—двумя пушками 15-сант. и двумя 12-сант.; кроме того, для обороны промежутков первые имели шесть, а вторые—четыре 75 м/м скорострельные пушки, а в каждом редуте находилась одна такая пушка. Все эти орудия стояли в куполах. Общий обвод крепости имел протяжение около 130 кил. и подразделялся на 6 оборонительных секторов.

Быстрое падение Антверпена, как известно, произвело сильное впечатление в военных, кругах как воевавших, так и нейтральных держав, где эта крепость считалась одним из наиболее мощных оборонительных сооружений Европы, пригодным для продолжительного сопротивления новейшим средствам нападения. Недоумение, вызванное в умах современников этим неожиданным явлением, сохранилось в значительной мере и до настоящего времени, почему я считаю полезным, в дополнение к сообщенным мною общим сведениям о внешнем устройстве крепости, остановиться несколько подробнее на недостатках ее внутреннего оборудования, чтобы выявить действительную оборонительную ценность Антверпена и показать, насколько было преувеличено обще-распространенное мнение о могуществе его обороны.

Еще задолго до осады бельгийское командование ясно сознавало, что крепость, по своему слабому оборудованию, не в состоянии выполнить возлагаемую на нее задачу. Тотчас после вступления бельгийской полевой армии в Антверпен (т.-е. в 20-х числах августа) комендант крепости, ген. Дюфур, в своем докладе главному командованию, обрисовал состояние крепости в очень мрачных красках [1]). По

[1]) Ген. Дюфур находился во главе крепости до 7 сентября, когда его сменил ген. Дегиз.

свидетельству коменданта, форты, хотя и представляли отличную пехотную позицию с водяными рвами от 30 до 50 метров ширины, имевшими фланговую оборону, но артиллерия в куполах была легко уязвима, потому что бетон и броня могли быть легко разрушены даже полевой тяжелой артиллерией. Редуты не имели ни рвов, ни фланговой обороны. Вообще, промежутки были слабы и требовали большого количества живой силы. Внутренние (старые) форты и редуты между ними не имели ни искусственных препятствий, ни фланговой обороны. В виду того, что к северу от форта № 1-й сплошная ограда не была закончена, доступ к городу с севера был совершенно открыт. Крепостная артиллерия имела много старых, малоподвижных орудий: лишь двенадцать 15-сант. безоткатных пушек Круппа и двенадцать 15-сант. пушек Шнейдера принадлежали к числу новейших образцов [1]).

Для исправления всех указанных недочетов, войска крепости энергично работали с конца августа, но, конечно, многого сделать не могли. Покрытия, хотя и усиленные всякими имевшимися материалами, были все-таки очень слабы. Электрическая и телефонная установки не были закончены. В фортовых промежутках не было ни убежищ, ни блокгаузов, ни бетонированных погребов. Купольная установка орудий и вообще фортовые верки были ясно видимы с поля, а употребление дымного пороха еще более обнаруживало их расположение. Распределение всей артиллерии дальнего боя по фортам было очень неудачной мерой: форты, считая протяжение их промежутков, имели в среднем, лишь по одному орудию на километр, а так как атакующий до 28 сентября не выявил своих намерений в смысле выбора участка для атаки, то орудия всех неатакованных секторов остались без употребления. Крепость не была в достаточной мере обеспечена огнестрельными припасами: так, напр., для 15-сант. орудий имелось по 1.000 выстрелов, а для 12-сант.— по 200; пехота имела на винтовку лишь по 120 патронов и крепостной резерв патронов в 2 миллиона. В крепости находился лишь один привязной шар и несколько аэропланов с неопытными летчиками.

Таким образом, все изложенное здесь об устройстве антверпенских укреплений не располагает нас к тому, чтобы ожидать в предстоящей борьбе крепости с германской атакой каких-либо успехов на стороне оборонявшегося. Последующее изложение боевых действий под крепостью подтвердит это предположение.

---

[1]) Крупповские пушки имели дальность до 8.400 метров, а пушки Шнейдера—до 7.700 метров. Уже во время осады из Англии прибыли шесть пушек 4-дюйм. калибра с дальностью до 8 кил.

Описание крепости было бы не полно, если бы мы не сказали об естественных условиях местности в крепостном районе. Оборонительная сила южного и восточного фронтов наружного фортового пояса усиливалась болотистыми долинами р. р. Рюпеля и Неты; западный фронт был прикрыт с востока труднопроходимой преградой р. Шельды, а северный, по характеру местности (сухой, покрытой рощами), был более доступен для атаки, чем остальные, но близость к нему голландской границы сильно стесняла здесь свободу действий осаждающего. Местность к северо-западу от города, на обоих берегах р. Шельды, была подвержена наводнениям на 5—6 кил. к востоку и западу от реки, что в известной мере сокращало линию обороны северного и западного фронтов. Как эти особенности местности, так и большая окружность внешних укреплений чрезвычайно затрудняли полное обложение Антверпена.

Боевые действия под крепостью до начала германской атаки (до 28 сентября).

Отойдя 20 августа под защиту крепостных фортов, бельгийская армия расположилась в ближайшие дни своими пятью пехотными дивизиями (1-й, 2-й, 3-й, 5-й и 6-й) впереди 3-го и 4-го секторов внешнего фортового пояса, а свою кав. дивизию поставила вдоль излучины р. Шельды, между Сен-Николя и Термондом, с целью обеспечить свои сообщения с Гентом и Остендэ. Спустя некоторое время, к коннице присоединились остатки 4-й дивизии, спасшиеся после падения Намюра; они расположились в Генте и Брюгге для более дальней охраны сообщений.

В это время германский наблюдательный отряд, с целью преградить бельгийцам все кратчайшие пути, ведущие от Антверпена к югу, занимал своими передовыми частями позиции немного севернее линии Лювен—Брюссель, причем III-й рез. корпус стоял между Верхтером и Гримбергеном, а правее его участок р. Демера до Диеста должна была занять, включенная с 23 августа в состав отряда, 27-я ландв. бригада. За передовой линией в нескольких местах располагались подвижные резервы. Войска ожидали прибытия осадного парка из-под Намюра и Мобежа, а также IX-го рез. корпуса и некоторых второочередных частей, прибывавших постепенно в последних числах августа и в начале сентября. Командование осадной армией было поручено командиру III-го рез. корпуса ген. фон-Безелеру, имевшему репутацию большого знатока крепостного дела и крепостной войны. Осадная артиллерия начала прибывать лишь в середине сентября, почему атака крепости могла быть начата не ранее конца этого месяца; до тех же пор германские войска под Антверпеном были обречены на пассивное ожидание, которое, впрочем, несколько разнообразилось уси-

ленными разведками и отражением вылазок, производимых бельгийцами.

Три вылазки, выполненные бельгийскими войсками, были организованы по соглашению между французской главной квартирой и начальником штаба бельгийской армии Сельеде Моранвилем. Первая из них началась 24 августа и была направлена от Мехельна на юг, на линию Гехт — Вольфертем; считая с востока, дивизии наступали в таком порядке: 2-я, 6-я, 1-я и 5-я; 3-я дивизия шла в резерве. Бельгийские войска легко дошли 25 августа до указанной выше линии, тесня перед собой слабые охранительные части немцев, но далее продвинуться не могли, встретивши здесь сильное сопротивление противника. Особенно неудачны были попытки 2-й дивизии форсировать в районе Гехта канал Лювен—Мехельн, где в отражении бельгийского наступления приняли участие и некоторые войска IX-го рез. корпуса. Несколько головных эшелонов этого корпуса к 25 августа уже прибыли из Германии и находились у Тирлемона, почему ген. Безелер и решил использовать их для поддержки правого фланга III-го рез. корпуса; он направил эти войска через Лювен на Буекен, потому что в это время 27-я ландв. бригада еще не успела занять назначенный ей участок по р. Демеру и находилась у Венроде, вследствие чего движение бельгийцев со стороны Гехта угрожало правому флангу 5 й рез. дивизии, растянутой от Земпста до Верхтера. Отброшенные в бою 26 августа между Буекеном и Верхтером, бельгийцы на следующий день отошли к крепости.

До 27 августа Безелер был подчинен командующему 1-й герм. армии, но с этого дня, в виду удаления этой армии, здесь была образована отдельная армейская группа (III-й рез., IX-й рез. корпуса и несколько второочередных формирований), подчиненная непосредственно главному командованию [1]). К 28 августа IX-й рез. корпус собрался у Лювена, а 27-я ландв. бригада заняла назначенный ей участок р. Демера. В этот день Безелер получил сведение о состоявшейся 24 августа высадке в Остендэ 8—10 тысяч англичан, начавших, будто-бы, движение через Брюгге к востоку и юго-востоку [2]). Чтобы быть готовым встретить этого противника со стороны Термонда, ген. Безелер приказал 6-й рез. дивизии произвести усиленную разведку на Мерхтем и Алост. Затем, к 1 сентября, с той же целью, IX-й рез. корпус (без одной бригады, оставленной в Брюс-

[1]) Гарнизоны Льежа, Намюра и Брюсселя, этапные линии и ландштурменные тыловые части были подчинены германскому генерал-губернатору Бельгии ген.-фельдм. фон-дер-Гольцу.

[2]) Это были войска 7-й пех. и 3-й кав. дивизий, образовавших через несколько дней 4-й англ. корпус ген. Роулинсона.

селе) и одна бригада 6-й рез. дивизии были сосредоточены в районе Аш—Гансхорен—Брусегем. 4 сентября, с целью очищения от противника пространства южнее железной дороги Термонд—Мехельн, эти войска предприняли наступление в двух направлениях: 6-я рез. дивизия — на Стеенхуфель и Рамсдонк, где и оттеснила неприятельскую пехоту за линию фортов у Брендонка, но была задержана здесь 5-й бельгийской дивизией и артиллерией крепости; а две бригады IX-го рез. корпуса наступали на Алост и Термонд; первый из этих пунктов оказался свободным от противника, на пути же ко второму, у Лебеке, немцы отбросили к реке небольшой неприятельский отряд. 5-го и 6 сентября германские войска вернулись в район Аша в свое прежнее расположение [1]).

Вторая вылазка была произведена с 9-го по 13 сентября и имела целью оказать содействие союзным армиям, сражавшимся в это время на р. р. Марне и Эне, путем задержания под крепостью германских войск, которые могли быть отправлены на юг. План этого наступления заключался в обходе правого фланга немцев в направлении на Лювен. В боевых действиях приняли участие 1-я, 2-я, 3-я, 5-я и 6-я пехотные и кавалерийская дивизии; фронт наступления, как и при первой вылазке, был указан по линии Гехт—Вольфертем, но главные силы (2-я, 3-я и 6-я дивизии) были сосредоточены в направлении от Мехельна на Гехт и Лювен, по обе стороны канала; 1-я и 5-я дивизии наступали на Брюссель. До 11 сентября бельгийцы продвигались успешно и теснили передовые части германцев, особенно германской морской дивизии в районе Эршо [2]). Однако, к этому дню ген. Безелеру удалось подвести к полю сражения 6-ю рез. дивизию из района Аша, а также некоторые тыловые части с ближайших этапных линий. Сохраняя оборонительное расположение на левом фланге и в центре, немцы повели энергичные контр-атаки от Лювена по обе стороны р. Диль, в результате коих к 13 сентября бельгийские дивизии были оттеснены к фортам крепости. Тем не менее, эта вылазка достигла поставленной себе цели, потому что германцы, в виду успешного в первый день наступления бельгийцев против их правого фланга, вынуждены были задержать на несколько дней под крепостью, назначенный к отправлению на юг, к р. Эну, IX-й рез. корпус и даже выдвинуть к стороне Лювена и Эршо не-

---

[1]) С 5-го по 11 сентября группа войск ген. Безелера входила в состав VII-й армии, а после переброски последней к югу, перешла в подчинение генерал-губернатору Бельгии (см. стр. 148).

[2]) Морская дивизия прибыла из Германии к Антверпену 7 сентября.

которые части XV-го корпуса, перевозившегося из Эльзаса. В промежутках между вылазками бельгийцы тревожили фланги и сообщения Безелера небольшими отрядами конницы и самокатчиков.

Наконец, третья вылазка бельгийцев из Антверпена состоялась 25 сентября и имела задачей отбросить к югу левый фланг германцев и открыть с этой стороны сообщения с Брюсселем. Она была произведена по просьбе французского командования, в виду разгоревшихся в то время боев севернее р. Соммы. Но так как в это время бельгийское командование уже знало о начатой немцами установке осадных батарей в окрестностях крепости и ожидало неприятельской атаки со дня на день, то, конечно, эта вылазка не могла получить развития, хотя отправление IX-го рез. корпуса из окрестностей Термонда на юг, состоявшееся тотчас же после отражения второй вылазки, казалось бы должно было облегчить бельгийским войскам выполнение этой задачи. В этом новом наступлении приняли участие пять пехотных и одна кавалерийская дивизии; 2-я дивизия оставалась в крепости. Пехотные дивизии наступали на фронте от Мехельна до р. Шельды, при чем две из них (4-я и 5-я) были брошены к Алосту; в то же время бельгийская конница двинулась туда же со стороны Гента. Находившаяся между Термондом и Алостом, на левом фланге немцев, 37-я ландв. бригада, сменившая здесь IX-й рез. корпус, была атакована бельгийцами с трех сторон, едва не была отрезана от прочих германских войск и с большими затруднениями и потерями отошла на Ломбеек. Несмотря, однако, на этот частный успех, достигнутый на правом фланге, наступление бельгийцев на всем остальном фронте окончилось неудачей. Нигде более они не были в состоянии продвинуться и на следующий день вновь потянулись под защиту фортов.

Между тем, осадный парк уже прибыл к германцам, и тяжелые батареи спешно устанавливались ими против избранных для атаки участков фортовой линии. Через три дня после боя у Алоста осадная армия ген. фон-Безелера приступила к атаке Антверпена.

2. Атака германцами Антверпена.

(28 сентября—9 октября).

(Схемы №№ 12 и 13).

Силы и намерения сторон. К 28 сентября состав германской осадной армии был следующий: III-й рез. корпус (5-я и 6-я рез. дивизии), 27-я и 37-я ландв. бригады, морская и 4-я эрзац-рез. дивизии, два полка конницы, две тяжелые артиллерийские бригады и саперная бригада, всего около

50 тыс. человек [1]). Германский осадный парк заключал в себе наиболее могущественные калибры: 40 пушек 10 и 13-сант., 72 гаубицы 15-сант., 48 мортир 21-сант., 5 гаубиц 30,5-сант. (береговых), 4 мортиры австрийские 30-сант., 4 мортиры 42-сант. (2 на железнодорожных платформах и 2—с механической тягой) и 4 дальнобойные 15-сант. пушки на блиндированных лафетах, а всего 177 тяжелых орудий. Действиями всей этой артиллерии руководил ген. Боркенхаген. Бельгийский гарнизон состоял из 6 полевых пех. дивизий, 36 крепостных пех. батальонов (старых сроков службы), 8 батальонов крепостной артиллерии и 6 саперных батальонов, всего около 60 тыс. человек [2]).

Обширные размеры Антверпена, в связи с указанными выше особенностями некоторых его фронтов, не давали немцам возможности произвести полное обложение крепости. Приходилось поневоле ограничиться атакой на узком фронте, предоставивши противнику свободу сообщения с внешним миром и ставя себе целью возможно скорее овладеть крепостью, хотя бы гарнизон ее и имел возможность в последнюю минуту спастись отступлением. Скорейшее овладение крепостью представлялось для германцев необходимым не только потому, что нужно было освободить для действий в поле прикованные к ней войска, но и потому, что приближение к Антверпену англо-французских полевых армий могло создать более трудные условия борьбы за эту крепость; необходимо было овладеть Антверпеном пока он еще был изолирован от полевых армий, пока он еще не вошел в общую линию неприятельского фронта. Поэтому, после сражения на р. Эне, когда общий фронт обеих сторон, путем последовательных операций на флангах, стал быстро растягиваться к северу, с каждым днем приближаясь к Антверпену, германцы напрягли все свои усилия для скорейшего овладения крепостью [3]).

Подобное стремление немцев представлялось тем более целесообразным, что союзное командование, не дожидаясь того времени, когда главные операции на фронте приблизятся к крепости, принимало особые меры для оказания помощи Антверпену. Во-первых, по свидетельству фельдм. Френча, одним из главных соображений, побуждавшим его к переброске английской армии с р. Эна во Фландрию, было желание выручить Антверпен, падение которого, естественно, должно было создать опасное положение для по-

---

[1]) К этим войскам 5 октября присоединилась, прибывшая из Вогезов, 1-я баварская ландв. бригада.

[2]) Об артиллерийском вооружении было сказано при описании крепости. Кроме того, имелось много старых орудий.

[3]) Приказание приступить к подготовке атаки Антверпена было дано германским главным командованием 9 сентября.

бережья. Во-вторых, британский военный министр Киченер, стремившийся руководить операциями английских войск во Фландрии, самостоятельно подготовлял помощь Антверпену, сосредоточивая на бельгийском побережье довольно крупные силы. Так, в первых числах октября, по распоряжению Киченера, в Остендэ и Брюгге были высажены: 7-я пех. дивизия (ген. Капера), 3-я кав. дивизия (ген. Бинга) и морская дивизия (ген. Альстона), всего около 30 тыс. человек английских войск (при 75 орудиях). К этим войскам к 9 октября должны были присоединиться 23 тыс. человек французских войск: 87-я территориальная дивизия из Гавра и морская бригада адмирала Ронара из Дюнкерка. Впрочем, кроме английской морской дивизии, эти силы не поспели в Антверпен и, как увидим из дальнейшего описания, приняли некоторое участие лишь в отступательном движении бельгийцев к р. Изеру[1]). Помимо всего этого, Френч пытался оказать моральное воздействие на защитников Антверпена: 4 октября он отправил в крепость на автомобиле бывшего военного агента в Бельгии, полковника Бриджа, с поручением убедить бельгийское командование продолжать сопротивление и уверить его в скорой поддержке английской армии; с таким же поручением он командировал в Антверпен на аэроплане и полковника Сайкса. Но, естественно, что одни эти уверения, без поддержки их необходимым числом войск, не могли привести бельгийцев к благоприятным результатам.

План германской атаки.

Для атаки внешних фортов Антверпена германцами был избран участок в 14 кил. шириной по р. Нижней Нете, от слияния Большой и Малой Неты до р. Диль, где размеры водной преграды, как в отношении ширины и глубины русла, так и болотистого характера берегов, были наименьшие. Местность здесь, между исходной линией атаки и фортами,—пересеченная и закрытая, изобилующая местными предметами, а также небольшими возвышенностями, представлявшими вместе с многочисленными башнями замков и колокольнями церквей, значительные удобства для наблюдения за фортами, верки которых резко выделялись на равнине. На этот участок был назначен III-й рез. корпус (справа 6 я рез., слева 5-я рез. дивизии), на который была возложена задача нанести главный удар противнику, пробить внешний пояс фортов и затем броситься

[1]) В VII-й и VIII-й главах своей книги „1914“ фельд. Френч приводит обширную переписку, которую он вел с Жоффром и Киченером по вопросу о содействии Антверпену. Из этой переписки, между прочим, видно, к каким значительным трениям в отношениях с Френчем приводили самовластные меры Киченера по руководству операциями английских войск в Бельгии.

внутрь крепости. Для обеспечения этих операций и для вспомогательных действий были назначены: правее III-го рез. корпуса, на участке Большой Неты, в районе Хейста, 27-я ландв. бригада (имея севернее себя, в верхнем течении Малой Неты, небольшой кавалерийский наблюдательный отряд), а левее—морская и 4-я эрзац-рез. дивизии далее до р. Шельды. Наконец, 37-й ландв. бригаде, расположенной у Алоста, было приказано обеспечивать левый фланг всей осадной армии. Таким образом, для атаки был избран не более слабый участок, каковым являлся сектор между фортами Брэхем и Шоотен, а наиболее трудный, юго-восточный. Это объясняется тем, что немцам приходилось держать свои главные силы на путях к Брюсселю, дабы не дать бельгийской армии возможности прорваться к югу, на соединение с союзными армиями. Кроме того, более севернее расположение войск атакующего было бы стеснено близостью голландской границы. Немцы знали, что левый берег р. Шельды слабо укреплен, и хотя атака с этой стороны давала возможность отрезать бельгийцам путь отступления к западу, они все же отказались от мысли атаковать крепость с этой стороны, не допуская, чтобы бельгийская армия могла покинуть Антверпен. Расположение немцев против юго-восточного фронта разобщало противника не только от его союзников, но и от столицы и внутренних областей Бельгии и, кроме того, облегчало осадной армии использование, столь необходимых ей для подвоза снабжения, рельсовых путей от Брюсселя и Лювена [1]).

Атака германцами фортов юго-восточного фронта. (28 сентября —6 октября).

В связи с установкой германцами своих осадных батарей, продвижение германской пехоты к линии фортов 3-го и 4-го секторов началось тотчас же после отражения последней неприятельской вылазки. К вечеру 27 сентября войска заняли расположение, назначенное планом атаки. В это время бельгийская пехота, оттесненная к фортам, располагалась следующим образом: 6-я, 3-я и 1-я дивизии — вдоль железной дороги Термонд — Мехельн, имея свою дивизионную конницу и самокатчиков южнее фортов Вавр-Сен-Катерина и Кёнингсхойкта; 5-я дивизия—южнее Аманда (на Шельде, к северо-востоку от Термонда); 2-я находилась в резерве у Контиша, а ее небольшой отряд—к востоку от Льера; 4-я—у Термонда на левом берегу Шельды; кав. дивизия занимала переправы на р. Дандре, к северу и югу от Алоста. В виду насту-

[1]) Предположения, составленные для атаки Антверпена до войны, предусматривали действия на обоих берегах р. Шельды, но зато и состав осадной армии предполагался значительно больший, а именно 11 дивизий.

пления германской пехоты, бельгийцы, в ночь с 27-го на 28 сентября и утром 28-го отошли на некоторое расстояние назад и окончательно заняли следующее расположение: 6-я дивизия—на участке от р. Шельды до форта Лицеле, 3-я—далее до р. Диль, 1-я—на участке от р. Диль до форта Вавр-Сен-Катерин, 2-я—между фортами Вавр-Сен-Катерин и Кёнингсхойкт, 5-я—в резерве во второй линии и кавалерийская—у Ветерена; 4-я дивизия осталась на своем прежнем месте.

Атака Антверпена началась 28 сентября бомбардировкой фортов 3-го сектора, против которого была сосредоточена главная масса германской осадной артиллерии. Форт Вэльхейм обстреливался тремя австрийскими 30,5 сант. гаубицами, форт Вавр-Сен-Катерин—двумя такими же гаубицами и двумя 42-сант. мортирами, форт Кёнингсхойкт—четырьмя австрийскими 30-сант. мортирами и форт Льер—двумя 42-сант. мортирами; по укреплениям Дорпфельд и Бошбэк вели огонь четыре 21-сант. мортиры. Бомбардировка велась с расстояния $7^1/_2$—12 килом., при чем огонь германских батарей корректировался с привязных воздушных шаров. На следующий день обстрел этих фортов продолжался, и началась бомбардировка фортов по р. Рюпелю (особенно форта Брендонка). Вследствие сильного огня германской осадной артиллерии, бельгийская пехота отошла за линию фортов. Уже в этот день крупные разрушения были произведены на фортах Вэльхейм и Вавр-Сен-Катерин, в редуте Летерхейд, на некоторых промежуточных батареях и в проволочных заграждениях перед ними. Раненый комендант Вэльхейма с остатками гарнизона с часу на час ожидал штурма; артиллерия этого форта уже была не в силах бороться с германскими осадными батареями.

30 сентября подверглись разрушению форты Кёнингсхойкт и Льер и редут Дорпфельд. Под сильным огнем германских батарей 1-я бельгийская дивизия и правый фланг 2-й отошли к Нижней Нете, при чем 1-я дивизия перешла на правый берег реки; германская пехота III-го рез. корпуса продвинулась вплотную к линии фортов 3-го сектора. Бельгийское командование ясно понимало всю опасность создавшегося положения, почему в тот же день обратилось за помощью к Жоффру и Киченеру. Но чем могли они в это время помочь Антверпену? Крепости необходима была скорая и могучая поддержка, между тем союзные армии находились так далеко, что рассчитывать на них не было никакой возможности. Тем не менее, каждый из союзников сделал, что мог: Жоффр отправил из Парижа, через Дюнкерк и Гент, морскую бригаду адм. Ронара, а Киченер приступил к перевозке на континент частей морской пехоты. Тем временем бельгийцы начали эвакуа-

цию крепостных запасов и раненых в Гент и Остендэ, а также приняли ряд особых мер по обеспечению сообщений крепости с этими пунктами: из эскадронов дивизионной конницы и велосипедистов была сформирована 2-я кав. дивизия, поставленная у Локерена; 1-я кав. дивизия, попрежнему, была расположена у Ветерена, а 4-я пехотная, несмотря на тяжелое положение крепости, оставлена для обороны Шельды в районе Термонда.

1 октября пали форт Вавр-Сен-Катерин и редут Дорпфельд, при чем вся 2-я бельгийская дивизия отошла к Нижней Нете; 2-го пали форты Вэльхейм, Льер и Кёнингсхойкт, а также редуты Бошбэк, Талер и железнодорожный. В этот день германская морская дивизия продвинулась до Нижней Неты (при слиянии ее с р. Диль). 3 октября пал редут Дюфель. Все упомянутые здесь укрепления были оставлены бельгийцами, главным образом, под действием неприятельского артиллерийского огня, и германская пехота занимала их лишь при слабом сопротивлении противника; пехотные бои велись исключительно на промежутках, где бельгийская пехота пыталась задержать продвижение немцев, но, теряя постепенно опорные пункты и обходимая с флангов, к 4 октября была оттеснена в 3-м секторе за р. Нету. В это время на участке р. Рюпеля велась лишь перестрелка и происходили мелкие столкновения между передовыми частями обеих сторон.

Подкрепления союзников прибывали медленно и скупо. Английская морская бригада ген. Париса (3 тыс. чел. и 12 орудий) вступила в Антверпен 3 октября: ее привел сам морской министр Англии Уинстон Черчиль, несколько ободривший своим присутствием защитников крепости. Английские моряки заняли участок передовых позиций по р. Нете в районе города Льера. Французская морская бригада адм. Ронара (6 тыс. чел.) только 9 октября подошла к Генту, почему (как и 4-й англ. корпус ген. Роулинсона) уже не успела принять участия в крепостных боях и оказала бельгийцам поддержку лишь при их отходе от Антверпена к р. Изеру.

Атака немцами юго-восточного фронта внешнего пояса фортов настойчиво продолжалась. 4 октября германская пехота III-го рез. корпуса вела упорные бои за обладание переправами на р. Нете с частями 1-й, 2-й и 5-й бельгийских дивизий, усиленных подошедшими резервами 3-й и 6-й, а также английской морской бригадой; город Льер был взят 6-й герм. рез. дивизией, которая, перейдя здесь реку, оттеснила противника внутрь крепости. В этот день положение немцев в этом районе было тяжелое, в виду численного превосходства противника и трудных местных условий, заключавшихся в наводнении, произведенном на несколь-

ких рукавах р. Неты. Только благодаря демонстративному наступлению немцев у Термонда, отвлекавшему в ту сторону внимание бельгийского командования, войскам III-го рез. корпуса удалось быстро преодолеть сопротивление противника на р. Нете и на следующий день закрепиться на ее правом берегу. Одновременно с этим пал форт Кесель, который был занят 27-й ландв. бригадой, переправившейся здесь через Малую Нету. В ночь с 5-го на 6 октября англо-бельгийцы сделали отчаянную попытку отбросить неприятеля за реку, но потерпели неудачу и с наступлением дня сами были отброшены на линию Контиш—Бушу, между внешней и внутренней линиями фортов.

К 6 октября весь фронт по р. Нете, протяжением в 16 килом., был занят германцами, которые уже пробились глубоким клином за линию внешних фортов, на расстояние всего лишь 2-х кил. от фортов внутренних. С этого дня германская осадная артиллерия, подвезенная к р. Нете, начала уже громить и эти последние, отчего положение крепости становилось критическим.

Что касается боевых действий в 4-м секторе, вдоль р. Рюпеля, то здесь, попрежнему, велась демонстративная бомбардировка бельгийских укреплений и местами шли небольшие пехотные бои впереди фортов и на промежутках.

Бои на Шельде (4—5 октября).

Одновременно с атаками на р. Нете и демонстрациями на р. Рюпеле, ген. Безелер предпринял ряд наступательных действий на р. Шельде, имевших целью произвести давление на сообщения бельгийской армии. 4 октября 37-я ландв. бригада выдвинулась от Алоста к Шоонарде, овладела с бою этим населенным пунктом, а бельгийцев, оборонявших здесь реку (части 1-й кав. и 4-й дивизий), оттеснила на левый берег. Но переправиться здесь через реку ей не удалось. 5 октября на усиление германского левого фланга начала прибывать к Алосту 1-я эрзац-рез. бригада, сменившая в этом районе 37-ю ландв. бригаду, наступавшую к Шоонарде.

В виду того, что появление противника на Шельде создавало угрозу для сообщений Антверпена с Гентом и Остендэ, для бельгийцев явилась необходимость принять спешные меры для задержания неприятельского продвижения в этом направлении. С этой целью в район Термонда были отправлены: конная бригада от Ветерена (из состава 2-й кав. дивизии) и вся 6-я дивизия с рюпельского участка. Такая забота об обеспечении за собой путей, ведущих на запад, представлялась для бельгийцев тем более неотложной, что в эти дни бельгийское главное командование уже подготовляло вывод своих войск из крепости.

Последние дни Антверпена (7—10 октября).

К вечеру 6 октября положение Антверпена представлялось в следующем виде: весь фронт между фортами Вэльхейм и Брэхем (протяжением в 20 кил.) был взят немцами; передовые части атакующего стояли уже в непосредственной близости к линии внутренних фортов; правый берег р. Шельды к югу от крепости был занят противником; сообщения с Гентом и Остендэ находились в опасности; наконец, сильнейший из внутренних фортов, Мерксем, уже громился германской артиллерией. И хотя в этот день в Антверпен прибыли две английские морские бригады (около 7 тыс. чел.), доставленные по железной дороге из Дюнкерка, но они, конечно, не могли существенно изменить создавшегося для бельгийцев положения. При таких условиях, бельгийское главное командование приняло решение не терять времени для спасения своей армии, которая, в случае дальнейшего своего пребывания в пределах крепости, могла быть окруженной и взятой в плен.

В ночь с 6-го на 7 октября полевые бельгийские войска, под прикрытием сильного огня крепостных и полевых батарей, были стянуты на левый берег Шельды в район 5-го сектора; только 2-я бельгийская дивизия и три английские морские бригады были оставлены, в качестве арьергарда, впереди линии внутренних фортов, а на фортах оставались гарнизоны из состава крепостных войск. Днем 7 октября бельгийская полевая артиллерия была отведена на левый берег.

В 4 часа дня ген. Безелер, через парламентера, потребовал сдачи крепости; но так как в этом ему было отказано, то ночью на 8 октября германские батареи начали обстрел города. В то же время на правом фланге форт Брэхем и промежуточное укрепление Масенхевен были заняты 27-й ландв. бригадой, а на левом форт Брендонк—частями германской морской дивизии. Англо-бельгийские войска, еще остававшиеся в крепости, приступили к взрыву крепостных сооружений и уничтожению всего того, чего нельзя было вывезти, в результате чего в различных частях города и крепостного района начались пожары. В течение 8-го последние полевые войска союзников покидали Антверпен. Бельгийское правительство уехало в Гавр, король же остался при армии. Утром 9 октября ген. Безелер вновь отправил в город парламентера, но там уже никого не было из военных властей; к немцам явился бургомистр Антверпена, который и передал победителю город и крепость. После этого, еще в течение нескольких часов сопротивлялись северные форты, Сен-Мари, Шоотен и Стабрек, но после угрозы германцев возобновить обстрел города, они прекратили огонь. Наконец, 10 октября комендант Антвер-

пена ген. Дегиз, находившийся на форту Сен-Мари, передал немцам и остальные форты. Трофеи победителя состояли из нескольких сот орудий и большого количества различных запасов, но число пленных было весьма незначительно. А в то время, когда немцы вступали во владение дымившейся в развалинах крепостью, бельгийская армия уже шла усиленными маршами на запад, навстречу союзным войскам.

3. Отступление бельгийской армии от Антверпена к р. Изеру. (8—13 октября).

(Схема № 10).

Организация бельгийцами отступательного марша.

Бельгийские дивизии, покинувшие Антверпен, сосредоточились в течение 8 октября у Сен-Николя для дальнейшего движения к западу. На Шельде, в районе Термонда, их прикрывали с юга 4-я дивизия и почти вся конница. Однако, в виду того, что германцы уже сосредоточили в это время три бригады (37-ю ландв., 1-ю бав. ландв. и 1-ю эрзац-рез.) у Шоонарде и Термонда и поэтому угрожали движению бельгийцев на Брюгге, необходимо было принять более действительные меры для обеспечения этого опасного марша. Для этого, между прочим, следовало удерживать некоторое время район Гента, заключавший в себе важный узел железнодорожных и водных сообщений. С этой целью, еще 7 октября к селению Мэль (в 7 кил. к юго-востоку от Гента) были спешно направлены все войсковые части и команды, которые возможно было перебросить сюда из соседних тыловых районов: полицейские отряды, волонтеры, жандармские команды и две роты 5-го франц. территориального полка. Командование этим сборным отрядом было вверено бельгийскому ген. Клоотэну. Войска, по мере своего сосредоточения у Мэля, спешно возводили здесь укрепления; 8 октября сюда подошли 4-я бельгийская пех. бригада с тремя батареями (от Сен-Николя) и французская морская бригада адм. Ронара (из Гента). К утру 9 октября укрепленная позиция между Мэлем и Катрехтом была готова, но, внезапной ночной атакой 1-й герм. эрзац-рез. бригады, сборный отряд союзников, не имевший ни надлежащей сплоченности, ни средств управления, был отброшен к селению Мэль.

Так как бельгийцы, заблаговременным сосредоточением своих войск на левом берегу Шельды в районе Сен-Николя и сопротивлением своего арьергарда в Антверпене в течение 8 октября, выиграли время для организации своего отступления, то немцы не могли рассчитывать на успешное

преследование противника своими главными силами из крепости, почему ген. Безелер решил предпринять параллельное преследование своим левым флангом; это последнее к тому же могло предоставить германцам возможность преградить путь отступления, если не всей бельгийской армии, то хотя бы некоторой ее части, а, может быть, и оттеснить бельгийцев к голландской границе. 9 октября 37-я и 1-я бав. ландв. бригады, находившиеся на р. Шельде в районе Термонда и Шоонарде, а также, подошедшая в этот день с участка р. Рюпель, 4-я эрзац-рез. дивизия, были направлены на левый берег Шельды в район Локерен—Лоохристи (к северо-востоку от Гента), с целью атаковать во фланг бельгийские походные колонны, а 1-я эрзац-рез. бригада, как было упомянуто выше, наступала к Катрехту для овладения Гентом. Первый из этих германских отрядов на следующий день, 10-го, захватил у станции Сен-Жиль железнодорожный эшелон с частями 2-й бельгийской и английской морской дивизий, частью взял в плен, а частью оттеснил их на голландскую территорию; другой из этих отрядов, как мы видели, в ночном бою с 9-го на 10 октября, отбросил войска ген. Клоотэна к сел. Мэль.

Бой у Мэля 10 октября.

К вечеру 9 октября к Генту подошла из Брюгге 7-я англ. дивизия, начальник которой, ген. Капер, принял общее командование всеми союзными войсками, сосредоточенными в этом районе. Теперь союзники уже обладали здесь превосходством в силах и имели возможность оказать противнику успешное сопротивление для удержания в своих руках Гента в течение нескольких дней. 10 октября немцы атаковали отряд ген. Капера, но были отброшены с большими потерями и уже больше не возобновляли атаки. Пока происходили эти боевые действия, бельгийская армия быстро уходила к западу: 1-я дивизия была посажена в вагоны на станции Сен-Николя и перевезена в Остендэ, а остальные дивизии отошли походным порядком за канал Тэрнейцен; первоначально допускалась возможность задержать продвижение противника на этом канале, но уже бои у Катрехта и Мэля и движение крупных сил неприятеля вдоль р. Шельды обнаружили затруднительность удержания за собой этой оборонительной линии. Вообще, обстановка во Фландрии складывалась в это время неблагоприятно для каких-либо операций бельгийцев между Шельдой и Изером: большие силы германцев уже собирались в районе Брюсселя [1]), участок р. Лиса от Армантьера до Гента уже был под ударами противника, английская армия

[1]) IV-я герм. армия герцога вюртембергского (см. IX-ю главу).

еще не закончила своего развертывания в районе Ипра. Все это могло привести к разобщению бельгийских и французских войск, если бы первые задержались еще на несколько дней где-либо в районе Гента или между этим городом и Брюгге. Эти обстоятельства побудили бельгийского короля принять решение отвести свою армию за р. Изер, где она могла бы более надежно обеспечить свою связь с войсками союзников и образовать один из участков общего стратегического фронта. В течение 10-го и 11 октября бельгийские войска были перевезены с попутных станций по железной дороге к р. Изеру, где и расположились в ближайшие дни в районе Туру—Ньюпор. Вслед за бельгийцами ген. Безелер отправил III-й рез. корпус и 4-ю эрзац-рез. дивизию; морская дивизия и ландверные бригады временно были оставлены для занятия крепости. Теперь сопротивление союзников в районе Гента являлось уже излишним, почему ген. Капер получил приказание отвести свои войска к западу: морская бригада адм. Ронара отошла в ночь с 11-го на 12 октября на Эльтре и Тьельт к Диксмюду, куда прибыла в полдень 15-го [1]). 7-я англ. дивизия отходила вслед за ней, сначала тоже на Тьельт, а затем к Ипру, где к ней присоединилась, прибывшая из Остендэ, 3-я англ. кав. дивизия (обе дивизии составили здесь 4-й англ. корпус ген. Роулинсона). Бельгийская конница прикрывала отступление всех союзных войск, оставаясь на канале Шипдонск до 13 октября, после чего она отошла к главным силам армии: 1-я дивизия—через Лостенхюле, а 2-я — через Брюгге.

Следовательно, к середине октября вся бельгийская полевая армия, а также и отряды союзников, поддерживавшие ее под крепостью, сравнительно благополучно отошли из окрестностей Антверпена. Период борьбы за крепость уже окончился; теперь бельгийцам предстояло, плечом к плечу со своими союзниками, начать новую борьбу с противником в новых условиях, за выполнение других оперативных задач, за достижение иных стратегических целей.

4. Разбор и оценка боевых действий в районе Антверпена.

Причина бельгийских неудач при обороне крепости.

Хотя опыт невероятно быстрого падения Льежа, Намюра и Мобежа уже до известной степени подготовил Европу к восприятию дальнейших успехов германцев в области крепостной войны, тем не менее, как я уже упоминал, падение Антверпена на двенадцатый день с начала

[1]) Для того, чтобы скорее оторваться от противника, французские моряки 12 октября прошли в течение 20 часов 55 килом.

атаки произвело весьма сильное впечатление, как среди противников Германии, так и в нейтральных странах. Если же мы еще примем во внимание, что крепость не подверглась полному обложению и сохраняла свободу сообщений с внешним миром, то мы поймем, почему, поразивший всех, быстрый успех германцев казался в то время невероятным. Уже из краткого описания укреплений Антверпена мы видели, что крепость не обладала той обороноспособностью, которая была необходима ей для успешного противодействия неприятельской атаке. Теперь же, ознакомившись с 12-ти дневной борьбой под стенами Антверпена, мы имеем возможность отдать себе ясный отчет о причинах неудачи бельгийцев.

Эта неудача объясняется тремя весьма существенными обстоятельствами. Во-первых, подавляющим превосходством германской осадной артиллерии над всеми пассивными и активными средствами обороны Антверпена: ни одно из находившихся в крепости покрытий, было ли оно из бетона, или из брони, не могло устоять против разрушительной силы снарядов столь мощных калибров, каковыми являлись 42-сант. мортиры и 30,5-сант. гаубицы; не могли бороться с этими могучими орудиями и антверпенские батареи, которые были вооружены более слабыми калибрами. Во-вторых, быстрый успех германской атаки явился результатом своеобразных условий антверпенской крепостной позиции, общих всем бельгийским крепостям, построенным по системе Бриальмона. Бельгийская крепостная позиция состояла, главным образом, из крупных фортов, усиленных бетоном и броней, на которых и была сосредоточена почти вся крепостная артиллерия; в дополнение к фортам имелось лишь небольшое число мелких укреплений (батарей, редутов), частью группировавшихся около них, частью находившихся на более слабых участках крепостного обвода, но имевших второстепенное оборонительное значение. Собственно же промежутки между фортами были развиты весьма слабо, почему главная борьба и велась не на промежуточных позициях, а на фортовых верках. Такой характер обороны приводил к тому, что форты, заключавшие в себе все оборонительные средства крепости, естественно, привлекали на себя подавляющий огонь неприятеля, а так как к тому же они представляли собой ясно видимые и удобные для стрельбы по ним цели, занимавшие небольшую площадь, то и подвергались быстрому разрушению. Если бы большая часть крепостных орудий была вынесена на промежутки (как это и требуется новейшей теорией крепостной войны), где заняла бы на более обширной площади менее заметное для противника расположение, а форты остались бы только с противоштурмовой артиллерией,

сохраняя свое значение, как пункты, обеспеченные от атаки открытой силой, как основные устои крепостной позиции,— то сопротивление Антверпена, по всей вероятности, было бы более продолжительным [1]).

В-третьих, быстрое падение Антверпена явилось последствием также и искусного применения атакующим принципов полевого боя: решительного стремления к прорыву, смелого маневрирования в районе фортов и широкого развития пехотных действий, что, в свою очередь, облегчалось, указанным выше, слабым развитием фортовых промежутков и неиспользованием всех тактических выгод, которые давали обороняющемуся крепостные водные рубежи.

Общий характер действий атаки и обороны.

Все это, взятое в совокупности, дало германцам возможность осуществить при нападении на Антверпен приемы ускоренной атаки, давшие им столь блестящие результаты в такой непродолжительный срок. Пробивши широкую брешь в юго-восточном секторе внешних фортов, немцы смело бросили свою пехоту внутрь крепости, оттеснивши неприятельские войска к внутренней фортовой линии, и создали серьезную угрозу с фланга и тыла для тех фортовых участков, сопротивление коих еще не было сломлено с фронта.

Германцы, не обладая численным превосходством, не только имели постоянный перевес в непосредственных действиях против крепости (что являлось, прежде всего, результатом их превосходства в артиллерийских средствах), но и сумели теми же силами в течение пяти недель обеспечивать свои фланги от покушений неприятеля и даже угрожать его сообщениям вдоль р. Шельды. Они могли достигнуть этого, конечно, лишь благодаря значительной пассивности обороняющегося, который не использовал с надлежащей энергией ни своих сил, ни того продолжительного времени, в течение которого крепость наблюдалась немцами. Правда, бельгийцы три раза производили крупные вылазки из крепости, и хотя последние и предпринимались с достаточными силами, но всегда имели весьма ограниченные цели, не простиравшиеся далее отвлечения на себя сил германской обсервационной армии в период боевых операций полевых армий на юге (в дни сражений: пограничного, на Марне и на Сомме). Ни разу бельгийцы не задавались

[1]) Впрочем, германские авторы указывают на то, что форты Антверпена быстро падали не столько от разрушений, произведенных германской осадной артиллерией, сколько от неустойчивой обороны их бельгийцами; по свидетельству германских источников, 76% броневых башен и 68% находившихся в них орудий остались неповрежденными, следовательно, форты могли еще долго оказывать сопротивление (Schlachten des Weltkrieges 1914—1918. Antwerpen 1914, стр. 99).

смелой целью, своими действиями против флангов или сообщений противника, отбросить его от крепости или не допустить сосредоточения под крепостью тех могучих артиллерийских средств, которые с такой небывалой быстротой проложили дорогу для германской пехоты в недра Антверпена. Все наступательные операции бельгийцев велись крайне осторожно и вяло, преимущественно фронтально и, вообще, имели какой-то однообразный, шаблонный характер; казалось, что, предпринимая их, бельгийская армия не сознавала того, что уже в этих боях она должна была вести отчаянную борьбу за свое существование и за сохранение крепости, не дожидаясь того времени, когда враг поведет атаку на укрепления, служившие ей последним убежищем.

С того дня, когда германская артиллерия начала громить антверпенские форты, соотношение сил, конечно, резко нарушилось в пользу атакующего, и шансы обороняющегося на успешность сопротивления значительно пали; но до тех пор, в течение тех пяти недель, когда Антверпен не был еще атакован, а лишь изолирован от полевых армий, была полная возможность предпринять со стороны крепости какую-нибудь более решительную операцию против германцев.

При изучении боевых действий под Антверпеном, естественно, возникает вопрос: почему немцы не приняли мер к тому, чтобы взять в плен всю бельгийскую армию, чего, казалось бы, возможно было достигнуть путем захвата ее сообщений в узкой полосе между р. Шельдой и голландской границей? При составлении плана атаки ген. Безелер предлагал, одновременно с главной атакой против юго восточного фронта, повести вспомогательную с запада, на левом берегу р. Шельды, но главное командование отклонило это предложение в виду недостатка войск и огнестрельных припасов. Вообще же, как я уже упоминал выше, в германской главной квартире полагали, что, при том важном значении, которое придавалось бельгийцами удержанию в своих руках Антверпена, их армия будет оставаться в крепости до последней возможности, почему и нет надобности предпринимать что-либо заранее для захвата сообщений и преграждения противнику путей на запад. Когда же эта надобность неожиданно наступила, то на Шельде у немцев не оказалось достаточных сил для выполнения соответствующего маневра.

Помощь, оказанная Антверпену со стороны союзников.

Географическое положение Антверпена значительно облегчало переброску войск из Англии для поддержки бельгийской армии, сражавшейся в районе крепости. Однако, в этом отношении со стороны англичан было сделано очень немного. Даже

4-й корпус ген. Роулинсона, подготовленный для действий на материке, не был своевременно доставлен в Бельгию, а собравшись в Брюгге 7 октября и имея приказание английского военного министра ни в каком случае не дать себя запереть в крепости, не пошел к Антверпену, а ограничился пассивно-оборонительными действиями в окрестностях Гента, не решаясь атаковать слабые германские силы, продвигавшиеся на сообщения бельгийской армии. Не поддержали бельгийцев и французы, имевшие возможность в августе и в первой половине сентября передать в Антверпен гарнизон Дюнкерка и территориальные войска, местами разбросанные около бельгийской границы. С этими подкреплениями бельгийцы, быть может, были бы в состоянии оттеснить от крепости германскую обсервационную армию, затруднить ей подвоз осадного парка и отдалить момент атаки Антверпена. А это замедление, в связи с приближением к морю в конце сентября стратегического фронта полевых армий, могло бы создать для крепости совершенно новые условия борьбы и дать событиям новое направление. Антверпен, обороняемый в тесной связи с полевыми армиями союзников, имел бы обеспеченные фланги и тыл и мог бы пополнять свои потери за счет полевых войск, а следовательно, и был бы в состоянии проявить более упорное и длительное сопротивление неприятельской атаке, чем Антверпен изолированный, с угрожаемыми сообщениями, с ограниченными источниками живых сил и материальных средств.

Из всего сказанного в этой главе мы приходим к заключению, что оборона Антверпена представляет собой типичный пример самостоятельной борьбы большой маневренной крепости с осадной армией противника в условиях современной войны; пример, поучительность которого в значительной мере возрастает от того обстоятельства, что, несмотря на обилие больших крепостей в пределах театра военных действий, он является и единственным в мировой войне [1]).

---

[1]) Льеж, Намюр и Мобеж по своим размерам и своему стратегическому значению не могут идти в сравнение с Антверпеном, Верден же ни разу не был атакован, собственно, как крепость, вне тактической связи с полевой армией.

IX. Сражение во Фландрии.

I. Обстановка во Фландрии перед сражением.

(Схема № 14).

Положение сторон к 15 октября.

При изложении событий так называемого бега к морю, мы дошли до того момента, когда оба противника, последовательно вводя на своих наружных флангах все новые и новые силы, дотянули к середине октября свои боевые линии до р. Лиса: немцы — на правом берегу этой реки, а союзники—на обоих ее берегах, с выдвижением небольшой группы своих войск в окрестности Ипра; а в VIII-й главе мы видели, что одновременно с этим вся бельгийская армия и те англо-французские отряды, которые поддерживали ее под Антверпеном, отходили под давлением противника на линию Остендэ—Ипр. Таким образом, обе стороны, под влиянием различных обстоятельств, постепенно удлиняли свой стратегический фронт к северу, а падение Антверпена и отступление бельгийцев к р. Изеру должны были привести к образованию нового боевого участка, непосредственно прилегавшего к морю; следовательно, создание сплошного фронта во фландрском районе шло с двух сторон встречным движением и с севера, и с юга. Смыкание этих боевых участков между р. Лисом и морем произошло в ближайшие дни, как результат образования обоими противниками новых войсковых групп для операций на флангах, операций, все еще возможных в некоторых направлениях, все еще обещавших успех стороне, захватившей инициативу. В этом смыкании фронта приняли участие: со стороны союзников—1-й англ. корпус, доставленный во Фландрию позже других английских войск, и новые французские части, прибывавшие на поддержку англичан и бельгийцев: а со стороны немцев—частью их войска, преследовавшие бельгийскую армию от Антверпена, а частью новые крупные силы, подходившие от Гента.

Все эти перемещения, переброски, перегруппировки и обходные движения представляли собой, в сущности говоря, продолжение бега к морю, который, конечно, должен был достигнуть какого-то предела, обозначенного естественным рубежом, каковым в данных условиях театра военных дей-

ствий могло служить только морское побережье. И само сражение во Фландрии, явившееся результатом всех этих сложных передвижений в приморском районе, по своему внутреннему значению, было лишь одним из крупнейших эпизодов этого бега к морю, одним из более значительных, наиболее драматичных актов этого грандиозного встречного маневра, выполнявшегося обеими сторонами на широком фронте между Уазой и морем.

Планы сторон для предстоявших действий во Фландрии.

В боевых операциях во Фландрии нападающей стороной, сохранявшей в своих руках инициативу действий, являлись немцы, почему естественно искать активную цель этих операций в предположениях германского главного командования. Союзники утверждают, что их противник поставил целью своего наступления во Фландрии захват морского побережья от Остендэ до Булони, для создания здесь базы своему подводному флоту и для непосредственной угрозы отсюда британским островам. Между тем, ни в одном из опубликованных до сих пор на германской стороне документов, касающихся решений и намерений германского главного командования в этот период кампании, цель этого наступления не формулирована в столь определенной форме. Правда, наиболее авторитетные немецкие источники, в общем, не отрицают намерений германцев утвердиться на морском побережьи, но все же одним из главных побуждений к этому выдвигают необходимость обеспечить свой правый фланг от покушений со стороны англо-французов. Так, ген. Фалькенгайн, в своем известном труде, посвященном описанию деятельности германского главного командования в 1914—1916 г.г. [1]), говорит о предположениях и намерениях германской главной квартиры, в отношении наступления во Фландрии, следующее: „Германский фронт не продвинулся западнее линии Руа—Бапом—Лилль. Не достигнуто было также и морское побережье, которое должно было служить опорой нашего правого фланга; владея им, можно было надеяться прервать неприятельские сообщения в английском канале, нанести чувствительный удар Англии, а также угрожать французскому флангу". А в другом месте, говоря о появлении к середине октября значительных неприятельских сил на Изере и у Ипра, Фалькенгайн замечает: „Опять острым становился для немцев вопрос не только об опасности быть отрезанными от бельгийского побережья, но и об охвате их правого крыла. От этого следовало избавиться во что бы то ни стало".

[1]) Die Oberste Heeresleitung 1914-1916, стр. 24—25.

Итак, по свидетельству лица, бывшего в то время верховным руководителем германских операций и на западном, и на восточном театрах, немцы стремились к берегу моря не столько с целью активных действий против Англии, сколько для того, чтобы придать устойчивость своему правому флангу в западной Бельгии; возможные же выступления против британских островов и их сообщений с материком должны были явиться как бы естественным результатом овладения морским побережьем, т.-е. иначе говоря, стремление немцев к этому побережью имело оборонительный характер. Тем не менее, целый ряд различных обстоятельств, обнаружившихся как до начала боевых действий во Фландрии, так и во время самого сражения, приводит нас к заключению, что план, намеченный германским главным командованием для действий во Фландрии, был ярко окрашен стремлением к захвату морского берега исключительно для достижения решительных и активных целей в отношении своего наиболее опасного противника по ту сторону Ла-Манша.

Новая IV-я герм. армия, как увидим ниже из описания ее развертывания, была направлена в западную Бельгию почти одновременно с падением Антверпена, т.-е. в то время, когда ни на Изере, ни у Ипра еще не было крупных неприятельских сил, которые могли бы угрожать безопасности германского правого фланга; затем, формирование корпусов, составивших эту армию, происходило при таких условиях, которые явно предопределяли собой огромную энергию и активность действий при выполнении боевых задач, связанных с наступлением во Фландрии [1]); кроме того, на решительный характер предстоявших боев и на необходимость во что бы то ни стало добиться победы неоднократно указывалось в боевых приказах германских начальников, что уже само по себе свидетельствует о том, что целью столь решительных действий едва ли могло быть отражение неприятельского наступления; наконец, обращение германского императора, прибывшего к началу наступления в Гент 14 октября, с особым воззванием к IV-й армии, в котором выражалась уверенность в достижении победы, воззванием, необычным в германских армиях для отдельных операций [2]), все это указывает на то, что наступление немцев во Фландрии должно было иметь более яркую и более значи-

---

[1]) Об образовании этих новых корпусов будет сказано при сопоставлении сил обеих сторон в этой операции.

[2]) Во французской литературе имеются указания на то, что приезд германского императора в Бельгию находился в связи с предположением, в случае занятия немцами Ипра, торжественно провозгласить в этом древнем городе присоединение Бельгии к Германии.

тельную цель, чем обеспечение своего стратегического положения в приморском районе. И, конечно, такой целью мог явиться лишь захват побережья, имевшего столь важное значение для совместных действий на европейском материке английской армии с армиями французской и бельгийской. Таким образом, впервые в эту войну географический объект был поставлен одной из сторон конечной целью крупной и решительной операции.

О том, какие именно оперативные задачи были даны в это время германским войскам на фронте между р. Лисом и берегом моря, мы можем лишь отчасти судить по содержанию директивы германского главного командования от 14 октября, приведенной мною в конце VI-й главы: в то время, когда правый фланг VI-й армии, на участке от Мэнена до Ла-Бассэ, должен был привлекать на себя неприятельские силы, развернувшиеся по обе стороны р. Лиса и в южных окрестностях Ипра, IV-я армия имела задачу атаковать всеми своими силами севернее Ипра бельгийскую армию и те французские подкрепления, которые могли быть переброшены сюда с юга. Необходимо признать, что такое распределение ролей между этими двумя группами германских войск является неудачным и несоответствующим тем широким стратегическим замыслам, которыми задавалось в то время германское главное командование. В самом деле, почему наступательные действия были указаны одной IV-й армии, а не обеим армиям одновременно? Разве расположение на месте правофланговых корпусов VI-й армии могло удержать стоявшего против них противника от продвижения своих войск к северу, для противодействия натиску немцев на Изере? Даже наиболее успешное продвижение IV-й армии к западу могло, при этих условиях, поставить в тяжелое положение только бельгийцев, которые были бы прижаты к морскому берегу, но зато сама IV-я армия оказалась бы в невыгодном положении на своем левом фланге, легко подверженном удару со стороны неприятельских войск, подходивших с юга в окрестности Ипра. Только одновременное с атаками IV-й армии, наступление в северо-западном направлении правофланговых корпусов VI-й могло бы устранить эту опасность и привести к разобщению всей группы французско-бельгийских войск, находившихся в районе р. Изера, от остального неприятельского фронта. Мы увидим, что в действительности, естественным ходом постепенно развивавшегося сражения, немцы были приведены к сознанию необходимости активных действий в северо-западном направлении с линии Мэнен — Варнетон, но их решение атаковать здесь явилось уже запоздалым и не могло ни в чем существенном видоизменить сложившей-

ся к тому времени во Фландрии невыгодной для них обстановки [1]).

Судя по всему тому, что нам известно до сих пор о предположениях и приготовлениях союзного командования накануне фландрской операции, боевые действия, предстоявшие союзникам на ближайшее время в районе Фландрии, представлялись ему в совершенно ином виде, чем противнику, вследствие его полной неосведомленности о намерениях немцев. О формировании в Германии нескольких новых корпусов, об образовании из них новой германской армии, имевшей задачей наступать к морскому побережью и вообще о замыслах германского командования в отношении последнего во французской главной квартире имелось очень мало сведений; почему дальнейшие операции во Фландрии, повидимому, рисовались в представлении французского генерального штаба, как продолжение все тех же последовательных попыток обойти неприятельский фланг, до тех пор, пока фронт не упрется в берег моря или не сомкнется с бельгийскими позициями. Первые тревожные сведения о противнике, которые заставили французское главное командование призадуматься над положением, создавшимся к северу от р. Лиса, но которые все же не внесли достаточной ясности в понимание им обстановки, были получены лишь 18 октября, т.-е. накануне общего наступления IV-й герм. армии, когда уже трудно было внести необходимые изменения в группировку и задачи союзных войск, находившихся на р. Изере и у Ипра. Эти сведения обнаружили появление к северу от Ипра крупных неприятельских сил неизвестного происхождения; можно было предполагать, что противник или перебросил в этот район войска с других участков фронта, или ввел в боевые линии какие-нибудь новые формирования. Впрочем, все шире развивавшиеся операции на восточном фронте и наступление немцев на левом берегу Вислы, требовавшее усиления войск ген. Гинденбурга, как будто бы противоречили этим опасениям, почему французскому главному командованию невозможно было в эти дни придти к какому-нибудь правильному заключению о силах противника. А пока, в соответствии с расчетами вести в ближайшие дни севернее р. Лиса фланговые операции ограниченного значения, английской армии

[1]) В директиве германского главного командования от 14 октября (см. стр. 238) ясно сказано, что правый фланг VI-й армии должен обороняться и выжидать результатов атаки IV-й, т. е. обе армии должны были наступать неодновременно; между тем, ген. Фалькенгайн, упоминая в своей книге (стр. 24) о планах главного командования, говорит, что одновременно с атакой IV-й армии должна была наступать в северо-западном направлении и правофланговая группа корпусов VI-й. Мне не удалось выяснить, чем может быть объяснена такая несогласованность этих сведений.

была дана задача наступать своими главными силами по левому берегу этой реки на Мэнен и Куртрэ, с целью охватить правый фланг неприятельских войск, развернувшихся к северу от Лилля; бельгийской армии было предъявлено требование удерживаться на р. Изере, для того, чтобы выиграть время для подхода французских подкреплений.

Но не следует думать, что при таком характере своих оперативных предположений, союзное командование упускало из виду возможность неприятельских покушений на французское побережье и необходимость противодействовать им. С одной стороны, близость этого побережья от боевых линий (от Ипра до Кале, — 70 кил.), а с другой, слабость бельгийской армии, которая могла, не выдержав германского натиска, открыть противнику путь на Дюнкерк и Кале, естественно направляли внимание союзников на вопрос о непосредственной обороне подступов к морскому берегу и расположенным на нем гаваням и портам. Особенно же это казалось важным для английского командования, тем более, что для вполне надежного разрешения этого вопроса, сюда и была только что переброшена с р. Эна вся английская экспедиционная армия. И вот в этот именно период времени, по этому вопросу произошел длительный и весьма интересный обмен мнений между французской главной квартирой и английским командованием, отчетливо выявивший две различные точки зрения на решение этой задачи[1]). Англичане считали необходимым подчинить все оперативные соображения, составлявшиеся для боевых действий во Фландрии, этой главной, наиболее существенной, по их мнению, идее, т.-е. непосредственной обороне побережья, с целью отвратить возможную угрозу британским островам со стороны подводных лодок, воздушного флота, а может быть и дальнобойной артиллерии противника. В противоположность этому, ген. Жоффр полагал, что хотя удержание в своих руках морского берега и является задачей весьма значительной для общего положения союзников, но что все таки это—не главная, не важнейшая из оперативных задач, стоявших в данное время перед союзным командованием; он считал, что затрата сил и средств для непосредственной защиты побережья допустима лишь в такой мере, в какой она не будет затруднять осуществление общих оперативных планов, имеющих целью использовать все, что возможно для нанесения противнику решительного поражения.

Все это указывало на то, что французское главное командование шире охватывало стратегическую обстановку

---

[1]) Переписка по этому вопросу приведена в XV-й главе сочинения фельдм. Френча—„1914".

и глубже проникало в сущность происходивших вокруг него явлений, чем англичане.

Почему, в самом деле, последние считали угрозу безопасности своих островов таким значительным, чуть ли не катастрофическим явлением всей кампании? Почему одна Англия считала себя в праве уклоняться от всякой непосредственной опасности, если бы таковая даже логически и вытекала из развернувшихся событий? Ведь Бельгия уже почти вся, а во Франции огромная территория северных департаментов были захвачены германцами. Почему она одна во что бы то ни стало должна была оставаться нетронутой врагом, хотя бы это и шло в ущерб общим интересам союзников? Во всем этом, несомненно, сказывалась узкая, эгоистическая военная политика Англии и ее старая, вековая традиция—ведя войну, терпеливо нести потери во всем, что можно приобретать за деньги: потери в людях, оружии, огнестрельных припасах и всякого рода снабжении, но никогда и ни за что не терять ни клочка своей территории.

Силы сторон, сосредоточенные к середине октября во Фландрии.

Силы, которые были введены в действие обеими сторонами во Фландрии в течение октябрьских и ноябрьских боев, беспрерывно увеличивались в зависимости от хода боевых операций, почему с-йчас, до изложения боевых действий, я считаю неудобным давать подсчет этих сил за всю операцию. Постепенно, по мере того, как в моем изложении бои будут развиваться, мы проследим и наростание этих войсковых масс и сопоставим их численность и группировку у обоих противников в различные моменты. В настоящее же время я ограничусь общим указанием на те силы, которые были направлены с обеих сторон во Фландрию при их первоначальном развертывании; более подробное перечисление их, а также их расположение будут мною указаны при изображении исходного положения противников накануне сражения.

Союзники имели в приморском районе к середине октября следующие силы: почти всю английскую армию, которая должна была в течение ближайших 3—4 дней подтянуть сюда свои последние части, находившиеся еще в пути (1-й корпус—с р. Эна, лагорскую дивизию—из Марселя); бельгийскую армию, подошедшую к р. Изеру 14—15 октября, две французские территориальные и шесть французских кавалерийских дивизий. Французские войска должны были в ближайшее время получить подкрепление из нескольких пехотных дивизий, уже перевозившихся сюда с других участков фронта. Из всех этих союзных войск в наилучшем состоянии находилась английская армия, потому что, укомплектованная людьми и материальной частью в период своего пребывания в районе Парижа и не

принимавшая с тех пор участия ни в длительных маршах, ни в упорных боях, она вполне сохранила свои физические и моральные силы; последние, кроме того, еще более укрепились после переброски английских войск в приморский район, где близость родины и сознание того, что они собственной грудью преграждают врагу доступ к отечественным пределам, в известной мере воодушевляли их для предстоявшей борьбы. Весьма слабой была в это время бельгийская армия, сильно изнуренная боевыми действиями под Антверпеном и поспешным отступлением от крепости. В лучшем состоянии, чем бельгийцы, находились французские войска, хотя некоторые дивизии, особенно кавалерийские, беспрерывно сражавшиеся уже в течение продолжительного времени, были сильно расстроены предшествовавшими боями.

Со стороны немцев во Фландрию была направлена IV-я армия (герцога вюртембергского), составленная из четырех, недавно сформированных резервных корпусов и включавшая в себя также войска группы ген. Безелера, преследовавшей бельгийцев от Антверпена; кроме того, в районе р. Лиса находилась правофланговая группа корпусов VI-й армии (XIII-й, XIX-й и VII-й). За исключением новых резервных корпусов, все остальные войска были более или менее утомлены и ослаблены боевыми действиями под Антверпеном и в боях на Марне, на Эне и под Верденом; конница же была настолько расстроена боевой деятельностью в течение последнего месяца, что было признано необходимым вывести ее из боевых линий в ближайший тыл, в район Лилля. Новые резервные корпуса, составленные, главным образом, из добровольцев, представляли собой совершенно свежую боевую силу. Патриотическое воодушевление, охватившее Германию в августе 1914 года, вызвало огромный прилив добровольцев, желавших принять участие в боевых операциях во Франции; в течение месяца их численность достигла 1 мил. человек. Здесь были представители различных классов населения и разнообразных профессий: рабочие, студенты, крестьяне, горожане, учителя, ремесленники, чиновники; возраст этих людей колебался от 16 до 50 лет. С целью использовать этот, в некотором отношении ценный материал, во второй половине августа приступили к формированию из него новых частей: в Пруссии—5-ти резервных корпусов, с XXII-го по XXVI-й, в Баварии—6-й резервной дивизии, а в Саксонии и Вюртемберге—XXVII-го рез. корпуса[1]). На 75% эти части были составлены из добровольцев, а на 25%—из людей

[1]) Корпуса XXII-й, XXIII-й, XXVI-й и XXVII-й и 6-я бав. рез. дивизия были предназначены для IV-й армии, XXIV-й корпус отправлен к Мецу, а XXV-й—на восточный фронт.

ландвера, ландштурма и эрзац-резерва; были полки, составленные целиком из студентов, при чем в некоторых из них отдельные классы (курсы) высших учебных заведений, вместе со своими преподавателями, составляли целые роты и батареи. Главную массу командного состава образовали офицеры, уже отслужившие свой срок в резерве и ландвере и добровольно явившиеся в эти новые части; к ним было добавлено небольшое число офицеров действительной службы.

Эти добровольческие корпуса и дивизии сражались впоследствии с огромным воодушевлением; даже французские авторы упоминают о необыкновенной доблести и беззаветной храбрости этих энтузиастов, нередко бросавшихся в атаку с патриотическими песнями. Однако, несмотря на сложившуюся уже вокруг них легенду, полную героического романтизма, исследователю этих событий нельзя упускать из виду тех объективных данных, которые характеризуют собой боеспособность этих войск, находившуюся, в общем, на невысоком уровне. Вот что говорит о боевых качествах этих войск ген. Людендорф в своих воспоминаниях о войне[1]): „Вскоре выяснилось, что боевая ценность новых формирований во многом уступает войсковым частям, состоявшим из людей, отбывших свой срок обучения и предводимых не пожилыми, а полными сил офицерами. Эти новые резервные корпуса имели в своих рядах великолепный материал, но все же это были не солдаты; их геройство и их самоотвержение не могли восполнить недостатков их обучения. Многие из старых офицеров, находившихся в составе этих частей, делали все, что было в их силах, но тем не менее, в их работе сказывалось отсутствие опыта". Подобное свидетельство лица, столь компетентного, каким является в данном случае ген. Людендорф, лишний раз подтверждает справедливость того положения, что импровизация в военном деле, осуществляемая даже в наиболее благоприятных условиях, все же приводит обыкновенно к отрицательным результатам; и что так называемые солдатские армии, составленные из людей, прошедших более или менее систематический курс обучения, обладают более высокой боеспособностью, чем эти, наскоро сколоченные массы необученных волонтеров.

Район боевых действий во Фландрии.

Районом боевых действий фландрского сражения послужили обширные равнины Фландрии, раскинувшиеся по обе стороны французско-бельгийской границы между берегом моря и линией Бетюн—Лилль—Куртрэ. Они заключают в себе бассейны рек Изера (впадающей в море у Ньюпора) и Лиса (левого притока р. Шельды) и по характеру своему могут быть

[1]) Meine Kriegserinnerungen 1914—1918, стр. 75.

разделены на три участка; долина р. Лиса, ипрская возвышенность и приморская полоса.

Долина р. Лиса широка, открыта, с низкими берегами, изобилует болотами, легко заливается в половодье и обладает глинистой почвой, сильно размякающей после дождей; река медленно течет в широком русле и в плоских берегах и там, где она не сопровождается болотами, почти везде легко проходима. Долина покрыта обработанными полями, лугами, рощами, густой сетью изгородей и изобилует сельскими поселениями, которые местами образуют сплошные полосы деревень и хуторов. В тактическом отношении, вследствие обилия местных предметов, долина представляет большие выгоды для обороняющегося; в сухое время года она проходима для всех родов войск, но в дождливую погоду, особенно в период зимних дождей, превращающих ее в сплошную лужу, трудно проходима.

Ипрская возвышенность, расположенная между р. р. Изером и Лисом, состоит из длинной, неширокой цепи холмов (так называемых фландрских гор), которые тянутся с запада на Кассель, Кеммель и Мессин (холмы Кат, Нуар, Руж и др.); их высота колеблется от 70 до 150 метров. Их продолжением к северо-востоку являются более низкие холмы по другую сторону Изер-Ипр-Коминского канала, у Холебеке, Гелювельта, Зоннебеке, Пашендале и Вестрозебеке. Все эти возвышенности резко выделяются на окружающей их глинистой равнине, местами поросли лесом, по их скатам и на их вершинах разбросаны ветряные мельницы, усадьбы, церкви. С высот у Кеммеля отлично наблюдается местность от Лилля на Мэнен до Диксмюда. У северной границы этой возвышенной полосы извивается плоская долина верхнего и среднего Изера (от истоков до Диксмюда), обильная водой, покрытая пастбищами, с разбросанными по ним многочисленными селениями и фермами, перелесками и изгородями, вообще, представляющая собой хотя и пересеченную местность, но не затруднительную для движения и действий войск. В тактическом отношении ипрская возвышенность является районом вполне удобным, как для наступательных, так и для оборонительных боев.

Приморская полоса, заключающая в себе нижний Изер, от Диксмюда до моря, представляет собой много своеобразного: непосредственно у морского берега тянется естественный барьер из дюн (высотой до 30 метров), местами глубоко вдающийся внутрь страны песчаными холмами, покрытыми вереском; вся поверхность приморской полосы изрезана многочисленными каналами, выведенными из Изера, имеет весьма пересеченный характер и трудно проходима для войск. Во многих местах на каналах устроены искусственные плотины, снабженные шлюзами; открывая и закрывая

последние, понижают или повышают уровень воды в реке и каналах, а также затопляют некоторые участки. Эта часть фландрского района населена слабо; селения здесь редки и малы, обработанных полей не много, их заменяют обширные пастбища; древесная растительность встречается в весьма небольшом количестве. Своими естественными условиями местность здесь благоприятствует оборонительным действиям, но для наступательных, особенно связанных с передвижением крупных отрядов, представляет значительные затруднения.

В качестве особенностей, общих всему району боевых действий во Фландрии, следует упомянуть следующие. Во-первых, только те дороги, которые пролегают по искусственным насыпям, проходимы во всякое время года и при всякой погоде; остальные же сильно портятся от дождей или воды, выступающей из каналов; во-вторых, высокий уровень грунтовых вод делает окопные работы весьма затруднительными; и, в-третьих, местность на всем пространстве рассматриваемого района, вследствие обилия мелких местных предметов, весьма неблагоприятна для ориентировки.

2. Развертывание сторон и борьба за исходное положение. (15—16 октября).

(Схемы №№ 14 и 15).

Соответственно различному характеру и оперативному значению боев, составляющих сражение во Фландрии, оно распадается на два периода: период подготовительных действий, отчасти представляющих собой продолжение фланговых маневров бега к морю, и период главных операций, как заключительный акт маневренной войны на Западе, сосредоточивший в себе последнее могучее усилие, последние яркие стремления обеих сторон добиться решительного успеха на просторе полевого, маневренного боя. Первый период, это — подготовка к решительному столкновению, это—бои, обеспечивавшие развертывание, бои за передовые позиции, за выгодное в оперативном отношении исходное положение. Они закончились на стороне союзников закреплением бельгийской армии на оборонительной линии р. Изера и развертыванием английских войск в районе Ипра, что связало в одну общую линию фронта все силы союзников на пространстве между левым флангом 10-й франц. армии и берегом моря; на стороне германцев эти подготовительные боевые действия закончились развертыванием их IV-й армии, примкнувшей в районе Куртрэ к правому флангу VI-й. И уже с этого момента, когда оба противника сосредоточили и развернули во Фландрии крупные массы войск, получивших определенную оперативную группировку, с этих

пор они уже вводят здесь в дело свои главные силы, с целью нанести неприятелю решительное поражение.

К 15 октября все войска союзников, находившиеся во фландрском районе, составляли три самостоятельные группы: бельгийская армия на р. Изере, французские войска между Диксмюдом и Ипром и английская армия у Ипра и по обе стороны р. Лиса. В своих действиях эти группы объединялись лишь общими указаниями ген. Фоша, который, попрежнему, командовал французскими армиями, расположенными к северу от Уазы. Союзники не обладали в это время боевой готовностью, достаточной для ведения решительных операций, и нуждались еще в нескольких днях для выполнения оперативных перегруппировок и для установления более прочной связи с соседями. Впрочем, обстановка во Фландрии предоставляла в их распоряжение необходимое для этого время, потому что и германские войска находились в этот момент еще в состоянии первоначального развертывания на р. Шельде.

Бельгийская армия на р. Изере с 15-го по 19 октября

В то время, когда бельгийцы, отступая от Антверпена, достигли р. Изера, англо-французский фронт во Фландрии еще не имел прочного положения, почему бельгийской армии приходилось, в течение нескольких дней после своего сосредоточения на этой реке, самостоятельно бороться с противником, наступавшим от Гента. В виду этого, ген. Фош предъявил бельгийскому командованию требование продержаться на р. Изере не менее двух суток, чтобы дать время французским подкреплениям, направленным сюда, сосредоточиться во фландрском районе. Задача, данная бельгийской армии, казалась в тот момент чрезвычайно трудной для выполнения: боевая численность бельгийских войск составляла в это время лишь 48 тыс. человек и, кроме того, во французской морской бригаде адм. Ронара—6 тыс.[1]), а всего 54 тыс. человек, которые должны были удерживать участок фронта от Боезинге (к северо-западу от Ипра) до моря, протяжением в 36 кил. Положение бельгийцев несколько облегчалось лишь тем обстоятельством, что, вследствие перевозки некоторых их дивизий по железной дороге, немцы потеряли боевое соприкосновение с ними на целые сутки[2]).

[1]) Бригада адм. Ронара вела бои в тесной связи с бельгийцами и была подчинена бельгийскому главному командованию.

[2]) Во французской военной литературе имеются указания на то, что в эти дни бельгийское главное командование предполагало отвести свою армию в тыл, на французскую территорию, для отдыха и приведения ее в порядок, для чего уже были избраны квартирные районы для войск в окрестностях Кале и Гавра; но ген. Фошу удалось убедить короля Альберта не покидать бельгийской территории и оборонять р. Изер до последней возможности (Palat, т. VIII-й, стр. 30—32).

15 октября бельгийская армия заняла следующее расположение на р. Изере: на левом фланге, от морского берега (в окрестностях Ломбартзиде) до Маннекенсвеера—2-я дивизия; правее, на Шоор, прикрывая своим правым флангом переправу у Шоорбаке — 1-я дивизия; далее, на Кейем до Беерста — 4-я; наконец, на правом фланге, у Диксмюда, от Беерста на Еессен и затем к юго-западу на Сен-Жак Капеле, находилась французская морская бригада адм. Ронара, подошедшая в этот день со стороны Кортемарка. 1-я кав. дивизия оставалась впереди правого фланга бельгийцев восточнее леса Хутульст, на линии Кортемарк — Стаден — Рулер, прикрывая, до прибытия французской конницы, промежуток между Диксмюдом и Ипром. Остальные бельгийские войска расположились во второй линии: 3-я дивизия—западнее р. Изера, у Ламперниса, 5-я и 6-я—между р. Изером и Ипром, у Нордшооте и Боезинге; 2-я кав.—за левым флангом между Ньюпором и Фюрном.

Весь следующий день бельгийцы оставались в этом расположении, но уже почти по всему своему фронту вступили в мелкие боевые столкновения с передовыми и разведывательными частями германских войск ген. Безелера, преследовавшими их от Антверпена. Боевые действия такого же характера продолжались и в течение 17 октября; лишь в районе Диксмюда в этот день завязался бой с более крупными силами 6-й герм. рез. дивизии, побудивший бельгийское командование подкрепить адм. Ронара бригадой 3-й дивизии. В то же время, в виду состоявшегося уже выдвижения 2-го франц. кав. корпуса (ген. Митри) на участок между Диксмюдом и Ипром (в район леса Хутульст), 5-я и 6-я бельгийские дивизии были переведены на левый берег р. Изера, к Оосткерке и Ламернису, а 3-я дивизия—к Вульпену (между Ньюпором и Фюрном), что придало бельгийской армии более сосредоточенное расположение. 1-я бельг. кав. дивизия вела в этот день небольшие бои у Стадена с передовыми частями 6-й герм. рез. дивизии, а 2-я оставалась, попрежнему, за левым флангом бельгийского фронта. Лишь 18 октября боевые действия на р. Изере приняли более значительные размеры; трехдневная передышка, предоставленная противником бельгийской армии, дала последней возможность не только отдохнуть и привести в порядок свои расстроенные части, но и укрепиться на занятых ею позициях правого берега и на речных переправах. Это обстоятельство, а также содействие бельгийцам в приморской полосе англо-французской береговой флотилии адм. Худа, придало боям этого дня очень упорный характер. У Ломбартзиде 2-я дивизия, при поддержке артиллерийского огня английских и французских судов, расположившихся вдоль берега между Остендэ и Ньюпором,

успешно отразила атаку 4-й герм. эрзац.-рез. дивизии со стороны Миделькерке [1]) У Сен-Пьеркапеле и у Шоора 1-я дивизия вела целый день бои с 5-й герм. рез. дивизией, а у Кейема 4-я—с германскими частями 6-й рез. Несмотря на энергичное сопротивление, оказанное в этих боях бельгийцами, неоднократно переходившими в контр-атаки, селения Сен-Пьеркапеле, Шоор, Лек и Кейем к вечеру перешли в руки германцев.

С раннего утра 19 октября германцы повели атаку частями III-го рез. корпуса на участке от Ньюпора до Кейема, при чем город Ньюпор и переправа у Шоорбаке подверглись сильной бомбардировке неприятельской артиллерии; селение Маннекенсвеер было взято противником. В виду натиска немцев на левый фланг бельгийского расположения, бельгийское главное командование приказало 6-й дивизии перейти от Ламперниса в Первизу, с целью приблизить часть армейского резерва к передовой линии, а на правом фланге, в районе Диксмюда, организовало наступление для отвлечения неприятельских сил от атакованного ими участка. Но не успели атакующие войска (бригада адм. Ронара и 5-я дивизия, подведенная от Ооткерке) достигнуть линии Беерст—Еессен, как были получены сведения о подходе больших неприятельских колонн к Кортемарку, Стадену и Рулеру и об отступлении из этих пунктов французских кавалерийских частей. При этих условиях, у бельгийского командования явилось опасение, что в случае выдвижения наступающей группы войск к востоку от Диксмюда, она может быть охвачена противником с правого фланга и отрезана от этого города и от переправ на Изере. Вследствие этого, войскам было приказано прекратить наступление и отойти в свое исходное положение; 5-я дивизия была возвращена в армейский резерв, в окрестности Ооткерке.

Что дали эти пятидневные бои для положения бельгийской армии? Как могли они повлиять на ее последующие действия в течение ближайших дней? Пятидневная борьба бельгийских войск с противником на правом берегу Изера представляла собой ряд тактических неудач и привела к оттеснению этих войск почти вплотную к реке; однако, правый берег реки все же остался в руках бельгийцев и первоначальная группировка их армии на фронте между побережьем и Диксмюдом не претерпела никаких неблагоприятных изменений. Следовательно, понеся тактические неудачи, бельгийская армия достигла в эти дни существен-

[1]) Впрочем, результаты бомбардировки этой флотилией района, занятого здесь противником, далеко не соответствовали многочисленности судов, составлявших эту флотилию (37 мелких судов береговой обороны), что объясняется слабостью судовой артиллерии, как в отношении числа орудий, так и их калибра.

ного оперативного успеха. В самом деле, имея перед собой неприятельские силы, не уступавшие в численности их войскам, участвовавшим в боях на правом берегу Изера, бельгийцы удержали за собой всю оборонительную линию этой реки, нигде не допустивши противника прорваться на левый берег [1]). Ген. Фош требовал от бельгийского командования продержаться на Изере два дня, бельгийцы же держались здесь уже пять дней, при чем сохранили в армейском резерве более двух пехотных и одну кав. дивизии, еще неиспользованные для боевых действий. Это обстоятельство, естественно, должно было повлиять в высокой степени благотворно на моральное состояние бельгийских войск и на характер дальнейших предположений бельгийского командования. Последнее имело основание рассчитывать, что, введя в дело оставшиеся в его распоряжении резервы и при поддержке французских подкреплений, ожидавшихся со дня на день, оно будет в силах отразить дальнейший натиск противника и продолжать активную оборону р. Изера.

Выдвижение французских войск за изеро-ипрский канал.

К началу боевых действий на р. Изере количество французских войск, находившихся между бельгийской и английской армиями, было весьма незначительно: только две территориальные дивизии, 87-я и 89-я, объединенные в группу под начальством коменданта крепости Дюнкерка ген. Бидона и расположенные, первая—у Ипра, а вторая—у Поперинга. Их ближайшей задачей являлось прикрытие сосредоточения и развертывания 1-го англ. корпуса. Французская конница в это время частью передвигалась с р. Лиса в западные окрестности Ипра (2-й кав. корпус ген. Митри), а частью еще оставалась в районе английской армии (1-й кав. корпус ген. Конно). В течение 16 октября конница ген. Митри, за исключением 5-й кав. дивизии, временно оставленной при 3-м англ. корпусе у Сайи (на левом берегу р. Лиса), подошла к изеро-ипрскому каналу: 4-я кав. дивизия—к Оствлетерену, 6-я—к Ренингсхельсту и 7-я—к Эльвердинге. Конница Конно, в составе 1-й и 3-й кав. дивизий, вела бои между внутренними флангами 2-го и 3-го англ. корпусов, в направлении на Радингем и Фурн [2]).

Около полудня 17 октября ген. Митри получил от ген. Фоша приказание организовать широкую стратегическую разведку к р. Шельде, главным образом в направлении на

---

[1]) Против четырех бельгийских дивизий, оборонявших реку от моря до Диксмюда, действовало тоже не менее четырех герм. дивизий (три дивизии III-го рез. и авангарды XXII-го рез. корпуса).

[2]) Третья дивизия 1-го кав. корпуса (10-я) находилась при 21-м франц. корпусе (10-й франц. армии) южнее Ла-Бассэ.

Рулер и Куртрэ, откуда противник мог угрожать левому флангу английской армии. К этому времени дивизии 2-го кав. корпуса успели занять более сосредоточенное расположение: 6-я перешла от Ренингсхельста к Эльвердинге, в западные окрестности которого передвинулась с р. Лиса, через Локр, и 5-я дивизия, возвращенная в состав корпуса. Для выполнения возложенной на его конницу задачи, ген. Митри сделал следующие распоряжения: 4-й и 7-й дивизиям приказано захватить северо-восточные выходы из леса Хутульст, 6-й—двинуться на Боезинге, Лангемарк и Поелькапеле и далее наступать на линию Стаден—Рулер, а 5-й—перейти к Оствлетерену. Следовательно, направление на Куртрэ было оставлено французской конницей без внимания, вероятно, в виду того, что ген. Митри считал это направление принадлежащим наблюдению и разведке английской кавалерии. К вечеру 4-я кав. дивизия заняла Вумен, на правом фланге бельгийской армии, а 7-я—северную оконечность леса Хутульст, оттеснив здесь слабые разведывательные части противника; 6-я дивизия, совместно с 1-й бельгийской кав., расположилась у Вифвеге, а 5 я—у Оствлетерена. Таким образом, с этого дня французская конница заняла весь промежуток между английской и бельгийской армиями, установивши связь с левым флангом 4-го англ. корпуса в окрестностях Вестрозебеке и с правым флангом отряда адм. Ронара южнее Диксмюда. Первая часть задачи, возложенной на французскую конницу, уже была ею выполнена: она связала между собой участки фронта, занятые двумя союзными армиями и в значительной степени уменьшила опасность прорыва неприятельских войск между ними; теперь ей надлежало приступить возможно скорее к выполнению дальнейших, более активных заданий, т.-е. к выдвижению навстречу неприятельскому наступлению, с целью выяснить силы противника и их группировку и замедлить их продвижение. Что знало в это время союзное командование о неприятельских войсках, уже развернувшихся между Остендэ и р. Шельдой? Очень мало и во всяком случае ничего определенного. До какой степечи имевшиеся у него сведения не соответствовали действительности, видно из того, что, когда 16 октября фельдм. Френч сообщил ген. Фошу о сложившемся у него представлении об усилении неприятельских войск перед фронтом его армии, то последний успокоил его обещанием поддержать его левый фланг одной французской дивизией к 22—23 октября. Ясно, что Фош совершенно не представлял себе, с какими силами противника может иметь дело эта, столь запаздывавшая, французская дивизия, и вообще, в каком положении она может оказаться в то время у Ипра. Следовательно, на французской коннице лежала обязанность

раскрыть глаза своему высшему командованию на действительное положение, чтобы дать ему возможность, при составлении своих оперативных предположений, основываться на более реальных данных.

К выполнению этой ответственной задачи французская конница приступила с утра 18 октября. На ее левом фланге 4-я кав. дивизия выдвинулась к Царэну, ведя разведку на Кортемарк; на присоединение к ней была направлена 1-я бельг. кав. дивизия от Вифвеге. Вся же остальная конная масса (5-я, 6-я и 7-я дивизии) двинулась от леса Хутульст к Рулеру; для ее поддержки были выдвинуты от 87-й территориальной дивизии два пехотных отряда к Поелькапеле и к Зоннебеке. После непродолжительного боя с германскими разведывательными частями, 6-я дивизия заняла Рулер, 5-я—Стаден, а 7-я—Хоогледе. Ободренный достигнутым успехом, ген. Митри, не имевший сведений о наступлении крупных неприятельских сил позади той разведывательной завесы, которую ему удалось только что отбросить между Кортемарком и Рулером, задается на 19 октября широкой и, в данной обстановке, совершенно невыполнимой задачей—продвинуть свои разведывательные отряды до линии Брюге—Тьельт—Куртрэ, удерживая своими главными силами Стаден, Хоогледе и Рулер, а 1-й бельг. и 4-й дивизиями—южные окрестности Кортемарка, фронтом к северу. Вместе с тем, на случай, если бы понадобилось оказать содействие главным силам конницы, бригада 87-й территориальной дивизии была выдвинута от Ипра к Пашендале, а вся 89-я дивизия перемещена из Поперинга к Меркему.

Между тем, французские разведывательные отряды уже с раннего утра наткнулись на сильные неприятельские колонны всех родов войск, наступавшие по дорогам на Кортемарк, Стаден, Рулер, Моорследе и Дадизееле, и не могли проникнуть за линию Туру—Ардой—Изегем—Ледегем. Неприятель, тесня французские разъезды, еще до полудня подошел своей пехотой к пунктам, занятым главными силами французской конницы, и атаковал их. Не имея под рукой пехотных поддержек, оставшихся почему-то в районе Пашендале—Поелькапеле и западнее леса Хутульст, французские кав. дивизии, последовательно опрокидываемые, уступали немцам одно селение за другим. Уже к часу дня положение на фронте 2-го кав. корпуса сделалось настолько неблагоприятным, что ген. Митри признал необходимым отдать приказ об отходе своих дивизий в район леса Хутульст. К вечеру французская конница отошла в следующие пункты: 6-я дивизия—от Рулера через Вестрозебеке к Лангемарку, 7-я—от Хоогледе к Поелькапеле, 5-я—от Стадена к Вифвеге и 4-я—от Кортемарка к Царэну; вместе

с тем, 1-я бельгийская перешла к южной оконечности леса Хутульст. В окрестностях Вестрозебеке отходившая конница была встречена отрядами французской территориальной пехоты, за которыми кавалерийские дивизии и заняли к ночи свое новое расположение.

Неудача, постигшая так неожиданно французскую конницу, не могла, конечно, не встревожить союзного командования, в виду обнаруженного наступления значительных сил противника в разрез между английской и бельгийской армиями и в виду слабости французских войск, расположенных на путях этого наступления. Впрочем, подкрепления уже спешили сюда: 1-й англ. корпус уже собирался западнее Ипра и, не сегодня-завтра, должен был развернуться по восточную сторону канала; кроме того, накануне французская главная квартира сделала распоряжение о переброске во Фландрию из района Мурмелона (из состава 4-й франц. армии) 42-й дивизии и 9-го корпуса.

В какой же мере выполнила французская конница ту широкую стратегическую задачу, которая была дана ей главным командованием? Следует признать, что в совершенно недостаточной мере, притом далеко не использовавши всех возможностей, предоставлявшихся ей обстановкой. Имея в своем распоряжении пять кавалерийских дивизий (считая и 1-ю бельгийскую, действовавшую в эти дни в тесной связи с французскими), ген. Митри не только не осветил районов впереди английской и бельгийской армий, но даже не обнаружил своевременно продвижения крупных неприятельских сил прямо перед собой, хотя бы в каком-нибудь одном направлении, например, на Рулер и далее к нижнему Лису, что уже само по себе способствовало бы до некоторой степени уяснению обстановки. При наличии у союзников столь значительных конных масс, не встречавших, в течение 16—18 октября, никаких затруднений при своих движениях, ни в характере местности, ни со стороны противника, появление 19 октября сильных немецких колонн у Рулера, Стадена и Кортемарка явилось тем не менее полной неожиданностью для французских кавалерийских начальников! Правда, III-й герм. рез. корпус, образовавший своими войсками завесу от Остендэ почти до Рулера, весьма искусно маскировал развертывание и приближение остальных корпусов IV-й герм. армии, но, ведь, эта завеса, имевшая протяжение около 35 кил., не могла быть повсеместно плотной и устойчивой, особенно в виду необходимости для немцев сгущать свои войска на некоторых направлениях для ведения боев. Неужели при этих условиях для пяти кавалерийских дивизий не представлялось возможности проникнуть за эту неприятельскую завесу и заглянуть в ее тыл, к берегам нижнего Лиса и Шельды? Тем более, что

левофланговые части III-го рез. корпуса начали стягиваться к северу уже с утра 17 октября, почему, по крайней мере в течение полутора суток, пути на Туру, Тьельт и Куртрэ являлись открытыми для французской конницы.

Не выполнивши своей разведывательной задачи, ген. Митри также не принял всех возможных в его положении мер для удержания за собой занятой им линии Кортемарк—Хоогледе—Рулер. В то время, когда его эскадроны, в неравной борьбе с превосходным противником, были вынуждены отходить, в 8—10 кил. за ними стояли в полном бездействии две французские территориальные дивизии, предназначенные для их поддержки и выдвинутые для этого от Поперинга и Ипра к лесу Хутульст. Хотя французская территориальная пехота, судя по опыту предыдущих столкновений с противником, и не обладала большой боевой стойкостью, но все же, введенная в дело совместно с конницей, вероятно, могла бы способствовать удержанию захваченных пунктов до подхода 1-го англ. корпуса, который (как увидим из последующего) получил от фельдм. Френча приказание наступать именно в этом направлении. Возможно, что при этих условиях бои в районе Пашендале—Беселаре разыгрались бы в ближайшие дни более благоприятно для союзников.

Наступление английской армии по обе стороны р. Лиса с 15-го по 19 октября.

С целью облегчить для английской армии продвижение к востоку вдоль р. Лиса, с трудом и весьма медленно выполнявшееся ею уже в течение нескольких дней, ген. Фош, по соглашению с фельдм. Френчем, решил начать наступление левым флангом 10-й франц. армии южнее линии Бетюн—Лилль—Турнэ; имелось в виду дойти до р. Шельды и форсировать на ней переправы в окрестностях этого последнего пункта. В то же время английская армия должна была продолжать движение своим левым флангом на Куртрэ. Соответственно этому, английские корпуса получили 15 октября следующие задачи: 2-й—продолжать наступление к востоку по южную сторону р. Лиса, в тесной связи с левым флангом 21-го франц. корпуса (10-й франц. армии); 3-й—овладеть обоими берегами реки между Сайи и Армантьером; кавалерийский—продвигаться по левому берегу на Мэнен и далее к северо-востоку; а 4-й, имея свою кав. дивизию на левом фланге,—выдвинуться от Ипра на Мэнен и Куртрэ. Назначенное по этому плану наступление англичан началось лишь на следующий день, 16-го; левый же фланг 10-й франц. армии, встретивший очень сильное сопротивление частей XIV-го герм. корпуса, не был в состоянии начать указанное ему продвижение и остался на месте, что должно было, конечно, повлиять

неблагоприятно на положение 2-го англ. корпуса. Тем не менее, последнему удалось, не без значительных затруднений, при содействии, наступавшего на его левом фланге, 1-го франц. кав. корпуса, достигнуть к вечеру линии Живанши—Лаванги, которая оказалась прочно занятой войсками VII-го герм. корпуса. На левом берегу реки 3-му корпусу удалось в этот день, удерживая свой правый фланг у Сайи, левым флангом произвести захождение на Ниепп; кав. корпус весь день вел тяжелые бои у Варнетона и Комина с XIX-м герм. корпусом, занимавшим здесь переправы и часть левого берега; наконец, в 4-м англ. корпусе, 7-я пех. дивизия заняла в течение дня линию Хутем—Гелювельт—Беселаре, а 3-я кавалерийская развернулась между Зоннебеке и Вестрозебеке. Уже в этот первый день возобновленного наступления английской армии обозначилось выдвижение к востоку ее левого фланга и задержка на правом фланге, что должно было в дальнейшем повернуть эту армию фронтом к юго-востоку. И хотя такое захождение левым флангом вполне соответствовало намерению английского командования охватить правый фланг немцев в районе Куртрэ, от чего оно в те дни еще не отказалось, однако, новая обстановка во Фландрии могла создать для английской армии в этом ее положении серьезные затруднения.

На 17 октября корпуса этой армии получили приказание продолжать наступление в указанных им ранее направлениях. 2-й корпус частью своих сил выдвинулся в район Обер—Херлие, при чем французской коннице удалось дойти до западных окрестностей Радингема; 3-й корпус в этот день форсировал р. Лис: 4-й дивизией—между Ниеппом и Армантьером, а 6-й—у Сайи, с продвижением до Буа-Гренье; англ. кав. корпус, попрежнему, не мог одолеть неприятельского сопротивления у Варнетона и Комина, что же касается 4-го корпуса, то командир его ген. Роулинсон, имея от своей 3-й кав. дивизии и от французской конницы, находившейся в районе Рулера, сведения о движении каких-то неприятельских колонн с востока и северо-востока, не признал возможным продолжать наступление на Мэнен и Куртрэ, опасаясь к тому же, вследствие задержки английской конницы у Варнетона, оторваться от прочих английских войск. Итак, приближение IV-й герм. армии, в действительности еще не обнаруженное союзниками, уже тяготело над оперативными замыслами английского командования.

С утра следующего дня эти призраки начали принимать более реальный облик, после того, как в окрестностях Рулера разведывательные части 3-й англ. кав. дивизии захватили в плен германских самокатчиков XXIII-го рез. корпуса. Это указывало на то, что какие-то новые неприятельские

формирования появились во Фландрии. Естественно, что это новое сведение должно было оказать еще более тяжелое воздействие на настроение ген. Роулинсона. Из остальных частей английской армии только один 3-й корпус достиг некоторых успехов, занявши Армантьер и южные окрестности этого города до Радингема, где примкнул своим правым флангом к 1-му франц. кав. корпусу; но ни английская конница у Варнетона, ни 2 й корпус между Ла-Бассэ и Херлие продвинуться не могли. Одновременно с этим, 1-й англ. корпус, производивший высадку своих войск у Сент-Омера, начал прибывать в район между Касселем (1-я дивизия) и Поперингом (2-я дивизия).

С прибытием 1-го корпуса в английской главной квартире зародилась мысль перейти в наступление левым крылом армии в северо-восточном направлении, с целью не допустить противника продвинуться к побережью севернее Ипра, где, повидимому, ни франц. конница, ни слабая бельгийская армия не могли бы остановить неприятельского натиска. Такое наступление казалось фельдм. Френчу тем более целесообразным, что охватывающий маневр против правого герм. фланга в районе Куртрэ уже являлся теперь, в виду появления противника у Рулера, опасным и запоздалым, а фронтальное наступление на р. Лисе не могло дать быстрого и решительного успеха. К тому же командующий 10-й франц. армией ген. Модюи, почему-то опасался неприятельского удара со стороны Лилля, в стык между своей и английской армиями, почему обоим союзным командующим казалось более правильным оставаться в оборонительном положении, как на обоих берегах р. Лиса, так и южнее этой реки. В соответствии с этими оперативными соображениями, фельдм. Френч приказал 1-му корпусу начать с утра 19 октября наступление севернее Ипра, в направлении на Туру. Брюгге и Гент, правым флангом на Рулер; при чем, в случае если бы неприятель угрожал левому флангу 4-го корпуса, то оказать последнему содействие. Все остальные войска английской армии должны были в этот день, оставаясь на месте, перейти к обороне.

Само собой разумеется, что из всего этого плана, совершенно несогласованного с обстановкой, построенного на каких-то ничем необоснованных предположениях, плана, можно сказать, вполне фантастического, не могло получиться для английской армии никакого положительного результата. 1-й корпус, выступивший из района своего сосредоточения (15-20 кил. западнее Ипра), конечно, далеко выдвинуться в этот день не мог и к вечеру расположился в северо-восточных окрестностях этого города, не приходя еще в соприкосновение с противником. А так как в тот же день французская конница ген. Митри была отброшена непри-

ятельскими войсками с линии Кортемарк — Рулер в район леса Хутульст, то для дальнейшего наступления 1-го англ. корпуса в северо-восточном направлении создавались условия не вполне благоприятные. Уже в это время можно было придти к заключению, что наступление английской армии прекратилось и что едва ли возможно будет в ближайшие дни возобновить его.

Что же можно сказать о действиях этой армии в дни с 15-го по 19 октября? Привело ли оно англичан к выгодному положению для последующих операций? Поставило ли в затруднение неприятеля при развертывании им своих сил на путях, ведущих в район Ипра? Конечно, ни одна из этих задач не была выполнена англичанами. В сущности говоря, к вечеру 19 октября английская армия даже не закончила своего развертывания, потому что 1-й корпус, который должен был с этого дня отправиться в далекий набег, несоответствовавший ни его силам, ни составу и боевой подготовке его войск, все еще оставался в окрестностях Ипра, не успевши сомкнуть союзного фронта между 4-м англ. корпусом и франц. конницей ген. Митри. Затем, главные силы английской кавалерии оказались в тупике у Варнетона, между р. Лисом и каналом, и обреченные почти на полную бездеятельность, потеряли всякое значение для наступательных действий своей армии. Наконец, 4-й англ. корпус, стоявший уже в течение нескольких дней на очень опасном для немцев направлении, которое вело в обход правого фланга VI-й герм. армии, на Мэнен и Куртрэ, в район, слабо занятый в те дни германскими войсками, этот корпус стоял, как-будто зачарованный какими-то таинственными силами, не будучи в состоянии двинуться с места.

Основным недостатком боевой деятельности английской армии, давшим в этом наступлении столь неблагоприятные результаты, является отсутствие определенного оперативного замысла, который вызывал бы ту или иную отчетливую группировку сил, ту или иную устойчивую постановку оперативных целей. Фельдм. Френч то склонялся к охвату неприятельского правого фланга, то собирался вести главное наступление в район Лилля, совместно с соседними частями 10-й франц. армии, то вдруг загорался несвойственным ему стремлением к широкому и рискованному маневру в стороне от своего главного операционного направления. Если охват неприятельского фланга у Куртрэ действительно был важен для союзников в этот период боевых операций, то для какой надобности удерживал Френч две франц. кав. дивизии на южном берегу Лиса, а кав. корпус ген. Аленби — в тупике у Варнетона? Не лучше ли было бы перевести эту конницу к Пашендале и Вестрозебеке, где, вместе с 3-й англ. кав. дивизией, она могла бы принять на себя обеспе-

чение левого фланга английской армии и вернуть пехоте 4-го англ. корпуса свободу действий в направлении на Мэнен и Куртрэ? Ведь в этом случае, та же конная масса имела бы возможность содействовать и наступлению 1 го англ. корпуса к северо-востоку, во фланг германским колоннам, продвигавшимся севернее Ипра. В том положении, в котором эти конные дивизии пребывали в боях с 15-го по 19 октября, их боевая работа пропадала бесследно для интересов английского наступления. Нельзя также не упрекнуть фельдм. Френча в предоставлении своим корпусным командирам излишней самостоятельности и в неумении направить все частные усилия вверенных им войск к достижению единой конечной цели; так, командир 4-го корпуса, получивший вполне определенную задачу — наступать на Мэнен и Куртрэ, чему не препятствовали в те дни объективные условия обстановки, упорно оставался в пассивно-оборонительном положении в восточных окрестностях Ипра, озабоченный исключительно лишь безопасностью своего левого фланга.

Развертывание IV-й герм. армии.

Посмотрим же, как производили немцы развертывание своих новых сил и каковы были эти силы.

Я уже говорил, что из вновь сформированых четырех резервных корпусов (XXII-го, XXIII-го, XXVI-го и XXVII-го) и III-го рез. корпуса, освободившегося после падения Антверпена, была образована IV-я герм. армия герцога вюртембергского, получившая задачу атаковать неприятельские войска, находившиеся во Фландрии, с целью обеспечения правого германского фланга и захвата французского побережья. С 13 октября новые корпуса этой армии, доставленные из Германии в Бельгию по железным дорогам, начали высадку в западных и юго-западных окрестностях Брюсселя, откуда они продолжали свое движение к западу походным порядком. На следующий день они выдвинулись на линию Экло—Дейнзе—Оденар: XXII-й корпус—в район Экло—Меерендрэ, XXIII-й—Меерендрэ — Бахте, XXVI-й — Дейнзе—Дрогенбоом и XXVII-й — к р. Шельде, у Оденара и Каремона. В то же время III й рез. корпус, следовавший от Антверпена по пятам за бельгийской армией и получивший назначение прикрывать и маскировать своими тремя дивизиями (5-й и 6-й рез. и 4-й эрзац-рез.) развертывание остальных сил своей армии, продвигался к западу, ведя небольшие бои с неприятельскими арьергардами и 14 октября достиг линии Брюгге—западные окрестности Тьельта. 15-го он занял Остендэ своей правофланговой, 4-й эрзац.-рез. дивизией, а левофланговой (6-й рез.) остановился в окрестностях Рулера. Далее этого он не должен был выдвигаться,

чтобы не подвергнуться нападению превосходных сил противника, а с выходом на эту линию новых корпусов должен был, с целью очистить для них фронт, постепенно стягиваться к своему правому флангу.

16 октября III й рез. корпус, оставаясь на месте, продолжал вести своими передовыми и разведывательными частями небольшие боевые столкновения с противником, а прочие корпуса продвигались к западу: XXII-й—к линии Брюгге—Туру, XXIII-й—в район Туру—Тьельт, XXVI-й—к Рулеру, а XXVII-й—в направлении на Куртрэ. В этот же день германская конница, только что выведенная из боевых линий, расположилась для отдыха в ближайшем тылу: I-й кав. корпус—в северных окрестностях Карвэна, II-й—в южных и юго-восточных окрестностях Лилля, а IV-й—к востоку от этого города[1]).

В течение 17 октября бои III-го рез. корпуса с бельгийскими войсками, уже прочно закрепившимися на р. Изере, приняли более упорный характер, особенно у Диксмюда, где со стороны германцев сражались части 6-й рез. дивизии. Главные силы IV-й армии достигли в этот день следующих районов: XXII-й корпус—Остками—Бишопвельд, XXIII-й—Вингене—Тьельт, XXVI-й—Мариалоон—Вильсбеке и XXVII-й—Вихте—Авельгем. В виду того, что, занимая эти пункты, германские корпуса находились уже не далее одного перехода от неприятельских передовых линий и дальнейшая маскировка их наступления представлялась и невозможной, и ненужной, III-му рез. корпусу было приказано начать переброску своих частей к правому флангу. Это стягивание войск к северу вдоль фронта французской конницы и бельгийских позиций на Изере было выполнено корпусом частью 17-го, а частью 18 октября до полудня; при чем 6-я рез. дивизия, принимавшая участие в бою у Диксмюда, могла оторваться от противника лишь ночью с 17-го на 18-е.

Войска ген. Безелера выполнили задачу по прикрытию развертывания IV-й герм. армии вполне успешно, потому что о движении четырех новых германских корпусов союзники ничего не знали до 18 октября. Лишь с этого дня они получили возможность вести широкую разведку на фронте этих корпусов, но, конечно, разведку запоздалую.

С 18 октября бои на р. Изере (как я уже говорил об этом при изложении боевых действий бельгийской армии) становятся более длительными и более разнообразными; к вечеру этого дня германские войска III-го рез. корпуса

---

[1]) На следующий день к Карвэну подошла с юга 2-я кав. дивизия, находившаяся с 3 октября сначала при гвардейском, а затем при IV-м корпусе.

занимают здесь селения Сен-Пьеркапеле, Шоор, Лек и Кейем и теснят 1-ю и 4-ю бельгийские дивизии к р. Изеру. Хотя эти успехи и приближают их к реке на расстояние 1—2 кил., тем не менее становится ясно, что овладение этой оборонительной линией с ее переправами представляет собой очень трудную задачу. Остальные германские корпуса достигли в этот день, без помехи со стороны противника, следующих районов: XXII-й—Эртрик—Туру, XXIII-й—Лихтервельде—Ардой, XXVI-й—Эмельгем—Изегем и XXVII-й—Ленделеде—Куртрэ.

На следующий день, 19-го, наступление IV-й герм. армии уже дает себя сильно чувствовать союзникам, как на участке р. Изера, так и в районе леса Хутульст. Почти по всему фронту, от берега моря до р. Лиса, завязываются боевые столкновения, которые, хотя и разгораются постепенно, но все еще сохраняют характер авангардных боев. В III-м рез. корпусе 4-я эрзац-рез. дивизия атакует у Ньюпора, 5-я рез.—у Сен-Жоржа, Маннекенсвеера и Шоорбаке, а 6-я—у Кейема; Маннекенсвеер занят немцами. У Беерста и Диксмюда передовые части XXII-го рез. корпуса отражают наступление французских и бельгийских войск и занимают Беерст. В XXIII-м рез. корпусе 45-я рез. дивизия теснит, в районе Кортемарка, 4-ю франц. и 1-ю бельг. кав. дивизии, а 46-я—у Стадена 5-ю и 7-ю; к вечеру немцы овладевают этими тремя пунктами, в XXVI-м рез. корпусе 51-я рез. дивизия выбивает из Рулера части 6-й франц. кав. дивизии, а 52-я рез. теснит южнее этого города 3-ю англ. кав. и занимает Моорследе; в то же время, передовые части XXVII-го рез. корпуса занимают Ролегем и отбрасывают английскую конницу к Дадизееле.

С этого дня уже по всему фронту во Фландрии устанавливается тесное соприкосновение между противниками, и корпуса IV-й герм. армии, благодаря успешным боевым столкновениям, обеспечивают себе удобную исходную линию для последующего общего наступления.

Вероятно, под впечатлением сведений о значительных силах, сосредоточенных союзниками в районе Ипра, германское командование принимает решение теперь же поддержать наступление IV-й армии кавалерийскими корпусами и правофланговыми частями VI-й армии; с этой целью 19 октября началась смена XIII-го корпуса, стоявшего между Мэненом и Комином, конницей, постепенно выдвигавшейся из окрестностей Лилля и Карвэна: сначала V-м кав. корпусом ген. Штетена, вновь сформированным из 3-й и баварской кав. дивизий, а затем и дивизиями IV-го и I-го кав. корпусов. После смены, XIII-й корпус был переведен в западные окрестности Лилля для усиления германских войск по южную сторону р. Лиса [1]). II-й кав. корпус (2-я и 7-я кав.

дивизии) оставался еще у Лилля. Следовательно, после непродолжительного отдыха, германская конница вновь начинает появляться в районе боевых действий, готовая, в мере своих сил, оказать помощь прочим войскам в предстоявших им боевых столкновениях.

Обращаясь к оценке германского развертывания во Фландрии, мы видим, что на ряду с крупными достоинствами, принадлежащими этой операции, она обладает также и большим недостатком. Первые заключаются в выполнении всех передвижений скрытно для противника, в быстроте переброски крупной массы войск из окрестностей Брюсселя на расстояние 80 кил. и в решительном характере авангардных боев, внушивших противнику преувеличенное представление о силах IV-й герм. армии. Крупным же недостатком этого развертывания следует признать равномерное распределение германских войск по всему фронту, т.-е. отсутствие какой-либо определенной группировки их в отношении важнейших направлений, а следовательно и отсутствие подготовки к какому-нибудь определенному маневру. Конечно, германское командование не могло иметь в то время точных сведений о степени уязвимости того или другого участка неприятельского расположения, но все же, зная о присутствии во Фландрии неприятельских войск, принадлежавших к составу различных национальных армий и приблизительное распределение их между морем и р. Лисом, оно имело возможность наметить свой главный удар, соответственно важности того или другого операционного направления.

Итоги оперативной подготовки обеих сторон для решительных боевых действий во Фландрии.

Бросим теперь общий взгляд на взаимное положение сторон, которое создалось во Фландрии к 20 октября в результате передвижений и боевых действий, происходивших здесь в течение последней недели.

Силы союзников распределялись неравномерно по занятому ими фронту, что зависело больше от случайных причин, чем от определенных оперативных соображений. Наиболее сильным участком был участок южнее Ипра, занятый английской армией с 1-м франц. кав.

---

[1]) После этой перегруппировки, правофланговые корпуса VI-й армии располагались следующим образом (считая с севера на юг): XIX-й—от Варнетона до Верлингема (против английской конницы и левого фланга 3-го англ. корпуса), XIII-й—далее к югу, вдоль западной окраины Лилля, до южных окрестностей Обурдена (против правого фланга 3-го англ. корпуса и кав. корпуса Конно) и VII-й—до северных окрестностей Карвэна (против 2-го англ. корпуса). Следующий к югу, XIV-й герм. корпус приходился против 21-го франц. корпуса (левофлангового 10-й армии), стоявшего по южную сторону канала Ла-Бассэ.

корпусом, где находились 7 пех. и 5 кав. дивизий, из коих 2 пехотные (1-го англ. корпуса) еще не были введены в боевые линии; командовал этой группой войск главнокомандующий английской армией, фельдм. Френч. Несколько более слабым являлся участок р. Изера, на котором располагались $6^1/_2$ пех. и 1 кав. дивизии, при чем почти половина этих войск еще оставалась в резервах, на левом берегу реки; командующим войсками этого участка был бельгийский король Альберт. Слабее всех был занят центральный участок между Ипром и Изером, а именно, всего лишь 2-мя пех. и 5-ю кав. дивизиями; войска этого участка, до образования во Фландрии французской армейской группы ген. д'Юрбаля, были подчинены командующему французскими территориальными дивизиями, ген. Бидону, но в действительности ген. Митри получал все важнейшие распоряжения непосредственно от ген. Фоша. Итак, общее количество союзных войск, находившихся в этот момент боевых операций между морем и каналом Ла-Бассэ, составляло $15^1/_2$ пех. и 11 кав. дивизий, группировка которых была приспособлена для наступательных действий только на правом фланге, в районе р. Лиса, а на левом, на берегах р. Изера, отвечала более оборонительным целям. Центр союзного расположения представлял собой место легко подверженное прорыву и потому нуждался в усилении французскими подкреплениями из числа направленных главным командованием во Фландрию.

Против этих сил союзников германцы имели к 20 октября 17 пех. и 8 кав. дивизий, распределенных равномерно по фронту, при чем почти вся конница оставалась еще в ближайшем тылу, на правом берегу р. Лиса. Командование всеми германскими силами во Фландрии объединялось в германской главной квартире, на месте же оно принадлежало двум, неподчиненным друг другу, командующим армиями.

Следовательно, к началу решительных боев на Изере и у Ипра силы сторон были почти одинаковы; но положение союзников сильно ухудшалось целым рядом неблагоприятных условий. Во-первых, все их войска недавно участвовали в боях, преимущественно неудачных, и некоторые из них были утомлены и расстроены, тогда как у немцев было четыре совершенно свежих корпуса, а остальные войска имели удачные наступательные бои (у Антверпена, Гента и Лилля); во-вторых, войска союзников состояли из контингентов трех государств, различных по духу, обучению и воспитанию, обладавших различными традициями и национальными особенностями, тогда как германские войска представляли в этом отношении полное однообразие; в третьих, хотя ген. Фош и командовал северным фронтом,

но ему, в сущности говоря, подчинялись только французские войска, бельгийская же и английская армии пользовались большой самостоятельностью, обязанные лишь сообразовать свои действия с действиями французских войск, что, конечно, должно было отражаться неблагоприятно на их совместных операциях.

Изложенными выше боевыми действиями завершается первый, подготовительный период операций во Фландрии, период стратегических перегруппировок, в течение которого обе стороны пытались помешать одна другой занять более выгодное положение и затруднить друг другу образование устойчивого фронта. К 20 октября на всем протяжении от Ла-Бассэ до моря хаос передвижений, перемещений, высадок на железнодорожных станциях, встречных движений, частичных наступлений и отступлений сменился у обоих противников более или менее планомерным распределением войск, занявших теперь сплошной фронт до моря. Обе стороны спешно устраивались теперь на новом фронте, с тем, чтобы, бросившись здесь друг на друга, еще один раз попытаться решить в большом сражении важнейшие вопросы этой войны.

Бои, образующие это сражение, соответственно своему распределению по территории, охваченной ими, составляют два частных сражения: первое—на р. Изере, где бельгийская армия, поддержанная некоторыми французскими частями, сражалась против войск правого фланга IV-й герм. армии, и второе—у Ипра, в котором англичане, при содействии главной массы войск 8-й франц. армии, вели бои с левофланговыми корпусами герцога вюртембергского и правым флангом кронпринца баварского.

3. Сражение на р. Изере (20 октября—12 ноября).

(Схемы №№ 14 и 15).

Первый период сражения, 20—24 октября.

При изложении событий подготовительного периода операций во Фландрии мы видели, что наступление бельгийского правого фланга у Диксмюда, которое должно было ослабить натиск противника на р. Изере, не удалось, и к 20 октября бельгийская армия уже была оттеснена почти вплотную к реке. Но, удержавши еще бóльшую часть своих сил на правом берегу и сохраняя в своих руках все переправы, она все же имела возможность вести активную оборону реки.

С утра 20 октября началось весьма сильное наступление германских войск III-го рез. и XXII-го рез. корпусов на всем фронте от Ньюпора до Диксмюда. На правом фланге,

4-я эрзац-рез. дивизия атаковала от Вестендэ участок неприятельской позиции между Ломбартзиде и Бамбургом, занятый 2-й бельг. дивизией, поддержанной частями 3-й, подошедшими от Вульпена; после довольно продолжительного боя бельгийцы были отброшены к предмостному укреплению у Палинбруга. Центральная дивизия III-го рез. корпуса, 5-я рез., получила задачу атаковать между Маннекенсвеером и Шоорбаке, а левофланговая, 6-я,—излучину реки между Шоорбаке и Тервате; но обе, в бою с 1-й и 4-й бельг. дивизиями, не достигли в этот день никаких существенных результатов. Несколько успешнее шло наступление XXII-го рез. корпуса в районе Диксмюда, где немцы намеревались овладеть этим городом, представлявшим собой сильный, хорошо укрепленный тет-де-пон при слиянии Изера с каналом Хандзаме. Исходными пунктами для атак здесь послужили селения Беерст и Владслоо, занятые немцами еще накануне, при отражении неприятельской вылазки из Диксмюда. 44-я рез. дивизия атаковала от Беерста прямо на запад и продвинулась до реки, отбросивши правый фланг 4-й бельг. дивизии на левый берег; в то же время 43-я рез. повела наступление от Владслоо в юго-западном направлении за канал Хандзаме и за полотно железной дороги восточнее Еессена. Район Диксмюда, попрежнему, оборонялся французской морской бригадой адм. Ронара, занимавшей расположение по реке, как к северу, так и к югу от города, и бельгийской бригадой полк. Мейзе (из состава 3-й дивизии), непосредственно защищавшей город. Далее к югу, по реке, от Сен-Жак-Капеле до Кнока, стояли части 5-й бельг. дивизии, выдвинутые сюда от Оосткерке; своим правым флангом они установили связь с конницей ген. Митри, находившейся в то время у леса Хутульст. Боевые действия у Диксмюда в этот день не получили еще значительного развития и ограничивались бомбардировкой города германскими батареями, в виду того, что 43-я герм. рез. дивизия, задержанная переправой через канал Хандзаме, не успела развернуться в западном направлении.

С этого дня французские войска, находившиеся во Фландрии и представлявшие собой, как мы знаем, разрозненные корпуса и дивизии, подчиненные то бельгийскому, то английскому командованию, то руководимые в своих действиях непосредственно ген. Фошем, были сведены в армейскую группу, названную несколько позже 8-й армией, во главе которой был поставлен ген. д'Юрбаль, командовавший раньше 33-м корпусом в 10-й франц. армии. В состав этой новой армейской группы были включены также и перевозившиеся из под Реймса 9-й корпус и 42-я дивизия; последняя уже начала прибывать в окрестности Фюрна.

На следующий день, 21-го, боевые действия на р. Изере продолжаются в тех же районах и с таким же незначительным успехом для немцев, как и накануне. Атаки у Шоорбаке и Тервате отбиты бельгийцами, 44-я рез. дивизия, по-прежнему, занимает правый берег реки западнее Кастельхока, но зато 43-я овладевает Вуменом и продвигается к Сен-Жак-Капеле; впрочем, ее попытка форсировать здесь реку небольшим пехотным отрядом кончается неудачей.

В течение ночи и рано утром 22 октября нескольким германским батальонам 6-й рез. дивизии удалось перейти реку южнее Шоора и захватить участок левого берега. Днем небольшие пехотные части 44-й рез. дивизии форсировали реку против Уд-Стюивекенскерке и тоже утвердились на левом берегу. Этими удачными действиями было положено началу захвату немцами оборонительной линии р. Изера. Тем не менее, начавшаяся в этот день борьба за излучину реки между Шоорбаке и Тервате потребовала от германцев значительных усилий; несмотря на бомбардировку немцами этого участка бельгийских позиций с четырех направлений,—от Шоора, Лека, Кейема и Кастельхока,—им не удалось в течение 22-го расширить захваченные участки левого берега. В то же время, в районе Ньюпора 2-я и 3-я бельг. дивизии потеснили немцев до южной окраины Ломбартзиде, но овладеть этим селением не могли.

День 23 октября внес существенные изменения в положение сторон в центре изерского фронта, между Шоором и Кастельхоком: с утра германская пехота 6-й рез. дивизии овладела переправой у Шоорбаке, где мост был взорван бельгийцами, начавшими укрепляться на левом берегу, а после полудня той же дивизией была захвачена переправа у Тервате. К ночи почти вся пехота 6-й рез. дивизии была уже на левом берегу, а 4-я бельг. дивизия расположилась от Шоорбаке по ручью Бевердик на Виконь и Уд-Стюивекенскерке. В виду выхода столь значительных неприятельских сил за реку, бельгийское главное командование (находившееся в Фюрне) обратилось к ген. д'Юрбалю с просьбой поддержать левобережные бельгийские части 42-й дивизией, стоявшей у Коксида; д'Юрбаль приказал одной бригаде этой дивизии перейти к Первизу и оказать бельгийцам содействие в задержке неприятельского продвижения к западу от реки, а другой бригаде—расположиться у Ньюпора для поддержки бельгийского наступления к Ломбартзиде. Это последнее развивалось в этот день вполне успешно: 4-я эрзац-рез. дивизия, ослабленная выделением одной из своих трех бригад на соседний участок, не могла сопротивляться натиску превосходных сил противника и к вечеру была ими выбита из Ломбартзиде и отброшена к Вестендэ. У Диксмюда XXII-й рез. корпус,

постепенно продвигаясь к реке и к городу с нескольких сторон, к ночи охватил отряд адм. Ронара полукольцом от Кейзерхока на Еессен и Вумен к Сен-Жак-Капеле, готовясь к решительной атаке предмостного укрепления.

В тот же день, с целью освободить часть бельгийских войск для маневра, 5-я бельг. дивизия, стоявшая по р. Изеру южнее Сен-Жак-Капеле, была сменена 89-й франц. территориальной дивизией, подошедшей от Меркема, и отошла к Ооскерке; французские части заняли участок реки на Кнок и Полиншов и далее по каналу на Нордшоте до Зюидшоте, где держали связь с 87-й территориальной дивизией, находившейся в окрестностях Боезинге.

Прорыв немцами оборонительной линии р. Изера произвел весьма тягостное впечатление на бельгийское главное командование, вновь заговорившее о необходимости отвести бельгийскую армию к западу. Подобные настроения и намерения, которые могли разрушить до основания весь фландрский фронт союзников, созданный ими с таким трудом, конечно, сильно тревожили французских начальников, ответственных за оборону побережья. Еще раньше, как только обнаружился неприятельский натиск на бельгийские позиции между Ньюпором и Диксмюдом, ген. Фош перенес свой штаб из Дулана в Кассель, с целью быть ближе к этому участку фронта, захват которого противником мог привести к оттеснению левого фланга бельгийцев от морского берега; а по получении сведений о неустойчивом настроении в бельгийской главной квартире, он поспешил в Фюрн, где, в горячей беседе с бельгийским королем, доказывал необходимость продолжать сопротивление в общих интересах союзников; между прочим, Фош обещал королю оказать его войскам самое действительное содействие прибывавшими французскими войсками и ободрял бельгийских начальников наступательными планами ген. д'Юрбаля. Бельгийская армия осталась продолжать жестокую борьбу со своим могучим и искусным противником, но французские обещания оказались неисполненными; во-первых, французские войска прибывали медленно, а те, которые прибывали, направлялись, главным образом, в район Ипра, где надобность в них была еще настоятельней, и, во-вторых, наступательные планы д'Юрбаля остались в области предположений, потому что и бельгийские, и французские войска едва удерживались на занятых ими позициях.

Бои в течение 24 октября развивались на р. Изере весьма успешно для немцев. Настойчивые атаки 5-й рез. дивизии у Сен-Жоржа отбросили левый фланг и центр 1-й бельг. дивизии за реку и за канал Ноорд; правый же фланг последней был потеснен у Шоорбаке частями 6-й рез. дивизии, которая, выдвинувшись от Тервате, вытеснила также

бельгийцев дивизию из Виконя; далее к югу, 44-я рез. дивизия постепенно распространялась по левому берегу реки. К концу дня левый берег, на всем протяжении от Сен-Жоржа до Уд-Стюивекенскерка, находился в руках германцев. И хотя бригаде 42-й франц. дивизии и удалось перед вечером, наступая от Первиза, выбить немцев из окрестностей Виконя, тем не менее положение союзников на р. Изере представлялось в это время весьма неустойчивым. Однако, в тяжелых условиях оказались на левом берегу и немцы, имея в тылу реку с несколькими, наскоро устроенными пешеходными мостами. Германская артиллерия не могла перейти на левый берег за отсутствием переправ, устройство которых было весьма затруднительно под сильным огнем неприятельских батарей и пулеметов, стоявших за железнодорожной насыпью у Рамскапеле и у Первиза.

Становилось ясно, что борьба на бельгийском участке принимала теперь уже совершенно иной характер. Оборонительная линия р. Изера, так активно защищаемая до сих пор союзниками, пала; правда, фланги (у Диксмюда и Ньюпора) еще держались, давая возможность производить вылазки на правый берег и угрожать тылу неприятельских войск, но это была теперь уже более теоретическая, воображаемая, чем реальная возможность, в виду недостатка у союзников сил и плохого морального состояния бельгийских войск. Союзникам приходилось теперь подумать о том, чтобы, отказавшись от всяких наступательных планов, организовать на левом берегу прочную укрепленную линию, за которой и отстаивать последний клочок бельгийской земли, еще остававшийся в их руках. Вообще, с этого дня период активной обороны р. Изера закончился, и союзники были обречены здесь в дальнейшем на оборону пассивную.

Неудача, постигшая союзников в боях на р. Изере, может быть объяснена, главным образом, отсутствием своевременной поддержки со стороны французских войск, потому что одна бельгийская армия, численно слабая и расстроенная предшествовавшими неудачами, не могла вынести всей тягости этих продолжительных боевых действий. Но одной из причин поражения бельгийцев необходимо также признать и неискусное употребление бельгийским главным командованием имевшихся у него в то время сил; так, 3-я дивизия, расчлененная на две группы, вводилась в бой по частям на противоположных флангах, у Диксмюда и у Ньюпора; 5-я дивизия, выдвинутая после продолжительного бездействия на р. Изер южнее Диксмюда, простояла здесь без всякого дела и вскоре вновь была отведена в армейский резерв; а 2-я кав. и 6-я дивизии так и не были введены в бой в течение всего первого, наиболее важного периода боевых действий.

Второй период сражения 25 октября—1 ноября.

Бельгийско-французские войска, оттесненные германцами в предшествовавших боях на левый берег реки, пытались создать здесь, между рекой и полотном железной дороги, при помощи различных местных рубежей и местных предметов (ручья Бевердик, селений и хуторов), новую оборонительную линию, с целью остановить продвижение противника. Но, в виду сильного изнурения бельгийских войск и невозможности в ближайшие дни получить какие-либо подкрепления от союзников, трудно было расчитывать на продолжительное сопротивление на этой новой, наскоро устроенной укрепленной позиции. С 25 октября все, еще оставшиеся в резервах, части 3-й и 6-й дивизий были распределены по боевым участкам, а 2-я кав. дивизия заняла канал по обе стороны Фюрна в качестве тыловой позиции. Столь же ненадежным рубежом для организации обороны являлось и железнодорожное полотно между Ньюпором и Диксмюдом, хотя и пролегавшее по высокой насыпи, но имевшее слишком большое протяжение для тех слабых сил, которые должны были занимать его. В таких затруднительных условиях, не желая отходить и покидать отечественной территории, но и не признавая для своих войск возможным устоять в случае дальнейшего натиска энергичного, воодушевленного успехами противника, бельгийское главное командование останавливается на мысли призвать к себе на помощь силы природы, обратиться за содействием к могучей морской стихии: т.-е., пользуясь местными условиями (низменностью левого берега р. Изера и обилием здесь каналов), в часы морского прилива, настолько поднять уровень воды в реке и каналах, чтобы затопить все пространство между рекой и железнодорожной насыпью. Бельгийцы надеялись, что то, чего не могли выполнить слабые человеческие силы оборонявшегося,—преградить путь победоносному противнику,—то в состоянии будут сделать морские волны! 25 октября бельгийская главная квартира приказала приступить к работам на шлюзах у Ньюпора для затопления местности к востоку от железной дороги; вместе с тем, было приказано отвести за р. Изер все войска, находившиеся еще у Ньюпора на правом берегу. Но раньше, чем эта мера дала желательные результаты, борьба продолжалась здесь еще некоторое время в обычных условиях [1]).

---

[1]) До сих пор в военно-исторической литературе на Западе еще не установлено, кому именно принадлежит инициатива в вопросе об устройстве наводнения. Французы приписывают эту мысль то ген. Фошу, то ген. Гросети (начальнику 42-й франц. дивизии); англичане и немцы—английскому командованию, а бельгийские источники сообщают, что эта мысль зародилась в бельгийской главной квартире, благодаря рассказам одного из крупных бельгийских чинов-

К этому времени в бельгийской пехоте, понесшей в боях значительные потери, оставалось лишь около 15 тыс. человек боевого состава, а артиллерия уже испытывала сильную нужду в огнестрельных припасах. При этих условиях, бельгийское командование не признало возможным продолжать оборону позиции за ручьем Бевердик (к тому же угрожаемой обходом противника со стороны Шоорбаке) и 26 октября отьело находившиеся здесь войска за железнодорожную насыпь. У Диксмюда, как в этот, так и весь следующий день, немцы вели усиленный обстрел своей тяжелой артиллерией позиций, занятых войсками адм. Ронара, подготовляя здесь новую атаку. Между тем, работы по устройству наводнения не дали пока существенных результатов: удалось затопить лишь небольшой участок у Ньюпора между рекой и каналом Ноорд, но далее к югу вода распространялась весьма медленно. Эта неудача происходила оттого, что один из важнейших шлюзов Ньюпора находился уже вне расположения бельгийских войск, под действительным ружейным и пулеметным огнем противника. Но в ночь на 27 е команде бельгийских сапер удалось, незаметно для немцев, проникнуть к этому шлюзу и произвести здесь необходимые работы: и вот с утра 28 октября вода мощным потоком хлынула с моря, наполняя русло реки и каналы и быстро разливаясь по левому, низменному берегу Изера.

В это время союзники занимали расположение от восточного выхода из Ньюпора по каналу до железнодорожной насыпи и далее вдоль железнодорожной линии до Летенбурга, где примыкали к позициям войск адм. Ронара [1]).

В течение 28 октября 43-я герм. рез. дивизия возобновила свои атаки у Диксмюда, но не достигла здесь никакого успеха; на 29-е немцами было назначено продолжение бомбардировки этого района, но недостаток огнестрельных припасов вынудил их отказаться от этого намерения. В то же время Ш-й рез. корпус и 44-я рез. дивизия продвинулись к железнодорожной насыпи на расстояние до

ников Фюрна о сохранившемся в его семье историческом документе времен французских революционных войн. в котором говорится о наводнении, устроенном для обороны Ньюпора. Однако. бельгийское командование в течение нескольких дней не решалось прибегать к столь решительной мере, не желая затруднять французам осуществление их наступательных планов севернее Ипра. Тем не менее, с 21 октября начались опыты по затоплению небольших участков у Ньюпора, и только 25 октября решились, наконец, приступить к устройству наводнения в широком масштабе.

[1]) На этой линии находились следующие войска (считая с севера на юг): 2 я, 1-я и 4-я бельг. дивизии, бригада 42-й франц. и бригада 5-й бельг. дивизий; остальные войска стояли в резервах, в западных окрестностях Рамскапеле и Первиза (3-я и 6-я бельг. дивизии, бригада 42-й франц и бригада 5-й бельг. дивизий).

300 метров. 30 октября 43-й рез. дивизии было приказано, оставивши против Диксмюда небольшой заслон из 3—4 батальонов, обстреливать его редким огнем тяжелых орудий, а все остальные силы направить в обход этого города с севера для атаки его с фланга и тыла. В этот день с 6 часов утра Ш-й рез. корпус начал решительную атаку неприятельского расположения на железнодорожной насыпи: 6-я рез дивизия оттеснила союзников до восточной окраины Первиза, а 5-я захватила Рамскапеле и полотно железной дороги южнее этого пункта; в то же время, 44-я рез. приближалась к железнодорожной насыпи южнее Первиза, а 43-я рез., перейдя реку севернее Диксмюда, развернулась фронтом на юго-запад, на Каскерке. Ген. Безелер, намереваясь нанести противнику последний, сокрушительный удар и в тот же день прорвать неприятельское расположение к югу от Рамскапеле, приказал всем частям 4-й эрзац-рез. дивизии, еще остававшимся против Ньюпора, перейти к правому флангу 6-й рез[1]). Однако, раньше чем это приказание начало выполняться, Безелер получил донесение, что у Рамскапеле и южнее появилась вода, постепенно затопляющая пространство между рекой и железной дорогой. В виду этого, с наступлением ночи, пришлось сделать распоряжение об отходе германских войск за р. Изер. В течение 31 октября наводнение распространилось до северных окрестностей Диксмюда на протяжении 12 килом., образовавши разлив до 5 кил. ширины и до 4 ф. глубины. Вода, поднимаясь, постепенно заливала германские траншеи и вынуждала немцев последовательно покидать свои позиции на левом берегу и отходить за реку. 1 ноября последние германские части Ш-го рез. корпуса ушли с левого берега и взорвали за собой мосты на реке; на правом берегу они расположились следующим образом: 5-я рез. дивизия—к северу от дороги Сен-Пьеркапеле—Маннекенсвеер, 4-я эрзац.-рез.—в районе Маннекенсвеер—Шоор, а 6-я рез.—южнее. Войска XXII-го рез. корпуса еще пытались, в течение 31 октября и 1 ноября, наступать на левом берегу в тыл Диксмюду, но появление воды у Кейзерхока заставило и их в ночь на 2 ноября отойти на правый берег, в свое прежнее расположение между Владслоо, Еессеном и Вуменом.

С этого дня боевые действия между Ньюпором и Каскерке прекращаются. Противники, отделенные друг от друга широким разливом, покрывшим своей мутной водой места

[1]) Это распоряжение было вызвано, кроме того, еще и тем обстоятельством, что 4-я эрзац.-рез. дивизия несла у Ньюпора большие потери и не могла проявить никакой активной деятельности, вследствие сильного огня судовых орудий английской флотилии адм. Худа, продолжавшей крейсировать вдоль берега.

недавних боев, оставляют здесь лишь мелкие отряды для сторожевой службы и для разведывания, а все свои силы перемещают частью на фланги, к Ньюпору и Диксмюду, а частью на другие участки фландрского фронта. Но борьба на флангах оборонительной линии р. Изера еще будет продолжаться в течение некоторого времени; к ней мы и перейдем теперь.

Заключительные бои у Ньюпора и Диксмюда 2—12 ноября.

Невозможность продолжать боевые действия на всем, охваченном наводнением, участке р. Изера, между Ньюпором и Диксмюдом, естественно, вынуждала обе стороны поставить теперь своим войскам, находившимся здесь, новые задачи и, соответственно этому, внести существенные изменения в их группировку. У союзников 42-я франц. дивизия была перемещена 2 ноября от Первиза в юго-западные окрестности Диксмюда (в район Удекапеле—Лоо) для того, чтобы, в связи с 89-й территориальной, продвигавшейся от Кнока к юго-востоку, наступать на Вумен и севернее, для содействия французским войскам, сражавшимся в это время в районе Меркема. У немцев почти весь изерский участок, от моря до Тервате, был передан с того же дня 4-й эрзац.-рез. дивизии; Ш-й рез. корпус отведен в район Царэн—Стаден, где должен был, смотря по обстановке, принять участие в боевых действиях XXIII-го или XXVI-го рез. корпусов; наконец, XXII-й рез. корпус, еще остававшийся у Диксмюда, получил задачу подготовляться к овладению этим городом. На следующий день, 3-го, с прибытием к правому флангу германцев 38-й ландв. бригады, у Диксмюда была оставлена только 43-я рез. дивизия, а 44-я рез. отправлена к Ш-му рез. корпусу, и включена в состав последнего.

6 ноября, в виду возникшей в ипрском районе потребности в подкреплениях, 42-я франц. дивизия была отправлена на юг, в окрестности Боезинге. На левом фланге, 2-я бельг. дивизия, в течение 3-го и 4 ноября, захватила Бамбург и Ломбарцзиде, но контр-атакой 38-й ландв. и 33-й эрзац.-рез. бригад была сброшена в свое исходное положение.

С 6-го по 9 ноября на обоих флангах стояло затишье, прерываемое лишь временами редким огнем германских тяжелых батарей по Диксмюду и слабыми, безуспешными попытками мелких бельгийских частей выдвинуться у Ньюпора на правый берег реки. 8 ноября из Дюнкерка подошла к левому флангу союзников 81-я франц. территориальная дивизия, сменившая здесь 2-ю бельг. дивизию. В виду того, что значительная часть бельгийских войск теперь уже не занимала боевого расположения по Изеру и была отведена для отдыха в окрестности Фюрна, командование

союзными войсками, от моря до Диксмюда включительно, было поручено командующему группой французских территориальных дивизий, ген. Бидону. 9-го, территориальные части, стоявшие у Ньюпора, повели наступление на Ломбартзиде, 10-го и 11-го они продвинулись почти вплотную к этому селению, но 12 ноября были оттеснены к Ньюпору контр-атакой 38-й ландв. бригады и только что прибывших головных частей германской морской дивизии.

Одновременно с этим, новые ожесточенные бои завязались у Диксмюда, бои, окончательно определившие собой судьбу этого несчастного города, представлявшего собой теперь во многих местах дымящиеся груды развалин и печальные пустыри обширных пожарищ. 9 ноября 43-я рез. дивизия получила задачу овладеть на следующий день Диксмюдом. Атакующий использовал ночь на 10 ноября для скрытного приближения своей пехоты к городу на расстояние до 200 метров. С рассветом германцы начали артиллерийскую подготовку штурма тяжелой артиллерией и минометами, а около часа дня повели общую атаку: 43-я рез. дивизия атаковала между ипрской дорогой и каналом Хандзаме, нанося главный удар с востока и юго-востока, а 4-я эрзац резервная вела вспомогательную атаку с севера, по ту сторону канала [1]). В 4-м часу дня пехота 43-й рез. дивизии проникла в город и, после упорного уличного боя, овладела им, отбросивши французские войска адм. Ронара сначала к реке, а затем и за реку [2]). Французы, отойдя на левый берег, взорвали мосты и расположились для обороны у Каскерке и южнее железной дороги. Лишь в 6 час. вечера сюда подошли с севера несколько батальонов 6-й бельг. дивизии. Но уже было поздно! Диксмюд уже закончил свою славную боевую деятельность, Диксмюд уже находился в руках торжествующего врага!

С падением Диксмюда весь участок р. Изера теряет всякое оперативное значение для обеих сторон, и боевые действия прекращаются здесь надолго. Несмотря на все тактические успехи, достигнутые в этих боях, немцы были вынуждены отступить перед непреодолимой преградой, так неожиданно и так удачно созданной противником на поле сражения, в наиболее критический для него момент боевых действий. Стратегическая победа осталась за союзниками; кратчайшие пути к Дюнкерку были закрыты для немцев и их стремлению обойти левой фланг противника движением за р. Изер был положен предел. Но одновременно

[1]) Одновременно с перемещением 4-й эрзац-рез. дивизии к Диксмюду, ее позиции на р. Изере севернее этого города были переданы гвард. кав. дивизии, переведенной сюда с р. Лиса.

[2]) Бригада Мейзе еще с 25 октября была отправлена к своей дивизии.

с боями на этой реке, велась борьба и на других участках фландрского фронта,—у леса Хутульст, в окрестностях Ипра и на берегах р. Лиса, где в жестоких, многодневных боях бились друг с другом крупные силы обеих сторон. Как же развивалась здесь эта сложная и длительная борьба и к каким результатам привела она обоих противников?

4. Сражение у Ипра (20 октября—15 ноября).

(Схемы №№ 14, 16 и 17).

Первый период сражения 20-29октября.

Мы видели, что до 20 октября центр и правый фланг английской армии (усиленные французским кав. корпусом ген. Конно), хотя и медленно, но все же продвигались к востоку, между каналом Ла-Бассэ и р. Дувом, а левый фланг оставался в полном бездействии по обе стороны дороги Ипр—Мэнен; в то же время группа французских войск, состоявшая, главным образом, из конницы и находившаяся в районе Рулера, была уже потеснена в боевых столкновениях с передовыми частями германцев и отошла к лесу Хутульст.

Наступление германцев с 20 по 23 октября.

С утра 20 октября на всех этих боевых участках началось наступление германских войск, имевшее особенно энергичный характер к северу от р. Лиса, где союзников атаковали три левофланговые корпуса IV-й армии (XXIII-й рез., XXVI-й рез. и XXVII-й рез.).

Французская конница ген. Митри получила на этот день задание от ген. Фоша вновь выдвинуться к северо-востоку, с целью облегчить выход 1-го англ. корпуса в район Лангемарка. Но раньше чем это выдвижение получило надлежащее развитие, обнаружилось наступление крупных частей неприятельской пехоты и севернее, и южнее леса Хутульст. В 9 час. утра XXIII-й рез. корпус начал движение из окрестностей Кортемарка на Царэн и Стаден, имея задачей форсировать изерский канал на участке между Нордшооте и Биксшооте: 45 я рез. дивизия получила направление в обход леса Хутульст с севера, где должна была поддерживать тесную связь с левым флангом XXII-го рез. корпуса и оказывать ему помощь в его действиях против Диксмюда; 46-я рез. наступала через лес. В XXVI-м рез. корпусе 51-я рез. дивизия повела наступление из западных окрестностей Рулера, а 52-я рез.—от Моорследе; обе наступали на участок Вестрозебеке — Пашендале — Кейберг, где завязали бои с частями французской и английской кавалерии. Под натиском превосходных сил трех неприятельских дивизий французская конница нигде не была в со-

стоянии продвинуться: 4-я кав. дивизия, теснимая у Царэна, отходила к юго западу; 5-я не могла выйти из ближайших окрестностей Вифвеге; 7-я, пройдя от Поелькапеле к Вестрозебеке, была здесь атакована и потеснена к западу; 6-я, выдвинувшись от Лангемарка к Пашендале, после боя у этого последнего селения, была отброшена к Сен-Жюльену. Кроме того, 1-я бельг. кав. дивизия, в виду общего положения, отошла сначала к Меркему, а затем—в район Лоо—Полиншов. 3-я англ. кав. дивизия, атакованная у Пашендале и Кейберга германской пехотой, была оттеснена к Зоннебеке. К вечеру XXIII-й рез. корпус, занявши Стаден, достиг линии Клеркен—восточная опушка леса Хутульст, а XXVI-й—линии Поелькапеле—Бродсейнде. Французская конница была отведена к этому времени в район к юго-западу от леса: 4-я дивизия—к Бультехоку, 5-я - к Биксшооте и Мангеларе и 7-я в южные окрестности Лангемарка; 6-я дивизия оставалась у Сен-Жюльена. Несмотря на столь неудачные в этот день результаты своей боевой деятельности, французская конница тем не менее имела основание считать, что она выполнила возложенную на нее задачу по обеспечению развертывания 1-го англ. корпуса, подошедшего к вечеру, без боевого соприкосновения с противником, на линию Биксшооте—Пилькем—Сен-Жан. Выдвижение этих английских войск до некоторой степени обеспечивала и 87-я территориальная дивизия, занимавшая своими главными силами восточную и северо-восточную окраины Ипра, а передовыми частями—участок Лангемарк—Зоннебеке. 89-я территориальная находилась в это время на переправах у Нордшооте, Зюидшооте и Боезинге.

Таково было положение в этот день на северном, французском участке поля сражения, где отсутствие в боевых линиях союзников боеспособной пехоты лишало их возможности оказать неприятельскому наступлению достаточно сильное сопротивление. Но далее к югу, как до р. Лиса, так и за этой рекой, крупные массы пехоты, входившие в состав английских корпусов, придавали боевым действиям союзных войск более устойчивый характер.

Одновременно с наступлением упомянутых выше корпусов, начал наступление и XXVII-й рез. корпус из окрестностей Моорзееле, направляясь четырьмя колоннами на участок Остхок — Терханд и далее к западу, против позиций 4-го англ. корпуса: 54-я рез. дивизия атаковала Беселаре и Поэзельхок и, после упорного и продолжительного боя с 7-й англ. дивизией, овладела селением Беселаре; 53-я рез. атаковала севернее Беселаре до Бродсейнде, но в бою с левофланговыми частями 7-й англ. дивизии и английской конницей не достигла в этот день никаких успехов. Южнее Терханда левый фланг XXVII-го

рез. корпуса поддерживал связь с 3-й герм. кав. дивизией (правофланговой V-го кав. корпуса), атаковавшей английские окопы к северо-востоку от Крюизейка. Отсюда начинался участок германской конницы, которая, после смены XIII-го корпуса между Мэненом и Комином [1]), выдвинулась с этого дня на левый берег Лиса, с целью связать между собой фланги IV-й и VI-й герм. армий и приковать противника к позициям, занятым им к востоку и юго-востоку от Ипра. Здесь, между ручьями Рентебееком и Дувом, наступали, под общим руководством ген. Марвица, три кав. корпуса: V-й (3-я и баварская д.д.)—до железной дороги Ипр—Комин, IV-й (6-я и 9-я д.д.)—вдоль ручья Вамбеке и I-й (гвардейская и 4-я д.д.)—по обе стороны р. Дува, на Мессин и Сент-Ивон, в связи с правым флангом XIX-го корпуса. Под давлением атак германской конницы английский кав. корпус ген. Аленби к концу дня отошел 2-й дивизией на линию Кортевильд—Хутем—Гард-Дьё, а 1-й—к Мессину.

Наступали в этот день и правофланговые корпуса VI-й герм. армии, но далеко не с той решительностью и не с тем порывом, с которыми атаковали противника войска IV-й армии. Тем не менее, правому флангу XIX-го герм. корпуса удалось, в бою с частями 3-го английского, овладеть Легейром на левом берегу р. Лиса; но ни XIII-й, ни VII-й корпуса, завязавшие южнее этой реки бои с французской конницей ген. Конно (усиленной 19-й англ. пех. бригадой) и со 2-м англ. корпусом, не могли продвинуться. В течение этого дня у Сент-Омера окончила высадку из поездов, только что прибывшая из Индии, лагорская (туземная) дивизия и начала собираться в западных окрестностях Хазебрука; имея эту дивизию в резерве, английская армия могла, конечно, надеяться сохранить свое расположение в боях последующих дней.

Поздно ночью на 21 октября, ген. Митри получил от вступившего в этот день в командование французскими войсками во Фландрии ген. д'Юрбаля приказание наступать в северном направлении, между изерским каналом и лесом Хутульст, с целью не допустить противника к форсированию р. Изера и канала между Биксшоте и Диксмюдом. При том условии, что немцы уже подошли вплотную к лесу Хутульст обеими дивизиями XXIII-го рез. корпуса и, следовательно, занимали по отношению к направлению, указанному для наступления частей ген. Митри, фланговое положение, в расстоянии всего лишь 5—7 кил. от него, подобная задача представлялась совершенно невыполнимой для этой слабой и неустойчивой группы французских войск.

---

[1]) См. стр. 312.

Конечно, никакого наступления группы ген. Митри в этот день не было, но попытки некоторых французских кавалерийских частей продвинуться к востоку от изерского канала, все-таки задержали здесь продвижение противника. XXIII й рез. корпус с утра наступал своей левофланговой (46-й рез.) дивизией через лес Хутульст, который к вечеру был занят немцами после утомительных лесных боев со спешенными частям 5-й франц. кав. дивизии; последние отошли к Биксшооте и затем за канал, к Зюидшооте и Вэстену. Правофланговая (45-я рез.) дивизия шла в обход леса с севера, к ручью Стеенбееку, где ее левое крыло вскоре после полудня столкнулось у Нахтегаля с 4-й франц. кав. дивизией, наступавшей от Бультехока; после непродолжительного боя французы были отброшены к Люигему и Киппе, а к вечеру расположились в районе Нордшооте—Ренинге. Остальные две кавалерийские дивизии ген. Митри, находившиеся у Лангемарка и Сен-Жюльена, приняли незначительное участие в боевых действиях 1-го англ. корпуса с 51-й герм. рез. дивизией и к концу дня были отведены к западу: 6-я—к Зюидшооте, а 7 я—в район Боезинге—Бриелен. Таким образом, к ночи с 21-го на 22 октября вся французская конница, находившаяся к северу от Ипра, ушла за канал, оставивши к востоку от него небольшие сторожевые и разведывательные части. Это обстоятельство создало для 1-го англ. корпуса невыгодную обстановку, обнаживши его левый фланг между Биксшооте и Лангемарком, где он легко мог подвергнуться неприятельской атаке со стороны леса Хутульст, тем более, что еще до наступления темноты XXIII-й герм. рез. корпус достиг 45-й дивизией восточных окрестностей Меркема, а 46-й—Мангеларе.

Посмотрим же, что происходило в этот день на путях наступления 1-го английского корпуса. Имея 1-ю дивизию слева, а 2-ю справа, он вышел еще утром своим центром и правым флангом на линию Зоннебеке—Лангемарк, оставаясь левым флангом у Биксшооте и Кортекера. Навстречу ему наступал XXVI-й рез. корпус германцев, получивший задачу форсировать канал непосредственно к северу от Ипра. 51-я рез. дивизия, наступавшая на Лангемарк, подойдя к этому селению, завязала бой с 1-й англ. дивизией и оставшимися еще здесь частями 87-й франц. территориальной. Лангемарк, как по прочности своих построек, так и по характеру других местных предметов, обладал сильными оборонительными свойствами, почему, несмотря на энергичный обстрел его германскими тяжелыми батареями, поставленными между Вестрозебеке и Поелькапеле, германская пехота встретила большие затруднения при атаке этого селения. После жестокого боя, понеся огромные потери, немцы вынуждены были с наступлением темноты отвести

свои расстроенные части к южной окраине Поелькапеле. Одновременно с атакой у Лангемарка, правый фланг этой дивизии, совместно с 46-й рез., принял участие в бою у Мангеларе и в продвижении к ручью Кортебееку. Другая дивизия этого корпуса, 52-я рез., шла по обе стороны железной дороги Рулер—Ипр; ее левая колонна после продолжительного боя со 2-й англ. дивизией, поддержанной 3-й кав., к вечеру овладела селением Бродсейнде и даже продвинулась на небольшое расстояние в стороне Зоннебеке, но ее правая колонна, сохранявшая связь с войсками, атаковавшими Лангемарк, оказалась увлеченной их отступлением и отошла за ручей Стромбеек. В виду того, что 51-я рез. дивизия понесла очень тяжелые потери, возобновление ею фронтальной атаки Лангемарка на следующий день не обещало никакого успеха; поэтому германское командование приняло решение использовать на следующий день 46-ю рез. дивизию для выполнения у Лангемарка обходного маневра с запада.

Боевые действия к югу от железной дороги Ипр—Рулер не дали в течение 21 октября никаких ярких явлений. XXVII-й герм. рез. корпус продолжал атаковать позиции 4-го англ. корпуса, но хорошо укрепившиеся английские части то огнем, то контр-атаками успешно отбивали нападение противника. К концу дня 53-й рез. дивизии все же удалось, при содействии соседей, овладеть селением Зоннебеке, что отчасти было облегчено для нее ослаблением английских сил на этом участке, вследствие начавшегося передвижения 3-й кав. дивизии к югу, на присоединение к кав. корпусу ген. Аленби. Этот последний, в бою с V-м герм. кав. корпусом, достигшим линии Крюизейк—Тенбриелен—Хутем, был потеснен на своем левом фланге за канал, в южные окрестности Холебеке, вследствие чего, на случай необходимости поддержать эту конницу, к Вульвергему было передвинуто несколько батальонов лагорской дивизии. Эта мера явилась, между прочим, вполне своевременной, в виду захвата IV-м герм. кав. корпусом селения Вамбеке и начавшихся атак I-го кав. корпуса у Мессина. На остальном фронте английской армии бои продолжались с переменным успехом для обеих сторон; лишь на левом берегу р. Лиса 4-я англ. дивизия энергичными контр-атаками взяла обратно Легейр.

Из вышеизложенного видно, что, в боях 21 октября в районе Ипра, германцы имели существенный успех только на своем правом фланге, у леса Хутульст, на остальных же боевых участках или понесли неудачу, или достигли слабых тактических результатов. Это обстоятельство должно было, конечно, до некоторой степени обнадеживать союзников, что, с прибытием к ним в ближайшие дни подкре-

плений, им удастся не только остановить наступление противника, но и отбросить его из окрестностей Ипра. А эти подкрепления уже приближались к полю сражения: днем 21-го ген. Жоффр посетил фельдм. Френча в расположении штаба английской армии в Байё и сообщил ему известие о перевозке во Фландрию 9-го франц. корпуса из 4-й армии. Но и германские войска уже начали усиливаться подходившими с тыла частями; так, в ночь с 21-го на 22 октября в состав XXVI-го рез. корпуса прибыли 37-я ландв. и 2-я эрзац-рез. бригады.

В результате передвижений и боевых столкновений обоих противников в течение двух предыдущих дней, расположение союзников у Ипра приняло, по отношению к общей линии их фландрского фронта, форму дугообразного выступа, охватившего этот город с севера, востока и юга и имевшего протяжение с севера на юг, по линии Бикшооте—Ипр—Мессин, около 20 кил; наиболее удаленные к востоку пункты, занятые союзными войсками, находились в 8—9 кил. от Ипра. Это выступное расположение обладало, как в тактическом, так и в оперативном отношениях, весьма существенными недостатками: оно было подвержено концентрическому обстрелу неприятельской артиллерии, которая могла брать под продольный огонь некоторые боевые участки союзников; оно имело для связи с тылом лишь одну дорогу (на Вламертинге и Поперинг), постоянно загроможденную двигавшимися в обе стороны войсками и обозами и находившуюся в своей восточной части под огнем германских дальнобойных батарей; в тылу этой дугообразной позиции находился канал, на котором хотя и имелось достаточное число переправ, но последние часто разрушались неприятельской артиллерией; наконец, город Ипр, со своим собором и другими высокими постройками, резко выделялся среди окружавшей его равнины и облегчал противнику ориентировку и пристрелку. Но эта позиция обладала и некоторыми положительными качествами: во-первых, местность, охватываемая ею, была удобна в оборонительном отношении, потому что имела пересеченный характер и изобиловала предметами легко приспособляемыми к обороне, а следовательно, затруднявшими для противника движение и маневрирование (заборы, канавы, рощи, отдельные строения и т. п.); и, во-вторых, позиция включала в себя целый ряд небольших возвышенностей, командующих местностью в направлениях к северо-востоку и югу, у Фортюина, по линии Зандвоорде—Гелювельт—Бродсейнде и между Мессином и Витсшаете.

22 октября франц. кав. дивизии ген. Митри пытались выйти из-за канала и возобновить наступление к северу и к северо-востоку, но выполнение подобной задачи явля-

лось теперь для них весьма затруднительным, а может быть и невозможным, в виду того, что крупные силы противника уже стояли западнее леса Хутульст. И действительно, под натиском этих неприятельских сил французская конница частью совсем не могла выдвинуться за канал (4-я и 6-я кав. д. д.), а частью, выйдя на его восточную сторону, была вынуждена после непродолжительного боя отойти в свое исходное положение (5-я и 7-я кав. д. д.). С утра германские тяжелые батареи XXIII-го рез. корпуса, поставленные в лесу, начали громить французское расположение на канале, подготовляя атаку для своей пехоты. Но в эту сторону повела наступление только 45-я рез. дивизия, потому что 46-я (как уже было упомянуто мною выше) получила приказание атаковать в южном направлении, на участке Биксшооте — Лангемарк, для содействия правому флангу XXVI-го рез. корпуса, понесшему накануне неудачу при атаке Лангемарка. В течение дня 45-я рез. дивизия своим правым флангом, легко преодолевши незначительное сопротивление французских территориальных частей, заняла Меркем и Люигем, а на своем левом фланге, отбросивши передовые эскадроны 5-й франц. кав. дивизии за канал, овладела селением Биксшооте. Впрочем, вечером, сильными контр-атаками левофланговых частей 1-й англ. дивизии и французской территориальной пехоты, немцы были выбиты из этого селения. Одновременно с этим, 46-я рез. дивизия атаковала расположение англичан на ручье Кортебееке, но не могла продвинуться к югу. К ночи французская конница вновь собралась к западу от изерского канала: 4-я дивизия—у Ренинге, 6-я—у Моленхока, 5-я—между Стеенстратом и Зюидшооте, а 7-я—в районе Зюидшооте—Вэстен.

Неудачная атака 46-й рез. дивизии на ручье Кортебееке, а следовательно и неудача ее обходного маневра у Лангемарка, привели к тому, что бои у этого селения в течение 22 октября не возобновлялись; 51-я рез. дивизия, не решавшаяся, после понесенных ею накануне тяжелых потерь, вторично штурмовать это селение с фронта, ожидала выхода соседней дивизии во фланг и тыл неприятелю и потеряла весь день в напрасном ожидании. В то же время, другая дивизия XXVI-го рез. корпуса, выполняла перегруппировку для занятия более сосредоточенного положения между ручьем Стромбееком и селением Бродсейнде. Вследствие этого, весь этот корпус, несмотря на подошедшие к нему подкрепления, пребывал в бездействии 22 октября.

К югу от железной дороги Ипр—Рулер продолжались бои между XXVII-м герм. рез. корпусом и 4-м английским, но борьба здесь имела с обеих сторон весьма нерешительный характер, вследствие утомления противников и тактических преимуществ на стороне англичан, укрепившихся

на командующих возвышенностях у Гелювельта и Рейтеля. Более оживленные бои разгорелись в этот день на участке германской конницы, где V-й кав. корпус, усиленный 7-й кав. дивизией, прибывшей из Лилля (из состава II-го кав. корпуса) [1]), и 11-й ландв. бригадой, подошедшей с тыла, атаковал английскую конницу у Кортевильда и Хутема. Атаки немцев велись здесь с такой настойчивостью и энергией, что английское командование признало необходимым сосредоточить в районе Витсшаете – Вормезееле бригаду лагорской дивизии. Остальные силы последней были передвинуты от Хазебрука к Эстеру, как центральному пункту по отношению 2-го и 3-го англ. корпусов.

Еще накануне, в ближайшем тылу Ипра, у Байё, Хазебрука, Стразееле и Касселя, началась высадка прибывавших из Шалона и Мурмелона французских войск 9-го корпуса и продолжалась весь день 22-го. 17-я дивизия должна была сосредоточиться к ночи на 23-е у Ренингсхельста, а 18-я—на следующее утро у Поперинга. Приближались подкрепления и к англичанам: по железным дорогам, от Марселя до Орлеана, уже тянулись эшелоны индийских войск мирутской дивизии.

Из описания боевых действий на левом фланге союзников мы видели, что трехдневные усилия войск ген. Митри продвинуть этот фланг в северо-восточном направлении дали весьма незначительные результаты; продвижение противника было несколько замедлено, но французские войска все же никак не могли обеспечить себе выигрыш пространства к востоку от канала и ежедневно были вынуждаемы укрываться за этим рубежом. По всей вероятности, эти безуспешные попытки наступательных действий продолжались бы здесь и дальше, и положение на левом крыле союзников оставалось бы еще некоторое время прежнее, если бы не подошли к Ипру упомянутые выше крупные французские подкрепления. В виду того, что с утра 23 октября уже являлась возможность использовать для боевых действий головную (17-ю) дивизию 9-го корпуса, наступательные планы ген. д'Юрбаля могли получить теперь иное направление: было решено начать с этого дня наступление вновь прибывавшими французскими войсками от Ипра к северо-востоку, на участок между Лангемарком и Зоннебеке, что дало бы возможность сменить находившиеся здесь английские войска и перевести их к югу от железной дороги Ипр—Рулер, где 7-я англ. дивизия уже изнемогала в боях с превосходными силами XXVII-го герм. рез. корпуса.

Это новое решение французского командования тотчас же отразилось на очередной задаче и на группировке войск

[1]) Другая (2-я) дивизия этого корпуса еще оставалась у Лилля.

левого фланга. Для содействия наступлению 9-го корпуса две кав. дивизии из группы ген. Митри (6-я и 7-я) были переданы в состав этого корпуса, а прочим войскам этой группы было приказано продолжать оборону изерского канала к северу от Боезинге; 4-я кав. дивизия с несколькими батальонами 89 й территориальной заняла для обороны участок от Кнока до Поэзеля, а 5-я с такой же пехотной поддержкой—далее, до Хет-Саса. Одна бригада 87-й территориальной дивизии расположилась у Боезинге, а другая—у Ренинге, в общем резерве. На своем левом фланге эта группа войск примыкала к расположению главных сил 89-й дивизии, стоявших по верхнему Изеру от Уде-Капеле на Кнок и Полиншов.

Организация французского встречного наступления с 23 октября.

Утром 23 октября, 17-й франц. дивизии, подошедшей к Ипру, было приказано начать наступление к Пашендале, имея на своих флангах конницу, прибывшую из кавалерийского корпуса ген. Митри. Решение наступать именно в этом направлении было принято в предположении, что Зоннебеке вновь занято англичанами и что вообще английские войска, одновременно с этим, тоже перейдут в наступление, как к северу, так и к югу от железной дороги Ипр—Рулер. Но так как ни то, ни другое в действительности не случилось, то 17-я дивизия и не могла выполнить возложенной на нее задачи. К полудню она достигла английской боевой линии у Фортюина, где узнала, что Зоннебеке находится в руках немцев; это обстоятельство, естественно, должно было задержать продвижение ее правого фланга, в то время, как ее левый фланг и центр к концу дня, тесня перед собой передовые части 52-й рез. дивизии противника, продвинулись до северного берега ручья Стромбеека, несколько западнее Гравенстафеля. Конница не оказала в этом наступлении никакого содействия пехоте; слева 7-я кав. дивизия, задержанная неприятельским артиллерийским огнем со стороны Поелькапеле, дошла только до Сен-Жюльена, а справа 3-я по пути свернула на Рейтель для поддержки 7-й англ. дивизии.

Продвижение французов за Фортюин дало возможность в тот же день снять с этого участка 2-ю англ. дивизию, предназначенную для усиления английских войск у Гелювельта; но, в виду сильного натиска немцев у Рейтеля и необходимости возможно скорее поддержать здесь 7-ю дивизию, пришлось в ночь на 24 октября вновь ввести ее в боевую линию между Зоннебеке и Рейтелем.

В то время, когда французы приступили к использованию своих новых сил, постепенно прибывавших к Ипру, германцы продолжали свои атаки на некоторых боевых

участках, не проявляя, впрочем, при этом большой наступательной энергии. Более оживленные бои велись в этот день XXVII-м рез. корпусом между Рейтелем и Гелювельтом, 51-й рез. дивизией — у Лангемарка и 46-й — на ручье Кортебееке; обе последние должны были, подобно тому, как и накануне, совместным наступлением с севера и с запада, овладеть Лангемарком, но, вследствие их несогласованных действий и затруднений, встреченных 46-й рез. дивизией при атаке английских позиций на южном берегу Кортебеека, это не удалось, и германские войска, атаковавшие со стороны Поелькапеле, были легко отражены обороняющимся и отошли в свое исходное положение.

Несмотря на слабые результаты, к которым привело наступление 17-й франц. дивизии в течение 23 октября, французское командование не теряло надежды достигнуть успеха путем усиления наступавших войск вновь прибывавшими частями. И ген. Фош, и ген. д'Юрбаль полагали, что, в виду окончания в ночь на 24 октября высадки всех войск 9-го корпуса, возможно будет бросить их к Рулеру уже в тот же день, прикрывши их левый фланг со стороны леса Хутульст 7-й кав. дивизией с несколькими батальонами пехоты. Однако, выполнение подобной задачи в течение 24 октября оказалось невозможным: 18-я дивизия и корпусные войска собирались весь день в районе Поперинг—Вормезееле—Ренингсхельст, и лишь незначительная их часть была выдвинута в восточные окрестности Ипра, откуда она могла быть введена в бой с большим запозданием. Следовательно, в этот день наступление 9-го корпуса не могло получить своего полного развития. Подходившие части 18-й дивизии распределялись по различным участкам уже наступавших французских войск, в зависимости от потребности в поддержке, что должно было в дальнейшем, при введении в боевую линию всех сил 9-го корпуса, сильно затруднить управление ими.

17-я дивизия возобновила наступление с утра, имея свой левый фланг сильно выдвинутым в направлении на Поелькапеле; ее правый фланг, задержанный еще накануне противником у Зоннебеке, ввязался здесь в горячий бой с германскими войсками 52-й рез. дивизии, окончившийся лишь к 6 час. вечера занятием этого селения французами. Но этим, собственно, и ограничились успехи французского наступления 24 октября.

Как я упоминал уже, выдвижение крупных французских сил на путях к Рулеру предоставляло английскому командованию возможность приступить к переброске своего 1-го корпуса за железную дорогу Ипр—Рулер и, следовательно к уплотнению пехотой своей жидкой боевой линии в этом районе. Эта переброска была уже начата в ночь с 23-го на

24 октября перемещением 2-й дивизии на участок Зоннебеке—Рейтель; теперь необходимо было сменить и направить по новому назначению другую дивизию того же корпуса. Для этой цели были использованы французские войска 87-й территориальной дивизии, находившиеся на изерском канале между Боезинге и Стеенстратом и сменившие англичан в ночь на 25 октября на участке от Биксшооте до Лангемарка. После смены, 1-я англ. дивизия перешла к Зилебеке, в общий резерв 4 го англ. корпуса. Переброска в этот район всей этой дивизии явилась вполне своевременной, потому что в этот день XXVII й герм. рез. корпус возобновил свои атаки на английские позиции у Гелювельта и овладел Рейтелем и лесом Полигон; к концу дня сильными контр-атаками 2-й англ. дивизии немцы были выбиты из леса. но Рейтель остался за ними. На фронте XXIII-го и XXVI-го герм. корпусов бои в течение 24 октября не достигали большого напряжения, и обе стороны сохранили здесь свое расположение, за исключением лишь селения Зоннебеке, перешедшего (как было сказано выше) из германских во французские руки. К югу от р. Лиса, только 2-й англ. корпус подвергся в этот день сильному натиску со стороны противника, но удержался на месте; тем не менее, это побудило фельдм. Френча перевести главные силы лагорской дивизии из Эстера к Локону (северо восточнее Бетюна), на случай необходимости поддержать эти атакованные войска.

Уже два дня немцы не проявляли в районе Ипра своей обычной активности в крупном масштабе, ограничиваясь или атаками местного значения или оборонительными действиями. Это объясняется тем обстоятельстом, что германское командование уже пришло к заключению, что прорыв неприятельских боевых линий, или охват неприятельского выступа у Ипра, являются непосильной задачей для войск IV-й герм. армии, почему корпусам было приказано закрепиться на захваченных рубежах в ожидании того момента, когда изменение общей обстановки во Фландрии позволит возобновить здесь активные действия в более благоприятных условиях. Эту перемену в общей обстановке германское командование ожидало от успешного наступления правофланговых частей IV-й армии на р. Изере, где в эти дни положение союзников было критическим, и где германские войска, действительно, были временами очень близки к решительной победе.

Но тем энергичнее и напряженнее работало французское высшее командование для обеспечения союзным войскам и численного превосходства, и соответствующей группировки для начавшегося наступления. Так. 25 октября, вопреки протестам фельдм. Френча, ген. Фош принял решение

перебросить в ближайшие дни кав. корпус ген. Конно с южного берега Лиса в окрестности Ипра, для чего в тот же день 1-я франц. кав. дивизия была выведена из боевой линии и поставлена у Сен-Венона (между Мервилем и Эром). Кроме того, к Ипру уже подвозились головные части 31-й дивизии 16-го франц. корпуса, перебрасываемого из Вёвра, из состава 1-й франц. армии [1]).

С утра 25-го 9-й франц. корпус возобновил свои наступательные действия: 17-я дивизия, прикрываемая слева отрядом ген. Эли д'Уасэля (7-я кав. дивизия с несколькими батальонами пехоты), пытавшимся обойти Поелькапеле с севера,—к ночи продвинулась, после оживленных боев с частями XXVI-го герм. рез. корпуса, до линии Поелькапеле—Валемолен Гравенстафель—Бродсейнде, но из всех этих селений овладела лишь последним, оставивши остальные в руках неприятеля; 18-я дивизия уже собрала часть своих сил на правом фланге 17-й, несколько севернее леса Полигон.

Несмотря на медленное продвижение французских войск вдоль железной дороги на Рулер, боевые действия в течение 25 октября создали для немцев немало трудных положений на фронте XXVI-го рез. корпуса и на правом фланге XXVII-го. Атакованные французами германские дивизии были усилены не только уже находившимися за ними подкреплениями (37-й ландв. и 2-й эрзац-рез. бригадами), но и частями морской дивизии и 38-й ландв. бригады, спешно вызванными с участка р. Изера; и тем не менее, опасность неприятельского прорыва в стыке между этими корпусами, на участке Гравенстафель—Бродсейнде, не могла считаться к концу этого дня устраненной.

Боевые действия с 26-го по 29 октября.

В течение четырех следующих дней, до 29 октября включительно, боевые действия в районе Ипра не отличались с обеих сторон ни разнообразием, ни решительностью. Местами велись небольшие бои ограниченного значения, имевшие целью улучшение тактических условий на том или другом боевом участке, местами велось наступление крупных французских сил, но весьма медленное и неуверенное, не приводившее к каким-либо значительным изменениям в относительном положении противников; наконец, на некоторых направлениях (главным образом на тех, на которых находилась конница) по целым дням стояло боевое затишье.

С утра 26 октября 9-й франц. корпус уже всеми своими силами развернулся между железнодорожными линиями, ведущими от Ипра на Стаден и Рулер, намечая свой глав-

[1]) См. стр. 261.

ный удар на Поелькапеле, при содействии слева отряда ген. Эли д'Уасэля. В тот же день в его состав была включена 31-я дивизия (16-го корпуса), только что высаженная ночью из поездов у Ипра. Корпус продвигался с огромными затруднениями, везде встречая упорное сопротивление германских частей XXVI-го рез. корпуса, 37-й ландв. и 2-й эрзац-рез. бригад и за весь день оттеснил неприятеля лишь на несколько сот метров к северо-востоку. С таким же незначительным, если еще и не меньшим, результатом вел бои этот корпус и 27 октября, хотя уже вся 31-я дивизия была введена в боевую линию с задачей наступать на Вестрозебеке. Лишь на следующий день, соединенными усилиями трех пехотных и двух кавалерийских французских дивизий, немцы вновь были потеснены на небольшое расстояние: к вечеру 31 я дивизия достигла ручья Стромбеека, имея отряд ген. Эли д'Уасэля влево от себя, в южных окрестностях Поелькапеле; 17-я дошла до западных окрестностей Пашендале, а главные силы 18-й (имея за собой 6 ю кав. дивизию)—до Бродсейнде. 29 октября с обеих сторон бои достигли значительного напряжения, атаки чередовались с контр-атаками, но атакующие французские части нигде не могли преодолеть сопротивление сильно укрепившегося противника. Казалось, что и здесь уже устанавливается равновесие сил, угрожавшее французам прекращением дальнейшего наступления.

Между тем, к утру 29-го у Ипра появляются новые французские подкрепления:—38 я дивизия, прибывшая из 5-й франц. армии и образовавшая теперь вместе с 42-й дивизией (еще находившейся на р. Изере) новый, 32-й, французский корпус ген. Эмбера. Намереваясь оказать содействие 9-му корпусу наступлением вновь прибывш-й дивизии западнее железной дороги Ипр—Стаден, ген. д'Юрбаль распорядился перебросить ее в тот же день на грузовиках к Оствлетерену, откуда ей приказано наступать за канал и овладеть Меркемом. Таким образом, на северных участках ипрского фронта французские силы постепенно росли, что, естественно, должно было поддерживать и укреплять активное настроение французского командования, невзирая на те слабые материальные результаты, которые были достигнуты многодневным наступлением.

В то же время, на английском фронте господствовали совершенно иные настроения и намерения. Хотя сюда тоже прибывали подкрепления (1-я дивизия—с одного из северных участков и лагорская—с тыла), тем не менее, английское командование не только не думало о наступлении, но даже не было уверено, что, в случае дальнейших неприятельских атак, войскам удастся сохранить занимаемое ими положение. Впрочем, противник в эти дни не давал серьез-

ного повода к таким опасениям. Правда, в течение 26 октября 3-я герм. кав. дивизия (V-го кав. корпуса) овладела Крюизейком, а 29-го левофланговая дивизия XXVII-го рез. корпуса, совместно с той же конницей и некоторыми частями 6-й бав. рез. дивизии, стоявшей у Дадизееле [1]), вела атаки на Гелювельт; но в общем, немцы сохраняли здесь оборонительное положение, закрепляясь немного восточнее линии Зоннебеке—Рейтель—Поэзельхок. 27 октября в виду того, что 7-я англ. дивизия уже утратила бо́льшую часть своей боеспособности, а 3-я кав. нужна была для действий на участке конницы, 4-й англ. корпус был расформирован, и командир его, ген. Роулинсон, командирован в Англию для наблюдения за формированием 8-й дивизии; 7-я дивизия была включена в состав 1-го корпуса, а 3-я кав.—в состав конного корпуса ген. Аленби. Теперь 1-й корпус занимал следующее расположение: 7-я дивизия—участок от восточных окрестностей Зандвоорде до дороги Ипр – Мэнен, часть 1-й дивизии (еще остававшейся своими главными силами в резерве у Зилебеке)—далее до Рейтеля, не занимая этого селения, а 2-я—в лесу Полигон и севернее.

К югу от р. Лиса, 28 октября, 2-й англ. корпус потерял Нэв-Шапель, занятый частями VII-го герм. корпуса, а 6-я англ. дивизия успешно отразила южнее Армантьера атаку 25-й герм. дивизии. Бой у Нэв-Шапеля был очень упорным и ожесточенным и сильно расстроил обе дивизии 2-го англ. корпуса; а так как на долю этого последнего достались, вообще, более продолжительные и более тяжелые боевые действия, то решено было, в виду прибытия к Ипру мирутской дивизии, сменить его индийскими войсками и отвести на отдых к Байё. Эта смена была произведена, без помехи со стороны противника, в ночь с 28-го на 29 октября. Тем временем, франц. кав. корпус ген. Конно (1-я, 3-я и 10-я кав. д.д.) продолжал постепенно стягиваться к Мервилю, откуда он должен был в ближайшие дни отправиться по новому назначению.

Оценка действий сторон в первом периоде сражения.

Этими боевыми действиями закончился первый период изучаемого нами сражения. В течение составляющих его десяти дней концентрическое наступление германских войск против англо-французскаго выступа у Ипра не привело немцев к решительному результату, а в то же время рушилась и надежда германского командования на успех правофланговых частей IV-й армии, в виду появления на Изере зловещих признаков, надвигавшегося с моря,

---

[1]) Эта отдельная дивизия подошла на фронт несколько позже резервных корпусов.

наводнения. Становилось очевидным, что для достижения победы необходимо обратиться к какому-то новому способу действий, ввести в дело какие-то новые силы. Еще 27 октября в штаб VI-й герм. армии приезжал ген. Фалькенгайн на совещание с обоими командующими; после обсуждения всех данных обстановки, было решено образовать между флангами армий, частью из вновь прибывавших корпусов и дивизий, а частью из войск, находившихся на ближайших боевых участках, особую группу для решительного наступления юго-восточнее Ипра, с целью прорвать здесь неприятельский фронт. К 30 октября эта группа была сформирована и тогда же приступила к выполнению возложенной на нее трудной задачи. Сведения об этом относятся уже ко второму периоду сражения у Ипра, где они и будут изложены мною. Но раньше чем перейти к описанию дальнейших событий, я попытаюсь определить характерные особенности действий обеих сторон в промежуток времени с 20-го по 29 октября.

Обращаясь к германцам, мы видим, что в первые 3—4 дня наступления их действия отличаются непреклонной решительностью и силой натиска, а также смелостью оперативного замысла, преследующего весьма значительную цель: зажать в тиски выступное расположение союзников у Ипра одновременными охватывающими атаками с трех сторон. Однако, в эти первые дни своего наступления, в этих первых порывистых боях около Ипра им не удается достигнуть поставленной себе цели, в результате чего уже с 24 октября их бурная боевая деятельность замирает по всему ипрскому фронту. Правда, атаки германских войск еще вспыхивают то здесь, то там; германские дивизии, со свойственным им искусством, еще достигают местного тактического успеха, то на одном, то на другом участке, но общее наступление в армейском масштабе, наступление, как операция, уже не возобновляется немцами до окончания этого первого периода боевых действий у Ипра. Чем же объясняется этот внезапный и резкий перелом в ходе боев, от которых ожидали столь многого, от последствий коих должна была, повидимому, зависеть участь всей кампании 1914 года? Мне кажется, что правильное объяснение этого явления мы найдем в особенностях тех добровольческих формирований, из которых были составлены резервные корпуса IV-й герм. армии.

Мы видели, какой своеобразный боевой материал представляли эти новые корпуса, явившиеся порождением воинственного и патриотического энтузиазма, охватившего широкие массы в Германии и столь же, как этот энтузиазм, неустойчивые и ненадежные. Весьма пестрые по своему возрасту и социальному составу, слабо обученные, плохо

управляемые неопытными офицерами, но охваченные воинственным порывом и жаждой подвига, эти новые войсковые части были пригодны лишь для непродолжительного блестящего натиска. Но к длительному боевому напряжению и к настойчивому преследованию поставленных себе целей они оказались совершенно негодными. И потому первые же боевые неудачи и первые боевые затруднения несли с собой этим воинам-добровольцам разочарование и охлаждение, ослабляя их боеспособность и подавляя их наступательную энергию.

Только после этих первых боев у Ипра, обнаруживших столь крупные недостатки новых резервных корпусов, германское главное командование поняло ошибку, допущенную им при образовании IV-й армии. Эта ошибка отчасти была исправлена во втором периоде сражения, при формировании упомянутой выше особой ударной группы, но, конечно, вернуть потерянного уже было невозможно, и крупный промах, допущенный в начале операции, властно тяготел над ней до ее последнего дня.

Некоторые германские авторы, описывая изучаемые нами события, в недоумении спрашивают себя: почему так случилось, что там, где должны были выполняться во Фландрии важнейшие задачи германского наступления, задачи, имевшие широкое стратегическое значение, там оказались не испытанные в боях старые корпуса, а плохо сколоченные, слабо обученные, совершенно неопытные добровольческие части? Но ответа на этот вопрос, ответа из авторитетных и компетентных источников до настоящего времени еще не имеется. Большинство германских исследователей объясняет это явление тем обстоятельством, что, так как для наступления во Фландрии необходима была спешная отправка туда значительных сил, то решили использовать для этой цели группу вновь сформированных резервных корпусов, перевозка и развертывание которых могли быть выполнены гораздо скорее, чем тех, которые пришлось бы выводить из боевых линий на различных участках фронта. Кроме того, полагали, что высокий моральный подъем, господствовавший в новых формированиях, вполне уравновесит собой недостатки в их организации и обучении и поставить их в боевом отношении на один уровень со старыми корпусами.

Говоря о германцах, нельзя также не обратить внимания на то слабое содействие, которое было оказано IV-й армии правофланговыми корпусами VI-й; они не только не нанесли противнику хотя бы частного поражения, на каком-либо боевом участке к северу или к югу от р. Лиса, но временами даже сами переходили к обороне, как бы находя свои силы недостаточными для решительных и активных дей-

ствий. Между тем, это были прославленные в боях этой кампании, перволинейные корпуса, а враг, находившийся перед ними—те английские корпуса и дивизии, которые так часто бывали биты и преследуемы в весьма бедственных условиях германскими войсками, смотревшими на них свысока и считавшими их в боевом отношении значительно ниже себя. Несомненно, что при слабой активности английской армии, немцы имели возможность произвести любой маневр на берегах р. Лиса, сосредоточивши здесь для этой цели более крупные силы VI-й армии. Непонятно также, почему германская конница была выдвинута на левый берег Лиса, где требовалось сильное и решительное наступление, которого, конечно, не могли дать слабые кавалерийские корпуса, уже в то время мало пригодные и для конного, и для пешего боя. Только благодаря этому обстоятельству, здесь могла так долго держаться расстроенная и изнуренная 7-я англ. дивизия и мало приспособленная к оборонительным действиям конница ген. Аленби. Этот участок был одним из слабейших участков ипрского фронта союзников, и следует думать, что, если бы вместо слабой германской конницы, которую можно было бы развернуть к югу от р. Лиса, сюда были направлены хотя бы два корпуса VI-й армии, то немцам удалось бы, по всей вероятности, прорвать неприятельский фронт где-либо между Зандвоорде и Мессином, а, следовательно, хотя отчасти, выполнить охватывающий маневр у Ипра.

Характерной особенностью оперативной деятельности союзников в первом периоде этого сражения являются резко выраженные наступательные стремления французского командования, нередко даже не отвечавшие реальным условиям боевой обстановки, слагавшейся на фронте. Не только после прибытия французских подкреплений, но и в самом начале операции, требование наступать во что бы то ни стало, наступать для достижения важных целей, проходит красной нитью через все оперативные распоряжения и Фоша, и д'Юрбаля. Когда читаешь их директивы и их приказы, в которых изо-дня в день войскам даются настойчивые указания для наступления, устанавливающие такие отдаленные цели, каковы Жистель, Брюгге, Туру и Гент, нельзя не выразить удивления: так невероятны, так невыполнимы кажутся в данных условиях эти задачи; в то время, когда эти войска оказываются не в силах продвинуться далее нескольких сот шагов, а иногда даже бывают вынуждены к отходу, их направляют в районы, находящиеся далеко в тылу неприятельских боевых линий! Но как ни странно кажется подобное явление, оно заслуживает серьезного внимания, как признак той эволюции, которую претерпело за эту кампанию оперативное руководство французскими

армиями. Конечно, все эти беспрестанные призывы к наступлению, как и сами наступательные бои, явившиеся их результатом, привели союзников к очень скромным материальным достижениям, но они дали огромный моральный эффект, побуждая войска к активности и проявлению инициативы, укрепляя их веру в свои собственные силы, оживляя их ослабленный дух надеждой на грядущие победы. И как непохоже это все на те настроения, которыми были охвачены французские армии и их вожди в первые недели этой кампании! Фельдм. Френч, в своей книге, посвященной описанию боевых действий английской армии во Франции [1]), дает нам по этому вопросу несколько интересных наблюдений, относящихся к двум моментам этой кампании: к дням пограничного сражения и к боям у Ипра. Френч весьма охотно посещал своих соседей, французских генералов, с целью ознакомиться с обстановкой, пожаловаться на затруднительность своего положения, выпросить для себя какую-нибудь поддержку, а также, в беседе с французскими начальниками, набраться духу для дальнейших боевых операций. На берегах Самбры он бывал у командующего 5-й франц. армией, ген. Ланрезака и у командира 1-го франц. кав. корпуса, ген. Сорде, под Ипром—у ген. Фоша и ген. д'Юрбаля. И тех, и других он изображает в весьма благоприятном освещении, как твердых и доблестных начальников, но в описаниях этих встреч и происходивших при них разговоров ясно чувствуешь всю разницу в настроениях французского командования в эти различные моменты боевых операций. Там, на Самбре, мы видим перешительность и осторожность, с ярко выраженным пессимизмом при оценке окружающей обстановки, здесь, под Ипром—бодрый взгляд на положение дел, с неистощимой уверенностью в достижении успеха. В самые тяжелые минуты боевых кризисов на фронте, фельдм. Френч заставал Фоша и д'Юрбаля в отличном расположении духа, вполне удовлетворенных донесениями с поля сражения, как бы уже предвкушавших торжество скорой победы. Называйте это бравадой, но подобные настроения французских начальников, невидимо излучаясь вокруг них, быстро достигали боевых линий, воодушевляя и ободряя потрясенные боевыми испытаниями, изнуренные трудами и лишениями массы французских войск. Френч характеризует Сорде и д'Юрбаля, как типичных кавалерийских рубак, полных решительности и самоотвержения; однако, на каждом из них лежал яркий отпечаток боевой психологии момента. Сорде, при всей своей доблести и склонности к стремительному удару, каждый раз при столкновении с противником легко

[1]) „1914 by Field Marshal Viscount French of Ipres".

уступал ему поле сражения, с твердым сознанием, что иного решения не может быть, что сопротивление бесполезно. Этот способ действий—весьма характерный для французского начальника периода первых боевых операций, до сражения на Марне. Наоборот, д'Юрбаль, со своей послемарнской психологией, уже не может представить себе ничего другого, кроме наступления; невзирая ни на какие объективные условия, укрепляемый в э ом отношении своим непосредственным начальником, ген. Фошем, он требует движения вперед, он стремится наносить неприятелю удары, он считает для своих войск единственно допустимым тактическим приемом—атаковать врага всегда и повсюду. Несомненно, что в такой системе действий имеется не мало крайностей и увлечений, даже опасных при известной обстановке, но необходимо иметь в виду, что она явилась естественным результатом колоссального подъема духовных сил французских армий после неожиданной марнской победы и неизбежной противоположностью осторожным, неуверенным, подавленным настроениям, господствовавшим в этих армиях до сражения на Марне.

Второй период сражения у Ипра, 30 октября—15 ноября.

Решение германского главного командования образовать между внутренними флангами VI-й и IV-й армий ударную группу, для прорыва неприятельского фронта к юго-востоку от Ипра, приводилось в исполнение с 27-го по 30 октября. В состав этой группы, во главе которой был поставлен командир XIII-го корпуса, ген. Фабек, были включены следующие войсковые части: II й бав. корпус, прибывший с р. Соммы из II й армии; XV-й, переброшенный с р. Эна из VII-й армии; 26-я дивизия (XIII-го корпуса), смененная на своем участке западнее Лилля 48-й рез. дивизией (XXIV-го рез. корпуса), перевезенной из Меца; 6-я бав. рез. дивизия, стоявшая в резерве IV-й армии у Дадизееле; 3-я дивизия (II-го корпуса), которая должна была прибыть на днях в Лилль из I-й армии; I-й кав. корпус (гвард и 4-я кав. д. д. с четырьмя егерскими батальонами), находившийся уже в районе сосредоточения; 11-я ландв. бригада из состава IV-й армии; и, наконец, тяжелая артиллерия, взятая их VI-й армии,—около 70 гаубичных и мортирных батарей, с орудиями разнообразных калибров до 30.5-сант. включительно. К ночи с 29-го на 30 октября эти войска (кроме 3-й дивизии, прибывшей позднее) развернулись на левом берегу р. Лиса, на участке Вервик—Дэлемон, сменивши здесь своими передовыми частями армейскую конницу. Им было приказано начать наступление с утра 30-го и атаковать в северо-западном направлении; а для того, чтобы противник не имел возможности противодействовать этому удару переброской своих

войск с других участков ипрского фронта, IV-я и VI-я армии должны были одновременно с этим атаковать находившиеся против них неприятельские позиции.

С другой стороны, союзное командование, попрежнему, ставило своим войскам на ближайшие дни активные и решительные задачи, направленные раньше всего к выдвижению обоих флангов своего выступного расположения, без чего общее наступление к востоку признавалось невозможным.

Наступление группы ген. Фабека 30 октября.

Ночью с 29-го на 30 октября, как только передовые части ударной группы закончили смену V-го и IV-го кав. корпусов, ген. Фабек указал своим войскам следующие направления для наступления: XV-му корпусу — южнее дороги Ипр—Мэнен, левым флангом на Зандвоорде, II-му бав. — левым флангом на селение Вамбеке, 26-й дивизии — левым флангом на Мессин, а I му кав. корпусу, при поддержке нескольких батальонов XIX-го корпуса, — на Сент-Ивон; 6-я бав. рез. дивизия должна была в течение дня перейти в район Мэнен—Вервик. IV-му и V-му кав. корпусам, смененным пехотой, приказано отойти к Вервику, в общий резерв VI-й армии.

Утром 30 октября, вследствее густого тумана, германская артиллерия могла начать свою деятельность только около 8 час. утра. После непродолжительной бомбардировки неприятельских позиций, пехота XV-го корпуса двинулась на штурм высот у Зандвоорде, занятых англичанами, и к 11 час. утра это селение было занято 39-й герм. дивизией; 7-я англ. дивизия (усиленная частями 3-й кав.) отошла от Зандвоорде к Клейн-Зилебеке. Одновременно с этим, II-й бав. корпус своим правым флангом (4-й д.) овладел Шато-Холебеке и селением Холебеке, а левым (5-й д.) продвинулся по ручью Вамбеке до восточных окрестностей Оставерна, отбросивши 2-ю англ. кав. дивизию к Сент-Элюа. В виду того, что продвижение немцев вдоль канала создавало непосредственную угрозу Ипру, а следовательно, могло привести противника в тыл французским войскам, находившимся восточнее города, командир 9-го франц. корпуса, ген. Дюбуа, тотчас же по получении сведений об отходе английских войск, по собственной инициативе направил в распоряжение командира 1-го англ. корпуса, ген. Дугласа Хэйга, бригаду 6-й кав. дивизии с пятью батальонами пехоты под начальством ген. Мусси. Благодаря прибытию этого отряда, англичанам удалось еще засветло организовать новый фронт в тылу отошедших войск, от Клейн-Зилебеке до канала, с целью прикрыть кратчайшие подступы к Ипру.

Значительно меньше были в этот день успехи германских войск на левом фланге армейской группы ген. Фабека. Здесь 26-я дивизия своим правым крылом заняла селение

Вамбеке, а левым наступала на высоты у Мессина, но могла овладеть лишь северо-восточной окраиной этих высот, потому что на поддержку занимавшей их 1-й англ. кав. дивизии подошла из общего резерва, от Нэв Эглиза, бригада 2-го англ. корпуса, а также несколько батальонов индийской пехоты. I-й кав. корпус не мог занять Сент Ивона, а XIX-й, находившийся южнее р. Дува, вообще, не продвинулся в этот день.

Неудачи союзников к югу от Ипра.

Тем не менее, положение союзников к концу этого дня представлялось весьма тяжелым. Германцы глубоко вклинились в их расположение вдоль канала, находясь теперь вершиной своего клина (у Холебеке) лишь в 5 кил. от Ипра, на пути к которому у союзников не имелось в это время никаких резервов; это было тем более опасным, что в боях, происходивших в этот день, почти все английские войска, занимавшие расположение между дорогой Ипр—Мэнен и р. Дувом, понесли большие потери и находились теперь в состоянии весьма малой боеспособности, не позволявшей рассчитывать на их успешное сопротивление германским атакам на следующий день. Лишь поздно ночью, получивши сведения с поля сражения, ген. Фош составил себе отчетливое представление о создавшемся положении в английском секторе ипрского фронта; для него было ясно, что английские позиции были прорваны вдоль канала, что разбитые английские войска, отброшенные в ближайшие окрестности Ипра, лишь благодаря наступившей темноте создавали видимость боевой линии, но что завтра, с первым же натиском врага, эта иллюзия исчезнет, и для немцев откроется свободный путь к стенам древней столицы Фландрии. Для Фоша представлялось также несомненным, что меры против этого должны быть приняты немедленно, и что опасность, угрожавшая Ипру, должна быть устранена ценою каких-угодно жертв и усилий. Одушевленный подобной решимостью, он мчится на автомобиле глубокой ночью из Касселя в главную квартиру английской армии, в Сент-Омер, чтобы своим личным вмешательством в оперативные распоряжения английского командования обеспечить, насколько возможно, устойчивость английского фронта. Приехавши в Сент-Омер, он застает ставку фельдм. Френча объятой глубоким сном, как бы отдыхающей после одержанной победы; мирно спит и маститый главнокомандующий английской армией. Фош направляется прямо к нему, приказывает разбудить его и, со свойственной ему отрывистой, лаконичной манерой говорить, спрашивает у растерявшегося Френча: „знаете ли Вы, что английский фронт прорван? Что думаете Вы предпринять для восстановления своего положения?“ Фельдмаршал отве-

чает, что у него нет свободных резервов, что он ничего не может бросить к месту прорыва. Фош передает в его распоряжение единственный, имеющийся у д Юрбаля, резерв,— бригаду 32-й дивизии (16-го франц. корпуса), высаженную в тот день из поездов у Вламертинге. „Берите эти войска и наступайте" восклицает он и в заключение добавляет: „если мы допустим противника прорвать наше расположение хотя бы в одной точке, мы погибли..." И простившись с удивленным и растроганным Френчем, Фош едет обратно в Кассель, чтобы отдать необходимые приказания о передаче бригады 32-й дивизии в распоряжение английского главнокомандующего [1]).

Менее оживленные и менее решительные боевые действия происходили в этот день на других участках ипрского фронта. В IV-й герм. армии XXIII-й рез. корпус своим правым флангом задержал продвижение 38-й франц. дивизии на Меркем и 5-й кав.—на Лангеваде, вновь овладевши селением Биксшооте; левофланговая дивизия этого корпуса продвинулась до дороги Биксшооте—Лангемарк, оттеснивши за нее 87-ю территор. дивизию, наступавшую на Кортекер и Мангеларе. В XXVI-м рез. корпусе правофланговая дивизия безуспешно пыталась наступать к Лангемарку, встретивши в районе Поелькапеле сильное сопротивление 31-й франц. дивизии и отряда ген. Эли д'Уасэля; другая дивизия того же корпуса и правофланговая XXVII-го оставались на месте, не будучи в силах потеснить ни 17-й, ни 18-й дивизий противника, развернувшихся между Валемоленом и Кейбергом. Между тем, 54-я рез. дивизия была направлена на Гелювельт, для содействия 30-й дивизии XV-го корпуса при атаке этого селения; но, несмотря на их соединенные усилия, в этот день немцам не удалось овладеть Гелювельтом. С утра 30-го, у Вламертинге, начала высадку 32-я франц. дивизия (16-го корпуса), одна бригада которой тотчас же по окончании высадки была отправлена к Боезинге и, в виду сильного натиска германских войск в районе Биксшооте, передана в распоряжение ген. Митри. Другая бригада той же дивизии, как мы знаем, была предоставлена ген. Фошем английской армии.

С целью возможно скорее развить достигнутые германцами успехи, ген. Фабек решил овладеть 31 октября гребнем возвышенностей, протянувшихся от Мессина на Витшаете; эти возвышенности предоставляли занимавшим их войскам весьма существенные тактические преимущества. Для штурма этих высот левофланговые части были усилены

[1]) Этот характерный для ген. Фоша эпизод приведен в сочинении ген. Palat (том VIII-й, стр. 188); сообщая его, автор ссылается на свидетельство очевидца и на несколько других литературных источников.

6-й бав. рез. дивизией, выдвинутой между II-м бав. корпусом и 26-й дивизией. Одновременно с этой атакой, должны были возобновиться атаки и на остальных участках ипрского фронта.

Боевые действия 31 октября.

С раннего утра 31-го, при ясной погоде, германская артиллерия начала бомбардировку неприятельских позиций. На правом фланге группы ген. Фабека, около 11 час. утра, возобновилась атака Гелювельта 54-й рез. дивизией с северо-востока и востока (частью сил от Рейтеля через лес Полигон) и 30-й—с юга. После ожесточенных схваток, в 3 часа дня немцы захватили селение; но левее, 39-я дивизия продвинулась от Зандвоорде всего лишь на несколько сот шагов. Оборонявшая Гелювельт 1-я англ. дивизия, вскоре после полудня, начала отходить к Вельдхоку. Чтобы дать возможность англичанам удержаться в своем новом расположении, командир 9-го франц. корпуса, ген. Дюбуа, послал к Хоге, в распоряжение ген. Дугласа Хэйга, другую бригаду 6 й кав. дивизии, стоявшую у Сен-Жана; это было уже второе подкрепление, выделенное французами для поддержки 1-го англ. корпуса. Левее XV-го корпуса повел наступление II-й бав., достигший в течение дня своим правым флангом северной опушки леса западнее Холебеке, а левым—Оставерна. Столь успешное продвижение правого фланга баварцев угрожало захватом Сент-Элюа, на кратчайшем пути к Ипру, тем более, что занимавшая этот участок 2-я англ. кав. дивизия не могла оказать достаточного сопротивления превосходным силам противника. Но к счастью для англичан, во время этого боя, к Сент-Элюа уже подходила от Вламертинге бригада 32-й франц. дивизии, направленная сюда с рассветом личным распоряжением ген. Фоша, после ночного посещения им фельдм. Френча в Сент-Омере. Эта бригада заняла участок от канала до Капелери, а в течение дня к ней подошла другая бригада той же дивизии от Боезинге и продолжила боевую линию до южных окрестностей Витсшаете [1]). Вскоре после полудня, к правому флангу этих войск стала подходить бригада 43-й дивизии (21-го франц. корпуса) из состава 10-й армии, направленная сюда по инициативе командующего армией, ген. Модюи, и высаженная ночью у Вламертинге; другая бригада этой же дивизии была оставлена пока у места своей высадки. Прибытие этих французских подкреплений положило начало образованию южнее Ипра, между каналом и рекою Дувом,

---

[1]) В этот район подошла в этот день и 9-я франц. кав. дивизия недавно прибывшая из 4-й армии, но расположилась пока в ближайшем тылу, у Вормезееле.

совершенно нового фронта, в котором французские корпуса и дивизии были перемешаны с английскими войсками, составляя ряд небольших отрядов, называвшихся по именам своих начальников.

На левом фланге группы ген. Фабека, 26-я дивизия, которая еще накануне продвинулась своими охраняющими частями к восточной окраине Мессина, в $10^1/_2$ час. утра, после сильного обстрела этого селения тяжелыми батареями, атаковала его. Штурм, произведенный с трех сторон, оказался весьма трудным, вследствие сильного и искусного укрепления селения англичанами, оборонявшими его с чрезвычайным упорством. После продолжительного уличного боя, в течение которого немцам приходилось, для разрушения баррикад и более прочных зданий, втаскивать на руках в селение легкие пушки,—около полудня атакующему удалось овладеть лишь восточной половиной Мессина; такой неполный успех этого штурма в значительной степени зависел от того, что Витсшаете еще было занято неприятелем, а слева I-й кав. корпус не мог продвинуться вдоль р. Дува, почему германские войска, атаковавшие Мессин, поражались сильным фланговым огнем противника и с севера, и с юга. Вскоре на поддержку 1-й англ. кав. дивизии, занимавшей это селение, подошла от Кеммеля бригада 5-й англ. дивизии (2-го корпуса, находившегося в общем резерве) и после полудня англичане произвели несколько контр-атак, в результате которых к 5 час. дня немцы были выбиты из Мессина, но удержались на восточной окраине высот.

Бой на фронте 1-го англ. корпуса, несмотря на подкрепления, присланные ген. Дюбуа, стал принимать после полудня угрожающий для англичан характер: на левом фланге корпуса 2-я дивизия была оттеснена немцами к Вестхоку и севернее, в центре 1-я дивизия была прорвана вдоль большой дороги на Ипр и, отходя, обнажила левый фланг 7-й дивизии (перемешанной с частями 3-й кав.). Между полуднем и 3 час. дня положение 1-го англ. корпуса стало критическим: на дороге к Ипру появились беспорядочно отходившие части, вереницы людей потянулись с позиций к городу, обозы в панике стремились на запад, загромождая дороги и улицы Ипра. В это именно время фельдм. Френч проезжал через Ипр на пути в Хоге, в штаб ген. Дугласа Хэйга; все эти неприглядные и тревожные картины ближайшего тыла произвели на него настолько сильное впечатление, что он пришел к решению начать в тот же день отступление за канал. Но после беседы с ген. Фошем, с которым он виделся в Поперинге на обратном пути в Сент-Омер, он отказался от этого намерения, тем более, что еще засветло несколькими атаками, пред-

принятыми по инициативе частных начальников 1-й и 7-й англ. дивизий, немцы были оттеснены к Гелювельту, и положение на фронте 1-го корпуса было в значительной степени восстановлено. Тем не менее, Френч не без основания считал, что день 31 октября был для английской армии одним из тягчайших дней этой войны; в своей книге, описывая эти критические минуты боев у Ипра, он говорит: казалось, что последняя преграда, лежавшая между противником и побережьем, уже пала. [1])!

Заключительным эпизодом боевых действий этого дня явилась атака 6-й бав. рез. дивизией селения Витсшаете, занятого в то время не только частями 2-й англ. кав. дивизии, но и французской пехотой. Баварцы были выдвинуты в боевую линию с некоторым запозданием, почему было решено атаковать селение с наступлением ночи. В 2 часа пополуночи, при свете луны, атака началась с двух сторон, с востока и юга: к рассвету селение было взято, но вскоре контр-атаками французской пехоты баварцы были выбиты. Неудача этой атаки в значительной степени зависела от различных недоразумений, происходивших во время боя и повлиявших неблагоприятно на моральное состояние войск; так, несмотря на принятые меры для опознания своих, полки в ночной суматохе стреляли друг в друга, а артиллерия, вследствие плохой связи с пехотой, до утра вела огонь по селению, не зная, что оно уже занято атакующим.

На остальных участках поля сражения боевые действия в этот день не получили никакого развития; даже группа ген. Дюбуа не могла возобновить своего наступления, ослабленная выделением нескольких отрядов для поддержки англичан, и заняла теперь оборонительное положение. У немцев уже началось передвижение частей III-го рез. корпуса с р. Изера на юг.

На 1 ноября ген. Фошем, по соглашению со штабом английской армии, были даны следующие указания союзным войскам: 1-й англ. корпус должен был закрепляться в занятом им расположении, между правым флангом 9-го франц. корпуса и Клейн-Зилебеке; 9-й франц. корпус—атаковать к востоку; а французским войскам, развернувшимся южнее Ипра, приказано атаковать с линии Сент-Элюа—Витсшаете к юго-востоку, в общем направлении на Хутем. На германской стороне, войскам было приказано продолжать на следующий день выполнение, данных им ранее, наступательных задач.

---

[1]) French, „1914“, стр. 252. Интересно отметить, что еще 29 октября Френч предлагал устроить наводнение у Ипра, но французские начальники не согласились с этим.

Боевые действия 1—2 ноября.

С утра 1 ноября войска ген. Фабека возобновили свои атаки. Левый фланг XXVII-го рез. корпуса, содействовавший наступлению XV-го, продвинулся через Поэзельхок, тесня перед собой части 1-й англ. дивизии. XV-й корпус медленно наступал между Гелювельтом и Клейн-Зилебеке: 30-я дивизия достигла восточной опушки леса Херентаге, оборонявшегося 3-й англ. кав. дивизией с мелкими частями английской и французской пехоты; более трудным оказалось положение 39-й дивизии, встретившей сильное сопротивление 7-й английской и французского отряда ген. Мусси в лесу севернее Клейн-Зилебеке.

II-й бав. корпус атаковал по обе стороны канала: на восточной стороне—французскую пехоту ген. Мусси, оттеснивши ее за изгиб канала, а на западной стороне—части 32-й франц. дивизии, перемешанные со 2-й англ. кав. и несколькими индийскими батальонами; в результате этих атак левый фланг II-го бав. корпуса выдвинулся на некоторое расстояние западнее Оставерна. Между тем, 6-я бав. рез. дивизия вновь штурмовала Витсшаете, сначала заняла его, но к 5 час. вечера, контр-атаками французской пехоты, была выбита из селения. Более успешно действовала в этот день 26-я герм. дивизия, окончательно овладевшая Мессином и высотами к северо-западу от этого селения и утвердившаяся на дороге, соединяющей Мессин с Витсшаете. 1-я англ. кав. дивизия, сброшенная с мессинских высот, отошла к вечеру в северные окрестности Вульвергема; ее примеру последовала и 2-я, отошедшая от Витсшаете к Кеммелю. Прочное занятие немцами Мессина и его окрестностей создало для них весьма благоприятную обстановку для новой попытки овладеть селением Витсшаете; но 6-я бав. рез. дивизия уже была непригодна для третьего штурма без значительных подкреплений. В виду этого, ген. Фабек решил отложить атаку на следующий день, чтобы успеть подвести к левому флангу баварцев 3-ю дивизию, которая уже прибыла на левый берег Лиса и сосредоточилась у Гард-Дьё.

В течение 1 ноября французское командование постепенно приводило в порядок свои войска, развернувшиеся южнее Ипра, распределяя их по своим постоянным организационным соединениям; но перемешивание частей было здесь столь значительно, что потребовалось еще несколько дней, чтобы вернуть этой массе войск ее нормальную организацию. К вечеру 1 ноября, эти войска располагались, примерно, следующим образом: от канала до Сент-Элюа—небольшой отряд 32-й дивизии (ген. Вуалемона), далее к югу—отряд 43-й дивизии (ген. Олери) и главные силы 32-й дивизии (ген. Бэвело)—до юго-западных окрестностей

Витсшаете, а еще далее—остальная часть 43-й дивизии (ген. Дюмезиля) до Крюистрата; всеми этими войсками командовал командир 16-го корпуса, ген. Таверна. Южнее войск ген. Дюмезиля должен был расположиться кав. корпус ген. Конно, 1-я дивизия которого в этот день уже подошла от Мервиля к Локру. Но до прибытия французской конницы все же необходимо было установить связь между правым флангом французской пехоты и 3-м англ. корпусом на р. Дуве, что и было выполнено частью 1-й англ. кав. дивизией, стоявшей в северных и северо-восточных окрестностях Вульвергема, а частью 2-й, прибывшей сюда от Кеммеля.

В эти дни впервые появляются в районе боевых действий вновь сформированные в Англии отдельные территориальные части различных родов войск, для боевой подготовки которых был устроен в Сент-Омере обширный учебный лагерь; каждая, прибывавшая из Англии, территориальная войсковая часть, ранее своего отправления в боевые линии, должна была пробыть некоторое время в этом лагере для усвоения различных тактических приемов, извлеченных из опыта последних боев. Несколько позже, уже по окончании фландрского сражения, английские территориальные войска прибывали на театр военных действий в составе дивизий.

Несмотря на то, что на 1 ноября всем французским войскам были даны наступательные задачи, ни группа ген. Дюбуа, вновь выделившая несколько баталионов 31-й дивизии под начальством ген. Видаля на усиление левого фланга 1-го англ. корпуса в лесу Полигон, ни левый фланг в районе Бикшооте не могли начать наступления; 38-я дивизия не могла продвинуться к Меркему, отряд ген. Митри оставался в оборонительном положении на канале, а в 9-м франц. корпусе лишь 17-я дивизия, с отрядом ген. Эли д'Уасэля, немного потеснила немцев к Поелькапеле.

Что касается боевой деятельности германцев на других участках поля сражения, то почти на всем фронте IV-й армии (кроме XXVII-го рез. корпуса) и на правом фланге VI-й в этот день происходили незначительные бои.

2 ноября, как и в течение трех предыдущих дней, боевые действия в ипрском районе велись, главным образом, на фронте группы ген. Фабека, возобновившей с утра свое наступление между Гелювельтом и Мессином. Правофланговая (30-я) дивизия XV-го корпуса атаковала Вельдхок и утвердилась в северо-восточной части леса Херентаге, остававшегося еще в руках 1-й англ. дивизии; этой атаке содействовали левофланговые части XXVII-го рез. корпуса, успешно продвигавшиеся севернее Вельдхока. Другая дивизия XV-го корпуса, попрежнему, встречала значитель-

ные затруднения при своем продвижении по лесистой местности у Клейн-Зилебеке. II-й бав. корпус с утра был задержан неприятельскими контр-атаками западнее Холебеке, хотя своим левым флангом потеснил части 43 й франц. дивизии у Капелери и занял это селение; несмотря на поддержку, прибывшую из отряда ген. Мусси, французам, все же пришлось около полудня отойти на Сент-Элюа. У Витсшаете в этот день вновь загорелась оживленная борьба: селение было атаковано 6-й бав. рез. дивизией и правофланговыми частями 3-й; после продолжительного и упорного боя с 32-й франц. дивизией, около 5 час. вечера, немцы овладели селением. Левее, 26-я герм. дивизия [1]) наступала от Мессина вдоль дороги на Вулвергем, медленно тесня перед собой английскую и французекую конницу [2]). С захватом Витсшаете и Мессина немцы приобрели возвышенный район, весьма удобный для наблюдения за местностью на большое расстояние, как в северном, так и в западном направлениях; на высотах между этими селениями, а также в самих селениях германская артиллерия имела возможность устроить отличные наблюдательные пункты, хотя и находившиеся под обстрелом неприятельских батарей, стоявших у Кеммеля.

К северу от Ипра французские войска возобновили в этот день свои попытки к наступлению: 38-я дивизия, перейдя канал у Стеенстрата и Дриграхтена, наступала очень медленно на Люигем и Меркем; в отряде ген. Митри 5 я кав. дивизия овладела Биксшооте, а 87-я территориальная продвинулась к Кортекеру. Одновременно с этим, 42-я дивизия подошла от Диксмюда к Оствлетерену, чем было достигнуто сосредоточение всего 32-го корпуса в этом районе. Группа ген. Дюбуа не могла начать наступления, главным образом, вследствие своего ослабления высылкой подкреплений англичанам [3]). К концу дня 7-я англ. дивизия, в виду сильного изнурения и больших потерь, была сменена двумя бригадами 2-го корпуса и отведена на отдых в окрестности Локра. А в ночь на 3-е в район Эльвердинге—Боезинге подошла от Байё 39-я франц. дивизия (20-го корпуса), только что подвезенная с р. Соммы из состава 2-й армии; некоторые ее части должны были усилить отряд ген. Митри, а ее главные силы—перейти на следующий день в южные окрестности Ипра, к правому флангу французских войск, у Крюисстрата.

---

[1]) Одна бригада этой дивизии была отведена в армейский резерв и заменена 11-й ландв. бригадой.

[2]) Эта конница состояла из двух кав. дивизий—1-й английской и 1-й французской; последняя подошла в этот день от Локра.

[3]) Например. в 17-й и 31-й дивизиях осталось лишь по 5 батальонов, а в 18-й—6; кроме того, потери в этих дивизиях доходили до 30%.

Уже четверо суток группа ген. Фабека вела атаку за атакой на неприятельские позиции, расположенные между шоссейной дорогой из Ипра в Мэнен и р. Дувом; уже четверо суток германцы настойчиво теснили противника и с каждым днем подходили все ближе и ближе к Ипру, угрожая захватом этого города, удержание которого в своих руках имело для союзников большое моральное значение. Ипр уже находился под сильным обстрелом германской артиллерии, направленным с нескольких сторон, и был теперь покинут, стоявшими в нем раньше, штабами и тыловыми учреждениями англо-французских войск. Положение союзников представлялось, несомненно, и тяжелым, и опасным, а успехи германцев, казалось должны были привести вскоре к достижению решительной победы. Тем не менее, эта победа, несмотря на все затраченные усилия и на все понесенные жертвы, еще не была достигнута, и невозможно было сказать, будет ли она, вообще, достигнута с имеющимися силами и при сложившейся обстановке. Германские дивизии брали штурмом высоты, селения и рощи, то в одном, то в другом месте прорывали боевые линии противника, но на неприятельской стороне появлялись новые силы, которые бросались в контр-атаки, кое-где вновь овладевали утраченными позициями и везде закрывали собой произведенные атакующим прорывы. И после четырехдневных неудач и отступлений, враг, попрежнему, стоял сплошным фронтом, упорный и неустрашимый, вновь пытавшийся перейти к активным действиям, снова стремившийся восстановить свое положение на важнейших участках поля сражения. Кроме того, постепенно все яснее обозначалось неблагоприятное для германских наступательных планов явление, а именно зарождение и развитие, то на одном, то на другом участке ипрского фронта, сильных укрепленных позиций. В то время, когда обе стороны с такой энергией и настойчивостью оспаривали друг у друга каждый клочек земли в окрестностях Ипра, со дня на день укреплялись те позиции, на которых располагались противники. Таким образом, постепенно нарождалась позиционная война, перемешивая свои формы и приемы ведения боевых действий с элементами еще не угасшей маневренной войны. Обе стороны еще искали решения в широком столкновении своих крупных масс, но укрепленные позиции уже начинали стеснять подвижность последних, уже ограничивали маневренный замысел и наступавшего, и оборонявшегося.

Ослабление германского натиска у Ипра.

Со 2 ноября наступательная энергия германских войск заметно ослабевала; все указывало на истощение живой силы, на необходимость свежих подкреплений, на неизбежность

перерыва в боевых действиях. 3 ноября германское главное командование пришло к убеждению, что группа ген. Фабека недостаточно сильна, для того чтобы выполнить данную ей задачу и нанести противнику решительное поражение. В виду этого, было решено усилить ее новыми частями, которые должны были прибыть из других армий: из I-й армии были назначены 4-я дивизия и управление II-го корпуса, из II-й—сводная гвард. дивизия с управлением гвардейского корпуса, из VI-й – управление XXIV-го рез. корпуса и 25-я рез. дивизия, при чем последняя должна была образовать сводный корпус с 6-й бав. рез.; кроме того, XV-му корпусу была придана бав. кав., а II-му бав.—2-я кав. дивизия. Все эти переброски и перегруппировки предположено было закончить к 10 ноября, а пока было решено укрепляться в занятом войсками расположении, вести частичные наступления для улучшения своего тактического положения и отражать неприятелькие атаки.

Французское главное командование, с своей стороны, считало уже в это время, что наступление немцев во Фландрии окончательно потерпело неудачу. Ген. Жоффр, между прочим, писал 5 ноября ген. Фошу: „Операции, предпринятые под Вашим руководством, совершенно расстроили маневр противника и остановили неприятельское наступление к Ипру...“ Тем не менее, несмотря на это и на утомление английских и французских войск, ген. Фош все же полагал, что невозможно оставлять выступное расположение союзников у Ипра в том виде, в котором оно находилось и в котором оно постоянно подвергалось опасности охватывающего маневра германцев с севера и с юга, и что необходимо стремиться к выдвижению обоих флангов; а потому, он решил продолжать наступательные действия 32-м корпусом и отрядом ген. Митри в районе Биксшооте, а 16-м корпусом и конницей Конно—в южных окрестностях Ипра.

Таковы были предположения и намерения сторон в первых числах ноября, почти накануне новой попытки германцев нанести решительный удар англо-французским войскам.

Между тем, на всем протяжении ипрского фронта, с 3-го по 9 ноября, боевые действия, то разгораясь, то затихая, продолжались изо-дня в день. На левом фланге союзников, несмотря на призывы ген. д'Юрбаля к активным действиям, ни 32-й корпус, ни группа ген. Митри не могли потеснить неприятеля; наоборот, находившиеся перед ними германские части XXIII-го рез. корпуса 4 ноября легко овладели селением Биксшооте. В группе ген. Дюбуа лишь отряду Эли д'Уасэля удалось 3 ноября немного продвинуться у Поелькапеле. Трудность продвижения для французов в этом районе может быть объяснена прибытием сюда

3 ноября с изерского участка III-го герм. рез. корпуса (с приданной ему 44-й рез. д.), который получил задачу наступать по обе стороны Лангемарка на линию Хет-Сас—Сен-Жюльен. На участке 1-го англ. корпуса, у Клейн-Зилебеке, отряд ген. Мусси был атакован 6 ноября 39-й герм. дивизией и потеснен, но затем контр-атаками отчасти восстановил свое положение; 8 ноября 54-я герм. рез. дивизия вела горячий бой с англичанами у Вельдхока. К югу от Ипра несколько раз возобновлялись бои у Витсшаете, а 9 ноября части II го бав. корпуса атаковали и заняли высоты у Сент-Элюа, оставивши самое селение в руках французов. На участке кав. корпуса Конно постепенно подходили его дивизии, располагаясь в районе Крюис-страт— Мессин; то одна, то две из них, попеременно, оставались на позициях, а затем отходили к Дранутру и Локру. У германцев, 4 ноября, I-й кав. корпус был сменен на р. Дуве II-м кав. (3-я и 7-я кав. д. д.); одновременно с этим, началась постепенная переброска германской конницы то на восточный фронт, то в другие районы французского фронта. К французам в эти дни продолжали прибывать подкрепления: 3 ноября в районе Байё—Хазебрук началась высадка из поездов 11-й дивизии (20 го корпуса), прибывавшей с реки Соммы из 2-й армии; на следующий день эта дивизия собралась у Поперинга, 7-го перешла к Эльвердинге, а 8-го—к Вормезееле и Сент-Элюа, где приняла участие, вместе с войсками 16-го корпуса, в отражении местных атак.

В начале ноября во Фландрии наступила пора, крайне неблагоприятная для ведения боевых действий: пошли дожди, стояли густые туманы, почва, и без того сильно насыщенная влагой, превратилась в сплошное болото, по которому трудно было передвигаться, а еще труднее—рыть в нем окопы; в довершение всех затруднений, от климатических и боевых невзгод сильно возросла болезненность в войсках у обоих противников. Вся эта неприглядная и тяжелая обстановка, в которой приходилось изо-дня в день вести бои и совершать передвижения вдоль фронта, естественно, не располагала войска к проявлению активности и маневренности и все более и более склоняла обе стороны к решению прочно закрепиться в своем расположении и оборудовать занимаемые позиции для пребывания на них до наступления весны. Однако, противники не сразу решились на прекращение боевых действий и, как увидим ниже, в течение нескольких ближайших дней еще пытались, привлечением в свои боевые линии новых сил и возобновлением энергичного наступления, найти, наконец, желательное для себя решение тех оперативных вопросов, которые все еще стояли перед ними.

Последняя попытка германцев прорвать боевые линии противника.

К 10 ноября германские войска, предназначенные для новой попытки прорвать неприятельские линии к востоку и юго-востоку от Ипра, образовали две ударные группы: правую, ген. Линсингена (командира II-го корпуса), из двух корпусов—сводного (4-я и сводная гвард. д. д.), развернувшегося вдоль дороги Ипр—Мэнен, и XV-го, занявшего участок далее к югу, до канала; и левую, ген. Фабека, из II-го бав. и двух сводных корпусов, находившихся, попрежнему, между каналом и р. Дувом [1]). Одновременно с атаками этих обеих групп должны были атаковать и все корпуса IV-й герм. армии.

Атаки немцев начались в тот же день с 7 час. утра. XXIII-й рез. корпус наступал на участок между Нордшоотеи Хет-Сасом и к вечеру отбросил здесь французов за канал; бригада 45-й рез. дивизии и небольшие части 46-й переправились через канал у Дригрхтена и распространились по другому берегу, тесня перед собой 38-ю франц. дивизию. Но подъем воды в канале, явившийся результатом наводнения на Изере, остановил здесь дальнейшие успехи германцев В III-м рез. корпусе 44-я рез. дивизия атаковала в направлении на Хет-Сас и потеснила отряд ген. Митри от Кортекера к каналу, где, у Стеенстрата и Хет-Саса, отходившие французские войска были поддержаны 42-й дивизией; обе другие дивизии III-го рез. корпуса пытались наступать вдоль железной дороги, ведущей от Стадена на Лангемарк, но продвинуться не могли. Столь же неудачно наступали и XXVI-й, и XXVII-й рез. корпуса между Поелькапеле и лесом Полигон, не будучи в силах овладеть неприятельскими укрепленными позициями. Что же касается ударных групп ген. Линсингена и ген. Фабека, то частью вследствие их неготовности к наступлению, а частью в виду затянувшейся артиллерийской подготовки и запоздалых приказаний для атаки, было решено отложить наступление до следующего дня.

11 ноября, в группе ген. Линсингена, сводно-гвардейская дивизия, после $2^1/_2$ час. артиллерийской подготовки, около 10 час. утра повела атаку на участок английских позиций между южной опушкой леса Полигон и южной оконечностью леса Херентаге; после упорного, преимущественно лесного боя, она достигла к вечеру западной окраины первого из этих лесов, захвативши также и восточную половину другого. Находившиеся здесь войска 1-й и 2-й англ. дивизий были отброшены к западу с большими потерями. Левее прусской гвардии, 4-я дивизия с трудом

[1]) Сводные корпуса состояли: один—из 6-й бав. рез. и 25-й рез. дивизий, а другой—из 3-й и 26-й.

продвигалась в южной части леса Херентаге, а XV-й корпус, овладевши лесным пространством у Клейн- Зилебеке, наступал на Фербранден-Молен, но юго-восточнее этой деревни был остановлен контр-атаками французских войск ген. Мусси. По другую сторону канала, II-й бав. корпус слегка выдвинулся за Холебеке, а 6-я бав. рез. и 25-я рез. дивизии потеснили противника севернее Витсшаете. Но далее к югу германские войска не достигли в этот день никакого успеха. Корпуса же IV-й герм. армиии не вели в это время боев, оставаясь на месте перед укрепленными позициями противника. Следовательно, 10 ноября, когда эта армия атаковала, обе германские ударные группы бездействовали, когда же 11-го последние перешли в наступление, то стояли без дела корпуса IV-й армии. Конечно, такая несогласованность в действиях германских войск должна была повлиять неблагоприятно на выполнение той задачи, которая была дана им, и преимущественно этим обстоятельством и следует объяснить неудачу этого нового наступления.

Однако, успешное продвижение немцев севернее Ипра, в районе Биксшооте, сильно встревожило ген. Фоша, приказавшего 11-й дивизии вернуться к Эльвердинге и поступить в распоряжение командира 32-го корпуса[1]). Тем не менее к ночи с 11-го на 12 ноября обе стороны приходят к сознанию, что борьба во Фландрии уже не может им дать желательного решения и что необходимо перейти к обороне, т.-е. к той именно позиционной борьбе, которой они так хотели избегнуть своим упорством и крайним напряжением своих физических и моральных сил. Но лишь спустя несколько дней после этого, главное командование обеих сторон решилось дать своим войскам приказание прекратить боевые действия и приступить к закреплению своего положения: французское—15-го, а германское—17 ноября. Пока же бои продолжались, бои без определенного оперативного плана, мало оживленные, с ничтожными тактическими результатами. Конница, уже ненужная обоим противникам, постепенно уводилась из района боевых операций[2]).

---

[1]) Необходимо отметить, что французское командование, повидимому, вообще опасалось прорыва германцев в этом направлении, на что указывает то обстоятельство, что все прибывавшие в район Ипра французские подкрепления раньше всего направлялись к Эльвердинге и Боезинге, откуда уже в дальнейшем они перебрасывались на другие участки ипрского фронта; но почти каждая прибывавшая дивизия оставляла здесь небольшую часть своих сил.

[2]) Французский кав. корпус ген. Конно был сменен 12 ноября английской конницей и собрался в ближайшем тылу у Ренингсхельста; одна из его дивизий (10-я) отправлена 15-го в Эльзас, а вместо нее в состав корпуса включена 9-я. В дальнейшем, эта конница назначается мелкими частями на различные участки 8-й и 10-й франц. армий. Кав. корпус ген. Митри между 16-м и 18 ноября был отведен

С 12 ноября к союзникам стали прибывать последние подкрепления: к французам—26-я дивизия (13-го корпуса) из 2-й армии, включенная сначала в 32-й корпус, а 15-го переданная в группу ген. Дюбуа, которая протянула теперь свой правый фланг до южной опушки леса Полигон; к англичанам начали прибывать из Англии первые части только что сформированной 8-й пех. дивизии. Но этим подкреплениям уже не пришлось принять участия в великой битве во Фландрии.

Прекращение боевых действий у Ипра.

15 ноября французские войска группы ген. Дюбуа начали сменять 1-й англ. корпус, назначенный в тыл для отдыха и пополнений; эта смена была закончена лишь к 21 ноября, когда корпус сосредоточился у Локра. В эти же дни войска 2-го англ. корпуса, разбросанные мелкими частями на различных участках ипрского фронта, были возвращены в общий резерв и стянуты в свой корпусный район, у Байё [1]). У германцев с 20 ноября началась переброска войск из VI-й армии на русский фронт, где в это время была в полном разгаре сложная операция, предпринятая немцами на левом берегу Вислы (так назыв. лодзинская).

Этими перегруппировками и закончилось сражение у Ипра. Боевые столкновения на позициях постепенно затихали, гул артиллерийской стрельбы все реже и реже был слышен в холодном, сыром воздухе фландрских равнин, но за-то все шире разростались с обеих сторон укрепления и все гуще оплетались они колючей проволокой. И после

на отдых в район Вормхуда, а его позиции были заняты частью войсками 32-го корпуса (до Кортекера), а частью небольшими отрядами 20-го (от Кортекера до Поелькапеле). У немцев, 7-я кав. дивизия переброшена 14 ноября в Лотарингию, а гвард., 3-я и бав. переданы в распоряжение генерал-губернатора Бельгии.

[1]) Последние дни сражения у Ипра ознаменовались для английской армии печальным и драматическим эпизодом. 11 ноября в расположение английских войск под Ипром прибыл из Англии престарелый фельдм. Робертс, герой афганских войн и англо-бурской войны. Проведя среди войск трое суток, в течение которых он успел посетить почти все английские и индийские части, он скоропостижно скончался 14 ноября, вернувшись из поездки на передовые позиции. Эта неожиданная смерть любимого войсками и прославленного полководца вызвала глубокое сожаление и искреннюю печаль не только в английских и индийских войсках, но и в союзных армиях. Какая. в самом деле, красивая смерть для старого воина, всего себя отдавшего военному делу и неоднократно подвергавшего свою жизнь смертельной опасности на полях сражений! Казалось, что маститый фельмаршал, как будто предчувствуя свою близкую кончину, прибыл во Фландрию, чтобы провести здесь последние дни своей жизни и испустить дух среди родных ему войск, в обстановке военного лагеря, под шум и грохот ожесточенных боев.

целого месяца ожесточенных боев, атак и контр-атак, после продолжительного периода боевых тревог и лишений, по всему протяжению ипрского фронта наступило, наконец, затишье; но это была не мирная тишина, а вынужденная тишина истощения, под покровом которой оба противника залечивали свои раны, накопляли у себя новые силы, выковывали новое оружие для продолжения борьбы.

5. Разбор и оценка сражения во Фландрии.

Из сказанного мною о событиях, развернувшихся во Фландрии в течение октября и ноября, мы можем притти к заключению, что германцы не достигли в этом грандиозном сражении поставленной себе цели, и что обе стороны к окончанию боевых действий оказались почти в том же взаимном положении, в котором они находились перед сражением. Оправдали ли себя при этих условиях те великие напряжения и те огромные жертвы, которые были затрачены сражавшимися для достижения поставленных себе целей? Мы видели, что активная роль в этой упорной борьбе на равнинах Фландрии принадлежала германцам, роль же союзных армий в этих боевых операциях являлась безусловно оборонительной; союзники должны были стать на путях германского наступления, они должны были остановить могучий натиск противника, направленный к морскому побережью. Как известно, они успели преградить врагу доступ к морскому берегу, они остановили его наступление; союзные армии не были разгромлены, бельгийцы не были разобщены от англо-французов, Дюнкерк и Кале были спасены. Чем же объясняется столь неудачный результат этого сражения для немцев, несмотря на те значительные силы, которые они ввели в дело, невзирая на всю энергию, обнаруженную ими в этих боях и явное боевое превосходство их над противником?

Действия германцев. Раньше всего, неудачу германцев во Фландрии следует поставить в связь с неискусной стратегической подготовкой ими этого сражения. Идея наступления к морскому побережью едва ли явилась случайной в ряду оперативных замыслов германского генерального штаба и, по всей вероятности, она зародилась вскоре же после отступления немцев от Марны, когда стало ясно, что их первоначальный стратегический план уничтожения союзных армий в районе восточных крепостей Франции потерпел крушение и что теперь необходимо поставить германским армиям какую-нибудь новую значительную цель, стремление к которой могло бы вернуть им стратегическую инициативу и создать для них более выгодную обстановку.

Следовательно, ничто, повидимому, не препятствовало немцам согласовать свои действия во Фландрии с действиями их осадной армии под Антверпеном, тем более, что новые резервные корпуса, предназначенные для этих операций, уже были сформированы и находились в боевой готовности еще до падения этой крепости. Между тем, развертывание этих войск на р. Шельде было закончено на несколько дней позже сдачи Антверпена, вследствие чего немцы не только не имели возможности отрезать бельгийцам путь отступления к Изеру и одним широким маневром захватить всю их армию между крепостью и Гентом, но даже не могли организовать преследования этой армии, с тем, чтобы, не давая ей времени на остановку и укрепление на Изере, на плечах противника пробиться к французскому побережью.

Несогласованность действий двух германских армейских групп, оперировавших между Антверпеном и французско-бельгийской границей, спасла бельгийскую армию, дала англо-французам время для переброски во Фландрию крупных войсковых масс, а в результате всего этого—способствовала образованию укрепленного фландрского фронта союзников. Правда, на защиту этого фронта стали боевые силы мало спло́ченные и характера разнообразного,—войска трех государств, трех различных армий, не похожих одна на другую ни своей боевой подготовкой, ни своим воинским духом, ни своей боевой доктриной, слабо связанных общим командованием; но зато все они сражались теперь в обстановке, вызывавшей в них небывалое воодушевление, которое скрепляло их союзные отношения прочнее всяких внешних связей, которое спаяло их стремления, их боевые порывы в одно могучее напряжение массовой воли, которое объединило их в одном бесповоротном решении добиться победы. В этих боях на фландрских равнинах бельгийцы сражались за последний клочок родной земли, бесконечно дорогой для них в эти дни тяжких боевых испытаний; англичане—за безопасность своих сообщений с отечеством, столь необходимую для продолжения этой борьбы; наконец, французы—за существование своих слабых союзников, за целость коалиции, которой еще ни разу не угрожала опасность более значительная, более чреватая последствиями для дальнейшего хода войны.

Итак, ошибка, допущенная немцами в стратегическом развертывании во Фландрии, тяжко отозвалась на исходе многодневной борьбы, веденной ими с такой энергией на Изере, под Ипром и на Лисе. Ошибки стратегии часто бывают непоправимы на полях сражений, и фландрская неудача германцев служит тому наглядным примером: несмотря на множество тактических успехов в отдельных боевых столкновениях, все же общий результат этих победоносных

боев, равнодействующая этих частных боевых удач не доставили им победы. Так могущественно, так неотразимо было влияние тех общих оперативных условий, которые тяготели над каждым частным явлением этой величественной военной эпопеи, над каждым частным усилием обеих сторон, сражавшихся здесь за важнейшие цели этой великой войны.

Но не только плоха была стратегическая подготовка германского наступления во Фландрии, неудовлетворительна была и самая организация немцами этого сражения.

Общее количество германских войск, принявших участие во фландрском сражении, считая фронт последнего от моря до Ла-Бассэ, составляет 30 пехотных и 8 кавалерийских дивизий; союзники имели в этом сражении 29 пехотных и 12 кавалерийских дивизий. Следовательно, силы сторон к концу сражения были, в общем, одинаковы у противников; но если принять во внимание, что немцы значительно превосходили союзников тяжелой артиллерией, то, при высокой боеспособности германских войск, тактическом их искусстве в маневрировании и необыкновенном воодушевлении, которым были охвачены только что прибывшие из Германии, вновь сформированные резервные корпуса, это должно было привести их к некоторым преимуществам в боевом отношении; однако, при непременном соблюдении двух необходимых условий: введении всех этих сил в дело одновременно с началом сражения и сосредоточения главной их массы на важнейшем направлении, с целью приобретения здесь решительного превосходства над неприятелем. Между тем, ни одно из этих условий не было выполнено немцами.

Подсчитанные нами только что силы были сосредоточены ими в три приема: к 20-му и 30 октября и к 10 ноября, почему те войска, которые подходили во время сражения, в большинстве случаев лишь сменяли находившиеся здесь раньше части, уже утомленные боями и понесшие большие потери, а не усиливали их, как это могло бы быть если бы они были переброшены сюда к началу операции. Это тем более странно, что в то время, когда на Изере и у Ипра обе стороны развертывали свои армии, на южных участках фронта повсеместно стояло боевое затишье; и нигде, от Арраса до швейцарской границы, ни та, ни другая сторона не делала никаких приготовлений к каким-либо активным операциям. Поэтому, ничто не препятствовало германскому главному командованию направить во Фландрию более крупные силы, с тем, чтобы сразу же, в первых же боевых столкновениях, приобрести подавляющее превосходство над противником и добиться поставленных себе целей в короткий срок.

В этом неудачном сосредоточении и развертывании германских сил во Фландрии сказались: недостаток решительности в выполнении широко задуманного стратегического плана и переоценка германским командованием боеспособности своих войск; не решаясь ослабить свой фронт южнее Арраса, из опасения неприятельского наступления, немцы рассчитывали, что бодрая, свежая, горевшая желанием победы добровольческая армия герцога вюртембергского будет в состоянии одолеть сопротивление разнородной, несплоченной, лишенной общего управления, массы союзных войск, стоявшей перед ними от моря до р. Лиса. Но они ошиблись: эта армия оказалась более пригодной для короткого удара, чем для продолжительной операции с ее длительным боевым напряжением. Кроме того, немцы слишком низко оценивали боевые качества союзных армий и оперативное искусство союзных генералов. Повидимому, одной Марны еще было недостаточно, чтобы заставить их судить и о том, и о другом более правильно и беспристрастно.

В районе фландрских операций, соответственно важнейшим для немцев предметам действий, физическим особенностям местности и положению различных участков района в отношении конечной оперативной цели германцев (морского побережья у Дюнкерка—Кале), следует различать три операционных направления: от Брюгге к р. Изеру, от Тьельта—Куртрэ к Ипру и от Лилля вверх по р. Лису. Первое из них, хотя и являлось кратчайшим на пути к достижению конечной цели операции, но оно пролегало по местности, весьма затруднительной для ведения наступательных действий, а с того дня, когда на Изере бельгийцы устроили новоднение, это направление потеряло всякое оперативное значение. Направление южнее р. Лиса шло по местности удобной для ведения боевых действий, но оно вело кружным путем к побережью у Кале и Дюнкерка, и к тому же войска, наступавшие в этом направлении, в случае своего выдвижения к Бетюну и западнее, могли бы подвергнуться атаке во фланг со стороны крупных неприятельских сил, сосредоточенных на линии Ла-Бассэ—Аррас и не занятых в то время боями с находившимися перед ними германскими корпусами. Наконец, направление, ведущее через Ипр, было и достаточно коротким (немного длиннее изерского), и проходившим по местности, пригодной для передвижения крупных войсковых масс и для ведения ими боевых действий; вместе с тем, прорыв атакующего в этом направлении в известной мере обеспечивался с флангов наступлением немцев на соседних участках, на Изере и на Лисе. Следовательно, в данных условиях важнейшим операционным направлением являлось ипрское.

Однако, ни к началу боев, ни к окончанию их, немцы не имели на этом направлении превосходства в силах и увеличивали здесь численность своих войск параллельно с усилением неприятельских, временами даже уступая в этом отношении противнику; тогда как к югу от р. Лиса, где союзники имели сравнительно небольшие силы и где ни разу боевые действия не достигали значительных размеров, германские войска не только не уступали в числе неприятелю, но в большинстве случаев превосходили их.

Конечно, невозможно придавать численному превосходству безусловное значение в боевых действиях и успех или неудачу в боях ставить в исключительную зависимость от него, но нельзя отрицать и того, что число—первостепенный боевой фактор, особенно в таких боевых операциях полупозиционного характера, каковыми были бои во Фландрии, где часто исход атаки зависел от массового натиска атакующих войск, производившегося на узком фронте и завершавшегося рукопашными схватками. Следует иметь в виду, что фландрские бои изобилуют последними, а вместе с тем отличаются огромными потерями атакующего, что, естественно, требовало для продолжения и развития боя большой численности войск [1]). Повидимому, в некоторых случаях у немцев нехватало живой силы для возобновления своих неудачных атак, особенно на важнейшем, ипрском участке поля сражения. И потому-то германское наступление замирает здесь без всякой видимой причины, без какой-либо крупной тактической неудачи: оно просто выдыхается и истощается, оно останавливается, бессильное физически и морально [2]).

Мне кажется, что изложенные мною ошибки германского командования во Фландрии—плохая стратегическая подго-

---

[1]) К сожалению, до сих пор ни одной из сторон еще не опубликованы систематические сведения о потерях, понесенных войсками в боях 1914 г.; из отрывочных же данных по этому вопросу, встречающихся в литературе, конечно, нет возможности сделать каких-либо правильных сопоставлений и сравнений.

[2]) Ген. Фалькенгайн в своем труде „Die Oberste Heeresleitung 1914—1916“, недостаточно ясно мотивирует свое решение прекратить наступательную операцию во Фландрии, как бы замалчивая неудачу германских войск в ипрском районе. Он говорит, что с начала ноября для верховного командования было очевидно, что в районе наводнения, при беспрерывно усиливавшемся противнике, уже невозможно было добиться решающего успеха. Но, ведь, главная масса германских войск, направленных во Фландрию, сражалась не в районе наводнения, а в районе Ипра, где, повидимому, и наносился германцами главный удар. Почему же немцы не довели этого дела до конца? Почему те силы, которые были сосредоточены в последующие дни на русском фронте, не могли быть использованы во Фландрии? На эти вопросы мы не находим ответа в труде ген. Фалькенгайна.

товка наступления и неправильная организация самого сражения—в достаточной мере выясняют нам причины тех неудач, которые постигли немцев в октябрьских и ноябрьских боях.

Действия союзников. Относительно боевой деятельности союзников в этом сражении необходимо сказать следующее. Наступательные стремления французского командования, как я уже говорил раньше, имели исключительно моральное значение, потому что при условии захвата немцами с первого же дня инициативы действий и отсутствии объединенного командования союзными войсками, широкое, стратегическое наступление последних являлось невозможным. Но за то стратегическая оборона, временами весьма деятельная и активная, велась союзниками и искусно, и целесообразно. Успешному ведению этих активно-оборонительных действий способствовали, главным образом, три обстоятельства: непрерывный, систематический приток, преимущественно в ипрский район, французских подкреплений из других районов театра военных действий, необычайная отзывчивость французских начальников к возникавшим в боевых линиях потребностям в поддержке, и упорство в обороне, проявленное не только французскими, но и английскими войсками в этих многочисленных, кровопролитных боях.

Из частных особенностей этого сражения обращает на себя внимание участие в нем весьма крупных кавалерийских масс; по своей абсолютной численности эти массы не уступают даже конным массам, находившимся на поле сражения на Марне, но относительной же—они значительно их превышают. Эта многочисленная кавалерия проявила свою деятельность, главным образом, в первый, подготовительный период сражения, когда силы обеих сторон еще не окончили своего развертывания и когда крупные конные отряды имели еще перед собой широкое поле для действия. Особенно деятельна была французская конница, прикрывавшая сначала у Ипра развертывание 1-го англ. и 9-го франц. корпусов, а затем—промежуток между изерской и ипрской группами союзных войск. В последующий период сражения, вследствие установления сплошного фронта и создания союзниками укрепленных позиций, конница обеих сторон уже не имела возможности выполнять какие-либо кавалерийские задачи, а несла боевую службу преимущественно в спешенном строю в общей боевой линии.

Сражение во Фландрии представляет собой последнее боевое столкновение этой войны на французском фронте, разыгравшееся в условиях маневренной обстановки; оно замкнуло непрерывную цепь укрепленных позиций, опоя-

савшую Францию на протяжении 700 кил.; оно прочно закрепило у морского побережья северную оконечность этой неодолимой цепи окопов, опутанных проволокой. И обе стороны стояли теперь одна перед другой повсеместно ослабленные, потерявшие надежду на скорое осуществление своих стратегических планов, как бы в молчаливом соглашении дать друг другу передышку для того, чтобы осмотреться в новых, столь необычных условиях позиционной войны. Обоим противникам эта передышка была необходима, особенно же нужна она была германцам, воевавшим на два фронта и предпринявшим в это время наступление крупными силами в Польше. Когда на Западе шум боев уже замирал с последними усилиями сражавшихся, на Востоке маневренная война еще была в полном разгаре, она еще не истощила здесь обеих сторон, она еще ставила их армиям широкие стратегические задачи. Но на западе Европы она уже угасла на продолжительное время; с последним выстрелом фландрского сражения закончился первый, маневренный период борьбы на французском фронте и начался второй, позиционный, бесконечно длительный, безотрадно-однообразный, как бесконечно длинна и однообразна была эта двойная линия окопов, сковавшая подвижность и наступательную энергию обоих противников.

X. Заключение.

Общий взгляд на кампанию 1914 года.

Всякая война зарождается и протекает при известной совокупности политических и экономических условий, определяющих собой для обеих сторон постановку целей и характер вооруженной борьбы. И чем сложнее и продолжительнее последняя, тем сложнее и политико-экономическая обстановка и тем сильнее воздействие ее факторов на ход войны и на ее достижения. Мировая война 1914—18 г.г., взятая в целом, вследствие большого числа участвовавших в ней держав, ее длительности и огромных размеров охваченной ею территории в нескольких странах света, протекала при необычайно сложном сочетании политических и экономических условий, которые не только вызывали изменения в общих приемах ведения вооруженной борьбы, но и непосредственно влияли на боевые операции. Старое положение, что с началом военных действий политика прекращает свою деятельность и уступает место стратегии, вообще говоря, уже не соответствует условиям ведения войны в настоящее время; теперь борьбу ведет все государство, с напряжением всех своих экономических и финансовых средств, с которыми стратегия, по необходимости, должна сообразоваться, как при составлении очередных оперативных задач, так и при постановке конечных военных целей. Однако, эти соображения приложимы лишь в весьма малой степени к кампании 1914 года, представляющей собой первоначальный и весьма непродолжительный период мировой войны, как бы первый этап в развитии ее сложных явлений, когда политическим и экономическим факторам принадлежало лишь минимальное значение.

Кампания 1914 года почти вся прошла при твердой уверенности воевавших сторон, что война будет кратковременна и что поэтому цель, поставленная себе каждой из них, будет достигнута при тех же политических и экономических предпосылках, при которых эта война подготовлялась и началась. Ни одна из сторон, вступая в эту кампанию, не предполагала ни привлечения к этой борьбе новых участников, ни расширения сухопутного театра военных действий за пределами Европы, ни использования для войны всех сил и средств своего государства. Обе стороны полагали, что войну будут вести только те воору-

женные массы, которые выйдут в поле к началу военных действий, и что окажется возможным ограничиться и теми живыми силами, и тем снабжением, которые получены при мобилизации, а сами воюющие государства проживут своими собственными средствами. И в самом деле, быстрота и энергия первых боевых операций и первоначальные успехи германцев, как-будто бы, подтверждали справедливость этих предположений; воевали только полевые армии, и, повидимому, сторона, побеждавшая в сражениях, имела все шансы на достижение конечной цели войны теми силами и средствами, с которыми она вышла на театр военных действий. Могли ли при этих условиях чем-либо проявить себя какие-нибудь политические и экономические факторы и осуществить свое вмешательство в ведение борьбы? И политика, и экономика, при сложившихся условиях, должны были, уступив место стратегии, временно отойти в сторону в качестве наблюдателей тех военных событий, которые, подобно налетевшему вихрю, проносились одно за другим с необычайной стремительностью через Бельгию и северную Францию. Война в этом виде напоминала схватку вышедших на арену борцов, окруженных толпой зрителей, которые не вмешиваются в завязавшуюся борьбу и предоставляют противников своим собственным силам. И хотя к концу кампании 1914 г. взгляды воевавших сторон на характер происходившей борьбы начали постепенно меняться, и достижение целей войны первоначально развернутыми силами и средствами казалось уже невыполнимым, тем не менее, вследствие краткости этой кампании, эти новые взгляды не могли оказать заметного влияния на ход ее операций. А потому и те политические и экономические факторы, которые были тесно связаны с этими взглядами, не успели проявить себя в сколько-нибудь значительной степени.

Уже вскоре после сражения на Марне, Германия пришла к убеждению, что, для достижения скорейшего успеха в борьбе с Тройственным Согласием, необходимо привлечь на свою сторону еще одного союзника, и поэтому вошла в переговоры с Турцией о выступлении последней на стороне центральных держав. В октябре 1914 г. Турция, как известно, вступила в ряды воевавших. Привлечение на свою сторону этой державы имело для Германии весьма существенное значение: с одной стороны, оно отвлекало от важнейших европейских оперативных районов крупные массы русских и английских войск, которые нужны были для борьбы с турками в Закавказьи и в Египте; а с другой стороны, Турция могла послужить для центральных держав источником для снабжения их продовольственными запасами, а также разнообразным сырьем для промышленности.

Военные действия первого периода кампании (до Марны включительно) вызвали у обеих сторон столь сильное истощение боевого снабжения, что, начиная с конца сентября, оба противника начали принимать спешные меры для пополнения понесенного ими расхода в оружии и огнестрельных припасах. А так как наличных запасов для этого не имелось, и производительность государственных заводов оказалась недостаточной для удовлетворения возникших потребностей, то воевавшие приступили к так называемой мобилизации промышленности, т.-е. к приспособлению всего своего производства для изготовления предметов военного снаряжения [1]).

Затяжка войны, очевидная уже к середине сентября, привела также к необходимости новых обширных формирований и к привлечению на фронт новых категорий военнообязанных, а следовательно, и повлекла за собой участие в вооруженной борьбе более значительных масс населения, с отвлечением их от производительного труда со всеми проистекавшими из этого экономическими последствиями.

Эти новые политические и экономические условия, вызванные к жизни лишь в октябре 1914 г., естественно, требовали довольно продолжительного времени для своего полного выявления и для воздействия на стратегические решения сторон. Использовать Турцию в экономическом отношении удалось немцам лишь значительно позже, в 1915 году, когда выступление Болгарии на стороне центральных держав и разгром Сербии дали возможность установить прочную связь между союзниками и приблизить естественные богатства Балканского полуострова и Малой Азии к важнейшим промышленным районам Германии. Выполнение обеими сторонами новых формирований крупного масштаба (особенно создание Англией новой армии) было впервые произведено тоже не ранее лета 1915 года. Наконец, изготовление новых запасов оружия и других видов боевого снабжения в количестве, отвечавшем потребностям новых условий ведения войны, было налажено еще в более поздний период времени.

Ноябрьские бои у Ипра завершили собой целый круг боевых явлений, совершенно непохожих на те, из которых слагалась боевая деятельность сторон в последующие годы. Позиционная война, сменившая собой после фландрского сражения войну маневренную, отличалась от последней не только по своим внешним приемам, но и по характеру своих задач и по значению тех целей, к которым стремились обе стороны. Германцы временно отказались от насту-

[1]) В дальнейшем, при изложении мною сведений о боевом снабжении, я остановлюсь несколько подробнее на мобилизации промышленности в конце 1914 года.

нательных намерений на французском фронте и приняли решение предварительно разгромить Россию, направивши на нее новые крупные силы. Таким образом, они совершенно изменили к этому времени свой первоначальный стратегический план, заключавшийся, как известно, в том, чтобы в первую очередь разбить Францию и только после этого броситься на Россию. Это столь резкое изменение основного положения, на котором был построен германцами весь план войны, ставило их армиям новые оперативные задачи и новые стратегические цели. Естественно, что с того момента, когда эти задачи и эти цели были поставлены перед войсками воевавших сторон, их боевые операции должны составить предмет особого исследования.

Излагая в обоих томах своего сочинения фактическую сторону событий, я попутно давал последним и оценку в тактическом и стратегическом отношениях, стараясь выяснить их внутренний смысл, их взаимную между собою связь, их значение в общем ходе боевых действий и влияние на конечные результаты последних. А потому в настоящей главе уже нет надобности говорить об этом. Теперь же я хочу коснуться некоторых общих вопросов современного военного искусства и рассмотреть их на фоне боевых явлений кампании 1914 года, с целью отметить в последних те характерные черты, которые оказываются общими для различных стратегических и тактических приемов маневренной войны на западе и которые, вследствие этого, или подтверждают неизменность тех или других принципиальных положений военного искусства, или вносят в них какие-нибудь существенные изменения.

Может ли кампания 1914 года дать какие-либо ценные поучения для настоящего времени? Не умаляют ли значение ее боевого опыта четыре года последующей позиционной войны с ее своеобразными приемами ведения боя и быстрым развитием военной техники всевозможных видов? На первый из этих вопросов я отвечаю утвердительно, а на второй — отрицательно. В дальнейшем изложении этой главы, при объяснении происхождения позиционной борьбы и ее отношения к маневренной, я постараюсь доказать читателю, что последняя вовсе не представляет собой отжившей формы боевых операций и что нет никаких оснований предполагать, что будущая война обязательно будет иметь позиционный характер. При таких условиях, опыт боевых действий 1914 года, хотя бы и заслоненный более близкими к нашему времени явлениями позиционной войны, все же представляется весьма ценным для нас. Ведь даже те немногие годы, которые отделяют нас от мировой войны, уже в значительной степени подтверждают справедливость этих соображений, потому что все войны, происходившие за это

время (наша гражданская, советско-польская и греко-турецкая) имели исключительно маневренный характер, и ни в одной из них не нашел себе применения этот однообразный, шаблонный, застывший в определенных формах, тяжеловесный, как и борьба породившая его, опыт позиционной войны.

Боевые явления кампании 1914 года потому-то и представляются нам высокопоучительными и волнующими нас, потому-то они и имеют неувядающий интерес для каждого изучающего современную войну, что они дают нам, во всем многообразии ее форм и замыслов, активную, смелую, гибкую и величественную природу вооруженной борьбы человеческих масс. В них нет того богатого использования технических средств, которое так характерно для периода позиционных операций, но, ведь, не следует забывать, что никакая маневренная война не может иметь такого сложного технического снаряжения. Последнее неизбежно затрудняло бы ее боевые действия, замедляло бы ее движения, стесняло бы свободу ее маневра; и армия, обремененная этой тяжелой, в значительной мере бесполезной для нее ношей, уподобилась бы закованному в латы рыцарю, неповоротливому и малоподвижному, легко уязвимому для ударов более ловкого и подвижного противника.

Подвижность и маневренность современных массовых армий.

Перед мировой войной большим распространением пользовалось мнение, что те огромные армии, которые будут выставлены в поле воюющими в будущей европейской войне, окажутся, вследствие своего большого численного состава, значительного протяжения своего фронта и тяжеловесности тыла, малопригодными для быстрых передвижений, для смелых маршей-маневров и вообще представят непреодолимые трудности для полководца, намеревающегося вести маневренные операции. Опыт войны, однако, не оправдал этих опасений; он доказал, что, при известной доле предусмотрительности и искусном управлении войсками даже эти армии, несмотря на свои размеры и свою громоздкость, приобретают способность к весьма подвижному образу действий и могут проявить кипучую маневренную деятельность. Изученный нами период войны изобилует примерами, вполне подтверждающими это. Уже вторжение немцев в Бельгию и их группировка перед пограничным сражением ясно обнаруживают пригодность современных массовых армий к самому широкому маневру. Но еще ярче это проявляется в удивительном марше-маневре германских армий от бельгийской границы к р. Марне, когда корпуса I-й армии ген. Клука, наступая ежедневно с боями, прошли в 12 дней около 300 кил. или, в среднем, по 25 кил. в день

(конница за тот же период времени проходила ежедневно по 27 кил.). Весь путь из района своего сосредоточения у Аахена до южного берега Марны, протяжением в 520 кил. эта армия совершила в 24 дня, из коих лишь один день она стояла на месте (16 августа на Маасе); таким образом, она двигалась, в среднем, по 23 кил. в сутки. III-я армия ген. Гаузена с 18-го по 31 августа прошла 330 кил., что дает почти такую же скорость движения; II-я армия ген. Бюлова наступала с такой же быстротой. Если принять во внимание, что для армии, состоящей из нескольких корпусов, средняя величина суточного перехода, при отсутствии боев, принимается обыкновенно в 15—17 кил., при условии периодических дневок (через каждые 2—3 дня), то станет понятным, насколько необычно было это стремительное и быстрое, как ураган, движение германских масс [1]).

Столь же замечательный марш-маневр, но совершенно в ином роде, представляет собой переброска Клуком своих корпусов с левого на правый берег Марны в дни сражения на этой реке, когда в течение трех суток, при непрекращавшихся боях на обоих берегах, I-я герм. армия переменила свой фронт под прямым углом, и притом движением не вперед, а назад [2]). Положительными образцами быстрых и искусных маршей, перегруппировок и развертываний крупных масс являются также передвижения войск обеих сторон после сражения на Эне, при беге к морю, а также сосредоточение и развертывание противников во Фландрии. Во всех этих случаях операции, охватывавшие большие пространства (от 100 до 200 кил. по фронту) и привлекавшие к себе значительные массы войск, принимали чрезвычайно подвижной, оживленный характер и выполнялись весьма быстро: корпуса за корпусами, армии за армиями появлялись то здесь, то там, то наступали, то оборонялись, то угрожали неприятелю с фронта, то пытались охватить его фланг или выйти на его сообщения.

На такую подвижность и стремительность операций, несомненно, оказало свое влияние широкое использование железных дорог и автомобилей. В боевых действиях этого периода войны имеются примеры, когда войска подвозились в поездах непосредственно к полю сражения и высаживались под огнем противника; пользование же автомобилями

[1]) Такую же подвижность проявили, конечно, и неприятельские армии, но они уходили из-под ударов германских войск, они не искали боя, а уклонялись от него, а потому и имели возможность двигаться в меньшем порядке, более раздробленно и пользуясь бо́льшим количеством дорог и переправ.

[2]) При описании боевых действий на Марне мною приведены некоторые сведения, касающиеся усиленных маршей, выполненных различными частями I-й герм. армии; среди них заслуживают особенного внимания сведения о III-м и IX-м корпусах (см. стр. 51).

для переброски резервов и для подвоза подкреплений во время самого сражения встречается очень часто, особенно во французских армиях. Вообще, необходимо отметить, что ни в одной из прошлых войн средства и способы сообщения не были столь совершенны, как в эту войну, и никогда еще они не оказывали такого значительного влияния на оперативную деятельность войск. Но было бы несправедливо относить подвижность боевых действий этого периода войны исключительно на долю средств сообщения, потому что основной причиной этого явления все же необходимо признать способ ведения войны немцами, наступательный, ярко-активный характер их операций и решающее значение тех целей, которые ставили они своим армиям. Деятельный дух германской стратегии, смелый до дерзновения порыв навстречу противнику и твердая воля при осуществлении оперативных соображений,—вот что двигало эти миллионные массы. И союзникам не оставалось ничего другого, как, напрягая все свои силы, поспевать за своим неукротимым противником. В общем, маневренная война на Западе в полной мере подтвердила все тактические и стратегические преимущества наступления и в связи с этим—огромное значение для боевого успеха инициативы и активного ведения войны и боя.

Оперативное управление современными массовыми армиями.

С вопросом о подвижности и маневренности современных массовых армий тесно связан вопрос об оперативном управлении ими, потому что от тех или других приемов этого управления, от той или другой формы выявления полководцем своей воли и своего оперативного замысла во многом зависит как усвоение подчиненными начальниками сообщаемых им указаний, так и быстрота и успешность их выполнения.

Раньше всего, пользуясь опытом кампании 1914 года, следует уяснить себе, что предпочтительнее в современных условиях для управления крупными массами войск (армейскими группами, армиями и группами армий)—директивы или приказы?, т. е. общие ли только указания, заключающие в себе идею операции и постановку ее конечной цели, с предоставлением исполнителю полной свободы в выборе средств и способов исполнения, или более подробные приказания, определяющие собой также и исполнительную часть данной задачи?

До мировой войны в этом отношении не существовало разногласий, потому что блестящие победы немцев в 1866 и 1870 г.г., достигнутые ими при широком использовании директив, которыми Мольтке-старший управлял германскими армиями, как бы узаконили этот способ оперативного упра-

вления, считавшийся до 1914 года наиболее соответствующим новейшим условиям ведения крупных операций. Германцы вступили в мировую войну с непоколебимой верой в спасительность директив, и Мольтке-младший, следуя примеру своего знаменитого дяди, исключительно на них основал свое руководство боевыми действиями германских армий [1]). Однако, этот способ управления не оправдал себя в действиях германцев ни в пограничном сражении, ни в период преследования противника к Марне, а более всего—в марнском сражении, когда многие случаи боевых неудач или неполного боевого успеха германских армий происходили от несогласованности их действий, их излишней самостоятельности и недостаточной ориентировки. И вот, вскоре по окончании войны, новая германская военная школа, в лице писателей, изучающих кампанию 1914 года, выдвигает новое положение, что при нынешних войсковых массах, развертываемых на широких фронтах, частные армии, наступающие или обороняющиеся плечом к плечу одна к другой, должны получать от главного командования для предстоящих им действий совершенно определенные указания, заключающие в себе задачу на каждый день. Иначе говоря, каждая армия должна знать не только то, какую операцию предстоит ей выполнить в ближайшее время, но и то, как ее следует выполнять. Ясно, что при таких условиях уже приходится отказаться от применения директив и перейти к оперативному управлению приказами; но решатся ли на это немцы или нет, может показать лишь будущая война [2]).

Французский способ оперативного руководства в 1914 году отличался большой гибкостью и приспособленностью к обстановке. Французская главная квартира широко применяла обе формы оперативного волеизъявления полководца, то обращаясь ко всему фронту или к какой-либо группе армий, с указаниями общего, иногда даже ориентировочного характера, то посылая отдельным армиям частные, только к каждой из них относящиеся, приказания, которые касались совершенно определенного действия, ограничен-

---

[1]) После сражения на Марне этот вопрос уже в некоторой степени утратил свое значение для обеих сторон, потому что бег к морю, по характеру своих операций, вызывавших постоянные переброски войск вдоль фронта, образование новых армий и армейских групп и их переформирование, а также новые назначения и смену лиц высшего командования, сильно сузил область оперативного руководства и самостоятельность командующих армиями, соответственно усиливши непосредственное вмешательство главного командования в ведение операций.

[2]) В новом германском уставе „Führung und Gefecht der verbundenen Waffen", изд. 1921 года о директивах говорится не много и в весьма сдержанном тоне.

ного и во времени, и в пространстве. И хотя в применении такой системы оперативного руководства французское главное командование нередко переступало желательные границы, стесняя инициативу и самодеятельность командующих армиями, тем не менее, нельзя не признать, что французская система управления оказалась, в общем, более соответствующей условиям современной войны, чем система германская.

Отличным испытанием для французской системы явились: во-первых, отступление союзных армий после пограничного сражения, сопровождавшееся несколькими попытками вернуться к активным действиям, и во-вторых, неожиданный для немцев переход этих армий в общее наступление на Марне, с широким фланговым маневром со стороны Парижа. Изучивши эти два периода боевых операций с достаточной подробностью, мы можем ясно представить себе, как трудно было в этих случаях согласовать между собою движения и действия этих крупных масс, расстроенных и потрясенных тяжелыми боевыми неудачами! Следует думать, что германские приемы оперативного управления не дали бы возможности справиться с этой задачей, потому что применение их являлось, вообще говоря, допустимым только до тех пор, пока сторона, применявшая их, не чувствовала на себе воздействия неприятельской воли. Так было с немцами в пограничном сражении и при их движении к Марне, но уже по-другому разыгрались для них события в марнском сражении, когда в грохоте неприятельских пушек и в настойчивом продвижении неприятельской пехоты они впервые в эту войну почувствовали независимую и твердую волю противника.

Мне кажется, что в современной войне и директива, и оперативный приказ равно применимы, но лишь в известном сочетании друг с другом, в зависимости от обстановки и при непременном условии поддержания прочной связи между главным командованием и частными армиями, для возможности своевременного перехода от одного вида оперативного распоряжения к другому. Если бы в сражении на Марне такая связь существовала у немцев, то германское главное командование легко могло бы заменить неопределенные и не вполне ясные директивы, имевшиеся у правофланговых германских армий, точными указаниями о том способе действий, который, соответственно общей обстановке, следовало принять этим армиям в течение 8-го и 9-го сентября.

Опыт кампании 1914 года ясно говорит о необходимости сводить частные армии в группы на более или менее продолжительное время, с целью образования некоторой промежуточной, оперативно-мощной инстанции между главным

командованием и командующими армиями; потому, что бывают случаи, когда, в виду сложной или часто меняющейся обстановки, никакая, самая надежная связь между главной квартирой и штабами армий не в состоянии обеспечить армиям правильного и своевременного оперативного руководства со стороны верховного командования. Между тем, ни у германцев, ни у союзников групповая организация не была предусмотрена при стратегическом развертывании, почему с возникновением потребности в таковой приходилось прибегать к импровизации, временно подчиняя одного командующего армией другому и неоднократно вызывая этим нежелательные трения в личных отношениях между ними. К тому же, при таком подчинении обыкновенно не имелось специального аппарата для группового командования, что приводило во время боевых действий к техническим затруднениям при несении службы в штабах. Французы первые приступили к образованию групп, как постоянных организационных соединений, когда, во время бега к морю, они объединили три северные армии (2-ю, 10-ю и 8-ю) под начальством ген. Фоша, получившего и соответствующий оперативный орган для управления своей группой. Немцы же создали у себя групповое командование лишь с переходом на всем фронте к позиционной войне.

В ряду различных средств и способов связи, применявшихся в маневренных операциях 1914 года, беспроволочный телеграф менее других был пригоден для быстрого и систематического руководства боевыми действиями, вследствие значительной потери времени на передачу и прием зашифрованных телеграмм, и, кроме того, он не обеспечивал тайны оперативных распоряжений. Лучшими и наиболее надежными средствами связи оказались проволочный телеграф с так называемым прямым проводом и телефон. Широкое применение с первых же дней войны легковых автомобилей предоставило воюющим возможность организовать новый способ поддержания связи между штабами—командировкой на этих машинах офицеров генерального штаба с письменными или словесными приказаниями; в виду наличности на бельгийско-французском театре густой сети отличных шоссейных и грунтовых дорог, этот способ сообщений оказывал часто существенную помощь оперативному руководству.

Нельзя также не упомянуть здесь об использовании стратегических резервов для управления оперативной деятельностью войск, потому, что, подобно резервам всяких других наименований, они дают возможность видоизменять группировку на фронте, питать живой силой ослабленные потерями части, возобновлять или развивать наступление, прикрывать отход и вообще придавать то или иное напра-

вление данной операции. Однако, в виду того существенного значения, которое имеет для действий массовых армий вопрос о стратегических резервах, связанный различными своими сторонами с целым рядом других явлений современной войны, я считаю более соответственным рассмотреть его более подробно в другом месте этой главы, а пока ограничиваюсь только что сказанным.

Обыкновенно думают, что при современных условиях ведения войны личное воздействие полководца на войсковые массы, которыми он предводительствует, является уже невозможным. Конечно, этот вопрос в его современной постановке имеет очень мало общего с тем значением, которое имела личность полководца в прежние, особенно давно прошедшие войны. В настоящее время полководец не имеет возможности ни окинуть взором своих войск перед сражением, ни проскакать по их боевым линиям в решительную минуту боя с целью воодушевить их, ни увлечь их своим личным примером... Всего этого уже не допускают ни численность сражающихся ныне войск, ни их боевые порядки, ни размеры полей сражения, ни скрытные приемы тактических действий, вызываемые большой действительностью и силой огня современного огнестрельного оружия. И тем не менее, личное воздействие вождя на боевую деятельность нынешних массовых армий является в известных случаях осуществимым. Оно может выразиться в посещении штабов и в беседах с начальствующими лицами, с целью ориентировать их в обстановке, ободрить сообщением сведений об успехах в других местах фронта, поблагодарить их за боевую службу и передать им боевые награды для вверенных им войск; затем—в посещении командных и наблюдательных пунктов по близости боевых линий, а иногда и некоторых, более трудных и более важных в тактическом отношении боевых участков, на которых войска могут нуждаться в бодром слове авторитетного начальника; наконец, в объезде резервов и войсковых частей, вновь прибывающих к полю сражения из других районов.

Операции и сражения 1914 года во Франции дают нам не мало примеров подобных действий старших начальников у обеих сторон. Так, мы видим императора Вильгельма в районе двух левофланговых германских армий в сражении на Марне, а в двадцатых числах октября—на поле сражения во Фландрии. В тяжелые для германских армий дни, когда началось их отступление с нижней Марны к р. Эну, Мольтке объезжает фронт, с целью личного ознакомления с положением дел на местах и для личного воздействия на настроения и решения командующих армиями. Ни поездки Вильгельма, ни посещение фронта ген. Мольтке не дали тех благоприятных результатов, которых от них ожидали, но

это объясняется тем, что первые были слишком непродолжительны и охватывали собой небольшие участки фронта, а вторая была произведена с большим запозданием и в чрезвычайно неудачный психологический момент, когда Мольтке был уже совершенно подавлен неудачами и, конечно, был не в силах благотворно влиять на окружающих.

На французской стороне явления подобного рода были более часты и имели более действительное значение. Ген. Жоффр неоднократно посещал те участки фронта, где обстановка осложнялась и где личное вмешательство главнокомандующего в ход операции казалось ему необходимым. Из таких случаев наиболее знаменательны его поездки в английскую армию во время ее отступления к Парижу и в 5-ю французскую в период сражения у Сен-Кентена и Гиза, поездки, сопровождавшиеся самым решительным воздействием на распоряжения фельд. Френча и ген. Ланрезака. Но наиболее ярким примером таких действий может служить деятельность ген. Фоша, этого бодрого, полного инициативы, решительного и вездесущего вождя, всех ободрявшего, всех побуждавшего к активности, внушавшего каждому веру в свои силы и в грядущий успех.

Имея перед собой такие примеры, мы впали бы в заблуждение, если бы признали, что в условиях современной войны, полководец должен быть прикован в своей ставке к телеграфному или телефонному аппарату и только по проволоке может чувствовать биение пульса боевой жизни вверенных ему армий. В действительности никакие обстоятельства не оправдывают подобного взгляда. Военный вождь не может быть уподобляем механической силе, управляющей лишь с известного расстояния при помощи сложной системы мертвых средств связи; он является живым творцом и носителем стратегических замыслов и великих решений, руководящим на полях сражений живыми силами своей страны, а потому и обязанным, в минуту необходимости, бросить на весы военного счастья свое личное воздействие на волю и состояние духа подчиненных ему войсковых масс.

Происхождение позиционной войны.

Одним из весьма существенных вопросов, выдвинутых кампанией 1914 года, является выяснение природы позиционной войны, ее происхождения и отношения к маневренной войне, или, иначе говоря, установления сравнительного значения двух видов стратегии—сокрушения и измора.

В результате целого ряда оживленных боевых столкновений ярко-маневренного характера, боевые действия на бельгийско-французском фронте в 1914 году, постепенно утрачивая свою подвижность, неизменно превращались в

позиционную войну. То же явление и с такой же последовательностью происходило и на остальных фронтах мировой войны, что, конечно, наводит на мысль, что все это вызывалось одними и теми же причинами. Это обстоятельство, в связи с тем условием, что продолжительность позиционного периода боевых действий значительно превосходила длительность маневренных операций и вследствие этого придала всей этой войне малоподвижный характер, способствовало установление взгляда, что будто бы современная война есть непременно война позиционная. Сложилось мнение, что при нынешних средствах вооруженной борьбы, при силе современного огня, при обилии и разнообразии новейших технических средств, боевые столкновения обязательно должны привести к борьбе на укрепленных позициях и принять характер крепостных операций. Однако, так ли это в самом деле? Являются ли позиционные операции обязательной формой современной войны и неизбежным следствием каких-либо особенных свойств новейших боевых факторов? Представляет ли борьба на укрепленных позициях лишь одну из разновидностей современного боя или она должна быть признана главной, преобладающей формой боевой деятельности нашего времени? Наконец, какие, именно причины способствуют установлению позиционной войны?

Военные события изученной нами кампании 1914 года уже сами по себе служат свидетельством того, что позиционная война отнюдь не является господствующей формой вооруженной борьбы, что она ни в каком случае не является непосредственным результатом стратегических и тактических свойств современных войсковых соединений и их боевых средств. Потому что, если бы это было так, то позиционная борьба началась бы с первых же дней войны, и сплошная линия укрепленных позиций опоясала бы театр военных действий уже у исходных линий, с которых наступали обе стороны, вдоль их государственных границ. Между тем, известно, что потребовалось все бесконечное разнообразие боевых явлений маневренного периода, все великое напряжение сил обеих сторон в борьбе в открытом поле, все разочарование их в возможности достигнуть в ближайшее время поставленных себе целей, чтобы придти к необходимости зарыться в землю, опутаться проволокой и замереть в лабиринте окопов. Следовательно, для того, чтобы позиционная борьба могла появиться на театре военных действий, а тем более для того, чтобы она могла утвердиться на продолжительное время, — необходима была наличность особенных, исключительных обстоятельств. И эти обстоятельства в действительности оказались налицо, они явились результатом своеобразных условий, в которых приходится вести войну современным массовым армиям, а также по-

следствием целого ряда ошибок в ведении боевых операций, допущенных обеими сторонами.

Война быстро и сильно истощает моральные и материальные силы воюющих; обыкновенно уже после нескольких недель походных движений с боями, нескольких больших, многодневных сражений, потери в людях, расход в огнестрельных припасах и утомление войск становятся настолько значительными, что является настоятельная потребность в отдыхе и пополнении потерь. Если же армия к тому же понесла за это время крупную боевую неудачу и была вынуждена к поспешному отступлению в неблагоприятных условиях, то расстройство и ослабление ее войск возрастают в значительной мере и достигают иногда такой степени, что без немедленного притока свежей живой силы и новых запасов боевого снабжения армия не в состоянии продолжать боевых действий. Это явление существовало, конечно, во все времена, и всегда ему принадлежало большое значение, но в настоящее время, с увеличением численности армий и продолжительности боевых столкновений, потребность в пополнениях и моральном отдыхе принимает более значительные размеры и повелительнее, чем когда либо, требует принятия скорейших мер для восстановления боеспособности войск. Благодаря развитию в наше время железнодорожных путей сообщения, автомобильного движения и различных технических средств связи, является возможность до известной степени ускорить доставку пополнений на театр военных действий; однако, эта возможность не возросла соразмерно увеличению численности войск, а тем более тем колоссальным цифрам, которых достигают ныне потери в живой силе и предметах боевого снабжения.

В прежнее время, когда армии были невелики, их боевые фронты незначительны, а средства связи и сообщения—несовершенны, материальное и моральное истощение сторон приводило или к полному прекращению военных действий с подчинением потерпевшего поражение требованиям противника, или к временной приостановке операций путем расхождения воюющих в разные стороны: в глубь своей территории, за какую-либо трудно-одолимую оборонительную линию или под прикрытие крепостей. При невозможности хотя бы частичного пополнения своих потерь в ближайшее время, противники (особенно тот из них, который понес поражение) не могли оставаться друг перед другом в боевом соприкосновении. Совершенно иные условия имеются в настоящее время: широкое развитие путей сообщения и средств связи, давая возможность в сравнительно короткий срок доставлять армиям частичные пополнения, естественно вводит в современные оперативные соображения известную

долю расчета на скорое восстановление боеспособности войск на том или ином участке фронта. Понятно, что при этих условиях прекращение военных действий, путем ли капитуляции одной из сторон или увода своих войск из района боевых операций, представляется невыгодным даже для стороны, потерпевшей ряд неудач, почему каждый из противников пытается сохранить занятое им положение, надеясь в ближайшее время усилиться, окрепнуть и вернуться к активной деятельности. Сохранить же это положение, оставаясь в непосредственной близости от противника, часто даже под его огнем, возможно лишь прикрывшись от него какими-нибудь оборонительными сооружениями, усилив свое расположение системой каких-либо укреплений; потому что временной недостаток живой силы и боевого снабжения, а также удадок духа, необходимо восполнить усилением мертвых преград, разделяющих обе стороны. Таким-то вот путем сражающиеся и приходят к постепенному созданию укрепленных позиций, представляющих собой как бы щит, за которым каждая из них временно укрывается от ударов противника, в расчете в скором времени опять выйти для борьбы с врагом в открытое поле [1]).

Тем не менее, в действительности, как показывает опыт войны, такой расчет в большинстве случаев не оправдывается: современные армии так велики, их потребность в пополнениях столь значительна, что даже при теперешнем состоянии путей сообщения и средств связи представляется невозможным одновременное доставление пополнений для всего огромного фронта, занимаемого нынешними армиями, а потому ни одна из воюющих сторон не имеет возможности восстановить свою боеспособность сразу на всем фронте. И вот это обстоятельство и затягивает позиционную войну, предоставляя обеим сторонам возобновление активных действий только на отдельных участках фронта; оно вынуждает их на прочих участках усиливать свое расположение, развивать свои укрепленные позиции, все глубже и глубже зарываться в землю. И чем дальше уходит время, тем труднее становится для воюющих прорыв неприятельской укрепленной полосы и выход на простор маневренных операций; тем более, что, расходуя по необходимости, по частям притекающие с тыла подкрепления людьми и боевыми припасами, а также утомляя свои войска окопной войной,

[1]) Такое состояние для одной или обеих сторон наступает, конечно, на одном фронте раньше, на другом позже, в зависимости от соотношения сил и установления между последними известного равновесия. Так, во Франции оно наступило для обеих сторон уже на четвертом месяце боевых действий, на русском же фронте, вследствие значительного стратегического и тактического превосходства германцев, лишь в начале второго года войны.

каждый из них, даже и совершивши удачный прорыв, не обладает в данный момент достаточными силами для развития маневренных действий на широком фронте.

Таким образом, вот каково происхождение позиционной войны и образование позиционного фронта в сложном процессе современной вооруженной борьбы. Как мы видим, ни тактические, ни стратегические свойства нынешних массовых армий, ни могущество современного огнестрельного оружия, ни новейшие технические усовершенствования не оказывают непосредственного влияния на возникновение этого явления, которое представляет собой лишь особое состояние вооруженных сил на театре военных действий, состояние временного истощения, влекущее за собой и временной отказ от активных операций. Это — лишь перерыв в военных действиях, временное бездействие, из которого каждый из воюющих старается выбиться при первой же возможности.

Помимо всего этого, позиционная война даже не представляет собой чего-либо нового, до сих пор небывалого: не говоря уже о том, что она встречается еще в войнах XVII-го и XVIII-го столетий, когда вызывалась, конечно, совершенно другими обстоятельствами, но и в новейшее время она уже имеет свою историю; хотя и в незначительных размерах, она появилась впервые в Южной Африке во время борьбы англичан с бурами, когда последние, вследствие своей слабости и малой пригодности к наступательным действиям и пользуясь своим превосходством в огнестрельном бою, занимали широкие боевые фронты, соответственно укрепляя их. Гораздо большее применение получили укрепленные позиции в манчжурскую войну, где большие, многодневные сражения периодически истощали обе стороны и вынуждали их временно, до получения необходимых подкреплений, переходить к позиционной борьбе. Тем не менее, все важнейшие стратегические вопросы этой войны были решены операциями маневренного характера. Наибольшее же развитие позиционные действия получили в мировую войну, потому что и войсковые массы, и их потери в боях, и длительность этих боев были тоже, сравнительно с прежними, наибольшие; но это еще вовсе не доказывает того, что это явление неизбежно должно повторяться в будущих войнах, а тем более увеличиваться в своих размерах. Позиционная война в будущем представляется неизбежной лишь настолько, насколько перволинейные вооруженные силы сторон не будут в состоянии, вследствие тех или других условий обстановки, решить в маневренных операциях важнейшие вопросы войны.

Не следует забывать, что позиционный фронт появился в значительной степени вследствие оперативных ошибок

германской стратегии, лишивших немцев с первых же недель войны того подавляющего превосходства в силах над противником и того чрезвычайно выгодного стратегического положения, которыми они обладали, начиная войну; эти ошибки, неисправленные во-время, очень скоро установили равновесие в силах обеих сторон, а следовательно, и придали боевым операциям нерешительный характер, бесполезно истощавший сражавшихся и приводивший их в конечном результате к сиденью на укрепленных позициях. Если бы германцы, ведя войну на два фронта, обладали решимостью осуществить в полной мере план последовательного разгрома сначала Франции, а затем России и не отвлекли бы значительных сил на восточный фронт и для осады крепостей в тылу своих армий, то не подлежит сомнению, что сражение на Марне окончилось бы для них решительной победой; и тогда, конечно, не было бы ни надобности для них, ни возможности для союзников, прибегать к содействию укрепленных позиций.

Решение немцев перейти от маневренных действий к позиционной борьбе объясняется, между прочим, также и изменением их оперативных планов в отношении восточного фронта, а именно, сосредоточением, после сражения во Фландрии, их усилий на этом фронте для разгрома русских армий. При таких условиях, естественно, активные операции на Западе должны быть прекратиться.

Ко всему сказанному выше необходимо добавить, что иногда трудно бывает определить ту грань, которая отделяет один от другого эти два вида войны,—до такой степени незаметно они переходят один в другой, так часто они сливаются своими боевыми явлениями в сложную, беспрестанно видоизменяющуюся систему боевых действий. Собственно говоря, маневренная война в чистом виде сохранялась в 1914 году на французском театре только до отступления германцев к р. Эну, а в дальнейшем она уже постепенно осложнялась зарождавшимися в ней элементами позиционной войны, пока не была окончательно подавлена ими.

Казалось бы, что стратегия сокрушения, требуя проявления в кратчайший срок максимальной силы натиска и стремительности, должна быть уделом более сильной из борющихся сторон, а стратегия измора — более слабой из них. Однако, опыт мировой войны доказывает нечто другое. При современных условиях, когда в борьбе участвуют все живые и производительные силы государства, и техника входит столь крупным коэффициентом в общую формулу вооруженной борьбы, стратегия измора является более слабой и невыгодной формой войны для менее культурного, технически отсталого, бедного в промышленном отношении

противника, экономические возможности которого ограничены. Не будучи в силах выдержать продолжительного напряжения, эта сторона, по необходимости, должна стремиться к скорейшему окончанию борьбы, а следовательно, к нанесению неприятелю быстрого и сокрушительного удара в обстановке самой деятельной и решительной маневренной войны. Наоборот, стороне, способной вынести все тягости и затруднения длительного военного положения, настолько мощной в экономическом отношении, чтобы питать войну в течение многих месяцев или лет, — этой стороне более выгодно не рисковать разгромом своей живой силы в первых же крупных боевых столкновениях, а повести борьбу на измор, на истощение врага.

Восстановление беспособности современных армий.

Опыт мировой войны показывает, что частичное восстановление боеспособности современных войсковых масс может происходить весьма быстро; и до той поры, пока не наступит в армиях то общее истощение, которое приводит обе стороны к позиционной войне, отдельные группы войск, даже после тяжелых поражений, не только оказываются способными, спустя непродолжительное время, к стойкому сопротивлению, но и нередко возвращаются к активной боевой деятельности. И в этом отношении современные армии проявляют значительно бо́льшую живучесть и упругость, чем армии прежнего времени. Потому-то в наше время никогда нельзя быть уверенным в том, что неприятель, отступивший с поля сражения после проигранного им боя, не окажется в состоянии через несколько дней атаковать победителя и в свою очередь нанести ему поражение; следует признать, как общее правило, что если противник не уничтожен на поле сражения или во время преследования, — он в скором времени оживет и усилится. Это явление объясняется, как особенностями оперативной деятельности современных армий, так и усовершенствованием путей сообщения и вообще тыловой службы. Широкие фронты, занимаемые ныне войсковыми соединениями, затрудняют нанесение противнику общего поражения, вследствие чего часто бывает, что в то время, когда на одном участке поля сражения неприятель поставлен в тяжелое положение, на другом, удаленном от первого, он одерживает успех; результатом этого является то обстоятельство, что противник, даже вынужденный, по тем или другим причинам, признать себя побежденным и покинуть поле сражения, все же уводит свои войска не одинаково расстроенными и ослабленными, нередко сохраняя в числе своих частей и такие, боеспособность которых не утрачена, и которые, естественно, могут быть в скором времени вновь введены

в бой. Эта же ширина боевых фронтов и обширность полей сражения дают возможность потерпевшему поражение, легче чем прежде, уйти из под ударов противника, потому что в его распоряжении имеется большее число путей отступления. И как только ему удастся оторваться от противника и отойти на некоторое расстояние в тыл, к его услугам—железные дороги и автомобили, которые быстро подвезут ему необходимые подкрепления. Конечно, не всегда обстановка окажется столь благоприятной для восстановления боеспособности войск, потерпевших неудачу, однако, в условиях современной войны заключается несравненно более возможностей для этого, чем было в условиях прежних войн. И кампания 1914 года на французском фронте дает нам не мало доказательств справедливости этого положения. Наиболее ярким из них является восстановление наступательной силы англо-французских армий через 10 дней после тяжких поражений, понесенных ими в пограничном сражении, и тотчас же по окончании поспешного отступления, которое велось под натиском противника; особенно же—приведение в порядок и усиление английских войск, которые, как известно, сражением у Монса и последующими отступательными боями, были доведены до полнейшего расстройства. Еще 28 августа английские корпуса были совершенно небоеспособны, а уже через 8 дней, 5 сентября английская армия, пополненная, устроенная и даже усиленная одним корпусом, стояла в боевой готовности к югу от Марны.

Длительность современных боевых столкновений.

Мировая война вполне подтвердила мнение, сложившееся на основании опыта манчжурской кампании, что боевые столкновения в будущем должны будут отличаться большой продолжительностью. И хотя бои и сражения исследуемого нами периода войны далеко не достигали той длительности, которая отличает последующие боевые операции на укрепленных позициях, тем не менее и они должны быть признаны весьма продолжительными по сравнению с боями последних войн XIX столетия. При этом, их продолжительность увеличивается с течением времени: пограничное сражение продолжалось 4 дня, бои на Марне—6 дней, бои у Арраса—около двух недель, сражение во Фландрии—около месяца. Эта длительность современных сражений объясняется, с одной стороны, большой численностью войск, принимающих в них участие, а с другой—упорным характером нынешних боевых столкновений, являющимся результатом силы и действительности современного огня. Большие массы сражающихся требуют для своих движений и маневров обширных пространств, заключающих в своих пределах обыкновенно

разнообразную местность, а следовательно и представляющих в этих пределах разнообразные тактические условия. Эти последние, естественно, и придают боям, развивающимся на этих необъятных полях сражений, тот нерешительный, колеблющийся, смешанный характер, которым отличаются современные боевые столкновения: успех — в одном месте, неудача — в другом, там оборона, здесь — наступление, один фланг обходит неприятеля, другой — сам обойден противником; такое разнообразие частных боевых явлений делает нынешние сражения затяжными, потому что каждое из этих явлений, вследствие значительного расстояния, отделяющего его от других, развивается самостоятельно, мало влияет на остальные и до поры до времени слабо отражается на общем ходе сражения; пока, наконец, равнодействующая всех усилий одной из сторон не даст боевым действиям какого-нибудь решительного направления. Эти условия приводят, между прочим, к тому, что в настоящее время, на нынешних полях сражений, осуществление так называемого принципа частной победы (введение в дело превосходных сил на решительном пункте в решительную минуту) достигается с затратой значительно большего времени и больших усилий, чем в прежнее время.

Значение всех этих обстоятельств, влияющих на характер современного боя, еще более усиливается упорством нынешних боевых столкновений даже небольших отрядов. Огонь современного скорострельного и дальнобойного оружия значительно увеличил силу сопротивления мелких войсковых соединений, придавши им известную оперативную самостоятельность. В настоящее время сторона, поставленная в неблагоприятные тактические условия, потерпевшая поражение, отступающая после проигранного сражения, все же имеет возможность, благодаря этой особенности современных войск, организовать неприятельскому натиску более длительное противодействие, чем это было возможно в прежнее время, когда самостоятельное тактическое значение принадлежало только крупным соединениям. Естественно, что боевая стойкость войск, проявляемая в действиях каждого мелкого тактического организма, боевая упругость, развиваемая в каждой почти точке обширного поля сражения, должны в сильной степени способствовать увеличению длительности современных боев.

Боевая деятельность отдельных родов войск. а) пехота.

В отношении боевой деятельности отдельных родов войск современная война дает нам не мало поучительных указаний.

Пехота осталась попрежнему *главным родом войск*, имеющим преобладающее, решающее значение во всех моментах, во всех явлениях современного

боя; на своих плечах она выносит главную тяжесть боевых действий, она несет наибольшие потери, она более других родов войск подвергается всем тягостным воздействиям современной боевой обстановки, а потому и более других подвержена моральному истощению. Все это приводит к тому, что пехота обыкновенно нуждается в наибольших пополнениях и ранее других родов войск теряет свою боеспособность. Но она же и скорее всех восстановляет ее.

Огонь пехоты является в настоящее время одним из важнейших боевых средств, как при наступлении, так и при обороне; однако, такое его значение должно быть отнесено главным образом на долю пулеметного огня. Обильное снабжение пехотных частей пулеметами и широкое использование их в боевой обстановке несколько уменьшило относительное значение ружейного огня в общем огневом напряжении современного боя; кроме того, опыт маневренной войны на Западе дает применение ружейного огня чаще с близких и средних, чем с дальних дистанций, как бы суживая полосу огневого действия. Это обстоятельство объясняется, несомненно, встречным характером большинства боевых столкновений, а также большой энергией германского наступления, что в совокупности приводило к быстрому сближению сторон.

Эти же причины вызывали, между прочим, и другое явление, как будто бы даже противоречащее возросшему значению, огня, а именно — частое применение холодного оружия в многочисленных рукопашных схватках, происходивших в боях и сражениях этого периода войны. Это представляется весьма характерным для боевых действий на французском фронте, особенно в эпоху столь могущественного развития огнестрельного оружия и господства материалистических воззрений на природу войны. И объяснение этому следует искать, конечно, единственно лишь в высоких моральных качествах сражавшихся, в их смелом стремлении во что бы то ни стало добиться победы.

Современная война обнаружила также весьма большую подвижность пехоты, ее способность к быстрым и продолжительным походным движениям. Следовательно, не оправдалось сложившееся до войны мнение, будто бы западноевропейские армии, как комплектуемые в значительной мере жителями городов, рабочих фабрик, заводов, рудников и копей, не привыкшими к продолжительной ходьбе и физически слабыми, не будут в состоянии проявить в походах военного времени ту энергию и ту выносливость, которыми отличалась пехота в прежних войнах, когда в ее составе был меньший процент городского и фабрично-заводского населения. Война доказала, что в этом вопросе, как и во многих других вопросах военного дела, моральным факто-

рам принадлежит преобладающее значение: твердая воля начальников и высокий духовный подъем войсковой массы, одушевленной горячим желанием победы, делали слабых людей сильными, вызывали в них могучее физическое напряжение, заставляли их забывать утомление. И потому-то некоторые марши-маневры, исполненные германскими, а частью и французскими войсками в маневренных операциях этой войны, по энергии своего выполнения, по своей быстроте и по размерам пройденных расстояний, не уступают лучшим маршам суворовских и наполеоновских войск.

б) Конница. Опыт кампании 1914 года дает нам возможность сделать некоторые ценные выводы о тактической и стратегической деятельности конных масс. Эта кампания подтвердила, как общее правило, что кавалерия, в отношении боевых действий в конном строю, вытеснена с общих полей сражений, из сферы тактической деятельности крупных отрядов; в сражениях 1914 года, правда, встречаются единичные случаи небольших кавалерийских боев, но эти частные эпизоды никогда не принимали значительных размеров и не оказывали никакого влияния на исход этих сражений. Вообще же, конница обеих сторон избегала боевых столкновений в конном строю, а если таковые и происходили, то чаще принимали характер рыцарских турниров, чем боев уничтожающего значения. Опыт войны показал, что тактическая деятельность конницы на общих полях сражений может получить широкое развитие только при действиях в спешенном строю, когда, вследствие тех или других оперативных условий, кавалерия является заместительницей пехоты. И действительно, боевые столкновения маневренного периода мировой войны изобилуют примерами подобного использования конницы, которое встречается все чаще и чаще, по мере того, как боевые действия постепенно принимают позиционный характер. Особенно велико было оперативное значение спешенных боев кавалерии в сражении на Марне, во время бега к морю и во Фландрии, где целые кавалерийские дивизии и даже кавалерийские корпуса атаковали и оборонялись в пешем строю в общей боевой линии пехотных частей.

Стратегическая деятельность конных масс в кампанию 1914 года во многом не дала того, чего от нее ожидали. Стратегическая разведка, на которую так рассчитывали в мирное время, не оправдала себя; между тем, условия современной войны вызывают более настоятельную потребность в ней, чем обстановка прежних войн, потому, что большое протяжение фронтов, на которых развертываются, наступают и обороняются нынешние массовые армии, и обширность полей сражений создают теперь небывалое оби-

лие и разнообразие предметов для разведывания. Нигде конница не могла прорвать завесы неприятельских передовых частей и проникнуть в глубь расположения противника или выполнить широкую разведку в обход одного из неприятельских флангов. Встречая на своем пути пехоту или спешенную конницу неприятеля, она ввязывалась в затяжные бои или вынуждена была отходить. Малорезультатны были также попытки кавалерийских частей угрожать тыловым сообщениям противника; ни I й герм. кав. корпус во время сражения у Сен-Кентена и Гиза, ни 5-я франц. кав. дивизия на Урке, в дни марнского сражения, ни 10-я франц. дивизия у Сисона, во время боев на р. Эне, не могли создать в тылу неприятельских боевых линий настолько грозной обстановки, чтобы оказать какое-либо заметное воздействие на ход боевых действий на фронте и на решения неприятельского командования. Ни разу в течение всей кампании 1914 года конница не достигла в этом отношении никаких значительных успехов, хотя благоприятных случаев для этого представлялось не мало: для германской кавалерии—при наступлении немцев к Марне, для французской—в сражении на этой реке и во время преследования противника к р. Эну, а для конницы обеих сторон—во время бега к морю. В чем же следует искать объяснения этого неожиданного явления: в природе ли современной войны, в боевых ли качествах нынешних кавалерийских масс, или в приемах оперативного руководства ими? Я думаю, что вернее всего—в первом, как в причине более общего и более постоянного значения. При силе современного огня различных видов, а вследствие этого и силе сопротивления современных оборонительных сооружений, организованный, снабженный охраной войсковой тыл является трудноуязвимым объектом для конных набегов.

Замечательно то, что наиболее ценную услугу своим армиям конница обеих сторон оказала во второй половине кампании 1914 года, в период бега к морю и операций во Фландрии, т.-е. не тогда, когда ей представлялось широкое поле для действий и простор для маневра, а в операциях более ограниченных. Повидимому, в новейших условиях ведения войны стратегические задачи оборонительного характера легче выполнимы для конницы, чем задачи наступательные; что может быть объяснено более широким и разнообразным применением в них тактической обороны: т.-е. более широким использованием местных условий и огнестрельного оружия, более действительной связью со своей пехотой и артиллерией и меньшим утомлением и расстройством кавалерийских частей, совершающих менее продолжительные движения и несущих более легкую разведывательную и сторожевую службу. Вместе с тем, необходимо

заметить, что подвижность современных кавалерийских масс мало превосходит таковую же пехоты, что, естественно, должно отражаться неблагоприятно на всех видах их стратегической деятельности [1]).

Конница обеих сторон вышла на театр военных действий не вполне приспособленная, по своей боевой подготовке, вооружению и организации, к условиям современного боя, почему под влиянием постепенно накапливаемого опыта, она (в особенности французская) претерпела заметную эволюцию в течение кампании 1914 года. Важнейшими моментами этой эволюции являются: усиление стрелкового боя, более частое применение спешенных строев, образование при дивизиях пеших эскадронов, более широкое использование артиллерии, введение штыка и лопаты, упразднение пики и упрощение обмундирования (особенно головных уборов) для уменьшения потерь от неприятельского огня. Опыт войны показал, что сильные кавалерийские дивизии более соответствуют потребностям стратегической и тактической деятельности конницы в современных условиях. Состав таких дивизий должен быть примерно, следующий: 3 бригады по 2—3 полка каждая, 2—3 стрелковые батальона, сильная артиллерия (до полевой тяжелой включительно), технические войска (саперы, понтонеры, техническая связь различных видов, подрывные команды и т. п.) и авиационный отряд. Иногда может потребоваться придача к кавалерийской дивизии и более крупной пехотной части, как это неоднократно бывало в кампанию 1914 года. Так называемые легкие кавалерийские дивизии в настоящее время быстро теряют свою боеспособность и, вообще, мало пригодны для современного длительного и обильного потерями боя. Кавалерийские корпуса, составленные из 2—3 дивизий, вполне оправдали свое назначение, облегчая оперативное руководство конными массами и разведку на широком фронте.

Что касается участия конницы в преследовании отступающего неприятеля, то в этом отношении роль ее представляется в настоящее время незначительной. Было время, когда эксплоатация победы, как на поле сражения, так и на театре военных действий, составляла специальную задачу кавалерийских частей, но теперь эта задача стала для них уже непосильной, потому что большая сопротивляемость даже малых отрядов и движение отступающего весьма

[1]) Впрочем, можно привести несколько случаев, когда небольшие конные части проявляли весьма большую подвижность, как например, некоторые полки и бригады франц. кав. корпуса ген. Сорде во время его разведок в южной Бельгии в первые дни войны; однако, следует принять во внимание, что эта конница двигалась в районе, слабо занятом неприятелем, редко встречая противника и почти никогда не вступая с ним в боевые столкновения, почему и пользовалась большой свободой движения.

широким фронтом создают теперь для конницы чрезвычайные затруднения, как для тактического, так и для стратегического преследования.

в) Артиллерия. Боевая деятельность легкой артиллерии не представляет в условиях этой войны каких-либо существенных особенностей, которые не были бы нам известны из прошлых войн, особенно манчжурской. Правда, с тех пор были введены в легкой артиллерии некоторые технические усовершенствования, батареи были снабжены кое-какими новыми приборами для наводки и управления огнем, были выработаны новые приемы стрельбы, но в общем все эти частичные изменения не оказали заметного влияния на тактическое употребление легких батарей, потому, что система легких скорострельных орудий мало изменилась в последние годы перед мировой войной, организация же легкой артиллерии не подверглась никаким изменениям. Единственными вопросами боевого использования этой артиллерии, которые в кампанию 1914 года получили новое освещение, являются закрытые позиции и расход огнестрельных припасов. Опыт войны показал, что встречавшееся раньше мнение, будто бы закрытые артиллерийские позиции, впервые появившиеся в Манчжурии в 1904 году, обязаны своим возникновением позиционной войне и в маневренных операциях не найдут себе широкого применения, оказалось неправильным; даже во время наиболее подвижных боевых действий 1914 года батареи ставились на закрытые позиции, расположение на которых сделалось при всякой боевой обстановке нормальным для артиллерии. Но это повлияло, помимо необходимости укрывать орудия от неприятельского огня и наземных наблюдателей противника, также необходимость прятать их и от воздушной разведки; последнее вызвало, между прочим, потребность маскировать расположение батарей, что являлось иногда, смотря по условиям местности, даже более важным, чем занятие закрытых позиций.

Современные длительные бои, в связи с новейшими приемами тактического употребления артиллерийского огня (устройство завес, ведение ураганного огня), привели к небывалому расходу огнестрельных припасов, выпускаемых в огромном количестве в кратчайший срок; это в свою очередь потребовало значительного увеличения подвижных артиллерийских запасов и сильно осложнило артиллерийское снабжение нынешних массовых армий.

Полевая тяжелая артиллерия получила в эту войну выдающееся применение. Уже первые признаки грядущего пришествия крупных калибров на поля сражений появились в южно-африканской войне; они сделались более явными

в боевых действиях в Манчжурии 1904—05 г.г., хотя в этих обоих случаях введение в дело тяжелых орудий объясняли, обыкновенно, условиями позиционной борьбы. И потому-то в западной Европе до последней войны еще не установился определенный взгляд на вероятное значение тяжелой артиллерии в полевом маневренном бою. Только одни немцы ясно сознавали в то время крупное значение этого нового боевого фактора, почему только одна германская армия и выступила на войну с тяжелыми батареями; союзники же, повидимому, не доверяли указаниям боевого опыта внеевропейских войн. Между тем, опыт боевых операций в Бельгии и Франции очень скоро объединил в сражавшихся армиях воззрения на этот вопрос в пользу тяжелых калибров.

Уже с первых же дней войны ясно обнаружилось преимущество немецких взглядов на значение полевой тяжелой артиллерии, наличность которой в составе германских войск давала немцам значительное превосходство в артиллерийском огне. Конечно, в дальнейшем ходе борьбы союзники постепенно приспособились к этому новому явлению, но все же в течение всего маневренного периода, когда они еще не успели снабдить свои армии достаточным числом тяжелых орудий, полевая тяжелая артиллерия германских армий являлась весьма тягостным для них фактором в боевой деятельности противника.

Интересно, однако, отметить то обстоятельство, что тяжелый артиллерийский огонь в условиях маневренной войны имел гораздо более моральное, чем материальное значение: в полевом бою сравнительно редко встречались цели для такого огня, общее количество потерь от него не превышало того же от огня легких батарей, но за то впечатление от действия снарядов крупных калибров оказывалось потрясающим, особенно на войска, еще не подвергавшиеся тягостным воздействиям современного артиллерийского боя.

С течением времени участие тяжелой артиллерии в полевых, маневренных операциях приобретало в армиях обеих сторон более широкие размеры и сделалось настолько необходимым явлением, что в настоящее время невозможно представить себе нормальную организацию полевой армии без того или иного количества тяжелых батарей.

Тем не менее, мне кажется, что у нас создалось несколько преувеличенное представление о значении полевой тяжелой артиллерии в современном бою и что в этом сказалось влияние последующего, весьма длительного периода позиционной войны, в операциях которого крупные калибры, естественно, могли иметь более решительное применение. Я уверен, что легкая артиллерия в обстановке полевого, маневренного боя все же остается главным видом этого

рода войск, наиболее подвижным, гибким и разносторонним; пригодным для решения различных тактических задач, предъявляемых войскам современными боевыми условиями.

г) Технические войска.

Использование технических войск в маневренном периоде мировой войны имело ограниченный характер, и роль их в боевых действиях того времени была совершенно второстепенной. Укрепленные позиции применялись в полевых боях редко, почему и полевое инженерное искусство не получило в них широкого развития; оно заняло одно из первых мест в боевой деятельности противников лишь в последующий, позиционный период войны. В маневренных операциях наибольшее применение получили технические войска, служившие для поддержания связи, т.-е. автомобильные колонны, мотоциклетные команды, телеграфные, телефонные и радиотелеграфные части, потому что подвижная боевая деятельность войск, с частыми переменами стоянок, форсированными маршами, беспрерывными перегруппировками, естественно, придавала особенно важное значение всем мерам и всем техническим приспособлениям, которые способствовали установлению прочной связи между войсками в боевых линиях, штабами и ближайшим тылом.

Служба авиационных частей имела в 1914 году применение главным образом для разведывательных целей; у германцев при каждом штабе армии и при каждом активном корпусе состоял отряд из 6 самолетов; у французов такие отряды имелись при штабах армий и при некоторых кавалерийских дивизиях. Употребление самолетов для корректирования артиллерийской стрельбы и для фотографирования неприятельских позиций началось лишь в середине сентября, в боях на р. Эне, когда боевое расположение обеих сторон сделалось более устойчивым. Бомбометание и воздушные бои самолетов случались в этот период войны весьма редко. Вообще, авиация в то время еще не вполне приспособилась к обстановке и не успела ориентироваться в тех тактических и технических возможностях, которые допускала боевая действительность. Воздухоплавание было представлено мощными дирижаблями (управляемыми аэростатами) системы Цеппелина, предназначенными для метания бомб и стрельбы из пулеметов, и привязными змейковыми аэростатами, служившими для корректирования артиллерийского огня и наблюдения за неприятельскими батареями. Боевая ценность цеппелинов была вообще незначительна, потому что, будучи легко уязвимыми для артиллерии противника, они были вынуждены совершать свои набеги исключительно по ночам, когда и разведка и бомбометание, вследствие темноты, становились малодействитель-

ными. Впрочем, весьма велико было моральное впечатление, производимое на войска ночными посещениями этого воздушного чудовища, временами загоравшегося среди облаков лучами какого-то таинственного света и нарушавшего тишину ночи зловещим грохотом своих взрывавшихся бомб.

Встречные бои.

Маневренная война на Западе изобиловала встречными боями, которые составляли большинство боевых столкновений во всех операциях от начала военных действий до сражения во Фландрии. Эта чрезвычайно характерная особенность кампании 1914 года резко отличает ее от прежних войн, когда встречные бои случались значительно реже. Это явление не зависит, конечно, ни от численности войсковых масс, выведенных обеими сторонами в поле, ни от вооружения современных армий, ни от каких-либо новых тактических приемов, оно есть результат весьма деятельного характера боевых действий, введенных противниками, результат их одновременного, сильного стремления к достижению поставленных себе оперативных целей. Обилие встречных боев ни в каком случае не является органическим свойством современной войны, связанными с какими-либо особыми методами ведения войны и боя. Наоборот, до известной степени оно как бы противоречит сложному, тяжеловесному характеру боевых операций массовых армий, оно является даже неожиданным подобно тому, как неожиданным оказалось и тесно связанное с ним другое явление — подвижность и пригодность к широкому маневру нынешних войсковых масс. И те же внутренние, моральные двигатели, которые оживляли, ускоряли и разнообразили оперативную деятельность обеих сторон, а именно, активность их стратегии, их пламенное стремление к победе, их могучая воля, напрягавшая все усилия к достижению этой цели,—они же направляли и на полях сражений враждебные армии, с такой силой и стремительностью, навстречу друг другу.

Преследование (эксплоатация победы).

Ни стратегическое, ни тактическое преследование разбитого и отступающего противника, несмотря на все значение, придаваемое им теорией военного искусства, не получили широкого применения в кампанию 1914 года. Даже немцы, ставившие своим войскам весьма решительные задачи, действовавшие с необыкновенной смелостью, считавшие, что важнейшей целью всякой военной операции является уничтожение противника и что за победоносным боем безусловно должно начаться немедленное преследование [1]), даже они не дали в этом

[1]) Grundzüge der höheren Truppenführung. Nur für den Dienstgebrauch bestimmt. Vom I Jannuar 1910. Berlin (Германские основные принципы высшего комадования войсками), ст.ст. 19 и 40.

отношении ничего заслуживающего внимания. В течение всей этой кампании только три раза преследование принимало более значительные размеры и ставило себе широкие задачи: во время наступления германских армий от границ Бельгии к р. Марне, при движении англо-французов вслед за немцами от Марны к Эну и при отступлении бельгийцев из Антверпена к р. Изеру. Из этих трех случаев важнейший, конечно,—первый, как по числу войск, принимавших участие в преследовании, так и по энергии исполнения; однако, и в этом случае преследование не дало никаких решающих результатов: через 10 дней после пограничного сражения, союзники, как известно, настолько восстановили свою боеспособность, что сами перешли в наступление. Движение германских армий от бельгийской границы к р. Марне представляет собой, вообще говоря, замечательное явление, как марш-маневр современной массовой армии, выполненный с поразительной быстротой и обнаруживший высокую маневренную подготовку германских войск, но собственно как преследование, как эксплоатация победы, это движение не заключает в себе ничего поучительного; по истечении нескольких дней этого преследования немцы даже потеряли соприкосновение с противником, что, между прочим, повлияло весьма неблагоприятно на положение их дел на нижней Марне при завязке сражения на этой реке. Ничтожны были также результаты преследования союзниками немцев от Марны к Эну и германцами бельгийцев после падения Антверпена: в обоих случаях преследуемый благополучно достиг намеченного для себя оборонительного рубежа и остановил противника, что в известной степени было облегчено для него и в том, и в другом случае удачным выходом из-под ударов неприятельских войск.

Все это, конечно, не следует объяснять какими-нибудь случайными обстоятельствами; все эти явления, несомненно, вызываются некоторыми общими причинами, которые кроются в особенных условиях современной войны. Уже в японскую войну, когда войсковые массы значительно увеличились в численности, а поля сражений стали обширными, уже тогда обнаружилось, что для преследования после боя обстановка становится менее благоприятной, условия делаются более затруднительными. В настоящее время это обнаруживается еще яснее, еще ярче. Преследование тактическое, на поле сражения, затрудняется ныне длительностью и упорством боевых действий, истощающими решительно все резервы, после чего победитель оказывается настолько утомленным и физически, и морально, что немедленное же движение за отступающим не только всеми своими силами, но даже частью сил, является для него в большинстве случаев невозможным; к тому же боевая стойкость даже

малых войсковых соединений при современном вооружении дает возможность отступающему еще на поле сражения надолго задерживать продвижение противника. В свою очередь стратегическое преследование, вне поля сражения, затруднено, с одной стороны, многочисленностью путей, по которым обыкновенно отходит в настоящее время отступающая на широком фронте армия, а с другой стороны—возможностью для отступающего использовать железные дороги и авто-транспорт для переброски своих войск в тыловые районы. Эти же тактические и стратегические обстоятельства, между прочим, лишают в настоящее время конницу ее былого, решающего значения в преследовании разбитого противника, как на поле сражения, так и вне его; почему само преследование в современной войне выполнимо, вообще говоря, лишь отрядами, составленными из всех родов войск.

Сильное развитие воздушного флота и большая подвижность его боевых единиц побуждали воюющих еще во время мировой войны к использованию самолетов для преследования. И хотя эта война ни в одном из своих периодов не дала в этом отношении благоприятных результатов, тем не менее, в настоящее время все же большим распространением пользуется мнение, будто бы отряды самолетов могут быть с пользой употреблены для этой цели. Однако, согласиться с таким мнением совершенно невозможно. Необходимо иметь в виду, что всякое преследование должно ставить себе самые решительные задачи, клонящиеся к уничтожению живой силы противника, понимаемому, конечно, не в смысле поголовного избиения врага, а разрушения его военной организации, с удалением его из пределов театра военных действий или района данной операции (напр., путем пленения или оттеснения на неприятельскую территорию). Но никакой воздушный флот, независимо от числа и боевой годности своих аппаратов, не в состоянии выполнить этого; стрельбой и метанием бомб с самолетов он может нанести противнику значительные потери и произвести большое расстройство в его рядах, но это ни в какой мере не отвечает тем требованиям, которые предъявляются военным искусством к эксплоатации победы. Противник, хотя и ослабленный потерями от воздушного нападения и морально потрясенный, спустя некоторое время приведет себя в порядок и попрежнему будет продолжать отступление; не говоря уже о том, что ночное время может до известной степени уберечь его от нападений подобного рода. Принимая все это во внимание, мы можем с уверенностью сказать, что преследование воздушными отрядами, как самостоятельное предприятие, не может иметь никакой оперативной ценности и является целесообразным лишь, как вспомога-

тельное средство, для налетов на некоторые пункты, лежащие на пути отступления противника (мосты, железнодорожные станции), бомбардировка и разрушение коих может задержать отступающего и поставить его в тяжелое положение.

В заключение все же необходимо сказать, что и в настоящее время преследование, при благоприятных условиях, может привести к решительному результату и дать стороне, победившей на поле сражения, весьма существенные оперативные преимущества. Тем более, что при живучести современных войсковых масс и их способности быстро восстанавливать свои силы, эксплоатация победы, добивание разбитого в бою противника, стремление к его уничтожению приобретают в нынешних условиях еще большее значение, чем прежде. Достижение всего этого теперь труднее, чем когда бы то ни было, но тем настойчивее следует стремиться к облегчению в будущей войне этой трудной задачи всеми доступными нам мерами: соответствующим воспитанием войск, подготовкой командного состава и установлением твердых, определенных взглядов на значение и приемы преследования [1]).

Маневренные комбинации и их относительное значение.

Наиболее употребительной формой маневра в операциях 1914 года являются обходы и охваты, вообще предприятия, направленные против флангов неприятельского боевого порядка. Особенно часты они в боевых действиях германцев: почти в каждом боевом столкновении немцы обходили (охватывали) или пытались обойти (охватить) один или оба фланга противника. В этом отношении, помимо других обстоятельств, о которых будет сказано ниже, имел большое значение общий характер германских приемов наступления, которые простейшим образом приводили к так называемому выигрыванию неприятельского фланга, т.-е. к постановке наступающего в отношении этого фланга в тактически выгодное положение. Немцы, вообще говоря, предпочитали наступление широким фронтом, имея все корпуса в армиях

[1]) Любопытно отметить, что еще за несколько лет до войны немцы предусматривали всю трудность достижения решительного результата от преследования в новейших условиях. В ст. 19-й упомянутых выше „Grundzüge der höheren Truppenführung", после высказанной мысли о том, что энергично веденное преследование может иметь большие последствия, говорится следующее: „Окончательного же решения этим преследованием можно достигнуть в самых редких случаях; разбитый во фронтальном сражении противник почти всегда, спустя более или менее продолжительный промежуток времени, вновь появится перед нами. Серьезных успехов можно достичь лишь тогда, если удастся преградить противнику путь его отступления или же совершенно отрезать его от сообщений с тылом".

на одной линии. При этих условиях охват одного или обоих флангов противника, если последний занимал более узкое расположение, происходил сам собой, не требуя никаких дополнительных передвижений; только желание совершить дальний обход могло вынудить германцев к тому или другому перемещению своих фланговых колонн. Обходы и охваты в этой войне представлялись для немцев тем более выполнимыми, что главный их противник, французы, придерживался в большинстве случаев несколько иных приемов наступления: французские войска двигались, обыкновенно, в более сосредоточенном порядке, более узким фронтом, эшелонированные в глубину, в расчете, что в минуту необходимости им удастся развернуть свои силы и направить свой главный удар в том направлении, в котором потребует обстановка. Но опыт войны показал, что французы неизменно запаздывали в исполнении своего маневра и что германский метод наступления вернее обеспечивал успех, особенно во встречных сражениях.

Несомненно, что многочисленность фланговых операций в этой войне вызывалась также и затруднительностью фронтальных атак, вследствие могущества современного огня. Не малую роль сыграл в этом отношении и общий характер боевых операций этого маневренного периода, эта подвижная, деятельная война, полная наступательного порыва, до крайности напрягавшая все физические и моральные силы сражавшихся, постоянно побуждавшая их изощрять свои творческие способности, с целью создать для врага более тяжелую боевую обстановку.

Из обходных комбинаций французов в кампанию 1914 года наиболее широкое применение получили: так называемый маневр Аустерлица—удар по хвостам обходящих неприятельских колонн и маневр Бауцена—обход одного из неприятельских флангов с угрозой тыловым сообщениям [1]). Первый из них, окончившийся неудачно, был применен французами во время их наступления в Арденны в первые дни войны (3-я и 4-я франц. армии в пограничном сражении), а второй—с полным успехом был осуществлен ими на нижней Марне. Обходный маневр немцев, применявшийся ими на всем пути их наступления до Марны, не находит себе примеров в наполеоновском оперативном искусстве и является порождением новейших приемов наступления массовых армий, гигантским живым валом, сплошной стеной армий, сомкнувшихся плечом к плечу. Обходные маневры бега к морю, несмотря на весьма настойчивое обращение

[1]) Эти маневренные комбинации нашли себе блестящее применение в победоносных сражениях Наполеона у Аустерлица (в 1805 году) и у Бауцена (в 1813 году), откуда и произошли эти названия.

к ним обеих сторон, не выявили, однако, в достаточной мере своей оперативной природы, вследствие одновременного их применения противниками навстречу друг другу, что суживало их размах, замедляло их выполнение и делало малоотчетливыми их внешние формы.

Естественно, что, при столь широком развитии фланговых операций, прорыв неприятельского фронта не мог найти себе широкого применения в маневренной войне, тем более, что и объективные условия современного боя на фронте, т.-е. могущество огня и оборонительная сила современных позиций, не благоприятствовали этому. Однако, нельзя не отметить, что широкий, растянутый фронт наступления германских армий предоставлял в некоторых случаях союзникам возможность направить все свои усилия к прорыву с известной вероятностью на успех. Но для выполнения такой операции нужен был, конечно, более решительный, более смелый способ действий, чем тот, который обыкновенно применялся союзниками; для этого необходимо было наступающему обладать способностью, пренебрегая опасностью, угрожавшей на флангах, и быстро сосредоточивши свои силы на фронте, нанести противнику в заранее избранном направлении стремительный и сокрушающий удар. Но французы не обладали такой способностью и для такого рискованного предприятия, полного неожиданностей и случайностей, их приемы ведения боя, осторожные и нерешительные, не годились ни в какой степени.

За весь период маневренных операций в Бельгии и северной Франции мы только два раза встречаемся с прорывом в широких размерах, хотя и неиспользованным ни разу в оперативном отношении: первый раз—в сражении на Марне, прорыв германцев у Майи на правом фланге 9-й франц. армии, и второй—в сражении на р. Эне, прорыв французских войск в районе Краона. В обоих случаях прорыв не привел к решительным результатам: у Майи—вследствие событий на нижней Марне, сильно видоизменивших общую обстановку, а также и недостатка сил у немцев, у Краона—вследствие своевременного прибытия на поле сражения германских резервов. Операции во Фландрии велись в условиях, побуждавших обе стороны стремиться к прорыву неприятельского фронта, но ни германцам, ни их противнику, несмотря на крайнее напряжение их сил, не удалось достигнуть этого; хотя во многих боевых столкновениях местного значения немцы и овладевали небольшими участками неприятельских позиций, продвигаясь вглубь боевого расположения союзников, но в конечном результате общий фронт их противника оставался не нарушенным. Во всяком случае, опыт кампании 1914 года дает нам право высказать предположение, что в условиях современной ма-

невренной войны выполнение обходных операций имеет значительно больше шансов на успех, чем прорыв неприятельского фронта.

Стратегические резервы.

Вопрос о стратегических резервах вызван к жизни появлением массовых армий и теми широкими фронтами, на которых эти массы сражаются в настоящее время, в связи с длительностью современных боевых столкновений, предоставляющей противникам время для перегруппировок и подвоза подкреплений. Как и многие другие новейшие вопросы стратегии и тактики, этот вопрос впервые обозначился еще в японскую войну, когда стратегические фронты обеих сторон получили небывалое до тех пор протяжение, а бои и сражения—небывалую продолжительность; еще тогда протяженность фронтов вызвала необходимость дальних переброс свободных резервов, а длительность боев обусловила возможность таких переброс во времени. Мировая же война добавила ко всему этому еще и широкое использование рельсовых путей, что привело к деятельному участию железных дорог в стратегических перегруппировках, выполняемых ныне не только при подготовке операции, но и в разгар самых напряженных боевых действий. Мы видели, что неоднократно в целом ряде боевых операций 1914 года обе стороны нуждались в крупных резервах, без содействия которых они не могли продолжать боев, не могли развивать достигнутого ими успеха, не были в состоянии восстановить утраченного в боях положения. Во многих случаях обстановка вынуждала обе стороны подвозить эти резервы издалека, перебрасывать целые корпуса на огромные расстояния; так было у французов в сражении на р. Марне и у немцев—на р. Эне, это составляло характерную особенность боевых действий обоих противников между р. Уазой и морем, наконец, такие переброски составляли предмет их особенной заботы во время боев во Фландрии. Отсутствие стратегического резерва у германцев в сражении на Марне лишило их возможности склонить победу на свою сторону: во-первых, им нечем было заполнить разрыв, образовавшийся между I-й и II-й армиями, и во-вторых, у них нехватило сил, чтобы развить свой успех у Майи и Фэр-Шампенуаза и довершить поражение правого фланга 9-й франц. армии. Обратно, на Эне, благодаря наличности стратегического резерва и своевременному прибытию его на важнейший участок поля сражения, тяжелое положение германцев в районе Краона было быстро облегчено. В период бега к морю обе стороны с необыкновенной быстротой и энергией перебрасывали крупные массы войск с востока на запад, последовательно усиливая ими те новые участки фронта, которые создава-

лись в результате настойчивых попыток обойти свободный фланг противника. В боях же во Фландрии только такой последовательной переброской войск то к р. Изеру, то в район Ипра, и та, и другая сторона питали это многодневное сражение, проявляя удивительное упорство в достижении поставленных себе целей.

Стратегические резервы по своему происхождению могут быть двух видов: или их образуют свободные войска, оставляемые в тылу в непосредственном распоряжении главного командования и располагаемые на железнодорожных линиях, ведущих к фронту, или они составляются из тех войсковых частей, уже занимающих боевые участки, которые могут быть в данное время выведены из боевых линий и переброшены куда-либо вдоль фронта. Опыт кампании 1914 года показывает, что более надежным и более удобным орудием стратегического маневра являются резервы первого вида, как обеспечивающие наибольшую быстроту переброски войск к назначенному для них району действий. Войска, находящиеся в боевых линиях, могут быть настолько связанными боями с противником, что выход их из боя явится весьма затруднительным; кроме того, передвижение таких войск в близком расстоянии от неприятеля может представить настолько значительные неудобства, что своевременное прибытие их на тот участок фронта, где решается судьба операции, окажется невозможным. Так например, в сражении на Марне все германские армии настолько были втянуты в упорные бои с англо-французскими войсками, что ни один из их корпусов не мог быть выведен из боевой линии для переброски к р. Урку. С другой стороны, в сражении на р. Эне, хотя германцы и имели возможность снять с позиций III-й и IV-й армий крупные силы и перебросить их к правому флангу II-й, тем не менее не эти войска решили судьбу этого сражения, а те корпуса, которые подошли с тыла; потому что смена крупных частей на позициях и передвижение их вдоль фронта потребовали продолжительного времени.

Сравнительно еще недавно стратегия не признавала резервов, сохраняя свой прежний, строго-линейный характер и осуществляя в полной мере принцип одновременного введения в дело всех своих сил. В то время, когда войсковые массы были не так велики, как ныне, когда они вели бои не на столь широких фронтах и не столь продолжительное время, стратегические резервы были не нужны, потому что сражения кончались раньше, чем могли прибыть издалека подкрепления, которые к тому же должны были пользоваться средствами сообщения менее совершенными, чем в настоящее время. При таких условиях все войска, оставляемые в качестве резервов вдали от вероятного поля сражения,

оказывались в нужную минуту неиспользованными. В виду этого, направляя свои армии или корпуса навстречу противнику, полководец принимал все допустимые в данной обстановке меры для того, чтобы подвести их к месту боевого столкновения и ввести в дело по возможности одновременно. В последнее время эти условия изменились коренным образом. Продолжительность боев, с одной стороны, и усовершенствование путей сообщения—с другой, значительно облегчают теперь переброску крупных сил на большие расстояния и допускают выделение их из общей массы войск, развернутых в боевых линиях, до тех пор, пока боевая обстановка не укажет, куда следует направить их для развития и закрепления достигнутого успеха или для восстановления своего положения в случае неудачи.

Роль железных дорог в связи с устройством тыла [1]).

Мне уже пришлось отметить в этой главе то огромное значение, которое имеют в современной войне железнодорожные пути сообщения, способствующие увеличению подвижности нынешних массовых армий. Однако, роль железных дорог в настоящее время далеко не исчерпывается этим и заключается в выполнении следующих разнообразных задач: а) перевозок по мобилизации и стратегическому развертыванию армий, где железные дороги являются движущей силой, подымающей нынешние миллионные массы со всей территории государства и быстро передвигающей их в исходное положение для завязки вооруженной борьбы с противником; б) перевозок по снабжению армий всем необходимым им для жизни и для ведения операций с первого и до последнего дня войны, определяющих собой значение железных дорог, как путей подвоза (или путей эвакуации), и в) перевозок, связанных с различного рода перегруппировками войск на фронте, соотвественно стратегическим, оперативным, а иногда и тактическим задачам, когда железные дороги, непосредственно осуществляя свое боевое назначение, служат орудием маневра.

Роль, которую сыграли железные дороги в период мобилизации и развертывания армий в 1914 году, а также их работа при выполнении обеими сторонами перегруппировок и переброс, столь многочисленных в этой кампании, уже в достаточной степени выявлены при изложении событий в обоих томах этого сочинения, а потому едва ли есть надобность вновь говорить здесь об этом. Нам остается следовательно, обратиться к рассмотрению лишь вопроса о том,

[1]) При чтении страниц, посвященных вопросу о железных дорогах, следует пользоваться схемой № 1, приложенной к I-му тому настоящего сочинения.

как были использованы в 1914 году железные дороги в качестве коммуникационных путей.

а) У французов. Вся железнодорожная сеть Франции подразделялась на два района: внутренний и армейский; первый находился в ведении военного министра, второй—главнокомандующего. Все железные дороги армейского района подчинялись начальнику тыла, который руководил их деятельностью через директира железных дорог, непосредственно распоряжавшегося перевозками. Каждый железнодорожный путь подвоза (который мог состоять не из одной, а из 2—3 железнодорожных линий) имел исходные пункты двоякого рода: сборные станции в пределах каждого корпусного округа, на которых сосредоточивались все грузы, отправляемые из корпусных депо, и общие склады предметов снабжения (интендантских, артиллерийских, инженерных, санитарных, авиационных и др.), ближайшие к расположению сборных станций. Каждый из этих комуникационных путей имел в ближайшем тылу фронта так называемую распорядительную станцию, одну на каждую армию (в редких случаях—одну на две армии); эти станции избирались в расстоянии от 70 до 100 кил. от боевых линий, для того, чтобы на их деятельности не отражались частичные колебания фронта. На распорядительных станциях производилась сортировка грузов соответственно группировке войск в боевых линиях и потребностям того или другого боевого участка, и отсюда, во вновь сформированных поездах, эти грузы отправлялись далее, к конечным выгрузочным станциям, именовавшимся станциями снабжения; с этих последних грузы развозились к войскам средствами автотранспорта и конных обозов. Назначение поездов делалось только до распорядительных станций, где дальнейшим продвижением грузов распоряжались так называемые распорядительные железнодорожные комиссии. На каждой распорядительной станции содержался, на всякий случай, однодневный неприкосновенный запас продовольствия и некоторое количество артиллерийского, санитарного, инженерного и прочего имущества, при чем часть такового была погружена в вагоны для быстрой доставки по назначению. С продвижением фронта в ту или другую сторону на более или менее значительное расстояние менялись и распорядительные станции, что представляло собой очень сложную и трудную операцию.

По мере того, как устанавливалась позиционная война и выяснялась колоссальная потребность в различных новых предметах снабжения, а следовательно и новых грузах (увеличение количества огнестрельных припасов, материалы для оборудования окопов, ремонта дорог, постройки узкоколейных железных дорог и т. п.), распорядительные стан-

ции уже не могли выполнять своего назначения при той организации, которую они имели в период преобладания маневренных действий. Явилась необходимость расширить их деятельность, что и было выполнено распределением их работы по нескольким смежным станциям, из коих каждая ведала приемом и отправлением грузов какого-либо одного рода; кроме того, от станций снабжения пришлось построить к позициям сеть узкоколейных железных дорог и шоссе.

Распорядительные станции имели также большое значение и при перевозках маневренного характера, разделявшихся на две категории: тактические, когда войска перевозились на небольшие расстояния, не выходившие за пределы действий одной распорядительной станции, и оперативные—на более значительные расстояния. В первом случае они производились распорядительными железнодорожными комиссиями, а во втором—или так называемыми линейными комиссиями, если перевозка производилась по одной железнодорожной линии, или особыми органами, назначавшимися директором железных дорог и объединявшими действия нескольких комиссий. Однако, в обоих случаях большая работа приходилась и на долю распорядительных станций посадки и высадки войск.

Для выполнения маневренных перевозок в широком масштабе и с наибольшей скоростью французы устроили к октябрю 1914 года несколько, пока еще слабооборудованных, железнодорожных линий вдоль фронта (так называемых рокадных): 4—между р. Соммой и правым флангом и 2 — севернее Соммы; все эти линии были связаны поперечными путями, при чем большинство из них проходило через Амьен, что придавало особенно важное значение этому железнодорожному узлу.

После отхода немцев к р. Эну, французами была выполнена большая работа по восстановлению разрушенных неприятелем железных дорог; в ноябре 1914 года, за исключением Лотарингии, на всех прочих участках фронта движение по таким железным дорогам уже было восстановлено, главным образом, при помощи различных временных сооружений. Для работ по постройке и восстановлению железных дорог, а отчасти и для эксплоатации их, служили особые железнодорожные войска: 62 роты железнодорожных сапер и, формируемые по мере надобности, рабочие роты. Саперные роты комплектовались железнодорожными агентами, рабочими металлического и деревянного дела и землекопами и подразделялись на роты 1-й линии, обладавшие большей подвижностью, и территориальные.

Для того, чтобы дать читателю общее представление о тех размерах, которых достигала в 1914 году потребность в подвозе для союзных войск, я приведу следующие цифры;

в обыкновенное время, когда боевые действия не достигали большого напряжения, в среднем, для всех армий требовалось в сутки: 80 поездов с продовольствием, 40—с огнестрельными припасами, 32—с инженерным, санитарным и авиационным имуществом, 16—с грузами для железных дорог и 25—с укомплектованиями, что составляло ежедневно 550 паровозов и 30 тыс. вагонов [1]). В период напряженных боевых действий сильно возрастало число поездов с огнестрельными припасами и санитарных.

В общем, французские железные дороги в течение кампании 1914 года удачно выполняли все задачи, которые ставит современная война этому средству сообщения; особенно же хорошо была решена ими маневренная задача, благодаря чему союзные армии и могли оказать такое успешное противодействие неприятельскому наступлению на берегах Марны, в беге к морю и в многодневных боях во Фландрии. Во всех этих оперативных кризисах, во все эти тяжелые моменты напряженной борьбы, железным дорогам принадлежит, наравне со всеми родами войск, и своя доля участия в достигнутых успехах, и своя доля славы в общих победах.

б) У германцев. У германцев вся железнодорожная сеть западного театра военных действий (т.-е. неприятельских областей, занятых германскими войсками) находилась в ведении главного начальника военных сообщений, входившего в состав германской главной квартиры. Для сношений с армиями и местными тыловыми учреждениями, последний имел своих уполномоченных при штабах армий и при армейских этапных инспекциях, объединявших всю этапную службу на тыловых путях. Главному начальнику военных сообщений подчинялись два военно-железнодорожных управления, между которыми были распределены все рельсовые пути театра военных действий; для непосредственного же заведывания перевозками, на железнодорожных линиях находились линейные комендантуры.

Вопрос об использовании железнодорожной сети во Франции и Бельгии являлся для немцев более сложным и трудным, чем для их противников, потому что, во-первых, им приходилось иметь дело преимущественно с железными дорогами, разрушенными неприятелем при отступлении, а потому и требовавшими не мало времени и средств для своего восстановления; во-вторых, эти пути, пролегая по

[1]) Удовлетворение огромной потребности в подвижном составе было до известной степени облегчено тем обстоятельством, что французам удалось в августе эвакуировать из Бельгии почти весь подвижной состав бельгийских железных дорог.

неприятельской территории с населением, враждебно настроенным к германским войскам (особенно в пределах Бельгии), требовали значительного расхода войск для охраны [1]); и, в третьих, вследствие эвакуации противником почти всего подвижного состава бельгийских и французских железных дорог из занятых немцами областей, последним приходилось перегонять на эти железные дороги свой подвижной состав из пределов Германии.

Железнодорожные пути, которыми пользовались германские армии во время своего наступления к Марне, могут быть подразделены, в отношении их технического состояния и провозоспособности, на две группы: железные дороги восточной Бельгии и железные дороги более южных районов. Первая группа подверглась сравнительно меньшим разрушениям со стороны противника, главным образом вследствие быстрого наступления германского правого фланга, вторая же группа оказалась поврежденной более серьезно, как вследствие более медленного наступления здесь германцев, так и пересечения этих путей столь значительной водной преградой, как р. Маас, железнодорожные мосты на которой были почти везде разрушены. Вообще же, все железные дороги в тылу германских армий обладали слабой провозоспособностью, в виду невозможности в короткое время восстановить их разрушенное техническое оборудование (телеграф, телефон, сигнализацию, водоснабжение, паровозные депо, платформы для посадки и высадки и т. п.).

К началу сражения на Марне германские армии имели нижеследующие этапные железнодорожные линии:

I-я армия: Ахен—Льеж—Брюссель—Валансьен—Камбрэ—Сен-Кентен и далее в направлении на Нуайон;

II-я армия: Ахен—Льеж—Намюр—Шарлеруа—Фурмье;

III-я армия: Мальмеди—Комблен—Льеж—Намюр—Шарлеруа—Мариенбург и далее узкоколейная дорога в направлении на Рокруа, к железнодорожной линии Гирсон—Мезьер;

IV-я армия: Трир—Люксембург—Арлон—Либрамон и далее узкоколейная дорога в направлении на Седан;

V-я армия: Диденгофен—Люксембург—Монмеди.

Из этого видно, что в Льеже скрещивались этапные линии трех правофланговых армий, что вызывалось разрушением моста через Маас у Намюра и, конечно, сильно затрудняло движение, в виду недостаточного развития

---

[1]) В I-м томе, на стр. 156-й, мною указаны те войска, которые, к началу военных действий, были назначены в армии для службы на тыловых путях; по мере продвижения германцев в глубь неприятельской территории, число этих войск постепенно увеличивалось. Так, для охраны тыловых сообщений I-й армии уже перед сражением у Монса, в виду враждебных выступлений местного населения, потребовалось 20 батальонов и 4 эскадрона.

железнодорожной станции в Льеже. В наилучших условиях находились тыловые сообщения I-й армии, которая пользовалась сплошным рельсовым путем до Сен-Кентена, доведенным к 9 сентября даже до Компьена. Гораздо трудней было положение армий, наступавших между Самброй и Маасом. Так, II-я армия, по достижении южного берега Марны, оказалась в 150 кил. от своих конечных железнодорожных станций Фурмье и Анор (в 4 кил. к юго-востоку от Фурмье); подобно этому, в невыгодном положении оказалась и III-я армия, в виду очень слабой провозоспособности узколейной дороги, проложенной от Мариенбурга на юг. В несколько лучшем положении находились, IV-я и V-я армии, имевшие широкую колею. Вследствие большого разрушения железных дорог южной группы положения центральных армий было, вообще, более тяжелым. Тем не менее, при наступлении к Марне войска не испытывали ни в чем недостатка; лишь одна армейская конница, в виду своего значительного удаления от конечных железнодорожных станций, испытывала недостаток в зерновом фураже. Вообще же, состояние тыловых сообщений не оказывало в это время замедляющего влияния на ход операций.

Восстановление движения на различных участках перечисленных выше железных дорог происходило с достаточной быстротой. Так например, на железнодорожной этапной линии I-й армии оно было восстановлено: до Монса—29-го, до Валансьена—30-го, до Камбрэ—31 августа, до Перона—3-го, до Сен-Кентена—4-го, до Нуайона—8-го и до Компьена—9 сентября. I-я армия, во время своего наступления к Марне, никогда не находилась далее 75 кил. от своей головной железнодорожной станции. Однако, линия Диденгофен—Либрамон—Намюр, важнейшая для переброски вдоль фронта, была восстановлена для сквозного движения значительно позже, потому что железнодорожный мост у Намюра был закончен лишь к 30 сентября. Поэтому, когда в первых числах этого месяца потребовались крупные перевозки из VI-й и VII-й армий к правому флангу, приходилось производить их, в виду различных затрудней, бессистемно. Для этих перевозок пришлось пользоваться сквозной линией по весьма кружному направлению: Трир—Герольштейн—Ахен—Льеж—Лювен—Брюссель—Монс—Камбрэ—Сен-Кентен. Частично пользовались и упомянутой выше двухколейной линией Диденгофен—Либрамон до разрушенного моста у Намюра, откуда войска должны были следовать далее походным порядком.

Для восстановления разрушенных железных дорог, а также постройки и эксплоатации узкоколейных, у германцев имелись железнодорожные войска, в составе 105 рот, подчиненные главному начальнику военных сообщений.

Вследствие всех указанных мною выше затруднений тыл германских армий, до отступления их к р. Эну, был недостаточно устроен и требовал еще большой работы для того, чтобы иметь возможность удовлетворять постепенно возраставшие потребности в подвозе. До сражения на Эне это слабое оборудование тыла мало отражалось на ходе боевых операций, главным образом потому, что германские войска еще находили в неразоренных неприятельских областях необходимые им местные средства, а вопрос о подвозе боевого снабжения еще не стоял так остро, как в последующие месяцы кампании. К тому же, обстановку на театре военных действий до первых чисел сентября не требовала массовой переброски войск вдоль фронта, представляющей собой одну из труднейших задач для современного тыла, особенно в неприятельской стране. Но уже с началом бега к морю все эти условия резко изменились в неблагоприятную для немцев сторону; в особенности же трудным оказалось их положение в отношении переброски своих войск в сентябре и октябре за р. Уазу и во Фландрию, чем и следует объяснить то обстоятельство, что ни разу в течение этих операций немцам не удалось настолько предупредить противника в развертывании своих войск на новом фронте, чтобы приобрести какие-либо существенные выгоды для решающего маневра на неприятельском фланге.

Кризис боевого снабжения.

В ряду различных видов снабжения, которые были необходимы для существования и боевой службы вооруженных сил обеих сторон в кампанию 1914 года, одно лишь боевое снабжение войск, в виду особых условий, встретило значительные затруднения и, вследствие этого, вызвало со стороны главного командования обоих противников чрезвычайные меры для своей правильной постановки. Возможность для воюющих использовать еще имевшиеся в пределах театра военных действий запасы предметов небоевого назначения (продовольствия, обмундирования, санитарного имущества и т. п.) облегчала в известной степени разрешение общих вопросов снабжения, в зависимости от передвижения войск и транспортных возможностей данного момента. Но вопрос о снабжении полевых армий предметами боевого назначения, т.-е. оружием и огнестрельными припасами, уже вскоре после начала военный действий неожиданно принял для обеих сторон неблагоприятный и даже тревожный характер.

В начале этой главы я уже говорил о том, что ни одно из государств, принимавших участие в войне, не предусмотрело ни затяжного характера этой борьбы, ни огромного расхода боевых припасов в современных сражениях, а по-

тому обе стороны оказались недостаточно обеспеченными боевым снабжением, даже для этой одной кампании.

Уже во время преследования немцев к р. Эну, у французов обнаружилось полное истощение боевых припасов: в боях на Марне французские батареи израсходовали свои последние запасы снарядов и в течение 12-го и 13 сентября многие из них уже не могли получить пополнения. Следует ли удивляться этому, если принять во внимание, что боевой мобилизационный комплект во французской легкой артиллерии составлял всего лишь 1.700 патронов на пушку, тогда как уже в августовских боях расход этих патронов доходили иногда до 1.000 в день на орудие! Вследствие этого, преследование противника после Марны не могло вестись с необходимой энергией. В конце сентября, с целью сбережения огнестрельных припасов для более крупных боевых столкновений, французская главная квартира установила на пушку комплект в 300 выстрелов (включая сюда и запасы корпусных и армейских парков); кроме того, с той же целью было приказано по возможности ограничиваться отражением неприятельских атак, а наступление производить только с разрешения главного командования. Для наблюдения за выполнением этих мер и для учета огнестрельных припасов, в каждую армию был назначен особый офицер из состава главной квартиры. В октябре некоторые армии, стоявшие на спокойных участках (напр. 6-я), были еще более ограничены в размерах боевого комплекта для легкой артиллерии, а именно, до 100 патронов на пушку. Максимальный же размер боевого комплекта был установлен в 500 выстрелов (из них 250 находились в распоряжении главного командования).

У англичан недостаток огнестрельных припасов обнаружился с первого дня сражения на р. Эне; запасы, доставлявшиеся из Англии, покрывали не свыше половины действительной потребности, а с октября они стали еще меньше, вследствие отправления крупных партий боевого снабжения в Дарданеллы.

Что касается немцев, то хотя уже в сражении на р. Эне германское командование признало необходимым потребовать от войск бережливого расхода огнестрельных припасов, о чем неоднократно подтверждалось и в течение последующих операций 1914 года, тем не менее кризис боевого снабжения в германских армиях далеко не имел такого катастрофического характера, какой он принял в союзных армиях в последние два месяца кампании. Кроме того, этот кризис ограничивался у немцев недостатком снарядов и ручного оружия, тогда как у союзников он распространялся почти на все виды боевого снабжения. Все это, мне кажется, может быть объяснено тем обстоятельством, что англо-фран-

цузские войска, в противоположность своему противнику, понесли крупные потери в предметах боевого снабжения в неудачных боях и отступлениях до сражения на Марне.

Вследствие изложенных мною выше явлений, уже в течение сентября и октября воюющие начали принимать ряд мер для увеличения производства своих государственных заводов и для привлечения к выделке предметов боевого снабжения частных предпринимателей, что и положило начало так называемой мобилизации промышленности, получившей, однако, свое полное развитие лишь в последующие годы. Во Франции военный министр Мильеран созвал 20 сентября в Бордо крупнейших представителей металлургической промышленности и, образовавши перед ними создавшееся положение, предложил им немедленно организовать производство боевого снабжения и в первую очередь—изготовление патронов для легкой пушки. Несколько позже в Англии было образовано особое министерство снабжения, объединившее в себе все мероприятия по обеспечению боевым снаряжением английских вооруженных сил. Не столь резко был совершен переход к новому порядку производства в Германии, благодаря тому, что уже с первых дней войны там были приняты некоторые меры для увеличения рабочей силы в военной промышленности (так, напр., сверхурочные работы, привлечение на заводы женщин и малолетних, установление работы ночью и в праздничные дни и др.), что, конечно, должно было повлиять благоприятно на продуктивность государственных заводов и давало возможность постепенно привлекать к этому делу частную промышленность, не ломая общей системы снабжения, установленной в мирное время. Что же дали все эти меры для боевого снабжения французских и германских армий до окончания кампании 1914 года?

Французы, начиная войну, рассчитывали, что ежедневное изготовление 14 тыс. снарядов для легкой пушки покроет боевую потребность их артиллерии и что производство в таком именно размере не трудно будет установить на казенных заводах. Между тем, в начале сентября это производство упало до 7 тыс. снарядов в день, вследствие занятия противником некоторых городов, где находились казенные мастерские; первые же сражения обнаружили столь значительный расход огнестрельных припасов, что не могло быть никакого сомнения в недостаточности даже первоначальных расчетов. Поэтому, 17 сентября французское главное командование потребовало от военного министерства увеличения производства, по крайней мере, до 40 тыс. в день, а после сражения на р. Эне эта норма была значительно повышена—до 100 тыс. снарядов. Тем не менее, до окончания кампании не удалось даже и приблизиться к этим циф-

рам: за четыре месяца, с августа по ноябрь, общее количество вновь изготовленных снарядов для легкой пушки достигло всего лишь 2 035 тыс., т.-е. немногим превзошло расчеты, составленные еще в мирное время. Таким образом, в этом важнейшем вопросе боевого снабжения мобилизация промышленности не дала пока французам никакого благоприятного результата.

У немцев, по мобилизационному плану мирного времени, ежемесячный расход огнестрельных припасов для всех армий был предусмотрен в следующем размере: для легкой пушки—200 тыс. снарядов, для легкой гаубицы—70 тыс., для тяжелой гаубицы—60 тыс. и для 21-сант. мортиры—12½ тыс.; однако, уже ко времени отступления германских армий к р. Эну эта норма снабжения, особенно для легкой пушки, оказалась далеко недостаточной, что вынудило военное министерство принять ряд решительных мер для усиления производства с привлечением частных заводов. С октября 1914 года ежемесячная норма изготовления снарядов была повышена до 460 тыс. для легкой пушки и 310 тыс. для легкой гаубицы, но и это еще не решало вопроса, в виду происходивших в это время напряженных боев во Фландрии. Лишь к концу декабря, т.-е. к концу кампании, указанные выше цифры удалось довести соответственно до 1.250 тыс. и 360 тыс.

В отношении снабжения орудиями легкой артиллерии французы находились в первые дни войны в сравнительно благоприятном положении, имея на 700 орудий больше, чем требовалось для формирования полевых армий; в виду этого, первоначально не предполагалось изготовлять легких пушек в военное время. Но так как в августовских и сентябрьских боях потери в артиллерийских орудиях оказались весьма значительными, то в скором времени весь запас легких пушек был израсходован, и таковых уже не хватало для новых формирований. В конце сентября частным заводам Крезо и Сен-Шомон было заказано каждому по 20 легких пушечных батарей, что, однако, не могло быть выполнено до конца года, почему единственным пополнением, поступившим в этот период времени на фронт, было лишь около сотни легких пушек, к изготовлению которых приступили еще значительно раньше. Несмотря на то, что в первых же боях выяснилось важное значение тяжелой артиллерии, которой почти совсем не было во французских армиях, изготовление тяжелых орудий и огнестрельных к ним припасов, вследствие различных технических затруднений, не могло быть налажено в течение этой кампании (до конца года было изготовлено лишь 60 орудий калибра 10,5 сант.); это обстоятельство вынудило французов к использованию в полевых армиях некоторых круп-

ных калибров, взятых из крепостей и других укрепленных пунктов.

Немцы, ведя, преимущественно, победоносные бои, почти совсем не теряли орудий; кроме того, к началу военных действий артиллерийский резерв в Германии состоял из 67 легких батарей и 17 батарей легких гаубиц. Вследствие этого, явилась возможность ограничиться изготовлением небольшого числа новых орудий: в первые 2—3 месяца войны—не свыше 15, а к концу года—до 100 орудий в месяц. Изготовление тяжелых орудий было налажено лишь к началу 1915 года, за всю же кампанию 1914 года таковых было изготовлено не более 20. При огромном превосходстве германцев над своим противником в тяжелой артиллерии, столь незначительное производство в этом виде боевого снабжения не могло иметь для немцев никаких неблагоприятных последствий.

Вскоре после сражения на Марне обе стороны стали испытывать острую нужду в ручном оружии, вследствие больших потерь, понесенных ими в первых сражениях и слабого производства государственных заводов. У французов к ноябрю 1914 года все запасы винтовок были израсходованы, а изготовление новых еще не удалось организовать к этому времени. У немцев, несмотря на то, что явилась возможность использовать большое количество неприятельских винтовок, захваченных как в сражении под Танненбергом, так и в боях на французском фронте, все же трудно было вооружать новые формирования и нередко приходилось отправлять на фронт пополнения невооруженными, в расчете снабдить их винтовками, собранными в госпиталях.

В виду того, что государственные заводы Германии не могли удовлетворить быстро возраставшей потребности в ручном оружии, пришлось оборудовать два новых завода и, кроме того, раздать частным мастерским изготовление отдельных частей винтовки, сборка которых производилась на казенных заводах.

Ни у французов, ни у немцев не имелось пулеметных запасов, если не считать небольшого количества пулеметов, находившихся при запасных частях для обучения пополнений, а также в крепостях. Под давлением необходимости пришлось отправлять на фронт и те, и другие. Немцам удалось к концу боевых операций 1914 года установить к концу боевых операций 1914 года установить у себя производство этого оружия, в размере до 200 пулеметов в месяц, французам же—около 150. Понятно, столь незначительное число пулеметов, к тому же доставленных на фронт с таким запозданием, ни в какой мере не способствовало разрешению этого вопроса, особенно во французских ар-

миях, где потери в оружии были значительно больше, чем у германцев.

Единственным предметом боевого снабжения, в котором ни один из противников не испытывал недостатка, являлись ружейные (пулеметные) патроны, потому что запасы, предусмотренные в мирное время, оказались достаточно значительными (у немцев—немного больше миллиарда, у французов—1.300 мил. [1]), и, кроме того, производство новых патронов было организовано своевременно и удачно (у французов к концу октября изготовлялось по $3^1/_2$ мил. патронов в день).

Итак, мобилизация промышленности не дала обеим сторонам ничего существенного для выхода из создавшегося положения, почему следует признать, что вся кампания 1914 года была проведена обоими противниками, главным образом, на мобилизационных запасах, заготовленных перед войной. Это обстоятельство дает нам право сделать следующие выводы: во-первых, что ни одна из воевавших сторон не была подготовлена к переводу своей промышленности на военное положение немедленно же с объявлением войны; и, во-вторых, что, для того, чтобы избежать в будущей войне тех затруднений в боевом снабжении, которые с таким трудом удалось преодолеть даже наиболее сильным в экономическом отношении державам, необходимо уже в мирное время подготовить мобилизацию промышленности в стране, т.-е. создать условия для быстрого увеличения производства соответственно масштабу военного времени. В настоящее время во всех странах, имеющих основание опасаться быть вовлеченными в войну в ближайшем будущем, вопрос о мобилизации промышленности привлекает к себе внимание различных отраслей государственного управления, вырабатывающих ряд мер для правильной постановки этого вопроса. Но, конечно, это далеко не обеспечивает устранение в будущем всех тех затруднений, с которыми встретились воевавшие в минувшую мировую войну. Каждая новая война начинается и ведется в обстановке столь непохожей на обстановку предыдущих и создает такие неожиданности во всех областях народной жизни, что предусмотреть их нет никакой возможности. Неоднократно делались попытки, даже со стороны выдающихся умов, давать прогноз будущих военных столкновений, но эти попытки не приводили ни к каким полезным результатам, оставляя вопрос в области общих и неясных предположений. И каждая новая вооруженная борьба обыкновенно возникала совершенно неожиданно и

[1]) Французами предполагалось, что этого запаса хватит на два месяца войны, при максимальном расходе в 30 мил. в день; однако, расход оказался меньше предположенного.

шла новыми, еще неизведанными путями, озадачивая людей и заставляя их метаться в поисках необходимых решений. Но следует ли из этого, что никакая подготовка к войне в экономическом отношении не нужна? Конечно, она необходима, но в поисках наиболее надежного решения этого вопроса все же необходимо признать, что лучшей подготовкой в этом отношении должно быть не столько составление различных планов и расчетов, большинство которых не оправдывается в действительности, сколько вообще, создание в стране мощной промышленности, обладающей наибольшей гибкостью производства и располагающей наибольшими запасами сырья и технических сил.

Крепости в их современном значении.

В совершенно новом, во многом неожиданном для нас, освещении представляется нам в кампании 1914 года вопрос о стратегическом значении крепостей. Еще задолго до войны, принимая ряд мер по усилению и усовершенствованию крепостной обороны, во Франции и Бельгии были уверены, что крепостная война, опирающаяся или на отдельные крепости, или на сопротивление крепостных фронтов, должна будет принять широкие размеры и приобретет крупное значение в боевых операциях. Действительность, однако, не оправдала этих предположений, и крепостная война не получила того развития, которого так ожидали творцы и строители бельгийских и восточных французских крепостей. Наоборот, война на Западе обнаружила два неожиданных обстоятельства: во-первых, возможность для наступающего, без большого ущерба для своего стратегического положения, обходить не только отдельные крепости и форты, но и целые линии крепостей, оставляя их под своим наблюдением; и, во-вторых, подавляющее превосходство современных артиллерийских средств атаки над оборонительной силой крепостей, приводившее к небывало быстрому падению последних.

Первое объясняется, главным образом, огромным протяжением стратегических фронтов, на которых развертываются и наступают современные массовые армии. Эти фронты так обширны, эти массы так велики, что ни отдельная крепость, ни даже система нескольких крепостей не в состоянии задержать этого могучего движения милионных полчиш; эти массы обходят их, нисколько не нарушая этим цельности своего наступательного плана и не подвергая даже большой опасности свои тыловые сообщения, потому что эти огромные армии, охватывающие своими боевыми действиями целые государства, обладают очень широким тылом и большим числом ведущих к нему путей. Как известно, немцы обошли с севера линию восточных крепостей Франции, оставивши против нее небольшой заслон, который с тече-

нием времени постепенно ослаблялся и сохранял до окончания войны преимущественно пассивный характер. Подобное явление, конечно, будет повторяться и впредь, потому что ни одно государство не в состоянии отгородиться от своих соседей такой стеной укрепленных пунктов, которую нельзя было бы обойти, заключивши союз с какой-либо соседней державой или нарушивши ее нейтралитет. Это особенно вероятно и возможно в коалиционных войсках, в переживаемую нами эпоху, которая, повидимому, будет периодом вооруженной борьбы не отдельных народов друг с другом, а сложных государственных группировок, объединенных широкими общими интересами национального, экономического и политического характера. Такое соединенное выступление вооруженных сил нескольких государств, особенно в том случае, если территории последних занимают смежное расположение, неизбежно нарушает систему обороны каждого из союзников, предусмотренную созданием крепостей и оборонительных линий; потому что, создавая эту оборону, при наличности тех или других международных условий, ни одно государство не имеет возможности предусмотреть той политической обстановки, которая сложится к моменту борьбы. Мог ли Бриальмон, проектируя свой план крепостной обороны Бельгии и создавая Антверпен и маасские укрепления, предвидеть те условия, в которых пришлось его соотечественникам вести мировую войну? Могли ли французы предусмотреть события 1914 года в то время, когда они наглухо заколачивали свои восточные ворота, ведущие в Германию? И потому-то, система крепостной обороны каждого из этих государств, приноровленная к определенным политическим условиям и к борьбе с определенным противником, утратила крупную долю своего стратегического значения при новой неожиданной обстановке.

Я не имею в виду отрицать того, что в современной войне укрепленным пунктам принадлежит известное оперативное значение; несомненно, что и крепости Франции, и крепости Бельгии сыграли какую-то роль в общей борьбе с германским наступлением: они кое-кого задержали, в одном месте отвлекли на себя некоторое количество неприятельских войск, в другом вынудили противника изменить направление своего движения. Но вопрос о современной стратегической роли крепостей ставится мною отнюдь не в том смысле—имеют ли крепости вообще какое-либо оперативное значение в настоящее время, а несколько иначе: окупаются ли те колоссальные денежные расходы, те силы и средства, которые затрачиваются государством на постройку и вооружение, на последовательное усовершенствование и в нужный момент на оборону укрепленных пунктов, теми выго-

дами и преимуществами, которые предоставляют обороняющемуся в современной войне эти, заблаговременно создаваемые укрепления? Не является ли более целесообразным использование этих сил и средств на увеличение численности и на улучшение боевой подготовки полевой армии? Не выиграла ли бы Франция, если бы те средства, которые она затратила на укрепление своей восточной границы, были употреблены на усиление и боевое усовершенствование ее полевых войск и развитие железнодорожной сети, с целью предупредить наступление германцев и внести войну в неприятельские пределы? Возможно, что это избавило бы ее от разорения, причиненного ей вторжением противника, от которого все же не могла спасти ее даже могучая стена ее восточных крепостей. Быть может, скажут, что одно не исключает другого: что государству нужна и хорошая армия, нужны и сильные крепости; между тем, действительность показывает нам, что ни одна страна не в состоянии вынести тяжести расходов, связанных с одновременным выполнением и той, и другой задачи.

Помимо всего этого, широкое развитие крепостных взглядов в области идей, относящихся к государственной обороне, кладет свой отпечаток на общий характер ведения войны в данное время. При исследовании боевых действий в Бельгии я уже говорил о том, что на всей системе бельгийской государственной обороны и на всей совокупности стратегических приемов бельгийской армии ярко отражалось это преобладание крепостных настроений. Вопреки требованиям военно-политической обстановки, бельгийцы, вместо того, чтобы с первых же дней войны, в тесном единении со своими союзниками, принять участие в маневренных операциях в поле, приступили к самостоятельной обороне своей территории, защищая свою страну, как крепость, расположенную на фланге неприятельской операционной линии. Мы знаем, что действительность покарала их за это: крепости не только не спасли их, но они же, главным образом, привели бельгийскую армию к тому критическому положению, из которого ее вывело лишь крайнее напряжение сил ее союзников в боях на р. Изере и у Ипра.

Падение крепости, как всякое проигранное сражение, естественно, производит некоторое видоизменение в стратегической обстановке, большее или меньшее, в зависимости от размеров, оборонительной силы, величины гарнизона и географического положения укрепленного пункта. Последнее условие является, обыкновенно, важнейшим, сильнее других влияющим на оперативную роль крепостей, почему нередко бывает, что укрепленный пункт, менее значительный по силе своих верков и численности своего гарнизона, вследствие благоприятного своего стратегического положе-

ния (в узле железных дорог, у важной переправы через реку, в горном проходе и т. п.), приобретает несравненно большее значение, чем другие, хотя и более обширные укрепленные пункты, но расположенные менее удачно. Так, например, падение Льежа имело для обеих сторон гораздо большее стратегическое значение, чем падение Антверпена, потому что оно вызывало более глубокие изменения в относительном положении противников и было теснее связано с ходом главных боевых операций.

До сих пор я касался лишь стратегических факторов, влияющих на оперативную роль крепостей, но последняя, как всякая вообще оперативная деятельность, находится также в тесной зависимости и от факторов тактических. Все атакованные в эту войну немцами бельгийские и французские укрепленные пункты пали с поразительной быстротой; при разборе боевых действий под Антверпеном я указал на причины быстрой сдачи этой крепости: а именно, на огромное превосходство артиллерийского огня над силой сопротивления современных фортификационных сооружений, на особенности устройства фортовой линии и на широкое применение атакующим приемов полевого боя. В общем, те же обстоятельства привели к падению и французские укрепленные пункты, хотя слабое развитие фортовых промежутков было выражено у них и менее резко. Подавляющее превосходство современного артиллерийского огня дало возможность в эту войну осуществить в полной мере старую идею ускоренной атаки крепостей, не находившую до сих пор применения в крепостной войне, вследствие недостаточной силы артиллерийского нападения. Только теперь, при наличности этих могущественных орудий, не встречающих никаких препятствий для своего разрушительного действия, только теперь оказалось возможным избежать медлительных и трудных приемов постепенной атаки и свести борьбу под крепостью к двум решительным актам: к быстрому уничтожению артиллерийским огнем всех мертвых преград, с моральным потрясением находящейся за ними живой силы противника, и к штурму пехотных масс на широком фронте, для одновременного овладения большими участками разрушенной крепостной позиции.

Боевые действия под крепостями в эту войну отличались большой скоротечностью. Замечательно то, что в то время, когда новейшие условия привели к значительному увеличению продолжительности боевых столкновений в поле, крепостные бои сделались менее длительными. В прежнее время армия наступающей стороны, имевшая некоторое превосходство над противником в материальных и моральных силах, обыкновенно быстро продвигалась в полевых операциях, разыгрывая бои в течение 1—2 дней, а иногда

даже в течение нескольких часов; но зато, остановленная на пути своего наступления крепостью, она надолго задерживалась перед нею. В настоящее же время крепости, а тем более отдельные укрепления, не только не останавливают общего движения массовых армий, но даже не задерживают на продолжительное время тех отрядов, которые назначены для непосредственных против них действий. Столкновение же этих масс в открытом поле, в большинстве случаев, приводит к продолжительной остановке обеих сторон, а на некоторых участках фронта—даже к полному прекращению наступления.

Это новое, противоположное прежнему, соотношение в длительности крепостного и полевого боя является раньше всего результатом того обстоятельства, что действительность современного артиллерийского огня несравненно в большей степени возросла для целей неподвижных, обширных, легко наблюдаемых, подверженных перекрестному сосредоточенному обстрелу (каковые встречаются, главным образом, в условиях крепостной войны), чем для подвижных, трудноуловимых, плохо наблюдаемых целей полевого боя. Как бы искусно ни были применены к местности крепостные сооружения, но так как расположение укрепленных пунктов, построенных в мирное время, всегда более или менее известно противнику, то для последнего не представляет больших затруднений сосредоточить против атакуемых укреплений превосходные силы своих осадных батарей; для этого требуются только два условия: наличность сильной артиллерии и разобщение атакуемой крепости от своей полевой армии. Современная война убеждает нас в том, что если эти условия существуют, то атакованная крепость становится легкой добычей противника.

Вот это последнее и придает в настоящее время особенное значение для атакованного укрепленного пункта поддержанию прочной тактической связи со своей полевой армией. Опыт мировой войны показывает, что если крепость не потеряла этой связи, если она ведет оборону не в качестве изолированного пункта, доступного неприятельской атаке со всех сторон, а как участок в общей оборонительной линии фронта, то она способна к весьма упорному и продолжительному сопротивлению. Пример Вердена служит лучшим доказательством этого. Верден ни разу за всю войну не был атакован собственно, как крепость, неизменно сохраняя теснейшую связь с полевыми войсками, располагавшимися по сторонам его, а потому ни разу атакующий не имел возможности создать для себя тех благоприятных условий, которые необходимы были для того, чтобы использовать в борьбе с крепостью все свое артиллерийское превосходство. Конечно, сохраняя тактическую связь с полевой

армией, составляя своими укреплениями лишь один из более сильных участков общего фронта полевых укрепленных позиций, крепость уже не выполняет в полной мере той, издавна установленной для нее инженерным искусством, классической роли, для которой собственно и создавались до сих пор долговременные укрепления.

Из всего сказанного здесь о стратегическом значении крепостей, мы должны придти к выводу, что эти три типичные их особенности,—их малая задерживающая сила для нынешних широких фронтов наступления, слабая сопротивляемость артиллерийской атаке и стремление к сохранению тактической связи с полевой армией,—неизбежно должны повлиять в ближайшем будущем на характер крепостного строительства и на всю, подготовляемую еще в мирное время, систему обороны государств в инженерном отношении. Необходимо эти вопросы привести в большее соответствие с состоянием новейших боевых средств и современными стратегическими условиями, для того, чтобы результаты боевых действий под крепостями могли оправдать те крупные расходы и те тяжелые жертвы, которые несут народы в продолжение многих лет глубокого мира для достижения будущих целей войны.

Основные положения военного искусства в освещении опыта кампании 1914 года.

В заключение всего своего сочинения я хочу высказать несколько принципиальных соображений, которые хотя и могут вызвать возражения со стороны некоторых моих читателей, но которые представляются мне настолько неоспоримыми и логически вытекающими из всех военных явлений кампании 1914 года, что обойти их молчанием кажется мне совершенно невозможным. Я считаю, что, несмотря на многие частные изменения, внесенные в область военного дела боевым опытом этой кампании, основные положения военного искусства все же остаются непоколебленными. Общий смысл и принципиальное значение главных элементов и важнейших факторов стратегической и тактической деятельности войск являются и в новых условиях войны ненарушенными и неизменными. Относительное значение различных родов войск, соотношение между огнестрельным и холодным оружием, влияние численности на успех боевых столкновений, значение морального элемента, роль огня в ряду других средств поражения, влияние технических усовершенствований на ведение войны и боя, принцип сосредоточения сил на решительном пункте в решительную минуту (так называемый принцип частной победы), роль резервов, свойства операционных линий, значение флангов, влияние укрепленных позиций на ведение полевого боя, важность тыловых сообщений, роль инициа-

тивы в боевых операциях, значение маневра и другие принципиальные положения и понятия, из которых сложен остов стратегии и тактики,—нашли себе блестящее подтверждение в богатом, разностороннем боевом опыте этих первых месяцев великой войны. И даже те из них, которые по своему внешнему значению сделались более заметными, более влиятельными факторами в общем ходе современных боевых явлений, как, например, влияние техники, роль огня (особенно артиллерийского), значение укрепленных позиций,—все эти факторы обнаружили свою крупную ценность в тактическом и оперативном отношении еще задолго до наших дней, в операциях южно-африканской и манчжурской войн. Следовательно, даже в этих случаях мы имеем дело лишь с последовательной эволюцией определенных военных явлений, почему говорить о каком-либо перевороте в области военного искусства, вызванном новейшими условиями вооруженной борьбы, конечно, невозможно.

Тем не менее, в способах применения к делу этих теоретических положений, в методах использования тех или иных свойств стратегических и тактических факторов, новые условия войны, несомненно, внесли много частных изменений, обусловливающих собой и несколько иную внешнюю форму современных боевых операций и современных боев. Особенное влияние в этом отношении оказали военно-технические усовершенствования, достигшие в этой войне значительного прогресса и, вследствие этого, способствовавшие созданию некоторых новых тактических и оперативных приемов в боевой деятельности войск.

Однако, признавая за военной техникой столь существенное значение, я далек от мысли считать ее важнейшим, преобладающим фактором современного военного дела, как это принято, к сожалению, новейшими взглядами. И те военные события, которые нами изучены, те маневренные операции, которые так широко, так ярко и бурно развернулись в 1914 году на полях Бельгии и Франции, лучше всего доказывают нам, что в решении всех важнейших, основных вопросов войны и боя, как в наше время, так и во все времена, техническим средствам принадлежит второстепенная и вспомогательная роль; эти события показывают нам в необыкновенно ярком освещении все могущественное значение наступательного порыва, инициативы и моральных сил, воплотившихся в этих маршах-маневрах, наступлениях и отступлениях, в этих упорных, напряженных боях, в которых обе стороны оспаривали друг у друга не первенство в техническом снабжении своих армий, а превосходство в силе и величии народной души. Правда, техническим усовершенствованиям суждено было получить широкое применение в последующем позиционном периоде войны, но

все же, несмотря на всю свою материальную силу, они не были в состоянии преодолеть могучей инерции, сковавшей, в то время боевую деятельность обеих сторон. И те вопросы, которые не могла решить маневренная война с ее оперативным творчеством, активной боевой деятельностью и крайним напряжением энергии противников, не разрешила и война позиционная со всем своим материальным могуществом. Эти вопросы уже пришлось разрешать значительно позже новым факторам совершенно другого порядка, зародившимся и выросшим уже не в области стратегических и тактических явлений, а на почве социально-политических потрясений, явившихся результатом страданий и бедствий, принесенных с собой народным массам этой продолжительной и упорной борьбой. Но в конце 1914 года суровый лик современной войны еще не выявил себя с достаточной ясностью для обоих противников, и поэтому каждый из них, еще полный веры в свои материальные и моральные силы, еще полный надежд на грядущее торжество своего дела, смело шел навстречу неведомому будущему. И в праве ли мы осуждать их за эту самонадеянность и за этот избыток оптимизма? Возможно ли упрекать их за этот недостаток предвидения?

(*Конец II-го тома*).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ,

послуживших для составления настоящего тома.

I. На русском языке.

1. *Германская армия.* Очерк развития сухопутных сил Германии в течение войны и боевой состав армии к 1 апреля 1917 года. Составлен разведывательным отделением штаба главнокомандующего армиями западного фронта. Минск. 1917.
2. *Жозеф Рейнак.* Война на западном фронте (перевод с французского). Петроград. 1916.
3. *В. Ф. Новицкий.* Боевые действия в Бельгии и Франции осенью 1914 года. Москва. 1920.

II. На немецком языке.

1. *Hermann Stegemanns* Gechichte des Krieges. I (до середины сентября 1914 г.). Stuttgart und Berlin. 1918—1919.
2. *То же.* II (до 21 февраля 1915 г.). Stuttgart und Berlin. 1918—1919.
3. *Oberst Immanuel.* 33 Monate Krieg. Volkstümliche Darstellung des Weltkrieges. Berlin. 1917.
4. *A. von Kluk, generaloberst.* Der Marsch auf Paris und die Marneschlacht 1914. Berlin. 1920.
5. *von Bülow.* Mein Bericht zur Marneschlacht. Berlin. 1919.
6. *von Kuhl.* Der Marnefeldzug 1914. Berlin. 1921.
7. *von Hausen.* Erinnerungen an den Marnefeldzug 1914. Leipzig. 1922.
8. *von Tappen.* Bis zur Marne 1914. Beiträge zur Beurteilung der Kriegsführung bis zum Abschluss der Marneschlacht. Berlin. 1920.
9. *Foerster, W.* Graf Schliffen und der Weltkrieg. Erster Teil. Die deutsche Westoffensive 1914 bis zur Marneschlacht. Berlin. 1921.
10. *von Zwehl.* Maubeuge, Aisne, Verdun. Das VII. Reserve-korps im Weltkriege von seinem Beginn bis Ende 1916. Berlin. 1921.
11. *von Kuhl.* Der deutsche Generalstab in Vorbereitung und Durchführung des Weltkrieges. Berlin. 1920.
12. *von Poseck.* Die deutsche Kavallerie in Belgien und Frankreich 1914. Berlin. 1922.
13. *Baumgarten-Crusius, H.* Deutsche Heerführung im Marnefeldzug 1914. Berlin. 1921.
14. *Müller-Loebnitz, W.* Der Wendepunkt des Weltkrieges. Beiträge zur Marneschlacht am 5 bis 8 September 1914. Berlin. 1921.
15. *Bauer.* Der grosse Krieg in Feld und Heimat. Tübingen. 1922.
16. *Kretschmann, major.* Die Wiederherstellung der Eisenbahnen auf dem westlichen Kriegschauplatz. Berlin. 1922.

17. *Generaloberst Hellmuth von Moltke.* Erinnerungen, Briefe, Documente (1877—1916). Ein Bild vom Kriegsausbruch erster Kriegsführung und Persönlichkeit des ersten militärischen Führer des Krieges. Herausgegeben und eingeleiten von Elïza von Moltke. Stuttgart. 1922.
18. *Die Schlachten und Gefechten* des grossen Krieges 1914—1918. Quellenwerk nach den amtlichen Bezeichnungen Zusammengestelt vom Grossen Generalstab. Berlin. 1919.
19. *von Gebsatel.* Von Nancy bis zu camp de Romains 1914. Schlachten des Weltkriges 1914—1918. Herausgegeben unter Mitwirkung des Reuchsarhives. Berlin. 1922.
20. *Der Weltkrieg 1914 bis 1918.* Bearbeitet im Reichsarchiv. Die militärischen Operationen zur Lande. Erster Band. Die Grenzschlachten im Westen. Berlin. 1925.
21. *То же.* Dritter Band. Der Marnefeldzug. Von der Sambre zur Marne Berlin. 1926.
22. *То же.* Vierter Band. Der Marnefeldzug. Die Schlacht. Berlin. 1926.
23. *Kronprinz Wilhelm.* Meine Erinnerungen aus Deutschlands Heldenkampf. Berlin. 1923.
24. *Iosef Stürgkh.* In deutschen grossen Hauptquartier. Leipzig. 1921.
25. *M. Schwarte.* Der grosse Krieg 1914—1918 in zehn Bänden. Der deutsche Landkrieg. Erster Teil. Vom Kriegsbeginn bis zum Frühjahr 1915. Leipzig. 1921.
26. *То же.* Die Organisationen der Kriehsführung. Erster Teil. Leipzig. 1921.
27. *E. Bircher.* Die Schlacht am Ourcq. Beiträge zur Erforschung der Schlacht an der Marne. Leipzig. 1922.
28. *Müller-Loebnitz.* Die Sendungs des Oberstleutnants Hentsch am 8—10 September 1914. Auf Grund der Kriegsakten und persönlicher Mitteilungen (Forschungen und Darstellungen aus dem Reichsarchiv. Erstes Heft). Berlin. 1922.
29. *E. von Falkenhayn.* Die Oberste Heeresleitung 1914—1916. Berlin.
30. *W. Beumelburg.* Ipern 1914. Schlachten des Weltkrieges. In Einzeldarstellungen bearbeitet und herausgegeben im Auftrage des Reichsarchivs. Band 10. Berlin. 1925.
31. *Otto Schwink.* Die Schlacht an der Iser und bei Ipern im Herbst 1914. Der grosse Krieg in Einzeldarstellungen. Unter Benutzung amtlicher Quellen herausgegeben im Auftrage des Generalstabes des Feldheeres. Heft 10. Oldenburg. 1918.
32. *von Wrisberg.* Wehr und Waffen 1914—1918. Erinnerungen an die Kriegsjahre im Königlich Preussischen Kriegsministerium. Leipzig. 1922.
33. *Schlachten des Weltkrieges 1914—1918.* Antwerpen 1914. Herausgegeben unter Mitwirkung des Reichsarchivs. Berlin. 1921.

III. На французском языке.

1. *René Puaux.* L'armée anglaise sur le continent (août 1914—août 1915). Paris. 1915.
2. *P. Dauzet.* De Liège à la Marne. Paris. 1917.
3. *La guerre de 1914.* L'action de l'armée belge pour la défense du pays et le respect de sa neutralité. Rapport du commandement de l'armé (period du 31 juillet au 31 decembre 1914). Paris. 1915.
4. *L. Cornet, senateur.* 1914—1915. Histoire de la guerre. T. 1-er (des origines au 10 novembre 1914). Paris. 1915.

5. *Général A. Dubois.* Deux ans de commandement sur le front de France. 1914—1916. Tome I. Paris. 1921.
6. *То же.* Tome II. Paris. 1921.
7. *Lt.-Col. Thomasson.* Le revers de 1914 et ses causes. Paris. 1921.
8. *Général Dupont.* Le haut commandement allemand en 1914. Paris. 1922.
9. *Général Camon.* La genèse du plan de guerre allemand. (Revue militaire française, 1921, №№ 5—6).
10. *Général Clergerie et capit. Delahaye d'Anglemont.* La bataille de la Marne. Le rôle du gouvernement militaire de Paris du 1-er au 12 Septembre 1914. Paris. 1920.
11. *Memoires du général Gallieni.* Défense de Paris. (25 août—11 septembre. 1914). Paris. 1920.
12. *Joffre.* La preparation de la guerre et la conduite des operations. Paris. 1920.
13. *Col. Normand.* Défense de Liége, Namur, Anvers en 1914. Paris 1923.
14. *Le-Henaff et Bornecque.* Les chemins de fer français et la guerre. Paris. 1921.
15. *Général Dubail.* Quatre années de commandement 1914 — 1918. Tome I. Paris. 1920.
16. *Lt.-Col. A. Grouard.* La conduite de la guerre jusqu'à la bataille de la Marne. Paris. 1922.
17. *Général Buat.* L'armée allemande pendant la guerre 1914 — 1918. Paris. 1920.
18. *Boucherie.* Historique du corps de cavalerie Sordet rédigé sous la haute direction du général Sordet. Paris. 1924.
19. *Анонимного автора.* Historique des corps de cavalerie commandés par général Conneau. Paris. 1924.
20. *Boullairge.* Historique du 2-e corps de cavalerie (du 1-er octobre 1914 au 1-er janvier 1919). Paris. 1923.
21. *Général Palat.* La grande guerre sur le front occidental. Tome IV. Les batailles de Lorraine (23 août—13 septembre 1914). Paris. 1919.
22. *То же.* Tome V. La retraite sur la Seine (24 août — 4 septembre 1914). Paris. 1920.
23. *То же.* Tome VI. La victoire de la Marne (5 — 13 septembre 1914). Paris 1921.
24. *То же.* Tome VII. La course à la mer (14 septembre—15 octobre 1914). Paris. 1922.
25. *То же.* Tome VIII. La ruée vers Calais (15 octobre — 13 decembre 1914). Paris. 1922.
26. *Général H. Le Gros.* La genèse de la bataille de la Marne. Paris. 1919.
27. *Général A. Tanant.* La troisième armée dans la bataille. Paris. 1922.
28. *Ministère de la guerre. Etat-Major de l'armée.* Service historique. Les armées françaises dans la grande guerre. Tome premier. Premier volume. Paris. 1922 (к этому том приложений и карты).
29. *G. Hanotaux.* La bataille de la Marne. Vol. I. Paris. 1923.
30. *То же.* Vol. II. Paris. 1923.
31. *Bulletin Belge* des Sciences Militaires, 1921, 1922 и 1923 (les operations de l'armée belge).
32. *Lt.-général de Selliers de Moranville.* Du haut de la tour de Babel. Paris. 1925.

33. *Commandant Henri Carré.* La veritable histoire des taxis de la Marne. (6, 7 et 8 septembre 1914). Paris. 1921.
34. *Général d'Urbal.* Journal des operations de la 8-e armée française dans les Flandres (Revue militaire générale, janvier, 1921).
35. *Les operations franco-britanniques* dans les Flandres. Paris. 1918.
36. *Général de Castelli.* Le 8-e corps en Lorraine, août — octobre 1914 Paris. 1925.
37. *Général Pelicier.* Un raid de cavalerie. Episode de la première bataille de la Marne. Paris. 1921.
38. *Général Deguise.* La défense de la position fortifiée d'Anvers. 20 août—10 octobre 1914. Paris. 1921.
39. *Lt. Col. Reboul.* Mobilisation industrielle. Tome I. Des fabrications de guerre en France de 1914 á 1918. Paris. 1925.
40. *A. Marchand.* Les chemins de fer de l'Est et la guerre de 1914 1918. Paris. 1924.

IV. На английском языке.

1. 1914 by Field Marshal *Viscount of Jpres.* London. 1919.
2. *Ernest W. Hamilton.* The first seven divisions. Being a detailed account of the fighting from Mons to Jpres. London. 1921.
3. *Brigadier-general Edmonds.* Military operations France and Belgium 1914. History of the great war based on official documents, by direction of the historical section, commitee of Jmperial Defence. I. Band. (August—October 1914). London. 1922.
4. *То же.* II Band. (October—November 1914). London. 1925.